

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

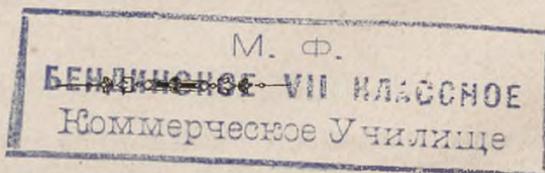
ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 5 и 6.

МАЙ и ІЮНЬ 1892 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1892.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ

объ установленіи форменной одежды для учениковъ городскихъ училищъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 29-й день февраля сего года Высочайше соизволил на установленіе форменной одежды для учениковъ городскихъ училищъ по образцу, указанному въ препровожденномъ въ копіи при предложеніи его сіятельства отъ 19-го марта сего года, за № 5245, Высочайше утвержденномъ описаніи сей одежды.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу.

Копія.

На подлинномъ рукою г. Министра Народнаго Просвѣщенія написано: «Высочайше утверждено. С.-Петербургъ 29-го февраля 1892 года. Графъ Деляновъ».

Описаніе форменной одежды учениковъ городскихъ училищъ.

1. Фуражка (съ козырькомъ) темносиняго сукна, безъ кантовъ и съ знакомъ изъ желтой мѣди на околышѣ съ буквами «Г. У.».

2. Темно-сѣрая блуза гимназическаго покроя изъ любой матеріи, но безъ металлическихъ пуговицъ.

3. Кушакъ кожаный съ гладкой пряжкой изъ желтой мѣди.

Въ лѣтнее время предоставляется ученикамъ право носить свѣтлыя блузы того-же покроя изъ полотна или бумажной матеріи. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу 1892 г. № 4).

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

объ утвержденіи временныхъ правилъ о взысканіяхъ за отертыіе и содержаніе тайныхъ школъ въ Сѣверо-и Юго-западномъ краѣ (3-го апрѣля 1892 года).

Указъ Правительствующему Сенату.

Насажденіе и упроченіе въ западныхъ губерніяхъ имперіи образованія юношества на началахъ русской народности всегда составляло одну изъ

важнѣйшихъ задачъ правительства. Въ тѣхъ-же видахъ Мы признали нынѣ за благо установить особыя временныя правила, направленные къ пре-сѣченію въ упомянутыхъ губерніяхъ тайнаго обученія.

Утвердивъ правила сія, разсмотрѣнныя Комитетомъ Министровъ, и пре-проводя ихъ въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ: обнародовать-они и привести въ дѣйствіе установленнымъ порядкомъ въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Кіевской, Подольской и Волынской.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего-надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Гатчинѣ. 3-го апрѣля 1892 года.

На подлинныхъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ. 3-го апрѣля 1892 года.

Временныя правила о взысканіяхъ за тайное обученіе въ губер-ніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Мо-гилевской, Кіевской, Подольской и Волынской.

1) За устройство и содержаніе безъ дозволенія правительства школы какого-либо рода виновные въ томъ подвергаются денежному взысканію до трехсотъ рублей или аресту до трехъ мѣсяцевъ. Тому-же взысканію подвергаются лица, оказавшія содѣйствіе устройству тайной школы или учебнымъ въ ней занятіямъ предоставленіемъ помѣщенія, училищныхъ, учебныхъ или иныхъ средствъ, а также платою за обученіе или-же уча-стіемъ въ преподаваніи или завѣдываніи школой.

2) Тому-же взысканію (ст. 1) подвергаются лица, имѣющія право на обученіе въ частныхъ домахъ, если они окажутся виновными въ совмѣст-номъ обученіи безъ дозволенія правительства дѣтей нѣсколькихъ се-мействъ или-же взрослыхъ постороннихъ лицъ у себя на квартирахъ или въ частныхъ домахъ.

3) Возбужденіе дѣлъ о тайномъ обученіи возлагается въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской на дирекціи народныхъ училищъ, а въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской на инспекторовъ народныхъ училищъ состоящей при управ-леніи Кіевского учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ. Чины город-скихъ и уѣздныхъ полицій, а также волостныя и сельскія должностныя лица обязываются сообщать подлежащему учебному начальству дошедшія до нихъ свѣдѣнія о случаяхъ тайнаго обученія.

4) Наложеніе упомянутыхъ въ статьяхъ 1 и 2 взысканій принадле-житъ въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Кіевской, По-дольской и Волынской—генераль-губернаторамъ, а въ губерніяхъ: Мин-ской, Витебской и Могилевской—губернаторамъ.

5) Деньги, взысканныя съ виновныхъ на основаніи настоящихъ пра-вилъ, поступаютъ:

а) въ капиталъ призрѣнія лицъ, приобрѣвшихъ право на обученіе юно-шества въ частныхъ домахъ, если онѣ взысканы съ лицъ, имѣющихъ званія домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, или вообще съ лицъ, имѣющихъ право заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ, и

б) въ государственное казначейство, если взысканы со всѣхъ остальныхъ лицъ.

б) Порядокъ примѣненія настоящихъ правилъ предоставляется соглашенію попечителей Кіевскаго и Виленакаго учебныхъ округовъ съ подлежащими генераль-губернаторами или губернаторами.

Подписаль: Министръ Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретарь *графъ Деляновъ*. (Журн. Мин. Нар. Пров. 1892 г. № 5, май).

Высочайшее повелѣніе по духовно - учебному вѣдомству.

Святѣйшій Синодъ, принявъ во вниманіе, что, при установленіи платы съ инословныхъ воспитанниковъ, имѣлось въ виду устранить бесплатное обученіе въ семинаріяхъ воспитанниковъ, нерѣдко состоятельныхъ и поступающихъ въ оныя не столько для подготовленія къ служенію православнои церкви, сколько для приобрѣтенія правъ гражданской службы и на льготы по отбыванію воинской повинности, а между тѣмъ изъ поступившихъ нынѣ въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣній усматривается, что во многихъ семинаріяхъ не мало обучается инословныхъ воспитанниковъ, которые, по бѣдности ихъ родителей, не могутъ вносить даже незначительной платы за обученіе, и по сему распоряженіе о взиманіи съ нихъ платы, въ размѣрѣ 40 р. въ годъ, было бы равносильно прекращенію доступа къ семинарскому образованію всѣмъ такимъ воспитанникамъ, изъ числа коихъ многіе отличаются усердіемъ къ изученію предметовъ семинарскаго курса и добрымъ нравственнымъ настроеніемъ, дающими основаніе надѣяться, что, по окончаніи курса, эти воспитанники окажутся достойными служителями святой церкви, по опредѣленію отъ 28-го марта—18-го апрѣля 1891 г. постановилъ: освободить отъ платы за обученіе во всѣхъ семинаріяхъ тѣхъ изъ инословныхъ воспитанниковъ, которые будутъ признаны семинарскимъ правленіемъ бѣдными, съ тѣмъ, однако, чтобы, въ случаѣ непоступленія такихъ воспитанниковъ, по выходѣ изъ семинарій, на службу по духовному вѣдомству, они полностью уплачивали сумму за ихъ обученіе въ семинаріяхъ изъ упомянутаго оклада 40 р. въ годъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, въ 26 день іюня 1891 года, Высочайше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе означеннаго постановленія Святѣйшаго Синода *).

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

объ исключеніи изъ подушнаго оклада лицъ женскаго пола податнаго состоянія, получившихъ свидѣтельства на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ.

1891 года ноября 20-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: рапортъ управляющаго Мини-

*) Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству № 10. 1892 г.

стерством Народнаго Просвѣщенія по вопросу объ исключеніи изъ подушнаго оклада лицъ женскаго пола податнаго состоянія, получившихъ свидѣтельства на званіе домашнихъ наставницъ или учительницъ. Приказали: управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія вошелъ въ Правительствующій Сенатъ съ рапортомъ отъ 3-го октября 1891 г. за № 16745 слѣдующаго содержания: на основаніи ст. 318 т. V св. зак. уст. о податяхъ (по прод. 1886 г.), лица податнаго состоянія, получившія, по увольненіи отъ общества и по выдержаніи испытанія, свидѣтельства на званіе домашнихъ учителей, исключаются изъ оклада по сношеніямъ попечителей учебныхъ округовъ съ казенными палатами. Хотя и въ означенной статьѣ 318, ни въ статьяхъ 22 и 32 положенія 1 іюля 1834 г. о домашнихъ учителяхъ и учительницахъ не говорится объ указанномъ правѣ лицъ женскаго пола, приобрѣвшихъ званіе домашнихъ наставницъ или учительницъ, однако это умолчаніе закона не можетъ быть толкуемо въ смыслѣ намѣренія законодателя лишить лицъ женскаго пола упомянутаго права и поставить такимъ образомъ лицъ мужскаго пола въ привилегированное положеніе. Дальнѣйшее разсмотрѣніе соответствующихъ законовъ, касающихся института домашнихъ учителей и учительницъ, приводитъ именно къ этому заключенію. Законодатель нигдѣ, гдѣ только это допускается общими законами, не дѣлаетъ различія между лицами мужскаго и женскаго пола. Дѣйствительно, по закону, лица женскаго пола, для полученія званія домашней учительницы, подвергаются испытанію наравнѣ съ лицами мужскаго пола. Затѣмъ, по приобретеніи указаннаго званія, онѣ, равно какъ и лица мужскаго пола, получаютъ слѣдующія права: содержать всякаго рода частныя учебныя заведенія; преподавать въ соответствующихъ правительственныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ частныхъ домахъ, и, наконецъ, получать пенсіи по прослуженіи одинаковыхъ сроковъ и при соблюденіи одинаковыхъ условій, изъ особаго специально предназначеннаго для сего капитала, находящагося въ распоряженіи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Словомъ, предъявляя къ лицамъ женскаго пола одинаковыя требованія относительно образовательнаго ценза съ лицами мужскаго пола, законодатель въ то-же время присвоиваетъ имъ изъ суммы правъ, приобретаемыхъ званіемъ домашняго учителя, всѣ тѣ права, какими могутъ пользоваться по нашимъ законамъ лица женскаго пола, къ каковымъ, несомнѣнно, относится и право быть исключаемыми изъ подушнаго оклада. Въ виду всего вышеизложеннаго, Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ своей стороны, и соответственно данному Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ заключенію, находило, что, согласно точному смыслу приведенной ст. 318, лица женскаго пола податнаго состоянія, получившія свидѣтельства на званіе домашнихъ наставницъ или учительницъ, подлежатъ исключенію изъ податнаго состоянія, по сношеніямъ попечителей учебныхъ округовъ съ подлежащими казенными палатами. Соглашаясь вполне съ приведенными соображеніями и признавая съ своей стороны, что лица женскаго пола, принадлежащая къ податному состоянію, по полученіи свидѣтельствъ на званіе домашнихъ наставницъ или учительницъ, подлежатъ, согласно ст. 318 т. V св. зак. уст. о подат., исключенію изъ оклада наравнѣ съ лицами мужскаго пола, — Правитель-

ствующій Сенатъ опредѣляетъ: представленіе по сему предмету Министерства Народнаго Просвѣщенія утвердить, о чемъ увѣдомить его, въ разрѣшеніе рапорта за № 16.745, указомъ, для всеобщаго-же свѣдѣнія и руководства припечатать настоящее опредѣленіе въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, для чего Сенатской типографіи послать извѣстіе.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу № 4-й 1892 г.).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ распредѣленія учениковъ гимназій и прогимназій на разряды (26-го января 1892 г.).

Нѣкоторые изъ попечителей учебныхъ округовъ просили указанія о томъ, слѣдуетъ-ли при распредѣленіи учениковъ гимназій и прогимназій на разряды по ихъ успѣхамъ въ наукахъ, прилежанію и поведенію обращать вниманіе только на древніе языки и математику, согласно § 30 правилъ объ испытаніяхъ 1872 года и п. 7-го объяснительной записки къ правиламъ для учениковъ гимназій и прогимназій (изд. 1874 года), или-же и на Законъ Божій и русскій языкъ, какъ причисленные новыми правилами объ испытаніяхъ 12-го марта 1891 г. къ основнымъ предметамъ?

Вслѣдствіе сего мною было разъяснено, что такъ какъ при изданіи означенной объяснительной записки дѣйствовали правила объ испытаніяхъ 1872 года, то и при распредѣленіи учениковъ на разряды по успѣхамъ въ запискѣ этой было положено въ основаніе дѣленіе предметовъ на главные (древніе языки и математика) и второстепенные (остальные предметы) и, соотвѣтственно сему, первымъ изъ нихъ придано было болѣе важное значеніе; нынѣ-же, когда, съ изданіемъ новыхъ правилъ объ испытаніяхъ, Законъ Божій и русскій языкъ при оцѣнкѣ знаній учениковъ уравниваются по своему значенію съ древними языками и математикою, было-бы неопредѣлительно не придавать этимъ двумъ предметамъ при распредѣленіи учениковъ на разряды одинаковаго значенія съ древними языками и математикой, ибо прежняя постановка дѣла можетъ дать поводъ не только учащимся и ихъ родителямъ, но даже учебному персоналу полагать, что Законъ Божій и русскій языкъ, хотя и состоятъ въ числѣ основныхъ предметовъ, но требованія по нимъ могутъ быть болѣе снисходительными. Въ виду сего при распредѣленіи учениковъ на разряды слѣдуетъ придавать отмѣткамъ по Закону Божию и русскому языку такое-же значеніе, какое объяснительной запиской 1874 г. придается древнимъ языкамъ и математикѣ.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для надлежащаго распоряженія *).

*) Ж. М. Н. Пр., апрѣль 1892 г.

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ относительно времени производства испытаній по естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ (18-го марта 1892 года).

По правиламъ объ испытаніяхъ учениковъ реальныхъ училищъ, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 20-го апрѣля 1875 года, экзаменъ по естественной исторіи производился въ назначенное для окончательнаго испытанія учениковъ VI класса время и притомъ въ объемѣ курса V и VI классовъ, въ коихъ этотъ предметъ преподавался до изданія, на основаніи ст. 13 устава реальныхъ училищъ 1888 года, новыхъ учебныхъ плановъ сихъ заведеній. Между тѣмъ, съ введеніемъ означенныхъ учебныхъ плановъ естественная исторія преподается въ III, IV и V классахъ, изъ коихъ въ послѣднемъ и заканчивается курсъ сего предмета.

Въ виду сего я, согласно заключенію Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, считаю нужнымъ установить въ реальныхъ училищахъ испытаніе по естественной исторіи при переходѣ учениковъ изъ V класса въ VI и притомъ въ объемѣ полнаго курса этого предмета и съ тѣмъ, чтобы полученная при этомъ отмѣтка была выставляема въ аттестатѣ, выдаваемомъ при окончаніи учениками курса.

Объ изложенномъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству для зависящихъ распоряженій *).

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ увольненія должностныхъ лицъ отъ службы по болѣзни (20-го марта 1892 года).

При разсмотрѣніи пенсіонныхъ дѣлъ оказывается, что нѣкоторые должностныя лица, подавшія прошенія объ отставкѣ по болѣзни, увольняются отъ службы начальствами учебныхъ округовъ и подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній безъ предварительнаго сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ объ освидѣтельствованіи болѣзненнаго состоянія такихъ лицъ порядкомъ, указаннымъ въ 178 ст. св. зак. т. III (изд. 1876 г.) уст. о пенс. и един. пособ., для опредѣленія, подходятъ-ли ихъ болѣзни подъ дѣйствіе одной изъ статей 102, 103, 376 или 377 означеннаго пенсіоннаго устава. Затѣмъ, по увольненіи означенныхъ лицъ въ отставку и по прошествіи нѣкотораго времени, иногда дѣлаются вышепоказанныя сношенія объ освидѣльствованіи болѣзненнаго ихъ состоянія, на предметъ испрошенія имъ пенсій за сокращенные сроки службы, иногда-же и вовсе не дѣлаются таковыя сношенія, а только въ формулярныхъ спискахъ и аттестатахъ о службѣ ихъ обозначается, что такое-то лицо уволено отъ службы по болѣзни, или по разстроенному здоровью.

*) Ж. М. Н. Пр., май 1892 г.

Несвоевременное освидѣтельствованіе въ врачебныхъ присутствіяхъ болѣзненнаго состоянія лицъ, увольняемыхъ отъ службы, лишаетъ ихъ права на пенсіи и единовременныя пособія за сокращенные сроки службы, на которыя по роду ихъ болѣзни они имѣли-бы несомнѣнное право, а обозначеніе въ формулярныхъ спискахъ или аттестатахъ, что такое-то лицо уволено отъ службы по болѣзни или по разстроенному здоровью въ тѣхъ случаяхъ, когда означенное лицо не подвергалось узаконенному медицинскому освидѣтельствуванію, не только не имѣетъ законнаго основанія, но и даетъ поводъ къ жалобамъ и домогательствамъ со стороны такихъ лицъ назначенія имъ пенсій и пособій по болѣзненному ихъ состоянію.

Для устраненія вышеизложеннаго, покорнѣйше прошу ваше превосходительство принять за правило по ввѣренному вамъ округу: 1) чтобы должностныя лица, подавшія прошенія объ отставкѣ по болѣзни, не прежде были увольняемы отъ службы какъ по предварительномъ освидѣтельствующемъ болѣзненнаго ихъ состоянія порядкомъ, указаннымъ въ 178 ст. пенсіоннаго устава (изд. 1876 г.) и 2) чтобы въ формулярныхъ спискахъ и аттестатахъ о службѣ такихъ лицъ, которыя не подвергались узаконенному медицинскому освидѣтельствуванію, не было обозначено, что они уволены отъ службы по болѣзни (Ib.).

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о служебныхъ правахъ учителей рисованія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ (29-го марта 1892 года).

Нѣкоторые изъ попечителей учебныхъ округовъ обратились въ Министерство Народнаго Просвѣщенія за разъясненіемъ нижеслѣдующихъ вопросовъ, возникшихъ при примѣненіи на практикѣ Высочайше утвержденнаго 18-го ноября 1891 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о служебныхъ правахъ учителей рисованія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

1. Могутъ-ли быть въ крайнихъ случаяхъ опредѣляемы на должности учителей рисованія въ сіи заведенія лица, хотя и окончившія курсъ въ соответственныхъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но не въ поименованныхъ въ п. 1 означеннаго Высочайшаго повелѣнія?

2. Преподаватели рисованія гимназій и прогимназій изъ числа окончившихъ курсъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній, перечисленныхъ въ п. 1 закона 18-го ноября 1891 г., занимавшіе эти должности до изданія сего закона, могутъ-ли быть представлены въ слѣдующій чинъ теперь-же, съ зачетомъ прежней ихъ службы, или должны прослужить установленное число лѣтъ послѣ изданія закона 18-го ноября 1891 г. и, въ утвердительномъ случаѣ, съ какого времени должно быть имъ дано старшинство на слѣдующій чинъ: со времени-ли выслуги узаконеннаго числа лѣтъ по предыдущему чину, или-же со времени изданія означеннаго закона?

3. Съ какого времени слѣдуетъ считать состоящими на учебной службѣ учителей рисованія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, которые занимали таковыя должности до вослѣдованія Высочайшаго повелѣнія 18-го ноября

1891 г., по какой пропорціи—годъ за годъ или 7 лѣтъ за 5 засчитывать имъ въ учебную службу время, проведенное въ должности учителей до 18-го ноября 1891 года, должны-ли они выслуживать съ этого времени установленный десятилѣтній срокъ по учебной службѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, или могутъ воспользоваться пенсіей безъ этой выслуги и въ настоящее время, и имѣютъ-ли они право на пятилѣтнія прибавки къ пенсіи и съ какого времени?

4. Слѣдуетъ-ли учителямъ рисованія производить, примѣнительно къ окладу пенсіи, вознагражденіе за 5 уроковъ рисованія въ размѣрѣ 300 рублей, то-есть, по 60 рублей за урокъ, или въ размѣрѣ, установленномъ штатомъ гимназій 1871 года, за уроки чистописанія, и имѣютъ-ли учителя рисованія право на третное не въ зачетъ жалованья и изъ какого оклада, и притомъ всѣ-ли состоящіе на службѣ, или только тѣ, которые опредѣлены по изданіи закона 1891 года?

5. Распространяются-ли права, дарованныя учителямъ рисованія, согласно Высочайшему повелѣнію 18-го ноября 1891 года, и на лицъ, преподающихъ лишь чистописаніе, но удовлетворяющихъ по образовательному цензу требованіямъ пункта 1-го означеннаго закона?

6. Должны-ли учителя рисованія наравнѣ съ другими преподавателями быть признаваемы членами педагогическихъ совѣтовъ?

Въ разъясненіе означенныхъ выше вопросовъ имѣю честь сообщить слѣдующее:

1. На должности учителей рисованія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ могутъ быть назначаемы съ правами службы по закону 18-го ноября 1891 года и лица, выдержавшія испытаніе на званіе учителя сего предмета, на основаніи установленныхъ для сего правилъ, или окончившіе курсъ въ одномъ изъ тѣхъ учебныхъ заведеній, прохожденіе полнаго курса коихъ даетъ право на преподаваніе рисованія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, ибо въ п. 1 Высочайшаго повелѣнія 18-го ноября 1891 года сказано, что на сія должности опредѣляются *преимущественно*, а не исключительно окончившіе курсъ въ поименованныхъ въ семъ законѣ учебныхъ заведеніяхъ, а во 2-мъ пунктѣ того-же закона не указано, какіе именно изъ учителей рисованія должны пользоваться правами службы и ни для кого изъ нихъ исключенія въ этомъ отношеніи не сдѣлано. Притомъ-же, и по уставу реальныхъ училищъ 1888 года, въ которыхъ рисованіе имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ въ гимназіяхъ, всѣ учителя рисованія, безъ исключенія, пользуются правами службы наравнѣ съ прочими преподавателями, хотя и въ сихъ училищахъ они избираются такъ-же, какъ и въ гимназіяхъ, *преимущественно*, а не исключительно изъ числа окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ, поименованныхъ въ ст. 50 уст. реалн. учил. изданія 1888 года.

2. Учителя рисованія имѣютъ право на представленіе ихъ въ слѣдующіе чины теперь-же, соотвѣтственно ст. 422 п. 1 уст. о службѣ прав. т. III изд. 1876 года, если выслужили уже указанные въ ст. 341 того-же устава сроки, при послѣдовательномъ порядкѣ изъ чина въ чинъ, но во всякомъ случаѣ со старшинствомъ въ первомъ изъ слѣдующихъ за выслугу лѣтъ чиновъ со дня изданія закона, то-есть, съ 18-го ноября 1891 года. Для утвержденія-же прямо въ чинъ по должности, минуя млад-

шіе чины, слѣдуетъ прослужить съ 18-го ноября 1891 г. 4 года, согласно ст. 399 вышеприведеннаго закона.

3. Такъ какъ до восполнѣнія Высочайшаго повелѣнія 18-го ноября 1891 года учителя рисованія гимназій и прогимназій, по штату сихъ заведеній, пользовались преимуществами общей гражданской службы, а преимущества учебной службы имъ дарованы лишь съ 18-го ноября 1891 года, то съ сего времени и слѣдуетъ считать учителей рисованія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ состоящими на учебной службѣ, и посему служба ихъ до 18-го ноября 1891 года должна быть засчитываема на основаніи 355 ст. уст. о пенс. (изд. 1876 года), для полученія пенсіи по учебной службѣ по пропорціи 7 : 5, и не иначе, какъ по прослуженіи ими по учебной части не менѣе десяти лѣтъ, на пятилѣтнія-же прибавки они, въ виду 364 ст. уст. о пенс., приобрѣтутъ право лишь по выслугѣ 25 лѣтъ исключительно по учебной части вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія или въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

4. Министерство Народнаго Просвѣщенія въ представленіи своемъ въ Государственный Совѣтъ о служебныхъ правахъ преподавателей рисованія ходатайствовало о сравненіи ихъ по служебнымъ и пенсіоннымъ правамъ съ преподавателями прочихъ общеобразовательныхъ предметовъ съ представленіемъ имъ вознагражденія за пять уроковъ по 300 рублей въ годъ, объясняя, что означенный расходъ можетъ быть отнесенъ на счетъ суммъ, остающихся свободными отъ сокращенія числа уроковъ прочихъ предметовъ. А потому и принимая во вниманіе, что Высочайшимъ повелѣніемъ 1891 года пенсія для учителей рисованія опредѣлена изъ оклада въ 300 рублей въ годъ, я полагаю, что и сей послѣдній окладъ слѣдуетъ считать равнымъ 300 рублей въ годъ, то-есть, по 60 рублей за каждый изъ 5 уроковъ, положенныхъ по таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ. Равнымъ образомъ на томъ-же основаніи учителя рисованія, поступившіе по изданіи закона 18-го ноября 1891 года, должны пользоваться и правомъ на полученіе изъ казны третнаго не въ зачетъ жалованья изъ годоваго оклада жалованья въ 300 рублей.

5. Высочайшее повелѣніе 18-го ноября 1891 года касается лишь учителей рисованія, а потому дарованными по этому закону преимуществами учителя чистописанія пользоваться не могутъ.

6. Такъ какъ въ настоящее время рисованіе входитъ въ число обязательныхъ предметовъ гимназическаго курса, то и преподаватель его долженъ признаваться полноправнымъ членомъ педагогическаго совѣта заведенія.

Объ изложенномъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству, для надлежащаго руководства (Ib.).

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ испытаніяхъ по новымъ языкамъ учениковъ гимназій и прогимназій (1-го апрѣля 1892 года).

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ возбудилъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли учениковъ, обучающихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ

объемъ новымъ иностраннымъ языкамъ, подвергать испытанію только по одному изъ нихъ, который выбранъ при опредѣленіи ученика въ гимназію родителями, какъ предметъ обязательнаго обученія, или-же экзаменовывать сихъ учениковъ изъ обоихъ языковъ.

Вслѣдствіе сего имѣю честь изъяснить, что въ примѣчаніи къ § 23 правилъ объ испытаніяхъ 12-го марта 1891 года указано, что экзаменъ по новымъ иностраннымъ языкамъ, при переходѣ изъ класса въ классъ, обязательенъ для каждаго ученика только по одному изъ двухъ языковъ, который выбранъ при опредѣленіи ученика въ гимназію родителями, какъ предметъ обязательнаго обученія. Слѣдовательно, если ученикъ обучается двумъ новымъ языкамъ, то *обязательно* подвергается переводнымъ испытаніямъ лишь по одному языку, составляющему предметъ *обязательныхъ* его занятій. Но это не исключаетъ возможности экзаменоваться и по другому необязательному новому языку, если окажется надобность провѣрить знанія ученика и если притомъ онъ занимался въ теченіе года удовлетворительно. Въ противномъ случаѣ, то-есть, при отсутствіи надобности въ такой провѣркѣ, но при удовлетворительныхъ въ теченіе учебнаго года занятіяхъ, ученикъ переводится по годовому баллу, который въ общій счетъ отмѣтокъ по среднему годовому выводу не принимается. Если-же ученикъ занимался не *обязательнымъ* новымъ языкомъ въ теченіе года неудовлетворительно, то, по рѣшенію педагогическаго совѣта, ему можетъ быть назначено дополнительное испытаніе послѣ каникулъ, а въ случаѣ неблагопріятныхъ результатовъ экзамена, воспрещено дальнѣйшее занятіе симъ предметомъ, такъ какъ такой ученикъ не можетъ слѣдовать вмѣстѣ съ классомъ и будетъ составлять лишь помѣху въ ученіи другихъ товарищей.

Что касается до испытанія зрѣлости, то оно производится также на основаніи § 55 правилъ объ испытаніяхъ, каждому ученику *обязательно* лишь изъ одного новаго языка, почему и въ указанномъ параграфѣ значится нѣмецкій или французскій языкъ, а не нѣмецкій и французскій. Отмѣтка въ аттестатѣ зрѣлости выставляется изъ одного обязательнаго для каждаго ученика новаго языка. Но точно такъ-же, какъ и на переходныхъ испытаніяхъ, экзаменующійся, который, по собственному желанію, обучался въ теченіе всего курса другому новому иностранному языку, можетъ, если пожелаетъ, подвергаться испытанію и изъ оного, причѣмъ ему, въ случаѣ удовлетворительнаго отвѣта, выставляется отмѣтка въ аттестатѣ зрѣлости.

Объ этомъ имѣю честь уведомить ваше превосходительство, для надлежащаго распоряженія (lb.).

Циркулярное отношеніе г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода къ епархіальнымъ преосвященнымъ, отъ 7 ноября 1891 года.

(Содержаніе). По существующему порядку (§§ — уст. дух. семинарій 56 и духовныхъ училищъ 61 въ циркул. отнош. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода отъ 31 октября 1885 г. № 5146) какъ назначеніе лицъ

съ высшимъ образованіемъ на духовно-учебныя должности (преподавательскія, или воспитательскія), такъ и перемѣщеніе ихъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое, равно и увольненіе ихъ отъ духовно-учебной службы совершаются центральнымъ управленіемъ духовно-учебнаго вѣдомства. Что касается до перемѣщенія преподавателей въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи съ одного предмета на другой, то сего рода перемѣщенія зависятъ непосредственно отъ распоряженія епархіальной власти, по усмотрѣнію нужды и пользы для учебнаго дѣла, и о состоявшихся перемѣщеніяхъ извѣщается лишь канцелярія оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Между тѣмъ, по дѣламъ Учебнаго Комитета видно, что преподаватели духовныхъ семинарій и училищъ весьма часто перепрашиваются съ одного предмета на другой, имѣя въ виду исключительно свои выгоды и удобства, а не пользу для учебнаго дѣла. Особенно нужно сказать это о преподавателяхъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ духовныхъ училищахъ. Избѣгая, съ одной стороны, нелегкаго труда по чтенію и офѣнкѣ письменныхъ ученическихъ работъ, съ другой—стремясь къ большей матеріальной выгодѣ, названные преподаватели, при первой возможности, перепрашиваются на другіе предметы, иногда даже такіе, которыхъ не изучали въ Академіи. Снисходительное отношеніе къ таковымъ ходатайствамъ было-бы сопряжено съ ущербомъ для такого предмета, какъ русскій языкъ, который по степени своей важности, особенно на первыхъ ступеняхъ школьнаго обученія, требуетъ знанія и опытности.

Въ устраниеніе вреда для учебнаго дѣла отъ частыхъ перемѣщеній преподавателей духовныхъ семинарій и училищъ съ одного предмета на другой, г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода проситъ епархіальныхъ преосвященныхъ не дозволить преподавателямъ подвѣдомыхъ имъ духовныхъ семинарій и училищъ переходить съ одного предмета на другой раиѣ, по крайней мѣрѣ, трехлѣтняго срока со времени назначенія ихъ на извѣстную должность. Исключеніе можетъ быть допущено лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстный преподаватель оказался-бы мало свѣдущимъ, или малоспособнымъ для успѣшнаго преподаванія принятаго имъ на себя учебнаго предмета, и когда есть основаніе надѣяться, что съ переходомъ на другой учебный предметъ преподаватель принесетъ желаемую пользу учебному дѣлу *).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія **).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «Рѣчи Демосоена Олинескія и первая противъ Филиппа, съ двумя рисунками и картой Греціи. Для употребленія въ гимназіяхъ объяснилъ Н. Кореньковъ, преподаватель Ташкентской гимназіи. Москва.

*) Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству за 1892 г. № 10.

**) Ж. М. Н. П., апрѣль и май 1892 г.

1891, стр. 104. Цѣна 1 р.»—одобрить какъ учебное пособіе по греческому языку для гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книги: 1) «*Виргилій Маронъ*. Энеида. Томъ II, съ введеніемъ, примѣчаніями, 13 рисунками и географическою картою. Объяснилъ *Д. Нагуевскій*, профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Изданіе 3-е, значительно исправленное и дополненное. 1891, стр. 27+52. Цѣна 50 коп.» и 2) «*М. Туллій Цицеронъ*. Рѣчи противъ Катилины, съ введеніемъ, примѣчаніями, 7 рисунками, географическими картами и планами Рима и римскаго форума. Объяснилъ *И. Нетушилъ*, профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета. Царское Село. 1891. Цѣна 70 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій Министерства.

— Книгу: «Учебникъ ариеметики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Е. Н. Тихомировъ*. Москва. 1891, стр. VIII+244. Цѣна 75 коп.»—рекомендовать какъ руководство при прохожденіи ариеметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства съ тѣмъ, чтобы авторъ въ слѣдующихъ изданіяхъ воспользовался сдѣланными замѣчаніями.

— Книгу: «Россія. Учебникъ отечественной географіи Изданіе 3-е, исправленное. Составилъ *Сергій Мечъ*. Москва. 1891, стр. 184. Цѣна 75 коп.»—одобрить какъ учебное пособіе по географіи для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Сочиненіе: «Сборникъ писемъ *Герберта* какъ исторической источникъ. (983+997). Критическая монографія по рукописямъ. *Николай Бубнова*. Спб. 1888—1890. Часть I, стр. XXII+369. Цѣна 2 р. 50 к.—Часть II. Отд. I, стр. XX+431. Цѣна 2 р. и Отд. II, стр. 432 по 1032. Цѣна 2 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ естественной исторіи для реальныхъ училищъ. Составилъ *М. Варавва*, преподаватель Московскаго учительскаго института. Ботаника. I. Курсъ 3-го класса. Москва. 1890, стр. 1—96. Цѣна 50 коп.—II. Курсъ 4-го класса. М. 1890, стр. 97—152. Цѣна 40 коп.—III. Курсъ 5-го класса. М. 1891, стр. 153—266. Цѣна 50 коп.»—одобрить въ качествѣ учебника для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: «Избранныя произведенія французской литературы, для чтенія воспитанниковъ высшихъ и среднихъ классовъ и для самообученія. III. Sous la tonnelle par *Emile Souvestre*, съ примѣчаніями *П. Н.* Спб. 1890, въ 12-ю д. л., стр. 152. Цѣна 45 коп.»—одобрить для употребленія въ среднихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ пособія для класснаго чтенія.

— Книгу: «Опытъ географіи Кавказскаго края. Составилъ *П. М. Надеждинъ*. Тула. 1891, стр. 282+III+XII. Цѣна 2 руб.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «*Deutsches Lesebuch von Th. Anderson*. I Theil. 2 Auflage. Нѣмецкая хрестоматія *Т. К. Андерсона*. I часть. 2-е изданіе. Спб. 1892, стр. 202. Цѣна 60 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Алгебраическій методъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Часть первая. Приложение алгебры къ геометріи *П. А. Некрасова*, ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, преподавателя Московскаго частнаго реального училища Воскресенскаго. Москва. 1892. Цѣна 90 коп.—Часть вторая. Собраніе геометрическихъ задачъ на построеніе, расположенныхъ по системѣ, свойственной алгебраическому методу рѣшенія ихъ, *П. А. Некрасова*. Москва. 1892. Цѣна 1 р. 30 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ механико-техническихъ училищъ.

— Книгу: «*В. А. Александровъ*. Краткое руководство къ устройству и веденію школьныхъ садовъ при сельскихъ училищахъ. Съ 23 рисунками. Спб. изданіе А. Ф. Девріена. 1892. Цѣна 30 коп., стр. 88, въ 8 д. листа»—одобрить для библиотекъ учительскихъ семинарій и учительскихъ библиотекъ народныхъ школъ.

— Книгу: «Латинская хрестоматія для I, II, III, IV классовъ гимназій. Составилъ *Ив. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназій. Части II и IV. Москва. 1891, стр. II+130 и VI+190. Цѣна 1 руб.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «*Георгъ Бузольтъ*. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Переводъ съ нѣмецкаго студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета *А. (М.+В.)*. Харьков. 1890, стр. V+320»—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ гимназій и одобрить для ученическихъ гимназическихъ библиотекъ для старшаго возраста, а также и для подарковъ воспитанникамъ.

— Книгу: «*Джоржъ Рамерсъ*. Умъ животныхъ. Переводъ со 2-го англ. изданія, подъ редакцію доцента *Н. Холодковскаго*. Спб. 1889, стр. 507. Цѣна 3 руб.»—допустить въ ученическія, для старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— По приказанію его сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, составленная священникомъ В. Маренинымъ церковно-историческая карта четырехъ восточныхъ патріархатовъ и патріархата римскаго—допущена къ употребленію въ видѣ учебнаго пособия въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Переведенная съ нѣмецкаго *А. Гезеномъ* книга подъ заглавіемъ: «Краткая священная исторія для лицъ римско-католическаго исповѣданія. Составлена по руководству доктора *І. Шустера*. Съ 55 рисунками, 2 картами и видомъ Святой Земли. Изданіе Карбасникова. Спб. 1892».—Его сіятельствомъ г. товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія одобрена какъ учебникъ для учениковъ римско-католическаго исповѣданія въ низшихъ училищахъ.

— Книгу: «Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. *В. Мартыновскаго*, директора Тифлисской мужской прогимназій. Два тома: Томъ II, изданіе 3-е, дополненное. Книга для занятій по отечественному языку въ III и IV классахъ среднеучебныхъ заведеній и въ старшихъ классахъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Тифлисъ. 1891, стр. 362+107. Цѣна 1 р. 25 коп.—Томъ III. Книга для занятій по теоріи словесности въ старшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній. Тиф-

лись. 1892, стр. 607+127. Цѣна 1 р. 25 коп.»—допустить для тѣхъ классовъ и учебныхъ заведеній, для коихъ онѣ назначены, а именно: томъ II-й (3-го изданія) для III и IV классовъ среднеучебныхъ заведеній и для старшихъ классовъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ, а томъ III—для занятій по теоріи и исторіи словесности въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюры: «Étude sur les principaux adverbès (affirmation, negation, manière) par *J. Bastin*. Paris. 1891. Prix 3 francs» и «Glanures grammaticales, par *J. Bastin*, officier d'academie et de l'instruction publique. Namur. 1891»—рекомендовать для фундаментальныхъ и одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «*Сильвіо Пелліко*. Обязанности человѣка. Переводъ *Е. М. Зиновьевой*. Спб. 1890, стр. XV+104. Цѣна 50 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки для старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Курсъ полевой военно-ветеринарной хирургіи. *С. Евстенко*, магистра ветеринарныхъ наукъ. Съ рисунками. Москва. 1890, стр. 404. Цѣна 3 руб.»—допустить для библиотекъ ветеринарныхъ институтовъ.

— Сочиненные *А. И. Манномъ* «8 хоровъ на слова пѣсни *И. П. Хруцова* «О стародавней порѣ»—рекомендовать для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Руководство для среднихъ техническихъ училищъ. Строительные матеріалы. Составилъ *В. В. Эвальдъ*, преподаватель института гражданскихъ инженеровъ. Съ 103 рисунками въ текстѣ и таблицей чертежей. Спб. 1892, стр. 183»—одобрить какъ руководство для среднихъ строительно-техническихъ училищъ, а также для механико-химико-и сельско-хозяйственно-техническихъ среднихъ училищъ.

— Книгу: «Грамматика древне (церковно)-славянскаго языка. Для среднеучебныхъ заведеній. Составилъ *П. Бракетеймаръ*. Одесса. 1892, стр. 54. Цѣна 35 коп.»—включить въ число учебныхъ руководствъ для IV-го класса гимназій.

— Книгу: «Теорія словесности. Начала эстетики, риторики и піитики. Учебное пособіе для учениковъ VIII-го класса гимназій. Составилъ *А. Преображенскій*, преподаватель Московской 4-й гимназіи. Москва. 1892, стр. VIII+126. Цѣна 70 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для VIII-го класса гимназій.

— Брошюру: «Иліада и Одиссея *Гомера*, въ изложеніи историка греческой литературы профессора Мюнхенскаго университета *В. Криста* (Gesch. d. griechischen Litteratur bis auf die Zeit Justinians. Von *W. v. Christ*. 2 verän. Auflage. Münch. 1890. S. 23 ff.), стр. 52. Е. Киричнскаго»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Курсъ русской исторіи (элементарный). Изданіе 3-е, съ рисунками и картами въ текстѣ. Составилъ *И. Беллярминовъ*. Спб. 1892. Цѣна 50 коп.»—одобрить въ видѣ руководства для III-го класса гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Русская военная сила. Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени. Изданіе второе. *И. Н. Кушнерева* и *А. Е. Пирогова*, 2 тома. Москва. 1892, стр. XI+420 и VIII. Цѣна за оба тома 6 руб., съ пересылкою 7 руб.»—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній для средняго и старшаго возрастовъ.

— Книгу: «Предварительный курсъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ многими политипажами въ текстѣ. Составилъ *К. Кошельковъ*, директоръ и преподаватель физики Новгородскаго реальнаго училища. Изданіе 2-е. Новгородъ. 1892. Часть I, стр. VII+274. Цѣна 1 руб.—Часть II, съ дополнительными статьями, стр. VIII+510+71. Цѣна 2 руб.»—одобрить какъ учебное руководство при преподаваніи физики въ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

— Книгу: «*Е. А. Сусоева*. Люди труда и сильной воли. Жизнь Гарриетъ Бичеръ-Стоу. Съ 2 портретами и 6 рисунками. Спб. 1892, стр. 151. Цѣна 75 коп.»—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для младшаго и средняго возрастовъ.

— «Педагогическій журналъ *Я. Г. Гуревича* «Русская Школа» за 1891 годъ. Цѣна за весь годъ 6 руб., съ пересылкою 7 руб.»—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министертва Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «Общедоступное изъясненіе псалмовъ, наиболѣе употребительныхъ при богослуженіи. Выпускъ *третій*. Каезимы I, II и III. Новгородъ. 1890. Въ 8 д. л., 167 стр. Цѣна 50 коп. Составилъ преподаватель Новгородской духовной семинаріи *Петръ Спасскій*»—одобрить, подобно двумъ первымъ выпускамъ, въ качествѣ учебнаго пособія при объясненіи псалмовъ и для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Составленныя *Т. Лубенцомъ* книги: «1) Русско-славянскій букварь. Изд. 5-е. Кіевъ. 1891. Въ 8 д. л., 40+12 стр. Цѣна 12 коп.» и 2) «Руководство къ Русско-славянскому букварю. Книга для учащихся. Изд. 4-е. Кіевъ. 1890. Въ 8 д. л., 60 стр. Цѣна 30 коп.»—допустить: первую къ употребленію въ народныхъ училищахъ, а вторую—въ учительскія библиотеки.

— Книгу: «Русско-славянская азбука для начальныхъ училищъ и домашняго обученія. Составилъ *А. Анастасевъ*. М. 1891. Въ 8 д. л., 52 стр. Цѣна 30 коп.»—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: «*Д. Мартыновъ*. Учебникъ методики ариметики. Руководство для начальныхъ учителей. Изд. 3-е, совершенно переработанное. М. 1890. Въ 8 д. л., 63 стр. Цѣна 50 коп.»—допустить въ учительскія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ ариеметики для начальныхъ училищъ. Составилъ *Е. Н. Тихомировъ*. М. 1892. Въ 8 д. л., 100 стр. Цѣна 30 к.» — допустить въ качествѣ руководства по ариеметикѣ для начальныхъ училищъ.

— Книгу: «Книга для чтенія въ сельскихъ училищахъ по русской исторіи. Кіевъ. 1891. Въ 8 д. л., 284 стр. Цѣна 75 коп.» — одобрить для ученическихъ библиотекъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ.

— Книгу: «Объ упраздненныхъ приходахъ и закрытыхъ церквахъ б. Холмской греко-уніатской епархіи. Составлена и издана *А. В. Кваснецкимъ*. Люблинъ. 1891. Въ 8 д. л., 136 стр. Цѣна 1 руб.» — одобрить для учительскихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Славянская муза. Переводы и подражанія *В. В. Уманова-Каплуновскаго*. Спб. 1892. Въ 8 д. л., 186 стр. Цѣна 1 р. 25 к.» — допустить въ ученическія библиотеки старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Ледяное царство и мертвая земля. Два чтенія для народа. *С. В. Максимова*. Спб. 1886. Въ 8 д. л., 44 стр. Цѣна 20 к.» — допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Составленные *А. Херодиновымъ* и изданныя обществомъ распространенія полезныхъ книгъ подъ общимъ заглавіемъ «Разказы изъ русскаго быта» книги: 1) «Два пріятели. М. 1889», 2) «Вѣра не гаснетъ. М. 1889», 3) «Вѣра спасла. М. 1890» и 4) «Встрѣча. М. 1890» — допустить въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ. (Цѣна каждой книжкѣ 5 коп.).

— Книгу: «Разказы изъ русскаго быта. Три клада. *Е. Михайловой*. Изд. 2-е, Общества распространенія полезныхъ книгъ. М. 1887. Цѣна 5 коп.» — допустить въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ.

— Изданныя книгопродавцемъ Кузинымъ книги: 1) «Черный монахъ, повѣсть изъ жизни черногорцевъ. Сочиненіе *К. К. Голохвастова*. Спб. 1890. Цѣна не обозначена» и 2) «Юный укротитель львовъ. Разказъ для юношества, заимствованный изъ сочиненія Гофмана *Е. Г. Владимировой*. Спб. 1891. Цѣна не обозначена» — допустить въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ.

Сочиненія, одобренныя Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ съ апрѣля 1891 года до января 1892 года *).

1) Изданныя редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» С. Петровскимъ десять брошюръ Б. Случевского: «Книжки моихъ старшихъ дѣтей» (Томикъ I-й, 10 книжекъ. Москва. 1890 г.) — допущены къ приобрѣтенію въ ученическія библиотеки духовныхъ училищъ.

2) Книга Н. М. Тимаева: «Посохъ христіанина или краткое изложенеіе христіанскаго вѣроученія» (Новгородъ. 1884 года) — допущена къ

*) Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству. 1892 г. № 10.

приобрѣтенію въ ученическія бібліотеки мужскихъ дух. и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

3) Изданный Имп. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ журналъ: «Русскій пчеловодный листокъ» (Годъ 5-й 1890 г. №№ 1—12)—одобренъ къ приобретенію въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній.

4) Книга врача Л. Гордона: «Голосъ и рѣчь. Общедоступное описаніе органовъ голоса и рѣчи и ихъ дѣятельности въ здоровомъ и больномъ состояніи. Съ 87 рисунками въ текстѣ» (Вильна. 1891 г.)—одобрена къ приобретенію въ бібліотеки дух. семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

5) Составленныя А. Воронецкимъ книги, подъ общимъ заглавіемъ: «Учебникъ всеобщей географіи» (Въ 3-хъ частяхъ. Курсъ I. Изд. 4-е. Спб. 1891 г. Курсъ II. Изд. 3-е. Спб. 1891 г., и курсъ III. Изд. 2-е. Спб. 1890 г.)—одобрены къ употребленію въ дух. училищахъ въ качествѣ учебнаго пособія по географіи.

6) Книга священника І. Стрѣльбицкаго: «Уніатскіе церковные соборы съ конца XVI в. до воссоединенія уніатовъ съ православною церковію» (Изд. 2-е. Одесса. 1891 г.)—допущена къ приобретенію въ бібліотеки дух. семинарій.

7) Изданіе протоіерея Ар. Израилева: «Псалмы или духовные канты святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго, переложенные на четыре голоса» (Москва. 1891 г.) (Тоже—отдѣльною брошюрой, безъ нотъ. Съ присовокупленіемъ псалма, сочиненнаго въ честь святителя Димитрія. Москва. 1889 г.)—одобрено для бібліотекъ духовно-учебныхъ заведеній, какъ матеріалъ религіозно-нравственнаго характера для внѣкласснаго пѣнія учащихся.

8) Изобрѣтенныя учителемъ Дмитріемъ Митропольскимъ пособія по пѣнію: а) музыкальный инструментъ «метрофонъ», б) подвижныя металлическія ноты и в) нотная бумага—одобрены въ качествѣ пособій для учителей церковнаго пѣнія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

9) Книга проф. Кіевской дух. академіи В. Пѣвницкаго: «Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ» (Кіевъ. 1890 г.)—одобрена въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи «практическаго руководства для пастырей» въ дух. семинаріяхъ.

10) Сочиненіе С. Сушкова: «Противъ лжеученія о вселенскомъ главенствѣ римской церкви, на основаніи свидѣтельствъ Священнаго Писанія и церковныхъ памятниконъ первыхъ двухъ вѣковъ христіанства» (удостоено преміи покойнаго московскаго митрополита Макарія на конкурсѣ 1890 г.) (Спб. 1891 г.)—одобрено къ употребленію въ дух. семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по обличительному богословію.

11) Книга: «Церковныя пѣспосѣвія. Переложилъ на четыре женскихъ голоса Н. Александровъ» (Казань. 1890 г.)—одобрена въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи церковнаго пѣнія въ мужскихъ дух. и женскихъ епархіальныхъ училищахъ.

12) Рукописное сочиненіе учителя Бахмутскаго дух. училища А. Бутовскаго: «Руководство при изученіи общей астрономической (математической), физической и политической географіи» (въ двухъ частяхъ)—допущено, по исправленіи согласно сдѣланнымъ замѣчаніямъ и отпечатаніи

оного авторомъ, къ употребленію въ дух. училищахъ въ качествѣ пособія для преподавателей географіи въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ.

13) Сочиненія Ольги Н.: I. Коробейникъ. Три разсказа: 1) Звѣзда, 2) Арапка, 3) Пѣтушокъ-колдунъ, съ рисункомъ» (Изд. 2-е. Москва. 1890 г.). II. «Святоточный разсказъ, съ рисункомъ» (Москва. 1891 г.)—одобрены къ приобрѣтенію въ ученическія бібліотеки мужскихъ дух. и епархіальныхъ женскихъ училищъ.

14) Составленная профессоромъ Имп. Казанскаго университета Н. Осиковымъ «Общая генеалогическая таблица Каролингговъ» (Казань 1888 г.)—одобрена, для фундаментальныхъ и ученич. бібліотекъ дух. семинарій.

15) Брошюра учителя М. Куклива: «Зайчики. Разсказъ для дѣтей» (Москва. 1891 г. Изд. А. Ступина)—допущена для приобрѣтенія въ ученическія бібліотеки мужскихъ дух. и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

16) Книга учителя А. Гусева: «Знаки препинанія (пунктуація) въ связи съ краткимъ ученіемъ о предложеніяхъ и другіе знаки въ русскомъ письменномъ языкѣ» (Москва. 1890 г.)—допущена къ приобрѣтенію въ фундаментальныя бібліотеки дух. училищъ, какъ пособіе для преподавателей русскаго языка.

17) Составленная наставникомъ-руководителемъ при гимназіи Имп. историко-филологическаго института Н. Санчурскимъ книга: «Краткая грамматика латинскаго языка» (Часть I. Этимологія. Начальныя правила синтаксиса. Спб. 1891 г.)—одобрена къ употребленію въ дух. училищахъ въ качествѣ учебнаго руководства по латинскому языку наравнѣ съ другими учебными руководствами по сему предмету, по усмотрѣнію преподавателей, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы начатое въ училищѣ изученіе грамматики латинскаго языка по извѣстному руководству было доводимо до конца, безъ перемѣны учебника.

18) Книга В. Бѣлова: «Иерусалимъ и святая Земля. Путешествіе холмскихъ паломниковъ ко гробу Господню» (Изд. 2-е испр. и доп. Съ 16-ю рисунками. Варшава. 1889 г.)—допущена къ приобрѣтенію въ ученическія бібліотеки дух. семинарій и училищъ, мужскихъ и женскихъ.

19) Изданная товариществомъ «Общественная Польза» книга: «Стихотворенія Горация, подъ редакціей профессора Шебора» (Спб. 1890 г.)—одобрена для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки дух. семинарій.

20) Составленная преподавателемъ Тверской дух. семинаріи Д. Скворцовымъ книга: «Преподобный Діонисій Зобниновскій, архимандритъ Троицкаго-Сергіева монастыря (нынѣ лавры)» (Тверь. 1890 г.)—рекомендована къ приобрѣтенію въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки дух. семинарій.

21) Составленная инспектирующимъ преподавателемъ Московской V-й гимназіи В. Никифоровымъ книга: «Латинская грамматика. По Штегману» (Изд. 2-е, испр. Москва. 1891 г.)—одобрена къ употребленію въ дух. училищахъ въ качествѣ учебнаго руководства по латинскому языку, наравнѣ съ другими учебными руководствами по сему предмету, по усмотрѣнію преподавателей, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы начатое въ училищѣ изученіе грамматики латинскаго языка по извѣстному руководству было

доводимо до окончанія воспитанниками училищнаго курса, безъ перемѣны учебника.

22) Брошюра дворянина С. Кратча: «Къ спряженію глаголовъ» (Москва. 1889 г.)—допущена въ фундаментальныя библіотеки дух. училищъ.

23) Составленная проф. исторической живописи въ Имп. академіи художествъ В. П. Верещагинымъ: «Исторія Государства Россійскаго въ изображеніяхъ Державныхъ его Правителей» (1890 г.)—допущена въ ученическія библіотеки дух. семинарій и епархіальныхъ женскихъ училищъ.

24) Составленные учителемъ С. Цыбульскимъ «Таблицы для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей» и брошюра его: «Древній городъ Аены и его гавани» (Спб. 1890 г.)—допущены въ фундаментальныя библіотеки дух. семинарій.

25) Брошюры Т. Толычевой, подъ заглавіями: а) «Спасо-Бородинскій монастырь и его основательница» (Изд. 3-е. Москва. 1889 г.), б) «Наталья Борисовна Долгорукова и Березовскіе ссыльные» (Изд. 2-е, М. 1890 г.)—одобрены для ученическихъ библіотекъ духовныхъ семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ, в) «Разсказъ старушки о двѣнадцатомъ годѣ» (М. 1891 г.), г) «Бабушкин о благословеніе» (М. 1889 г.) и д) «Приемышъ. Повѣсть изъ того времени, какъ французы брали Москву» (М. 1891 г.)—допущены въ ученическія библіотеки мужскихъ дух. и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

26) Составленный преподавателемъ Воронежскаго реальнаго училища А. Киселевымъ «Систематическій курсъ ариѳметики» (4-е изд. Москва. 1891 г.)—рекомендованъ въ 4-мъ его изд. для употребленія въ дух. училищахъ въ качествѣ руководства предпочтительно предъ нынѣ употребляющимся учебникомъ Воленса.

27) Книга учителя Н. Павлова: «Опытъ систематическаго сборника задачъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Числа любой величины» (Казань. 1891 г.)—допущена къ приобрѣтенію въ библіотеки дух. училищъ.

28) Книга: «Православно-христіанское нравственное богословіе. Составилъ примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій преподаватель Самарской дух. семинаріи А. Покровский» (Самара. 1891 г.)—одобрена къ употребленію въ дух. семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособия для учениковъ V-го класса при изученіи ими нравственнаго богословія.

29) Изданная товариществомъ «Общественная Польза» книжка: «Рѣчь Ликурга противъ Леократа (Текстъ для учащихъся, провѣренный русскими филологами подъ главною редакціей В. Краузе)» (Спб. 1891 г.)—допущена къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки дух. семинарій для домашняго чтенія учениковъ, интересующихся греческими ораторами.

30) Составленная С. Радецкимъ и В. Соколовымъ книга: «Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ» (Москва. 1891 г.)—одобрена въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи латинскаго языка въ духов. училищахъ.

31) Составленная воронежскимъ мѣщаниномъ А. Карчагинымъ книга: «А. Сахаровъ. По русской землѣ. Географическіе очерки и картины для чтенія въ семьѣ и школѣ» (Москва. 1890 г.)—допущена для приобрѣтенія въ библіотеки мужскихъ дух. и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

32) Изданіе: «Полное собраніе проповѣдей Дамітрія, архіепископа

херсонскаго и одесскаго» (Въ 5-ти томахъ. Томы 1-й и 2-й. Москва. 1889 г. Томы 3-й, 4-й и 5-й. Москва. 1890 г.)—рекомендовано къ приоб- рѣтенію въ семинарскія, церковныя, благотворительныя и монастырскія бібліотеки.

33) Изданныя отдѣленіемъ этнографіи Имп. русскаго географическаго общества три выпуска журнала: «Живая старина» (Выпуски 1-й и 2-й. Спб. 1890 г. и выпускъ 3-й. Спб. 1891 г.)—допущены въ бібліотеки дух. семинарій съ тѣмъ, чтобы упомянутые выпуски «Живой старины» были приобретаемы на бібліотечныя суммы лишь за удовлетвореніемъ про- чихъ существенныхъ нуждъ семинарской бібліотеки.

34) Относительно 5-го изданія составленной А. и В. Мининими, В. Арбузовымъ и Д. Назаровымъ книги, подъ заглавіемъ: «Систематическій сборникъ ариметическихъ задачъ для гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій» (Изд. 6-е. Москва 1891 г.) оставлено въ силѣ постановленіе, состоявшееся по отношенію къ 4-му изданію, коимъ книга эта одобрена для употребленія въ дух. училищахъ въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи ариметики.

35) Изданныя подъ редакціей Л. Георгіевскаго и С. Манштейна книги, подъ заглавіями: 1) «Гомеръ. Илиада. Пѣснь 1-я. Объяснилъ С. Манштейнъ»; 2) «Ксенофонтъ. Анабасисъ. I-я книга. Объяснилъ Л. Георгіевскій»; 3) «Ксенофонтъ. Анабасисъ. II-я книга. Объяснилъ онъ-же», 4) «Платонъ, Апологія Сократа. Объяснилъ А. Поспишилъ»—допущены къ приоб- рѣтенію въ бібліотеки дух. семинарій, по мѣрѣ надобности, въ качествѣ учебныхъ пособій—для учениковъ и преподавателей.

36) Составленная преподавателемъ физики въ С.-Петербургскомъ пер- вомъ реальномъ училищѣ С. Ковалевскимъ книга: «Учебникъ физики для среднеучебныхъ заведеній» (Удостоено премии Петра Великаго. Спб. 1891 г.)—одобрена въ 2-мъ ея изданіи къ употребленію въ дух. семи- наріяхъ въ качествѣ учебнаго руководства по физикѣ на ряду съ учебни- комъ Краевича, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы начатое въ семинаріи изуче- ніе физики по извѣстному учебнику было доводимо до конца безъ пере- мѣны руководства и чтобы замѣна одного учебника другимъ совершаема была постепенно, по мѣрѣ израсходования имѣющагося въ семинаріяхъ за- паса прежняго учебника.

37) Составленная В. Н. Витевскимъ книга: «И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края. Библиографическо-историческій очеркъ. Къ 300-лѣтнему юбилею существованія Уральскаго казачьяго войска» (Казань. 1891 года)—допу- щена для приобрѣтенія въ бібліотеки дух. семинарій.

38) Рукописное сочиненіе преподавателя Рязанской духовной семинаріи А. Доброклонскаго: «Руководство по исторіи русской церкви. Выпускъ четвертый. Синодальный періодъ 1700—1890 годы»—одобрено въ каче- ствѣ учебнаго пособия по предмету русской церковной исторіи въ дух. семинаріяхъ.

39) Рукописное сочиненіе преподавателя Новгородской дух. семинаріи П. Спасскаго: «Толкованіе на пророческія книги Ветхаго Завѣта примѣ- нительно къ славянскому (и греческому 70-ти) тексту, на основаніи свято-

отеческихъ толкованій, по программѣ IV-го класса духовныхъ семинарій. Тетрадь 1-я, книга святаго пророка Исаи и тетрадь 2-я, книга святаго пророка Иереміи» — одобрено въ качествѣ учебнаго пособия по Священному Писанію при прохожденіи курса IV-го класса дух. семинарій.

40) Пять выпусковъ «Русской классной бібліотеки», издаваемой И. Глазуновымъ, подъ редакціей А. Чудинова, подъ заглавіями: выпускъ 1-й. «Слово о полку Игоря», в. 2-й. «Домострой Сильвестровскаго извода», в. 3-й «Басни русскихъ писателей въ сравнительномъ изученіи», в. 4-й «Григорій Котошихинъ» и в. 6-й «А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ» (С.-Петербургъ, 1891 года) — одобрены для приобрѣтенія въ ученическія бібліотеки дух. семинарій.

41) Составленныя преподавателемъ Имп. воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ А. Шалландомъ книги: а) «Французская элементарная грамматика для низшихъ и среднихъ классовъ уч. заведеній» (часть 1-я, изд. 4-е. С.-Петербургъ 1890 года), б) «Французская грамматика для среднихъ и высшихъ классовъ уч. заведеній» (часть 2-я. Синтаксисъ. Изд. 3-е. Спб. 1888 г.), в) «Полный курсъ французскаго языка» (въ трехъ книгахъ. Годъ первый, изд. 2-е. Спб. 1891 года. Годъ 2-й, изд. 2-е. Спб. 1891 года и третій годъ, Спб. 1889 г.) — допущены къ употребленію въ дух. семинаріяхъ въ качествѣ учебныхъ пособій по французскому языку.

Сверхъ того, рекомендуется духовнымъ семинаріямъ, духовнымъ училищамъ, равно какъ и епархіальнымъ женскимъ училищамъ приобрѣтати нижеозначенныя изданія, признаваемыя весьма полезными для назидательнаго чтенія и для хороваго пѣнія:

1) Хоровыя духовно-правственныя пѣснопѣнія, заимствованныя изъ сборниковъ «Лепта» и вторая «Лепта», изданныхъ Алтайской миссіей. Изданіе Московской Синодальной типографіи 1891 года, въ 4 д. л., цѣна въ бум. 25 к.

2) Книга для назидательнаго чтенія, сборникъ статей изъ журнала «Воскресное Чтеніе», изд. 3-е редакціи журнала «Труды Кіевской Духовной Академіи» (409+VIII стр.), цѣна 1 руб.

Выписывающіе эту книгу для школъ непосредственно изъ редакціи журнала «Труды Кіевской Духовной Академіи» получаютъ ее по 70 к. съ пересылкою, а при требованіи епархіальными училищными совѣтами не менѣе ста экземпляровъ, книга уступается по 60 к. съ пересылкою.

Въ этой-же редакціи журнала «Труды Кіевской Духовной Академіи» можно получать книгу:

3) Сборникъ статей изъ Воскреснаго чтенія, изданный Кіевскою духовною академіею въ память пятидесятилѣтняго ея юбилея, для *народныхъ школъ*. Кіевъ, 1885 г. (196 стр.), цѣна 20 к., съ пересылкою 30 коп.

ЦИРКУЛЯРЫ ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ.

19 марта 1892 года, № 12. Въ разъясненіе возбужденнаго вопроса о порядкѣ оставленія на дальнѣйшей службѣ въ военно-учебныхъ заведе-

нѣхъ лицъ учебно-воспитательнаго состава, выслужившихъ срокъ на пенсію, Главное Управление, по приказанію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, объявляетъ для руководства и исполненія, что согласно 253 ст. VIII кн. Св. В. П. 1869 г., лица учебно-воспитательной службы, выслужившія срокъ на пенсію, оставляются на дальнѣйшей службѣ не иначе, какъ *по ручательству ближайшаго начальства въ томъ, что они могутъ еще служить съ пользою*, при чемъ дѣйствующія по вѣдомству военно-учебныхъ заведеній законоположенія не заключаютъ въ себѣ такого постановленія, которое простирало бы это ручательство на точно опредѣленный срокъ; вслѣдствіе сего, продолжительность дальнѣйшей службы при заведеніи лица, оставленнаго въ занимаемой имъ должности на вышеизложенныхъ основаніяхъ, должна *обусловливаться исключительно пользою такой службы, а не срокомъ, опредѣленнымъ для выслуги добавочной пенсіи* *).

18 марта 1892 года, № 10. По разсмотрѣніи книги г. Мамбре: «Xavier de Maistre. Les prisonniers du Caucase et Le lépreux de la cité d'Aoste», главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній приказалъ рекомендовать ее для чтенія воспитанниками старшихъ ротъ кадетскихъ корпусовъ и юнкерами военныхъ училищъ.

Цѣна книги 60 коп. (ib.).

18 марта 1892 года, № 11. По разсмотрѣніи книги доктора Roblot «Основныя начала анатоміи и физиологіи въ примѣненіи къ гимнастикѣ», главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній приказалъ рекомендовать ее къ приобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки военно-учебныхъ заведеній.

Цѣна книги 1 рубль; выписывающіе отъ издателя, книгопродавца Н. П. Петрова (С.-Петербургъ, Нижегородская, № 15), за пересылку не платятъ (ib.).

*) Педагогическій сборникъ, издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній, май 1892 г. Часть официальная.

Идеалы нравственнаго воспитанія въ царствованіе Екатерины II.

«Вопросъ о воспитаніи составляетъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ выдающихся вопросовъ, по рѣшенію котораго можно судить о степени развитія и нравственныхъ качествахъ общества».

Проф. П. Ф. Лесгафтъ.

Исторія идей и вообще внутреннихъ процессовъ общественнаго развитія, по справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина, рѣдко укладывается въ такіе чисто внѣшніе періоды, какъ царствованія *); но продолжительное царствованіе Екатерины II (1762 — 1796) можно отнести именно къ числу такихъ рѣдкихъ исключеній. Рѣзко отличаясь по своему характеру отъ предшествующаго и послѣдующаго времени, «вѣкъ Екатерины» ознаменованъ многими крупными явленіями въ русской жизни вообще и въ сферѣ воспитанія въ частности. Это обстоятельство даетъ намъ возможность ограничить объемъ предлагаемой статьи указанною эпохою.

I.

Софія-Августа-Фредерика, принцесса Ангальтъ-Цербетская, будущая русская императрица Екатерина II, родилась въ Штеттинѣ 21-го апрѣля 1729 года. При воспитаніи ея, по обычаю того времени, преобладалъ французскій элементъ: воспитательница ея, m-lle Cardel, и большинство учителей были французы. Но имъ она мало чѣмъ обязана. Если что оказало на нее развивающее вліяніе во время 14-тилѣтняго пребыванія въ Германіи, такъ это перѣдкія поѣздки въ разные нѣмецкіе города и особенно въ Берлинъ, гдѣ при дворѣ Фрид-

*) А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1885, стр. 1.

риха II пользовалась глубокимъ уваженіемъ французская литература и философія. Въ январѣ 1744 года, 15-ти-лѣтняя принцесса была привезена въ Россію, которая стала для нея вторымъ отечествомъ. Какъ невѣста наследника престола, она должна была «сдѣлаться русскою и православною». Съ увлеченіемъ начала она учиться русскому языку: чтобы лучше усвоить урокъ, она вставала по ночамъ и учила склады... Ея законоучитель, Симонъ Тодорскій, сумѣлъ представить дѣло такъ, что она «не могла найти никакого различія между протестантствомъ и православіемъ», и потому вопросъ о перемѣнѣ вѣроисповѣданія не представлялся ей особенно важнымъ. 28-го іюня того-же года совершилось присоединеніе ея къ православію, а 29-го—обрученіе съ великимъ княземъ.

Сама Екатерина такъ отзывалась впоследствии о своемъ образованіи въ родительскомъ домѣ: «Что дѣлать—дѣвица Cardel не могла выучить меня лучше. Она была старая француженка и образовала меня довольно, чтобы быть въ замужествѣ за кѣмъ-нибудь изъ нашихъ сосѣдей». Пробѣлы въ своемъ образованіи она старалась потомъ пополнить самостоятельнымъ чтеніемъ. Будучи одинокою среди шумнаго двора Елизаветы, великая княгиня проводила время за книгами. Сначала она читала только романы, которые ей скоро прискучили; затѣмъ, отчасти подъ вліяніемъ сочиненій Вольтера, отчасти по совѣту такихъ просвѣщенныхъ людей, какъ шведскій графъ Гюлленборгъ, прусскій баронъ Мардефельдъ, французъ Лестокъ, она перешла къ книгамъ серьезнаго содержанія. Кромѣ сочиненій Вольтера, который былъ «возбудителемъ ея вкуса и виновникомъ самыхъ дорогихъ развлеченій», она читала «Lettres de m-me de Sevigné», «Исторію Генриха Великаго» Перфикса, «Исторію Германіи» Барра, записки Брантома, «Esprit des lois» Монтескье, «Annales ecclesiastici» Баронія, «Encyclopédie», даже «Dictionnaire critique» Бэля и мн. др. Любовь къ чтенію не оставляла ее въ теченіе всей жизни. Храповицкій, въ запискахъ, передаетъ свой разговоръ съ нею — 19-го февраля 1789 года: «Теперь книгъ до шести вдругъ читаю, on dira que j'aie de la lecture—давно уже всё это знаютъ—dit on cela?—Конечно, знаютъ, что давно въ ономъ упражняться изволите, и для васъ нѣтъ теперь новаго въ литературѣ» *).

*) В. А. Билбасовъ. Исторія Екатерины II, т. I. Спб. 1890. *Brückner*. Katharina die Zweite. Berlin, 1883. Я. К. Гротъ. Воспитаніе Екатерины II («Древняя и Новая Россія», 1875 г. № 2). П. Дирингъ. Великая княгиня Екатерина Алексѣевна. Спб. 1885. Н. Лавровскій. О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой. Харьковъ, 1856.

Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, особенный интересъ представляетъ знакомство Екатерины II съ сочиненіями педагогическаго содержания и отношеніе ея къ господствовавшему въ то время воззрѣнію на воспитаніе. Несомнѣнно, что *Локк* былъ ея педагогическимъ авторитетомъ. По свидѣтельству Сумарокова, она знала его наизусть *). Къ его памяти она относилась съ величайшимъ уваженіемъ. Когда епископъ Дююи провозгласилъ Ньютона и Локка нечестивыми, она писала д'Аламберу: «Локкъ и Ньютонъ не должны чувствовать боли отъ укушенія шмеля; тотъ не другъ истинѣ, кто откажется назвать ихъ великими мужами; въ томъ нѣтъ ума, кто придаетъ имъ эпитетъ нечестивыхъ».

На страницахъ «Русской Школы» мы имѣли уже случай отмѣтить взглядъ г-жи Лихачевой, которая говоритъ, что педагогическія убѣжденія Екатерины II сложились преимущественно подъ вліяніемъ *Монтэня***). Не соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, мы не принимаемъ и противоположнаго ему, высказаннаго графомъ Д. А. Толстымъ. Послѣдній не допускаетъ мысли, чтобы Екатерина II пользовалась «Опытами» Монтэня, и, не обосновывая своего положенія, замѣчаетъ: «Монтэнъ былъ наиоригинальнѣйшій философъ, и если кто подражалъ ему, то, конечно, не Екатерина, а скорѣе Руссо въ его *Confessions*: за два вѣка до Руссо Монтэнъ написалъ своего рода исповѣдь, разбросанную по всему его сочиненію, не только съ такою-же откровенностію, но и съ такимъ-же, какъ у Руссо, цинизмомъ»***). Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ недоразумѣніемъ. Во-первыхъ, когда рѣчь идетъ о педагогическихъ сочиненіяхъ Екатерины, то должно обращать вниманіе на педагогическую сторону и въ «Опытахъ» Монтэня, а потому сравненіе названнаго произведенія съ «*Confessions*» Руссо — неумѣстно, здѣсь лучше было-бы указать на его «*Эмилия*»; графъ Толстой обращаетъ вниманіе только на цинизмъ Руссо и, не находя его въ педагогическихъ сочиненіяхъ Екатерины II (хотя, замѣтимъ à propos, онъ не совсѣмъ отсутствуетъ въ ея «*Mémoires*»), отрицаетъ вліяніе перваго на вторую. Во-вторыхъ, противъ мнѣнія ученаго министра говорить тотъ фактъ, что педагогическіе взгляды императрицы находятся въ тѣсной связи съ соотвѣтствующими воззрѣніями Бецкаго, который

*) *Сумароковъ*. Обзоръ цѣ царствованія и свойствъ Екатерины Великія. Спб. 1832, ч. VI, стр. 38.

**) «Русская Школа», 1891 г. январь, стр. 149.

***) *Гр. Дм. А. Толстой*. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года. («Записки Академіи Наукъ», 1883 г. Приложение къ XLVII тому, № 2, стр. 88—89).

часто слѣдуетъ Монтэню, по мѣстамъ даже прямо цитируя этого «славнаго писателя».

Что касается третьяго изъ писателей-педагоговъ, пользовавшихся популярностью въ XVIII вѣкѣ, — *Руссо*, то, какъ передовой человекъ своего времени, Екатерина не могла, конечно, не интересоваться его «Эмилемъ», — этимъ, по выраженію Гёте, «естественнымъ евангеліемъ воспитанія», надѣлавшимъ такъ много шума въ Европѣ и давшимъ могучій толчокъ развитію педагогическихъ идей. Она читала этотъ трактатъ, но онъ не произвелъ на нее того дѣйствія, какого можно было-бы ожидать: если-бы эта книга не была ей извѣстна, ея педагогическія убѣжденія остались-бы такими-же, какими мы ихъ знаемъ въ настоящее время. Въ 1770 году Екатерина писала г-жѣ Бельке: «Особенно не люблю я эмилевскаго воспитанія: не такъ думали въ наше доброе старое время, а какъ и между нами есть однако-же удавшіеся люди, то я и держусь этого опыта и никогда не подвергну драгоцѣнные отпрыски сомнительнымъ или недоказаннымъ опытамъ»^{*}). Такимъ образомъ, высоко ставя Локка, Екатерина смотритъ на него, какъ на авторитетнаго представителя добраго стараго времени; новое-же, «эмилевское», направленіе въ педагогіи для нея какъ-бы не существовало и, приступая къ устройству учебно-воспитательныхъ заведеній, а затѣмъ и къ воспитанію своихъ внуковъ, она не стояла на уровнѣ современнаго развитія педагогическихъ идей въ Европѣ.

То-же нужно сказать и о ея главномъ сотрудникѣ въ дѣлѣ общественаго воспитанія — И. И. Бецкомъ. Относительно послѣдняго можно, впрочемъ, представить слѣдующее объясненіе. «Эмиль» вышелъ въ свѣтъ въ 1762 г., а въ Россіи первые экземпляры его были получены только въ началѣ 1763 года^{**}); между тѣмъ, въ августѣ этого года была уже готова 1-я часть «Генеральнаго плана воспитательнаго дома», а въ мартѣ слѣдующаго Бецкій представилъ императрицѣ докладъ о воспитаніи юношества обоого пола. Здѣсь изложены основныя положенія его педагогической системы, развитыя въ послѣдующихъ актахъ этого рода. Бецкій, 60-ти-лѣтній старикъ, не могъ уже отступить отъ своихъ воззрѣній, твердо сложившихся и вылившихся въ стройную систему, особенно при той широкой практической дѣятельности, какая выпала на его долю на седьмомъ десяткѣ лѣтъ.

^{*}) Сб. И. О., гл. XIII, стр. 37.

^{**}) Это видно изъ письма петербургскаго корреспондента Руссо — Рюльера, отъ 20 февраля 1763 г. I. I. Rousseau. *Ses amis et ses ennemis*, I, p. 308. См. Д. Ф. Кобко. Екатерина II и Ж. Ж. Руссо. («Историческій Вѣстникъ», 1883 г. т. XII, стр. 611).

Въ другихъ условіяхъ находилась императрица. Она только что вступила на престолъ и была въ то время полною силъ и энергіи женщиной, сохранившею чисто юношескую воспримчивость ко всему свѣжему и оригинальному, далеко еще не покончившею со своимъ теоретическимъ развитіемъ. Правда, ее могли отталкивать крайности Руссо, его парадоксальность, но замѣчательно, что она не обратила вниманія на его блестящую и нерѣдко разрушительную критику «Мыслей о воспитаніи». Это можно объяснить только недостаткомъ безпристрастія Екатерины, непріязненнымъ отношеніемъ ея къ автору «Эмиля». Хотя она и называла себя «республиканкой въ душѣ», но въ дѣйствительности оставалась на почвѣ абсолютизма, и ей, разумѣется, не могли нравиться политическія и соціальныя идеи Руссо, убѣжденнаго республиканца—этого трибуна демократіи, называвшаго себя «врагомъ царей» и притомъ враждебно относившагося къ личности нашей государыни. Впослѣдствіи, уже по смерти Руссо, она указывала на него, какъ на виновника революціи, и даже иногда злобно глумилась надъ «этимъ ипохондрикомъ»^{*}). Вражда препятствовала ей правильно понимать «Эмиля» Руссо и отдѣлать въ его геніальномъ трактатѣ истинно прогрессивныя начала отъ парадоксовъ^{**}).

Иначе относилась Екатерина къ знаменитому послѣдователю Руссо—*Базедову*. Въ 1771 г. она послала ему, на изданіе «Elementarwerk», 1.000 талеровъ^{***}). Нельзя положительнѣе сказать, была-ли она дѣй-

^{*}) Д. Ф. Кобеко, *op. cit.* Въ числѣ причинъ, почему Руссо не пользовался расположеніемъ Екатерины II, мы не считаемъ его религіозныхъ убѣжденій, на что указываетъ Я. К. Гротъ («Заботы Екатерины II о народномъ образованіи». Сборникъ II Отд. Акад. наукъ, т. XX, стр. 16), такъ какъ императрица находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ такими атеистами, какъ Дидро и д'Аламберъ; Руссо-же былъ дѣйствъ, какъ и Вольтеръ.

^{**}) Мы нашли нужнымъ остановиться на этомъ вопросѣ главнымъ образомъ въ виду неправильнаго представленія объ отношеніяхъ Екатерины и Бецкаго къ Руссо, господствующаго въ нашей литературѣ. Напримѣръ, П. К. Щербальскій говоритъ, что Екатерина, «слыдя Руссо, отводитъ въ своей инструкціи мѣсто и физическому воспитанію...» («Екатерина II, какъ писательница». «Заря» 1870 г.); «Идемъ Руссо,—читаемъ въ книгѣ проф. А. И. Незеленова: «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху». Спб. 1889, стр. 124, — перешли у насъ, въ Россіи, въ дѣйствительную жизнь (?) по волѣ, главнымъ образомъ, самой императрицы» и т. п.; то-же А. Д. Галаховъ — *Исторія русской словесности*. Изд. II. Спб. 1880, т. 1, отд. 2, стр. 129 и др.

^{***}) Тогда-же великій князь Павелъ Петровичъ подарилъ Базедову 500 талеровъ. Наша академія наукъ, получивъ отъ Базедова его сочиненіе о филантропій, послала ему адресъ, въ которомъ «одобрила горячее усердіе, коимъ проникнуть авторъ ко благу человѣчества». Въ знакъ благодарности къ русской императрицѣ, Базедовъ обѣщалъ основать въ честь ея *Catharineum*—училище für Weltbürgerinnen.

ствительно увлечена восторженными воззваніями этого энтузіаста, или руководилась въ данномъ случаѣ лишь желаніемъ блеснуть меценатствомъ по отношенію къ популярному въ то время филантропинизму, чтобы не отстать отъ другихъ коронованныхъ особъ, покровительствовавшихъ Базедову. То и другое было въ ея характерѣ, но послѣднее болѣе вѣроятно, такъ какъ извѣстно, что она была поверхностно знакома съ устройствомъ филантропиновъ и, кажется, никогда не вѣрила въ ихъ успѣхъ *).

Читая педагогическія сочиненія и другія книги, въ которыхъ трактовалось о воспитаніи, Екатерина еще до вступленія своего на престолъ пришла къ мысли о необходимости реформы въ этой области. Въ ея замѣткахъ, писанныхъ около 1761 года, сохранился проектъ учебно-воспитательнаго заведенія для дѣвочекъ, на подобіе Сень-Сира, а также мысли объ уходѣ за крестьянскими дѣтьми и о воспитаніи «принца» **). Сдѣлавшись-же самодержавною государыней, она въ числѣ задачъ своего царствованія поставила и «приведеніе въ совершенство воспитанія» ***).

Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, царствованіе Екатерины II дѣлится 1782 годомъ, т. е. годомъ учрежденія комиссіи народныхъ училищъ, на два періода. Въ первый изъ этихъ періодовъ особенное вниманіе правительства было обращено на закрытія учебныя заведенія, во второй-же—на устройство открытыхъ «народныхъ» училищъ. Такъ какъ въ «Русской Школѣ» за прошлый годъ была помѣщена обстоятельная статья Н. Х. Весселя, посвященная «народнымъ» училищамъ екатерининскаго времени, то мы ограничимся только анализомъ педагогическихъ идей, преобладавшихъ въ первый изъ намѣченныхъ нами періодовъ.

Ближайшимъ сотрудникомъ императрицы былъ въ это время *Ив. Ив. Бецкій* (род. 1704 г., умеръ 1795 г.), незаконнорожденный сынъ боярина и воеводы князя Ив. Юрьевича Трубецкаго, который далъ ему свою фамилію, отбросивъ отъ нея первый слогъ. Взятый шведами въ плѣнъ подъ Нарвою, Трубецкій женился въ Стокгольмѣ на баронессѣ Вреде, скрывъ отъ нея, что онъ оставилъ жену въ Россіи. Обманъ обнаружился только въ 1718 году, когда онъ долженъ былъ возвратиться на родину. Жену и сына онъ оставилъ въ Стокгольмѣ. На 12-мъ году Бецкій былъ опредѣленъ въ кадетскій корпусъ (въ Ко-

*) См. письма ея къ Гримму. Ср. *Я. К. Гротъ*, Заботы Екатерины II о народномъ образованіи. Сб. II отд. акад. наукъ, т. XX, стр. 27 и др.

**) Сборн. Р. И. Общ., т. VII, стр. 82, 86 и 97.

***) Сочиненія Екатерины II. Спб. 1849, ч. I, стр. 61.

пенгагенѣ), гдѣ воспитаніе отличалось суровостію. По окончаніи курса ученія, онъ поступилъ было въ кавалерію, но вслѣдствіе ушиба, полученнаго при паденіи съ лошади, скоро ее оставилъ. Потомъ онъ ѣздилъ по Германіи, гдѣ посѣщалъ разныя учебныя заведенія съ цѣлью дополнить свое, по всей вѣроятности, довольно скудное образованіе. Около 1721 года Бецкій прибылъ въ Россію и поступилъ на государственную службу, на которой оставался до 1747 года. Выйдя въ этомъ году въ отставку, онъ отправился за границу и, переѣзжая изъ одной мѣстности въ другую, изучалъ «все, что представляла ему интереснаго Европа по части школь, общественныхъ нравовъ, благотворительныхъ учреждений. Онъ бывалъ въ лучшихъ, образованнѣйшихъ кружкахъ Европы, бесѣдовалъ съ современными знаменитостями, восхищался богатой культурой Германіи, Франціи, Голландіи. Многія свои наблюденія онъ внесъ впоследствии въ свои уставы, касавшіяся русскаго воспитанія». Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, Бецкій становится однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей императрицы и вступаетъ на тотъ путь, который сдѣлалъ извѣстнымъ его имя въ исторіи русскаго воспитанія *).

Екатерина, съ ея стремленіемъ усвоить начала западной цивилизаціи и примѣнить ихъ къ условіямъ русской жизни, нашла въ Бецкомъ человѣка, который болѣе чѣмъ кто-либо другой былъ способенъ оказать ей помощь въ этомъ дѣлѣ. Они вмѣстѣ читали произведенія европейскихъ мыслителей, и это давало, конечно, массу матеріала для ихъ бесѣдъ **). Вотъ та лабораторія, въ которой вырабатывались воззрѣнія, положенныя въ основу новаго воспитанія въ Россіи. Бецкій, въ своихъ планахъ и уставахъ, и Екатерина, въ «Инструкціи Салтыкову» и др. педагогическихъ сочиненіяхъ, развиваютъ лишь различныя детали общей системы воспитанія, принципы которой они хорошо продумали и обсудили въ первое время своего знакомства, подъ сильнымъ вліяніемъ западно-европейской литературы, особенно «Мыслей о воспитаніи» Локка и «Опытовъ» Монтэня.

Первый шагъ къ организаціи общественнаго воспитанія на новыхъ началахъ былъ сдѣланъ въ 1763 году. Въ августѣ этого года высочайше утверждёнъ «Генеральный планъ воспитательнаго дома

*) А. П. Пятковскій. И. И. Бецкій («Дѣло», 1867 г. № 4). Н. Михайловскій. Матеріалы для біографіи И. И. Бецкаго («Ж. М. Н. Просв.» 1855 г. № 3). И. С. Горюхи. Матеріалы объ И. И. Бецкомъ («Чт. въ общ. ист. и др.», 1863, IV).

**) Сумароковъ, *op. cit.*, ч. I, стр. 83. Опроверженіе распространеннаго мнѣнія, что Бецкій былъ отцомъ Екатерины, см. у В. А. Билбасова, *op. cit.*, т. I, стр. 3.

для приносныхъ дѣтей» (1-я часть ¹⁾). Затѣмъ слѣдуетъ докладъ Бецкаго «о воспитаніи юношества обоего пола», утвержденный императрицею 22 марта 1764 г. ²⁾. Въ «докладѣ» представлены принципы реформы, примѣненію же ихъ въ школахъ разнаго наименованія посвящены: «Уставъ воспитанія благородныхъ дѣтей» ³⁾; «Уставъ воспитательнаго училища при академіи художествъ» ⁴⁾; «Учрежденіе особливаго училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія малолѣтнихъ двушекъ» ⁵⁾; «Уставъ Императорскаго Шляхетнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса» ⁶⁾; «Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества» ⁷⁾; «Планъ воспитательнаго училища изъ купеческихъ дѣтей для коммерціи» ⁸⁾.

Къ перечисленнымъ официальнымъ актамъ нельзя прилагать того понятія, какое обыкновенно соединяется съ подобными документами. Это не сухія, составленныя въ канцеляріи, «бумаги», а произведенія, въ которыхъ авторъ вложилъ свою душу; написаны они съ талантомъ и одушевленіемъ. Бецкій не ограничивается яснымъ изложеніемъ «пунктовъ», а старается убѣдить читателя въ справедливости своихъ положеній: объясняетъ ихъ основанія, цитируетъ древнихъ и новыхъ авторовъ, ссылается на примѣры исторіи, вставляетъ по мѣстамъ воспоминанія изъ своихъ путешествій, полемизируетъ съ противниками раздѣляемыхъ имъ воззрѣній и пр. При этомъ онъ замѣчательно послѣдователенъ: между уставами, писанными въ разное время, трудно отыскать какое-либо противорѣчіе. Видно, что взгляды его на воспитаніе твердо установились прежде, чѣмъ онъ взялся за это дѣло.

II.

Ни Монтэнь, ни Локкъ не говорятъ о воспитаніи, какъ о дѣлѣ государственномъ; Руссо же считалъ общественное воспитаніе анахрониз-

¹⁾ Полное Собраніе Россійскихъ Законовъ, т. XVI, стр. 352. Вторая и третья части этого плана представлены императрицѣ уже въ 1767 г. П. С. З., т. XVIII, стр. 290.

²⁾ П. С. З., т. XVI, стр. 668.

³⁾ Утвержденъ 5 мая 1764 г. П. С. З., т. XVI, стр. 742.

⁴⁾ Утв. 4 ноября 1764. П. С. З., т. XVI, стр. 948.

⁵⁾ Утв. 31 янв. 1765 г. П. С. З., т. XVII, стр. 18.

⁶⁾ Утв. 11 сентября 1766 г. П. С. З., т. XVII, стр. 959.

⁷⁾ Утв. 16 ноября 1766 г. П. С. З., т. XVII, стр. 1050.

⁸⁾ Утв. 6 декабря 1772 г. П. С. З., т. XIX, стр. 675.

момъ¹⁾. Какъ-же Екатерина и Бецкій пришли къ мысли о необходимости государственнаго воспитанія? Правда, имъ былъ извѣстенъ Сень-Сиръ, въ которомъ дворянскія дѣвицы воспитывались насчетъ государства; но, по нашему мнѣнію, генезисъ государственнаго воспитанія гораздо сложнѣе, чѣмъ простое заимствованіе. Будучи порожденіемъ XVIII вѣка, — вѣка чистаго рационализма, оно представляетъ собою замѣчательную попытку реализаціи апріорной идеи.

Въ началѣ XVIII столѣтія мысль о возложеніи на государство заботъ о воспитаніи юношества того и другого пола высказалъ аббатъ Сень-Пьерръ²⁾. Та-же мысль вытекаетъ изъ положенія Монтескье о соотвѣтствіи воспитанія съ принципами политическаго устройства страны. «Законы воспитанія,—читаемъ въ *Esprit des lois*,—даются намъ прежде всѣхъ другихъ; а такъ какъ они приготавливаютъ насъ быть гражданами, то каждое порознь семейство должно быть управляемо по плану и начертанію великаго семейства, которое всѣ ихъ въ себѣ заключаетъ». Поэтому «законы воспитанія различны въ каждомъ правленіи. Въ монархіяхъ цѣль ихъ честь, въ республикахъ—добродѣтель, въ деспотизмѣ—страхъ»³⁾. На эту связь воспитанія съ внутреннимъ устройствомъ страны указывалъ потомъ Беккарія, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «*Del delitti e delle pene*», въ которомъ проводится взглядъ на просвѣщеніе, какъ на средство предупрежденія преступленій. «Хотите-ли,—говоритъ Беккарія,—предупредить преступленія? Сдѣлайте такъ, чтобы просвѣщеніе и свобода шли рука объ руку»⁴⁾. Разъ воспитаніе должно соотвѣтствовать формѣ правленія; разъ оно приготавливаетъ людей «быть гражданами» и служить средствомъ предупрежденія преступленій, которыя всегда подлежали компетенціи правительства; то отсюда уже одинъ шагъ до того, чтобы правительство не только регламентировало, но прямо взяло въ свои руки воспитаніе народа. Прецеденты такого рѣшенія вопроса представляла классическая древность,—рѣшенія какъ практическаго (напр., у спартанцевъ), такъ и теоретическаго: Платонъ, Аристотель и дру-

1) *Ж. Ж. Руссо*. Собраніе сочиненій. Спб. 1866 г., т. 1, стр. 5.

2) Его *Annales* Екатерина II называетъ «прекрасною книжечкою». Р. Старица, 1874, № 1; см. *Е. Лихачева*. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Спб. 1890, стр. 94.

3) *Духъ законовъ*. Перев. Карнеева. Изд. 2-е, Спб. 1862. Ч. 1, стр. 53. «*Esprit de lois*» Екатерина называла своимъ молитвенникомъ и находила, что эта книга должна быть молитвенникомъ для всякаго государя, обладающаго здравымъ смысломъ.

4) *Маркизь Беккарія*. О преступленіяхъ и наказаніяхъ. 1889, стр. 79.

гіе классическіе авторы, сочиненія которыхъ въ XVIII вѣкѣ имѣли болѣе жизненное значеніе, чѣмъ въ настоящее время, разсматриваютъ воспитаніе юношества, какъ одну изъ функцій правительства, и ученіе о немъ приурочиваютъ къ ученію о государствѣ. Такъ, «Республика» Платона,—говоритъ Руссо,—вовсе не политическое сочиненіе, какъ думаютъ люди, судящіе о книгахъ по заглавіямъ; это прекраснѣйшій изъ всѣхъ трактатовъ о воспитаніи ¹⁾).

Съ той-же политической точки зрѣнія смотрѣли на дѣло воспитанія и наши реформаторы XVIII вѣка. «Правила воспитанія,—повторяются въ «Наказѣ» слова Монтескьё,—суть первыя основанія, приготавливающія насъ быть гражданами» ²⁾). И такой взглядъ вполне согласенъ съ теоріею вѣка—*просвѣщеннымъ абсолютизмомъ*, по которой правительство являлось «самодержавнымъ регуляторомъ всей умственной жизни народа» ³⁾). Оно считало возможнымъ и обязательнымъ для себя «сдѣлать людей лучшими», «преодолѣть суевѣрія вѣковъ». «Всѣ теперешніе пороки,—говоритъ Екатерина II устами своего псевдонима «дѣдушки»,—ничего не значатъ: они схожи на стекающее полноводіе. Вода-же, пришедъ въ прежніе границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе» ⁴⁾). И потому правительство рѣшилось «произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, *новую породу или новыхъ отцовъ и матерей*, которые бѣ дѣтямъ своимъ тѣ-же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали-бы паки своимъ дѣтямъ; и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки» ⁵⁾).

Что мысль о государственномъ воспитаніи, какъ средствѣ создать «новую породу людей», была въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма, на это указываютъ, между прочимъ, аналогичныя воззрѣнія французскихъ экономистовъ-физиократовъ ⁶⁾). Основатель этой школы, Кене,

¹⁾ Ж. Ж. Руссо, *op. cit.* стр. 5.

²⁾ *Сочиненія императрицы Екатерины II*. Спб. 1849, т. I, стр. 84. О заимствованіяхъ, сдѣланныхъ авторомъ «Наказа» изъ Монтескьё и Беккарии, см. *Кистиковскій*. Изложеніе началъ уголовного права по наказу императрицы Екатерины II («Кіевск. Унив. Изв.» 1864 г.).

³⁾ А. П. Щаповъ. Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа. Спб. 1870.

⁴⁾ Сочиненія Екатерины II, т. III, стр. 12

⁵⁾ П. С. З., т. XVI, стр. 669, ср. 349.

⁶⁾ Еще Токвиль, въ книгѣ «*Sur l'ancien regime*», положительно доказалъ, что физиократы, девизомъ которыхъ въ политической экономіи было классическое: «*laissez faire, laissez passer*»,—въ политикѣ не понимали конститүционаго

считалъ обязанностью правительства не только управлять гражданами, но и улучшать ихъ нравственно. Этотъ взглядъ подробно изложенъ Тюрго, въ докладѣ Людовику XVI-му—*Mémoire au roi sur les municipalités* (1775 г.). Усматривая главную причину неудовлетворительности современнаго порядка вещей въ междоусобныхъ разграниченіяхъ, Тюрго указываетъ на рациональное воспитаніе подростовающаго поколѣнія, какъ на единственное средство для достиженія народнаго благосостоянія. «Первая связь націй,—говоритъ онъ,—правы; первая основа нравовъ—юношеское образованіе относительно общественныхъ обязанностей... Странно, что существуютъ школы для образованія математиковъ, художниковъ, но нѣтъ школы для воспитанія гражданъ». Онъ проектируетъ соединить всѣ учебныя заведенія страны подъ управленіемъ особаго совѣта—*Conseil de l'instruction nationale*, который-бы направлялъ все дѣло народнаго просвѣщенія къ одной цѣли—къ образованію истинныхъ гражданъ *). Тѣ-же взгляды нѣсколько ранѣе развивалъ Дюкло, въ сочиненіи «*Considération sur les moeurs de ce siècle*».

Кромѣ нравственнаго возрожденія русскаго общества, произведенія «новаго порожденія людей», у Екатерины и ея сотрудника была еще особая цѣль—созданіе *третьяго сословія*. Въ то время, какъ въ европейской жизни *tiers-état* играло уже выдающуюся роль и прежде бывшее «*rien*» готовилось, по остроумному выраженію аббата Сійэса, стать «*tout*», у насъ, въ Россіи, не было соотвѣтствующаго класса людей, который-бы являлся представителемъ умственныхъ интересовъ и культуры вообще. «Изъ посланныхъ (за границу) еще при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, — говорится въ докладѣ Бецкаго, — дворяне съ хорошими возвратились успѣхами въ томъ, чему они обучаться назначены были; но по возвращеніи, имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли они въ томъ упражняться. Другіе, изъ подлости къ наукамъ взятые, также весьма скоро успѣвали въ оныхъ, но скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились; отчего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ *третьимъ чиномъ* или среднимъ называется,

начала и въ просвѣщенномъ абсолютизмѣ видѣли средство для всѣхъ полезныхъ реформъ. См. *Геттнеръ*. Исторія всемірной литературы XVIII вѣка. Спб. 1866 г., т. II, стр. 195—196.

*) *Oeuvres de Turgot*. Paris, 1844. Т. II, р. 506—509. Ср. *Г. Е. Благосвѣтловъ*, Сочиненія. Спб., 1882, стр. 320—321. *А. Д. Галаховъ*, *op. cit.*, т. 1, отд. 2, стр. 120—121.

Россія до сего времени и произвести не можетъ» ¹⁾. Въ «Наказѣ» находимъ такое опредѣленіе «третьяго чина»: «Сей родъ людей, отъ котораго государство многого добра ожидаетъ, если твердое на добродравіи и поощреніи ко трудолюбію основанное положеніе получить, есть средній. Оный, пользуясь вольностію, не причисляется ни ко дворянству, ни ко хлѣбопашцамъ» ²⁾.

Какъ извѣстно, Екатерина II ничего не сдѣлала для улучшенія быта крестьянъ и даже значительно увеличила число закрѣпощенныхъ. Въ молодости она была, однако, сторонницей ихъ эмансипаціи. Въ ея замѣткахъ, набросанныхъ въ концѣ царствованія Елизаветы, читаемъ: «противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей; они всѣ рождаются свободными». Какъ тогда, такъ и въ первые годы своего царствованія она держалась мысли о постепенномъ уничтоженіи крѣпостного права; но, будучи обязана престоломъ дворянству, она, изъ опасенія за свою власть, не могла сдѣлать рѣшительнаго шага въ пользу крѣпостного населенія Россіи. Даже наиболѣе либеральная редакція «Наказа» ограничивается палліативами, предлагая, напр., «освобожденіе изъ рабства» семейства изнасилованной женщины ³⁾. Къ подобнымъ, палліативнымъ, мѣрамъ пужно отнести и постановленія, касающіяся правового положенія питомцевъ воспитательнаго дома, которые, какъ и ихъ потомки, должны были оставаться свободными въ «вѣчные роды». Имъ строго запрещалось вступать въ бракъ съ крѣпостными. Если-же «обманомъ противное сему учинится, то не только они сами крѣпки не будутъ помѣщикамъ, но еще и другая сторона, вступившая съ ними въ бракъ, съ того самого времени будетъ вольнымъ человѣкомъ, а не крѣпостнымъ» ⁴⁾, т. е. будетъ принадлежать къ третьему сословію.

При такомъ взглядѣ на дѣло, Екатерина и ея сотрудникъ естественно должны были обратить серьезное вниманіе на женское образованіе, хотя-бы вопросъ о немъ и не поднимался на Западѣ ⁵⁾. И дѣйствительно, они не полагаютъ различія между мальчиками и дѣвочками въ отношеніи образованія. «Съ такимъ-же крайнимъ раченіемъ и порядкомъ, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ воспитываемъ»

¹⁾ П. С. З. т. XVI, стр. 669.

²⁾ Сочин. Екатерины II, т. I, стр. 90.

³⁾ В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. («Отеч. Зап.» 1879 г. № 10).

⁴⁾ П. С. З. т. XVI, стр. 360—361.

⁵⁾ О женскомъ образованіи на Западѣ въ это время см. въ цитированномъ выше сочиненіи г-жи Лихачевой, гл. IV.

быть имѣть. Пренебреженіе онаго не меньше было-бы несправедливо, сколь и неблагоразсудно и вредно; почему при воспитаніи онаго, наблюдая пристойность пола, обучаемы быть имѣють таковымъ-же образомъ, по возрасту ихъ лѣтъ» *). Признавая равенство правъ обоихъ половъ на образованіе, они были вполне послѣдовательны, такъ какъ вліяніе женщины на общественную нравственность ничуть не менѣе, чѣмъ вліяніе мужчины: «Сей нѣжный полъ, обладающій сердцами, имѣя сильное вліяніе во нравы общества, можетъ своею добродѣтелию способствовать къ исправленію оныхъ, или въ противномъ случаѣ, ослабляя души, преклонять къ пороку» **).

Мало того, Бецкій выступаетъ даже съ защитой женскаго образованія противъ лицъ, думавшихъ, что «меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ»: «За первое предводительство, оказанное намъ, какъ на свѣтъ вышли, за первую помощь и сбереженіе, за первое пропитаніе, за первыя наставленія и за первую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся, кому одолжены? Одному женскому полу». Между тѣмъ мужчины, гордые «превосходствомъ въ крѣпости силъ своихъ», такъ упрямы и несправедливы, что ставятъ препятствія къ приобрѣтенію женщинами «наставленій, къ просвѣщенію разума потребныхъ». Образованіе одинаково нужно всѣмъ женщинамъ, безъ различія сословія и состояній,—оно необходимо для «благоденствія рода человѣческаго» ***).

Но какъ воспитать новыхъ отцовъ и матерей, какъ предохранить ихъ отъ «предразсужденій» и «суевѣрій» старшаго поколѣнія? Единственное средство для этого наши реформаторы видѣли въ закрытомъ воспитаніи,—въ искусственномъ изолированіи дѣтей отъ окружающей ихъ среды. Въ настоящее время было-бы слишкомъ поздно останавливаться на недостаткахъ этой системы: несостоятельность закрытаго воспитанія слишкомъ очевидна для всѣхъ, и насъ можетъ интересовать только его генезисъ.

Еще Монтанъ указывалъ на нѣкоторыя неудобства воспитанія дѣтей самими родителями; Локкъ-же, хотя и былъ противникомъ современной ему школы, но необходимымъ условіемъ правильнаго воспитанія ребенка ставилъ удаленіе его отъ развращающаго вліянія прислуги; предлагалъ онъ также и много другихъ мѣръ, трудно выполнимыхъ

*) П. С. З. т. XVI, стр. 348.

**) Извѣстія Императорскаго воспитательнаго дома, къ удовольствію общества служація, на мѣсяцъ февраль 1779 года, стр. 69.

***) П. С. З. т. XVIII, стр. 309—310.

при семейной жизни, особенно для небогатыхъ людей. На Западѣ изстарѣ существовали закрытыя школы, напр., іезуитскія, порядки которыхъ давно уже были приняты въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ XVIII вѣкѣ особенно славился Сентъ-Сиръ, хорошо извѣстный Екатеринѣ и Бецкому. Все это должно было наводить ихъ на мысль о закрытомъ характерѣ вновь учреждаемыхъ заведеній. Кромѣ того, настойчивость, съ которою они проводили эту мысль, объясняется ихъ воззрѣніемъ на сущность воспитанія. Для нихъ не подлежало сомнѣнію основное положеніе педагогической системы Локка, что дѣти, чуждыя отъ природы дурныхъ задатковъ, дѣлаются хорошими или дурными людьми вслѣдствіе воспитанія и главнымъ образомъ подвляніемъ примѣровъ окружающихъ лицъ. Моральное-же состояніе русскаго общества въ прославленный «вѣкъ эпикурейства» представляло довольно печальную картину; въ то время, за весьма немногими исключеніями, въ души дѣтей—

Подъ кровлею отеческой
 Не запало ни одно
 Жизни чистой, человѣческой
 Плодотворное зерно...

Прибавимъ, сверхъ того, господствовавшую въ этотъ философскій вѣкъ и не разбитую еще послѣдствіями великой революціи вѣру въ возможность перестроить всю жизнь народа на новыхъ, раціональныхъ началахъ, совершенно игнорируя историческія традиціи и бытовыя условія.

Итакъ, наше правительство не видѣло другаго способа осуществить свое «великое намѣреніе», какъ «завести воспитательныя училища для обоюго пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и шестому году»; такъ какъ, по психологіи Екатерины и Бецкаго, — «въ тѣ самыя годы начинается дитя приходить въ познаніе изъ невидѣнія» и «по прошествіи сихъ лѣтъ» уже невозможно «поправить въ челоуѣкѣ худой нравъ, *чѣмъ онъ уже заразился*, и поправляя его, тѣ правила добродѣтели твердо въ сердце его вкorenить, кои ему имѣть было потребно» *). И потому пяти-шестилѣтнія дѣти принимались въ «воспитательныя училища», въ которыхъ они должны были «безвыходно пребывать» до 18—20 лѣтъ, не имѣя за все это время «ни малѣйшаго съ другими сообщенія». Даже родители и самыя близкіе родственники могли ихъ видѣть только въ назначенные дни, и то не иначе, какъ въ самомъ заведеніи и въ

*) П. С. З. т. XVI, стр. 670.

присутствіи воспитателей, «ибо неоспоримо, — аргументируетъ Бецкій, — что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженъ ствуетъ *напрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей*» *). Родители и попечители, помѣщая дѣтей въ «воспитательныя училища», подпискою обязывались ни подѣ какимъ видомъ не требовать ихъ обратно **).

М. Суперанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Тамъ-же, стр. 753.

**) Тамъ-же, стр. 745; ср. 951 и т. XVII, стр. 964.

Народное образованіе въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, до открытія въ ней земскихъ учрежденій *).

(Къ исторіи народнаго образованія въ Россіи).

I.

Первыми насадителями грамотности въ Шадринскомъ уѣздѣ были частныя лица и духовенство. Между частными лицами занимались обученіемъ дѣтей отставные солдаты, грамотеи изъ мѣстныхъ крестьянъ, крестьянскія дѣвицы, старыя и молодыя, грамотные старики и старухи (преимущественно у раскольниковъ **), исключенные изъ духовнаго званія лица и духовныя вдовы. Изъ этихъ лицъ, нѣкоторыя были пріѣзжія изъ другихъ уѣздовъ, оказывались и проходимцы. Такъ, въ селѣ Барневскомъ нѣкоторое время училъ бѣглый, выдававшій себя за офицера, и когда обнаружилось его самозванство, то онъ сбѣжалъ; въ Сугоякскомъ селѣ появился неизвѣстнаго происхожденія учитель, позанимался года два и скрылся, не выучивъ грамотѣ своихъ учениковъ, которыхъ у него было до шести. Обученіемъ грамотѣ изъ духовенства занимались преимущественно псаломщики, иногда заштатные, и діаконы, но занимались и священники. Иные учились другъ у друга и самоучкомъ.

*) Настоящій очеркъ составленъ на основаніи: а) дѣлъ архива Шадринскаго уѣзднаго училища, б) дѣлъ Шадринскаго училищнаго совѣта, в) дѣлъ архива Батуринскаго училища, г) сообщеній учащихся, сдѣланныхъ на основаніи церковныхъ, школьныхъ и другихъ документовъ.

**) Такъ, въ селѣ Вороновскомъ (единовѣрческомъ) учительствовалъ въ пятидесятихъ годахъ начетчикъ безпоповщинской секты крестьянинъ Иванъ Макаровъ Ганенковъ, уклонившійся въ расколъ изъ единовѣрія. Онъ былъ, между прочимъ, первоначальнымъ учителемъ Е. И. Кыштымова, гласнаго Шадринскаго земства и члена Шадринскаго училищнаго совѣта, которому школьное дѣло въ уѣздѣ многимъ обязано.

Частныя лица обучали или у себя на дому, напр., вдовы, дѣвицы, или для занятій отводилась клѣтъ, либо малая изба, или-же учителя переходили съ учениками изъ избы въ избу. Духовенство обучало у себя на дому.

Вознаграждались учащіе за свой трудъ различно. За каждаго ученика платилось или помѣсячно, отъ 20 коп. до 50, или за зиму, отъ 1 руб. до 5-ти и болѣе, или прямо за выучку. Размѣръ платы опредѣлялся иногда предметами преподаванія: такъ, въ селѣ Сухринскомъ учителя брали съ книги: за усвоеніе букваря—1 руб. и 1 руб. 50 к., за обученіе часослову—столько-же, за обученіе псалтирю—2, 3 руб. Если ученикъ оказывался тупымъ, то учитель требовалъ прибавки. Сверхъ платы, учителя пользовались поведѣльно готовымъ столомъ въ домахъ учениковъ, а любители выпить выговаривали себѣ и «угощеніе»; выговаривались и особыя подарки. Священники, а отчасти и діаконы, обучали безвозмездно, но псаломщики брали нѣкоторую плату. Кромѣ платы за обученіе, родителямъ приходилось еще расходоваться на покупку учебниковъ и письменныхъ принадлежностей; а потому частнымъ лицамъ и низшимъ членамъ причта отдавали своихъ дѣтей для ученія лишь родители зажиточные. Затѣмъ, отдавались въ обученіе одни мальчики. Дѣвочекъ, даже въ семействахъ самихъ духовныхъ, учили рѣдко.

Главнымъ предметомъ обученія служила церковно-славянская грамота. Сначала разучивался церковно-славянскій букварь, затѣмъ—часословъ, за симъ—псалтирь. Если ученикъ научался бойко читать каѳизмы и, сверхъ того, отыскивать имена святыхъ въ святцахъ, то онъ признавался настоящимъ грамотеемъ.

Обученіе частныхъ лицъ иногда ограничивалось однимъ церковно-славянскимъ чтеніемъ. Письму эти лица обучали мало, а нѣкоторые изъ нихъ, напр., женщины, и сами не умѣли писать. Изъ ариѳметики проходила одна «цыфирь» или нумерація. Курсъ обученія опредѣлялся и самими родителями: всѣ требовали выучки псалтирю и искусству обращаться со святцами, а письмо и цыфирь требовались не всѣми,—можетъ быть, и въ виду большей платы за эти предметы.

Обученіе слѣдовало, конечно, установившейся техникѣ и было чисто механическимъ. При изученіи азбуки употреблялся буквосочетательный методъ. При чтеніи читаемое не разъяснялось, а требовалось лишь, чтобы ученикъ владѣлъ механикой чтенія; при чтеніи ученикъ не соблюдалъ знаковъ и удареній, чего, впрочемъ, часто не знали и сами учащіе. Письмо, если ему обучали, состояло лишь въ списываніи съ

книги и прописей. Въ Песчано-Калединскомъ селѣ учитель изъ духовныхъ обучалъ письмо на деревянныхъ доскахъ мѣломъ.

Курсъ обученія продолжался отъ трехъ до пяти зимъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ учились только до обѣда, а въ другихъ и послѣ. Праздничныхъ дней въ теченіе года было больше, но ученье бывало и на святкахъ.

Такъ какъ все домашнее обученіе сводилось къ одной механической выучкѣ, то отъ домашнихъ учителей не требовалось ни основательной подготовки, ни безукоризненнаго поведенія. Иные изъ частныхъ лицъ, напр., отставные солдаты или прозелиты изъ духовныхъ, отличались нетрезвымъ поведеніемъ и обращались съ дѣтьми грубо. Такъ, въ селѣ Лебяжскомъ солдатъ-учитель обходился съ учениками такъ грубо, что вынудилъ священника, о. Оранскаго, посовѣтовать крестьянину, въ домѣ котораго жилъ учитель, отказать ему. Въ селѣ Ново-Песковскомъ учитель изъ деревни Скоробогатовой, Челябинскаго уѣзда, любилъ выпить и былъ дерзокъ. Вспоминаютъ здѣсь о немъ такъ: «заставить ребятишекъ выкрикивать азы или склады, а самъ покуриваетъ трубочку да покрикиваетъ, и никакой-то у него нѣтъ работы: такъ не маялся, какъ нынѣшніе учителя».

Было-бы, однако, несправедливостью сказать, что всѣ старые домашніе народные учителя были подобны указаннымъ. Не говоря уже о членахъ причта, и между отставными солдатами, и среди другихъ частныхъ учителей и учительницъ несомнѣнно бывали и люди трезваго поведенія, добраго характера и толковые. Таковъ былъ, напри- мѣръ, по сообщенію члена училищнаго совѣта, о. Первушина, учитель села Канашевскаго, унтеръ-офицеръ Спиридонъ Васильевичъ Тараборинъ. Домашняя его школа осматрѣна о. Первушинымъ въ январѣ 1871 года. Ученики его, числомъ пять, и ученица, читали всѣ порядочно, по-славянски и по-русски (читалось Евангеліе, славянорусское, псалтирь, 104 священныхъ исторій, изданіе 1868 г., и хрестоматія Галахова, въ двухъ частяхъ). Ученица, по прочтеніи, рассказала исторію о виолеемскихъ пастыряхъ. Писали всѣ на бумагѣ (№ 6) по транспаранту хорошо, пятеро—прописи, одинъ—заглавныя буквы. Всѣ ученики оказались бойко соображающими при рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ и знающими четыре дѣйствія; ученица не обучалась ариѳметикѣ по запрещенію отца ея, но и она всѣ задачи рѣшала на счетахъ такъ же быстро, какъ и другіе. Оказалось у этого учителя и нѣсколько книжекъ для домашняго чтенія учениковъ, именно басни Крылова и Русская исторія Устрялова, въ 2 частяхъ. Въ училищной комнатѣ и въ хатѣ учителя ревизующій нашелъ чистоту и порядокъ. «Его бла-

гочестіе, по словамъ ревизующаго, извѣстно и Далматовскому монастырю», гдѣ онъ нѣкоторое время проживалъ, а внѣшняя его выправка соотвѣтствуетъ внутренней *).

Въ селѣ Барневскомъ сохранились отрадныя воспоминанія о домашней народной учительницѣ, изъ крестьянскаго сословія, В. А. Сухоруковой, нынѣ монахинѣ Тобольскаго Ивановскаго монастыря. По словамъ старожиловъ, она отличалась прекраснымъ, мягкимъ характеромъ и обучала церковному пѣнію. По слѣдамъ ея шелъ псаломщикъ мѣстной церкви Костроминъ, занимавшійся обученіемъ дѣтей уже въ сравнительно позднѣйшее время, уже тогда, когда открылись земскія учрежденія въ уѣздѣ. Въ поощреніе его учительскаго труда, земская управа выдавала ему по 10 р. за cadaго выученнаго грамотѣ, послѣ надлежащаго испытанія (эта мѣра поощренія вообще практиковалась въ шадринскомъ земствѣ въ первые годы его дѣятельности).

II.

Дальнѣйшую ступень въ ходѣ народнаго образованія въ Шадринскомъ уѣздѣ представляютъ собою церковно-приходскія школы. До открытія земскихъ учреждений школы эти, по доставленнымъ намъ учащими свѣдѣніямъ, были въ 27 селахъ уѣзда. Вѣроятно, существовали церковно-приходскія школы и въ другихъ селеніяхъ. Эти школы существовали въ разное время, но основаніе самыхъ старѣйшихъ между ними не восходитъ далѣе конца тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Но лишь немногія изъ церковныхъ школъ существовали безъ перерывовъ и подолгу. Бакланская школа существовала 34 года, Ключевская 15 лѣтъ (съ 1856 г. до 1872), Замараевская—12 лѣтъ (съ 1843 по 1856 г.), Водениковская—10 лѣтъ (съ 1861 по 1871 г.). Остальныя школы существовали отъ 7 до 2 лѣтъ, открываясь и закрываясь, снова открываясь и опять закрываясь.

Основаніе и существованіе церковныхъ школъ было, можно сказать, совершенно случайнымъ: оно зависѣло отъ состава причта и случайныхъ источниковъ содержанія. Съ переменною священниковъ,

*) Говоря вообще, въ средѣ старыхъ домашнихъ учителей грамотности встрѣчались и такіе, которые собственнымъ умомъ доходили до нѣкоторыхъ рациональныхъ приѣмовъ обученія. Таковъ былъ собственный нашъ учитель, изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, еврейскаго происхожденія, Григорій Маковичъ Марковъ. При безусловной трезвости и выдержанномъ характерѣ, это былъ учитель толковый и умѣвшій обращаться съ дѣтьми; между прочимъ, счету онъ обучалъ насъ наглядно, по свѣтлымъ пуговицамъ своего, всегда чистенькаго, мундира.

радѣвшихъ о народномъ образованіи, или другихъ членовъ причта, занимавшихся въ школѣ, а также съ прекращеніемъ случайныхъ денежныхъ поступленій, прекращалось и существованіе школы.

Открывались церковныя школы или по инициативѣ священниковъ, или по предложенію епархіальной власти, а содержались или на средства церкви (на церковный счетъ приобрѣтались учебники и учебныя принадлежности), или на средства духовенства (священники нанимали на свой счетъ учителей), или на средства церкви и родителей учащихся, или-же на совокупныя средства церкви, духовенства и родителей.

Помѣщались школы въ домахъ священниковъ, въ церковныхъ башняхъ (на углахъ церковныхъ оградъ), въ общественныхъ домахъ и на частныхъ квартирахъ. Для двухъ школъ, Ольховской и Канашевской, крестьянинъ Воложенинъ въ сороковыхъ годахъ построилъ на свои средства каменные дома, за что награжденъ былъ серебряною медалью для ношенія на груди (дома эти до сихъ поръ существуютъ: въ Ольховскомъ помѣщается земская аптека, въ Канашевскомъ — училище).

Преподавали въ школахъ безвозмездно священники, діаконъ и псаломщики. Для занятій въ школахъ приглашались и родственники членовъ причта, и постороннія лица; послѣднія за плату. Такъ, въ Бакланской школѣ въ пятидесятыхъ годахъ занимался за плату отъ родителей (по 5 и 6 руб. въ зиму) отставной солдатъ изъ села Сладчанскаго, Ивановскій, а затѣмъ отставной-же унтеръ-офицеръ Ив. Силинъ; въ Широковской школѣ обучалъ нѣкоторое время отставной солдатъ, изъ кантонистовъ, Ст. Третьяковъ; въ Песчанской—отставной солдатъ С. Рябовъ; въ Кабанской школѣ сначала былъ учителемъ отставной солдатъ Н. Спиридоновъ, а затѣмъ крестьянская дѣвица Павла Минина (получала плату отъ родителей учениковъ отъ 2 до 8 руб. за все обученіе); въ Усть-Міасской школѣ занимался одно время калѣка изъ духовныхъ, жившій въ работникахъ у мѣстнаго священника. Приглашеніе въ школы для занятій лицъ постороннихъ, изъ занимавшихся этимъ дѣломъ домашнихъ народныхъ учителей, иногда съ платою отъ себя этимъ лицамъ, вызывалось необходимостью, такъ какъ священники не имѣли возможности вести обученіе аккуратно, а псаломщики либо не принимали на себя того дѣла, либо совсѣмъ не были къ нему способны. Вѣроятно, бывали такіе случаи, что священникъ находилъ для себя болѣе полезнымъ и удобнымъ лишь числиться руководителемъ и учителемъ школы.

Приглашенные для занятій въ церковно-приходскія школы, иные

изъ частныхъ учителей не измѣняли своему характеру и поведенію. Такъ, объ учителѣ Песчанской школы, изъ отставныхъ солдатъ, Рябовѣ, вспоминають его бывшіе ученики такъ: «какое у насъ ученье было: придетъ, бывало, Савелій, и дрожить, бѣдняга, съ похмелья; выпроситъ у кого-нибудь изъ насъ хлѣба и уйдетъ, а мы и рады—бѣгаемъ съ утра до вечера». Учитель Кабанской школы, отставной-же солдатъ, по словамъ бывшихъ его учениковъ, приходилъ въ школу лишь для того только, чтобы дать «окрикъ», произвести расправу, задать урокъ, а затѣмъ удалялся, поручивъ наблюденіе за всѣми одному изъ учениковъ.

Учились въ церковныхъ школахъ мальчики. Собиралось ихъ отъ 15 до 30 человекъ. Между ними были и великовозрастные (до 20 лѣтъ); учились и женатые. Ученье продолжалось неопредѣленное число лѣтъ, отъ двухъ до пяти, обуславливаясь успѣхами учениковъ. Никакихъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса не выдавалось.

Преподаваніе въ церковныхъ школахъ, по содержанію и методу, недалеко подвинулось противъ домашняго обученія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ школахъ занимались подручныя лица или тѣ-же домашніе учителя. За заучиваніемъ буквъ, слоговъ и словъ по букварю или по таблицамъ, съ помощію указки, начиналось чтеніе часовника, а за нимъ—псалтиря. Письмо слѣдовало за усвоеніемъ слоговъ, а иногда откладывалось до 2-го и 3-го года обученія и состояло въ чистонисаніи (буквъ, словъ и фразъ съ прописи), причѣмъ, однако, учителя требовали, чтобы ученикъ не пропускалъ поставить точку или запятую, хотя ученикъ и не понималъ, что это за знаки *). Изученіе ариѳметики состояло не только въ усвоеніи нумераціи, но и въ усвоеніи, хотя и механическомъ, четырехъ дѣйствій. Къ означеннымъ предметамъ присоединялось еще заучиваніе священной исторіи по Начаткамъ и даже Катехизиса. Велось въ церковныхъ школахъ, хотя и не вездѣ, и обученіе гражданскому чтенію.

Обращеніе съ учениками въ церковно-приходскихъ школахъ не отличалось мягкостью. Розги были главнымъ дисциплинарнымъ средствомъ, а сѣченіе ими поручалось ученикамъ, которые считались лучшими; кромѣ розогъ, практиковалась постановка на колѣна, иногда на горохѣ, а тербачки, щелчки и колотушки считались мѣрами са-

*) Для характеристики грамотности учениковъ старыхъ церковно-приходскихъ школъ, приводимъ записку одного бывшаго ученика такой школы, писанную учителю Кабанскаго народнаго училища: «письмо открестнина Сѣла кабанскаго Учитѣлю Андрею Фѣдоровчу иванъ Григорѣвъ Шлетъ тебе низаючий поклонъ пошли ты мне какукнижку хорошинку да бумаги да Чернилъ».

мыми обычными и безъ нихъ не выучивался ни одинъ ученикъ. Иными дисциплинарными мѣры и не могли быть въ церковныхъ школахъ, такъ какъ устроителями и руководителями школъ были лица, хорошо знакомыя съ ними по воспитанію въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, гдѣ тѣлесное наказаніе считалось тогда основой воспитанія.

Свѣдѣнія объ осмотрѣ церковно-приходскихъ школъ имѣются лишь отъ 1867 года и отъ 1870 и 1871 годовъ. Въ 1867 году осматривалъ церковныя школы и представлялъ о нихъ отчетъ дирекціи штатный смотритель Сорокинъ. Въ осмотровыхъ имъ 7 школахъ значилось по спискамъ мальчиковъ 121 и 12 дѣвочекъ, на лицо-же было—96, въ томъ числѣ 12 дѣвочекъ. Объ успѣшности трехъ изъ этихъ школъ смотритель отзывался одобрительно, о другихъ не далъ опредѣленнаго отзыва.

Въ концѣ 1870 и началѣ 1871 г., когда, съ открытіемъ земства, явился вопросъ о принятіи существующихъ школъ на земское содержаніе, нѣкоторыя церковныя школы осматрѣны предсѣдателемъ только-что открытаго училищнаго совѣта, протоіереемъ Кузовниковымъ, и членомъ Совѣта, священникомъ о. Первушинымъ. Этими лицами осматрѣно было 9 церковныхъ училищъ. Въ семи ревизующіе нашли ученые и учащіяся, въ мужскихъ училищахъ 99 учениковъ, въ женскихъ—5 ученицъ; въ двухъ-же ученья не было, въ одномъ по случаю ремонта въ школѣ, въ другомъ—по неопредѣленной причинѣ; однако, по требованію ревизующаго, протоіерея Кузовникова, приглашены были въ дома священниковъ, въ Мѣхонскомъ селѣ 3 ученика, въ Усть-Міасскомъ 15, которые и были испытаны.

О преподаваніи лишь двухъ школъ, Крутихинской и Соровской, ревизующіе отзывались одобрительно: въ этихъ школахъ обученіе велось по руководствамъ Золотова и Ушинскаго; во всѣхъ другихъ употреблялся, по словамъ ревизующихъ, «старинный, древній» способъ. На основаніи произведеннаго осмотра церковныхъ школъ, о. Первушинъ въ своей ревизіонной запискѣ, представленной училищному совѣту, выражаетъ слѣдующій общій взглядъ свой на характеръ обученія и воспитанія въ школахъ.

«Всѣ вообще наставники и наставницы училищъ нуждаются въ хорошихъ учебникахъ, а безмездные—и въ денежныхъ пособіяхъ. Учащіяся найдется вездѣ довольно, когда обученіе грамотѣ поведется толково и будетъ обезпечено денежнымъ пособіемъ отъ земства. До сихъ поръ наставники, исключая немногихъ, слѣдили за однимъ механизмомъ чтенія, письма, счета, упражняя языкъ, руку, память. На будущее время обѣщаются объяснять каждое слово читаемое, пишемое, рассказываемое,—упражня разсудокъ учащіяся, приучать ихъ къ самодѣтельности, къ са-

мообученію. Всѣ почти ученики неопрытны, съ грязью за ногтями, въ лохмотьяхъ; не умѣютъ говорить, такъ что не скоро дождешься отъ нихъ отвѣтовъ на самые обыкновенные вопросы, напримѣръ: «гдѣ небо? гдѣ земля? гдѣ облака?» Необходимо приучать ихъ къ толковому разговору, къ послѣдовательному разсказу, безъ вставокъ «такъ-воно, тово-воно», безъ частаго повторенія, баетъ, говоритъ».

Другой изъ ревизующихъ, о. Кузовниковъ, въ своемъ донесеніи училищному совѣту объ осмотрѣнныхъ имъ школахъ высказывается, что «для блага успѣшности лучше-бы въ каждое училище опредѣлять особыхъ учителей изъ окончившихъ курсъ семинаріи съ назначеніемъ имъ приличнаго содержанія, такъ какъ священники отвлекаются отъ занятія съ учениками исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей, или и священникамъ дать жалованье съ тѣмъ, чтобы имѣли помощниковъ для занятія съ учениками во время отлучекъ ихъ по церковной службѣ. Это побудило-бы наставниковъ, если не всегда лично заниматься съ учениками, то усерднѣе наблюдать за ходомъ ученія и настоять, чтобы ученики всѣ приходили въ каждый классъ».

Само собою разумѣется, что между членами причта были и такіе, которые, не смотря на прямыя свои обязанности по приходу и отсутствіе вознагражденія, относились къ веденію школьнаго дѣла старательно и даже съ энтузіазмомъ. Такъ, напримѣръ, хорошее воспоминаніе о себѣ и школьной своей дѣятельности оставилъ въ населеніи Ключевского села священникъ о. Тихонъ Успенскій: «хорошо училъ, любилъ учениковъ, хорошимъ ученикамъ шилъ на свой счетъ кафтаны». Правда, нѣкоторые изъ учениковъ помнятъ и его колотушки, на которыя онъ не былъ скупъ, но говорятъ: «колотилъ, а добру училъ, какъ насъ за шалость было не колотить,—хорошій былъ человѣкъ, благодѣтель». За поддержаніе школы, пріобрѣтеніемъ на свой счетъ учебниковъ и учебныхъ пособій и платою жалованья помощнику, о. Успенскій получилъ благословіе архіепископа пермскаго Неофита. Въ селѣ Широковскомъ съ усердіемъ вели школьное дѣло священникъ о. Димитрій Поповъ и діаконъ Лука Хлѣбинъ. За безвозмездное обученіе первый получилъ скуфью, а второй награжденъ медалью на александровской лентѣ для ношенія на груди.

III.

Послѣдней ступеню въ ходѣ народнаго образованія въ Шадринскомъ уѣздѣ до открытія здѣсь земства были училища Министерства Государственныхъ Имуществъ, такъ-называемыя «штатныя».

Въ исторіи этихъ школъ наблюдаются три періода: первый періодъ до 1843 года, второй до 1867 года, когда школы перешли въ вѣдѣ-

ніе дирекціи училищъ, и третій—до передачи ихъ земству въ концѣ 1870 г. и въ 1871 году.

По имѣющимъ свѣдѣніямъ, до 1843 года существовали въ уѣздѣ училища Министерства Государственныхъ Имуществъ въ слободахъ Буткинской (съ 1839 года), Песчанской (съ 1838 г.), Каргапольской (1840 г.), въ селахъ Верхъ-Теченскомъ (1838 г.) и Барневскомъ (съ 1836 г.). Это были, вѣроятно, «волостныя» училища, которыя стали возникать въ Россіи въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ въ 1830 году. Эти училища имѣли специальную цѣль—приготовленіе волостныхъ и сельскихъ писарей.

23-го ноября 1842 года на имя Министра Государственныхъ Имуществъ, графа Киселева, послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи, согласно уставу 1828 года, приходскихъ училищъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ—«для религіозно-нравственнаго образованія юношества, при непосредственномъ содѣйствіи приходскаго духовенства, на правилахъ, Святѣйшимъ Синодомъ и Министромъ Народнаго Просвѣщенія предложенныхъ».

Въ исполненіе высочайшей воли, въ 1843 году управляющій пермскою палатою государственныхъ имуществъ, по совѣщаніи съ архіепископомъ пермскимъ Аркадіемъ, далъ предписаніе шадринскому окружному начальнику о преобразованіи существовавшихъ волостныхъ училищъ въ приходскія и открытіи таковыхъ вновь. Изъ распоряженія по сему окружнаго начальника, отъ 28 августа 1843 года, за № 4945, на имя наставника Батуринаго училища, священника Іоанна Капустина, видно, что въ Шадринскомъ уѣздѣ «предположены» были приходскія училища въ 12 пунктахъ: въ слободахъ Буткинской, Песчанской, Каргапольской, Ольховской, Петропавловской, и селахъ: Верхъ-Теченскомъ, Канашевскомъ, Усть-Міасскомъ, Сладчанскомъ, Ирюмскомъ, Ичкинскомъ и Батуриномъ. Извѣщая о назначеніи въ Батуриное училище наставникомъ священника Капустина, а помощникомъ ему діакона Петра Корелина, окружной начальникъ предлагаетъ священнику привлечь народъ къ отдачѣ мальчиковъ, не моложе 8 лѣтъ, въ училище, причемъ внушить родителямъ, что дѣти ихъ не будутъ принуждаемы служить писарями и что начальство печется объ ихъ образованіи потому единственно, чтобы доставить имъ возможность пріобрѣсти познанія, которыя могутъ всегда обезпечить ихъ благо состояніе».

На точномъ основаніи § 20 устава учебныхъ заведеній 1828 года, училища должны были открыться по окончаніи полевыхъ работъ, т.-е. не позднѣе 15 сентября.

Кромѣ предположенныхъ, въ 1843 г. было открыто еще приходское мужское училище въ г. Далматовѣ *).

Изъ помянутыхъ 13 училищъ въ періодъ до 1867 года были закрыты: Ирюмское (въ 1857 г.), Ольховское (въ 1862 г.), Песчанское (1857), Сладчанское (1853), Петропавловское (1846), Усть-Міасское (годъ закрытія неизвѣстенъ); временно закрывались—Каргапольское (съ 1862 до 1865) и Канашевское (съ 1853 до 1860 г.).

Позднѣе были открыты училища: Бродокалмацкое (въ 1862 г.), Бѣлоярское (по одному свѣдѣнію въ 1854 г., по другому въ 1857, по третьему въ 1860, по четвертому въ 1861), Вознесенское (по одному свѣдѣнію въ 1848, по другому въ 1859), Далматовское женское (въ 1861 г.), Каргапольское женское (по одному свѣдѣнію въ 1864, по другому въ 1866 г.), Маслянское (въ 1861 или 1862), Смоленское (въ 1860 г.), Уксянское (въ 1849 или 1850 г.). Существовало еще Катаракское училище (съ 1856 до 1864 года).

Такимъ образомъ, всего въ періодъ времени съ 1843 до 1867 года было въ Шадринскомъ уѣздѣ приходскихъ училищъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 22 **).

*) По свѣдѣнію, доставленному учительницей училища, Далматовское мужское училище основано еще въ 1842 году священникомъ Кубасовымъ, но что это было за училище—неизвѣстно.

**) Первый департаментъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, отъ 20 апрѣля 1860 г., для распространенія грамотности между крестьянами, въ дополненіе къ существующимъ по этой части правиламъ, предложилъ принять еще слѣдующія мѣры: 1) пригласить священниковъ, діаконовъ, причетниковъ и женъ ихъ производить обученіе крестьянскихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, молитвамъ, чтенію, письму и счету, а дѣвочекъ, сверхъ того, и свойственнымъ въ крестьянскомъ быту рукодѣльямъ; 2) обученіе производить или въ собственныхъ домахъ священнослужителей или въ зданіяхъ по отводу крестьянъ; 3) расходы на приобрѣтеніе самыхъ необходимыхъ книгъ, какъ - то: букварей, молитвенниковъ, прописей и проч., а также учебныхъ пособій, отнести на остатокъ отъ училищныхъ суммъ по губерніи, оставляя буквари въ собственности тѣхъ, которые успѣшно окончили ученье; 4) производящихъ съ полнымъ успѣхомъ обученіе предоставляется управляющему палатою представлять къ денежнымъ наградамъ; тѣхъ, у которыхъ, по сдѣланному удостовѣренію, обучается успѣшно постоянно болѣе 12 учениковъ и ученицъ—къ 25 руб., а болѣе—къ 50, съ тѣмъ, чтобы въ представленіяхъ по этому предмету обозначались въ подробности заслуги представляемаго къ наградѣ, въ особенности-же число успѣшно окончившихъ обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, а о послѣднихъ обозначать, сверхъ того, обучались ли онѣ рукодѣльямъ; 5) устраиваемыя такимъ образомъ первоначальныя училища должны быть подчиняемы въ отношеніи къ надзору и времени обученія общимъ правиламъ и показываемыя вмѣстѣ съ прочими въ доставляемыхъ ежегодно палатою вѣдомостяхъ, съ объясненіемъ тѣхъ расходовъ, которые произведены изъ остатковъ суммъ по училищной части на учебныя книги и пособия.

Порядокъ устройства и завѣдыванія сельскими приходскими училищами опредѣленъ былъ въ «Наставленіи для управленія приходскими училищами въ селеніяхъ госуд. крестьянъ», экземпляры котораго были посланы въ училища уѣзда въ октябрѣ того-же 1843 года; въ послѣдствіи «Наставленіе» это разъяснялось и дополнялось.

Согласно «Наставленію», въ училищахъ должны были преподаваться: *Законъ Божій*, именно краткій катихизисъ, свящ. исторія, ветхаго и новаго завѣта, и изъясненіе литургіи, *русская грамота* — чтеніе книгъ гражданской и церковной печати, чистописаніе и скоропись, *арифметика* — первыя четыре дѣйствія съ простыми и именованными числами, съ подробнымъ объясненіемъ россійскихъ мѣръ, вѣсовъ, монетъ и показаніемъ употребленія счетъ.

По указанію Министерства Государственныхъ Имуществъ, при преподаваніи употреблялись слѣдующіе учебники и пособія: «Россійскій букварь для обученія юношества чтенію», изданный въ пользу народныхъ училищъ, курсъ скорописи *Половцева*, тетрадь скорописи (собраніе 46 прописей), *его-же*, Русская грамматика для русскихъ, изданная по Высочайшему повелѣнію, *его-же*, Краткія правила преподаванія русскаго

Въ изложенномъ циркулярѣ не придается никакого особаго названія тѣмъ первоначальнымъ школамъ, къ устройству которыхъ приглашается духовенство; но въ циркулярѣ палатамъ того-же департамента, отъ 16 ноября 1862 года, относительно раздѣленія приходскихъ училищъ на разряды и измѣненія штатовъ въ нихъ, упоминается о распоряженіи Министра, отъ 8 февраля 1861 года, объ учрежденіи *школъ грамотности*, и мѣра эта называется обезпечивающей средства начальнаго ученія, такъ какъ практика этихъ школъ показала, что онѣ ничѣмъ не разнятся отъ штатныхъ школъ.

Въ 1867 году штатный смотритель Сорокинъ, въ своемъ отчетѣ дирекціи о сельскихъ школахъ, причисляетъ къ категоріи «школъ грамотности», состоящихъ въ вѣдѣніи палаты имуществъ, школы въ селахъ Бакланскомъ, Водениковскомъ, Верхъ-Теченскомъ (монастырскомъ), Мѣхонскомъ, Песчанскомъ, Саровскомъ и Усть-Міасскомъ. Изъ отчета смотрителя не видно, что означенныя школы *чѣмъ-либо* пользовались отъ казны, и лишь учитель одной, Бакланской, діаконъ, получалъ вознагражденіе отъ общества (50 руб. въ годъ); въ виду сего и на основаніи другихъ данныхъ, мы выше отнесли эти школы къ категоріи церковно-приходскихъ. Правда, въ селахъ Усть-Міасскомъ и Песчанскомъ бывали и палатскія училища, но они, какъ мы видѣли, закрыты были далеко ранѣе 1867 года. По сообщенію г. Шишонка (въ сочиненіи «Матеріалы для описанія народнаго образованія въ Пермской губерніи»), кромѣ упомянутыхъ нами церковно-приходскихъ школъ, были въ 1860 г., въ виду предложенія Министерства Имуществъ, открыты еще школы въ селахъ Иванищевскомъ, Дрянновскомъ, Басмановскомъ, Галкинскомъ, Прошкинскомъ, Барневскомъ, Нижне-Петропавловскомъ. Если эти школы и существовали, то опять-же на средства церкви и духовенства, и потому, какъ безмездныя, должны быть отнесены къ категоріи церковно-приходскихъ.

языка и грамматики, *его-же*, Грамматика, *Востокова*, Руководство къ преподаванію ариѳметики въ уѣздныхъ училищахъ, Вопросы изъ ариѳметики, Россійская исторія, Чтеніе изъ св. писанія, Часословъ и Псалтирь *).

Замѣчательно, что послѣднія двѣ книги стали употребляться въ училищахъ по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ въ 1845 году, вслѣдствіе особаго о томъ доклада управляющаго Пермскою палатою имуществъ. По распоряженію палаты 1849 г., обученіе славянскому чтенію должно было предшествовать гражданской грамотѣ, а въ 1850 году, вслѣдствіе осмотра училищъ попечителемъ округа, предписано обращать надлежащее вниманіе на славянское чтеніе.

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ училищахъ стали появляться руководства Главинскаго, Золотова, Шарловскаго и «Родное слово» Ушинскаго.

Евангеліе въ училищахъ не читалось. Въ первый разъ экземпляры этой священной книги, основной при обученіи христіанина, были посланы училищамъ въ 1856 году, частію для продажи, частію въ библіотеки.

Означенный учебный курсъ былъ пополненъ обученіемъ пѣнію и требованіемъ нѣкоторыхъ прикладныхъ знаній.

Въ 1847 году Министръ Государственныхъ Имуществъ циркулярно предписалъ палатамъ объ обязательномъ введеніи пѣнія въ училищахъ. Предписаніе это было подтверждено въ 1849 году, по поводу того, что Государыня Императрица, во время путешествія изъ Петербурга въ Москву, слушала пѣніе въ одной изъ сельскихъ школъ (Померанской) и одобрила его. Въ 1850 году разосланъ былъ по училищамъ гимнъ за Царя, переложенный на ноты, а въ 1858 г. снова было подтверждено Министромъ Государственныхъ Имуществъ о преподаваніи пѣнія въ училищахъ.

Въ 1848 году Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, разсмотрѣвъ предположенія о мѣрахъ къ развитію промышленности между государственными крестьянами, пришелъ къ мысли объ устройствѣ садовъ при сельскихъ училищахъ. Эта мѣра, по мнѣнію Комитета, столь-же важна въ хозяйственномъ отношеніи, сколько для развитія въ крестьянскихъ дѣтяхъ любви къ природѣ. Она могла-бы имѣть вліяніе на развитіе въ крестьянахъ любви къ садоводству и на «измѣненіе печальнаго вида селеній, въ которомъ отражается не

*) Для училищъ, организованныхъ по методу взаимнаго обученія (таковыхъ въ уѣздѣ не было), рекомендовалось: «Руководство для учрежденія школъ по методу взаимнаго обученія», ариѳметическія таблицы, изданныя для этихъ школъ департаментомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и таблицы для взаимнаго обученія чтенію и письму, изданныя Высочайше утвержденнымъ при Министерствѣ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Комитетомъ для учрежденія училищъ взаимнаго обученія.

столько недостатковъ вещественныхъ средствъ, сколько отсутствіе всякой разумной мысли объ улучшеніи и равнодушное наблюденіе о тѣхъ средствахъ, которыя предлагаются самою природою и находятся у всякаго подъ рукою». Въ виду осуществленія этой мѣры, Комитетъ полагалъ: 1) чтобы въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ каждому желающему наставнику отводилось-бы отъ 120 сажень до $\frac{1}{4}$ десятины земли, 2) чтобы земля эта огораживалась, на счетъ общества или селенія, по преимуществу живою изгородью, 3) что учитель можетъ употреблять для работъ въ саду учениковъ, при согласіи на то ихъ родителей и ихъ самихъ. Сверхъ сего, Комитетъ полагалъ отпускать изъ казенныхъ лѣсовъ молодыя деревья, а изъ казенныхъ садовыхъ заведеній сѣмена, назначать небольшія денежныя преміи наставникамъ къ устройству садовъ. Хозяйственныя выгоды отъ садовъ Комитетъ полагалъ предоставить самимъ учителямъ, обязавъ ихъ лишь знакомить учениковъ съ разведеніемъ и содержаніемъ растеній и раздавать отводки растеній родителямъ дѣтей.

Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ, согласясь съ изложеннымъ мнѣніемъ Ученаго Комитета, предписалъ привести означенную мѣру въ исполненіе, но лишь тамъ, гдѣ окажется это возможнымъ безъ принужденія крестьянъ и гдѣ учитель будетъ расположенъ тѣмъ заняться. Это распоряженіе Министра, объявленное по школамъ въ томъ-же году, было подтверждено палатою въ первой половинѣ слѣдующаго 1849 года, съ нѣкоторымъ его расширеніемъ, а именно — предложено было рекомендовать наставникамъ заводить при училищныхъ зданіяхъ или на отдѣльныхъ участкахъ земли образцовое хозяйство съ садоводствомъ и огородничествомъ — для примѣра любознательнымъ хозяевамъ, «какъ улучшеннаго способа обработки земли, такъ и заведенія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій». Во второй-же половинѣ означеннаго года, 16-го ноября, самъ Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ: назначить денежныя преміи за отличіе въ садоводствѣ и огородничествѣ въ томъ-же размѣрѣ, какъ за разведеніе картофеля, т.-е. отъ 15 до 25 руб., а за большія заслуги представлять къ почетнымъ отличіямъ. О таковой Высочайшей волѣ было объявлено наставникамъ училищъ и крестьянамъ. Въ 1853 году Пермская палата имуществъ, подтверждая распоряженіе о разведеніи садовъ при училищахъ, требуетъ предложить обществамъ постановить приговоры объ отводѣ необходимыхъ для этого участковъ земли тамъ, гдѣ это еще не было сдѣлано.

Въ 1860 году, по распоряженію Министра Государственныхъ Имуществъ, курсъ школы пополненъ еще однимъ требованіемъ: настав-

никамъ предложено обучать учениковъ разбирать и вести платежныя книжки и сообщать имъ правила о порядкѣ взиманія денежныхъ сборовъ съ крестьянъ, съ тою цѣлью, чтобъ грамотный крестьянинъ зналъ, что съ него взимается и правильно-ли. Въ виду сего училища были снабжены для образца экземплярами платежныхъ книжекъ, «Краткимъ указателемъ обязанностей волостнаго и сельскаго управленій» и «Сборникомъ постановленій для руководства волостныхъ и сельскихъ управленій».

Вообще Министерство Государственныхъ Имуществъ старалось придать сельскому училищу практическое значеніе. Этотъ взглядъ Министерства особенно ясно выраженъ въ циркулярѣ его, отъ 16 ноября 1862 года. Между прочимъ, здѣсь поручается управляющимъ палатами, чтобы они «обращали вниманіе не только на преподаваніе Закона Божія, русской грамоты и счета, но и на ознакомленіе учащихся съ предметами, относящимися до сельскаго быта». Были-ли, однако, кѣмъ-либо изъ наставниковъ училищъ Шадринскаго уѣзда осуществлены вышеизложенныя распоряженія Министерства относительно дополненія начальнаго курса прикладными свѣдѣніями, въ частности относительно устройства садовъ и образцоваго хозяйства при школахъ, неизвѣстно.

Означенный курсъ начальнаго образованія, согласно § 20 устава 1828 г., долженъ былъ проходиться въ теченіе трехлѣтія, при ежегодныхъ занятіяхъ въ пять мѣсяцевъ, причемъ ежегодное начало ученя опредѣлялось концомъ полевыхъ работъ, а конецъ—началомъ ихъ. Хотя означеннымъ § и не предусматривалось занятій во время закрытія ученя, въ лѣтнее вакаціонное время, тѣмъ не менѣе неоднократно предписывалось училищамъ собирать учениковъ для занятій и лѣтомъ. Такъ, въ 1853 году Министръ Государственныхъ Имуществъ предложилъ, чтобы ученье въ сельскихъ училищахъ въ лѣтнее время закрывалось не безусловно, такъ чтобы желающіе могли вести его и въ періодъ полевыхъ работъ, такъ какъ по мнѣнію Министра, «продолжительная праздность можетъ быть вредною для учащихся». Въ 1863 году, на основаніи отзывовъ сельскихъ наставниковъ объ учебномъ семестрѣ, управляющій Пермскою палатою имуществъ, отъ 10 декабря, циркулярно предписывалъ начинать ученье въ сельскихъ училищахъ Шадринскаго уѣзда съ 1-го сентября, а заканчивать не ранѣе мая. При этомъ управляющій выражалъ, «что полезно было-бы во время лѣтнихъ каникулъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ обѣда собирать учащихся для повтореній пройденнаго въ теченіе учебнаго года, причемъ волостное и сельское начальство

должно всѣми мѣрами заботиться о сборѣ учащихся въ опредѣленное время и наблюдать, чтобы все предписанное исполнялось въ точности». Рождественскіе каникулы управляющій опредѣлялъ въ 17 дней (съ 20 декабря по 7-е января), пасхальные въ двѣ недѣли, а ежедневныя занятія въ пять часовъ (отъ 9 до 12 и отъ 2 до 5).

Въ дѣйствительности ученье въ училищахъ начиналось, вѣроятно, не ранѣе половины или конца сентября и продолжалось не далѣе начала или половины апрѣля, о чемъ можно заключить по ежемѣсячнымъ вѣдомостямъ объ учащихся и «нотатамъ», какъ тогда назывались классные журналы, сохранившимся въ архивѣ Батуринскаго училища. Изъ дѣлъ того-же училища видно, что экзамены въ училищахъ производились въ апрѣлѣ окружнымъ начальникомъ, при соучастіи штатнаго смотрителя, и окончившимъ курсъ выдавались свидѣтельства, за печатью и подписаніемъ окружнаго начальника.

Не смотря на опредѣленіе срока начала ученья, ученики поступали въ училища въ теченіе цѣлаго года, и это не возбранялось; еще въ 1845 году управляющій Пермскою палатою имуществовъ разрѣшилъ принимать желающихъ учиться во всякое время года, находя, что «въ порядкѣ ученья это не произведетъ разницы».

Учителями или, какъ именовались тогда учителя, наставниками училищъ, согласно ст. 10 «Наставленія объ управленіи училищами», должны были быть священники, діаконы, если они «будутъ признаны» способными къ дѣлу, и окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Назначеніе учителей, а равно и увольненіе ихъ производилось управляющимъ палатою имуществовъ, по соглашенію съ епархіальнымъ архіереємъ.

Вопреки ст. 10 «Наставленія», въ училищахъ занимались и псаломщики, и родственники священниковъ, и постороннія наемныя лица. И здѣсь было, какъ увидимъ ниже, что священники числились наставниками. Впрочемъ, учителей изъ отставныхъ солдатъ и проходимцевъ въ этихъ школахъ не видно, за исключеніемъ училища въ селѣ Ирюмскомъ, глухомъ и отдаленномъ отъ надзора. Въ двухъ женскихъ училищахъ, Батуринскомъ и Далматовскомъ, были наставницы: въ первомъ, въ 60-хъ годахъ, занималась жена наставника мужскаго училища, діаконица Меморская, во второмъ, съ открытія училища до передачи его земству, П. Черемухина, также жена наставника-священника *).

В. Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Последняя до сихъ поръ служить въ Далматовскомъ училищѣ.

Воспоминанія о женскомъ Ермоловскомъ училищѣ въ Москвѣ *).

I.

Дореформенныя времена нашей школьной жизни.—Условія нашего умственнаго развитія.—Наши учителя: В. С. Шаховъ, батюшка, m-г Круаза, m-me Визаръ, герръ Мансфельдъ.—Взаимныя отношенія между воспитанницами и воспитательницами.—Литературныя произведенія, которыми мы пробавлялись въ «допотопныя времена».—Вышняя сторона нашего быта.—Какъ насъ одѣвали.—«Платья дуды».—«Шляпы лукошки».—Чѣмъ насъ кормили.—«Прошлогодняя гречневая каша».—Тепличное прозябаніе.—Манія обожанія.

Мнѣ было около одиннадцати лѣтъ, когда мои воспитательницы-тетки рѣшились, наконецъ, помѣстить меня въ одно изъ самыхъ не-

*) Описываемое здѣсь Ермоловское училище представляло нѣчто среднее между тогдашними закрытыми московскими училищами, или институтами, и тогдашними открытыми частными учебными заведеніями, такъ какъ ермоловскія воспитанницы хотя и жили въ училищѣ, но имѣли право проводить дома не только лѣтнія вакаціи, Рождество и Святую, но и всѣ праздники. Название свое училище получило отъ имени лица, на средства котораго оно было основано, и до 1857 г. оно находилось на Донской, состоя подъ вѣдѣніемъ «Московского дамскаго попечительнаго о бѣдныхъ общества». Затѣмъ, по соединеніи его съ однороднымъ ему Талызинскимъ училищемъ, оно было переведено на Пречистенку, причислено къ учрежденіямъ Императрицы Маріи (безъ предоставленія особыхъ правъ), оставлено въ вѣдѣніи Московскаго дамскаго попечительнаго о бѣдныхъ общества и переименовано—сначала въ Ермоло-Маринское училище, а затѣмъ въ Московское Маринское заведеніе. Главная задача его, какъ въ описываемый періодъ его существованія, такъ и въ предыдущій, состояла въ подготовленіи бѣдныхъ дѣвушекъ, преимущественно дворянскаго званія, къ профессіи гувернантокъ и домашнихъ учительницъ. Но въ прежнее время дѣло преподаванія было обставлено крайне неудовлетворительно, и только впоследствии,—благодаря соединеннымъ усиліямъ Ѳ. И. Буслаева, какъ инспектора училища, А. Е. Викторова, какъ преподавателя русскаго языка, А. Н. Бекетова, какъ преподавателя естественныхъ наукъ, и другихъ нашихъ просвѣщенныхъ наставниковъ,—училище быстро выдвинулось впередъ и по справедливости заняло весьма выдающееся мѣсто между современными ему московскими учебными заведеніями—какъ пансіонами, такъ и институтами.

Авт.

богатыхъ московскихъ училищъ, въ которомъ, по дошедшимъ до нихъ слухамъ, дѣвочкамъ давалось не только «прекрасное образованіе», но и полное содержаніе (какое это было «прекрасное образованіе» и «полное содержаніе»—читатель увидитъ далѣе) за самую сходную плату—до полутора ста рублей въ годъ и менѣе. А совѣмъ бѣдныхъ дѣвочекъ принимали, по протекціи, и бесплатно.

Я поступила въ училище за годъ до такъ-называемой нами «новой эры», которая началась для насъ съ 1857 г., т.-е. съ того времени, когда нашимъ инспекторомъ сдѣлался Ѳ. И. Буслаевъ. Это былъ особенно памятный для насъ годъ, потому что съ него начался цѣлый рядъ преобразованій въ нашемъ училищѣ. Но о дѣятельности Ѳ. И. въ качествѣ нашего инспектора и о его энергическихъ усиліяхъ сдѣлать изъ насъ, неразвитыхъ дѣвочекъ, болѣе или менѣе образованныхъ и мыслящихъ дѣвушекъ я поговорю подробно въ слѣдующей главѣ. Теперь-же попытаюсь выяснитъ, въ какомъ положеніи находилась учебная часть училища въ предыдущій періодъ его существованія, когда въ немъ хозяйничала, какъ хотѣла и какъ умѣла, наша попечительница, одна изъ великосвѣтскихъ княгинь, княгиня С. С. Щербатова, не безъ славы и не безъ успѣха подвизавшаяся во время оно на филантропическомъ поприщѣ.

Главнымъ просвѣтителемъ нашимъ въ то дореформенное время былъ нашъ учитель В. С. Шаховъ, обучавшій насъ почти всеѣмъ учебнымъ предметамъ, какъ-то: русскому языку, всеобщей исторіи, географіи и ариметикѣ. Изучали мы все эти предметы, разумѣется, въ зубряжку, и насколько успѣшенъ былъ такой методъ преподаванія—можно судить по тому, что воспитанницы средняго класса, выучивъ отъ доски до доски курсъ грамматики Иванова, едва умѣли отличать существительныя отъ прилагательныхъ; глаголы-же, мѣстоименія, нарѣчія и проч., опредѣленія которыхъ мы могли проговорить безъ запинки, при разборѣ казались намъ чѣмъ-то въ родѣ знакомыхъ незнакомецъ. Точно такія-же познанія мы выказывали и въ другихъ предметахъ. Я хорошо помню, что, пройдя весь учебникъ географіи Гейма (книжонка страницъ въ сто) и вызубривъ, почти какъ «Отче нашъ», названія городовъ, рѣкъ, заливовъ, проливовъ и проч., я рѣшительно не знала, гдѣ что находится и, вѣроятно, затруднилась-бы отвѣтить даже на такой вопросъ: на какой рѣкѣ стоитъ Парижъ или Лондонъ? А между тѣмъ, я была не изъ тупицъ и принадлежала къ числу скорѣе хорошихъ, чѣмъ плохихъ ученицъ.

Въ довершеніе всего, нашъ почтенный педагогъ отъ времени до времени запивалъ и въ подобныхъ случаяхъ не показывался въ классы

по цѣлой недѣлѣ, а иногда и долѣе. Случалось это всегда въ первыхъ числахъ мѣсяца, тотчасъ послѣ получки жалованья. Мы ужъ такъ и знали, что въ началѣ мѣсяца намъ можно будетъ отдохнуть немного и освѣжить наши мозги, засорившіеся отъ зубренія учебниковъ Иванова, Смарагдова и Гейма. Но за-то и доставалось-же намъ въ первый урокъ, слѣдовавшій послѣ такихъ гулянокъ! Нашъ отрезвившійся, наконецъ, педагогъ являлся къ намъ въ такомъ лютомъ настроеніи, что просто рычалъ на всѣхъ и всѣмъ, безъ исключенія, «закатывалъ единицы да нули», что влекло за собой извѣстныя уже намъ послѣдствія — уживиъ или обѣди за чернымъ столомъ, или-же наказаніе безъ передниковъ. Но такъ какъ засадить за черный столъ цѣлыхъ два класса не было никакой возможности — не достало-бы мѣста, то классныя дамы ограничивались тѣмъ, что отбирали у насъ передники безъ всякихъ выговоровъ и попытокъ устыдить насъ, а такъ — только для выполненія одной обрядности. Но подобныя наказанія «вкупѣ и въ любѣ» скорѣе развлекали насъ, чѣмъ устрашали и способствовали только къ укрѣпленію нашего братскаго союза и подъему духа товарищества.

Въ старшемъ классѣ, впрочемъ, разбушевавшійся Шаховъ только рычалъ, но не позволялъ себѣ слишкомъ «вольничать» и «забываться», потому что старшія воспитанницы постояли-бы за себя и подняли-бы настоящій бунтъ, если-бы онъ вздумалъ «разукрасить» ихъ журналы нулями и единицами.

Одна изъ нашихъ доморощенныхъ поэтессъ описала даже въ стихахъ свирѣпое настроеніе духа, находившее на нашего ментора послѣ запоя. Стихотвореніе это, не отличавшееся ни остроуміемъ, ни талантливостью, все-таки очень понравилось намъ, потому что оно было проникнуто комизмомъ, хотя и первобытнаго, грубоватаго качества. Привожу здѣсь первыя строки этого стихотворенія, до сихъ поръ сохранившіяся у меня въ памяти:

«Два часа бьетъ,
Шаховъ идетъ,
На стулъ садится,
Съ похмелья злится,
Не закрывая рта бранится,
Журналъ открываетъ,
Нули наставляеть...»

Дальше не помню, но стихотвореніе было длинное и весьма ярко изображало бѣснованія невѣжественнаго самодура, очутившагося, по ироніи судьбы, въ роли педагога и просвѣтителя юношества.

На слѣдующій день мы дѣлали видъ, что гнѣваемся на нашего обидчика, и тутъ ужъ онъ какъ будто пытался задобрить насъ. Но мы, желая «проучить и помучить его», не сразу сдавались и очень сухо встрѣчали его заискиванья, и только по окончаніи урока заявляли ему, «что мы пострадали невинно наканунѣ, что онъ наставилъ намъ нулей и единицъ только потому, что всталъ съ постели лѣвой ногой, и что ужъ такъ и быть—мы прощаемъ ему то, что по его милости мы были наказаны безъ передниковъ, но что баллы онъ непременно долженъ переправить намъ: единицы передѣлать на четверки, а нули—хорошимъ ученицамъ на пятерки, приставивъ къ нулю головку вправо, среднимъ ученицамъ—на тройки, приставивъ къ нулю головку влѣво, а самымъ плохимъ—на двойки, приставивъ къ нулю хвостикъ снизу». Чтобы водворить миръ и согласіе, нашъ уходившійся менторъ благодушно выслушивалъ статьи предлагавшагося ему ультиматума, бралъ перо въ руки и, по нашимъ указаніямъ, приставлялъ къ нулямъ головки и хвостики. Тѣмъ дѣло и кончалось до новыхъ безобразій въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

И такой-то педагогъ цѣлые годы процвѣталъ у насъ въ дореформенную эпоху, и никого изъ нашихъ властей и попечителей не шокировалъ, повидимому, тотъ фактъ, что у насъ былъ учитель «изъ запивающихъ»! Можетъ быть, они думали, что для бѣдныхъ дѣвочекъ годится всякій учитель, но никакъ нельзя допустить, чтобы они разсуждали въ этомъ случаѣ, какъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ Крыловской басни: «А ты хоть пей, да дѣло разумѣй», такъ какъ нашъ менторъ и пилъ, и своего дѣла не разумѣлъ.

Закону Божию насъ училъ батюшка П. В. Богословскій, по прозвищу Пѣтель. Прозвище это произошло отъ церковно-славянскаго слова пѣтель—пѣтухъ. Да не подумаетъ читатель, чтобы оно хоть сколько-нибудь характеризовало нашего солиднаго и почтеннаго законоучителя. Нѣтъ, мы прозвали его такъ просто потому, что, разсказывая намъ исторію отреченія апостола Петра отъ Спасителя, онъ съ какимъ-то особеннымъ пафосомъ произнесъ фразу:—«но вдругъ запилъ пѣтель». И этого для насъ, легкомысленныхъ школьницъ, было совершенно достаточно, чтобы дать ему ни съ чѣмъ несообразную кличку. Батюшка умѣлъ отлично ладить съ нами и всѣхъ награждалъ по заслугамъ—кого четверками и пятерками, а кого и единицами, и за послѣднія никто не бывалъ на него въ претензіи, потому что онъ сумѣлъ внушить всѣмъ намъ уваженіе къ себѣ, и всѣ были убѣждены, что ужъ онъ никого не обидитъ понапрасну. Заучивать наизусть онъ заставлялъ насъ только изреченія Спасителя и тексты изъ

Филаретова катехизиса, такъ какъ это намъ крайне нужно было для выпускныхъ экзаменовъ. Священную-же исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, а также и исторію церкви мы всегда рассказывали ему своими словами, причѣмъ онъ требовалъ только, чтобъ мы выражались по возможности толково и ясно. Спрашивая насъ уроки, онъ очень часто вступалъ съ нами «въ собесѣдованія» (его собственное словечко) на разныя религіозныя темы, и эти собесѣдованія приносили намъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ даже самое приготовленіе уроковъ къ классу, потому что приучали насъ думать и выражать наши мысли вслухъ. Вообще батюшка, П. В. Богословскій, хотя и не претендовалъ на слишкомъ большую ученость и не любилъ «пускать пыль въ глаза», какъ то дѣлали нѣкоторые изъ тогдашнихъ модныхъ священниковъ, но былъ очень толковый законоучитель и — что всего важнѣе — со-вѣтъ не рутинеръ.

Французъ Круаза былъ, такъ сказать, учитель средней руки, скорѣе, впрочемъ, плохой, чѣмъ хорошей. Мы продѣлывали у него то-же самое, что заставляли продѣлывать своихъ ученицъ и другіе его соотечественники въ современныхъ намъ пансіонахъ и институтахъ, а именно: въ среднемъ классѣ мы зубрили грамматику «Noël et Charpal» и разныя стихотворенія и morceaux d'éloquence изъ французскихъ классиковъ, которыя мы должны были декламировать «съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкой». Если-же наша манера декламировать не удовлетворяла нашего учителя, то онъ безъ всякаго стѣсненія принимался бранить насъ и по-французски, и по-русски, обзывая насъ сороками, попугаями, *des imbéciles, des bêtes à manger du foin* и даже *des petites coquines et des petites drôlesses*. Вообще, въ нашемъ наставникѣ замѣчалась та странность, что онъ, весьма плохо владѣя русскимъ языкомъ, очень бойко и энергично бранился по-русски, чѣмъ приводилъ насъ въ крайнее недоумѣніе, и мы не разъ задавались вопросомъ: гдѣ онъ могъ такъ напрактиковаться въ сквернословіи?.. Кромѣ изученія грамматики и отрывковъ изъ французской хрестоматіи, мы упражнялись также въ диктовкахъ и въ переводахъ. Въ старшемъ классѣ къ тѣмъ-же упражненіямъ прибавлялся курсъ французской литературы, который мы проходили по запискамъ, составленнымъ неизвѣстно кѣмъ и никогда не измѣнявшимся и не дополнявшимся. Кромѣ того, намъ задавались въ старшемъ классѣ и сочиненія на разныя избитыя темы, въ родѣ слѣдующихъ: *la piété, le devoir, la bonté, la méchanceté, le lever du soleil* и пр. Эти «essais littéraires» служили главнымъ образомъ для услажденія нашей попечительницы, и Круаза, хорошо знавшій вкусы ея сіятель-

ства, не предъявлялъ намъ ровно никакихъ требованій относительно идейности и содержательности нашихъ «произведеній», а обращалъ вниманіе только на то, чтобы они были наполнены высокопарными и трескучими фразами. Подчасъ мы сильно негодовали на Круаза за то, что онъ «такъ забывался передъ нами», что позволялъ себѣ кричать даже на большихъ воспитанницъ, и впоследствии не разъ собирались пожаловаться на него *Э. И. Буслаеву*, который никогда не давалъ насъ въ обиду, а въ этомъ случаѣ мы тѣмъ болѣе могли разсчитывать на его защиту, что самъ онъ обращался съ нами всегда, можно сказать, съ рыцарской вѣжливостью. Но, по зрѣломъ размышленіи, мы всегда благоразумно рѣшали, что не стоитъ беспокоить нашего уважаемаго инспектора изъ-за такой малости. *Э. И.* терпѣлъ нашего француза, повидимому, только потому, что замѣнить его было рѣшительно не кѣмъ, такъ какъ и другіе французскіе учителя того времени были нисколько не лучше его.

Въ младшемъ классѣ французскому языку учила нѣкая *m-me Визаръ*, очень свирѣбая на видъ особа, которая въ вопросахъ педагогійи не мудрствовала лукаво, а старалась только нагнать панику на своихъ несчастныхъ ученицъ, и съ этою цѣлью безъ умолку кричала на нихъ по цѣлымъ часамъ. Цѣль, разумѣется, достигалась: ученицы были залуганы, но, кромѣ отвращенія какъ къ самой учительницѣ, такъ и къ преподаваемому ею предмету, ничего не выносили изъ ея уроковъ. Въ сравненіи съ этою мегерой нашъ вѣзломощный Круаза могъ считаться ангеломъ кротости и образцовымъ педагогомъ. Эта воинственная особа была замѣнена *Н. Э. Бородиной*, впоследствии Конивецкой, очень толковой и опытной учительницей, которая не только сдумала установить совершенно инныя отношенія со своими ученицами, но и пріохотить ихъ къ занятіямъ.

Что-же касается до *Мансфельда*, учителя нѣмецкаго языка, то это была такая безцвѣтная личность, что о немъ только и можно сказать, что онъ былъ смазливый и смиренный нѣмчикъ, хлопотавшій, повидимому, гораздо болѣе о томъ, чтобы угодить начальству, нежели о томъ, чтобы научить насъ чему-нибудь. Онъ училъ насъ, впрочемъ, не долго и былъ уволенъ впоследствии, какъ крайне плохой учитель.

Вотъ и весь запасъ умственной и духовной пищи, имѣвшійся въ нашемъ распоряженіи въ дореформенный періодъ нашей школьной жизни. Ближайшее наше начальство, за исключеніемъ нашей добрѣйшей и вѣрми искренно любимой начальницы, *А. Г. Свѣчиной*, о которой я скажу нѣсколько словъ далѣе, скорѣе тормазпло своею безтактностью и косностью процессъ нашего духовнаго развитія, нежели подвигало

его впередъ. Въ нашихъ отношеніяхъ къ класснымъ дамамъ замѣчалось полнѣйшее равнодушіе съ обѣихъ сторонъ. Большинство изъ нихъ, какъ русскія, такъ и нѣмки (француженокъ у насъ не было ни одной), казались такими апатичными и безцвѣтными, что мы смотрѣли на нихъ не какъ на живыя существа, а какъ на двигающіяся муміи, на обязанности которыхъ лежало отбирать у насъ передники за единицы, передавать марку за русскій языкъ и выполнять разныя другія обрядности. И надо отдать имъ справедливость: эти обязанности онѣ выполняли добросовѣстно и неукоснительно, что, впрочемъ, нисколько не способствовало ни къ уменьшенію числа получаемыхъ нами единицъ, ни къ изгнанію роднаго языка изъ нашей рѣчи, а только ухудшало взаимныя отношенія между нами, «дерзкими дѣвченками», и нашими «классными муміями».

Читать намъ въ то время ничего не дозволялось, кромѣ хрестоматій. Это, повидимому, считалось отчасти излишней, а отчасти даже вредной роскошью для бѣдныхъ дѣвочекъ. Но такъ какъ между нами было не мало ярыхъ любителей всякаго чтенія, то мы ухитрились какъ-то доставать себѣ разные жестокіе романы, въ родѣ «Парижскихъ тайнъ», «Таинственнаго монаха», «Мартина найденыша» и прочей дребедени, которою мы зачитывались до одуренія. Помню, какое подавляющее впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ раздирающій душу романъ «Мартинъ найденышъ», по прочтеніи котораго я больше двухъ недѣль ходила точно въ чаду или въ тяжеломъ кошмарѣ, который я рѣшительно не въ состояніи была стряхнуть съ себя. Грубо, но за-то ярко намалеванные образы героев этого романа — Мартина, Баскины, Реджины, Куклы и ихъ мучительницы, матушки Мажоръ, долго не выходили у меня изъ головы и какъ живые представлялись моему возбужденному воображенію. Памятенъ мнѣ также и другой романъ, подъ заглавіемъ «Черепъ», прочитанный мною въ то-же время. Въ романѣ этомъ, на сколько помнится, фигурировали и герои, похожіе на привидѣнія, и настоящія, заправскія привидѣнія. Вообще, это былъ, въ своемъ родѣ, весьма интересный романъ, и такой забористый и страшный, что въ этомъ отношеніи могъ поспорить съ любымъ изъ романовъ знаменитой Анны Редклифъ.

Перейду теперъ къ описанію внѣшней стороны нашего быта и условій нашего физическаго развитія. Содержали насъ, бѣдныхъ дѣвочекъ, не роскошно, одѣвали и, въ особенности, кормили изъ рукъ вонъ плохо. И зиму, и лѣто мы щеголяли въ однихъ и тѣхъ-же грубыхъ камлотовыхъ платьяхъ какого-то некрасиваго темно-кирпичнаго цвѣта. Юбки у этихъ платьевъ кроились, изъ экономіи, до того уз-

кими, что походили на какія-то неуклюжія дуды, топорцившіяся кверху и придававшія намъ чрезвычайно оригинальный видъ движущихся тумбъ или деревянныхъ колодъ, что крайне смущало старшихъ воспитанницъ и подчасъ приводило ихъ просто въ отчаяніе.

Эта особенность покроя нашихъ платьевъ больше всего бросалась въ глаза, когда они были новыя и не успѣли еще обноситься; поэтому мы старались какъ можно скорѣе обмять наши «новыя дуды» и придать имъ если не изящную, то, по крайней мѣрѣ, и не такую топорную форму, какую онѣ имѣли, когда мы облекались въ нихъ въ первое время. Воспитанницы младшихъ классовъ, впрочемъ, были совершенно равнодушны къ тому, во что ихъ наряжали, и чувствовали неудобства платья «дуды» только въ рекреационные часы, когда имъ хотѣлось побѣгать или потанцовать, а несносная «дуда» ежеминутно сдерживала ихъ удачу.

Прочія статьи нашего туалета, по неизяществу и своеобразію покроя, вполнѣ гармонировали съ нашими платьями. Но особенно памятны мнѣ наши коленкоровыя лѣтнія шляпы, по формѣ и даже по своему песочно-желтоватому цвѣту больше всего походившія на лубочныя лукошки, продолбленныя съ боку и надѣтыя на голову такъ, чтобы дно приходилось на затылкѣ. О, эти шляпы-антики! какъ ненавидѣла я ихъ когда-то, лѣтъ тридцать тому назадъ, и съ какимъ благодушіемъ, почти умиленіемъ вспоминаю я о нихъ теперь, не смотря даже на то, что онѣ отравляли и мнѣ, и моимъ подругамъ самое любимое наше *partie de plaisir* — лѣтнюю экскурсію въ Черемушки, въ сопровожденіи нашего добрѣйшаго батюшки П. В. Богословскаго. Какъ ни вкусно было молоко, которымъ угощалъ насъ батюшка, и какъ ни забавны казались намъ анекдоты и прибаутки, которыми онъ приправлялъ свое угощеніе, но мысль о «шляпахъ-лукошкахъ», красовавшихся у насъ на головахъ, все-таки удручала насъ до нѣкоторой степени...

Но на сколько малодушно и даже комично было наше негодованіе по поводу того, что насъ, «благородныхъ дѣвицъ», одѣваютъ какъ какихъ-нибудь «жалкихъ пріютокъ», на столько-же дѣйствительно были достойны сожалѣнія и всякаго сочувствія наши жалобы на то, что насъ кормили впроголодь. Это было уже скорѣе трагично, чѣмъ комично, — тѣмъ болѣе, что положеніе наше въ этомъ отношеніи было совершенно безнадежное, и мы хорошо знали, что голодовкѣ нашей не будетъ и конца, потому что наше училище было такъ бѣдно, что насъ, въ сущности, и не могли кормить лучше.

Сумма, которую наше начальство могло расходовать на наше про-

питаніе, была такъ ничтожна (на продовольствіе каждой воспитанницы въ отдѣльности приходилось чуть-ли не 7 к. въ сутки), что можно только удивляться, какъ оно ухитрялось кормить насъ не одной только «манной кашею», которою должны были довольствоваться несчастныя дѣти въ одномъ изъ англійскихъ пріютовъ, описанныхъ Диккенсомъ въ романѣ «Оливеръ Твистъ». Нѣтъ, справедливость требуетъ сказать, что намъ все-таки жилось привольнѣе нашихъ англійскихъ собратьевъ по несчастью, и мы не только не выскабливали ложками оловянныхъ тарелокъ, въ которыхъ намъ подавалась гречневая каша и другая снѣдь, но были такъ «набалованы» и подчасъ до того доводили свою продерзость, что наотрѣзъ отказывались ѣсть прѣлую-перепрѣлую «прошлогодную кашу», безъ малѣйшихъ признаковъ масла.

Нужно замѣтить, что, прибѣгая къ такой крайней мѣрѣ, мы обнаруживали если не настоящій героизмъ, то во всякомъ случаѣ героизмъ, потому что отказаться отъ порціи даже «прошлогодней каши» въ то время, когда молодой желудокъ настоятельно требуетъ пищи, совсѣмъ не легко. Но въ подобныхъ случаяхъ мы самоотверженно обрекали себя на мученіе голода, такъ какъ поступить иначе значило-бы нарушить священныя традиціи товарищества, погрѣшить противъ братскаго единодушія и выказать себя передъ всѣми «измѣнницей», «предательницей» и «мелкой душонкой».

Но, подвергая себя усиленному голоданію, частію ради «выдержки характера», частію-же въ силу принципа братскаго единодушія, мы принимали свои мѣры къ тому, чтобы намъ не подали на слѣдующій день ту-же самую «прошлогодную кашу». Съ этою цѣлью мы высыпали въ нее соль изъ всѣхъ солонокъ, поливали водой или кислымъ, какъ укусъ, квасомъ и, сдѣлавъ ее совершенно негодной къ дальнѣйшему употребленію, отсылали назадъ, въ кухню.

Хорошо еще, что мы имѣли дѣло не съ суровыми англійскими лордами, пришедшими въ такой священный ужасъ, когда несчастный Оливеръ Твистъ, доведенный голодомъ чуть не до изступленія, обратился къ нимъ съ просьбой объ увеличеніи порцій манной кашицы. Эти мудрые педагоги ужъ, конечно, не дали-бы намъ потачки, и съ помощью системы измора, вынудили-бы насъ ѣсть «прошлогодную кашу». Но наше начальство было уже слегка тронуту вѣяніями современнаго либерализма и начинало примѣнять новыя идеи и къ дѣлу воспитанія. Поэтому оно смотрѣло сквозь пальцы на наши продерзости и выказывало скорѣе сожалѣніе къ намъ, чѣмъ желаніе покарать насъ и отомстить за наши, въ сущности, совершенно неразумныя выходы.

Привожу здѣсь, кстати, подробное описаніе нашихъ трапезъ.

Въ восемь часовъ утра мы пили чай,—чуть тепленькую желтоватую водицу,—къ которому прилагался микроскопическій кусочекъ сахара и половина полутора-копеечнаго розаня (въ первый день Пасхи, Рождества и въ день Причастія намъ выдавали по цѣлому розанчику). Въ двѣнадцать часовъ раздавался звонокъ къ обѣду, состоявшему изъ *трехъ блюдъ*: во-первыхъ, изъ «суна брандахлыста», приправленнаго манной или перловой крупой; во-вторыхъ, изъ тончайшихъ ломтиковъ вареной говядины какого-то подозрительнаго синеватаго цвѣта, которую мы хотя и называли «мертвечиной», но все-таки ѣли и сожалѣли только о томъ, что она всегда была нарѣзана такъ артистически тонко, что наши сквозные ломтики «даже муха могла бы пробить крыломъ на лету». Третьимъ блюдомъ почти неизмѣнно служила достопамятная «прошлогодня каша». Въ пятомъ часу дня мы получали такія-же порціи чая, какъ и утромъ, а въ девятомъ ужинали остатками супа и каши. Воскресные дни ознаменовывались тѣмъ, что къ нашему обыкновенному меню прибавлялся пирогъ съ капустой или съ морковью, а каша замѣнялась клюквеннымъ киселемъ съ патокой.

Яица намъ давали только на Пасхѣ, но въ какомъ количествѣ—этого я не помню. Точно также и молокомъ намъ удавалось полакомиться всего одинъ разъ въ годъ, въ Черемушкахъ, какъ я уже упоминала выше, гдѣ нашъ общій другъ, батюшка П. В. Богословскій, устраивалъ для насъ обильное угощеніе изъ свѣжаго молока и булокъ.

Привожу здѣсь, въ видѣ иллюстраціи того, какъ вкусны были наши обѣды и ужины, слѣдующій фактъ. Однажды нашъ директоръ А. М. К., войдя къ намъ въ столовую во время обѣда, вздумалъ было отвѣдать нашихъ постныхъ щей со смѣтками,—дѣло было, кажется, великимъ постомъ. Но, должно быть, щи показались нашему директору до такой степени недоброкачественными, что онъ не рискнулъ проглотить даже и одной ложки, а тутъ-же выплюнулъ ихъ въ носовой платокъ, что, впрочемъ, нисколько не помѣшало ему сказать съ самымъ невозмутимымъ видомъ, что «щи очень, очень вкусны». Но съ тѣхъ поръ нашъ почтенный директоръ уже не рѣшался пробовать нашихъ кушаний.

Голодъ такъ одолевалъ насъ подчасъ, что мы цѣлыми толпами убѣгали въ дортуары, чтобы потуже затянуться въ корсеты, такъ какъ мы уже по опыту знали, что это самое лучшее средство парализовать дѣйствія нашего злѣйшаго врага—голода. Этимъ способомъ достигалась двоякая цѣль: и мученія голода какъ будто ослабѣвали, и наши талии становились тоньше и изящнѣе.

Но по временамъ и на нашей улицѣ бывали праздники. Случалось иногда, что кому-нибудь изъ насъ присылали изъ деревни, «при оказіи», цѣлые ящики съ провизіей—слоеными лепешками, паштетами, яицами, пастилой, вареньемъ и другими прелестями. Вся эта благодать дѣлалась достояніемъ всего класса и въ тотъ-же день истреблялась. Приберегать на завтра у насъ считалось крайне предосудительнымъ, и тѣ, которыя заботились о завтрашнемъ днѣ, получали клички «сквалыгъ», «выжигъ», «выгадчицъ», «скопидомокъ», «m-Des Плюшкиныхъ» и пр. Но такія пирушки на весь классъ устраивались, разумѣется, только тогда, когда гостинцевъ присылали въ волю—сколько душа просить. Если-же той или другой изъ насъ перепадала какая-нибудь малость, то угощались только самыя любимыя подружки. И за это никто не бывалъ въ претензіи, потому что каждая изъ насъ была того мнѣнія, что лучше угостить какъ слѣдуетъ двухъ-трехъ подругъ, нежели «помазать по губамъ весь классъ».

Зимой, на сколько я помню, насъ никогда не водили гулять. Съ конца осени, т.-е. съ октября мѣсяца, насъ запирали въ комнатахъ, какъ какія-нибудь тепличныя растенія, и не выпускали на свѣжій воздухъ чуть-ли не до самаго мая. Лѣтомъ-же мы могли гулять только въ своемъ садикѣ, гдѣ было такъ мало тѣни, что днемъ многія предпочитали оставаться въ классахъ, и только вечеромъ всѣ гурьбой высыпали въ садъ. Но бѣгали и играли только маленькія, старшія-же воспитанницы, считавшія ниже своего достоинства «повѣсничать и школьничать», чинно прогуливались группами по дорожкамъ, разговаривая объ училищныхъ дѣлахъ вообще, но чаще всего, разумѣется, объ учителяхъ, или мечтая вслухъ о томъ, что ожидало ихъ за стѣнами училища, изъ котораго онѣ такъ страстно порывались на волю.

Какъ видите, мы росли при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ для нашего физическаго развитія: съ одной стороны, голодовка, а съ другой—полное отсутствіе свѣжаго, здороваго воздуха въ продолженіи болѣе полугода. По настоящему, мы непремѣнно должны были-бы зачахнуть при такомъ ненормальномъ образѣ жизни. На самомъ-же дѣлѣ мы совѣмъ не казались ни болѣзненными, ни изнуренными. Чѣмъ объяснить это странное явленіе—я, право, не знаю, но думаю, что всего вѣроятнѣе будетъ предположить, что мы являлись въ училище изъ нашихъ родныхъ пепелищъ съ такимъ солиднымъ запасомъ здоровья и физическихъ силъ, который не могли истощить окончательно даже и неблагоприятныя условія нашей жизни, хотя онѣ и умаляли этотъ запасъ.

Это предположеніе мнѣ кажется тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что въ наше училище очень часто поступали совсѣмъ уже большія дѣвочки, которыхъ, по причинѣ ихъ «великовозрастія», не принимали въ институты. А что недостатокъ здоровой пищи и свѣжаго воздуха вліялъ на насъ крайне вредно, это я испытала на самой себѣ. Я поступила въ училище одиннадцатилѣтней дѣвочкой, но, судя по моему росту и физическому развитію, многіе давали мнѣ тринадцать лѣтъ. Послѣ-же трехлѣтняго моего пребыванія въ училищѣ я не только не возмужала, но, напротивъ, сдѣлалась такъ миниатюрна и безплотна, что въ четырнадцать лѣтъ походила на двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, хотя въ то время я была настолько здорова, что не хворала даже отъ заразныхъ болѣзней.

Хорошо еще, что у насъ не было принято, какъ въ тогдашнихъ институтахъ, ѣсть мѣлъ, уголь, глину и прочую дрянъ. Благодаря вліянію нашего просвѣщеннаго инспектора, Ѳ. И. Буслаева, изъ всѣхъ силъ старавшагося пробудить въ насъ мысль и сознаніе, мы все-таки были развитѣе современныхъ намъ институтокъ (чѣмъ мы не мало гордились), поэтому и въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ замѣчалось болѣе осмысленности и менѣе карриатуры.

Въ заключеніе этой главы скажу нѣсколько словъ о маніи обожанія—этой пародіи на чувство, отъ которой и мы то-же не были изъяты совершенно, хотя она и не проявлялась у насъ въ такой уродливой формѣ, какъ въ другихъ закрытыхъ и полузакрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. А впрочемъ, и у насъ были такія самоотверженныя жрицы любви, которыя, въ доказательство пылкости своихъ чувствъ, съѣдали по цѣлой столовой ложкѣ соли и при видѣ предмета своей страсти приходили въ такой экстазъ, что щипали себя до синяковъ. А одна изъ дѣвочекъ—лѣтъ десяти или одиннадцати, не болѣе—обтѣлась даже бѣленой, росшей у насъ въ саду, чтобы доказать свою любовь къ одной изъ старшихъ воспитанницъ, и въ послѣдовавшую за тѣмъ ночь чуть не умерла отъ отравленія. Но большинство изъ насъ смотрѣло на такія дикія выходки скорѣе съ насмѣшкой, чѣмъ съ одобреніемъ, и даже само «божество» взидало не совсѣмъ благосклонно на подобнаго рода поклоненіе и явно предпочитало, чтобы ему приносились хотя и не столь самоотверженныя, но за-то болѣе полезныя жертвы, въ видѣ оказанія маленькихъ услугъ—переписки черно-выхъ тетрадей, разглаживанія смявшагося передника, пелеринки и т. п.

Вообще, манія обожанія, свирѣпствовавшая въ то время почти во всѣхъ училищахъ, по своей заразительности походила на современную инфлюэнцу. Борются какъ противъ этого, такъ и противъ мно-

тихъ другихъ ненормальныхъ явленій, порождаемыхъ затхлою школьною атмосферою, можно было только съ помощью поднятія уровня умственнаго развитія подроставшаго поколѣнія, которое совершенно дичало въ своемъ затворничествѣ и не только не приобрѣтало въ училищѣ никакихъ полезныхъ знаній, но скорѣе тупѣло подъ вліяніемъ своихъ менторовъ-рутинеровъ.

С. Ф.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о физических упражненіяхъ учащихся *).

Нѣсколько недѣль тому назадъ, докторъ Покровскій прочелъ въ этомъ-же собраніи свой рефератъ «въ защиту дѣтскихъ игръ». Въ этомъ рефератѣ онъ обращается, такъ сказать, съ воззваніемъ къ педагогамъ, чтобы они возвратили дѣтямъ игру, какъ самое полезное физическое упражненіе, съ одной стороны, и какъ лучшее средство къ развитію духовныхъ силъ—съ другой. Я не имѣю достаточно данныхъ, чтобы судить, дѣйствительно-ли вина всецѣло падаетъ на педагоговъ, или-же сама жизнь уничтожила одно изъ лучшихъ физическихъ упражненій — игру, но, во всякомъ случаѣ, мысль доктора Покровскаго — обратиться именно къ школѣ, долженствующей идти впереди общества, прекрасна, и каждый, кому вполнѣ понятна важная роль игры въ дѣлѣ образованія, отнесется съ глубокой благодарностью къ раздавшемуся въ защиту игръ голосу.

Обращаясь къ вопросу о постановкѣ физическихъ упражненій въ нашей школѣ, докторъ Покровскій совершенно отмѣняетъ въ младшихъ классахъ не только гимнастику на аппаратахъ, за что опять-таки можно только благодарить его, но и вообще всякія искусственныя упражненія, хотя-бы это были даже такъ-называемыя свободныя движенія.

Мотивируетъ онъ это, главнымъ образомъ, двумя положеніями:

*) Настоящая замѣтка была прочитана, 7-го декабря 1891 года въ Москвѣ, въ Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній и вызвала со стороны многихъ врачей рѣзкія нападки во время преній. Такъ какъ нападки эти нашли себѣ мѣсто даже и въ печати (см. «Вѣстникъ Воспитанія» №№ 1 и 3, 1892 г. ст. «Печальный инцидентъ» безъ подписи и ст. «Гимнастика—или игры» г. Дементьева и др.), то я считаю цѣлесообразнымъ напечатать свой рефератъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ онъ былъ прочитанъ въ названномъ выше обществѣ. Безпристрастный читатель въ состояніи будетъ оцѣнить, насколько основательности и научности содержатъ въ себѣ нападки гг. оппонентовъ въ указанныхъ статьяхъ ихъ. *Авт.*

1) помѣщенія для физическихъ упражненій въ большинствѣ случаевъ лишены гигиеническихъ условій и 2) монотонность и скука при свободныхъ движеніяхъ порождаютъ потомъ отвращеніе на всю жизнь къ этимъ упражненіямъ. Изъ этихъ двухъ положеній только второе, т.-е. отвращеніе къ свободнымъ движеніямъ, можетъ представиться принципиально спорнымъ, такъ какъ обстоятельство, указанное въ первомъ положеніи, можетъ быть устранено посредствомъ устройства помѣщеній, надлежащимъ образомъ приспособленныхъ для означенныхъ упражненій. Затѣмъ, д-ръ Покровскій оставилъ невыясненнымъ, гдѣ же именно младшими классами будутъ производиться игры во все время учебнаго года, при нашемъ суровомъ климатѣ? Если игра будетъ происходить въ комнатѣ, то порча воздуха произойдетъ гораздо раньше, нежели при свободныхъ движеніяхъ, такъ какъ большинство игръ состоитъ изъ различной формы бѣга, при которомъ поглощается большое количество кислорода и продуктовъ горѣнія выдѣляется больше. Если же предполагается вести игру исключительно на открытомъ воздухѣ, то это для нашихъ школъ возможно въ теченіе какихъ-либо 1¹/₂—2 мѣсяцевъ. Въ учебномъ заведеніи г-жи Ржевской, гдѣ я преподаю въ настоящее время, имѣется просторный немощеный дворъ, и при малѣйшей возможности мы имъ пользуемся, но, при нашихъ климатическихъ условіяхъ, къ сожалѣнію, лишь очень короткое время.

Но, можетъ быть, лучше принять дилемму: или производить упражненія на чистомъ воздухѣ, или ихъ совсѣмъ не производить? Здѣсь я сошлюсь на одного изъ ярыхъ противниковъ комнатныхъ упражненій—Лагранжа, на котораго такъ часто ссылается и докторъ Покровскій. Лагранжъ говоритъ: «слѣдуетъ сознаться, однако, что какъ-бы неудовлетворителенъ ни былъ окружающій воздухъ, все-таки бездѣятельности лучше предпочесть упражненіе. Мышечное упражненіе, даже въ нездоровой средѣ, всегда приноситъ съ собой извѣстную пользу, которую ничто не можетъ у него отнять: оно увеличиваетъ объемъ и энергію мышцъ, развиваетъ силу, ловкость и гибкость. Оно можетъ даже развить грудь, потому что увеличеніе легкихъ опредѣляется объемомъ, а не качествомъ получаемаго ими воздуха, но оно не можетъ оживлять кровь такъ, какъ упражненіе на чистомъ воздухѣ, потому что оно вводитъ не чистый кислородъ». Такъ говоритъ Лагранжъ. (Гигіена физич. упражненій, стр. 74).

Ведя уже четвертый годъ физическія упражненія по системѣ профессора Лесгафта, я считаю себя обязанной обратить вниманіе всѣхъ, интересующихся дѣломъ физическаго образованія, на эту въ высшей степени продуманную и проверенную на практикѣ систему. По этой

системъ ведутся упражненія въ Петербургѣ въ нѣкоторыхъ частныхъ гимназіяхъ, какъ, напр., у Стоюниной, Таганцевой и др., и ведутся уже лѣтъ десять. Преподавательницами этихъ упражненій состоятъ большею частью окончившія курсъ по естественному отдѣленію высшихъ женскихъ курсовъ, а также женщины-врачи. Но какъ тѣ, такъ и другія обязаны прослушать теорію движеній и практически пройти весь курсъ упражненій. Занятія эти онѣ ведутъ настолько успѣшно, что дѣти нисколько не тяготятся ими, сколько мнѣ ни приходилось наблюдать или разспрашивать. Обыкновенно дѣти выходятъ послѣ упражненій съ оживленными лицами, зачастую подпрыгивая, такъ что и въ голову не придетъ заподозрить ихъ въ физическомъ или умственномъ расслабленіи. Я не стану подробно излагать эту систему; желающихъ ближе познакомиться съ нею отсылаю къ руководствамъ по этому предмету и вообще къ педагогическимъ статьямъ проф. Лесгафта, здѣсь-же ограничусь немногими замѣчаніями. Въ основу физическаго образованія проф. Лесгафтъ кладетъ то-же начало, что и при умственномъ образованіи, а именно онъ желаетъ сформировать человѣка, сознательно относящагося къ своимъ дѣйствіямъ и къ окружающему, который могъ-бы при наибольшей работѣ затратить наименьшее количество силъ и научиться вполне владѣть собой. «Тѣлесныя упражненія должны служить для того, чтобы научить ловко владѣть всѣми частями нашего организма, чтобы ни одна изъ частей двигательнаго аппарата не осталась не развитой, и, кромѣ того, чтобы развить свои физическія силы и приготовиться ко всякой физической работѣ» (Кратк. курсъ анатоміи П. Лесгафта). «Только при гармоническомъ развитіи всѣхъ органовъ организмъ человѣка въ состояніи совершенствоваться и производить наибольшую работу при наименьшей тратѣ матеріала и силы (П. Лесгафтъ. Руководство къ физич. образ., стр. 259).

Но, можетъ быть, путь, которымъ достигается подобный результатъ, такъ тягостенъ для дѣтей, что занятія эти на всю жизнь оставляютъ отвращеніе въ занимающихся? Такого вывода я не могу признать за упражненіями по системѣ проф. Лесгафта, если только они ведутся свѣдущими людьми. Но, конечно, и хорошій методъ въ рукахъ незнающаго преподавателя будетъ плохъ. Такъ, однажды мнѣ пришлось присутствовать въ городской школѣ на урокъ физическихъ упражненій по системѣ профессора Лесгафта; упражненія эти вела учительница, считающаяся образцовою въ преподаваніи другихъ предметовъ, и дѣйствительно прекрасно занимающаяся. Желая пользы дѣтямъ, она купила руководство и была увѣрена, что этого достаточно. Меня она привела въ ужасъ своими упражненіями: она на метрономѣ

поставила такую большую скорость и такъ много дала движеній головой, что бѣдныя дѣти едва могли справляться, и я боялась, что она доведетъ ихъ до обморока. Разумѣется, такія упражненія могутъ навсегда отбить охоту у занимающихся. Такимъ образомъ, все дѣло въ постановкѣ предмета.

Продолжительность нормальнаго урока проф. Лесгафтъ считаетъ въ 40—45 минутъ. Въ каждый урокъ обязательно должны войти: бѣгъ, свободныя движенія, метаніе мячей или палокъ и игра; кромѣ того, упражненія состоятъ еще изъ прыжковъ, борьбы и движеній съ отягощеніемъ и сопротивленіемъ. Въ младшемъ классѣ $\frac{1}{6}$ урока отводится на свободныя движенія и больше всего времени на игру; въ старшихъ-же классахъ движенія занимаютъ даже $\frac{1}{3}$ урока.

У себя на урокахъ я никогда не замѣчала, чтобы дѣти тяготились свободными движеніями; на нихъ они смотрятъ, какъ на серьезную часть въ урокѣ.

Никто такъ горячо не стоитъ за игру на чистомъ воздухѣ, какъ проф. Лесгафтъ, который такъ высоко ставитъ Англію въ дѣлѣ физическаго образованія, и, однако, онъ составилъ цѣлую систему школьныхъ упражненій, такъ какъ для гармоническаго развитія мышцъ одной игры недостаточно, да и на практикѣ это трудно осуществимо при нашемъ суровомъ климатѣ. Притомъ, сводить физическія упражненія только къ игрѣ, основывая ее исключительно на чувствѣ удовольствія, совсѣмъ не педагогично: физическія упражненія должны стоять наравнѣ со всѣми другими общеобразовательными предметами, гдѣ пріятное и необходимое чередуются между собою. Надо довести ученика до такой степени развитія, чтобы онъ испытывалъ удовольствіе отъ правильнаго выполненія хотя-бы и не особенно завлекательныхъ упражненій, разъ онъ сознаетъ ихъ полезность, а слѣдовательно и необходимость. И самая игра, съ педагогической точки зрѣнія, должна служить, главнымъ образомъ, не къ увеселенію занимающагося, а къ выработкѣ его характера, умѣнью владѣть собой и цѣлесообразно дѣйствовать. Одною изъ главныхъ цѣлей образованія надо ставить дисциплинированіе человѣка; дисциплинируется же человѣкъ тогда, когда ему приходится нѣсколько принудить себя поработать надъ тѣмъ, что и не особенно весело. Но все это, конечно, должно дѣлаться въ мѣру. Разъ въ принципѣ признано какое-либо упражненіе полезнымъ, то нечего бояться, что оно будетъ скучнымъ: надо только поставить его надлежащимъ образомъ.

У физическихъ упражненій есть, дѣйствительно, своя обратная сторона, когда они могутъ быть скорѣе вредны, нежели полезны, а

именно въ томъ случаѣ, если они являются непосильнымъ трудомъ для истощеннаго организма. Въ числѣ главныхъ условій здоровья стоитъ, безъ сомнѣнія, правильное питаніе. А вотъ это-то условіе въ нашихъ школахъ у большинства дѣтей далеко отъ желательнаго, такъ какъ дѣти не имѣютъ горячаго завтрака. И часто это происходитъ во-все не изъ экономіи родителей или ихъ равнодушія къ тому, какъ питаются ихъ дѣти, а просто вслѣдствіе того, что они не задумываются надъ тѣмъ, насколько-бы послѣднія сдѣлались бодрѣе отъ теплой питательной пищи, чѣмъ отъ всѣхъ этихъ бутербродовъ, послѣ которыхъ выпивается столько холодной воды, способствующей только растяженію желудка. На эту сторону дѣтской жизни непремѣнно должно быть обращено серьезное вниманіе какъ педагоговъ, такъ въ еще большей мѣрѣ—дѣтскихъ врачей. Если-же дитя поставлено въ правильныя условія относительно воздуха и пищи, то движеніе становится для него необходимымъ, какъ одно изъ главныхъ условій жизнѣдѣтельности молодого организма, чѣмъ послѣдній и отличается отъ старческаго. И въ 20 лѣтъ можно быть старикомъ, и въ 40 юношей. Чтобы это не звучало фразой, я могу привести такой примѣръ: прошлой зимой я посѣтила въ Петербургѣ классъ физическихъ упражненій взрослыхъ женщинъ, который вела женщина-врачъ по системѣ проф. Лесгафта. Участвующихъ было человекъ 20, въ возрастѣ преимущественно отъ 20—27 лѣтъ; но между ними своею ловкостью и правильностью движеній отличалась почти сѣдая женщина, лѣтъ около 40, для которой всѣ эти прыжки, увертыванія во время игры, упражненія съ мячемъ, казалось, были ничего нестоящими,—съ такимъ изяществомъ она все это продѣлывала; и только глядя на неуклюжее исполненіе тѣхъ-же упражненій молодыми ея товарками, можно было видѣть, что упражненія эти не такая ужъ легкая вещь... Съ требованіемъ д-ра Покровскаго—отмѣнить свободныя движенія въ младшихъ классахъ, вводить ихъ только со старшихъ классовъ, я не могу согласиться на основаніи данныхъ изъ своей практики. Начавшія заниматься съ младшихъ классовъ дѣлаютъ эти упражненія охотнѣе, нежели тѣ, которые были уже въ старшихъ классахъ, когда я начала съ ними заниматься. У меня обыкновенно ведется запись, кто и почему не дѣлаетъ упражненій. Въ младшей группѣ очень рѣдко, въ мѣсяцъ разъ, если не меньше, кто-либо изъ присутствующихъ отказывается отъ урока упражненій; въ средней группѣ въ недѣлю разъ, иногда и больше, изъ 20 человекъ не дѣлаютъ ихъ человекъ два, въ старшей-же группѣ лишь рѣдко встрѣчался такой день, когда эти упражненія дѣлали-бы всѣ учащіеся (нормальныя причины я исключаю отсюда), и этимъ днемъ большею частью

бываетъ пятница, когда дѣти сами выбираютъ игру, которая ведется иногда весь урокъ. Это, мнѣ кажется, служить хорошей иллюстраціей къ высказанному мною взгляду, что рисковано полагать въ основу общеобразовательнаго предмета исключительно чувство удовольствія. Привычка—вторая натура, а потому, если мы хотимъ ввести въ плоть и кровь какіе-либо навыки и жизненныя правила, то должны начать ихъ культивированіе съ ранняго возраста. Какъ часто приходится видѣть, что взрослый человѣкъ вполне понимаетъ пользу какой-либо мѣры, но отсутствіе выдержки, привычка дѣлать то, что пріятно, а не то, что должно, мѣшаетъ ему провести эту мѣру въ жизнь!

Безъ свободныхъ движеній, которыя даютъ работу всѣмъ мышцамъ, не будетъ достигнута цѣль—гармоническое развитіе всего организма, такъ какъ при игрѣ не всѣ мышцы одинаково работаютъ. Положимъ даже, что были-бы составлены такія игры, которыя захватывали всю мышечную систему, то и тогда не каждый изъ участвующихъ съ одинаковой пользой для себя будетъ работать. Охотнѣе играютъ здоровыя, нежели малокровныя дѣти; значитъ, такія дѣти въ играхъ будутъ послѣдними, и мышцы ихъ поработаютъ мало. Въ такихъ играхъ, гдѣ работа ведется сообща, какъ, напр., лапта, вялые субъекты всегда сваливаютъ работу на подвижныхъ товарищей, и надо долго игрѣ вестись, чтобы у нихъ мышцы поработали съ должнымъ напряженіемъ. А иногда они и желали-бы съ полной добросовѣстностью принимать участіе, но не могутъ соперничать съ своими, болѣе ихъ здоровыми тѣломъ, товарищами. Поэтому, для всѣхъ мало-сильныхъ непременно должна быть такая система упражненій, гдѣ мускулатура ихъ постепенно укрѣплялась-бы и они не были-бы постоянно тяжелымъ грузомъ для каждой партіи, что дѣти иногда съ такой жестокой откровенностью и высказываютъ. Я до сихъ поръ не могу спокойно смотрѣть на тѣхъ дѣтей, которыя при наборѣ партій выбираются послѣдними: такъ и чувствуется, что имъ и обидно, и завидно, что они на заднемъ планѣ. При свободныхъ-же движеніяхъ и упражненіяхъ съ мячемъ они всѣ чувствуютъ себя одинаково работающими, и иногда слабыя въ игрѣ оказываются болѣе исполнительными въ другихъ упражненіяхъ. Это возвышаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ и не даетъ укорениться взгляду, что они самой судьбой обречены быть вѣчно на второмъ планѣ. У меня бывали случаи, что дѣти совсѣмъ отказывались отъ игры, подъ тѣмъ предлогомъ, что они боятся «продавать партію», т.-е. чтобы партія изъ играющихъ не должна-бы была перейти въ служащую.

Составляя насущную потребность здороваго организма, физическія

упражненія противустоятъ какъ школьнымъ, такъ и полученнымъ до школы искривленіямъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ учебныхъ заведеній, гдѣ я два года вела эти упражненія, введена прекрасная система дѣтскаго осмотра врачомъ. Осенью и весною всѣхъ дѣтей взвѣшиваютъ, измѣряютъ ростъ, размѣръ груди и проч. При осмотрѣ осенью 8-ми-лѣтней дѣвочки, дѣтскій докторъ, Д. М. Глаголевъ, нашелъ у нея искривленіе позвоночника. Ко времени весенняго осмотра искривленіе значительно уменьшилось, а когда дѣвочка явилась на осенній осмотръ, то докторъ уже не нашелъ у нея сколіоза, хотя никакихъ специальныхъ, т.-е. врачебныхъ, упражненій не было назначено, а я только слѣдила, чтобы дѣвочка вполнѣ правильно держалась при упражненіяхъ. На подобные случаи указываетъ и докторъ Ивановъ (Теоретическія основанія тѣлесныхъ упражненій, стр. 20), а также и Лагранжъ говорить: «множество искривленій позвоночнаго столба, представляющихъ лишь результатъ ослабленія мышцъ спины, излечивается простыми упражненіями ногъ вродѣ бѣга, безъ всякаго непосредственнаго воздѣйствія на область спины» (Гигіена физ. упр., стр. 98).

Выслушавъ рефератъ доктора Покровскаго, и особенно ту его часть, гдѣ онъ говоритъ о монотонности и скукѣ при свободныхъ движеніяхъ, я рѣшила узнать правдивый отзывъ отъ самихъ ученицъ, такъ какъ иногда невольно видишь именно то, что хочется видѣть, а что, можетъ быть, въ дѣйствительности дѣти тяготеютъ этими упражненіями. Для этого я обратилась къ двумъ ученицамъ, которыя у меня не присутствуютъ уже на урокахъ, но продолжаютъ еще посѣщать учебное заведеніе, такъ какъ готовятся къ экзаменамъ въ испытательномъ комитетѣ. На мою просьбу—съ полной откровенностью сказать мнѣ, какъ онѣ сами и весь классъ относились къ физическимъ упражненіямъ, одна начала такъ: «я вамъ все по правдѣ скажу: вначалѣ я не любила эти занятія; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше они мнѣ нравились, и ужъ весь прошлый годъ я дѣлала ихъ съ большимъ удовольствіемъ. И въ урокѣ мнѣ больше всего нравились свободныя движенія, а игры я не особенно любила». Другая-же вотъ что отвѣтила: «на физическихъ упражненіяхъ мнѣ больше всего нравилась игра; но и остальные упражненія мы всѣ дѣлали съ большимъ удовольствіемъ, если-бы намъ на нихъ отводили особый урокъ, а не брали у насъ перемѣны. А то въ перемѣну: надо снять корсетъ, перемѣнить обувь; послѣ упражненій—опять надѣть корсетъ, позавтракать, а тутъ еще на перемѣну-же отложенъ невыученный дома урокъ,—вотъ почему и не хотѣлось-бы иной разъ дѣлать эти упраж-

ненія». Когда я выслушивала эти отзывы, меня заняла такая мысль: почему одной больше нравились свободныя движенія, а другой игры? Я боюсь быть поспѣшной въ своемъ выводѣ, такъ какъ здѣсь могла быть простая случайность, но, по крайней мѣрѣ, это не противорѣчить слѣдующему апіорному разсужденію: разниа лежитъ въ томъ, мнѣ кажется, что и по физическому складу, и по складу ума обѣ дѣвушки представляютъ полный контрастъ. Та, которая любила больше свободныя движенія, физически развита слабо, малокровна, но съ большими способностями дѣвушка, особенно къ математикѣ, и необыкновенно исполнительна. Вотъ, ей поэтому и пришлось больше и по духу, и по силѣ размѣренныя упражненія, гдѣ также требуется въ которое умственное напряженіе при выполненіи комбинацій движеній. И она, дѣйствительно, необыкновенно точно выполняла всѣ эти комбинаціи. Вторая, которой больше нравились игры, хорошо развита физически, живая, и всегда была выбираема предводителемъ въ играхъ. Ей легко было производить упражненія съ большимъ напряженіемъ, а живой ея натурѣ нравились неожиданныя затрудненія, которыя часто встрѣчаются въ играхъ.

Урокъ, составленный по системѣ проф. Лесгафта, гѣмъ, по моему, и хороши, что своимъ разнообразіемъ упражненій онъ даетъ возможность каждому изъ участвующихъ, въ большинствѣ случаевъ, находить и по вкусу, такъ сказать, и по силамъ подходящее упражненіе, которое и будетъ производиться съ удовольствіемъ; а остальная часть урока, если и будетъ производиться по обязанности, то она все-таки не должна вызывать отвращенія у всѣхъ занимающихся, такъ какъ то, что нравится одному, не нравится другому; а разъ работа ведется сообща, то должны быть и взаимныя уступки. И дѣти это прекрасно понимаютъ и подчиняются добровольно, что порою бываетъ видно при выборѣ игръ или предводителей.

Кромѣ этихъ двухъ отзывовъ, я могу привести еще нѣсколько примѣровъ, что дѣти не тяготятся названными упражненіями. Въ прошломъ году мнѣ пришлось заниматься въ пригготовительномъ классѣ ариеметикой, послѣ которой былъ мой-же урокъ по физическимъ упражненіямъ. Но отъ послѣдняго урока отказалась одна изъ лучшихъ ученицъ, такъ какъ родители ея, изъ простой среды люди, не позволяли ни ей, ни ея двумъ сестрамъ заниматься «гимнастикой». Глядя, какъ она жмется въ уголкѣ, кутаясь въ платокъ, я звала ее иногда побѣгать съ нами или поиграть. Къ концу года дѣвочка сама уже просилась въ игры, а въ этомъ году, положительно безъ всякаго давленія съ моей стороны, становится въ рядъ и продѣлываетъ всѣ упражне-

нiя съ рѣдкимъ усердiемъ. Или, напримѣръ, въ томъ учебномъ заведенiи, гдѣ я раньше два года вела эти упражненiя, дѣти такъ относились къ уроку: въ младшей и средней группѣ (группы состояли изъ 20—28 чел.) никто никогда не отказывался отъ занятiй, такъ какъ мой урокъ былъ вторымъ, и дѣти всѣ приходили на него бодрыми. Если случалось, что слѣдующiй урокъ у нихъ не былъ занятъ, они всегда просили меня продолжить упражненiя, и я прибавляла иногда еще $\frac{1}{4}$ часа (основное правило для упражненiй—не доводить занимающихся до утомленiя), и они никогда не заявляли, что «довольно» заниматься. Для старшей группы, гдѣ были дѣвочки отъ 13—16 лѣтъ, отводилась для моего урока получасовая перемѣна передъ послѣднимъ урокомъ (Для завтрака въ учебномъ заведенiи была особая перемѣна въ $\frac{3}{4}$ часа). И не смотря на то, что бралась вся вторая перемѣна, я никогда не замѣчала, чтобы ученицы дѣлали упражненiя по принужденiю. Часто даже бывало такъ: когда швейцаръ входилъ за 2 или за 3 минуты до звонка (часы висѣли въ залѣ), чтобы звонить, дѣти хоромъ ему заявляли, что это еще ихъ время и что звонить нельзя. Правда, въ это время обыкновенно шла игра, но разъ они были-бы утомлены упражненiями, то тутъ ужъ и игра не могла быть привлекательной.

Всѣ приведенные мною факты заслуживаютъ, мнѣ кажется, вниманiя при рѣшенiи вопроса: существовать или нѣтъ физическимъ упражненiямъ въ школѣ? Поэтому, кому дѣйствительно дорого дѣло правильнаго школьнаго образованiя, кто хочетъ юношу видѣть бодрого и тѣломъ и духомъ, взрослое поколѣнiе съ нравственной выдержкой и потребностью въ физическомъ трудѣ, какъ необходимомъ элементѣ всякаго здороваго организма, того еще разъ отсылаю къ школьной системѣ физическаго образованiя проф. Лесгафта, такъ какъ система эта дѣйствительно можетъ лечь въ основанiе правильнаго формированiя челоуѣка, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Если-же она такъ мало распространена, то это можно объяснить только тѣмъ, что для своего правильнаго проведенiя она требуетъ опредѣленнаго времени, ограниченнаго числа одновременно занимающихся (20 ч.) и хорошаго помѣщенiя. Все это условiя, которыя долго еще будутъ служить тормазомъ къ распространенiю въ нашихъ школахъ правильнаго физическаго образованiя, пока само общество не проникнется сознаниемъ всей важности такого образованiя. Дайте каждому классу ежедневно особое время на физическiя упражненiя, какъ это дается на всякой другой предметъ, а не производите ихъ въ перемѣну; отведите просторную залу съ хорошей вентиляцiей, надѣньте на дѣтей свободное платье,

кормите ихъ горячимъ завтракомъ, поставьте знающаго и любящаго свое дѣло преподавателя—и я съ полнымъ убѣжденіемъ могу сказать, что физическія упражненія будутъ однимъ изъ любимыхъ уроковъ въ школѣ. Вотъ все, чѣмъ мнѣ хотѣлось подѣлиться съ вами и привлечь на свою сторону ваше сочувствіе, такъ какъ дѣло физическаго образованія въ школѣ, по своимъ громаднымъ результатамъ во всей жизни человѣка, я считаю поистинѣ великимъ дѣломъ *).

А. Чернышева.

*) Настоящій рефератъ доставленъ намъ почтеннымъ сотрудникомъ нашего журнала, профессоромъ П. Ф. Лесгафомъ, авторитетность котораго по вопросамъ физическаго воспитанія общепризнана и взгляды котораго въ указанной области воспитанія мы вполне раздѣляемъ.

Ред.

О ЗАДАЧАХЪ РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ.

(Продолженіе).

III. Нѣкоторыя черты русскаго характера и народнаго идеала.

Если болѣе нѣтъ сомнѣнія, что на почвѣ поэзіи и религіи выросла философія всякаго народа, что ни одинъ философъ древности не могъ разсчитывать на успѣхъ, порывая связь съ отечественнымъ мѣстнымъ культомъ, что даже греческая философія, столь чистая и рациональная, столь свободная и независимая въ своемъ развитіи, такъ глубоко и конкретно связана съ поэзіей и религіей грековъ и только въ иной формѣ, замѣняя поэтическій языкъ логическимъ, выражаетъ ихъ идеалы, то еще менѣе можно сомнѣваться въ томъ, что воспитаніе находится, или должно находиться, въ тѣсной связи съ идеалами народа и со всѣмъ его философскимъ міросозерцаніемъ. «Всякій народъ въ своей литературѣ, начиная пѣсню, пословицею, сказкою и оканчивая драмою и романомъ, выражаетъ свои убѣжденія о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ по его понятію». Не смотря на то, что вопросъ представляетъ большой интересъ, мы не имѣемъ возможности входить въ подробныя изслѣдованія русскаго народнаго характера и его идеаловъ и только отмѣтимъ ихъ главныя черты.

Если признавать нѣкоторую долю вліянія природы на міросозерцаніе человѣка, если согласиться, что природа той или другой страны накладываетъ неизгладимую печать на творчество человѣка, то слѣдуетъ сказать, что русская природа не изумляла своими дивами. «Ничего чрезвычайнаго, захватывающаго вниманія она не представляла ни для мысли, ни для чувства. Прежде всего, въ общемъ своемъ очеркѣ, который запечатлѣвается въ народныхъ созерцаніяхъ, это была пустыня, тихое, спокойное, широкое, почти безконечное, повсюду однообразное раздолье на югъ дикаго чистаго поля, на сѣверъ—дикаго

и дремучаго лѣса и болота. И тамъ и здѣсь пытливая мысль нигдѣ ни надъ чѣмъ не могла особенно сосредоточиться... Все здѣсь *просто* и обыкновенно. Если что и поражаетъ, то развѣ одна безмѣрная ширина картины...

«Въ нашемъ родномъ ландшафтѣ, говоритъ Забѣлинъ *), во всѣхъ его очертаніяхъ мы прежде всего видимъ необычайное спокойствіе, ту сельскую и деревенскую тишину, которая охватываетъ сердце какимъ-то миролюбивымъ тепломъ, вовсе не вызывающимъ ни *на какую борьбу и битву*. Никакого воздвизанія волнъ, никакой величавой далекой высоты, уносящей къ себѣ помыслы человѣка, здѣсь не видно. Всѣ наши помыслы исчезаютъ тутъ-же посреди этого ровнаго и спокойнаго небосклона. Чрезвычайная красота, которой изумлялись наши предки, это, во-первыхъ, наши рѣки, отчасти озера: ихъ высокіе крутые берега суть наши горы. Затѣмъ дремучій лѣсъ, закрывающій намъ горизонтъ, гремучій ключъ, студеный колодець, родникъ, орошающій наше поле; глубокій, поросшій лѣсомъ оврагъ, или безпредѣльное болото, даже каменная глыба, гдѣ-либо спокойно лежащая посреди чистаго поля—вотъ чудеса и красоты ландшафта. Все это находится подъ рукою и не уноситъ воображенія въ высь и даль, къ тѣмъ поэтическимъ мечтаніямъ и созерцаніямъ, которыя создаются при иныхъ, болѣе рѣзкихъ и болѣе сильныхъ очертаніяхъ природы. Но за-то тѣмъ большая дается *возможность полюбить все простое*, не вычурное, не блестящее яркими красками, не свѣтящееся яркимъ свѣтомъ. Горы наши не распадаются суровыми и мрачными скалами скандинавскаго сѣвера: солнце наше не горитъ египетскимъ или индѣйскимъ огнемъ и наши звѣзды не блистаютъ египетскимъ окомъ звѣзды Сиріуса; ни звѣрь, ни растеніе, ни гадъ, ни цвѣтокъ не поражаютъ нашего воображенія какими-либо чрезвычайными дивами и чудами».

Для того, чтобы уяснить себѣ идеалы русскаго народа, слѣдовало-бы остановиться на важнѣйшихъ древне-русскихъ памятникахъ и новѣйшихъ поэтическихъ произведеніяхъ и подвергнуть ихъ тщательному анализу. Но это завело-бы насъ слишкомъ далеко, и потому мы остановимся здѣсь только на поученіи Владиміра Мономаха и произведеніяхъ графа Л. Толстого, какъ весьма важныхъ для нашей цѣли.

Поученіе Владиміра Мономаха замѣчательно тѣмъ, что въ немъ рисуется идеаль человѣка, какъ его понимали въ древней Руси. Главныя свойства человѣка, по этому идеалу,—человѣколюбіе и трудолюбіе, основанныя на религіозности и благочестіи. Благочестіе и дѣятельность поставляются въ основаніи всего. «О дѣти мои, говоритъ Владиміръ Мономахъ **), хвалите Бога, любите также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ васъ, но благодѣянія. Будьте отцами сиротъ; судите вдовицъ сами. Не убивайте праваго, ни виновнаго: жизнь и душа

*) Исторія русской жизни. Часть II, стр. 287—288.

**) Переводъ Карамзина.

христианина священна. Не оставляйте больных, не страшитесь видѣть мертвыхъ, ибо все умремъ. Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы тѣшины: нынѣ живы, а завтра во гробъ. Бойтесь всякой лжи, пьянства, любострастія, равно гибельнаго для тѣла и души. Любите женъ своихъ, но не давайте имъ власти надъ собою. Все хорошее узнавъ, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ пятью языками, за что хвалять насъ иностранцы. Лѣность мать пороковъ: берегитесь ея. Человѣкъ всегда долженъ заниматься: въ пути, на конѣ; не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей, читайте наизусть молитвы или повторяйте, хотя самую краткую, но лучшую: Господи, помилуй». Въ этомъ превосходномъ поученіи сказываются задатки, тѣ основы, на которыхъ зиждется и современная намъ русская народная жизнь. Идеаль богобоязненнаго, *простаго*, работающаго человѣка составляетъ и современный намъ народный идеаль. Въ поэзіи прежней и современной намъ много разъ приходится встрѣчаться съ этимъ идеаломъ. Формулируемъ-же современный русскій идеаль, какъ онъ формулированъ у нашего величайшаго художника Л. Толстого.

«Русскій художественный реализмъ, говоритъ Н. Страховъ *), начался съ Пушкина. Русскій реализмъ не есть слѣдствіе оскуднѣнія идеала у нашихъ художниковъ, какъ это бываетъ въ другихъ литературахъ, а напротивъ—слѣдствіе усиленнаго исканія *чисто-русскаго идеала*. Все стремленія къ натуральности, къ строжайшей правдѣ, все эти изображенія лицъ малыхъ, слабыхъ, больныхъ, тщательное уклоненіе отъ преждевременнаго и неудачнаго созданія героическихъ лицъ, казнь и развѣчиванье разныхъ типовъ, имѣющихъ притязаніе на героизмъ, все эти усилія, вся эта тяжкая работа имѣютъ себѣ цѣлью и надеждою—узрѣть нѣкогда *русскій идеаль* во всей его правдѣ и въ необманчивомъ величій. И до сихъ поръ идетъ борьба между нашими сочувствіями къ *простому и доброму* человѣку и неизбѣжными требованіями чего-то высшаго, съ мечтою о могучемъ и страстномъ типѣ. Самъ графъ Л. Толстой, этотъ величайшій русскій художникъ, не явно-ли стремится возвести въ идеаль именно простаго человѣка? «Война и миръ»—эта огромная и пестрая эпопея—что она такое, какъ не апотеоза смирнаго русскаго типа? Не тутъ-ли рассказано, какъ, наоборотъ, хищный типъ спасовалъ передъ смиреннымъ, какъ на Бородинскомъ полѣ простые русскіе люди побѣдили все, что только можно представить себѣ самаго героическаго, самаго блестящаго,

*) См. его Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Спб. 1885.

страстного, сильного, хищного, т.-е. Наполеона I и его армию» (стр. 311). И такъ, какой-же смыслъ «Войны и мира»? «Всего яснѣе, намъ кажется, говоритъ г. Н. Страховъ, этотъ смыслъ выражается въ тѣхъ словахъ автора: «нѣтъ величія, говоритъ онъ, тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды». Задача художника состояла въ томъ, чтобы изобразить истинное величіе, какъ онъ его понимаетъ, и противопоставить его ложному величію, которое онъ отвергаетъ. Эта задача выразилась не только въ противопоставленіи Кутузова и Наполеона, но и во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ борьбы, вынесенной цѣлой Россіею, въ образѣ чувствъ и мыслей каждаго солдата, во всемъ нравственномъ мірѣ русскихъ людей, во всемъ ихъ бытѣ, во всѣхъ явленіяхъ ихъ жизни, въ ихъ манерѣ любить, страдать, умирать. Художникъ изобразилъ со всею ясностью, въ чемъ русскіе люди полагаютъ человѣческое достоинство, въ чемъ тотъ идеалъ величія, который присутствуетъ даже въ слабыхъ душахъ и не оставляетъ сильныхъ даже въ минуты ихъ заблужденій и всякихъ нравственныхъ паденій. *Идеалъ* этотъ состоитъ въ *простотѣ, добротѣ и правдѣ*. Простота, добро и правда побѣдили въ 1812 г. силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши. Вотъ смыслъ «Войны и мира». Другими словами, художникъ далъ намъ новую, русскую формулу героической жизни, — ту формулу, подъ которую подходитъ Кутузовъ и подъ которую никакъ не можетъ подойти Наполеонъ. О Кутузовѣ авторъ прямо говоритъ: «Простая, скромная, и потому *истинно величественная* фигура эта не могла улеяться въ ту живую форму европейскаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія» (соч. гр. Л. Толстаго, т. VI, стр. 88). Но то-же самое слѣдуетъ разумѣть обо всѣхъ русскихъ людяхъ, обо всѣхъ фигурахъ, выведенныхъ въ «Войнѣ и мирѣ». Ихъ чувства, мысли и желанія, насколько въ нихъ есть героическаго, насколько въ нихъ проявляется стремленіе къ героическому и пониманіе героическаго, не укладываются въ тѣ чужія и живыя формы, которыя созданы Европою *). Весь русскій душевный складъ проще, скромнѣе, представляетъ ту гармонію, то равновѣсіе силъ, которыя однѣ согласны съ истиннымъ величіемъ. Правда, не весь русскій идеалъ воплотился у Л. Толстаго, но съ неотразимою силою и прелестью у него раздался «голосъ за *простое и доброе*, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго». Этотъ голосъ въ первый разъ послышался еще у Пушкина.

*) Со своей стороны, мы считаемъ такой взглядъ на европейскую цивилизацію одностороннимъ и нимало не помогающимъ уясненію началъ національнаго русскаго воспитанія.

Итакъ, на основаніи свидѣтельствъ изъ важнѣйшихъ древне-русскихъ помятниковъ и лучшихъ поэтическихъ произведеній, а также на основаніи исторіи мы приходимъ къ тому заключенію, что идеаль русскій—особый идеаль простоты, истины и добра. Но что-же, скажутъ намъ, что-же новаго говорите вы здѣсь? Развѣ этотъ идеаль не общечеловѣческій, развѣ не все люди поклоняются красотѣ, истинѣ и добру? Правда, идеи эти присущи каждому человѣку, каждому народу, но какъ не въ одинаковой степени доступны онѣ каждому человѣку, такъ точно и не каждый народъ способенъ въ одинаковой степени осуществить въ своей жизни все стороны этого идеала. Такъ, въ Греціи красота была на первомъ планѣ, въ Римѣ справедливость (идея права). А мы, русскіе, цѣлой исторіей стремимся реализовать идею простоты и добра, и въ этомъ наша сила и мощь. Но русскимъ понятіямъ, для того, чтобы быть угоднымъ Богу, чтобы быть достойными Его дѣтьми, мы должны быть просты и искренни, какъ дѣти. Всякая фальшь, ложь претятъ нашему русскому сердцу, и если мы не осуществили еще идеи истины въ области отвлеченнаго мышленія, то, я думаю, не мало было подвиговъ осуществленія его въ духѣ истинной любви христіанской

IV. Начала русской педагогики въ примѣненіи къ образованію высшему, среднему и начальному.

Педагогика cadaго народа находится въ такой тѣсной зависимости отъ науки и философіи, что, говоря о первой, нельзя умолчать о послѣднихъ; поэтому, для того, чтобы понять истинныя задачи русской педагогики, надо сказать хоть нѣсколько словъ о русской наукѣ и философіи.

Русская наука началась съ Петра I, заботившагося «о насажденіи наукъ россійскихъ», но такъ какъ въ Россіи для этого почва была мало подготовлена, то приходилось многое заимствовать изъ Запада. Правда, были еще попытки до Петра I приготовить почву для новаго образованія, которыя и дали на первое время нужныхъ работниковъ. Такъ, юго-западная наука, если не искоренила, то значительно ослабила существовавшее прежде въ Россіи предубѣжденіе противъ образованія *) и воспитала такихъ людей, которые были дѣятельными

*) Весьма характерно выразившееся хотя-бы въ слѣдующихъ словахъ: «братіе, не высокоумствуйте, но во смиреніи пребывайте, посему-же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речеть: всеи ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ

помощниками Петру въ его реформахъ. Кіевскіе и московскіе ученые явились первыми учителями въ училищахъ, переводчиками книгъ съ иностранныхъ языковъ и объяснителями и защитниками всѣхъ преобразованій. Изъ Кіевской и Московской академій долгое время брали воспитанниковъ для отправленія за границу — учиться разнымъ наукамъ и ремесламъ, въ разныя учрежденія — для службы, въ гимназію и университетъ при академіи наукъ.

Образованіе до реформы Петра I имѣло характеръ религіозно-церковный и служило по преимуществу религіозно-церковнымъ цѣлямъ. Новое образованіе, вызванное государственными потребностями, должно было служить государственнымъ цѣлямъ и главнымъ образомъ ближайшимъ практическимъ. Отсюда на образованіе явился взглядъ, какъ на орудіе государственныхъ цѣлей, для приготовленія дѣятелей и чиновниковъ на разныхъ мѣстахъ государственной службы. Вслѣдствіе этого все вниманіе было обращено на образованіе профессиональное и, понятно, не было мѣста чистой наукѣ.

По желанію Петра I, Лейбницъ составлялъ разные планы и проекты для просвѣщенія Россіи, между прочимъ, проектъ о расширеніи наукъ въ Россіи, въ которомъ въ числѣ необходимыхъ для этого предметовъ указаны: зданія, бібліотеки, обсерваторіи, снабженныя инструментами, моделями, книгами, древностями и пр.; изъ городовъ, въ которыхъ необходимо завести академіи, университеты и школы, указаны: С.-Петербургъ, Москва, Кіевъ и Астрахань. Въ указѣ, данномъ объ учрежденіи Петербургской академіи наукъ, Петръ I выражалъ желаніе, чтобы она имѣла двоякое значеніе — дѣлать открытія и усовершенствованія въ наукахъ и въ то-же время обучать юношество.

Но такъ какъ для того, чтобы двинуть науку и просвѣщеніе нужны были ученые, и такъ какъ своихъ ученыхъ было мало, то и при Петрѣ I, и послѣ него начинается дѣятельное приглашеніе иностранныхъ ученыхъ, особенно нѣмцевъ, изъ заграницы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, за границу посылаются русскіе молодые люди для усвоенія плодовъ западно-европейской образованности. Неудивительно поэтому, что долгое время и русское ученое образованіе и просвѣщеніе носятъ нѣмецкій характеръ, и русскіе ученые, пріѣзжавшіе изъ заграницы, привозятъ нѣмецкую закваску. Долгое время наша наука и литература носятъ иностранный характеръ. Но, несмотря на это, уже въ началѣ XIX вѣка, по крайней

борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ — учуся книгамъ благодатнаго закона, еще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣха». (Изъ рукописной прописи 1643 г., въ Румянцевскомъ Музеѣ. См. у Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ I», стр. 3).

мѣрѣ въ литературѣ, начинаетъ обнаруживаться, по неизмѣннымъ законамъ человѣческаго духа, и нѣчто *свое, оригинальное*, на что обращаютъ вниманіе даже иностранцы.

Въ этомъ отношеніи достойны вниманія слова Кенига *), сказанныя болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ: «Русская литература,—говоритъ онъ,—имѣетъ вполне *эклектическій* характеръ, отличающій ее отъ всѣхъ прочихъ литературъ. Будучи еще очень юною и въ области свѣей поэзіи болѣе образуя языкъ, чѣмъ дѣйствуя творчески, и только въ лирическомъ родѣ болѣе самостоятельная, она, однакожь, постепенно усваиваетъ себѣ всѣ *иностранныя* литературы, извлекая изъ всѣхъ ихъ свои выгоды: изъ итальянской—благозвучіе и южную объективность, изъ англійской—практическій духъ и сочувствіе природѣ, отъ французовъ заимствуя ясность ума, роскошь и сатирическую наблюдательность, и, наконецъ, отъ нѣмцевъ—глубину чувства и творческой фантазіи... И этотъ эклектизмъ въ образованіи и литературѣ русской не составляетъ чего-либо случайнаго, внѣшняго, такъ сказать, прилипшаго, но проникаетъ въ самыя свойства народа; въ самый его характеръ. Каждый чуждый элементъ, проникая сюда, находитъ свободно родственныи ему ростокъ, соединяется съ нимъ и проникается имъ. Каждое извнѣ пришедшее направленіе служить здѣсь какъ-бы животворнымъ дыханіемъ, пробуждающимъ соотвѣтственное ему развитіе. Такъ, чудесный сказочный рыцарскій міръ, нѣмецкій мистицизмъ, французская общественность съ ея пышностью и насмѣшливостью, духъ промышленности англійской и многое другое нашло въ русской національности свое отечество и преобразовалось въ русскую собственность, для русской особенности».

Тотъ-же характеръ *эклектизма* долгое время носить и русская наука и философія. Русскіе ученые учились то у нѣмцевъ, то у французовъ, то у англичанъ. Въ то время, какъ одни изъ нихъ выѣзжали изъ Германіи восторженными поклонниками Канта или Шеллинга, другіе по преимуществу увлекались математикой или естествознаніемъ и въ этомъ отношеніи клонили къ Франціи. Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго у насъ преимущественно господствовала французская философія. Вольтеръ, Дидро, Гольбахъ, Гельвецій, Руссо—вотъ кому поклонялись и кого изучали наши прадеды. Затѣмъ слѣдовалъ періодъ увлеченія *нѣмецкою* философіею—съ 20-хъ годовъ мы изучали Фихте и Шеллинга; съ конца тридцатыхъ совершается переломъ въ пользу Гегеля, затѣмъ чрезъ посредство Фейербаха мы переходимъ къ доктри-

*) См. Litterarische Bilder aus Russland. 1837.

намъ нѣмецкихъ матеріалистовъ и на короткое время отдаемъ дань почтенія системамъ Шопенгауэра и Гартмана. Съ 60-хъ годовъ начинается движеніе въ пользу *англичанъ*: Д. С. Милль, Спенсеръ и параллельно съ нимъ англійская опытная психологія съ Бэнномъ во главѣ овладѣваютъ вниманіемъ значительной части интеллигентнаго русскаго общества. Милль и Спенсеръ, въ свою очередь, ведутъ насъ къ увлеченію Ог. Контомъ и его положительной философійей, а затѣмъ и современной экспериментальной философійей французовъ. Такимъ образомъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ вліянія философскихъ направленій Запада все болѣе перекрещиваются и перепутываются. Только въ 80-хъ годахъ начинается довольно сильное теченіе въ пользу самостоятельной русской философійи: въ лицѣ проф. Грота, Козлова, князя С. Трубецкаго, Лопатина и другихъ появляется рядъ серьезныхъ дѣятелей, способныхъ расчистить почву для русской философійи. Но вообще русскіе ученые, особенно такіе, имена которыхъ стали извѣстными и на Западѣ, появляются довольно поздно и долгое время носятъ извѣстную иностранную (чаще всего нѣмецкую) закваску даже въ разработкѣ вопросовъ, вызываемыхъ русской жизнью. Но, какъ мы уже сказали, каждый народъ имѣетъ свои болѣе или менѣе своеобразныя точки зрѣнія на явленія нравственнаго и общественнаго міра; эти точки зрѣнія сказываются въ самой жизни народа, въ его религіи, философійи, морали, литературѣ, исторіи, сказываются онѣ и въ наукѣ, сообщая ей извѣстный *характеръ, тонъ и направленіе*. Что-же въ русской наукѣ можетъ быть своего, оригинальнаго?

«Налиъ національный духъ,—говоритъ профессоръ Карѣевъ *),—уже проявился въ области поэтической литературы. Западные читатели удивляются истинному реализму нашего романа, той трезвости, съ какою изображается въ немъ правда жизни, не исключаяющая мечты, но съ нею не смѣшиваемая. Къ этому реализму самъ собою, безъ особыхъ усилій, пришелъ русскій умъ, какъ только русскіе писатели сбросили съ себя путы разныхъ псевдоклассицизмовъ и романтизмовъ, выработанныхъ не нашей жизнью. Въ наукѣ существуютъ то-же свои романтизмы... Русская наука очень молода: ей еще предстоитъ проявить всю свою оригинальность въ будущемъ и, какъ мы видѣли, въ прошломъ она состояла изъ комбинаціи различныхъ чужихъ точекъ зрѣнія. По мнѣнію профессора Карѣева, «въ прошломъ это имѣло свои дурныя стороны, мы много *усвоили*, но мало производили своего: мы черпали отовсюду, но только не изъ своей жизни; мы комбинировали разно-

*) См. Лекцію о духѣ русской науки.

образныя чужія точки зрѣнія, опасаясь выставить свою. Еще и теперь для многихъ русскихъ, занимающихся наукой, всѣ авторитеты—на одномъ Западѣ, а свой братъ дѣлается авторитетомъ, только получивъ санкцію съ Запада. Но для будущаго нашей науки это чисто русская привычка *усвоить отовсюду разнообразныя точки зрѣнія* имѣть громадное значеніе: она приведетъ насъ, такъ сказать, къ высшему *научному синтезу*, который примиритъ всѣ односторонности, особенно когда усвояемое будетъ получать своеобразное примѣненіе, почерпаемое отовсюду, станетъ перерабатываться въ русскомъ духѣ, и къ разнообразію чужихъ точекъ зрѣнія прибавятся свои, какъ обобщенный результатъ нашего историческаго опыта» (ст. 11). Русская наука, по мнѣнію профессора Карѣева, способна отличаться наибольшою трезвостью мысли и наибольшей широтой взгляда. Мы убѣждены, что скоро настанетъ время, когда мы съ гордостью будемъ говорить о русскомъ естествознаніи, русской филологіи, русской исторической школѣ, русскомъ правѣ, но наступленіе его возможно при условіи широкаго развитія философскаго образованія и созданіи самостоятельной философіи.

Философія есть мать всѣхъ наукъ, она даетъ имъ тонъ и направленіе. Наша отсталость въ научной области во многомъ объясняется тѣмъ, что мы не имѣли самостоятельной философіи. Но, какъ мы уже сказали, съ 80-хъ годовъ у насъ проявляется довольно серьезное *философское теченіе* и по всѣмъ даннымъ можно думать, что недалеко то время, когда мы будемъ имѣть самостоятельную философію. Что-же русскій народъ дастъ философіи? «Идеаль философіи,—говоритъ профессоръ Н. Гротъ *),—состоитъ въ примиреніи разума, чувства, воли—науки, искусства, религіи. Но осуществимъ-ли этотъ идеаль для отдѣльнаго народа? Трудно не дать перевѣса одному изъ элементовъ, и мы, русскіе, если судить по прежней исторіи нашего самосознанія, по видимому, склонны давать въ своемъ міровоззрѣніи перевѣсъ элементу религіозно-этическому, т. е. направленію воли въ отношеніи къ ея цѣли—благу. Славянофилы проповѣдывали философію «вѣры». Этические интересы лежатъ въ основаніи нашихъ лучшихъ художественныхъ явленій (Гоголь, Лермонтовъ, Достоевскій, Тургеневъ, графъ Л. Толстой, Островскій, Щедринъ). Этический интересъ общаго блага давалъ своеобразное и иногда даже слишкомъ рѣзкое направленіе нашей общественной жизни въ различные періоды нашей исторіи... Такимъ образомъ, по всей видимости, нашему народному міросозерцанію суждено

*) Профессоръ Н. Гротъ. О задачахъ журнала. См. Вопросы философіи и психологій, т. I, 1889.

выдвинуть на первый планъ нравственные интересы жизни. *Философія спасенія міра отъ зла*, его нравственнаго совершенствованія не будетъ-ли именно нашей особой философіей?» Но, если мы говоримъ въ пользу созданія самостоятельной философской школы, то изъ этого не слѣдуетъ, что мы въ правѣ высокомѣрно и легкомысленно относиться къ могучимъ проявленіямъ челоуѣческаго духа у другихъ народовъ. Западная Европа имѣетъ предъ нами то преимущество, что за нею стоятъ вѣка добросовѣстной, непрерывной духовной работы. И въ настоящее время тамъ такъ работаютъ, какъ намъ рѣдко случалось работать. Поэтому, если мы хотимъ создать что-нибудь свое, что-нибудь *новое и цѣнное*, то должны прежде понять, усвоить, истолковать или опровергнуть то, что сдѣлано уже другими.

Познакомившись такимъ образомъ съ русскими идеалами, выражающимися въ поэзіи, наукѣ и даже философіи, мы можемъ уже отчасти намѣтить планъ русской педагогики и понять истинныя задачи высшаго, средняго и низшаго образованія. Русская педагогика, по нашему мнѣнію, должна стремиться осуществить русскій идеалъ простоты, истины и добра.

Какъ мы уже говорили, Петръ Великій, заботившійся о насажденіи наукъ и искусствъ въ Россіи, велъ обширную переписку съ Лейбницемъ по предмету учрежденія академіи и университетовъ. Но только преемницѣ Петра I, Екатеринѣ I-й, удалось устроить академію и при ней университетъ. Но такъ какъ въ Россіи своихъ ученыхъ не было, то пришлось ихъ выписать изъ заграницы. Для занятія мѣсть академикомъ были приглашены иностранцы, изъ которыхъ нѣкоторые пользовались заслуженною извѣстностью: Германъ, Бильфингеръ, братья Бернулли, Делиль, Лейтманнъ, Леонардъ Эйлеръ и др., а такъ какъ въ академіи были по преимуществу нѣмцы, почти ничего не понимавшіе по русски, то и слушателей не находилось. Оставалось вмѣстѣ съ нѣмецкими профессорами выписать изъ заграницы и студентовъ для академическаго университета, и вотъ мы присутствуемъ при курьезномъ явленіи, нигдѣ болѣе неизвѣстномъ, а именно, что при открытіи академіи было вывезено изъ Германіи и 8 студентовъ.

Таковы были первые шаги русскаго высшаго учебнаго заведенія и начинавшейся русской науки. Гимназія, а особенно университетъ, при академіи долго существовали только по имени. А безъ гимназіи и университета плохо достигалась и главная цѣль академіи, состоявшая въ томъ, чтобы готовить русскихъ ученыхъ и способствовать развитію русской науки. Иностранцы академіи, въ большинствѣ случаевъ не знавшіе даже русскаго языка, для развитія русской науки

ничего не могли сдѣлать, и если работали, то во всякомъ случаѣ только на пользу науки западно-европейской. Истинно русскіе люди уже очень рано поняли, что такое нѣмецкое направленіе никакой пользы не можетъ принести русской наукѣ. Академическая дѣятельность Ломоносова, какъ извѣстно, сопровождалась непрерывною борьбою съ академической канцеляріей и вообще съ преобладаніемъ нѣмецкой партіи въ академіи или, какъ онъ выражался, «съ непріятелями наукъ російскихъ», которые не давали возрастать свободно насажденію Петра Великаго.

Сохранилась «краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ» Ломоносова (1764), которую онъ оканчиваетъ словами: «единое упованіе состоитъ иныѣ, по Бозѣ, во всемілостивѣйшей государынѣ нашей, которая отъ истиннаго любленія къ наукамъ и отъ усердія къ пользѣ отечества, можетъ быть разсмотритъ и отвратитъ сіе несчастіе *). Ежели-же онаго не воспослѣдуетъ, то вѣрнѣе должно, что нѣтъ божескаго благоволенія, чтобы науки возросли и распространились въ Россіи». Любя и почитая науку вообще, Ломоносовъ съ прозорливостью, достойной генія, всегда ставилъ ученую дѣятельность, направленную къ интересамъ національнымъ, выше общей учености; уважая ученыхъ вообще, онъ требовалъ, чтобы ученые, сдѣлавшіеся извѣстными своими трудами въ своихъ государствахъ, но ничего не дѣлавшіе для Россіи, не предпочитались русскимъ ученымъ, которые болѣе способны приносить пользу своему отечеству.

Со времени Ломоносова прошло много лѣтъ, многое перемѣнилось. Но если Ломоносову въ прошломъ вѣкѣ приходилось бороться съ десятками нѣмцевъ, то теперь приходится бороться съ тысячею предразсудковъ, съ «нѣмецкой закваской». Педагогика наша носитъ нѣмецкій характеръ, а поэтому возможно-ли формированіе истинно русскихъ людей?

Понятно, что прежде всего наша академія и по духу, и по направленію должна быть строго русскою. Въ русской академіи должны засѣдать, разрабатывать и двигать науку истинно русскіе люди; конечно, нужны, однако, многіе годы и не одни усилія правительства, но и общества и печати, чтобы поднять наше *высшее* русское образованіе на должную высоту. До сихъ поръ пренебреженіе интересами русской науки отозвалось хотя-бы уже тѣмъ, что въ нашей академіи наукъ весьма слабъ философскій духъ, а въ университетахъ почти вовсе отсутствуетъ философская подготовка.

*) Т.-е. розни нѣмцевъ.

Русскіе университеты, даже до послѣдняго времени, и по составу профессоровъ, и по духу и по направленію далеко не могли назваться русскими. Если уже, дѣйствительно, университеты по самому существу должны представлять *universitas litterarum*, если европейская наука и европейская философія должны находить здѣсь гостепріимный и радушный пріемъ, то почему-же мало или ничего не дѣлалось для созданія русской философіи, русской науки? Это объясняется составомъ университетскихъ корпорацій. Нѣмцамъ не приходится заботиться о насажденіи русской науки и философіи. По мнѣнію самыхъ истыхъ и искреннихъ изъ нихъ (о недобросовѣстныхъ не говорю), нѣмецкая философія и наука общечеловѣчны, пригодны для всякаго народа, для всякаго человѣка, и такъ какъ въ Германіи философія и наука процвѣтають и достигли высокой степени развитія, то стоитъ только пересадить ихъ на русскую почву, чтобы онѣ принесли свои плоды; поэтому нечего заботиться о развитіи какой-то русской философіи или науки: русскіе должны только, какъ народъ молодой, слѣдовать указаніямъ и вѣлѣніямъ Запада. Если-же многіе изъ русскихъ являются неспособными къ усвоенію нѣмецкой мудрости, мало работаютъ въ ихъ духѣ и направленіи, то для этого тотчасъ есть и объясненіе, что мы, русскіе, еще народъ молодой, не искусившійся въ отвлеченномъ мышленіи, и что роль наша пока маленькая — чернорабочихъ, каменщиковъ, штукатуровъ, подмастерьевъ и помощниковъ нѣмцевъ — великихъ архитекторовъ и созидателей единой общечеловѣческой науки. Учитесь поэтому, кое-что дѣлайте, главнымъ образомъ, пока разрабатывайте отдѣльные факты, изучайте флору и фауну, собирайте археологическіе, этнографическіе, географическіе и историческіе матеріалы, доставляйте намъ, словомъ, факты, а мы уже народъ болѣе сильный и искусившійся въ отвлеченномъ мышленіи, дадимъ вамъ широкія обобщенія, блестящія теоріи и гипотезы. И надо отдать справедливость, многіе изъ русскихъ ученыхъ старательно трудились по этому рецепту. Если вы присмотритесь къ трудамъ большинства нашихъ ученыхъ, работавшихъ и работающихъ въ различныхъ областяхъ, то у многихъ вы замѣтите только кучу сыраго, необработаннаго матеріала и — почти полное отсутствіе самобытности, широты, полета мысли, но лишь рабское слѣдованіе европейскимъ образцамъ. Да не подумаютъ, однако, читатели, что мы придаемъ слишкомъ небольшое значеніе фактамъ. Факты, конечно, необходимы, весьма цѣнны, и безъ нихъ наука ничто; но, вѣдь, для того, чтобы собирать факты, нужны въ головѣ идеи, нужны воззрѣнія, во имя которыхъ собираются факты. Отдѣльные-же, плохо соединенные факты представляютъ не-

большой интересъ въ научномъ отношеніи: они легко забываются и часто становятся достояніемъ архивовъ. Теоріи и гипотезы — вотъ арена для человѣческаго ума, а факты есть только необходимый фундаментъ; безъ фактовъ теорія не имѣетъ никакой цѣны, но безъ теорій и факты представляютъ лишь безсмыслицу и, во всякомъ случаѣ, только вызываютъ вопросы. Единственная выгода отъ обладанія фактами заключается въ возможности дѣлать изъ нихъ выводы, другими словами— въ возможности восходить отъ нихъ къ идеѣ, къ началу, къ закону, ими управляющему. Наше знаніе состоитъ не изъ фактовъ, а изъ отношеній какъ фактовъ, такъ и идей между собою и однихъ къ другимъ, и *дѣйствительное* знаніе, какъ говоритъ Бокль, «заключается не въ знакомствѣ съ фактами, что дѣлаетъ только педанта, а въ пользованіи фактами, что производитъ философа».

Въ свое время *) мы уже имѣли случай говорить и указывать на отсутствіе у насъ философской подготовки. Въ университетахъ кафедра философіи приурочена къ историко-филологическому факультету и не имѣетъ важнаго значенія. Многие даже изъ членовъ университетской корпораціи, не получившіе основательной философской подготовки, отрицательно и даже враждебно относятся къ философіи, другіе склоняются нѣмецкой или англійской философіи. И вотъ здѣсь-то кроется *весьма важная задача* русскихъ академій и университетовъ—*пробудить русскую самобытную мысль, положить основы для русской философіи*. Всѣ другія задачи высшаго образованія блѣднѣютъ передъ этою и отходятъ—не обиняясь скажу—на второй планъ. Мы все время заботились о приготовленіи специалистовъ, даже педагогика наша начиналась цыфирными школами, а нынѣ стараемся выработать юристовъ, филологовъ, математиковъ, натуралистовъ, но о русскихъ философахъ никто не думалъ. И, однако, не философія-ли даетъ тонъ и направленіе всей научной и общественной жизни народа? Поэтому и будущая *реформа* академій и университетовъ должна быть произведена въ смыслѣ значительнаго усиленія и укрѣпленія философскаго направленія. Плодотворныя занятія философіей требуютъ особаго призванія, но толчекъ для будущаго самостоятельнаго мышленія долженъ быть данъ университетомъ. И не только для студентовъ историко-филологическаго факультета должна быть обязательной философія, но философская дисциплина должна проходить чрезъ всѣ факультеты и быть для всѣхъ обязательною. *Кто не учится философіи—тотъ не студентъ*. И что это за жалкое явленіе медикъ, натуралистъ или правовѣдъ, не имѣющіе никакого понятія о философіи!

*) Въ «Русской Школѣ», № 2, 1891 г.

Вотъ почему каѳедра философіи должна быть расширена и количественно, и качественно. Въ этомъ отношеніи хотя-бы мы поучились у нѣмцевъ, у которыхъ мы многое копируемъ... Но не нѣмецкая философія должна быть господствующею, а философія древне-греческая, имѣющая для насъ не только историческій, но и глубокой практической интересъ. Изученіе классической древне-греческой философіи должно лежать въ основаніи философіи вообще, въ основаніи всякаго правильнаго философскаго образованія. Это—школа, въ которой созрѣла европейская мысль и которую долженъ пройти всякій, желающій философствовать, всякій, желающій объективно обсуждать и понимать современные, болѣе сложные вопросы и задачи умозрѣнія. Но для насъ эта школа тѣмъ важнѣе, что начала образованія мы получили изъ Византіи и что эти начала, переработавъ въ русскомъ духѣ, мы можемъ расширять и укрѣплять на основаніи серьезнаго изученія философіи. И въ новомъ университетскомъ уставѣ (1884) обращается уже значительное вниманіе на греческую философію. «Философскія дисциплины *),—сказано тамъ,—какія могутъ быть въ разныхъ университетахъ преподаваемы разнымъ образомъ, предоставляются собственной любознательности учащихся, но для всѣхъ поставляется въ обязанность основательное знакомство съ Платономъ и Аристотелемъ, потому что въ твореніяхъ этихъ мыслителей находятся *начала*, и нынѣ имѣющія *руководительную* силу для всего послѣдующаго философскаго развитія, и самая философская терминологія можетъ быть должнымъ образомъ понимаема лишь при основательномъ знакомствѣ съ ученіями этихъ мыслителей».

Итакъ, изъ сказаннаго, я думаю, несомнѣнно, что греческая философія должна лечь въ основу всего нашего философскаго образованія. Но если мы стоимъ за широкое и глубокое изученіе греческой философіи, то вовсе не съ цѣлью держать русской умъ постоянно на изученіи древнихъ. Мы думаемъ только, что для того, чтобы выйти намъ на самостоятельный путь философіи и вообще мышленія, надо начинать оттуда, откуда слѣдовало-бы давно начать. Для того, чтобы усилить и укрѣпить возрождающуюся и образующуюся нашу науку, искусство и литературу, намъ нужна самобытная философская мысль. А самостоятельная философія возможна при условіи прочныхъ корней. Такими корнями, основами, кромѣ чисто русскихъ идеаловъ, мы считаемъ философію греческую, уже давшую блистательные результаты и въ древней Греціи, и въ Римѣ, и въ Западной Европѣ и которая еще съ боль-

*) См. «Ж. М. Н. П.», № 10, 1885 г., стр. 49.

шей вѣроятностью дать у насъ богатые плоды. Недаромъ-же мы приняли вѣру и просвѣщеніе отъ грековъ, недаромъ-же мы долгое время пользовались плодами византійской образованности. Греческая философія приведетъ насъ къ лучшему пониманію и западно-европейской философіи и дастъ намъ точки опоры для выступленія на самостоятельный путь мысли. Поэтому, не Гегель, Шопенгауэръ или Ог. Контъ, а Сократъ, Платонъ и Аристотель должны быть нашими первыми учителями и руководителями на философскомъ пути.

Такое усиленное изученіе греческой философіи, понятно, главнымъ образомъ, относится къ историко-филологическому факультету, студентамъ котораго представляется наиболѣе шансовъ двигать философію въ будущемъ и гдѣ греческая философія можетъ изучаться въ подлинникахъ; но и студенты другихъ факультетовъ, какъ мы уже говорили выше, должны быть образованы и воспитываемы въ философскомъ духѣ, а потому юристы, математики, медики и натуралисты должны быть ознакомлены съ основами древней и новой философіи и психологіи, хотя-бы и въ болѣе сжатомъ видѣ.

Кромѣ этого, наши русскіе университеты имѣютъ и другія задачи.

«Сколько возможно, говоритъ проф. П. Рѣдкинъ *),—по ограниченнымъ силамъ человѣческимъ, профессора на лекціяхъ должны самостоятельно развивать свой предметъ, а не сообщать его въ однихъ результатахъ, такъ чтобы слушатель могъ принимать самъ участіе въ этомъ процессѣ развитія и преимущественно черезъ это образовывалъ-бы себя научнымъ образомъ. Каково-бы ни было будущее его призваніе, студентъ долженъ въ немногіе годы своего пребыванія въ университетѣ быть ученикомъ науки, и только науки, а не того или другаго преподавателя или писателя, ибо самое лучшее приготовленіе—говоритъ Зибель—ко всякому практическому поприщу есть приобрѣтеніе научной зрѣлости, умственной ловкости и духовной самостоятельности». «Гимназія пользуется, какъ образовательнымъ средствомъ, научнымъ матеріаломъ, предлагаемымъ ей въ филологической, исторической, математической и прочей литературѣ. Она упражняетъ своихъ учениковъ на текстахъ писателей, какъ они установлены научною филологією. Она сообщаетъ имъ историческіе факты, какъ они установлены современными историческими изслѣдованіями, и т. д. Но ни учителя, ни ученики гимназіи не имѣютъ притязанія развивать науку и стать независимыми отъ корифеевъ научной литературы. Напротивъ, это

*) Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. I. 1889.

именно притязаніе и есть жизненный элементъ университетовъ. Они-то и суть тѣ учебныя и ученныя заведенія, *гдѣ научное развитіе, научное творчество и научная критика должны слиться съ обученіемъ*. Ихъ преподаватели должны быть автоматическими органами научнаго духа; ихъ слушатели должны быть воспитываемы какъ для глубокой сосредоточенности, такъ и для духовной самостоятельности. Это-то и есть безусловный признакъ истиннаго университетскаго образованія» (стр. 57). «Нѣтъ возможности, чтобы молодой человѣкъ въ 4—5 лѣтъ изучилъ во всемъ объемъ науки своего факультета, но весьма существенно, чтобы студентъ получилъ ясное понятіе о значеніи и задачѣ науки и о тѣхъ дѣйствіяхъ, операціяхъ, которыми она рѣшаетъ свою задачу; для него необходимо, чтобы онъ продолжалъ самъ эти операціи на нѣкоторыхъ предметахъ, или, по крайней мѣрѣ, хотя на одномъ предметѣ; необходимо, чтобы онъ прослѣдилъ нѣкоторыя проблемы до послѣднихъ ихъ выводовъ, т.-е. до той точки, гдѣ онъ можетъ себѣ сказать: «ну, теперь нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который въ этомъ, весьма ограниченномъ, конечно, предметѣ могъ бы чему-нибудь научить меня; въ этомъ пунктѣ я стою твердо на своихъ собственныхъ ногахъ и *рѣшаю* на основаніи своего собственнаго сужденія. Такое сознаніе духовной самостоятельности есть неопѣненное благо для человѣка. Въ предшествующей университету школѣ необходимо властвуютъ авторитеты надъ всѣмъ человѣкомъ; въ послѣдующей за университетомъ жизни—практика, а съ нею и авторитеты овладѣваютъ довольно значительною частью нашего существованія. Но, по крайней мѣрѣ, одинъ моментъ въ своей жизни долженъ пережить всякій образованный человѣкъ, когда сами органы авторитетовъ—учителя, церковь, общество, государство—поставятъ для него, какъ самое высшее требованіе, чтобы онъ былъ *духовно свободенъ*». «Студенту,—говоритъ Фихте,—наука должна быть не средствомъ для какой-либо цѣли, но должна стать для него самого цѣлью, ибо впоследствии какимъ-бы образомъ онъ ни прилагалъ къ жизни свое научное образованіе, во всякомъ случаѣ жизнь его должна корениться въ идеѣ, съ высоты которой онъ долженъ смотрѣть на дѣйствительность, образуя ее по идеѣ, а никакъ не допуская, чтобы идея принаравливалась къ дѣйствительности».

Для того-же, чтобы проникнуть въ духъ отдѣльныхъ наукъ, для того, чтобы университетскія занятія были плодотворными, необходимо все преподаваніе построить такъ, чтобы оно давало значительный просторъ и, вмѣстѣ, побужденіе къ самостоятельнымъ занятіямъ студентовъ. «Университетская жизнь, —говоритъ Куно Фишеръ,—тогда нач-

нетъ приносить плоды, когда въ учащемся пробудится стремленіе попытаться произвести что-либо самостоятельное въ области науки, принять участіе по собственной охотѣ и собственными силами въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ. Вѣдь сама наука есть нѣчто живое; она, какъ и все живое, хочетъ плодиться, хочетъ рождать себѣ подобныхъ, ибо—какъ прекрасно и глубокомысленно выразился Платонъ— есть (въ человѣкѣ) научное влеченіе рождать, творить» *).

Если даже гимназисты и ученики реальныхъ училищъ должны быть возбуждаемы къ самостоятельнымъ занятіямъ, которыя должны быть правильно построены и организованы, то тѣмъ болѣе студенты университетовъ должны имѣть всѣ средства для самостоятельныхъ занятій. Поэтому нельзя щадить средствъ для устройства не только фундаментальныхъ, но и студенческихъ библиотекъ, гдѣ-бы студенты находили всѣ необходимыя пособія и руководства по ихъ специальности, музеевъ, лабораторій. Занимающіеся студенты должны встрѣчать всегда необходимую поддержку и совѣтъ со стороны профессоровъ, приватъ-доцентовъ, лаборантовъ и консерваторовъ. Въ послѣднемъ университетскомъ уставѣ на это обстоятельство обращено нѣкоторое вниманіе учрежденіемъ особыхъ такъ-называемыхъ «совѣщательныхъ часовъ», но какъ это привилось, мы не знаемъ. Только въ недавнее время различные кабинеты и лабораторіи получили порядочное устройство и организацію. Помнимъ, что еще въ семидесятыхъ годахъ студенты-медики N...скаго университета не занимались вовсе практически химіей, за недостаткомъ мѣста, а студенты-натуралисты, хотя и получали мѣста для занятій, но были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ, такъ какъ ни профессоръ, ни лаборанты по цѣлымъ недѣлямъ ни заглядывали въ лабораторію и не интересовались, какъ идутъ занятія у студентовъ. А при такихъ условіяхъ могли-ли идти плодотворно самостоятельныя занятія? И это, замѣтьте, по предмету, который служить основаніемъ для двухъ факультетовъ: естественнаго и медицинскаго.

Намъ кажется, что университетская наука можетъ быть тогда только плодотворной, когда она даетъ широкій просторъ самостоятельнымъ занятіямъ студентовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тогда лишь, когда эти занятія находятся подъ руководствомъ знающихъ и опытныхъ лицъ, дающихъ имъ тонъ и направленіе, ибо тѣ методы и приемы, которые приобрѣтутся въ университетѣ, останутся на цѣлую жизнь. Но для насъ недостаточно, чтобы университеты были только научными учрежденіями, чтобы они отвѣчали только интересамъ науки,—для насъ важно,

*) Цит. у Рѣдкина, Т. I, ст. 116.

чтобы они отвѣчали потребностямъ русскаго просвѣщенія, чтобы они были не просто университетами, хранителями западно-европейскихъ началъ, но университетами русскими, хранителями и истолкователями русскихъ началъ. Словомъ, мы желали-бы, чтобы въ нихъ процвѣтала русская философія и русская наука, чтобы русскіе студенты, выходя изъ университетскихъ стѣнъ, научались любить не только науку вообще, но науку русскую, и въ послѣдующей своей жизни всѣми силами старались ее разрабатывать и двигать впередъ. Съ этою цѣлью и университетское преподаваніе должно быть такъ построено, чтобы русская наука была на главномъ планѣ. На историко-филологическомъ факультетѣ должно быть отведено почетное мѣсто русской философіи, русской филологіи, исторіи, на юридическомъ—русскому праву и психологіи, на естественномъ—изученію русской природы, даже на математическомъ, наиболѣе космополитичномъ, должно быть дано мѣсто русской философіи для того, чтобы студенты-математики проникались ея значеніемъ и въ послѣдующей жизни стремились найти новые пути и методы для развитія математики.

Переходя теперь къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе интереснаго вопроса: по какимъ планамъ и программамъ должны быть построены эти заведенія, должны ли быть одна средняя школа (гимназія), или ихъ можетъ быть нѣсколько? Да и вопросъ этотъ, думается намъ, рѣшить теперь довольно трудно; рѣшеніе его будетъ весьма легко и удобно лишь тогда, когда русская педагогика получитъ значительное развитіе и, съ учрежденіемъ педагогическихъ семинарій, укрѣпится въ университетѣ. Какъ извѣстно, у насъ нѣтъ высшихъ педагогическихъ семинарій, гдѣ-бы формировались прочныя педагогическія убѣжденія, гдѣ-бы педагогика получала новые толчки для развитія и совершенствованія. Когда-же онѣ будутъ организованы, явится не мало солидно подготовленныхъ педагогическихъ силъ и найдется полная возможность говорить о рациональной реформѣ нашихъ среднеучебныхъ заведеній.

Въ дальнѣйшемъ разсужденіи мы будемъ придерживаться существующаго дѣленія среднеучебныхъ заведеній, причемъ будемъ памятовать, что гимназіи суть научныя школы и готовятъ къ университету, а реальныя и профессиональныя школы—практическія и готовятъ къ практической жизни. Поэтому, въ тѣхъ и другихъ и преподаваніе, и духъ, и направленіе должны быть различны. Въ гимназіяхъ на первомъ планѣ должна быть наука и отчасти философія,—по крайней мѣрѣ, гимназическія дисциплины должны быть проникнуты философскимъ характеромъ. И хотя понятно, что философія не мо-

жетъ преподаваться въ гимназіяхъ, но каждый предметъ, особенно въ высшихъ классахъ, долженъ изучаться въ философскомъ духѣ, т. е. долженъ вести ученика на высоту отвлеченія, гдѣ принадлежація этому предмету понятія входятъ въ область философіи. Поэтому, еще въ гимназіи должны быть выяснены учащимся важнѣйшія философскія, психологическія и нравственныя понятія.

Долгое время наши гимназіи были скорѣе учебными, нежели воспитательными заведеніями. Заботились болѣе о развитіи ума, чѣмъ чувства и воли и другихъ сторонъ человѣческой природы. Даже при изученіи древнихъ, о воспитательномъ значеніи которыхъ такъ много говорилось, болѣе обращали вниманія на этимологическія и синтаксическія тонкости, заучиваніе вокабулъ, и очень мало обращали вниманіе на то, какія возрѣнія, представленія и сужденія усвоилъ ученикъ при чтеніи Цицерона, Ксенофонта, Гомера, Платона и т. д. Да и вообще мало читали авторовъ. А между тѣмъ только въ авторахъ, и только въ нихъ однихъ кроется воспитательное значеніе классической системы. «И въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ г. Вейсманъ *),—самое понятіе о классическомъ образованіи неразрывно связано съ изученіемъ образцовыхъ произведеній классической литературы и внѣ этого изученія немислимо. *Все, что только хорошаго* получаетъ учащійся отъ занятія древнимъ языкомъ, кроется въ авторахъ и ни въ чемъ другомъ. Только чтеніе авторовъ,—разумѣется, если оно толково ведется,—пріучитъ учащагося къ акрибіи или точности въ выраженіи мысли, можетъ дать ему понятіе о художественной сторонѣ изложенія и такимъ образомъ развить его эстетическій вкусъ; наконецъ, только этимъ чтеніемъ учащійся можетъ непосредственно быть введенъ въ древній міръ и непосредственно познакомиться съ тѣми произведеніями классической литературы, которыя имѣли не малое вліяніе на европейское образованіе вообще и на развитіе европейскихъ литературъ въ особенности (ст. 33—34).

При послѣднемъ пересмотрѣ программъ гимназій (въ 1890 г.) было обращено уже серьезное вниманіе на чтеніе авторовъ. Остается пожелать, чтобы русское юношество извлекало изъ нихъ истинные уроки мудрости, проникалось ихъ духомъ, получало при чтеніи ихъ разъясненіе важнѣйшихъ философскихъ и нравственныхъ понятій. Мы видѣли выше, что хотя классическая система господствуетъ у всѣхъ европейскихъ народовъ, но что каждый народъ извлекаетъ изъ нея то,

*) Къ вопросу о преподаваніи греческаго языка въ гимназіяхъ. «Жур. Мин. Нар. Пр.». 1889 г., апрѣль.

что болѣе подходитъ къ его національнымъ вкусамъ и склонностямъ; нѣмецъ ищетъ въ древнихъ предметахъ историческаго изученія или философскаго анализа, французъ—красивыхъ и изящныхъ выраженій, а англичанинъ—привычки къ силѣ и ясности языка, опредѣленности и точности выраженій, которыми такъ богата классическая литература. А мы, русскіе, при своей склонности къ религіозно этическому направленію, должны особенно углубляться въ этическіе идеалы древнихъ и въ нихъ почерпать необходимую силу для дальнѣйшаго совершенствованія, а потому еще на гимназической скамейкѣ должны углубляться въ изученіе Платона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ при изученіи древнихъ нужно памятовать всегда интересы русской педагогики, приготовляющей истинно русскихъ людей; поэтому русскому языку должно быть отведено почетное мѣсто. Въ послѣднихъ гимназическихъ программахъ на это обстоятельство также обращено серьезное вниманіе и принято за правило, чтобы преподаваніе древнихъ языковъ поручалось лицамъ, вполне владѣющимъ русскимъ языкомъ, и чтобы учитель русскаго языка и словесности принималъ участіе въ просмотрѣ переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій.

Затѣмъ, при условіяхъ современной жизни, совершенное незнакомство гимназистовъ съ основами естественныхъ наукъ составляетъ значительный пробѣлъ въ ихъ знаніяхъ и затрудняетъ для нихъ, какъ это и было до сихъ поръ, прохожденіе курса высшихъ прикладныхъ наукъ. Даже въ Германіи профессора медики и естествоиспытатели жалуются на значительную неподготовленность молодыхъ людей, прошедшихъ строго классическую школу, къ слушанію университетскихъ лекцій. Въ русскихъ университетахъ молодые люди, только что поступившіе изъ гимназій, первое время не могутъ ориентироваться при изученіи естествознанія и медицины, да и впоследствии немногіе успѣваютъ въ области индуктивныхъ наукъ. Оттого-то, можетъ быть, у насъ такъ мало серьезныхъ наблюдателей и добросовѣстныхъ врачей.

О задачахъ физическаго и религіознаго воспитанія и образованія здѣсь говорить не буду, такъ какъ это завлекло-бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что въ гимназіяхъ должно быть обращено особенное вниманіе на самостоятельныя занятія учащихся. Гимназическія занятія должны быть такъ направлены, чтобы они воспитывали характеръ и укрѣпляли волю. Обучая, мы часто упускаемъ изъ виду, что человѣкъ твердо знаетъ только то, что онъ узналъ самъ, до чего дошелъ самостоятельно, порой путемъ усидчиваго и кропотливаго труда. Если припомнить, что *самодѣятельность* является высшимъ педагогическимъ принципомъ, то о самодѣятельности учащихся вужно за-

ботиться во всякомъ возрастѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія,—особенно-же это касается гимназій. Гимназій въ настоящее время являются общеобразовательными заведеніями по преимуществу. Въ нихъ учится и воспитывается цвѣтъ нашего юношества, которому широко будутъ открыты двери университетовъ и всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ нихъ готовятся будущіе ученые медики, естественники, филологи, юристы—люди, которымъ особенно нужна будетъ сильная воля и твердый характеръ. Въ журналѣ «Гимназія» *) мы старались разобрать этотъ вопросъ. Мы указали тамъ, что къ числу важныхъ самостоятельныхъ занятій относятся: сочиненія по источникамъ, систематически организованное внѣклассное чтеніе, литературныя бесѣды, задачи по математикѣ, собраніе и составленіе коллекцій по естественной исторіи и отчасти ручной трудъ. Если гимназія счѣтетъ организовать внѣклассныя занятія, дать имъ правильное направленіе и теченіе, то можно сказать, что она многое сдѣлаетъ для развитія воли, для образованія характера. Гимназическая корпорація учителей, съ директоромъ во главѣ, должна зорко слѣдить, чтобы гимназическое образованіе и воспитаніе шли въ строго русскомъ духѣ. Чтобы внѣклассныя занятія, и особенно чтеніе, были направлены къ познанію отечественныхъ писателей и, по возможности, родной природы, чтобы учащіеся проникались и научались цѣнить тѣ блага, которыя даются имъ родиной.

Если въ гимназіяхъ, готовящихъ главнымъ образомъ къ университету, образованіе должно быть болѣе или менѣе отвлеченнымъ, съ научнымъ и философскимъ характеромъ, то въ реальныхъ училищахъ и профессиональныхъ школахъ, готовящихъ къ практической жизни, оно должно быть практическимъ, примѣнимымъ въ жизни. Давно уже раздавались и раздаются голоса, что наши реальные училища слишкомъ теоретичны, держатся гимназическихъ методовъ и приемовъ, забывая, что цѣль ихъ и направленіе должно быть иное. Но это вовсе не значитъ, чтобы реальные училища знакомили съ прикладными науками—бухгалтеріей, скотоводствомъ, садоводствомъ, машиностроеніемъ и пр., они только должны обращать вниманіе на такія изъ нихъ, которыя дадутъ средство понимать всевозможныя явленія практической жизни, значить, прежде всего—на естествознаніе и математику. При преподаваніи естествовѣдѣнія нужно прежде всего имѣть въ виду—выработать изъ учащихся хорошихъ и сообразительныхъ наблюдателей, всегда памятуя, что отчетливое и ясное наблюденіе—дѣло важное и далеко

*) См. Демковъ: О самостоятельныхъ занятіяхъ учащихся. «Гимназія» 1889, IX.

не легкое. По словамъ Дж. С. Милля*), наблюдателемъ слѣдуетъ называть не того, кто только видитъ находящуюся передъ глазами вещь, а того, кто *видитъ, изъ какихъ частей она состоитъ*. При преподаваніи въ реальныхъ училищахъ было-бы желательно, чтобы было обращено вниманіе на явленія, взятые изъ русской природы и жизни. Нужно, чтобы учащіеся полюбили свою родную природу и въ ея скромныхъ проявленіяхъ видѣли все то-же великое проявленіе общихъ законовъ природы. А то, вѣдь, изученіе естественной исторіи идетъ у насъ, главнымъ образомъ, по нѣмецкимъ образцамъ, учебники и программы составляются по нѣмецкимъ шаблонамъ, и оригинальные учебники, равно какъ и пособія, представляютъ большую рѣдкость. А между тѣмъ у всякаго народа своя культура, свои взгляды на природу; въ каждой странѣ свой строй жизни, свои особые отношенія между человѣкомъ и животными. Все это неизбѣжно должно отразиться при изученіи животныхъ, растений, минераловъ и различныхъ явленій природы.

Въ такъ-называемыхъ профессиональныхъ школахъ имѣется въ виду такое среднее образованіе, которое готовило-бы преимущественно къ жизни практической. Много разъ указывалось на ихъ необходимость для удовлетворенія потребностей русской жизни, но пока онѣ развиваются туго. При учрежденіи ихъ и организаціи желательно было-бы, чтобы онѣ на первыхъ порахъ обратили особенное вниманіе на самостоятельныя и практическія занятія учащихся. Такъ, напримѣръ, въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ необходимо практическое знакомство съ русскимъ земледѣліемъ, скотоводствомъ и садоводствомъ, крупнымъ и мелкимъ, и для этого нужно предоставить всѣ средства учащимся для самостоятельныхъ занятій и наблюдений на полѣ, въ саду и на скотномъ дворѣ. Г. Энгельгардтъ, этотъ знатокъ русскаго хозяйства, въ своихъ «Письмахъ изъ деревни» прямо заявляетъ, что большинство нашихъ агрономическихъ учебниковъ и руководствъ, написанныхъ по нѣмецкимъ оригиналамъ, совершенно непригодно для русскаго сельскаго хозяина. «Я глубоко убѣжденъ,—пишетъ онъ,—что наше хозяйство не скоро подвинется впередъ, если не явятся люди, которые, будучи теоретически подготовлены, займутся имъ на практикѣ. Выработанныя естествознаціемъ истины неизмѣнны, космополитичны, составляютъ всеобщее достояніе, но примѣненіе ихъ къ хозяйству есть дѣло чисто мѣстное». И далѣе: «Агрономія можетъ быть (и должна быть) русскою, или нѣмецкою, или англійскою. Ко-

*) Дж. С. Милль. Система логики, ст. 453, т. I.

нечно, я не хочу этимъ сказать, чтобы мы не могли ничего заимствовать по части агрономіи изъ Германіи, но ограничиваться одною западною агрономіею нельзя. Мы должны создать свою русскую агрономическую науку, и создать ее могутъ только совмѣстные усилія ученыхъ и практиковъ, между которыми необходимы практики, теоретически подготовленные. Между теоретиками учеными, работающими въ лабораторіяхъ, и чистыми практиками, занимающимися практическимъ сельскимъ хозяйствомъ, должны существовать, въ качествѣ связующаго звѣна, люди, способные понять ученые труды теоретиковъ и въ то-же время занимающіеся практикою» *).

Въ этомъ отношеніи весьма важны среднія сельско-хозяйственныя школы, могущія подготовить дѣятелей для русской сельско-хозяйственной службы.

Намѣченныя выше задачи должны быть осуществлены и средними женскими учебными заведеніями—гимназіями и институтами. Наши матери являются вполнѣ неподготовленными для выполненія своего важнаго призванія, а между тѣмъ въ русской семьѣ созидаются первыя основы характера, поэтому матери и воспитательницы играютъ роль каменщиковъ, закладывающихъ фундаментъ для зданія. Правда, въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ преподается педагогика. Но какова эта педагогика и каковы преподаватели? Если припомнить, что въ университетахъ педагогика вовсе не преподается и во всякомъ случаѣ имѣетъ второстепенное значеніе, что кандидаты въ учителя имѣютъ самыя поверхностныя о ней представленія, что, наконецъ, даже существующія педагогическія руководства носятъ несомнѣнно нѣмецкій характеръ, что педагогическія статьи въ журналахъ пишутся по нѣмецкимъ шаблонамъ, то несомнѣнно, что русскимъ матерямъ негдѣ поучиться раціональнымъ основамъ русской педагогики. Выходя изъ стѣнъ заведеній и сдѣлавшись матерями, онѣ ошущаютъ подходящихъ книгъ для воспитанія, выбираютъ наудачу, и поэтому неудивительно, что самыя искреннія изъ нихъ ведутъ дѣло воспитанія невѣрнымъ путемъ. Большинство не пользуется даже тѣми обрывками педагогическихъ свѣдѣній, которыя вынесены изъ стѣнъ заведеній, и предоставляетъ воспитаніе пнямъ, боннамъ, гувернанткамъ, а отъ такого воспитанія можно-ли ожидать толку? Начать съ того, что если-бы наши матери были знакомы съ основами физическаго воспитанія, то онѣ не отказывались-бы отъ кормленія дѣтей грудью; зная то, что кормленіе грудью есть долгъ и подвигъ матери,

*) См. А. Н. Энгельгардтъ. Изъ деревни, 1885 г., стр. 151.

затѣмъ, зная то, что съ самаго ранняго дѣтства закладываются основы характера, онѣ никогда не поручали-бы воспитаніе своихъ дѣтей прислугѣ, давно уже утратившей обликъ ветхозавѣтной няни и представляющей нерудко отвратительный продуктъ кабацко-фабричной цивилизаціи. Зная также, что родной языкъ прежде всего и больше всего важенъ для ребенка, онѣ не поручали-бы дѣтей иностранкамъ, съ непремѣннымъ условіемъ всегда «болтать по-французски или по-нѣмецки». Н. И. Пироговъ, въ своемъ дневникѣ «Вопросы жизни», весьма рѣзко относится къ обычаю говорить съ малыхъ лѣтъ на иностранномъ языкѣ и называетъ это «пошлою и вредною мѣрою». «Говорить дѣтямъ и не дѣтямъ,—пишетъ онъ,—одной народности между собою на иностранномъ языкѣ, безъ всякой необходимости, для какого-то безцѣльнаго упражненія для упражненія—это, по-моему, верхъ нелѣпости, и, главное, нелѣпости вредной, мѣшающей развитію и мысли, и отечественнаго языка. И вредъ состоитъ въ томъ, что внимательность ребенка, вмѣсто того, чтобы постепенно углубляться и сосредоточиваться на содержаніи предметовъ и тѣмъ служить къ развитію процесса мышленія, остается на поверхности, занимаясь новыми именами» *). Н. И. Пироговъ считаетъ, что этотъ вредный обычай нелѣпъ, что онъ позоритъ національное чувство, нисколько не содѣйствуя къ распространенію научныхъ знаній и къ расширенію мыслительнаго кругозора въ нашемъ отечествѣ. «Можно-ли ждать быстрого прогресса въ развитіи родного языка, пламенной мысли, науки и искусства въ странѣ, гдѣ въ высшихъ кругахъ, въ салонахъ, дѣтскихъ, будуарахъ, слышится говоръ на чуждомъ языкѣ, и гдѣ знаніе его сдѣлалось не средствомъ, а цѣлью образованія?» (стр. 143).

Поэтому, въ интересахъ педагогики, въ интересахъ истиннаго посвященія желательнаго, чтобы русскія матери воспитывались въ русскомъ духѣ, на основаніи русскихъ началъ. Психологическія наши свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни ребенка недостаточны, мы еще знакомы съ изслѣдованіями Прейера **) надъ нѣмецкими дѣтьми, Пере ***) надъ французскими, Дарвина ****) надъ англійскими, но надъ русскими дѣтьми такихъ наблюденій не дѣлалось; единственнымъ пріятнымъ исключеніемъ является книжка проф. Сикорскаго «Воспитаніе дѣтей въ возрастѣ перваго дѣтства», да и та написана во

*) Вопросы жизни. Дневникъ стараго врача, стр. 141.

**) Die Seele des Kindes.

***) Пере. Первые три года жизни ребенка. Этюдъ опытной психологіи. 1879 года.

****) Дарвинъ. Наблюденія надъ жизнью ребенка, 1881 года.

многомъ на основаніи иностранныхъ источниковъ. Поэтому въ области психологіи дѣтства остается еще многое сдѣлать. И кому-же, какъ не русской матери, въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ внести свою лепту, наблюдая за душевнымъ развитіемъ своихъ дѣтей и отмѣчая важнѣйшіе фазисы этого развитія? Впослѣдствіи, на основаніи такихъ наблюдений, можно-бы составить весьма цѣнное изслѣдованіе. Но для того, чтобы матери явились полезными наблюдательницами, надо дать имъ въ руки ту руководящую нить, которая послужила-бы имъ базисомъ для дальнѣйшихъ наблюдений. Поэтому еще въ гимназіи, въ VIII педагогическомъ классѣ, надо сообщить имъ рациональныя основы педагогики и психологіи, намѣтить, хотя въ главныхъ чертахъ, какъ природа, культура, религія, поэзія и пр. могутъ вліять на психическій складъ человѣка и указать отличіе психического склада русскаго отъ другихъ народовъ. Не говорю уже о томъ, что важное правило гігіены «*mens sana in corpore sano*» (здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ) должно быть золотыми буквами начертано во всякомъ педагогическомъ классѣ, что будущія матери и воспитательницы должны твердо ознакомиться съ важнѣйшими гігіеническими данными и съ основаніями физическаго воспитанія. Такъ какъ одно изъ важныхъ гігіеническихъ правилъ для дѣтей можетъ быть резюмировано немногими словами: «побольше простора и движенія на свѣжемъ воздухѣ», то воспитанницы гимназій, помимо интереса своего собственнаго здоровья, должны быть чаще на воздухѣ и должны быть ознакомлены съ важнѣйшими русскими играми. Въ статьѣ «О русскомъ семейномъ воспитаніи» *) мы уже говорили о важности игръ для физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей и указывали, что далеко не безразлично, въ какія игры они будутъ играть. Тамъ-же мы старались показать, что характеръ народа несомнѣнно кладетъ свой замѣтный отпечатокъ на весьма многія проявленія общественной и частной жизни людей. Этотъ характеръ, между прочимъ, сказывается и въ дѣтскихъ играхъ, отражаясь въ нихъ тѣмъ рѣзче и отчетливѣе, чѣмъ съ большимъ увлеченіемъ и непринужденностью дѣти играютъ. Поэтому, по нашему, вовсе не педагогично навязывать русскимъ дѣтямъ различныя иностранныя игрушки и игры, хотя-бы онѣ носили громкое названіе: фребелевскихъ, крокета, крикета и т. п. Вѣковой опытъ показалъ, что игрушки и игры дѣлались нерѣдко первыми средствами воспитанія, давая первый толчокъ дальнѣйшему направленію характера, склада ума и призванія

*) См. «Вѣстникъ Воспитанія» за 1891 годъ.

отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлаго народа, и въ этомъ отношеніи игры представляютъ такое-же могучее воспитательное средство, согласное съ духомъ народа, какъ народная поэзія, сказки, поговорки, загадки и т. п. Поэтому, въ интересахъ дѣтскаго здоровья и педагогическихъ, при женскихъ гимназіяхъ и институтахъ должны быть правильно организованы *русскія* дѣтскія игры; воспитанницы высшихъ классовъ должны отъ времени до времени принимать участіе въ этихъ играхъ для того, чтобы изучать индивидуальность дѣтей, подмѣчать, какія игры наиболѣе нравятся дѣтямъ, какія изъ нихъ болѣе способствуютъ физическому и нравственному развитію.

Будущимъ матерямъ придется прежде всего заботиться о физическомъ развитіи дѣтей, поэтому онѣ должны быть знакомы и съ важнѣйшими гимнастическими приемами.

Въ дѣлѣ религіознаго воспитанія матери являются также первыми руководительницами и наставницами. На ихъ обязанности лежитъ, чтобы дѣти съ ранняго дѣтства проникались духомъ и направленіемъ православія, были истинными христіанами въ жизни. И на законоучителяхъ женскихъ среднеучебныхъ заведеній лежитъ высокая обязанность—заложить правильныя основы религіознаго чувства, особенно-же углублять воспитанницъ въ изученіе Библии и Евангелія.

Не имѣя возможности входить въ подробности вопроса о женскомъ образованіи, о необходимости основательнаго изученія ими методики преподаванія Закона Божія, русскаго языка, географіи, ариѳметики, рисованія и пр., я остановлюсь только на значеніи изученія естествовѣдѣнія для матери.

Надо признать, что изученіе естествовѣдѣнія въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ крайне недостаточно, что оно все еще ведется слишкомъ педантично, въ духѣ методики Любена. Но даже и методъ Любена далеко не выполняется, а о самостоятельныхъ наблюденіяхъ, сравненіяхъ, сопоставленіяхъ, опытахъ и т. п. мало заботятся; преподаваніе идетъ догматично, скучно, шаблонно и не возбуждаетъ въ учащихся ни любви къ природѣ, ни желанія ею заниматься и интересоваться впослѣдствіи. Оттого-то наши матери, по выходѣ изъ стѣнъ среднеучебнаго заведенія, имѣютъ самыя смутныя представленія о природѣ, не умѣютъ отличить ржи отъ пшеницы, клена отъ дуба, не знаютъ почти ничего о кровеобращеніи, дыханіи, питаніи, и потому теряются предъ всякими гигиеническими и медицинскими совѣтами. А между тѣмъ, эпоха ранняго дѣтства есть эпоха пробужденія наблюдательности, любви и интереса къ природѣ. И кто-же заложитъ основы этой любви, какъ не любящая и знающая мать?

Что касается низшаго женскаго образованія, то надо сознаться, что и оно пока крайне недостаточно. А между тѣмъ въ интересахъ русскаго просвѣщенія было-бы желательно, чтобы оно развилось, окрѣпло и способствовало-бы развитію истинно-русскихъ матерей и труженицъ.

Для начальнаго народнаго образованія у насъ существуютъ двоякаго рода школы: низшія—съ курсомъ самымъ элементарнымъ (умѣнье читать, писать и считать) и, сравнительно съ ними, высшія—полныя, въ курсъ которыхъ входитъ еще знакомство съ природою по разнымъ отдѣламъ (географія, естествовѣдѣніе и др.) и русскій языкъ съ ариметикою переходятся въ болѣшихъ размѣрахъ. Первыя школы носятъ названіе церковно-приходскихъ школъ, приходскихъ училищъ и сельскихъ школъ, вторыя-же—городскихъ училищъ. Изъ всѣхъ знаній, для учениковъ городскихъ училищъ важно знаніе ученія православной церкви, роднаго языка, ариметики и главнѣйшихъ явленій русской жизни и природы. Чтобы дѣти полюбили свое отечество не на словахъ, а на дѣлѣ, нужно, чтобы они поняли его жизнь и интересы, его природу и исторію. Нужно, чтобы учащіеся знали Россію, т.-е. побольше слышали и читали хорошихъ разказовъ о ней, о прошлой жизни отечества,—не холодныхъ и высказывающихъ сухія похвалы, а такихъ, которые заставляли-бы биться сердце, заставили-бы радоваться счастьемъ родины, сочувствовать ея несчастіямъ, гордиться великими ея подвигами и горевать надъ ея бѣдствіями. Только при такомъ условіи можно сказать, что и націи городскія училища будутъ истинно русскими и по духу, и по направленію.

По плану и программамъ, городскія училища должны быть школами общеобразовательными, не подготовляющими къ какимъ-либо другимъ учебнымъ заведеніямъ, а съ самостоятельнымъ и законченнымъ курсомъ, такъ какъ эти училища назначаются для лицъ, не могущихъ тратить много лѣтъ на обученіе. Роль городскихъ училищъ скромная, но далеко немалая. Они должны удовлетворять потребностямъ образованія небогатыхъ городскихъ обывателей, дѣти которыхъ воспитываются для дѣятельности не широкой, а скромной, но, тѣмъ не менѣе, не лишенной полезнаго значенія въ предѣлахъ родной мѣстности. Съ городскими училищами весьма полезно было-бы связать техническія и другія профессиональныя школы, которыя приготовляли-бы учащихся къ различнымъ отраслямъ практической дѣятельности. Отъ поступающихъ въ профессиональныя школы необходимо требовать знанія извѣстнаго общеобразовательнаго курса,—по крайней мѣрѣ, курса городскихъ училищъ. Изъ этого слѣдуетъ, что нѣтъ надобности, чтобы преподаваніе въ городскомъ училищѣ было узко-практическимъ, но оно

должно быть такъ направлено, чтобы удовлетворяло потребностямъ практической жизни, т.-е. изученіе русскаго языка, ариѳметики и естествовѣдѣнія должно занимать почетное мѣсто. Ясная и прямая цѣль городскихъ училищъ — давать законченное элементарное образованіе, остальные всѣ цѣли отступаютъ на задній планъ.

Сельская школа, по самой постановкѣ своей, не можетъ сообщить много практическихъ свѣдѣній, но она должна обратить все вниманіе на укрѣпленіе въ своихъ ученикахъ навыковъ, т.-е. на то, чтобы научить ихъ молиться Богу, понимать церковное богослуженіе, читать, писать и считать. Эти навыки прежде всего нужны для того, чтобы крестьянинъ могъ пользоваться ими въ практическихъ жизненныхъ отношеніяхъ, — могъ прочесть повѣстку, провѣрить окладной листъ, подвести вѣрный итогъ купленному или проданному, написать и прочесть письмо. Такъ смотреть на школу и крестьянинъ и желаетъ отъ нея удовлетворенія потребностямъ практической жизни, такъ какъ прежде все по простотѣ совершалось, а теперь надо на бумагѣ дѣлать и безъ грамоты трудно прожить.

Какъ ни смотрѣть на народную школу, сколь малое вліяніе ни приписывать ей сравнительно съ жизнью, разъ она, а не семья, даетъ грамотность, она-же должна дать и руководящіе принципы въ жизни; безъ этихъ принциповъ грамотность есть весьма опасное, обоюдострое орудіе. Въ этомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, первое и главное мѣсто принадлежитъ урокамъ Закона Божія. И главною цѣлью религіознаго обученія въ народной школѣ должно быть возбужденіе, развитіе и укрѣпленіе въ дѣтяхъ религіознаго чувства. Церковь ставитъ извѣстныя цѣли человѣческой жизни и говоритъ, что для достиженія ихъ необходимо употребить такія-то и такія-то средства. Нельзя, оставаясь православнымъ, не участвовать въ церковной жизни—и русская народная школа должна ввести своихъ учениковъ въ церковную жизнь. Въ учебномъ отношеніи она должна, поэтому, насколько возможно, объяснить имъ церковныя постановленія, раскрыть ихъ смыслъ, чтобы ученики въ дальнѣйшей своей жизни знали, что заключается въ этихъ постановленіяхъ и какую пользу можно изъ нихъ извлечь. Споръ между защитниками школъ церковно-приходскихъ и земскихъ мы считаемъ недоразумѣніемъ: какъ тѣ, такъ и другія хороши, если удовлетворяютъ потребностямъ русской народной жизни. Да, наконецъ, какъ выяснилось недавно изъ отчета г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, церковно-приходскія школы стараются во многомъ подражать и заимствовать методы и приемы у школъ земскихъ или министерскихъ.

«Близкое знакомство съ приходскими школами,—говорится въ от-

чегѣ,—инспекторовъ народныхъ училищъ показало, что церковно-приходская школа въ сравненіи съ министерской тѣмъ и отличается отъ послѣдней, что первая только стремится къ тому, что уже въ значительной степени достигнуто министерскими училищами. Опытъ показываетъ, что лучшія изъ церковно-приходскихъ училищъ тѣ, гдѣ состоятъ учителями обучавшіеся или окончившіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, лучшею похвалою для этихъ школъ служить то, что эта школа такъ-же хороша, какъ и министерская. Во внутренней жизни министерскихъ школъ нѣтъ и не можетъ быть такихъ элементовъ, которые противорѣчили-бы доброму направленію, указанному для церковно-приходскихъ школъ. Проводниками и охранителями религіозныхъ началъ въ училищахъ служатъ тѣ-же священники-законоучители, которые состоятъ законоучителями и въ церковно-приходскихъ школахъ; учителя и учительницы въ большинствѣ лица духовнаго сословія, изъ котораго выходитъ, главнымъ образомъ, контингентъ учащихся и для церковно-приходскихъ школъ».

Главное, на что нужно обратить вниманіе и педагоговъ, и учительскихъ семинарій, это — чтобы обученіе и воспитаніе народа шло въ строго русскомъ духѣ, на основаніи русскихъ началъ, и чтобы, по возможности, избѣгать всего чужеземнаго, наноснаго. Хорошимъ предостереженіемъ могутъ въ этомъ отношеніи служить слова графа Л. Толстого, который говоритъ: «Народъ, главное заинтересованное лицо, твердо знаетъ, что въ великомъ дѣлѣ своего умственнаго развитія онъ не сдѣлаетъ ложнаго шага и не приметъ того, что дурно, и какъ къ стѣнѣ горохъ будутъ пошылки по-нѣмецки образовывать, направлять и учить его» *).

М. Демковъ.

(Окончаніе будетъ).

*) См. его статью «О народномъ образованіи».

О пользѣ и вредѣ составленія коллекцій дѣтьми.

Говоря о пользѣ и вредѣ составленія коллекцій, я разумѣю, конечно, только коллекціи научныя. Мало-ли что люди собираютъ: перья, марки, часы; наконецъ, книги, какъ таковыя, часто вовсе не читая ихъ. Обо всемъ этомъ не стоитъ говорить, такъ какъ само собой ясно, что отъ такихъ коллекцій, кромѣ траты времени и денегъ, никакихъ результатовъ ожидать нельзя. Кстати замѣтимъ, что, къ сожалѣнію, собираніе марокъ дѣтьми часто поощряется ихъ родителями. Я даже слышалъ такое мнѣніе, будто собираніе марокъ возбуждаетъ въ дѣтяхъ любовь къ географіи. Но мнѣ кажется, что для этого можно найти болѣе педагогически цѣлесообразныя способы, не сопряженные съ такой тратой денегъ и времени *).

Послѣ этой оговорки многіе читатели съ недоумѣніемъ посмотрятъ на заголовокъ статьи и спросятъ меня: если вы будете говорить только о научныхъ коллекціяхъ, то какаѣ-же можетъ быть рѣчь о вредѣ?

Именно въ виду господства такого мнѣнія въ нашемъ обществѣ я и пишу настоящую статью, такъ какъ личнымъ опытомъ пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь вредъ не только возможенъ, но и въ дѣйствительности очень нерѣдко бываетъ.

*) Коллектированіе различныхъ предметовъ, не имѣющее научнаго значенія, но, конечно, не требующее также и значительной затраты времени и денегъ, не лишено своего рода педагогическаго значенія—въ смыслѣ пробужденія, развитія и укрѣпленія въ дѣтяхъ инстинкта сбереженія, сохраненія. Дѣло родителей или воспитателей слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣтьми была соблюдаема въ этомъ отношеніи должная мѣра и чтобы со временемъ привычка къ коллектированію приобрѣла болѣе цѣлесообразное направленіе, а именно была-бы перенесена на коллектированіе предметовъ болѣе или менѣе научнаго характера, при чемъ, разумѣется, тоже необходимо руководительство со стороны взрослыхъ, дабы избѣгать тѣхъ вредныхъ сторонъ этой привычки, на которыя справедливо указываетъ авторъ настоящей замѣтки.

Чтобы хорошенько уяснить себѣ дѣло, посмотримъ сперва—какъ составляются дѣтскими и юношами коллекціи.

Стремленіе къ собиранію какихъ-либо предметовъ у дѣтей очень распространено. Собираемыя вещи, равно какъ и продолжительность занятія коллекціями, чрезвычайно разнообразны. Мальчики по большей части собираютъ марки, наѣкомыхъ; дѣвочки—картинки, ленточки и т. п. И хотя часто импульсъ къ составленію коллекціи даетъ тотъ или другой заинтересовавшій ребенка предметъ, или-же примѣръ товарища, родственника, но иногда это стремленіе существуетъ какъ-то само по себѣ. Такъ, напримѣръ, у меня лично наклонность къ собиранію явилась лѣтъ 6-ти, и хотя она и была направлена почти исключительно на естественно-историческіе предметы, но врядъ-ли можетъ быть объяснена только интересомъ къ нимъ, такъ какъ въ то-же время я собиралъ и марки, и монеты. А съ другой стороны, еще до послѣдняго времени въ тѣхъ случаяхъ, когда я жилъ въ условіяхъ, неблагоприятныхъ для составленія коллекціи по естественной исторіи, мнѣ доставляло удовольствіе собираніе грибовъ, ягодъ и даже старыхъ марокъ съ конвертовъ (ради одного количества).

Извиняясь за это отступленіе и предоставляя рѣшеніе вопроса о происхожденіи, такъ сказать, коллекціоманіи болѣе компетентнымъ людямъ, перехожу къ предмету своей статьи.

Итакъ, мы видимъ, что многія дѣти составляютъ коллекціи по предметамъ различныхъ наукъ. Мы будемъ говорить только о естественно-историческихъ коллекціяхъ, такъ какъ собираніе предметовъ археологическихъ и нумизматическихъ встрѣчается гораздо рѣже и, требуя для осмысленности занятія невозможной у ребенка подготовки, является собираніемъ столь-же бессмысленнымъ, какъ и собираніе марокъ и т. п.

Изъ естественно-историческихъ коллекцій наиболѣе часто въ юности составляются коллекціи наѣкомыхъ и засушенныхъ растений, рѣже—минераловъ и спиртныхъ зоологическихъ препаратовъ; еще рѣже—окаменѣлостей, скелетовъ, чучель и т. п. Дѣти собираютъ, но какъ? Если спросить объ этомъ у родителей и воспитателей, то, увы! они оказываются некомпетентными. По большей части они относятся къ этому вопросу съ точки зрѣнія общепринятаго мнѣнія и эгоизма. Во-первыхъ, принято считать составленіе естественно-историческихъ предметовъ очень полезнымъ занятіемъ; во-вторыхъ, когда ребенокъ возится со своими жуками, камнями и т. п., онъ не шалитъ, не капризничаетъ, а вѣдь это много значить. Радуетъ сердце родителя, глядя на свое разумное чадо, и не воображаетъ онъ, что всякая дѣя-

тельность, какъ-бы она сама по себѣ ни была прекрасна, можетъ оказаться, безъ надлежащей подготовки и направленія, не только бесполезной, но даже и вредной.

Вздумалъ почему-либо ребенокъ собирать, скажемъ, насѣкомыхъ. Узналъ, что ихъ сажаютъ на булавки, морятъ камфорой, эфиромъ и т. п. Достали ему эти снадобья, купили сачокъ—вотъ онъ и ловить насѣкомыхъ. Затѣмъ беретъ опредѣлитель, находитъ названія, приводитъ свою коллекцію въ порядокъ по той или другой системѣ. Обыкновенно этимъ дѣло и ограничивается и остается на коллекцію лишь любоваться. Но рано или поздно, при меньшемъ или большемъ количествѣ предметовъ, по одной-ли или нѣсколькимъ отраслямъ естественной истории собраны предметы—наступаетъ моментъ, когда такое собираніе надоѣдаетъ и—коллекція отдается кому-нибудь, или влачить жалкое существованіе гдѣ-нибудь на шкапу, покрываясь толстымъ слоемъ пыли и постепенно портясь отъ времени...

Но позвольте, возражать намъ: вѣдь, собирая хотя-бы тѣхъ-же насѣкомыхъ, ребенокъ изучалъ зоологію? Изучалъ-то изучалъ, но такъ какъ имъ никто не руководилъ, то и изученіе вышло одностороннее и безтолковое. Онъ интересовался строеніемъ животнаго—да, но лишь на столько, насколько оно служитъ для опредѣленія названія; его образомъ жизни—насколько это помогаетъ ему розыскать какого-нибудь прячущагося жука или вывести изъ гусеницы свѣжій экземпляръ красивой бабочки. Онъ собираетъ почти однихъ жуковъ и бабочекъ, да то болѣе крупныхъ и красивыхъ, не обращая вниманія на другихъ, часто гораздо болѣе интересныхъ животныхъ. Для него лишній предметъ въ его коллекціи гораздо важнѣе наблюденія. Такъ, если онъ видитъ, что животное, котораго у него нѣтъ, ловить добычу, строить гнѣздо и т. п., то, боясь упустить его, онъ поскорѣе ловить такое животное, вмѣсто того, чтобы наблюдать его дѣятельность. А между тѣмъ каждое лишнее личное наблюденіе такъ важно! Мы и безъ того такъ мало можемъ лично провѣрить изъ того, что читаемъ...

Хорошихъ научныхъ книгъ коллекціонеръ читаетъ мало. Во-первыхъ, возня съ коллекціями такъ хлопотлива, что оставляетъ ему очень мало времени для чтенія. Во-вторыхъ, онъ привыкъ рыться въ книгахъ изъ-за отдѣльныхъ мѣстъ,—рыться чисто механически... Да и вообще возня съ коллекціями по вышеописанному способу весьма мало способствуетъ умственному развитію. Поэтому ему трудно сосредоточиться надъ мѣстами, требующими извѣстнаго умственного напряженія и онъ, по привычкѣ, слишкомъ много обращаетъ вниманія на мелочи. Наконецъ, его не особенно тянетъ къ книгамъ уже потому,

что онъ воображаетъ, что знаетъ вовсе не мало. Въ самомъ дѣлѣ: онъ знаетъ сотню или двѣ русскихъ и даже латинскихъ названій, нахватавъ мимоходомъ кое-какія свѣдѣнія о жизни животныхъ. Окружающимъ кажется, что у него большія познанія, онъ слышитъ похвалы, видитъ удивленіе. А между тѣмъ все его знаніе сводится къ однимъ словамъ, и въ немъ мало толку. Онъ знаетъ, что у такого-то животнаго столько-то ногъ, такіе-то усики, но не имѣетъ понятія о его фیزیологическихъ отправленияхъ. Онъ знаетъ, что гусеница такой-то бабочки питается такой-то травой, и имѣетъ въ то-же время весьма смутное представленіе о жизни муравьевъ и пчелъ. Мало знаетъ о пользѣ, вредѣ тѣхъ или другихъ животныхъ.

Я взялъ примѣръ собранія насѣкомыхъ, какъ наиболѣе часто встрѣчающійся. Но вышеизложенное относится,—конечно, съ нѣкоторыми варіаціями,—и къ другимъ естественно-историческимъ коллекціямъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, не направленное какъ слѣдуетъ, составленіе коллекцій значительно больше приноситъ вреда, чѣмъ пользы при изученіи соотвѣтствующихъ наукъ, такъ какъ пріучаетъ къ поверхностности, мелочности и увѣренности въ своихъ познаніяхъ. Все это—качества, изъ за которыхъ приходится плохо молодому чловѣку, если онъ потомъ принимается впослѣдствіи серьезно за изученіе какъ естественной исторіи, такъ и другихъ наукъ.

Но часто онъ вовсе и не берется за это. Наклонность ребенка къ естественной исторіи часто исчезаетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ желанія коллекционировать. А между тѣмъ, при правильной постановкѣ дѣла, она могла-бы развиваться и окрѣпнуть...

Все это прекрасно, или, лучше сказать, прескверно,—возразятъ намъ. Но какъ-же вы хотите, чтобы родители направляли естественно-историческія занятія своихъ дѣтей, когда они, по большей части, сами въ естественныхъ наукахъ ничего не понимаютъ, въ особенности матери, которымъ, однако, приходится возиться съ дѣтьми гораздо болѣе, чѣмъ отцамъ?

Конечно, это печальный результатъ недостаточности нашего общаго образованія, и лучше было-бы, если-бъ дѣло обстояло иначе. Но, во-первыхъ, можно найти случай пополнить пробѣлы своего образованія, а во-вторыхъ, нѣтъ надобности постоянно вмѣшиваться въ занятія ребенка,—нужно только давать имъ отъ времени до времени правильные толчки. Чтобы понять, какъ это сдѣлать, разсмотримъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ правильнымъ методомъ составленія коллекцій.

Я не буду говорить объ ученыхъ, которымъ необходимы коллек-

ціи при изученіи тѣхъ или другихъ предметовъ, въ томъ или другомъ отношеніи. Способъ составленія и содержаніе коллекцій опредѣляется, конечно, самымъ характеромъ предпринятой работы. Но для составленія коллекцій, какъ пособія для образованія и развитія дѣтей и юношей, можно установить извѣстныя общія правила: 1) Коллекція не должна быть цѣлью сама по себѣ, она должна только сопутствовать изученію природы посредствомъ наблюденій и книгъ и по своему содержанію должна соответствовать изучаемымъ въ данное время отдѣламъ. Изъ этого вытекаетъ, что: а) коллекція не должна быть слишкомъ обширной, такъ какъ тогда является невозможнымъ параллельное всестороннее изученіе данныхъ предметовъ и уходитъ слишкомъ много времени на разборку; б) она должна быть составлена по извѣстному плану, а не изъ всего того, что только ни попадется подъ руку; в) должна быть составлена собственноручно, причѣмъ составленіе должно идти совмѣстно съ наблюденіемъ и, въ извѣстныхъ случаяхъ, уступать послѣднему.

Что касается руководства къ собиранію коллекцій, то одни изъ нихъ ограничиваются только технической стороною, въ другихъ-же рекомендуется заниматься наблюденіями и сообщаются кое-какія свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, въ-третьихъ, наконецъ, прямо помѣщены вопросы и задачи. Конечно, разумно составленная книга послѣдней категоріи будетъ наилучшей. Сочиненія-же второго рода слѣдуетъ, пожалуй, поставить ниже первыхъ, такъ какъ они сообщаютъ обыкновенно свѣдѣнія поверхностныя и у дѣтей только пропадаетъ охота прочесть что-нибудь лучшее: я-де это уже знаю.

Но какое-бы изъ этихъ руководствъ ни было дано ребенку, оно не можетъ исключать необходимости надзора со стороны родителей и воспитателей. Во-первыхъ, большая часть дѣтей увлекается технической, номенклатурной стороною дѣла, какъ болѣе легкой, оставляя опыты въ сторонѣ. Во-вторыхъ, въ руководствахъ къ собиранію коллекцій слишкомъ мало напираютъ, а иногда и вовсе не упоминаютъ о необходимости ограничивать стремленіе къ собиранію извѣстными предѣлами. А такое стремленіе легко переходитъ въ страсть. Напр., одинъ мой товарищъ и я прочитали какъ-то о необходимости записывать при собираніи животныхъ мѣстность, время и прочія условія нахождения. Тогда, стояло въ книгѣ, коллекція превратится въ дѣйствительно ученое собраніе. Это можетъ быть очень полезнымъ, если коллекцію собираешь въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ параллельнымъ чтеніемъ. Но когда собираешь безъ удержу, такъ что на разборку коллекціи

уходить чуть не половина или болѣе свободнаго времени, то дѣло сводится только къ изводу бумаги и чернилъ.

Въ заключеніе я долженъ оговориться, что, какъ человекъ въ дѣлѣ писанія статей вполне неопытный, я, быть можетъ, не сумѣлъ изложить своей мысли достаточно ясно и убѣдительно. Но если эта замѣтка вызоветъ статьи болѣе компетентныхъ людей по тому-же вопросу, то моя цѣль будетъ вполне достигнута. Быть можетъ, тогда родители и воспитатели обратятъ болѣе вниманія на этотъ важный вопросъ,—тогда въ большемъ числѣ случаевъ сохранится до позднихъ лѣтъ стремленіе къ толковому изученію природы, а не будетъ такъ часто, какъ теперь, глхнуть въ зачаткѣ и исчезать съ наступленіемъ зрѣлаго возраста.

Б. Р.

Заботы о бѣдныхъ дѣтяхъ во Франціи.

Воспитаніе подкидышей, незаконнорожденныхъ дѣтей и сиротъ есть одна изъ самыхъ святыхъ и серьезныхъ обязанностей общества. Замѣнить этимъ обездоленнымъ пасынкамъ судьбы естественную опеку и заботу родителей, дать имъ кровь, научить ихъ чему-нибудь, сдѣлать изъ нихъ честныхъ и полезныхъ гражданъ—вотъ великая задача, для достиженія которой можно, кажется, многимъ пожертвовать, не жалѣя ни матеріальныхъ затратъ, ни труда, ни времени. Общество давно уже сознало свои обязанности относительно названныхъ дѣтей и во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ такъ или иначе оказываетъ имъ свою помощь посредствомъ воспитательныхъ домовъ, пріютовъ и проч., хотя по большей части размѣры этой помощи очень недостаточны и способы ея въ высшей степени несовершенны, такъ что для дѣйствительнаго осуществленія ея остается желать еще очень многого. Но кромѣ подкидышей, незаконнорожденныхъ и сиротъ есть еще масса дѣтей, нуждающихся во вниманіи общества, имѣющихъ на него не меньшее право, но нисколько не пользующихся имъ. Это именно дѣти крайне бѣдныхъ, больныхъ и вообще безпомощныхъ родителей, не могущихъ, при всемъ желаніи, сколько-нибудь сносно содержать своихъ дѣтей, обучить ихъ чему-нибудь, направлять ихъ нравственное развитіе и проч., и дѣти родителей порочныхъ, нежелающихъ заниматься своими дѣтьми и бросающихъ ихъ на произволъ судьбы или имѣющихъ на нихъ самое пагубное вліяніе. Безъ сомнѣнія, нравственный долгъ общества—прийти на помощь и этимъ дѣтямъ, дать и имъ возможность вырасти почеловѣчески, изъять ихъ изъ гибельной среды, научить чему-нибудь. Между тѣмъ общество положительно отказывается такимъ дѣтямъ въ своемъ вниманіи и начинаетъ заниматься ими только тогда, когда они попадаютъ въ руки полиціи и на скамью подсудимыхъ. Только въ самые послѣдніе годы стало просыпаться въ немъ сознаніе своего долга по отношенію и къ

этимъ безправнымъ дѣтямъ, обнаруживаться стремленіе, въ различныхъ государствахъ Европы и въ Россіи, облегчить участь ихъ, обезпечить хоть части изъ нихъ болѣе сносное существованіе. Дѣло это находится, такъ сказать, еще въ самомъ зародышѣ и развитіе его составляетъ вопросъ будущаго. Поэтому-то каждый успѣхъ въ немъ, каждая попытка расширить его, привлечь къ нему общественное вниманіе заслуживаютъ особеннаго сочувствія и должны быть крайне интересны всѣмъ, принимающимъ это дѣло близко къ сердцу.

Передъ нами отчеты, изданные еще въ 1889 году, объ общественной помощи бѣднымъ дѣтямъ во Франціи *). Мы считаемъ не безынтереснымъ ознакомить съ этими отчетами читателей «Русской Школы», указавъ, въ какомъ положеніи находится тамъ это дѣло въ настоящее время и какіе успѣхи сдѣлало оно за послѣднее десятилѣтіе.

Всѣ бѣдныя дѣти, заботу о которыхъ принимаетъ на себя правительство во Франціи, дѣлятся на четыре категоріи: 1) подкидыши, дѣти, рожденныя отъ неизвѣстныхъ родителей и подобранныя куда-нибудь или принесенныя въ специально устроенные для этой цѣли пріюты; 2) бѣдныя сироты, дѣти, не имѣющія родителей и такихъ родственниковъ, которые взяли-бы на себя заботу о ихъ воспитаніи; 3) покинутыя дѣти, родители которыхъ пропали безъ вѣсти или сами заявили, что не могутъ воспитывать своихъ дѣтей вслѣдствіе крайней бѣдности или какихъ-либо иныхъ причинъ, и 4) дѣти вспомошествоуемыя, находящіяся при родителяхъ, но получающія пособіе на свое воспитаніе. Число дѣтей всѣхъ этихъ четырехъ категорій равняется въ настоящее время 125.000 человѣкамъ, изъ которыхъ 83.000 состоятъ изъ дѣтей первыхъ трехъ категорій и 42.000 изъ дѣтей четвертой категоріи. Такимъ образомъ, самая многочисленная категорія послѣдняя, т.-е. дѣтей вспомошествоуемыхъ; но вся забота о нихъ правительства ограничивается исключительно выдачей имъ пособія; воспитаніе и обученіе ихъ предоставляется родителямъ. Дѣти-же первыхъ трехъ категорій до самаго совершеннолѣтія находятся подъ полной опекой и постояннымъ наблюденіемъ правительства.

Уже въ глубокую старину во Франціи признавалось закономъ право на общественную помощь подкидышей и незаконнорожденныхъ сиротъ.

*) 1) De l'éducation des enfants assistés et des enfants moralement abandonnés en France, par Brueyre. 2) Les colonies de vacances en France et à l'étranger, par M. Edmond Cottinet. 3) Oeuvre de l'orphelinat de l'enseignement primaire en France, par M. L. Galliard.

Для приѣма первыхъ устроены были въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ воспитательные дома, для вторыхъ—пріюты, по большей части при монастыряхъ и богадѣльняхъ; но такія убѣжища были очень малочисленны. Подкидываніе дѣтей было въ то время, въ противоположность нынѣшнему, чрезвычайно распространено, такъ какъ оно представляло единственный способъ какъ родителямъ незаконнымъ, такъ и законнымъ избавиться отъ нихъ, если они были имъ почему-либо въ тягость. Оставляли дѣтей у воротъ монастырей, церквей, у частныхъ домовъ, на дорогахъ, въ пустыхъ мѣстахъ. Законъ налагалъ въ такихъ случаяхъ обязанность принять подкидыша, вскормить его и воспитать на то лицо или учрежденіе, на землѣ котораго найденъ ребенокъ; такимъ образомъ онъ становился какъ-бы собственностью частнаго землевладѣльца, прихода, монастыря и т. д. Никакого дальнѣйшаго надзора за нимъ, никакой дальнѣйшей заботы о его судьбѣ правительство на себя не принимало. Нашедшія подкидышей лица по большей части отдѣлывались отъ нихъ, сдавая ихъ въ воспитательный домъ. Здѣсь они или вскармливались нанятыми кормилицами, или раздавались на вскормленіе, за извѣстную плату, по деревнямъ. По отнятіи отъ груди дѣти возвращались обратно въ воспитательный домъ и съ возрастомъ распредѣлялись по пріютамъ. Пріютъ тѣхъ временъ не давалъ своимъ питомцамъ ничего, кромѣ крова и пищи. Здѣсь не обучали никакому ремеслу, не подготавливали ни къ какому дѣлу; занятія какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ ограничивались исполненіемъ домашнихъ работъ, и только немногіе научались грамотѣ. За-то большая часть времени дѣтей поглощалась религиозными упражненіями: они фигурировали въ процессіяхъ въ специальныхъ костюмахъ, указывавшихъ на несчастіе ихъ рожденія; ихъ нанимали служить плакальщиками при погребеніяхъ богатыхъ людей; ихъ помѣщали, въ воскресные и праздничные дни, на паперти церквей для сбора милостыни съ надписью на груди: «Сотворите добро этимъ бѣднымъ найденнымъ сиротамъ». Нетрудно судить, что давало такое воспитаніе дѣтямъ: они выходили изъ пріюта, ничѣмъ не обезпеченныя, вполне безпомощныя.

Положеніе призрѣваемыхъ дѣтей измѣняется нѣсколько къ лучшему въ XVII вѣкѣ, во времена Людовика XIV. Благодаря щедрымъ королевскимъ пожалованіямъ и крупнымъ частнымъ пожертвованіямъ, число пріютовъ увеличивается, матеріальныя средства ихъ улучшаются. Указомъ 1670 года измѣняется нѣсколько и административная организація дѣла призрѣнія: такъ, напр., дѣти оставляются въ деревнѣ лѣтъ до 5—6; но въ общемъ положеніе ихъ остается все тѣмъ-же. До

революціонная система призрѣнія вообще состояла въ томъ, что питомцы вскорѣ послѣ отнятія отъ груди возвращались въ пріютъ; во время пребыванія ихъ въ деревнѣ никакого правильнаго надзора, ни административнаго, ни медицинскаго, за ними не было. Посредниками между воспитательными домами и кормилицами служили обыкновенно особыя лица, создававшія себѣ изъ этого посредничества доходную статью; такъ, напримѣръ, плата за кормленіе, получаемая ими для передачи кормилицамъ, обыкновенно значительно уменьшалась, пройдя черезъ ихъ руки, или даже совсѣмъ утаивалась ими. Хотя правилами воспитательныхъ домовъ возлагалась на этихъ посредниковъ обязанность каждые шесть мѣсяцевъ навѣщать помѣщенныхъ ими питомцевъ, причѣмъ за добросовѣстное исполненіе ими своихъ обязанностей имъ назначались и награды, но надзоръ этотъ былъ чисто фиктивный, такъ какъ этимъ посредникамъ было гораздо выгоднѣе жить въ ладу съ кормилицами, нежели защищать интересы дѣтей.

Опытъ, доказывавшій самымъ нагляднымъ образомъ всю несостоятельность такого рода воспитанія призрѣваемыхъ дѣтей, заставилъ, наконецъ, обратить на себя вниманіе правительства. Въ концѣ XVIII вѣка система эта смѣняется новою, а именно: администрація воспитательныхъ домовъ, отдавая ребенка кормилицѣ на вскормленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ отдавала его ея семьѣ какъ-бы на усыновленіе. До 13—14-лѣтняго возраста онъ пользовался извѣстной пенсіей, выдаваемой его воспитателямъ, а затѣмъ обязанъ былъ работать на нихъ бесплатно до 25 лѣтъ. Имъ давалось также право сдавать своего воспитанника въ солдаты вмѣсто роднаго сына.

Въ теченіе настоящаго столѣтія въ положеніи призрѣваемыхъ дѣтей опять произошло много перемѣнъ. Одно законодательство относительно ихъ смѣнялось другимъ, разныя дополненія и ограниченія, различныя мѣстныя и частныя правила совершенно запутывали его. Наконецъ, послѣ длиннаго ряда измѣненій и колебаній въ дѣлѣ воспитанія призрѣваемыхъ дѣтей, во Франціи уже прочно установился слѣдующій принципъ. На вопросъ: какъ воспитывать призрѣваемаго ребенка? чему обучать его? куда направлять?—отвѣтъ коротокъ и простъ: создайте ему семью,—дѣйствительную, настоящую семью, и тогда, какъ и каждый ребенокъ, онъ получитъ отъ нея все, что ему необходимо. Становясь членомъ извѣстной семьи, пріютившей его, онъ станетъ членомъ и того общества, къ которому эта семья принадлежитъ; семья воспитаетъ его, въ ней изучитъ онъ то дѣло, которое будетъ кормить его впослѣдствіи, она-же сниметъ съ него печать одиночества и отверженія, однимъ словомъ, дайте ему *только*

семью, и все остальное само приложится. И дѣйствительно, французское общество въ дѣлѣ воспитанія призрѣваемыхъ дѣтей твердо слѣдуетъ этому принципу.

Въ настоящее время каждый департаментъ Франціи имѣетъ свое особое правленіе по воспитанію призрѣваемыхъ дѣтей. Денежныя средства этого правленія состояются изъ департаментскихъ доходовъ, взносов общинъ, пособія государства и частныхъ пожертвованій. Во главѣ правленія стоитъ главный совѣтъ. Въ каждомъ департаментѣ есть одинъ или нѣсколько воспитательныхъ домовъ, куда принимаются дѣти или всѣхъ трехъ категорій, или только двухъ первыхъ, смотря по средствамъ, которыми располагаетъ правленіе. Дитя, разъ принятое воспитательнымъ домомъ, пользуется опекой правленія до самаго своего совершеннолѣтія. Въ воспитательномъ домѣ дѣти остаются только временно, такъ сказать, до присканія имъ мѣста. Главный совѣтъ отдаетъ ихъ, за извѣстную плату, въ надежныя крестьянскія семейства, гдѣ ребенокъ вскармливается грудью кормилицы и затѣмъ остается жить и расти въ ея семьѣ, получая отъ совѣта пенсію на свое содержаніе. Пенсія эта выдается обыкновенно до 12—13 лѣтъ. Съ этого возраста ребенокъ, какъ уже достаточно взрослый, могущій быть полезнымъ въ семьѣ и такимъ образомъ самъ зарабатывать свой хлѣбъ, остается въ ней жить до совершеннолѣтія бесплатно. За каждымъ питомцемъ, со дня приема его въ воспитательный домъ и до самаго совершеннолѣтія, существуетъ постоянный административный и врачебный надзоръ; первый принадлежитъ особому правительственному инспектору, одному или нѣсколькимъ въ департаментѣ, смотря по количеству призрѣваемыхъ въ немъ дѣтей; инспекторъ обязанъ дѣлать правильные объѣзды своихъ питомцевъ съ цѣлью слѣдить за ихъ воспитаніемъ и обученіемъ, а участковый врачъ посѣщаетъ дѣтей своего участка младшаго возраста, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяць, и всѣхъ остальныхъ — по четыре раза въ годъ, не считая экстренныхъ случаевъ заболѣванія или особаго лѣченія; вообще—онъ слѣдитъ за правильнымъ физическимъ развитіемъ питомцевъ. Когда ребенокъ достигаетъ установленнаго школьнаго возраста, онъ, наравнѣ со всѣми дѣтьми общины, обязательно посѣщаетъ школу, и, благодаря усиліямъ инспекторовъ, зорко слѣдящихъ за тѣмъ, чтобы воспитатели аккуратно посылали призрѣваемыхъ дѣтей въ школу, уровень образованія у послѣднихъ даже болѣе высокъ, чѣмъ у остальныхъ дѣтей общины.

Опытъ цѣлыми сотнями случаевъ блистательно доказалъ, что такого рода воспитаніе призрѣваемыхъ дѣтей скорѣе достигаетъ цѣли

и дѣйствительно оправдываетъ принципъ, положенный въ основу его. Вотъ обыкновенная участь такого питомца. Вскармливаемый грудью посторонней женщины, онъ постепенно и незамѣтно становится для нея близкимъ и дорогимъ существомъ. Кормилица привязывается къ нему чувствомъ, подобнымъ материнскому, и онъ, въ свою очередь, привыкаетъ къ ней, любить ее. Затѣмъ, подрастая въ семьѣ своихъ воспитателей, онъ пользуется всѣмъ въ ихъ домѣ наравнѣ съ ними самими и ихъ собственными дѣтьми. Ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ занятіяхъ, ни въ обращеніи не замѣчается обыкновенно ни малѣйшей разницы, такъ что онъ является здѣсь вполне равноправнымъ членомъ семьи и самъ привыкаетъ считать себя таковымъ. Въ матеріальномъ отношеніи онъ не только не обременяетъ своихъ приемныхъ родителей, но даже, посредствомъ своей пенсіи, увеличиваетъ ихъ благосостояніе, такъ какъ содержаніе его обходится имъ, конечно, очень дешево. Далѣе, онъ мало-по-малу начинаетъ принимать участіе въ домашнихъ работахъ, привыкаетъ къ настоящему труду, изучаетъ практически крестьянское хозяйство, а иногда и какое-нибудь ремесло. Позже, вмѣстѣ съ названными братьями и сестрами, посѣщаетъ онъ школу. Наконецъ, пенсія ему прекращается,—но онъ уже помощникъ, полезный работникъ въ семьѣ. Подходить и время его совершеннолѣтія; но за долгіе годы своего сожительства питомецъ и пріютившая его семья уже такъ свыклись, сжились, что ни одна сторона и не помышляетъ о разлукѣ и, по всей вѣроятности, онъ на всю жизнь останется тамъ, гдѣ выросъ. Происхожденіе его давно забыто, да и не ставится ему никѣмъ въ вину; онъ женится, обзаведется собственнымъ хозяйствомъ и семьей и благополучно доживетъ жизнь въ своей мирной и скромной долѣ.

Насколько сживаются питомцы со своими воспитателями и всей своей обстановкой—доказываютъ многіе случаи, когда, отысканные своими родителями, предлагавшими имъ гораздо болѣе благопріятную жизнь и сулившими имъ различныя блага, они наотрѣзъ отказывались слѣдовать за ними, предпочитая оставаться въ средѣ, выросившей ихъ, которую они успѣли уже искренно полюбить и разлука съ которой кажется имъ невозможной.

Итакъ, участь дѣтей, воспитанныхъ такимъ образомъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Изъ каждаго выходитъ крестьянинъ или ремесленникъ, способный такъ или иначе прокормить себя, дѣятельный и полезный членъ общества, довольный своей судьбой.

Правленіе не даетъ своимъ питомцамъ средняго и высшаго образованія, не считая себя въ правѣ удѣлять одному слишкомъ много

въ ущербъ другимъ, да и не видитъ особой цѣли и смысла въ предпочтеніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей всѣмъ остальнымъ, тѣмъ болѣе, что та иная сфера, куда приведетъ ихъ высшее образованіе, вовсе не служить гарантіей счастья и довольства, а, напротивъ того, скорѣе заставитъ ихъ испытать недовольство жизнью, чѣмъ скромная крестьянская или ремесленная среда. Исключенія допускаются здѣсь только для дѣтей, обнаруживающихъ особыя дарованія, изъ ряду выходящія способности. Но даже и такимъ питомцамъ правленіе стараются обезпечить болѣе высокое образованіе или частными пожертвованіями, или спеціальными средствами, чтобы не обдѣлять остальныхъ.

Починъ въ только-что изложенномъ способѣ воспитанія прирѣваемыхъ дѣтей и заслуга разработки этой программы принадлежитъ Парижу и вообще департаменту Сены. Здѣсь это дѣло достигло сравнительно наилучшаго состоянія, и остальнымъ департаментамъ остается только подражать ему, что они и дѣлаютъ. По количеству прирѣваемыхъ дѣтей и истрачиваемыхъ на нихъ суммъ департаментъ Сены занимаетъ то-же первое мѣсто. Такъ, изъ 83.000 прирѣваемыхъ во Франціи дѣтей (не считая вспомоствуемыхъ) 28.000 приходится именно на департаментъ Сены и 55.000 на всѣ остальные. Изъ тѣхъ департаментовъ, гдѣ число питомцевъ очень велико, они выселяются въ другіе департаменты; такъ, на примѣръ, департаментъ Сены содержитъ въ одномъ только департаментѣ Ньеврѣ 8.000 прирѣваемыхъ; такое количество питомцевъ составляетъ уже колоніи въ полномъ смыслѣ этого слова. На каждаго ребенка въ департаментѣ Сены въ кругломъ счетѣ расходуется по 180 фр. въ годъ, а въ остальныхъ по 127 фр. въ годъ.

Въ 1881 году возникло въ Парижѣ и департаментѣ Сены, по примѣру Англіи, Америки и друг. государствъ, Попечительство о нравственно-покинутыхъ дѣтяхъ. Эти дѣти составляютъ совершенно отдѣльную группу, не подходящую ни къ одной изъ вышеупомянутыхъ четырехъ категорій. Тамъ покровительствомъ общества и руководствомъ его въ воспитаніи пользуются дѣти, лишенныя своей естественной опеки и надзора въ лицѣ родителей; тѣ-же изъ нихъ, которыя имѣютъ родителей и пользуются ихъ попеченіемъ, получаютъ отъ общества на свое воспитаніе только пособіе. Подъ именемъ нравственно-покинутыхъ дѣтей разумѣются дѣти, поставленныя въ совершенно иныя условія. Они имѣютъ родителей, и родители не отказываются отъ нихъ, не заявляютъ обществу о невозможности воспитать ихъ, но на самомъ дѣлѣ оставляютъ ихъ совершенно безъ призора, на произволъ судьбы, въ обстановкѣ, самымъ гибельнымъ образомъ дѣйствующей на нихъ.

Къ разряду такихъ дѣтей принадлежатъ малолѣтніе уличные бродяги, питающіеся чѣмъ придется, ночующіе гдѣ попало, промышленящіе нищенствомъ, мелкимъ воровствомъ, предоставленные голоду, холоду и колотушкамъ; болѣе взрослые изъ нихъ занимаются мошенническими продѣлками разнаго рода и проституціей. Съ ранняго возраста заражаются эти дѣти всевозможными пороками и всѣ поголовно представляютъ изъ себя кандидатовъ въ малолѣтніе преступники. Впослѣдствіи изъ нихъ-же образуется армія на все готовыхъ тунеядцевъ, паразитовъ общества, проститутковъ. Во Франціи до 1881 года общество отказывало такимъ дѣтямъ въ своемъ вниманіи; оно точно и не замѣчало ихъ существованія до тѣхъ поръ, пока они не попадали въ руки полиціи, пойманные въ воровствѣ или другомъ преступленіи или подозрѣваемые въ немъ. Тогда только вникали впервые въ жизнь этихъ бѣдныхъ отщепенцевъ общества, удостоивали ихъ разспросовъ, заставляли ихъ приподнимать покровъ съ ихъ короткой, но уже загрязненной, надломленной жизни. Несложна и однообразна обыкновенно повѣсть этихъ дѣтей. Хотя прошлое нѣкоторыхъ изъ нихъ и полно приключеній, но сущность его всегда одна и та-же—голодъ и полнѣйшее отсутствіе заботы о нихъ со стороны кого-бы то ни было,—и это въ тотъ нѣжный возрастъ, когда каждый человѣкъ имѣетъ еще неоспоримое право на готовый кусокъ хлѣба и на попеченіе о немъ взрослыхъ. Пойманные бродяги, послѣ слѣдствія и суда надъ ними, смотря по обстоятельствамъ, помѣщались въ то или другое исправительное заведеніе, и тутъ только начиналось воспитательное воздѣйствіе на нихъ общества. Но это были теперь не просто призрѣваемые и воспитываемыя дѣти, это были уже преступники, караемые и исправляемые.

Цѣль учрежденнаго попечительства надъ нравственно-покинутыми дѣтьми состоитъ именно въ томъ, чтобы предупреждать такіе случаи, подбирать дѣтей на улицѣ по возможности раньше, пока они не успѣли еще развратиться, оградить ихъ отъ порока и подготовить къ честному труду. Такія нравственно-покинутыя дѣти есть обыкновенно продуктъ большихъ многочленныхъ центровъ. Въ Парижѣ и другихъ замѣчательнѣйшихъ городахъ Франціи число ихъ, вѣроятно, довольно велико; опредѣлить его точно очень трудно, но по нѣкоторымъ приблизительнымъ вычисленіямъ оно достигаетъ 20.000 человѣкъ для Парижа и 40.000 человѣкъ для всей Франціи. Цыфра внушительная!

Въ способѣ организаціи помощи нравственно покинутымъ дѣтямъ Франція пошла своимъ особымъ путемъ, не подражая тѣмъ государствамъ, которыя служили ей примѣромъ въ этомъ благомъ дѣлѣ.

Попечительство признаетъ въ принципѣ не цѣлесообразнымъ и вреднымъ устранять для такихъ дѣтей (мальчиковъ) интернаты и особыя земледѣльческія или ремесленныя школы. Такой взглядъ на этотъ вопросъ мотивируетъ оно слѣдующими соображеніями: не пріученныя ни къ малѣйшему порядку и дисциплинѣ, напротивъ, пользовавшіяся безграничной свободой, дѣти эти, замкнутыя въ интернаты, едва-ли добровольно подчинятся извѣстнымъ школьнымъ порядкамъ. Чтобы держать ихъ мало-мальски въ повиновеніи, нужно вводить въ интернатъ самый строгій уставъ, въ родѣ того, который дѣйствуетъ въ исправительныхъ заведеніяхъ, что съ педагогической точки зрѣнія совершенно нежелательно. Далѣе, сгруппировывать въ интернатѣ этихъ дѣтей съ одинаковыми наклонностями, зараженныхъ одними и тѣми-же пороками, часто знающихъ одинъ и тотъ-же условный языкъ, значитъ держать ихъ въ той-же самой вредной атмосферѣ, въ которой они находились до поступленія въ заведеніе; товарищество въ этомъ случаѣ будетъ поддерживать въ нихъ прежній духъ, прежнія привычки, и такимъ образомъ мѣшать школѣ вліять на нихъ въ иномъ направленіи. Кромѣ того, искусственное удаленіе ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ дѣйствительной жизни, со всѣми ея установившимися формами общегитія, взаимными обязанностями и проч., и вообще отъ той жизни, о которой они и до поступленія подъ опеку попечительства не имѣли ни малѣйшаго понятія и въ которую имъ между тѣмъ предстоитъ окунуться тотчасъ по выходѣ изъ школы, не имѣетъ то-же цѣли и можетъ принести имъ только вредъ, а никакъ не пользу. Съ матеріальной стороны, устройство интернатовъ для нравственно-покинутыхъ дѣтей и отдѣльныхъ ремесленныхъ училищъ для нихъ стоило-бы слишкомъ дорого. При самыхъ разсчетливыхъ и экономныхъ затратахъ содержаніе каждаго ученика при такихъ условіяхъ не могло-бы обойтись ниже 800 фр. въ годъ; при этомъ предполагается, что всѣ матеріалы, потраченные при обученіи ремесламъ, должны окупиться сами собой, продажею изготовленныхъ вещей; въ противномъ случаѣ и 800 фр. будетъ недостаточно. Надо принять еще во вниманіе, что опытъ различныхъ ремесленныхъ школъ доказалъ, что ученики, выходящіе изъ нихъ, съ трудомъ находятъ себѣ мѣста у ремесленниковъ, такъ какъ послѣдніе смотрятъ съ предубѣжденіемъ, и не безъ основанія, на этихъ учениковъ, знакомыхъ болѣе съ теоріей, чѣмъ съ практикой ремесла, не умѣющихъ экономно обращаться съ матеріалами, много думающихъ о себѣ, избалованныхъ школьной обстановкой. Часто хозяева охотнѣе принимаютъ въ свои мастерскія

ничего не знающихъ мальчиковъ, нежели кончившихъ курсъ въ ремесленныхъ и профессиональныхъ школахъ.

Попечительство о нравственно покинутыхъ дѣтяхъ признаетъ полезнымъ устройство интернатовъ и при нихъ школъ для мальчиковъ только въ двухъ случаяхъ: для молодыхъ людей совершенно испорченныхъ, нуждающихся въ самой строгой дисциплинѣ и неусыпномъ надзорѣ, и для лучшихъ мальчиковъ, съ цѣлью посвятить ихъ нѣкоторымъ избраннымъ профессіямъ, какъ часовое ремесло, садоводство, книгопечатаніе и друг. Департаментъ Сены имѣетъ уже три подобныя школы. Что-же касается дѣвочекъ, то для нихъ интернаты, съ руководѣльными при нихъ мастерскими, признаются попечительствомъ вполне пригодными какъ по легкости надзора за ними, такъ и по возможности окупить трудами воспитываемыхъ значительную часть ихъ содержанія. Различныя руководѣлья, исполняемыя ученицами, всегда находятъ себѣ сбытъ, такъ какъ легко достигаютъ извѣстной степени изящества и совершенства, что дается гораздо медленнѣе и съ несравненно большимъ трудомъ во всѣхъ другихъ ремеслахъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ заведеніяхъ.

За исключеніемъ немногихъ, помѣщаемыхъ въ интернаты, большинство мальчиковъ, принимаемыхъ Попечительствомъ о нравственно покинутыхъ дѣтяхъ подъ свою опеку, воспитывается слѣдующимъ образомъ: дѣти младшаго возраста, моложе 10 лѣтъ или около того, отдаются въ деревни, въ крестьянскія семейства, гдѣ они живутъ и воспитываются при совершенно такихъ-же условіяхъ, какъ и призываемыя дѣти. Въ большинствѣ случаевъ они скоро свыкаются со своимъ новымъ положеніемъ и сживаются съ новой средой. Результаты при этомъ получаются такіе-же удовлетворительные, какъ и при воспитаніи въ деревнѣ призываемыхъ дѣтей. Но этотъ способъ можетъ быть успѣшно примѣняемъ только къ самымъ юнымъ дѣтямъ. Болѣе взрослые страшно тоскуютъ въ деревнѣ по своей родинѣ—городу, убѣгаютъ оттуда, никакъ не могутъ свыкнуться съ своей новой жизнью. Такихъ мальчиковъ старшаго возраста, начиная съ 11—12 лѣтъ, Попечительство помѣщаетъ въ мастерскія и на фабрики и заводы. Подобная отдача ихъ для изученія извѣстнаго ремесла бываетъ двухъ родовъ: они помѣщаются или отдѣльно, по одному человѣку, или цѣлыми группами, по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Въ первомъ случаѣ мальчикъ отдается обыкновенно въ небольшую домашнюю мастерскую, гдѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ хозяина и живя въ его семьѣ, онъ изучаетъ его ремесло. Если хозяинъ знаетъ и любитъ свое дѣло, обладаетъ достоинствами добраго отца семейства, нѣкоторымъ

педагогическимъ тактомъ, если семья его съ участіемъ и лаской относится къ ученику, то и желать больше нечего. Онъ скоро свыкается съ своимъ новымъ положеніемъ, пріобрѣтаетъ до извѣстной степени родственное чувство къ своей случайной семьѣ, постепенно изучаетъ свое дѣло и выходитъ сноснымъ работникомъ. Это, конечно, самый счастливый и желанный исходъ. Но часто бываетъ и иначе. Если хозяинъ уже слишкомъ строгъ къ ученику, или совершенно равнодушенъ къ его успѣхамъ, если къ тому-же и остальная домашняя обстановка плоха, то ученикъ обыкновенно получаетъ отвращеніе къ работѣ, теряетъ энергію, успѣхи его слабы, характеръ портится, и остается только взять его съ такого мѣста. Такимъ образомъ, темная сторона подобной отдачи дѣтей въ мелкія домашнія мастерскія заключается въ томъ, что она представляетъ слишкомъ много случайнаго; худо такъ-же и то, что при такомъ помѣщеніи мальчикъ обыкновенно очень мало или даже совсѣмъ не посѣщаетъ школы. Но за-то обходится это Попечительству очень дешево. Часто въ контрактѣ не обусловливается никакой платы, и администрація беретъ на себя только расходы на одежду, медицинскую помощь и, само собою разумѣется, общій надзоръ. Иногда, впрочемъ, дается мастеру и плата, 100—200 франковъ въ годъ. Продолжительность ученія различная, смотря по природѣ ремесла. Въ общемъ, считая всѣ издержки, расходъ Попечительства на каждаго отдѣльнаго ребенка, при такомъ способѣ отдачи его, составляетъ въ годъ, среднимъ числомъ, 150—200 фр.

Помѣщеніе группами на фабрики и заводы практикуется какъ относительно мальчиковъ, такъ и относительно дѣвочекъ. Администрація Попечительства входитъ по этому поводу въ договоръ съ большимъ промышленнымъ учрежденіемъ и подробно опредѣляетъ всѣ пункты его, какъ-то: количество учебныхъ лѣтъ, родъ работы, количество рабочихъ часовъ и проч., строго придерживаясь опредѣленныхъ законодательствомъ правилъ о работѣ малолѣтнихъ. Хозяинъ фабрики, съ своей стороны, обязуется помѣститъ принимаемую имъ группу учениковъ отдѣльно, одѣвать, кормить ихъ по договору и предоставить имъ начальное обученіе заботами особаго учителя. Каждый ученикъ получаетъ жалованье сообразно своимъ силамъ и равное жалованью другихъ дѣтей, его сверстниковъ, работающихъ на фабрикѣ. У каждаго имѣется отдѣльная книжка, въ которую вписывается весь доходъ и расходъ его. Попечительство назначаетъ, въ видахъ поощренія, небольшія еженедѣльные преміи лучшимъ изъ нихъ, не говоря о наградахъ, выдаваемыхъ дважды въ году изъ жертвуемыхъ частными лицами суммъ. Счеты учащихся вывѣшиваются на стѣнахъ фабрики,

такъ что каждый желающій можетъ ознакомиться съ ними. На практикѣ оказывается, что такая система есть могучее орудіе соревнованія и поощренія. Когда приходъ воспитываемаго превышаетъ расходъ, что происходитъ вообще начиная съ третьяго года обученія, балансъ помѣщается въ сберегательную кассу на его имя. По этой системѣ ученикъ оплачиваетъ все расходы своего ученія, пользуясь заработаннымъ жалованьемъ, и кромѣ того успѣваетъ и отложить кое-что. Ко дню своего совершеннолѣтія ученикъ, который хорошо велъ себя, обладаетъ обыкновенно 800—1.000 фр., нѣкоторымъ удается сберечь и до 2.000 фр. Эта система въ воспитательномъ отношеніи тѣмъ хороша, что ясно доказываетъ ученикамъ, что участь каждого изъ нихъ находится въ собственныхъ рукахъ: каждый обязанъ все́мъ самому себѣ, своему благоправію, труду, экономіи.

Все ученики, помѣщенные Попечительствомъ о нравственно покинутыхъ дѣтяхъ на фабрики, кромѣ надзора особой инспекціи дѣтскаго труда на фабрикахъ, пользуются и административнымъ, и медицинскимъ надзоромъ со стороны Попечительства, устроенномъ такъ-же, какъ и надзоръ за призрѣваемыми дѣтьми. Директоръ дѣлаетъ постоянные объѣзды своихъ питомцевъ, слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ хозяиномъ учрежденія заключеннаго договора, слѣдитъ за счетными книжками учащихся, за расходами ихъ и проч.; врачъ заботится о ихъ здоровьѣ.

Кромѣ преимущества въ финансовомъ отношеніи, въ помѣщеніи питомцевъ на заводы и фабрики группами есть и другія достоинства. Здѣсь они основательно изучаютъ на практикѣ свое ремесло, здѣсь они получаютъ обязательно первоначальное образованіе, причѣмъ имѣютъ возможность заниматься музыкой, рисованіемъ, гимнастикой и приучаться къ военнымъ упражненіямъ. Для послѣдней цѣли Попечительство снабжаетъ ихъ формой и школьными ружьями, и питомцы, наравнѣ съ другими мальчиками мѣстности, участвуютъ въ устраиваемыхъ состязаніяхъ. Здѣсь они сживаются съ той обстановкой и средой, въ которой имъ придется работать и жить.

Впрочемъ, каждый изъ указанныхъ способовъ воспитанія и обученія нравственно покинутыхъ дѣтей имѣетъ несомнѣнныя достоинства, и Попечительство одновременно съ успѣхомъ примѣняетъ все ихъ, сообразуясь съ возрастомъ питомцевъ, ихъ индивидуальными качествами и способностями.

Въ настоящее время Попечительство о нравственно покинутыхъ дѣтяхъ существуетъ во Франціи только въ департаментѣ Сены, жертовующемъ на этотъ предметъ 700.000 фр. въ годъ. Несмотря на то,

что дѣло это еще ново и что утвердилось оно только въ одномъ департаментѣ, результаты его и теперь уже вполне осязательны и довольно значительны: со времени возникновенія Попечительства, т.-е. съ 1881 года, населеніе исправительныхъ домовъ для малолѣтнихъ съ 9.000 человѣкъ дѣтей обоего пола понизилось до 7.000 человѣкъ. Успѣхъ большой. По всей вѣроятности, и остальные департаменты не останутся равнодушны къ нему и примкнутъ къ этому доброму дѣлу.

О. Венберъ.

(Окончаніе будетъ).

ЛѢТНІЯ ШКОЛЬНЫЯ КОЛОНИИ.

Наступающее лѣто снова ставитъ на очередь вопросъ о такъ-называемыхъ «лѣтнихъ школьныхъ колоніяхъ» (colonie scolaire, Ferien-colonie), извѣстныхъ у насъ болѣе подъ именемъ «школьныхъ дачъ». Появленіе такихъ учреждений представляетъ собою интересную страницу въ лѣтописяхъ современной Европы, какъ одна изъ очевидныхъ заботъ общества объ улучшеніи жизни и развитіи подростящаго поколѣнія.

Лѣтнія школьныя колоніи имѣютъ цѣлью доставленіе дѣтямъ немущихъ родителей, обучающимся въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ, возможности провести часть лѣта въ стѣнѣ города, среди природы, въ здоровой сельской мѣстности, и укрѣпить такимъ образомъ молодыя силы, ослабленныя въ теченіи зимы и школьной жизнью, и скудною домашнею обстановкою. Это значеніе лѣтнихъ школьныхъ колоній для физическаго здоровья дѣтей было краснорѣчиво засвидѣтельствовано на первомъ международномъ конгрессѣ по вопросу о школьныхъ колоніяхъ и связанныхъ съ ними учрежденіяхъ, происходившемъ въ августѣ 1888 года, въ Цюрихѣ. Такъ, по свидѣтельству профессора Вейса, который читалъ на этомъ конгрессѣ докладъ *о результатахъ дѣятельности лѣтнихъ школьныхъ колоній въ отношеніи здоровья дѣтей* *), вліяніе колоній на здоровье дѣтей чрезвычайно благотворно. По авторитетному свидѣтельству этого профессора, всѣ наблюденія констатируютъ фактъ значительнаго увеличенія вѣса дѣтей, въ среднемъ достигающее 4-хъ килограммовъ, увеличеніе объема груди до 2-хъ центиметровъ, улучшеніе кровообращенія у дѣтей и особенно цѣнное измѣненіе въ составѣ крови, выражающееся приращеніемъ кровяныхъ шариковъ до 26 процентовъ. Какъ ни важны эти результаты сами по себѣ, но они приобрѣтаютъ еще большее значеніе, если при-

*) «Verhandlungen des internationalen Kongresses für Ferienkolonien und verwandten Bestrebungen der Kinderhygiene in Zurich». 1888, стр. 6.

нять во вниманіе, что это улучшеніе въ состояніи дѣтскаго организма, на сколько удалось констатировать, въ послѣдствіи прогрессируетъ, и ростъ дѣтей, возвратившихся со школьных лѣтнихъ колоній, далеко опережаетъ ростъ дѣтей, оставшихся лѣтомъ въ стѣнахъ города.

Но, кромѣ важнаго значенія школьныхъ дачъ для физическаго здоровья учащихся, они имѣютъ большое значеніе также и въ отношеніяхъ нравственномъ и педагогическомъ. Въ самомъ дѣлѣ, подлежитъ ли сомнѣнію тотъ фактъ, что вмѣстѣ съ возстановленіемъ равновѣсія въ физической природѣ дитяти, мы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляемъ и его умственныя силы? Жизнь среди природы, вліяніе окружающей обстановки, столь отличной отъ городской, практической примѣръ порядка и аккуратности—все это, вмѣстѣ взятое, неизбежно должно отозваться благотворно на нравственности городскихъ дѣтей, попавшихъ въ такую среду. На томъ-же международномъ конгрессѣ были представлены убѣдительныя доказательства значенія школьныхъ дачъ и въ этомъ отношеніи. Такъ, директоръ высшей женской школы во Франкфуртѣ на Майнѣ, г. Фейтъ, въ своемъ докладѣ конгрессу «о результатахъ дѣятельности лѣтнихъ школьныхъ колоній съ точки зрѣнія нравственной и педагогической»*), между прочимъ, говоритъ: «По всѣмъ собраннымъ до сихъ поръ свѣдѣніямъ мы можемъ рѣшительно утверждать, что школьныя дачи также и въ воспитательномъ отношеніи оправдываютъ возлагавшіяся на нихъ надежды, обнаруживая притомъ на долго свое благотворное вліяніе. Объ этомъ единодушно свидѣтельствуютъ и родители учащихся, и вообще всѣ тѣ лица, къ которымъ дѣти возвращаются послѣ пребыванія на школьныхъ дачахъ. Любовь къ порядку, миролюбіе, уступчивость, уживчивость — вотъ тѣ качества, которыя долгое время обнаруживаются въ характерѣ и поведеніи дѣтей, и иногда въ такой степени, что послѣднія оказываютъ благотворное вліяніе въ этихъ отношеніяхъ даже на родительскій домъ».

Наконецъ, лѣтнія школьныя колоніи имѣютъ также значеніе и въ социальномъ отношеніи. Такое мнѣніе было высказано на томъ-же конгрессѣ его предѣдателемъ, цюрихскимъ пасторомъ Біономъ, которому принадлежитъ первоначальная идея устройства подобныхъ колоній. «Все болѣе и болѣе разверзается пропасть между имущими и неимущими классами, между наслѣдниками состояній и дѣтьми, лишенными всякаго наслѣдства, — говорилъ почтенный пастырь. — Эта пропасть грозитъ поглотить всю нашу культуру. Однажды, повѣствуетъ ле-

*) «Verhandlungen...» стр. 23.

генда, въ древнемъ Римѣ образовалась обширная и глубокая пропасть. Спросили оракула, что нужно сдѣлать для того, чтобы она закрылась? Оракуль отвѣчалъ, что для этого жители Рима должны бросить въ нее самое лучшее изъ того, что у нихъ есть. И вотъ, подошли римляне къ пропасти и стали бросать въ нее золото и серебро; но пропасть не закрывалась. Тогда одинъ доблестный гражданинъ въ полномъ вооруженіи бросился въ нее самъ. И пропасть закрылась, потому что разгнѣванные подземные боги получили въ жертву отъ города самое лучшее, чѣмъ онъ владѣлъ: полное беззавѣтной и самоотверженной любви человѣческое сердце. Точно такъ-же и раздѣляющая и грозящая поглотить насъ пропасть закроется не отъ того, что мы будемъ жертвовать наше богатство, золото и серебро, какъ милостыню, но тогда, когда мы съ любвеобильнымъ сердцемъ отдадимся спасенію человѣчества, если мы спустимся въ среду нищеты и страданій и твердой рукой положимъ основаніе новому *человѣчному* общественному порядку. Мы это сдѣлаемъ, если дѣтей бѣдныхъ избавимъ отъ физическаго, а часто и нравственнаго растлѣнія. Но мы не достигнемъ цѣли, если будемъ спѣшить и противъ несправедливыхъ общественныхъ условій употребимъ насиліе, чтобы ихъ устранить,—мы устранимъ эти условія тѣмъ, если пойдемъ на встрѣчу законнымъ и справедливымъ требованіямъ и предупредительно ихъ удовлетворимъ. Къ числу такихъ потребностей, безспорно, принадлежитъ право дѣтей бѣдныхъ родителей на здоровье, силы, жизнерадость, а также на воспитаніе и образованіе. Бѣдному дѣти такъ-же милы, какъ и богатому. И вотъ, онъ видитъ, какъ послѣдній доставляетъ своимъ дѣтямъ все, что нужно для ихъ физическаго и душевнаго благополучія, а его дѣти падаютъ все ниже и ниже въ нищету; въ немъ пробуждаются недовольство, ненависть къ несправедливымъ общественнымъ порядкамъ, и онъ начинаетъ потрясать ихъ основы... Если мы примиримъ и покоримъ сердца неимущихъ примѣненіемъ къ ихъ дѣтямъ заботъ, одинаковыхъ съ нашими дѣтьми,—сказалъ въ заключеніе уважаемый ораторъ,—то мы этимъ окажемъ огромную услугу не только неимущему, но и самимъ себѣ и всему обществу».

Такое важное значеніе лѣтнихъ школьныхъ колоній было причиною того, что на Западѣ эта форма общественной самодѣятельности на пользу подросткающаго поколѣнія составляетъ явленіе далеко не новое. Первоначальная мысль придти на помощь бѣднымъ ученикамъ и ученицамъ городскихъ учебныхъ заведеній, неимѣющимъ возможности покинуть города и провести часть каникулъ на дачѣ, принадлежитъ, какъ мы уже упоминали, цюрихскому пастору Біону. Въ

1876 году онъ впервые осуществилъ практически свою идею, и она встрѣтила полное сочувствіе общества; Цюриху стали подражать сначала другіе города Швейцаріи, затѣмъ Германіи и другихъ государствъ Западной Европы и, наконецъ, Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что до восьмидесятыхъ годовъ дѣйствія разныхъ обществъ и кружковъ, ставившихъ для себя цѣлью устройство школьныхъ дачъ, были разрозненны и незначительны; только въ 1881 году это дѣло начало становиться на болѣе прочную почву. Въ этомъ году въ Берлинѣ, по инициативѣ «Общества попеченія о домашней гигиенѣ», во главѣ котораго тогда стоялъ тогдашній министръ Фалькъ, собралась конференція съ цѣлью обсужденія вопроса о школьныхъ дачахъ. Въ этой конференціи принимали участіе представители не однихъ германскихъ городовъ, но также делегаты отъ Австро-Венгріи и Швеціи. На ней-же было высказано желаніе собираться отъ времени до времени съ тою-же цѣлью и для ближайшихъ собраній были намѣчены: Франкфуртъ, Цюрихъ и Вѣна.

Между тѣмъ, въ Германіи, подъ именемъ «Союза попеченія о лѣтней жизни» (*Vereinigung für Sommerpflegen*), образовалось общество, которое вошло въ тѣсную связь съ тѣми городами Германіи, которые устроили у себя школьныя дачи и однородныя съ ними учрежденія, и устроило съѣзды по вопросамъ, связаннымъ съ этими учрежденіями, въ 1886 году въ Бременѣ, а въ 1887 году во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. На этихъ съѣздахъ принимали участіе, кромѣ германскихъ представителей, также делегаты отъ Австро-Венгріи, Голландіи, Швейцаріи и Швеціи. Постепенно возраставшій интересъ къ дѣлу устройства лѣтнихъ школьныхъ колоній побудилъ, наконецъ, созвать первый международный конгрессъ, который и состоялся, какъ мы уже упоминали, въ 1888 году въ Цюрихѣ. На этомъ конгрессѣ принимало участіе 77 делегатовъ отъ десяти различныхъ государствъ Западной Европы, принимала въ немъ участіе также и Россія, въ лицѣ московскаго профессора Эрисмана.

Со времени цюрихскаго конгресса дѣлу устройства школьныхъ дачъ и однородныхъ съ ними учрежденій (санаторій, морскихъ лазаретовъ и др.) данъ былъ энергичный толчокъ, и въ настоящее время вся Западная Европа охвачена, какъ сѣтью, этими благодѣтельными для подрастающаго поколѣнія учрежденіями. Въ Германіи и Швейцаріи, напримѣръ, нѣтъ ни одного болѣе или менѣе значительнаго населеннаго центра, который не имѣлъ-бы у себя школьныхъ дачъ. При этомъ одни изъ городовъ заводятъ такія дачи отдѣльно для мальчиковъ и для дѣвочекъ, гдѣ дѣти живутъ каникулярное время

подъ непрерывнымъ надзоромъ особо приставленныхъ воспитателей и воспитательницъ; другія помѣщаютъ дѣтей въ окрестныя крестьянскія семейства—это такъ называемыя «закрытыя колоніи» (*geschlossene Kolonie, Colonie de famille*), гдѣ дѣти ведутъ образъ жизни совершенно такой-же, какъ и малолѣтніе сыновья и дочери хозяевъ, у которыхъ они помѣщены.

Не отстаетъ въ дѣлѣ устройства лѣтнихъ школьныхъ колоній и Франція. По свидѣтельству французскаго делегата на цюрихскомъ конгрессѣ, Жюля Стига *), уже давно такія школьныя дачи устраивались частными школами нѣкоторыхъ городовъ Франціи, какъ, напримеръ, Ліона, Парижа и др. Въ 1883 году, по инициативѣ Котинэ, впервые была устроена публичная школьная колонія для 10 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ городскихъ школъ девятаго округа Парижа. Вскорѣ послѣ этого въ немъ образовалось Общество, которое въ настоящее время состоитъ подъ предѣлательствомъ академика Греара, пользующагося такою заслуженною извѣстностью и авторитетомъ въ педагогическомъ мірѣ всей Европы. Это Общество отсылаетъ на свой счетъ болѣе тысячи дѣтей въ разныя части Франціи,—въ Вогезы, на Юру, въ Вапдею, на берега Ламанна и океана, а также въ деревни и лѣса. Примѣру Парижа теперь слѣдуетъ и провинція; такія-же общества образовались, между прочимъ, въ Бордо, Лионѣ и др. городахъ.

То-же самое слѣдуетъ сказать о другихъ государствахъ Западной Европы—Австріи, Англии, Италіи, Бельгіи и др. Въ трехъ послѣднихъ, впрочемъ, особенно развились такъ-называемыя *sanatoria*, т.-е. колоніи для дѣтей рахитиковъ и золотушныхъ. Благодѣтельное значеніе подобныхъ учрежденій само собою очевидно; временное леченіе для дѣтей вышеупомянутыхъ категорій въ недолгіе лѣтніе мѣсяцы, какъ показалъ опытъ, не приноситъ почти никакого результата: для нихъ необходимо продолжительное и систематическое леченіе; этому назначенію и удовлетворяютъ такъ-называемыя санаторіи. Самымъ лучшимъ условіемъ для жизни такихъ дѣтей является песчаный берегъ моря. По свидѣтельству одного изъ докладчиковъ на цюрихскомъ международномъ конгрессѣ, д-ра Кереца (*Kerecz*), первоначальная идея подобныхъ учрежденій принадлежитъ Англии. Въ ней въ настоящее время, кромѣ нѣсколькихъ постоянныхъ дѣтскихъ морскихъ больницъ, есть болѣе 300 временныхъ станцій, которыя служатъ первыми испытательными пунктами, откуда дѣти, въ случаѣ необходимости, и отсылаются въ упомянутыя постоянныя учрежденія. Италія также окружена цѣлою

*) *Verhandlungen...* стр. 33 и статья Стига въ *Revue pédagogique* 1888. № 6.

сѣтью подобныхъ *sanatoria* и, кромѣ того, имѣетъ постоянныя госпитали въ Туринѣ, Миланѣ, Генуѣ, Мантуѣ, Кремонѣ, Бергамо, Веронѣ, Флоренціи и Палермо. Въ Бельгіи существуетъ два постоянныхъ лазарета для подобныхъ дѣтей, одинъ на 200, другой на 300 кроватей, и три лѣтнихъ испытательныхъ станціи. Однако, самымъ образцовымъ учрежденіемъ этого рода слѣдуетъ, безспорно, считать морскую дѣтскую больницу въ Бэкъ-скуръ-меръ, во Франціи. Это учрежденіе основано еще въ 1857 году, слѣдовательно, оно одно изъ старѣйшихъ въ Европѣ, и въ настоящее время выдѣляется какъ своими размѣрами, превосходнымъ устройствомъ, такъ еще болѣе результатами дѣятельности, и потому служить образцомъ для подражаній.

Хотя предметъ настоящей статьи—лѣтнія школьныя колоніи, но мы по необходимости должны были сдѣлать отступленіе и коснуться также учреждений, однородныхъ съ ними. Мы думаемъ, что читатель не посѣтуетъ, если мы сдѣлаемъ еще одно отступленіе и скажемъ нѣсколько словъ о такъ-называемыхъ *Kinderhorte*,—вечернихъ убѣжищахъ для дѣтей; докладъ объ этихъ благодѣтельныхъ учрежденіяхъ былъ сдѣланъ цюрихскому конгрессу докторомъ Юнгомъ.

Въ городахъ, особенно фабричныхъ, отцы и матери обыкновенно заняты работою до самаго вечера. Дѣти, по возвращеніи изъ школы домой, находятъ или запертыя двери, или-же пустую, холодную квартиру. Естественно, что они отправляются на улицу и бродяжничаютъ, а отсюда—одинъ шагъ до преступленія. Такой порядокъ вещей породилъ идею устройства для подобныхъ дѣтей вечернихъ пріютовъ или убѣжищъ. Основаніе этимъ прекраснымъ учрежденіямъ было положено въ Эрлангенѣ, а отсюда они быстро распространились по всей Германіи,—конечно, главнымъ образомъ благодаря незначительнымъ средствамъ, необходимымъ на устройство этихъ учреждений. Въ самомъ дѣлѣ, для этой цѣли достаточно болѣе или менѣе помѣстительнаго зала и сада, въ которомъ дѣти могли-бы лѣтомъ проводить время пребыванія въ убѣжищѣ. Дѣло организовано въ высшей степени просто. Дѣти приходятъ изъ школъ сами; имъ даютъ кусокъ хлѣба, они находятъ столы для своихъ занятій и нѣкоторыя игры для удовольствій. Они поютъ подъ руководствомъ учителя, или слушаютъ его рассказы; такая обстановка не создаетъ для нихъ новой школы, а замѣняетъ на время семью. Дисциплина въ этихъ учрежденіяхъ очень мягкая, взысканія ограничиваются временнымъ, рѣдко совершеннымъ исключеніемъ. Наблюденія надъ жизнью подобнаго рода убѣжищъ показываютъ, что дѣти сильно привязываются къ нимъ. Они чувствуютъ себя въ нихъ отлично. Весной дѣтямъ даютъ на домъ цвѣты, за которыми

они должны ухаживать и представить ихъ осенью; въ случаѣ хорошаго ухода имъ выдаютъ небольшую награду. Дѣтей иногда занимаютъ прогулками по окрестностямъ города, или уходомъ за садомъ. Докладчикъ констатировалъ, что въ городахъ, гдѣ существуютъ подобныя убѣжища, цифра бродячихъ дѣтей значительно упадетъ; дѣти пріобрѣтаютъ навыкъ къ труду, чистотѣ и экономіи; для послѣдней ишли при убѣжищахъ устраиваются кассы, куда дѣти и отдають свои сбереженія. Нѣкоторыя убѣжища практикуютъ отдачу дѣтей въ мастерскія—для занятій тѣмъ или инымъ мастерствомъ; другія учрежденія подобнаго рода организуютъ дѣтскіе хоры, которые иногда даютъ концерты въ присутствіи родителей. Въ нѣкоторыхъ городахъ общества издають особые ежемѣсячные или еженедѣльные листки для дѣтей, или книжки нравоучительнаго содержанія, которые и раздаются дѣтямъ на память.

Возвратимся, однако, къ главному предмету нашей бесѣды—лѣтнимъ школьнымъ колоніямъ и посмотримъ, въ какомъ положеніи находится дѣло устройства этихъ учреждений въ нашемъ отечествѣ.

Въ отношеніи этого вопроса Россія не можетъ считаться особенно отставшею отъ Западной Европы. Устройство школьныхъ дачъ содержателями частныхъ столичныхъ учебныхъ заведеній для обучающихся въ нихъ дѣтей состоятельныхъ родителей, почему-либо не имѣющихъ возможности проводить лѣто въ своей семьѣ, а равнымъ образомъ нѣкоторыми правительственными гимназіями, при которыхъ существуютъ пансіоны,—дѣло общезвѣстное и считающее за собою почтенную давность. Сверхъ того, существуютъ у насъ и другія такого-же рода учрежденія, въ родѣ, напримѣръ, имѣющагося въ Парголовѣ пріюта для бѣдныхъ дѣтей (Kinderheim) евангелическо-лютеранскаго исповѣданія; или содержимое на средства великой княгини Екатерины Михайловны, въ Ораниембаумѣ, убѣжище для выздоравливающихъ дѣтей; или, наконецъ, известной лечебной колоніи Общества охраненія народнаго здравія въ Старой Русѣ. Но это все, такъ сказать, частныя предпріятія известныхъ обществъ (ученыхъ), учреждений или отдѣльныхъ лицъ. Что-же касается до общества въ широкомъ смыслѣ этого слова, то оно до послѣдняго времени вовсе стояло въ сторонѣ отъ дѣла устройства лѣтнихъ школьныхъ колоній для дѣтей неимущихъ родителей, учащихся въ столичныхъ заведеніяхъ. Первый опытъ, и, скажемъ теперь-же, опытъ весьма удачный, привлечь общественную инициативу къ устройству школьныхъ дачъ сдѣланъ у насъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ *). Объ этомъ въ настоящее время мы и поведемъ нашу рѣчь.

*) Существуетъ, также съ начала восьмидесятыхъ годовъ, Общество школьныхъ дачъ для города Варшавы, но печатныхъ отчетовъ оно не имѣетъ, а въ

Подъ вліяніемъ примѣра Западной Европы, весною 1882 года у небольшого кружка лицъ, во главѣ которыхъ стояли директоръ дѣтской больницы принца Петра Ольденбургскаго К. А. Раухфусъ и пасторы Кротте и Гиллотъ, возникла мысль устроить въ Петербургѣ школьную дачу для учащихъ въ столичныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей неимущихъ родителей. Какъ это видно изъ отчетовъ, кружокъ этихъ лицъ заявилъ путемъ печати въ нѣкоторыхъ столичныхъ газетахъ о своихъ цѣляхъ и планахъ, равно какъ и о томъ, что въ этомъ отношеніи предпринимается въ Западной Европѣ. Это предпріятіе кружка встрѣтило въ столичномъ обществѣ самое горячее сочувствіе и матеріальную поддержку. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, образовавшійся Комитетъ для устройства школьныхъ дачъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи настолько достаточныя денежныя средства, что могъ приступить къ практическому осуществленію своей мысли.

На первыхъ порахъ Комитетъ постановилъ открыть дачу только для мальчиковъ, а впослѣдствіи, если позволятъ средства, то и для дѣвочекъ. Дача была нанята и устроена въ деревнѣ Бобыльской, расположенной у Финскаго залива, въ Петергофскомъ уѣздѣ. Здѣсь въ теченіе этого перваго лѣта 1882 года провели не менѣе шести недѣль 52 мальчика изъ 72 кандидатовъ. Основаніемъ для выбора кандидатовъ служила рекомендація учебнаго начальства, свидѣтельствовавшая о хорошемъ поведеніи ученика и о недостаточности средствъ его родителей, а затѣмъ результаты врачебнаго освидѣтельствованія. Пріемъ, освидѣтельствованіе и оцѣнка состоянія здоровья и силъ каждаго изъ кандидатовъ производились врачами дѣтской больницы принца Ольденбургскаго, въ самой больницѣ. При этомъ отмѣчались, между прочимъ, данныя о предшествовавшихъ болѣзняхъ и результаты врачебнаго осмотра. Такъ какъ Комитетъ открывалъ школьную дачу, а не санаторію, то онъ отказывалъ въ пріемѣ явно больнымъ, тѣмъ не менѣе, на основаніи оцѣнки всѣхъ данныхъ въ совокупности, выбирались изъ явившихся учениковъ тѣ, которые, по недостаточности физическаго развитія, слабости и болѣзненности, всего болѣе нуждались въ укрѣпленіи силъ и здоровья во время лѣтнихъ каникулъ.

Этихъ вполне разумныхъ основаній Комитетъ держался въ теченіе всей десятилѣтней своей дѣятельности, не измѣнилъ онъ также и принятымъ въ первый годъ пріемамъ веденія дѣла, режиму въ своемъ учрежденіи и обстановки дачной жизни дѣтей.

«Verhandlungen», къ сожалѣнію, мы не нашли заимствованій изъ представленнаго г. Фритше конгрессу письменнаго обзора дѣятельности Варшавскаго Общества, такъ что, по необходимости, ограничиваемся лишь этимъ упоминаніемъ.

Деревушка Бобыльская красиво расположена на берегу Финскаго залива. Домъ школьной дачи — деревянный, имѣетъ, кромѣ подвального, два этажа. Въ подвальномъ помѣщаются кухня и прислуга, въ первомъ этажѣ—столовая и просторный крытый балконъ, гдѣ дѣти въ ненастье собираются для занятій и игръ, большая спальня (впослѣдствіи къ ней была сдѣлана пристройка), приемная комната и квартира директора. Въ верхнемъ этажѣ имѣлась одна большая спальня, двѣ малыя и комната учителя. Въ обонхъ этажахъ, кромѣ того, находится по одному помѣщенію для умыванья и утренняго и вечерняго туалета; въ подвалѣ, возлѣ кухни,—ванна. Всѣ эти помѣщенія по своимъ размѣрамъ рассчитаны на вполне рациональную гигиеническую жизнь.

Что касается до режима, то, по словамъ одного изъ отчетовъ, жизнь на дачѣ, при достаточной свободѣ, все-таки сложилась по извѣстной программѣ. День проходилъ въ прогулкахъ, въ приготовительныхъ и репетиціонныхъ школьныхъ работахъ, въ играхъ въ саду и экскурсіяхъ. Купанье въ заливѣ имѣло правильно установленный характеръ. Словомъ, во всемъ проводилась и нѣкоторая дисциплина, требуемая всякимъ общежитіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ давалась и извѣстная доля свободы; въ особенности строго преслѣдовались скука и праздность. Между прочимъ, начиная съ лѣта 1884 года, ученики занимались метеорологическими наблюденіями, которыя велись по правиламъ физической обсерваторіи. Для производства этихъ наблюденій, записывавшихся дежурными учениками три раза въ день въ тетрадь, на дачѣ были установлены всѣ необходимые для обыкновенныхъ изслѣдованій инструменты, какъ-то: психрометръ, термометрографъ, барометръ, дождемѣръ и инструменты для показанія силы и направленія вѣтровъ. Наконецъ, съ лѣта 1890 года мальчики стали обучаться, подъ руководствомъ опытнаго унтеръ-офицера, гимнастикѣ и строевымъ упражненіямъ.

Отъ времени до времени, читаемъ въ отчетахъ, эта обыденная, полная разнообразія жизнь дѣтей облекалась въ праздничный видъ, благодаря неожиданнымъ увеселеніямъ, экскурсіямъ и т. п. Такъ, между прочимъ, ежегодно великая княгиня Екатерина Михайловна милостиво удостоиваетъ своимъ посѣщеніемъ школьную дачу въ Бобыльскѣ и приглашаетъ, иногда по нѣскольку разъ въ лѣто, дѣтей къ себѣ въ Ораніенбаумъ, гдѣ осчастливливаетъ ихъ ласковымъ приемомъ и устраиваетъ экскурсіи, угощенія и игры.

Благодаря именно высокому покровительству великой княгини Екатерины Михайловны, Комитетъ имѣлъ возможность во второй годъ

своей дѣятельности устроить дачу также и для дѣвочекъ. Дача для этой цѣли была предоставлена великой княгиней и на ея-же средства приспособлена и обставлена всѣмъ необходимымъ. Дача расположена по главному шоссе за Ораніенбаумомъ, противъ дворцовыхъ оранжерей, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ парка, и имѣетъ свой небольшой садъ. Для купанья въ заливѣ великая княгиня предоставила собственную купальню, куда дѣвочки отвозятся въ большихъ крытыхъ лодкахъ.

Какъ видно изъ отчетовъ, при приѣмѣ ученицъ Комитетъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что, въ виду открытія для ученицъ петербургскихъ женскихъ гимназій основанной, подъ высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, школьной дачи въ Левашовѣ, на Ораніенбаумскую школьную дачу должны были поступать главнымъ образомъ бѣдныя воспитанницы частныхъ и церковныхъ училищъ (съ гимназическими курсами); но вмѣстѣ съ тѣмъ признано было возможнымъ принимать и тѣхъ изъ ученицъ женскихъ гимназій, которыя, по недостатку свободныхъ мѣстъ въ Левашовѣ, не могли пользоваться необходимою для укрѣпленія ихъ силъ и здоровья дачною жизнью.

Что касается до выбора кандидатокъ, освидѣтельствованія ихъ здоровья, а равнымъ образомъ и жизненнаго обихода на школьной дачѣ для дѣвочекъ, то и тутъ проводились Комитетомъ тѣ-же принципы, что и на школьной дачѣ для мальчиковъ. Впрочемъ, было и нѣкоторое различіе, а именно часть работъ по дому, какъ-то: уборка спаленъ и постелей, чистка платья и обуви, мытье чайной посуды и нѣкоторая помощь по кухнѣ, исполнялась самими дѣвочками и такимъ путемъ они знакомились постепенно съ обязанностями хозяйки. Программа дня была слѣдующая: въ 7 часовъ утра дѣти вставали и, одѣвшись, отправлялись въ садъ, гдѣ оставались до 8 часовъ, т.-е. до времени, назначеннаго для утренняго чая. Въ 9 часовъ собирались купаться, къ 12-ти часамъ возвращались домой и обѣдали; затѣмъ до 2 часовъ оставались въ саду. Здѣсь старшія дѣвочки работали или читали, младшія играли въ крокетъ, серсо, прятки и т. п. Съ 2-хъ до 4-хъ часовъ время проводилось въ репетиціонныхъ занятіяхъ. Въ 4 часа пили молоко и шли гулять либо въ паркъ, либо въ садъ великой княгини. Въ это-же время иногда совершались и болѣе отдаленныя прогулки. Къ 8 часамъ возвращались домой, пили чай и до 9¹/₂ проводили время въ саду, забавляясь пѣніемъ и играми. Въ 9¹/₂ часовъ происходила общая молитва, и дѣти ложились спать. Вниманіе великой княгини Екатерины Михайловны къ дачѣ дѣвочекъ было еще большее; оно выражалось почти ежедневными посѣщеніями и частыми пригла-

шеніями къ себѣ во дворецъ, гдѣ дѣвочекъ угощали, гдѣ онѣ пѣли, танцовали, играли въ разныя игры

Ближайшій педагогическій и хозяйственный надзоръ за учрежденіями поручался директору и директрисѣ, съ помощниками по принадлежности. Въ теченіе восьми послѣднихъ лѣтъ директоромъ дачи въ Бобыльскѣ былъ г. Фостнохтъ. Благодаря умѣлому и сердечному отношенію къ дѣлу его и его супруги, говорится въ отчетахъ, внутренняя жизнь на дачѣ имѣла высоконравственный, симпатичный семейный характеръ. Врачебный и гигиеническій надзоръ находился, главнымъ образомъ, въ рукахъ П. А. Раухфуса и нѣкоторыхъ другихъ врачей, членовъ Комитета.

Общее число дѣтей, помѣщенныхъ лѣтомъ на дачу, было:

въ 1882 году	52 съ	1.978	продов. днями.		
» 1883	»	104	»	4.767	»
» 1884	»	114	»	5.003	»
» 1885	»	114	»	5.065	»
» 1886	»	119	»	5.338	»
» 1887	»	109	»	5.278	»
» 1888	»	95	»	5.060	»
» 1889	»	136	»	6.481	»
» 1890	»	134	»	6.255	»
» 1891	»	131	»	6.007	»

Такимъ образомъ, за 10 лѣтъ всего перебивало на дачѣ 1.108 мальчиковъ и дѣвочекъ, которые прожили на дачѣ въ общей сложности 51.232 дня.

Обратимся въ настоящее время къ результатамъ, достигнутымъ Комитетомъ въ его десятилѣтній періодъ дѣятельности по устройству школьныхъ дачъ. Скажемъ прямо: результаты эти не оставляютъ желать ничего лучшаго. Хотя мы говорили уже, что Комитетъ отказывалъ въ приемѣ явно больнымъ дѣтямъ, для которыхъ было необходимо правильное леченіе, тѣмъ не менѣе, какъ мы уже упоминали, Комитетъ отдавалъ изъ кандидатовъ предпочтеніе тѣмъ, для которыхъ, въ виду конституціональнаго состоянія ихъ здоровья, особенно необходимо было пребываніе лѣтомъ внѣ черты города.

Дѣйствительно, по свидѣтельству отчетовъ, все это были дѣти блѣдныя, исхудалыя, слабыя, съ болѣзненными предрасположеніями, съ явной потребностью въ скорѣйшемъ подкрѣпленіи силъ—или послѣ острыхъ заболѣваній, или вслѣдствіе общаго упадка силъ. Кромѣ того, большинство дѣвочекъ страдало малокровіемъ, мышечною слабостью и нѣкоторыми другими отклоненіями отъ нормальнаго состоянія, свой-

ственными этому полу. Что касается до вѣса тѣла,—этого главнаго показателя состоянія здоровья, прогрессивнаго или регрессивнаго хода общаго питанія,—то у большинства дѣтей недоставало: у мальчиковъ отъ 1.000 до 6.000 граммъ (въ среднемъ выводѣ 5.000 гр.), у дѣвочекъ отъ 2.000 до 3.000 граммъ, сравнительно съ нормальнымъ. И вотъ, при среднемъ пребываніи на дачѣ въ 45 дней, напр., въ 1890 году, мы видимъ среднее приращеніе въ вѣсѣ—для мальчиковъ въ 2.535 граммъ; у девяти-же мальчиковъ приращеніе вѣса достигло 3.000 граммъ, у пятерыхъ—4.000 граммъ, у двухъ—6.000 граммъ, а у одного 7.300 граммъ. Почти то-же самое приходится сказать и относительно дѣвочекъ. Средняя прибыль въ вѣсѣ, при той-же средней продолжительности пребыванія въ 45 дней, равнялась 1.222 грам., причемъ, въ томъ-же отчетномъ году, у 13 воспитанницъ приращеніе было свыше 2.500 граммъ, у 2-хъ оно дошло до 5.400 граммъ. Вообще-же во всѣхъ дѣтяхъ пребываніе на дачѣ выражалось цвѣтущимъ здоровымъ видомъ и приращеніемъ силы и энергіи. Такіе результаты выдерживаютъ сравненіе съ лучшими результатами, достигнутыми въ однородныхъ учрежденіяхъ Швейцаріи и Германіи.

Это установленіе равновѣсія въ физической природѣ дѣтей неизбѣжно влекло за собою и извѣстныя моральныя послѣдствія. Для объективнаго наблюденія они выражались и въ отношеніяхъ дѣтей между собою, отличавшемся товарищескимъ и нерѣдко дружескимъ характеромъ, а также и въ отношеніяхъ къ воспитательному персоналу учреждений. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ одного отчета краснорѣчивый и трогательный фактъ дружескаго отношенія дѣтей между собою.

«Пятнадцать мальчиковъ должны были вернуться домой и смѣниться другими; многимъ изъ нихъ было жаль оставить и деревенскую жизнь, и товарищей, но никого изъ нихъ это не привело въ такое отчаяніе, какъ одного 11-лѣтняго мальчика изъ очень бѣдной семьи; онъ провелъ ночь наканунѣ возвращенія домой безъ сна и горько плакалъ. Рано утромъ его товарищи посовѣтовались между собою, какъ-бы помочь горю, и трое изъ тѣхъ, которымъ для большаго подкрѣпленія силъ было предоставлено остаться еще мѣсяцъ на дачѣ, явились къ директору съ просьбой выбрать одного изъ нихъ на смѣну безутѣшнаго товарища. Когда одному изъ трехъ было разрѣшено замѣнить товарища, то они, возвратившись, съ восторгомъ объявили ему разговоръ. Радости въ кружкѣ мальчиковъ не было конца».

Такіе факты говорятъ сами за себя и являются краснорѣчивымъ свидѣтелемъ благотворнаго воздѣйствія на характеръ и нравственное

развитіе дѣтей и, само собою разумѣется, представляются не менѣе важными, чѣмъ улучшеніе здоровья, результатомъ дѣятельности Комитета.

Невольно задаешь себѣ вопросъ: затратою какихъ-же нравственныхъ и матеріальныхъ силъ достигаются подобные результаты? Къ сожалѣнію, первыя не поддаются учету, хотя наличность ихъ чувствуется весьма осязательно въ томъ краснорѣчивомъ рядѣ явленій моральнаго порядка, о которомъ мы только-что говорили. Обратимся теперь къ матеріальнымъ затратамъ Комитета. Денежные расходы на лѣтнія школьныя дачи не могутъ быть названы значительными. Въ послѣднемъ, напр., отчетномъ году расходъ по содержанію дачи въ Бобыльскѣ равнялся 3.326 р. 35 коп., что составляетъ по отношенію 4.244 днямъ пребыванія дѣтей, расходъ въ 78,56 коп. въ день на каждого мальчика. Изъ этого общаго расхода, 35,06 коп. падаетъ на пищевое продовольствіе каждого въ день (дѣтей и взрослыхъ, вмѣстѣ взятыхъ). Расходы по содержанію дачи въ Ораніенбаумѣ были нѣсколько ниже, благодаря бесплатной дачѣ, даваемой великой княгиней Екатериной Михайловной. Здѣсь средній расходъ равнялся 73,2 коп. въ день на содержаніе каждой дѣвочки, причемъ только на довольствіе тратилось 36,1 коп. Во всякомъ случаѣ и въ этомъ отношеніи дѣло школьныхъ дачъ у насъ вполне выдерживаетъ сравненіе съ западно-европейскими однородными учрежденіями. Вообще-же за весь десятилѣтній періодъ дѣятельности Комитетъ затратилъ всего около *сорока тысячъ* рублей (считая здѣсь и расходы на внутреннее обзаведеніе обѣихъ дачъ), добытыхъ исключительно путемъ общественной благотворительности.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ относительно реформы, которую въ настоящее время переживаетъ дѣло устройства школьныхъ дачъ.

Десятилѣтній опытъ и блестящіе результаты, достигнутые Комитетомъ, побудили его ходатайствовать объ утвержденіи своего устава, имѣя въ виду преобразоваться въ Общество и дать дѣлу дальнѣйшее болѣе широкое развитіе. Ходатайство Комитета было уважено и уставъ утвержденъ управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ ноябрѣ прошлаго года. На основѣ этого устава, въ непродолжительномъ времени имѣетъ организоваться первое у насъ «Общество школьныхъ дачъ для с.-петербургскихъ среднеучебныхъ заведеній». Цѣль этого будущаго Общества—продолжать и развивать на прочныхъ началахъ дѣло, основаніе которому такъ удачно положено десять лѣтъ тому назадъ. Согласно § 1 устава, «Общество имѣетъ цѣлью принимать на каникулярное время на свое безвозмездное попеченіе, въ особо устроенныхъ дачахъ, воспитанниковъ и воспитан-

ницъ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которые, вслѣдствіе разстройства здоровья или слабости, нуждаются въ подкрѣпленіи силъ, но не имѣютъ возможности проводить лѣто за городомъ». Какъ это практиковалось Комитетомъ и прежде, и Общество будетъ принимать на школьныя дачи дѣтей въ возрастѣ отъ 9 до 14 лѣтъ и не иначе, какъ по ходатайству начальниковъ учебныхъ заведеній. Впрочемъ, въ видѣ исключенія, съ разрѣшенія совѣта Общества, будутъ дѣлаться исключенія изъ правила о возрастѣ и приниматься воспитанники и старше установленнаго возраста.

Дачи, такъ-же какъ и теперь, будутъ устраиваться отдѣльно для мальчиковъ и дѣвочекъ, и притомъ не по сосѣдству.

Въ составъ Общества войдутъ: 1) *почетные* члены, сдѣлавшіе крупныя пожертванія на дѣло Общества, 2) *дѣйствительные*, съ ежегоднымъ взносомъ въ 25 р. с., или единовременнымъ въ 500 р. и 3) *соревнователи*, сдѣлавшіе меньшій взносъ или обѣщавшіе Обществу содѣйствіе личною дѣятельностью. Необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе относительно дѣйствительныхъ членовъ Общества. Таковыми, согласно уставу, могутъ быть и учрежденія: учебныя, воспитательныя, благотворительныя и др., имѣющія попеченіе о дѣтяхъ. Ихъ представляютъ начальники этихъ заведеній или ихъ полномочные, которымъ и предоставляются всѣ права дѣйствительныхъ членовъ Общества. Несомнѣнно, что это распространеніе на учебныя заведенія права поступать въ число членовъ привлечетъ большинство ихъ къ участию въ Обществѣ и дастъ ему энергичный толчокъ къ дальнѣйшему поступательному развитію, особенно-же отзовется на приращеніи его средствъ. Послѣднія, по уставу, образуются: а) изъ единовременныхъ и ежемѣсячныхъ взносовъ членовъ Общества, б) изъ ежегодныхъ и единовременныхъ отчисленій изъ спеціальныхъ средствъ заведеній, г) изъ доходовъ отъ спектаклей, концертовъ, базаровъ и т. п. и д) изъ сборовъ по книжкамъ, выдаваемымъ отъ совѣта Общества его членамъ. Общество состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія и устраиваемыя имъ дачи находятся подъ наблюденіемъ начальства Петербургскаго учебнаго округа *наравнѣ съ частными учебными заведеніями*. Завѣдываніе дѣлами Общества будетъ возложено на совѣтъ и общее собраніе, а ближайшее наблюденіе за каждою дачею поручится особому попечителю или попечительницѣ; непосредственный-же надзоръ, подобно тому, какъ это ведется теперь, — особымъ воспитателю или воспитательницѣ съ помощниками.

Желаніе привлечь къ активному участию въ дѣлахъ и управленіи Общества учебныя заведенія побудило составителей устава внести

параграфъ, на основаніи котораго представители отъ учебныхъ заведеній, въ числѣ двухъ лицъ, входятъ обязательно въ составъ совѣта. Члены совѣта избираются общимъ собраніемъ и утверждаются въ своемъ званіи попечителемъ учебнаго округа.

Мы представили сравнительный очеркъ того, что сдѣлано на Западѣ и у насъ въ вопросѣ устройства лѣтнихъ школьныхъ колоній. Это сравненіе убѣждаетъ насъ, что если мы и отстали отъ Западной Европы въ разсматриваемомъ явленіи жизни въ количественномъ отношеніи, то не уступаемъ ей въ качественномъ. И этимъ положеніемъ мы обязаны преимущественно Комитету по устройству школьныхъ дачъ, который съ такою честью сходитъ съ поприща дѣятельности, уступая мѣсто новому Обществу. Разсматривая-же дѣятельность Комитета безотносительно, мы должны, сверхъ того, признать ее явленіемъ въ высшей степени отраднымъ въ жизни нашего общества еще вотъ съ какой стороны. Фактъ этой дѣятельности доказываетъ съ наглядною убѣдительною, что и у насъ, при извѣстной энергіи, настойчивости и умѣньи, а главное—любви къ дѣлу, можно создать и вести видное общественное предпріятіе, и притомъ безъ всякихъ субсидій. Мы не сомнѣваемся, что десятилѣтняя плодотворная дѣятельность Комитета будетъ имѣть огромное общественно-воспитательное значеніе, вызоветъ себѣ подражаніе, такъ что и у насъ въ разныхъ частяхъ нашего обширнаго отечества образуются кружки хорошихъ, энергичныхъ людей, которые сумѣютъ привлечь общественное вниманіе къ такому прекрасному дѣлу, какимъ, безспорно, является устройство лѣтнихъ школьныхъ колоній.

Н. Арпьевъ.

Необходимость устройства особых курсовъ при учебныхъ заведеніяхъ для обученія заикающихся воспитанниковъ правильной рѣчи.

До послѣдняго времени статистика заиканія была въ совершенномъ забвеніи. Правда, Коломба (Colombat) во Франціи еще въ 1840 году опубликовалъ статистику, въ которой было вычислено число заикающихся для всего земнаго шара; но, основываясь въ значительной степени на фантазіи ея составителя, эта статистика можетъ имѣть въ настоящее время лишь историческій интересъ. Шервену (Chervin) старшему принадлежитъ заслуга въ составленіи первой, вполне достовѣрной, статистики заиканія. Во Франціи, какъ и у насъ, заикающіеся въ сильной степени признаются негодными къ отбыванію воинской повинности. По порученію министра нар. проsv., Шервенъ собралъ изъ официальныхъ источниковъ всѣ относящіяся сюда свѣдѣнія и нашелъ, что за 20 лѣтъ, съ 1850—1869 годъ, освобождены отъ воинской повинности вслѣдствіе заиканія 13.215 человекъ, что составляетъ 6,32 заикъ на 1.000 новобранцевъ. На основаніи этихъ данныхъ, въ 1869 году, считая на 1.000 французовъ 6—7 заикъ, на 18.400.000 жителей мужскаго пола приходилось 116.288 заикающихся. Если къ этому числу еще прибавить 11.628 заикъ женскаго пола, то окажется, что къ концу 1869 года во Франціи было всего 127.916 заикающихся.

Въ Англіи статистикой заиканія занимались Шельдхемъ и Гэнтъ (Shuldham и Hunt); послѣдній нашелъ, что тамъ приходится на 1.000 человекъ 3 заикающихся и что въ 1869 году въ одномъ Лондонѣ было 6.000 заикъ.

Изъ медицинскихъ отчетовъ по итальянской арміи за 1884 годъ видно, что изъ числа 320.745 явившихся къ призыву новобранцевъ забракованы 183 человекъ вслѣдствіе заиканія, что составляетъ одного заика на 1.889 человекъ. Въ 1885 году изъ числа 340.038 новобранцевъ забраковано по той-же причинѣ 180 человекъ, что составляетъ одного заика на 1.753 человекъ.

Въ Австріи Коэнъ (Соён) вычислилъ, что на 2.000 жителей приходится одинъ заика; по этому автору, въ Вѣнѣ 3.000 заикающихся, въ Будапештѣ 2.000, а въ Прагѣ и Львовѣ по 1.000.

Въ Германіи также только въ послѣднее время обращено вниманіе на статистику заиканія. Общей статистики тамъ и теперь еще нѣтъ, но педагоги въ послѣдніе годы принялись за это дѣло съ большою энергіей, такъ что въ настоящее время вопросъ о распространеніи заиканія среди учащихся слѣдуетъ признать тамъ наиболѣе разработаннымъ. По вычислениямъ доктора Беркана, число заикающихся дѣтей въ городскихъ училищахъ гор. Брауншвейга составляетъ 0,77% всѣхъ учащихся. Въ городскихъ школахъ Берлина изъ 155.000 учащихся оказалось 1.550 заикъ, что составляетъ 1%. Предприимчивая училищнымъ инспекторомъ Бутскинымъ (Boodskin) статистика дала на 18.500 дѣтей, учащихся въ городскихъ училищахъ Эльберфельда, 220 заикающихся, что составляетъ 1,19%.

Но краснорѣчивѣе всего говоритъ статистика Р. Денгардта, такъ какъ она обнимаетъ заикъ, найденныхъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ городовъ Германіи и Швейцаріи, имѣющихъ 15.000 и болѣе жителей. Онъ нашелъ среди 814.833 дѣтей обоего пола 8.248 заикъ, что составляетъ болѣе 1%. Если-же считать однихъ мальчиковъ, то изъ 361.052 учениковъ заикалось 6.002, т.-е. 1,66%.

У насъ, въ Россіи, статистикой заиканія занимался профессоръ Сикорскій и опубликовалъ свою работу въ изданной имъ въ 1887 г. прекрасной книгѣ «О заиканіи». Пользуясь отчетами медицинскаго департамента за 1876—1882 годы, профессоръ Сикорскій по способу Шервена вычислилъ процентное содержаніе на тысячу по губерніямъ, и оказалось, что среднее число заикающихся составляетъ 1,20 на 1.000 призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности, или одного заика на 833 человѣка. Кромѣ того, профессоръ Сикорскій собралъ еще статистическій матеріалъ въ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ Главному управленію военно-учебныхъ заведеній, въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и пріютахъ вѣдомства Императрицы Маріи и, наконецъ, въ городскихъ начальныхъ училищахъ столицы. Изъ 22.878 дѣтей обоего пола онъ нашелъ 360, страдающихъ заиканіемъ; слѣдовательно, на каждую тысячу здоровыхъ дѣтей приходится 15,73 заикающихся.

Имѣя въ виду эти цифры, мнѣ кажется, не будетъ большой ошибки, если мы, вмѣстѣ съ Коэнномъ, примемъ, что въ Россіи приходится одинъ заика на 800 человѣкъ; слѣдовательно, на 114.614.294 жителя Россіи не менѣе 143.268 заикающихся.

Не доказываютъ-ли всё эти цифры, что существуетъ настоящая необходимость для ограниченія столь сильнаго распространенія заиканія? Мнѣ кажется, что въ этомъ не можетъ быть сомнѣнiя и вопросъ лишь въ томъ: кому помочь и какъ помочь?

Вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы даетъ намъ собранный въ послѣднее время статистическiй материалъ, касающiйся преимущественно школы. Не желая болѣе утомлять читателя цифрами, я приступаю прямо къ изложенiю выводовъ.

Оказывается, что заиканiе начинается всегда въ раннемъ дѣтствѣ, а именно, какъ говоритъ профессоръ Сикорскiй, половина всѣхъ случаевъ заиканiя совпадаетъ съ развитiемъ фонетики и символики рѣчи; $\frac{9}{10}$ всѣхъ случаевъ заиканiя падаетъ на тотъ періодъ, когда развитiе рѣчи еще не окончено, и $\frac{1}{10}$ на дальнѣйшее время. Отсюда ясно, что на первомъ планѣ въ борьбѣ съ заиканiемъ, какъ и съ другими разстройствами рѣчи, должна стоять разумная профилактика. вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется и та роль, которую должны принять на себя родители, воспитатели и преподаватели *).

*) См. мою статью: «Разстройства рѣчи и борьба противъ нихъ въ школѣ». «Р. Нач. Учит.» 1891 г., № 12.

Резюмируемъ главнѣйшiя положенiя, касающiяся профилактики заиканiя. Въ семьѣ, гдѣ ребенокъ выучивается говорить, обыкновенно мало обращаютъ вниманiя на отчетливое и правильное произношенiе словъ, вслѣдствiе чего случается, что дѣти, поступаая въ школу, говорятъ очень скверно. Если въ такихъ случаяхъ преподаватель не сдумѣетъ или не пожелаетъ исправить эти недостатки, то у дѣтей, предрасположенныхъ къ разнымъ разстройствамъ рѣчи, такковыя развиваются съ большою легкостью; въ особенности это относится къ заиканiю, такъ какъ школа, сама по себѣ, представляетъ весьма благопрiятную почву для развитiя этого разстройства рѣчи. Между тѣмъ, въ началѣ, при первомъ появленiи этихъ недостатковъ, легко бороться съ ними. Первоначальное обученiе даетъ вполнѣ подходящiй для этой борьбы материалъ, а органы рѣчи обладаютъ еще большою гибкостью, недостатки еще такъ мало вкоренились, что, при умѣломъ обращенiи преподавателя, они, могутъ быть легко исправлены. Но при этомъ необходимо, чтобы преподаватель, кромѣ добраго желанiя, обладалъ элементарными свѣдѣнiями изъ физиологiи рѣчи и хотя-бы въ общихъ чертахъ былъ знакомъ со свойствами разстройствъ рѣчи и въ особенности заиканiя.

При обученiи чтенiю и рѣчи преподавателю слѣдуетъ обратить особенное вниманiе на совершенно ясное и отчетливое произношенiе, а также слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти выражали свои мысли ясно, отчетливо и правильно. Для достиженiя хорошаго результата въ этихъ упражненiяхъ необходимо, чтобы самъ учитель говорилъ вполнѣ правильно и могъ-бы служить образцомъ для своихъ учениковъ. Кромѣ того, слѣдуетъ приучить ученика всегда обдумывать то, что онъ хочетъ сказать. Если фраза построена въ умѣ вполнѣ правильно, то ученикъ долженъ вдохнуть воздухъ и тотчасъ-же начать рѣчь, расходуя воздухъ

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду обсудить мѣры противъ уже вполне развившагося заиканія, которое встрѣчается преимущественно у учащихся въ среднихъ школахъ, и тутъ намъ важно знать, какое вліяніе вообще школа оказываетъ на заикающихся. Уже Шультесъ (въ 1830 году) говорилъ, что въ дѣтскомъ возрастѣ посѣщеніе школы, если не вызываетъ само по себѣ заиканія, то, по крайней мѣрѣ, поддерживаетъ и усиливаетъ существующее; статистика въ настоящее время неопровержимо доказала справедливость наблюденія этого ученаго. Теперь доказано даже, — между прочимъ, и

экономично и равномерно, произнося всѣ гласные звуки громко, энергично, сначала нѣсколько протяжнѣе, чѣмъ въ обыкновенной рѣчи, и сливая ихъ между собою. Доброкачество рѣчи заключается именно въ энергичномъ произношеніи гласныхъ звуковъ и сливаніи ихъ между собою; согласные-же звуки должны произноситься чуть слышно, такъ какъ они сами по себѣ не имѣютъ значенія, а происходятъ отъ различныхъ положеній органовъ рѣчи, которые, образуя въ соответственныхъ мѣстахъ препятствія или затворы, измѣняютъ звучащую струю воздуха, происходящую отъ сливанія гласныхъ звуковъ, и придаютъ ей тотъ или другой характеръ, но не должны нарушать непрерывности звуковаго тока воздуха. Такая слитная, плавная рѣчь съ преобладаніемъ фонаціи надъ артикуляціей исключаетъ излишнее напряженіе въ органахъ рѣчи, и потому вполне предохраняетъ отъ заиканія. На этомъ основано важное правило для заикающихся: произносить всегда фразу какъ одно слово, т.-е. сливая окончаніе предыдущаго слова съ началомъ послѣдующаго, и притомъ говорить медленно, энергичнымъ, полнымъ и нѣсколько пониженнымъ голосомъ.

Этотъ способъ рѣчи учитель долженъ усвоить себѣ практически на столько, чтобы онъ могъ, безъ многихъ теоретическихъ разъясненій, показать его ученику на собственномъ примѣрѣ. Для того, чтобы результатъ былъ благоприятный и при уже отчасти развившемся заиканіи, необходимо ученику совѣтовать ежедневно дома производить слѣдующія упражненія:

1) Вдохнуть воздухъ и выпускать его совершенно плавно, равномерно и какъ можно дольше (10 разъ). Такое выдыханіе составляетъ необходимое условіе для рѣчи.

2) Вдохнуть воздухъ, задержать его на секунду, и тогда выдохнуть какъ въ первомъ случаѣ, но произнося при этомъ гласную *a* протяжно, равномерно и какъ можно дольше. Также поступать съ гласными: *o*, *y*, *и*, *i*, *э* (по 1 разу).

4) Читать отрывокъ изъ книги (5—10 строкъ) или произносить наизусть совершенно медленно и слитно, нараспѣвъ.

5) Иногда при чтеніи поступать такъ: вдохнуть воздухъ и произнести фразу шёпотомъ; потомъ снова вдохнуть и читать громко. Такъ можно иногда и разказать что-нибудь.

Рѣшившись приступить къ исправленію заиканія у своихъ учениковъ, учитель долженъ, для облегченія своей задачи и обеспеченія наилучшаго результата, непременно извѣстить о своемъ намѣреніи родителей учениковъ и дать имъ соответственныя указанія.

проф. Сикорскимъ,—что школа не только поддерживаетъ уже существующее заиканіе, но и прямо располагаетъ къ заболѣванію вновь.

Такимъ образомъ, заболѣвая до поступленія въ школу, заика въ послѣдней находитъ благопріятную почву для развитія своего недостатка, а только расположенный къ этому заболѣванію заболѣваетъ въ школѣ вновь, и насъ поэтому не можетъ удивить то обстоятельство, что главный контингентъ заикающихся, какъ доказываютъ введенныя мною цифры, составляютъ именно учащіеся.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ, что, кромѣ разумной профилактики въ семьѣ, только одна школа можетъ помочь этому дѣлу, а слѣдовательно, она и должна взять на себя инициативу въ предупрежденіи развитія заиканія и въ борьбѣ съ уже развившимся заиканіемъ у своихъ воспитанниковъ.

Въ виду этого: 1) для предупрежденія появленія заиканія вновь, а также дальнѣйшаго развитія уже существующаго заиканія, преподаватели и воспитатели должны быть, хотя въ общихъ чертахъ, ознакомлены съ мѣрами предупрежденія и устраненія этого недостатка, и 2) для устраненія уже вполне развившагося заиканія должны быть при учебныхъ заведеніяхъ устраиваемы особые временные курсы, подъ руководствомъ основательно изучившихъ это дѣло преподавателей, въ которыхъ заикающіеся воспитанники научались-бы правильно владѣть своими органами рѣчи.

Что касается профилактики и вообще приемовъ, которыми долженъ пользоваться преподаватель для предупрежденія развитія заиканія и другихъ расстройствъ рта, то объ этомъ мы уже сказали кратко въ примѣчаніи къ настоящей статьѣ, а потому прямо приступимъ къ подробному разсмотрѣнію условій устройства курсовъ. Предварительно, однако, считаемъ неизлишнимъ познакомить съ тѣмъ, что уже достигнуто въ этомъ отношеніи за границею.

Начиная съ 1886 года, главнымъ образомъ благодаря стараніямъ талантливыхъ специалистовъ по расстройствамъ рѣчи—Гуцмановъ, отца и сына, въ разныхъ городахъ Германіи при учебныхъ заведеніяхъ стали открывать особые курсы для леченія заикающихся учениковъ. Опыты удалась какъ нельзя лучше, вслѣдствіе чего въ настоящее время въ Германіи повсюду замѣчается энергическое стремленіе введеніемъ подобныхъ курсовъ противодѣйствовать распространенію расстройствъ рѣчи среди учащейся молодежи. Нѣкоторые руководители этихъ курсовъ опубликовали, засвидѣтельствованные правительственными комиссіями, отчеты о результатахъ своихъ занятій. Эти отчеты, обнимающіе по настоящее время число въ 481 учен., составляютъ

пока единственный достовѣрный статистическій матеріалъ по занимающему насъ вопросу. На каждый курсъ приходилось по 6—12 учениковъ, которымъ давалось въ продолженіи 4 мѣсяцевъ около 100 уроковъ, по 1—1¹/₂ часа каждый. Руководили курсами преподаватели, которые, въ большинствѣ случаевъ, по распоряженію училищнаго начальства, предварительно отправлялись въ Берлинъ—въ поликлинику Гудмана, гдѣ имъ въ продолженіи 6 недѣль читались лекціи по физиологіи рѣчи и гдѣ они практически знакомились съ методомъ леченія заиканія. Что подобная мѣра удовлетворяетъ своему назначенію, показываютъ полученные результаты.

Изъ вышеупомянутыхъ 481 ученика, 377 совершенно вылечены (78⁰/₀); значительно поправилась 77 (16⁰/₀), а совершенно безъ успѣха занимались всего 27 учениковъ (6⁰/₀).

Такой громадный процентъ выздоровѣвшихъ доказываетъ, что преподаватели съ похвальной энергіей и съ достаточнымъ умѣньемъ взялись за свое трудное дѣло. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ свидѣтельствуется и о томъ сочувствіи, съ которымъ отнеслось къ организациіи этихъ курсовъ какъ училищное, такъ и высшее учебное начальство.

Вышеприведенные факты доказываютъ также, что дѣло врачеванія заикающихся въ Германіи обставлено вообще хорошо, но все-таки и тамъ руководители жалуются на малое сочувствіе къ нему со стороны преподавателей, врачей и родителей.

У насъ, въ Россіи, почва для этого дѣла совершенно еще не подготовлена. Педагоги до сихъ поръ имъ вовсе не интересуются и въ случаѣ надобности отсылаютъ своихъ заикающихся воспитанниковъ къ врачамъ, которые также въ большинствѣ случаевъ отказываются помочь, ограничиваясь стереотипнымъ: «будьте спокойны, со временемъ все пройдетъ». Вслѣдствіе этого открывается широкое поле дѣятельности для всякаго рода шарлатановъ, и этимъ можно отчасти извинить то непростительное въ сущности равнодушіе, съ которымъ даже интеллигентные родители относятся у насъ къ вполне устранимымъ недостаткамъ своихъ дѣтей. Только путемъ широкаго распространенія въ публикѣ правильнаго взгляда на современные способы устранинія разстройствъ рѣчи и на достигаемые этими способами результаты мы можемъ надѣяться мало-по-малу поборотъ недовѣріе и равнодушіе со стороны лицъ, такъ или иначе имѣющихъ отношеніе къ этому дѣлу.

Мы очень склонны, часто безъ всякой надобности, подражать нашимъ западнымъ сосѣдямъ; послѣдуемъ-же имъ въ дѣлѣ, которое для насъ дѣйствительно полезно и даже необходимо. Воспользуемся добытыми практически результатами, насколько они примѣнимы къ на-

шимъ порядкамъ и обычаямъ, но постараемся при этомъ избѣгнуть той рутинной педантичности, которая и въ этомъ дѣлѣ проглядываетъ въ дѣятельности нѣмцевъ. Пора начать работать, но работать самостоятельно. Мы имѣемъ на это право, такъ какъ вопросъ о заиканіи у насъ разработанъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Русскому ученому принадлежитъ заслуга въ составленіи самага полнаго и лучшаго труда о заиканіи:—я говорю о книгѣ профессора Сикорскаго, о которой уже не разъ упоминалось выше.

Приступимъ теперь къ описанію устройства самыхъ курсовъ. По нашему мнѣнію, они могутъ быть организованы при нашихъ учебныхъ заведеніяхъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ распоряженіе завѣдывающаго курсомъ преподавателя представляется отдѣльная классная комната, въ которой въ опредѣленные часы собираются назначенные для прохожденія курса воспитанники.

2) Можно принять за норму четырехмѣсячный курсъ занятій. Въ первое время занятія должны производиться ежедневно и по возможности по утрамъ, когда ученики еще не утомлены дневными занятіями. Полезно производить занятія въ началѣ даже два раза въ день: утромъ и вечеромъ. Когда они производятся одинъ разъ въ день, то необходимо, чтобы пансіонеры собирались еще разъ минутъ на 20—для вторичнаго производства упражненій дыханія и голоса. Приходящимъ ученикамъ даются соотвѣтствующія указанія для производства этихъ вторичныхъ упражненій на дому *).

Ста уроковъ, по 1½—2 часа каждый, можно считать вполне достаточнымъ. На первый мѣсяцъ назначаютъ, примѣрно, 26 уроковъ, на второй—24, на третій и четвертый по 20, а 10 уроковъ остаются

*) Отнимать у учащихся отъ 150—200 часовъ въ теченіе учебнаго курса едва-ли возможно безъ нарушенія интересовъ послѣдняго, тѣмъ болѣе, если занятіямъ съ заикающимися, по совѣту автора, пришлось-бы посвящать утренніе часы; послѣднее, впрочемъ, при правильномъ веденіи учебныхъ занятій въ школѣ, и немислимо. Кромѣ того, учебное время неудобно еще потому, что, какъ справедливо авторъ замѣчаетъ ниже, «заика, уже научившійся при извѣстной обстановкѣ говорить плавно, попадая въ другую, смущающую его, обстановку, напр., въ классъ, гдѣ онъ всегда привыкъ заикаться, и т. д.—легко можетъ впасть въ прежній свой недостатокъ». Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, по нашему мнѣнію, было-бы цѣлесообразнѣе—или воспользоваться другимъ предложеніемъ автора, а именно вести обученіе заикающихся въ теченіе лѣтняго каникулярнаго времени, соединяя для сего заикъ одинаковаго возраста изъ нѣсколькихъ учебныхъ заведеній въ особая колоніи, или-же, если ужъ производить названное обученіе въ теченіе учебнаго курса, то освободить заикъ отъ посѣщенія классовъ вовсе, предоставляя родителямъ восполнить образующійся такимъ образомъ пробѣлъ въ учебныхъ занятіяхъ дѣтей занятіями съ ними на дому.

Ред.

еще въ запасѣ — на занятія съ отсталыми или на повторительный курсъ, если таковой потребуется. Если по какимъ-нибудь обстоятельствамъ невозможно будетъ ежедневно собирать учащихся для занятій, то можно ограничиться и 2 — 3 уроками въ недѣлю, но въ такомъ случаѣ необходимо будетъ производить эти занятія въ продолженіи всего учебнаго года. Къ такому способу, однако, слѣдуетъ прибѣгать лишь въ крайности, такъ какъ съ растягиваніемъ занятій на долгое время неизбѣжно отсрочивается тотъ моментъ, когда каждый ученикъ, самъ замѣчая улучшеніе въ своей рѣчи, начнетъ сознавать всю выгоду производимыхъ имъ упражненій. Подобное сознаніе не можетъ не повліять ободряющимъ образомъ на учениковъ и мы, слѣдовательно, теряемъ въ первое, самое трудное время обученія важный и необходимый стимулъ для возбужденія энергіи ученика. Въ виду этого считаю совершенно необходимымъ, чтобы и при такомъ способѣ обученія, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи одной недѣли занятія производились ежедневно.

3) На каждый курсъ одновременно можетъ быть назначено до 6 учениковъ, но при этомъ желательно, чтобы избранные ученики были, приблизительно, одного возраста, такъ какъ матеріаломъ для упражненій въ чтеніи, разсказѣ и разговорѣ, для облегченія ихъ труда, должны служить заданные уроки.

Если это будетъ невозможно, то слѣдуетъ учениковъ раздѣлить, по ихъ учебной подготовкѣ, на нѣсколько партій, чтобы при упомянутыхъ упражненіяхъ хотя въ каждой партіи пользоваться однимъ и тѣмъ-же матеріаломъ.

4) Кромѣ имѣющихся у воспитанниковъ учебныхъ книгъ, никакихъ пособій приобрѣтать не нужно. Но полезно было-бы, въ особенности при занятіяхъ съ учениками старшихъ классовъ, для ознакомленія ихъ съ устройствомъ и отправленіемъ аппарата рѣчи, руководителю курса имѣть подъ рукою модели по анатоміи и физиологіи человѣка, какъ-то: торсъ человѣка, маску съ открытымъ ртомъ, легкія съ разборнымъ сердцемъ и гортанью и т. п.

5) Открытіе курса должно производиться комиссіей, которая выбираетъ воспитанниковъ и вноситъ въ протоколъ точное описаніе найденныхъ разстройствъ рѣчи. Въ составъ этой комиссіи непременно долженъ входить училищный врачъ, который подвергаетъ каждому воспитанника тщательному медицинскому изслѣдованію. Желательно, чтобы при этомъ присутствовали и родственники воспитанниковъ и всѣ преподаватели учебнаго заведенія. Всѣ эти лица должны

собираются вновь по окончаніи курса—для засвидѣтельствванія полученныхъ результатовъ.

б) Безъ сомнѣнія, успѣхъ этихъ курсовъ будетъ болѣе всего обезпеченъ въ интернатахъ, такъ какъ распредѣленіе занятій тамъ можетъ быть произведено гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ при занятіяхъ съ приходящими учениками; кромѣ того, въ высшей степени благоприятно должно отразиться на успѣхѣ то обстоятельство, что ученики во все время виѣ уроковъ находятся подъ присмотромъ воспитателя, и, наконецъ, въ интернатахъ вполне обезпечено правильное посѣщеніе учениками уроковъ, что при другихъ условіяхъ встрѣчаетъ большія препятствія. При назначеніи приходящихъ учениковъ необходимо предварительно заpastись письменными ручательствами ихъ родителей или опекуновъ относительно правильнаго посѣщенія учениками уроковъ.

Начиная съ 1882 года, въ разныхъ мѣстахъ Россіи были устраиваемы лѣтнія колоніи для бѣдныхъ и слабыхъ здоровьемъ учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведеній. Имѣя въ виду, что всѣ запки отличаются большою застѣчивостью, робостью и впечатлительностью, и потому легко приходятъ въ смущеніе и теряютъ необходимое для произношенія рѣчи самообладаніе, что они, слѣдовательно, всегда въ болышей или меньшей степени страдаютъ нервною раздражительностью, было-бы весьма желательно, чтобы такіа дѣти, по преимуществу, назначались въ лѣтнія колоніи, гдѣ они, на свободѣ и необремененныа умственными занятіями, при несравненно лучшихъ санитарныхъ условіяхъ, чѣмъ въ городѣ, могли-бы подъ соотвѣтственнымъ руководствомъ обучаться правильной рѣчи.

Что касается метода обученія, то, не имѣя возможности въ настоящей статьѣ входить въ подробности, я замѣчу лишь, что самое лучшее, если руководитель будетъ знакомъ со всѣми приемами устраниенія заиканія. Тогда онъ, сообразовываясь съ индивидуальностью каждаго воспитанника, будетъ имѣть возможность пользоваться тѣми приемами, которые данному случаю болѣе всего соотвѣтствуютъ. Но, конечно, тутъ, при совмѣстномъ обученіи, часто придется давать предпочтеніе тѣмъ приемамъ, при которыхъ одновременно могутъ принять участіе по возможности всѣ ученики.

Если при очерченной постановкѣ дѣла руководитель курса, при наличности достаточныхъ спеціальныхъ познаній, отнесется къ своему далеко нелегкому дѣлу вполне добросовѣстно, то успѣхъ не замедлитъ его богато вознаградить за потраченный трудъ. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что воспитанники, уже научившіеся болѣе или менѣе правильно владѣть своими органами рѣчи, въ отсутствіи своего

руководителя часто еще не будутъ умѣть примѣнять необходимыя правила рѣчи. Вслѣдствіе этого, для достиженія скорыхъ и прочныхъ результатовъ, необходимо заручиться сочувствіемъ къ этому дѣлу стороны преподавателей воспитанниковъ и дать имъ соотвѣтствующія указанія. Послѣднія въ своихъ деталяхъ будутъ, конечно, зависѣть отъ тѣхъ пріемовъ, которыми руководитель курса по преимуществу пользуется при своемъ обученіи. Занимаясь въ одномъ изъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній съ нѣкоторыми учениками, я, для удовлетворенія этого необходимаго условія, предложилъ преподавателямъ нижеслѣдующія указанія, какъ имъ должно относиться къ ученикамъ, участвующимъ въ курсахъ для устраненія заиканія. Цѣль подобныхъ курсовъ: различными упражненіями пріучить учениковъ свободно и правильно владѣть органами рѣчи, укрѣпить въ нихъ силу воли и вселить увѣренность въ свое умѣнье говорить. Въ зависимости отъ индивидуальности учениковъ, ихъ отношенія къ упражненіямъ, а также степени и свойства заиканія, при современныхъ способахъ устраненія этого недостатка черезъ болѣе или менѣе продолжительное время дѣйствительно достигается тотъ результатъ, что ученики-заики научаются совершенно свободно владѣть органами рѣчи, но при этомъ для большинства совершенно необходимо, по крайней мѣрѣ въ началѣ, соблюдать извѣстныя правила рѣчи.

Почти всѣ заики отличаются чрезмѣрною живостью и пылкостью фантазій, при чрезвычайной, вмѣстѣ съ тѣмъ, застѣнчивости, робости и впечатлительности, обуславливающихъ, въ свою очередь, частое смущеніе и неровность въ расположеніи духа. Смущеніе это, главнымъ образомъ, обнаруживается, если заикѣ приходится говорить въ присутствіи постороннихъ лицъ или другихъ, стѣсняющихъ его, обстоятельствахъ. Но разъ это такъ, то весьма естественно, что бывшій заика, уже научившійся при извѣстной обстановкѣ говорить плавно, попадая въ другую, смущающую его обстановку, напр., въ классъ, гдѣ онъ привыкъ всегда заикаться и гдѣ имъ могутъ овладѣть непріятныя впечатлѣнія и даже страхъ, обусловленные воспоминаніями прежнихъ пароксизмовъ заиканія, легко можетъ растеряться, и такимъ образомъ, не будучи въ состояніи соблюдать необходимыя правила рѣчи, впасть въ прежній свой недостатокъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что для окончательнаго искорененія заиканія совершенно необходимо участіе преподавателя и воспитателя. Они должны внушить такому ученику довѣріе къ самому себѣ, возбудить въ немъ бодрость духа и искоренить въ немъ сомнѣнія и страхъ, приводящіе его въ смущеніе.

Въ виду вышензложеннаго, слѣдуетъ помнить слѣдующее: 1) Въ

обращеніи съ заикающимся ученикомъ необходимо быть ласковымъ и терпѣливымъ; 2) товарищи не должны заика дразнить; вообще, при могущихъ встрѣтиться недоразумѣніяхъ въ рѣчи онъ не долженъ подвергаться насмѣшкамъ какъ въ классѣ, такъ и внѣ класса; 3) никто не долженъ говорить ученику объ его недостаткѣ, а наоборотъ, слѣдуетъ по возможности отвлекать отъ него его вниманіе и, исправляя встрѣчающіяся неправильности рѣчи, не придавать таковымъ значенія; 4) при всѣхъ вопросахъ давать ученику достаточно времени для обдумыванія отвѣта и позволять ему говорить лишь тогда, когда фраза совершенно правильно построена въ умѣ; 5) наблюдать, чтобы ученикъ, исполнивъ предъидущее условіе, вдохнулъ воздухъ, и тотчасъ-же началъ говорить, расходуя воздухъ экономично и равномерно, выговаривая каждый слогъ, въ особенности начала и окончанія словъ, отчетливо и ясно, но медленно и сливая слова между собою, такъ чтобы вся фраза выговаривалась какъ одно слово, т.-е. чтобы начало послѣдующаго слова сливалось съ концомъ предъидущаго. При этомъ чрезвычайно важно, чтобы рѣчь начиналась тотчасъ послѣ выдыханія, т.-е. чтобы между выдыханіемъ и выдыханіемъ не было паузы (смыканія голосовыхъ связокъ), а это возможно лишь при предварительной тщательной подготовкѣ каждой фразы въ умѣ (п. 4); 6) не слѣдуетъ упускать изъ виду, что заика, уже выучившійся хорошо говорить, будетъ сильно заикаться, когда не знаетъ своего урока, и это, во-первыхъ, потому, что онъ будетъ въ смущеніи и, во-вторыхъ, потому, что не будетъ въ состояніи выполнить необходимое условіе—приготовленіе въ умѣ правильно составленной фразы. Если встрѣтится сомнѣніе въ этомъ случаѣ, то самое лучшее—предложить ученику написать урокъ на доскѣ—и вопросъ тотчасъ-же выяснится; 7) особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на медленность рѣчи. Здоровый человѣкъ совершаетъ всѣ движенія при рѣчи автоматически, въ силу долготной практики. Устраненіе-же заиканія основано на томъ, что заика соответственными упражненіями научаютъ, вмѣсто бесполезной и неправильной затраты силы при разговорѣ, сознательно выбирать соответствующія мышцы и экономически и цѣлесообразно расходовать силу. Онъ, слѣдовательно, научается владѣть рефлексами, подчиняя ихъ осмысленнымъ мотивамъ. Всѣ рѣчевыя движенія должны у бывшаго заика находиться подъ строгимъ контролемъ его воли до тѣхъ поръ, пока новый способъ рѣчи ему не войдетъ въ кровь и плоть, т.-е. пока онъ не привыкнетъ къ этимъ движеніямъ настолько, что его аппаратъ рѣчи будетъ работать совершенно правильно и безъ этого контроля (автоматически), какъ это бываетъ у здоровыхъ лю-

дей. Но всякая непривычная и, притомъ, сложная работа въ началѣ не можетъ быть правильно произведена иначе, какъ совершенно медленно. Отсюда ясно, какъ важна неутвердившемуся еще вполне въ новомъ способѣ рѣчи заикѣ медленная рѣчь. Притомъ, воспримчивый и впечатлительный отъ природы, онъ весьма склоненъ къ подражанію скорой рѣчи окружающихъ его здоровыхъ лицъ. Въ послѣднемъ случаѣ ему, конечно, легко можетъ не удасться согласовать довольно сложныя движенія при актѣ рѣчи, и его несостоятельность тогда выразится сначала въ видѣ спотыканія на словахъ, которое, при необращеніи на него должнаго вниманія, можетъ вызвать и заиканіе въ той-же степени, какъ оно было раньше; 8) если встрѣчаются затрудненія въ рѣчи, то нужно ученику подсказать соотвѣтствующія слова; 9) въ началѣ, когда ученикъ еще не утвердился въ новомъ способѣ рѣчи, слѣдуетъ еще рѣже спрашивать, но впослѣдствіи, когда онъ приобрѣлъ достаточный навыкъ, слѣдуетъ его чаще спрашивать и вообще предоставлять возможность много читать и говорить въ классѣ—для окончательнаго искорененія могущаго остаться въ немъ сомнѣнія въ совершенномъ обладаніи даромъ слова; 10) нужно обратить вниманіе, чтобы ученикъ говорилъ, исполняя все вышеннеложенное, совершенно свободно, безъ всякаго усилія и напряженія; 11) что касается до косноязычія, т.-е. неправильнаго выговариванія звуковъ или замѣны одного звука другимъ, то преподавателю слѣдуетъ отъ ученика, которому раньше показано—какъ поступать въ данномъ случаѣ, только настойчиво требовать правильнаго выговора.

Итакъ, вса суть заключается въ томъ, чтобы ученикъ тщательно подготовлялъ фразу, въ время вдыхалъ воздухъ и тотчасъ-же начиналъ говорить медленно, но энергично, плавно, сливая слова между собою и выговаривая каждый слогъ ясно и отчетливо. Все это легко можетъ быть показано на дѣлѣ, но чрезвычайно трудно поддается точному описанію. Въ виду этого было-бы очень желательно, чтобы преподаватели и воспитатели, интересующіеся этимъ дѣломъ, присутствовали на урокѣ, на которомъ ученикамъ-заикамъ преподаются правила рѣчи.

Э. Андреевъ.

О постановкѣ преподаванія математики въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Франціи *).

Въ одномъ изъ весепнихъ засѣданій 1890 года было внесено предложеніе о составленіи членами собранія систематическаго обзора текущей русской и иностранной учебной литературы по элементарной математикѣ. Предложеніе это было встрѣчено въ принципѣ сочувственно, и я обѣщаль въ ближайшемъ будущемъ представить подробныя соображенія объ организаціи работъ по составленію предполагаемаго мною обзора. Но я остановился передъ однимъ препятствіемъ, въ которое недостаточно вдумался раньше внесенія своего проекта и на которое, сколько я помню, никто не указывалъ. Когда я сталъ обдумывать детали организаціи, препятствіе это оказалось настолько существеннымъ, что, помимо всего другаго, я вынужденъ былъ до поры до времени отказаться отъ мысли возбуждать снова въ средѣ собранія интересовавшій меня вопросъ.

Оцѣнка учебника совѣмъ не то, что оцѣнка ученаго труда. Ученый трудъ есть, такъ сказать, международная цѣнность, это—золотая монета, которая приблизительно въ одинаковой цѣнѣ на всѣхъ рынкахъ и мало подлежитъ колебанію курса. Критеріемъ для оцѣнки ученаго труда является уровень, на которомъ стоитъ наука въ данный моментъ, и потому совершенно безразлично, въ какой странѣ и на какомъ языкѣ этотъ трудъ появился.

Учебникъ приспособленъ *не только* къ уровню науки, но въ еще большей степени къ потребностямъ извѣстной школьной системы, къ положенію предмета въ ряду другихъ предметовъ обученія въ данной странѣ. Поэтому, учебникъ нельзя оцѣнивать безотносительно — его надо брать въ связи съ той школой, для которой онъ предназначенъ. Если мы хотимъ дать правильное заключеніе объ иностранномъ учеб-

*) Читано въ засѣданіи собранія преподавателей математики въ Спб. Педагогическомъ музеѣ 5 февраля 1892 года.

никъ, мы должны быть хорошо знакомы съ потребностями той школы, для которой онъ составленъ. Мы могутъ возразить, что насъ не это интересуесть, что мы ищемъ въ учебникъ то, что пригодно для нашей школы, что отвѣчаетъ нашимъ потребностямъ, и потому можемъ оцѣнивать его съ своей точки зрѣнія. Я думаю иначе и стараюсь выяснитъ свою точку зрѣнія, изложивъ тотъ путь, который привелъ меня къ необходимости поближе присмотрѣться къ постановкѣ преподаванія элементарной математики во Франціи.

Каждый русскій, получившій математическое образованіе, воспитался на французскихъ учебникахъ. Это справедливо, по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ, кто получилъ образованіе въ Спб. университетѣ. Каждый изъ насъ дополнял свои свѣдѣнія въ элементарной математикѣ по учебникамъ Руше и Комберусса, Бертрана и Серре. По высшей математикѣ мы пользовались только французской учебной литературой. Кончая курсъ, мы приступали къ преподаванію съ убѣжденіемъ, что лучшіе учебники — французскіе; тѣ авторы, которыхъ я перечислилъ выше, являлись нашими руководителями, если не руководствами для нашихъ учениковъ. Сочиненіе Дюгамеля «Des méthodes dans les sciences de raisonnement» имѣло большое вліяніе на русскихъ преподавателей, интересовавшихся вопросами преподаванія. У насъ есть хорошій учебникъ алгебры—Гутора, составленный по плану Дюгамеля. Наши учебники, составленные профессорами, начиная съ Буняковского, суть учебники французской школы. Въ послѣднее время убѣжденіе въ превосходствѣ французскихъ учебниковъ нашло новое практическое выраженіе въ переводѣ ариѳметики и алгебры Бертрана и геометріи Руше на русскій языкъ съ прямымъ предназначеніемъ ихъ для гимназій и реальныхъ училищъ.

Когда я сталъ подробно обдумывать:—какъ-же оцѣнивать учебники упомянутыхъ авторовъ и цѣлую серію имъ подобныхъ, я наткнулся именно на то затрудненіе, о которомъ упомянулъ вначалѣ. Лучшихъ книгъ по различнымъ частямъ элементарной математики, чѣмъ выше-названныя и нѣкоторыя другія, близко къ нимъ подходящія, я лично не знаю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ преподаватель, я думаю, что ни одна изъ этихъ книгъ не можетъ быть учебникомъ для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Я думаю, что эти прекрасныя книги, такъ сказать, не по головамъ нашихъ учениковъ. Однако, вѣдь это учебники, по нимъ учатся во французскихъ школахъ, они составлены *conforme aux programmes officiels*? Въ чемъ-же дѣло? Или наши ученики значительно менѣе способны французскихъ, или мы, учителя, преподавать не умѣемъ, или, наконецъ, нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія? Вопросъ

Этотъ я ставилъ многимъ изъ своихъ почтенныхъ коллегъ, но убѣдился, что и они не имѣютъ отвѣта. Ключъ къ рѣшенію вопроса можно было-бы найти весьма простымъ способомъ: стоило только написать себѣ Plan d'études французскихъ лицеевъ и познакомиться основательно съ программой этихъ школъ. Я предпочелъ однако ознакомиться на мѣстѣ съ постановкой преподаванія, и не жалѣю о томъ, что сдѣлалъ именно такъ.

Отправляясь въ качествѣ частнаго лица, безъ всякихъ компетентныхъ полномочій, я, конечно, не могъ извлечь изъ своей поѣздки всей той пользы, которую можно было-бы извлечь при иныхъ условіяхъ; я не имѣлъ возможности такъ основательно и глубоко изучить различные вопросы, которые встрѣтились мнѣ при бѣгломъ обзорѣ, но на тотъ вопросъ, который побудилъ меня предпринять поѣздку, я получилъ отвѣтъ, вполне меня удовлетворившій. Мнѣ сильно мѣшало отсутствіе официальныхъ полномочій. Хотя французы въ высшей степени любезны и предупредительны къ намъ, хотя рекомендація многоуважаемаго К. К. Сентъ-Илера (за которую я считаю долгомъ выразить ему свою глубокую благодарность) открывала мнѣ широко двери вездѣ, куда я ни обращаюсь, но все-таки частному лицу трудно въ томъ отношеніи, что самъ стѣсняешься беспокоить людей, отнимать у нихъ время разспросами, пойти лишній разъ на урокъ и т. д. Я говорю объ этомъ съ цѣлью оправдать себя передъ собраніемъ въ тѣхъ пробѣлахъ, которые будетъ имѣть мое сообщеніе, и съ цѣлью точнѣе очертить кругъ тѣхъ наблюденій, которыя мнѣ удалось сдѣлать. М-г Louis Leger (Леже), профессоръ русскаго языка въ Сорбоннѣ, почтенный сотрудникъ нашего «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», немножко запугалъ меня, сказавъ, что для полученія доступа въ правительственные лица придется хлопотать черезъ посольство. Судя по той предупредительности, съ которой г. Греаръ (M-г Gréard *), на основаніи только одной карточки К. К. Сентъ-Илера, адресованной къ г-ну Жосту (Inspecteur général M. Jost), далъ мнѣ разрѣшеніе на посѣщеніе правительственной учительской семинаріи, и по тому истинному радушію, которое я встрѣтилъ въ этомъ учрежденіи, я думаю, что г. Леже нѣсколько преувеличилъ трудность доступа во французскія учебныя заведенія. Но мнѣ не было времени хлопотать о посѣщеніи лицей, потому что меня особенно интересовала École Monge,—одна изъ самыхъ блестящихъ представительницъ типа établissements

*) Греаръ занимаетъ постъ Recteur de l'Académie de Paris, соотвѣтствующій нашему посту попечителя. Имя Греара занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи реорганизаціи французской школы.

libres*), и въ этой школѣ, курсъ которой совершенно тождествененъ съ курсомъ классическихъ лицеевъ, я могъ видѣть все, что мнѣ было важно по вопросу о преподаваніи математики, и, кромѣ того, много такого, чего я не увидѣлъ-бы въ лицей.

Увидавъ собственными глазами преподаваніе математики во французской средней школѣ, познакомившись близко со школьной организаціей, съ программами и съ представителями педагогическаго персонала, я вполне проникся убѣжденіемъ, что оцѣнка учебниковъ, какъ таковыхъ, немислима безъ близкаго знакомства съ той школьной системой, которою они вызваны и къ которой они приурочены.

На заголовкѣ 1-го тома алгебры Бертрана читаемъ: «à l'usage des classes de mathématiques élémentaires», на 2-мъ томѣ: «à l'usage des classes de mathématiques spéciales». Человѣкъ, незнакомый съ организаціей французскихъ лицеевъ (а у насъ это знакомство, сколько мнѣ извѣстно, распространено весьма мало), понимаетъ эти рубрики такъ: элементарный курсъ, т.-е. на нашемъ языкѣ—гимназическій, и спеціальный—для университета и высшихъ техническихъ школъ. Многіе знаютъ, конечно, что это совсѣмъ не такъ, но мнѣ лично неизвѣстно, чтобы на этотъ существенный и крайне интересный пунктъ въ ряду вопросовъ о преподаваніи математики было обращено должное вниманіе. Такъ какъ мнѣ приходится остановиться на организаціи французскихъ лицеевъ, то нахожу необходимымъ оговориться, что я буду имѣть въ виду *только* классическій лицей, причемъ я приму за основаніе Plan d'études 1890 года, который по интересующему насъ вопросу не отличается существенно отъ плановъ 1885-го и 1880-го годовъ. О вышедшемъ въ іюнь настоящаго года plan d'études для реальныхъ лицеевъ, которыхъ еще не существуетъ, я на этотъ разъ говорить не буду.

Итакъ, французскій классическій лицей состоитъ изъ 10-ти классовъ. По окончаніи 9-го класса (classe de rhétorique) ученики приступаютъ къ первой части экзамена на бакалавра словесныхъ наукъ (baccalauréat ès lettres). Экзамены производятся спеціально назначенной для того комиссіей при университетѣ, экзаменовъ-же въ самихъ учебныхъ

*) Etablissements libres — школы не правительственныя. Эти школы пользуются широкой свободой въ своей внутренней организаціи, но ихъ курсъ въ общей сложности долженъ быть силою вещей приуроченъ къ тому, что требуется программой экзамена на бакалавра (baccalauréat—соотвѣтствуетъ нашему испытанію зрѣлости) и конкурсныхъ экзаменовъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Для поступленія въ эти послѣднія званіе бакалавра даетъ нѣкоторые преимущества на экзаменѣ, но оно не обязательно: поступаютъ вообще всѣ тѣ, которые выдерживаютъ конкурсное испытаніе.

заведеніяхъ, у своихъ преподавателей, какъ у насъ и въ Германіи, во Франціи не существуетъ. Изъ 9-го класса ученикъ переходитъ или въ *classe de philosophie*, или въ *classe de mathématiques élémentaires* и черезъ годъ сдаетъ вторую часть экзамена на бакалавра, причеиъ въ обоихъ случаяхъ получаетъ званіе *bachelier ès lettres* съ обозначеніемъ въ первомъ случаѣ *lettres-philosophie*, во второмъ *lettres-sciences*. (Циркуляръ фр. министра народнаго просвѣщенія отъ 1-го іюня 1891 г.). Курсъ математики, соотвѣтствующій нашему гимназическому, есть курсъ 9-ти классовъ, по которому сдается экзаменъ на 1-й части *baccalaureat*, потому что на 2-й части *baccalaureat lettres-philosophie* математики нѣтъ совсѣмъ. *Classe de mathématiques élémentaires* есть уже классъ спеціальный, по своему математическому курсу не могущій идти въ сравненіе съ нашимъ 8-мъ классомъ, какъ это явствуется изъ нижеслѣдующаго распредѣленія часовъ:

Математика	10 ¹ / ₂ часовъ.
Физика и химія	6 »
Естествознаніе	1 ¹ / ₂ »
Философія	3 »
Исторія	1 ¹ / ₂ »
Новые языки	1 ¹ / ₂ »

Какъ-же надо понимать роль *classe de mathématiques élémentaires*? Въ этотъ классъ поступають молодые люди, прошедшіе полный курсъ средней школы и посвящающіе себя спеціально изученію наукъ математическихъ и естественныхъ. Программа этого класса предполагаетъ 1) минимальный возрастъ—17 лѣтъ, 2) опредѣлившіяся способности и склонности къ занятію математикой, 3) намѣреніе построить на математикѣ все дальнѣйшее свое образованіе. Соотвѣтственно цѣли класса, преподаваніе концентрировано, какъ мы видѣли, на математическихъ предметахъ, такъ какъ изъ общаго числа 24 часовъ 10¹/₂ удѣлено именно математикѣ (считая въ томъ числѣ механику и космографію).

Очевидно громадное различіе между такой постановкой предмета и постановкой его у насъ и въ Германіи, гдѣ всѣ ученики гимназій, независимо отъ того, какую они изберуть спеціальность, подвергаются на испытаніи зрѣлости одинаковымъ требованіямъ по математикѣ. Различіе это не можетъ быть компенсировано, по моему убѣжденію, большимъ числомъ часовъ, назначенныхъ на этотъ предметъ въ нашихъ гимназіяхъ. Я хочу этимъ сказать, что характеръ требованій, которыя мы можемъ предъявлять къ нашимъ ученикамъ, не долженъ приспособляться къ уровню программъ *classe de mathématiques élémentaires*.

taïres, выражаемому также и тѣми учебниками, которые мы считаемъ за образцовые. Желаніе примѣниться къ научному уровню этихъ учебниковъ доставляетъ не мало труда и горя начинающимъ (да и не только однимъ начинающимъ) преподавателямъ, которые приписываютъ собственной неумѣлости неотзывчивость большинства учащихся на усилія поднять ихъ на надлежащую научную высоту, или же иногда приписываютъ свои неудачи львиной долѣ древнихъ языковъ въ учебномъ планѣ. Когда, наконецъ, ученики сводятъ преподавателей къ *своему* уровню, заставляютъ ихъ положить оружіе и упростить свой курсъ, у преподавателей остается какое-то горькое чувство неудовлетворенности и виноватости, которое мало содѣйствуетъ энергіи преподаванія. Я вижу большую ненормальность въ томъ обстоятельстве, что при нашей учебной системѣ, принявшей за образецъ систему нѣмецкую, преподаватели математики тяготеютъ къ методу изложенія *classe de mathématiques élémentaires*. Не вдаваясь здѣсь въ сравнительную оцѣнку двухъ различныхъ системъ, я только констатирую этотъ фактъ.

Постановка учебнаго плана математики, столь существенно отличающаяся отъ нашей, основана на оригинальномъ взглядѣ французскихъ математиковъ, который заслуживаетъ глубокаго вниманія. По приѣздѣ въ Парижъ, я обратился прежде всего къ преподавателямъ старшихъ классовъ, выражая имъ свои недоумѣнія. Какъ вы достигаете того уровня, который выражается также вашими учебниками, задачами, предлагаемыми на конкурсахъ, наконецъ, конкурсными экзаменами политехнической школы, посвящая предмету столь несообразно малое время въ низшихъ и среднихъ классахъ—вотъ вопросъ, который я поставилъ преподавателямъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ 9-ти классахъ, подготовляющихъ къ первой части экзамена на *baccalaureat*, полагается 15 часовъ на всю математику съ космографіей включительно.—Въ низшихъ и среднихъ классахъ у насъ почти нѣтъ математики, и для насъ это совсѣмъ не нужно. Чѣмъ меньше тамъ учатся математикѣ, тѣмъ лучше. Мы, учителя старшихъ классовъ, получаемъ учениковъ, которые ничего не знаютъ, но получаемъ ихъ въ такомъ возрастѣ, когда они могутъ заниматься этимъ предметомъ плодотворно, и достигаемъ тѣхъ результатовъ, которымъ вы удивляетесь и которыми мы сами довольны.—Такой отвѣтъ я получилъ отъ преподавателей старшихъ классовъ *Ecole Mance*. То-же самое мнѣніе высказалъ мнѣ М-г Maleux, авторъ учебника ариѳметики, вышедшаго въ прошломъ году, и преподаватель *Collège Stanislas*.

Я отнеся къ этому странному, на первый взглядъ, заявленію съ осторожностью, которой оно заслуживаетъ.

Составивъ себѣ довольно полное понятіе о ходѣ преподаванія въ различныхъ классахъ, я обратился къ директору подготовительной школы Collège Sainte-Barbe, M-r Sabbatié, затѣмъ—къ директору такой-же школы въ Ecole Monge—M-r Léauté (Въ такъ называемыхъ Etablissements libres существуютъ отдѣльно Ecoles préparatoires, т.-е. классы, въ которыхъ готовятъ ученики къ конкурнымъ экзаменамъ въ Ecole Polytechnique, Ecole Normale, Ecole des Arts et des Manufactures и Ecole de Saint-Syr. Во главѣ этихъ школъ стоятъ обыкновенно выдающіеся математики. Директоръ Ecole Préparatoire въ Ecole Monge M-r Léauté—весьма извѣстный ученый, членъ французской академіи). Когда я привелъ этимъ руководителямъ математическаго образованія въ двухъ изъ наиболѣе выдающихся школъ Парижа слышанное мною отъ преподавателей мнѣніе и спросилъ, раздѣляютъ-ли они его, то они оба рѣшительно высказались въ томъ-же смыслѣ. M-r Léauté сказалъ: «для усвоенія математическихъ истинъ нужна извѣстная зрѣлость ума, нуженъ возрастъ; для нашихъ цѣлей совершенно достаточно той подготовки, которую ученики получаютъ въ общихъ классахъ, какъ она ни кажется малою; въ classe de mathématiques élémentaires мы начинаемъ ихъ учить математикѣ, какъ будто они совсѣмъ ей не учились, а въ classe de mathématiques spéciales (непосредственно за нимъ слѣдующемъ) я читаю имъ курсъ, весьма мало отличающійся отъ моего курса въ Ecole Polytechnique».

Когда я заикнулся M-r Sabbatié о методикѣ математики, о томъ, что курсъ можетъ быть приспособленъ къ возрасту, онъ поморщился и отвѣчалъ, что гораздо лучше излагать людямъ предметъ тогда, когда они въ состояніи его понимать, въ формѣ, вполне соотвѣтствующей его содержанію, нежели стараться втиснуть его въ головы учениковъ въ формѣ искаженной (d'une manière détournée). Я не встрѣтилъ ни одного преподавателя, который не сказалъ-бы мнѣ, что для усвоенія курса математики имъ главнымъ образомъ нужна та «culture littéraire», которую ученики получаютъ въ classes de lettres, а что собственно математической подготовкой въ этихъ классахъ они совсѣмъ не дорожатъ и не считаютъ ее возможной. Можно подуматъ, что я случайно попалъ на такихъ ярыхъ сторонниковъ литературнаго образованія. Не стану утверждать, что во Франціи всѣ такъ думаютъ, но что такъ думаетъ огромное большинство—это подтверждается новымъ планомъ реальныхъ лицеевъ. Можно привести еще два характерныхъ факта. Когда, въ 1880 году, совѣтъ народнаго просвѣщенія измѣнилъ про-

грамму лицеевъ, удѣливъ больше времени, чѣмъ прежде, наукамъ (sciences), отнявъ это время у языковъ, членъ совѣта, М-г Vintéjoux, делегатъ преподавателей математическихъ наукъ, высказался наиболѣе энергично противъ реформы. Въ отчетѣ своимъ избирателямъ онъ говоритъ слѣдующее: «Что касается до реформы, я могу сказать—до «революціи», произведенной въ среднемъ образованіи, то я боролся противъ нея всѣми силами; я считаю ее болѣе гибельной, чѣмъ когда-либо считалъ прежде, и имѣю несчастье быть убѣжденнымъ, что она должна привести въ короткое время къ полному упадку классическаго образованія» (*Revue de l'enseignement secondaire*. 1889, стр. 467).

Не далѣе, какъ въ октябрскомъ номерѣ «Bulletin universitaire de l'enseignement secondaire» (приложеніи къ *Revue Internationale de l'enseignement* за текущій годъ) помѣщена статья «Les études scientifiques et la réforme de baccalaureat», принадлежащая перу Нивенгловскаго, члена совѣта народнаго просвѣщенія, профессора высшей математики въ лицей Louis le Grand и автора курса Алгебры, который теперь считается у французовъ самымъ лучшимъ. Въ своей статьѣ Нивенгловскій выражаетъ опасенія по поводу преобразованія baccalaureat. По прежнимъ правиламъ, *classe de mathématiques élémentaires*, а слѣдовательно и *classe de mathématiques spéciales*, рекрутировался изъ учениковъ, прошедшихъ полный курсъ лицея, съ классомъ философіи включительно, и изъ учениковъ *classe de mathématiques préparatoires*, которые не проходили полнаго классическаго курса, а составляли реальное отдѣленіе и приготавливались къ прежнему baccalaureat ès sciences. Нивенгловскій говоритъ: «Я никогда не пропущу случая заявить, что за все время своего профессорства я всегда могъ засвидѣтельствовать превосходство первой категоріи учениковъ передъ второй».

Онъ недоволенъ тѣмъ, что теперь открыть доступъ въ *classe de mathématiques élémentaires* ученикамъ *classe de rhétorique* и совѣтуетъ администраціи лицеевъ употреблять все свое вліяніе, чтобы ученики поступали въ этотъ классъ только послѣ класса философіи, т. е. потерявъ цѣлый годъ. Всякій сторонникъ реального образованія и противникъ классическаго назоветъ это, конечно, «традиционнымъ предразсудкомъ». Я подчеркиваю тутъ только тотъ фактъ, что этому предразсудку особенно подвержены именно французскіе математики. Мнѣ припомнился по этому случаю совѣтъ, данный Лагранжемъ отцу Коши, когда тотъ обратилъ его вниманіе на выдающіяся способности сына къ математикѣ. Біографъ Коши, Вальсонъ (Valson), рассказываетъ, что Лагранжъ часто говорилъ: не давайте ему ни одной математической книги раньше 17 лѣтъ. Лагранжъ высказывалъ опасенія, что слиш-

комъ ранняя спеціализація, при рѣзко выраженномъ складѣ способностей, отзовется вредно на научной зрѣлости и продуктивности Коши.

У Лакруа (Lacroix) въ его «Essays sur l'enseignement en général et celui des mathématiques en particulier» читаемъ: «Я сознаю въ своемъ невѣдѣніи того, какъ приобрѣтаются понятія о числѣ и величинѣ, и ограничиваюсь здѣсь разсмотрѣніемъ вопроса, какъ при помощи этого матеріала, уже переработаннаго на первоначальной ступени, такъ сказать, эмпирически, можно вмѣстить въ головы учениковъ пятнадцатилетнихъ элементарную теорію математики и математическій методъ. Можетъ быть, найдутъ, что я начинаю эти занятія слишкомъ поздно, и дѣйствительно, мнѣ случалось видѣть многихъ дѣтей, обнаруживавшихъ болѣе раннее развитіе, но это были исключенія, слишкомъ малочисленные для того, чтобы они могли измѣнить общее правило. Полагаю, что съ прогрессомъ первоначальнаго обученія исключенія эти будутъ явленіями, все болѣе и болѣе рѣдкими». Лакруа писалъ свою методику въ началѣ настоящаго столѣтія, а надежда его, по мнѣнію французскихъ математиковъ, до сихъ поръ не оправдалась, потому что и теперь они начинаютъ курсъ, уже носящій отчасти теоретическій характеръ, съ учениками въ возрастѣ отъ 14 до 15 лѣтъ, вполнѣ же теоретическій курсъ математики относятъ къ 17-тилѣтнему возрасту.

Кромѣ труда Лакруа, мнѣ извѣстно только одно франц. сочиненіе по преподаванію математики, а именно сочиненіе Дюгамеля, но и оно имѣетъ въ виду взрослыхъ учениковъ. А. Ребьеръ (Alph. Rebière), профессоръ Ecole Normale de Saint-Cloud (учительской институтъ, приготавлиющій учителей для учительскихъ семинарій), на мой вопросъ о руководствахъ по преподаванію, отвѣчалъ категорически, что такихъ не имѣется.

Проанализируемъ теперь мнѣніе французскихъ математиковъ, выдѣлимъ изъ него все то, что представляетъ, такъ сказать, элементъ посторонній, не вытекающій изъ сущности вопроса. Преподаватели математики, цитируемые мною, суть спеціалисты, разсматривающіе вопросъ не съ обще-педагогической точки зрѣнія. Они констатируютъ только фактъ, что учениковъ извѣстнаго возраста, получившихъ малую подготовку, можно, однако, подготовить къ весьма трудному экзамену, можно освоить вполнѣ съ серьезнымъ курсомъ математики. Вотъ тутъ-то мы и встрѣчаемъ элементъ, который необходимо выдѣлить, а именно французскую систему конкурса,—суровую, безжалостную. Преподаватели класса элементарной математики (classe de mathématiques élémentaires) имѣютъ въ виду конкурсные экзамены въ школы политехническую, нормальную и т. п. учрежденія; имъ важно

только то, какой процентъ ихъ учениковъ попадетъ туда, общеобразовательная-же роль математики вовсе не входитъ въ ихъ соображенія. Дѣло традиціонно поставлено такъ, что вопросъ объ общеобразовательномъ значеніи математики совершенно чуждъ именно математикамъ. Мнѣ нужно было нѣкоторое усиліе, чтобы освоиться съ этимъ своеобразнымъ явленіемъ. Возможно, что когда организуются проектированные теперь реальные лицей, въ которыхъ математикѣ удѣлено время, значительно большее, нежели въ лицейхъ классическихъ, хотя все-таки значительно меньшее, чѣмъ въ нашихъ и нѣмецкихъ гимназіяхъ, тогда вопросъ объ общеобразовательномъ значеніи математики станетъ на очередь и обнаружится нѣкоторый расколъ между математиками. Но пока его фактически не существуетъ, и я лично думаю, что французы, хотя и чисто эмпирически, стоятъ на твердой психологической почвѣ. Въ бесѣдѣ своей съ Леоте я и попробовалъ-было поставить вопросъ на чисто психологическую почву. Какъ ученый математикъ, не занимающійся психологіей, онъ отнесся сдержанно къ моей гипотезѣ и ограничился осторожнымъ «с'est possible». Я позволю себѣ здѣсь повторить то, что сказалъ Леоте, такъ какъ, по моему убѣжденію, основная психологическая проблема въ преподаваніи математики не поставлена достаточно опредѣленно и рѣзко.

Врачи знаютъ, или, по крайней мѣрѣ, считаютъ необходимымъ рѣшать вопросъ о томъ, какого рода физическія, мускульныя упражненія соотвѣтствуютъ данному возрасту и содѣйствуютъ физическому развитію ребенка, а также, какого рода упражненія, *несмотря на ихъ исполнимость*, т.-е. доступность, являются не только не полезными, но даже просто вредными, дѣйствуютъ, при продолжительномъ ихъ примѣненіи, отрицательно на гармоническое развитіе организма. Мозговыя функціи должны быть подчинены тѣмъ-же законамъ, хотя эти законы труднѣе поддаются изученію. Изъ того, что въ данномъ возрастѣ ребенокъ *можетъ* выполнять извѣстныя умственные операціи, отнюдь не слѣдуетъ, что онъ *долженъ* ихъ выполнять, что непремѣнно *слѣдуетъ* упражнять его въ этихъ операціяхъ. Въ этомъ, какъ мнѣ кажется, заключается центръ тяжести вопроса о переутомленіи. Въ настоящемъ столѣтіи человѣчествомъ достигнутъ огромный прогрессъ въ области изученія законовъ природы и въ философской обработкѣ точныхъ наукъ. Этотъ прогрессъ побуждаетъ насъ предъявлять и къ индивидууму тѣ-же требованія быстрого прогресса. Человѣчество, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, узнало много новаго и нѣкоторыя свои знанія построило въ строгую систему. И вотъ, мы полагаемъ, что то, до чего додумывалось человѣчество въ продолженіи ты-

счелѣтій и привело къ весьма простымъ формуламъ, можетъ быть сдѣлано доступнымъ также и развивающемуся мозгу ребенка. Что касается усвоенія результатовъ, то тутъ можно отвѣчать утвердительно, но самый процессъ мысли, тѣ умственные операціи, которыя необходимы для построения и пониманія этихъ простыхъ формулъ, очевидно, несравненно болѣе трудны и сложны, нежели это намъ теперь кажется. Люди всегда жили среди природы, находились въ постоянномъ общеніи съ нею, конечно, много думали надъ загадками, ею представляемыми, но тѣмъ не менѣе, однакожъ, потребовалось очень много времени для того, чтобы коллективный умъ челоѣчества дошелъ до раскрытія законовъ природы.

Причина незнанія этихъ законовъ заключалась въ отсутствіи правильнаго научнаго метода. Теперь мы его имѣемъ и теперь малый ребенокъ можетъ быть натуралистомъ и математикомъ, если только мы сумѣемъ освоить его съ этимъ методомъ. Но именно въ методѣ-то и лежитъ самая главная трудность, и влѣдствіе этого-то мы не въ правѣ ожидать, чтобы индивидуумъ, находясь самъ на младенческой ступени развитія, продѣлалъ тотъ процессъ работы, который выполнитъ челоѣчествомъ въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ.

Вопросъ о гигиенѣ умственныхъ упражненій еще не разработанъ. Можно ждаты полезныхъ въ этомъ отношеніи работъ отъ Лагранжа, который, вѣроятно, обратится къ этому вопросу послѣ разработки вопроса о физическомъ воспитаніи дѣтей; но пока мнѣ лично неизвѣстно ничего серьезнаго, сдѣланнаго въ этомъ направленіи. Сочиненіе Левенталя «Die Hygiene des Unterrichts», въ которомъ я надѣялся найти хотя намеки на научную постановку вопроса, не оправдало моихъ ожиданій. Аналогія между умственной дѣятельностью съ процессомъ усвоенія организмомъ пищи, — аналогія, на которой построено это сочиненіе, не выдерживаетъ никакой критики. Если можно проводить аналогію, то развѣ съ мышечной системой, хотя, конечно, психическій аппаратъ несравненно сложнѣе мышечнаго. Преподаваніемъ математики мы развиваемъ у ребенка сужденіе, но я могу полагать, что работа въ этомъ направленіи можетъ повлечь за собою ослабленіе именно силы сужденія, совершенно подобно тому, какъ непосильное физическое упражненіе ведетъ къ атрофіи мышцъ. Усовершенствованный въ этомъ направленіи методъ преподаванія, дающій возможность, при талантливости преподавателя, сдѣлать доступнымъ ребенку процессъ строгаго математическаго сужденія, есть обоюдоострое оружіе. Навыки и осязаніе математическихъ фактовъ (простите это фигуральное выраженіе) должны составлять содержаніе элемен-

тарнаго курса математики. Теоретическій курсъ долженъ быть отнесенъ къ старшему возрасту, а именно къ 17—18 годамъ его. Если я ошибаюсь, считая вопросъ о приспособленности извѣстныхъ умственныхъ упражненій къ возрасту недостаточно ясно поставленнымъ, то прошу исправить мою ошибку, такъ какъ отнюдь не претендую на открытія. Я хочу только сказать, что вопросъ этотъ не поставленъ въ строго опредѣленной формѣ въ частной методикѣ, что въ послѣдней мы возвращаемся все около задачи—какъ сдѣлать то или другое доступнымъ ученикамъ, а не задаемся вопросомъ: да полно, слѣдуетъ-ли это и дѣлать доступнымъ? Маленькая историческая справка въ странѣ рациональной педагогиі—Германиі—будетъ, полагаю, служить подтвержденіемъ моей мысли.

«Могущественный толчекъ къ повышенію требованій по математикѣ далъ проявившееся въ Пруссіи послѣ катастрофы 1806 года стремленіе содѣйствовать духовному подъему націи посредствомъ болѣе глубокаго научнаго образованія. Въ этомъ должны были принять энергическое участіе всѣ среднія учебныя заведенія. Данныя съ этой цѣлью инструкціи удѣлили математикѣ тѣмъ большую роль въ образованіи юношества, что должно было признать всѣ выгоды, извлеченныя Франціей изъ высокаго уровня преподаванія математическихъ наукъ въ ея школахъ. Усердіе въ пополненіи замѣченнаго пробѣла съ теченіемъ нѣкотораго времени перешло, однако, должныя границы; на преподаваніе назначено было по 6 часовъ въ недѣлю во всѣхъ классахъ и требованія сдѣлались чрезмѣрными» (См. Schmidt. Encyclopädie des ges. Erziehungs u. Unterrichtswesens. B. IV. S. 607). Дѣйствительно, программу увеличили тогда до невозможныхъ размѣровъ, включивъ въ нее аналитическую геометрію и дифференціальное исчисленіе. Интересно сопоставить эти требованія съ курсомъ математики, который мы находимъ въ планѣ лекцій Іенскаго университета на 1802—1803 годъ и который я заимствую изъ книги Лакруа «Essays sur l'enseignement». «Чистая математика: Два курса: а) Введеніе въ изученіе математики, заключающее въ себѣ ариметику и геометрію. б) Ариметика теоретическая и практическая. — Прикладная математика.—Алгебра.—Популярная астрономія.—Приложеніе математики къ юриспруденціи, земледѣлію и военному искусству».

Дальнѣйшая исторія преподаванія математики въ Германиі представляетъ, конечно, картину постепеннаго сокращенія программъ, пока онѣ не пришли къ нормѣ, близко подходящей къ той, которую мы видимъ нынѣ у насъ. Но дѣйствительныя требованія, дѣйствительный уровень, насколько мнѣ извѣстно по отдѣльному примѣру одной изъ

самыхъ выдающихся гимназій,—правда, не прусской, — значительно ниже. Я хорошо знаю одно лицо, удостоенное аттестата зрѣлости съ медалью за математику (wissenschaftlicher Preis), которое получило ее благодаря тому, что училось до 5-го класса въ русской гимназій и про которое могу засвидѣтельствовать, что ничто человѣческое не было ему чуждо, кромѣ именно математики.

Вышеприведенная историческая справка въ высшей степени поучительна. Не педагогическія теоріи, не психологическія основанія широко раскрыли математикѣ двери нѣмецкой гимназій, а разгромъ 1806 г. и нѣсколько постыжное заключеніе, изъ него выведенное. Потомъ, конечно, явились и разсужденія объ общеобразовательной роли математики и о необходимости отвести ей почетное мѣсто въ курсѣ...

Нѣмецкая литература по преподаванію математики вся переполнена безчисленными проектами о томъ, какъ сдѣлать то и другое доступнымъ ученикамъ,—d'une manière détournée, какъ сказалъ-бы г. Саббатъ; вопроса-же о томъ, насколько это обученіе тому или другому на извѣстной ступени развитія будетъ полезно,—такого вопроса не поднимается совсѣмъ. Я далекъ отъ мысли отрицать общеобразовательное значеніе математики; французы то-же не отрицаютъ его, но, какъ я думаю, они стоятъ на правильной дорогѣ, назначая математикѣ львиную долю *только* въ старшихъ классахъ. Если-же вопросъ о преподаваніи математики ставить на почву психологическую, то это потребуетъ болѣе обстоятельнаго изслѣдованія; я-же буду доволенъ и тѣмъ, если собраніе признаетъ пользу сдѣланной выше постановки вопроса, какъ исходной точки для методики.

Перехожу къ очерку фактическаго положенія преподаванія математики въ классическомъ среднееучебномъ заведеніи Франціи. Тѣ ариѳметика, алгебра, геометрія и тригонометрія, которыя намъ извѣстны по учебникамъ Бертрана, Серре, Руше и Комберусса и другимъ, составляютъ курсъ классовъ mathématiques élémentaires и mathématiques spéciales. На классы отъ перваго до девятаго включительно полагается 15 часовъ, распредѣленныхъ слѣдующимъ образомъ:

IX. 1 ¹ / ₂	} Calcul.
VIII. 2	
VII. 2	
VI. 1 ¹ / ₂	
V. 1 ¹ / ₂	
IV. 1 ¹ / ₂	Ариѳметика.
III. 3	Ариѳметика, алгебра и геометрія.
II. 1 ¹ / ₂	Алгебра и геометрія.
I. 1 ¹ / ₂	Ариѳметика, алгебра, геометрія и космографія.

Сравненіе этого числа часовъ съ числомъ, назначеннымъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ (34), заставляетъ серьезно задуматься. Огромное различіе объясняется, помимо взгляда французовъ на этотъ вопросъ, еще тѣмъ, что нѣмецкіе абитуріенты подвергаются одинаковому экзамену, независимо отъ выбора дальнѣйшей карьеры, здѣсь-же къ 15 часамъ надо присоединить $10\frac{1}{2}$ часовъ *classe de math. élémentaires* для тѣхъ, которые посвящаютъ себя занятію точными науками. Если сравнить французскихъ *bachelier ès sciences* съ нѣмецкими абитуриентами, то окажется, что послѣдніе имѣли уроковъ по математикѣ на $8\frac{1}{2}$ часовъ больше, нежели первые. Я знаю лишь единичные примѣры нѣмецкихъ абитуриентовъ, но абитуриентовъ хорошихъ. Если однако судить даже по нимъ, то сравненіе будетъ крайне невыгодное для нѣмцевъ. Я убѣжденъ, что нѣмецкій абитуриентъ, посвящающій себя занятіямъ по математикѣ, стоитъ по уровню своего математическаго развитія несравненно ниже француза, переходящаго въ *classe de math. spéciales*. Если-же сравнивать нѣмецкаго абитуриента съ французомъ *demi-bachelier* или *bachelier ès lettres-philosophie*, то трудно, конечно, допустить, чтобы первый не превзошелъ послѣдняго въ математической выучкѣ, не говоря уже о томъ, что вообще онъ знаетъ больше. 15-ти часовъ, назначенныхъ на математику, все-таки слишкомъ мало, и такіе преподаватели, какъ Ребьеръ, которые не смотрятъ съ точки зрѣнія исключительно специальной, сами признаютъ это. Приведенное распредѣленіе часовъ еще только начинается вводиться, но оно мало отличается отъ того, которое было до сихъ поръ. Я приведу здѣсь такое распредѣленіе часовъ въ *Ecole Monge*, какое я засталъ; оно примѣняется къ прежнимъ программамъ, по которымъ курсъ былъ больше, математика преподавалась въ классѣ философіи и экзаменъ изъ нея сдавался по окончаніи этого класса. Принципъ распредѣленія тотъ-же самый, но *Ecole Monge*, какъ частное учебное заведеніе, особенно заинтересованное въ томъ, чтобы подготовить своихъ учениковъ къ экзамену на бакалавра, удѣляетъ немного больше часовъ въ младшихъ и среднихъ классахъ, до реторики включительно, и значительно больше въ классѣ философіи. Одними практическими соображеніями этого объяснить нельзя, потому что ученики держать экзаменъ и по другимъ предметамъ, къ которымъ те-же должны хорошо приготовиться, а планъ показываетъ, что ни въ одномъ классѣ до философіи больше $2\frac{1}{4}$ часовъ на математику не полагается, тогда какъ въ классѣ философіи отведено 6 часовъ уроковъ и 3 часа *conférence*, да сверхъ того еще $4\frac{1}{2}$ часа на физику. Въ этомъ рѣзко выказывается убѣжденіе, что мѣсто математики въ старшихъ классахъ. Вотъ

планъ Ecole Monge для классовъ, соотвѣствующихъ классамъ лицея. Ради простоты, я буду обозначать классы такъ-же, какъ они обозначаются въ лицей.

IX. 3	ч.	}	Calcul.
VIII. 2 ^{1/2}	»		
VII. 2	»		
VI. 2	»		
V. 2 ^{1/4}	»		
			Арифметика и алгебра.
IV. 2			» Арифметика, алгебра и геометрія.
III. 1			» Алгебра и геометрія.
II. 2			» Алгебра и геометрія.
I. 1			» Алгебра и геометрія.

Возьмемъ программу по классамъ сравнительно съ программой лицея.

Ecole Monge.

Лицей.

IX. Дѣленіе на однозначнаго дѣлителя. Метрическая система, исключая кубическія мѣры*).

IX. Дѣйствія надъ цѣлыми числами. Упражненія въ устномъ счетѣ. Задачи.

VIII. Дѣленіе цѣлыхъ и десятичныхъ чиселъ. Метрическая система, исключая объемы.

VIII. То-же, что въ IX.

VII. Дроби и объемы.

VII. Числа цѣлыя и десятичныя. Метрическая система.

VI. Повтореніе. Извлеченіе квадратнаго корня.

VI. Повтореніе дѣйствій надъ цѣлыми числами. Обыкновенныя дроби. Приведеніе дробей къ наименьшему знаменателю. Дѣйствія надъ дробями. Дѣйствія надъ десятичными числами.

V. *Арифметика.* Повтореніе курсовъ двухъ послѣднихъ классовъ.

V. Тройное правило по способу введенія къ единицѣ. Простые проценты. Коммерческій учетъ. Простыя задачи на смѣшеніе и сплавы. Повтореніе метрической системы: упражненія въ измѣреніи площадей и объемовъ.

Алгебра. Первые начала. Уравненія первой степени съ одной неизвѣстной.

Замѣчаніе. Главное вниманіе должно быть обращено на простое тройное правило, въ задачахъ на сложное не должно вводить много величинъ.

IV. *Арифметика и алгебра.* Повтореніе курса предъидущаго класса. Уравненія первой степени съ двумя и тремя неизвѣстными.

IV. *Геометрія.* Двѣ первыя книги геометріи Лекандра.

*) Этому классу предшествуетъ въ Ecole Monge нѣсколько приготовительныхъ, такъ какъ принимаются дѣти отъ 5 лѣтъ.

Геометрія. Прямая линия. Плоскость. Углы. Треугольники. Параллельныя.

III. *Алгебра.* Рѣшеніе уравненій второй степени.

Геометрія. Окружность, измѣреніе угловъ.

II. *Алгебра.* Рѣшеніе уравненій второй степени, зависимость между корнями и коэффициентами.

Геометрія — до геометріи въ пространствахъ.

I. *Алгебра.* Повтореніе курсовъ двухъ предыдущихъ классовъ.

Геометрія. Повтореніе. Геометрія въ пространствахъ—до тѣла вращенія.

III. *Арифметика.* Систематическій курсъ.

Алгебра. Рѣшеніе простѣйшихъ задачъ посредствомъ уравненій. Положительныя и отрицательныя числа и дѣйствія надъ ними.

Геометрія — до геометріи въ пространствахъ.

II. *Алгебра.* Повтореніе. Дѣйствіе надъ одночленами. Сложеніе, вычитаніе и умноженіе многочленовъ. Рѣшеніе уравненій первой степени съ одной и многими неизвѣстными (изложеніе различныхъ методовъ исключенія). Приложеніе къ рѣшенію простыхъ задачъ.

Геометрія въ пространствахъ до тѣла вращенія.

I. *Арифметика.* Повтореніе и дополненіе курса III класса.

Элементарныя свойства простыхъ чиселъ, квадраты и корни квадратныя.

Алгебра. Повтореніе курсовъ III и II классовъ. Уравненія второй степени.

Геометрія. Повтореніе. Тѣла вращенія.

Космографія (maximum—десять уроковъ).

Уже при бѣгломъ обзорѣ этихъ программъ прежде всего бросаются въ глаза слѣдующія особенности:

1) Тригонометріи нѣтъ совсѣмъ.

2) Въ курсѣ алгебры нѣтъ ни слова о дѣленіи многочленовъ, о такъ-называемой теоремѣ Безу, о разложеніи на множители, объ изслѣдованіи уравненій, извлеченіи кубическихъ корней, прогрессіяхъ, логариомахъ, теоріи соединеній, биномѣ.

Обращаемся къ болѣе подробному обзору преподаванія по предметамъ.

Арифметика. Преподаваніе имѣетъ исключительно практическое направленіе во всѣхъ младшихъ классахъ; изъ арифметики дается только то, что нужно въ жизни. До 6-го класса включительно (12 л.) прямо запрещается вдаваться въ теорію. Вопросы о томъ, надо-ли это понимать въ смыслѣ механизации обученія—здѣсь мы касаться не будемъ, такъ какъ для сего потребовалось-бы обстоятельное изслѣдова-

ніе, которое могло-бы составить предметъ особаго реферата; ограничимся лишь указаніемъ, что смыслъ методы можетъ быть выраженъ такъ: изученіе ариѳметическихъ фактовъ, схватываемыхъ дѣтьми интуитивно. При этомъ не заботятся о томъ, чтобы факты эти располагать въ правильной научной послѣдовательности, а берутъ ихъ такъ, какъ этого требуетъ жизнь; систематизировать-же ихъ—дѣло дальнѣйшаго, систематическаго курса ариѳметики. Рельефнѣе всего проявляется это въ помѣщеніи метрической системы раньше обыкновенныхъ дробей. Большинство нѣмецкихъ авторовъ безусловно противъ такого расположенія курса, хотя оно многими предлагалось и предлагается. Но иначе и быть не можетъ, такъ какъ нѣмецкіе педагоги стоятъ совсѣмъ на другой почвѣ; здѣсь-же, во Франціи, объ этомъ не возбуждается даже и вопроса. Ариѳметика тѣсно переплетена съ геометрией,—такъ тѣсно, что вы скорѣе скажете, что присутствуете на урокъ геометріи, нежели на урокъ ариѳметики. Основа методики геометріи (о ней уже приходится говорить и здѣсь) та-же: надо знать геометрическіе факты, съ которыми приходится встрѣчаться въ жизни, надо умѣть вычислять площади различныхъ геометрическихъ фигуръ, объемы геометрическихъ тѣлъ, теоремы-же будутъ предложены впоследствии. Мало одной геометріи: знакомятъ съ понятіемъ о плотности, вычисляютъ вѣсъ объемовъ различныхъ тѣлъ, которыхъ плотность извѣстна. Мнѣ припоминается по этому поводу бывший старшій астрономъ Пулковской обсерваторіи Дѣлленъ, человекъ весьма разносторонняго и глубокаго образованія, который говорилъ: развѣ мы должны знать механизмъ часовъ для того, чтобы пользоваться часами, или законы расширенія тѣлъ, чтобы смотрѣть на термометръ?

Теоретическому курсу ариѳметики удѣлено мѣсто въ программѣ лицеевъ въ III классѣ (возрастъ 14 лѣтъ), и затѣмъ въ классѣ реторики (возрастъ 16 лѣтъ). Та-ли это теоретич. ариѳметика, которая представляется намъ въ видѣ руководствъ Серре и Бертрана? Конечно, нѣтъ. Здѣсь *доказывается* то, что только *понималось* въ младшихъ классахъ, говорится: о наименьшемъ кратномъ, объ общемъ наибольшемъ дѣлительѣ, разлож. на прост. множ., теорія десятичныхъ дробей основывается на теоріи дробей обыкновенныхъ. Въ Ecole Monge встрѣчаемъ нѣкоторыя части теоретической ариѳметики въ классѣ реторики, но собственно она отнесена къ классу философіи.

У насъ составилось такое представленіе, будто извлеченіе квадратнаго корня проходитъ въ курсѣ ариѳметики и тамъ-же извлеченіе кубичнаго корня, теорія прогрессій и логарифмовъ. Все послѣднее—въ Classe de mathématiques élémentaires. Извлеченіе квадратнаго

корня находимъ, дѣйствительно, въ курсѣ III класса, но тамъ прямо сказано: «*règle pratique*» и предписано ограничиваться извлеченіемъ корня изъ цѣлага и десятичнаго числа съ точностью до десятичныхъ долей единицы.

Хорошо-ли вычисляють ученики письменно и устно? Письменно удовлетворительно, при дѣленіи, напр., никогда не записываютъ произведеній дѣлителя на единицы разрядовъ частнаго; но устный счетъ оставляетъ желать многого. При рѣшеніи уравненія ученикъ оставивается, напр., на умноженіи 18 на 7,—ему нужно это написать. Въ начальныхъ школахъ администрація очень озабочена улучшеніемъ преподаванія въ этомъ направленіи, и въ среднихъ школахъ въ послѣднее время на устный счетъ обращается болѣе вниманія. Конечно, дѣлается это въ общеобразовательныхъ, а не въ практическихъ цѣляхъ.

Алгебра. Программа категорично предписываетъ начинать алгебру съ рѣшенія уравненій. Въ первый годъ обученія (III классъ) нѣтъ дѣйствій надъ алгебраическими количествами; здѣсь учащіеся проходятъ только систематически ариметику, а въ алгебрѣ ограничиваются рѣшеніемъ численныхъ уравненій, знакомствомъ съ противоположными числами и дѣйствіями надъ ними. Сложный аппаратъ *теоріи* дѣйствій надъ отрицательными количествами, исходящей изъ дѣйствія надъ многочленами, отсутствуетъ. Во II классѣ (15 л.) изучаются дѣйствія надъ алгебраическими количествами, кромѣ дѣленія многочленовъ. Я тщательно розыскивалъ слѣды сложной науки о разложеніи многочленовъ на множители, приведенной у насъ въ такую строгую систему, доставляющей не мало горькихъ минутъ учителямъ и ученикамъ, и не нашелъ этой науки, такъ что осмѣливаюсь заявить, что ея тамъ нѣтъ и мы въ этомъ случаѣ можемъ съ гордостью сказать: *ex oriente lux*.

Уравненія рѣшаются только численныя, задачи на составленіе уравненій весьма немудрыя.

Особые сборники задачъ по алгебрѣ не употребляются; задачи помѣщены въ умѣренномъ количествѣ и съ разумно умѣренными требованіями, въ самыхъ руководствахъ.

Въ классѣ реторики повторяется курсъ двухъ предшествующихъ и проходятся квадратныя уравненія. Этимъ курсъ алгебры и заканчивается.

Геометрія уже извѣстна учащимся практически, когда они приступаютъ къ систематическому курсу въ IV классѣ. Съ IX класса они учатся чертить и рисовать; рисованію обучаются до IV класса вклю-

чительно. Затѣмъ, при изученіи ариѳметики, какъ это уже было указано выше, постоянно обращается къ геометрическимъ приложеніямъ. Собственно, въ курсѣ геометріи задачи на построеніе не практикуются; какъ упражненіе для учениковъ, больше предлагаются теоремы для доказательства. Это относится не только къ общимъ классамъ, но и къ математическимъ. Несоизмѣримости касаются только слегка. Эвклидова доказательства пропорціональности для случая несоизмѣримости нѣтъ. Доказываютъ, что отношенія равны, съ какою-бы одинаковой точностью каждое ни было вычислено. Я слышалъ доказательство въ случаѣ несоизмѣримости въ классѣ философіи, въ Ecole Monge, но собственно въ курсѣ ихъ не полагается. Объ этомъ, впрочемъ, мы скажемъ ниже.

Таковъ характеръ курса общихъ классовъ классическаго лицея. Что-же и какъ предполагается дѣлать въ реальномъ лицей? Общій принципъ тотъ-же, хотя число часовъ, назначенныхъ на математику, значительно больше. Курсъ реального лицея на одинъ годъ короче, первая часть экзамена на бакалавра сдается послѣ 8 лѣтъ (II класса), послѣ чего ученики поступаютъ или въ I классъ, имѣющій два отдѣленія—словесное и научное, или въ classe de mathématiques élémentaires. Для первыхъ общее число часовъ математики, заканчивающейся во II классѣ, $22\frac{1}{2}$, причемъ въ трехъ младшихъ классахъ число часовъ такое-же, какъ и въ классическихъ лицеяхъ, и затѣмъ идетъ такъ:

VI	$2\frac{1}{2}$ ч.	вмѣсто	$1\frac{1}{2}$ ч.	Ариѳм. практ.
V	$2\frac{1}{2}$ »	»	$1\frac{1}{2}$ »	»
IV	3 »	»	$1\frac{1}{2}$ »	» и геометрія.
III	$4\frac{1}{2}$ »	»	3 »	Теорет. ариѳм., геом. и алгебра.
II	$4\frac{1}{2}$ »	»	$1\frac{1}{2}$ »	Геометрія, алгебра, тригонометрія, начерт. геометрія, космографія.

На научномъ отдѣленіи I класса полагается 6 часовъ на дополнительныя статьи алгебры (собственно, элементы аналитической геометріи и понятіе о производной), тригонометрію, элементарную теорію кривыхъ втораго порядка и винтовой линіи, космографію, элементы начертательной геометріи и механику.

Характеръ общаго курса тотъ-же, но онъ нѣсколько обширнѣе. Включены неравенства, прогрессіи, логариѳмы и краткій курсъ тригонометріи. Теоріи соединеній, бинома, неопредѣленныхъ уравненій и непрерывныхъ дробей нѣтъ.

За недостаткомъ времени, я не буду дѣлать здѣсь подробнаго обзора программъ classe de mathématiques élémentaires и mathématiques

spéciales, обращу внимание только на одну особенность, для насъ весьма поучительную. Въ программѣ курса ариѳметики нѣтъ теоріи несоизмѣримыхъ чиселъ, — она включена въ алгебру подъ скромнымъ заглавіемъ «Notions sur les nombres incommensurables». Въ геометріи прямо сказано, что теорема о пропорціональности, доказанная для случая соизмѣримости, будетъ тѣмъ самымъ рассматриваема какъ общая. Теорію несоизмѣримыхъ французы справедливо считаютъ за самое трудное, что только представляется въ курсѣ элементарной математики, въ широкомъ даже смыслѣ. Леоте, указывая мнѣ, что въ classe de mathématiques élémentaires достигаютъ прекрасныхъ результатовъ, подтверждалъ это тѣмъ, что въ classe de mathématiques spéciales онъ позволяетъ себѣ читать то, что собственно принадлежитъ курсу политехнической школы: théorie des incommensurables. Я позволю себѣ высказать надежду, что этотъ благой примѣръ подѣйствуетъ на насъ и что мы не будемъ больше дѣлать попытокъ излагать для нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ теорію несоизмѣримыхъ.

По моему мнѣнію, курсъ математики во французскихъ школахъ поставленъ въ высшей степени разумно. Французамъ много предстоитъ еще работать надъ подготовкой учителей для младшихъ классовъ, многое можетъ быть усовершенствовано, но, сравнительно съ вреднымъ хаосомъ нѣмецкой методической литературы, французская постановка дѣла представляетъ залогъ дѣйствительно разумнаго развитія. Во Франціи учителя математики должны заниматься наукой, потому что и ученики ихъ занимаются; учителямъ не приходится изошряться въ matières détournées, посредствомъ которыхъ они должны истязать умъ учениковъ. Тутъ вѣтъ свѣжимъ воздухомъ, нѣтъ той мелочности, которой проникнута нѣмецкая методическая литература и которая такъ несвойственна нашей наукѣ.

Знакомство съ постановкой преподаванія математики во Франціи окончательно убѣдило меня въ справедливости нѣкоторыхъ положеній методики, къ которымъ привелъ меня опытъ преподаванія и размышленія надъ его результатами. Эти положенія я предлагаю на обсужденіе уважаемаго собранія въ формѣ слѣдующихъ четырехъ тезисовъ:

1. Въ методикѣ и въ практикѣ, насколько она выражается существующими программами, обращено недостаточно вниманія на соотвѣтствіе характера упражненій съ возрастомъ. Усилія методики направлены, главнымъ образомъ, на то, чтобы сдѣлать извѣстный матеріалъ доступнымъ дѣтямъ, и не выдѣляется то, чего не слѣдуетъ дѣлать доступнымъ.

2. Съ упражненіями, обращающимися къ разсудочной дѣятельно-

сти дѣтей, слѣдуетъ быть особенно осторожнымъ: будучи доступными дѣтямъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ не только не развивать, но даже, напротивъ, понижать разсудочную дѣятельность; они-то и составляютъ главный элементъ переутомленія.

3. Геометрія, въ смыслѣ изученія геометрическихъ формъ и простѣйшихъ числовыхъ зависимостей, должна находиться въ тѣсной связи съ курсомъ ариметики и представлять главнѣйшій матеріалъ для арифметическихъ задачъ.

4. Теоретическую ариметику, теоретическую алгебру и умозрительную геометрію должно начинать возможно поздиѣе, когда развитіе учениковъ соотвѣтствуетъ содержанию этихъ предметовъ и предметы эти могутъ имѣть наибольшее образовательное значеніе.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить глубокую признательность всѣмъ лицамъ, вниманіе и предупредительность которыхъ дали мнѣ возможность сдѣлать мои наблюденія, въ особенности: м-г Louis Leger, м-г Rébrière, о которомъ я упоминалъ выше, м-г Godard—директору Ecole Monge, широко раскрывшему мнѣ двери школы, равно какъ и всей администраціи Ecole Monge; м-г Léauté—директору Ecole Préparatoire при Ecole Monge, м-г Sabbatié—директору Ecole Préparatoire при Collège Sainte-Barbe; м-г Lénient—директору Ecole Normale des instituteurs (учительскаго института), м-г Klein—инспектору младшихъ классовъ Ecole Monge, преподавателямъ Ecole Monge: м-г Saldé, м-г Goffart, м-г Touchais, м-г Malloizel, м-г Budzynski, м-г Couturier, м-г Serre, м-г Roger.

Примѣчаніе. Къ настоящей статьѣ прилагаются протоколы нѣкоторыхъ уроковъ въ Ecole Monge, на которыхъ мнѣ удалось присутствовать и содержаніе которыхъ должно представлять интересъ для преподавателей, какъ фактической матеріалъ. Предпосылаю объясненіе обозначеній классовъ. Ecole Monge состоитъ изъ общихъ классовъ (divisions classiques) и специальныхъ (Ecole préparatoire aux écoles du gouvernement). Общія классы раздѣляются на два отдѣленія (младшее и старшее). Въ младшее отдѣленіе принимаются дѣти съ 5 лѣтъ и оно состоитъ изъ 7 годовыхъ курсовъ, которые называются: classe enfantine, l'année préparatoire, la 1-e, la 2-e, la 3-e, la 4-e, et la 5-e années. Второй годъ (la 2-e année) соотвѣтствуетъ по возрасту младшему классу лицеевъ, но распределеніе предметовъ (главнымъ образомъ древнихъ языковъ) младшихъ классовъ значительно отличается отъ распределенія ихъ въ лицей.

Старшее отдѣленіе состоитъ изъ 5 классовъ: Classe de philosophie отнесенъ къ Ecole préparatoire. Каждый классъ обоихъ отдѣлений имѣетъ по 3, старшіе по 2 параллели, въ которыя ученики распредѣляются по своимъ способностямъ и успѣхамъ. Обозначеніе (1, 3, 1) надо понимать такъ: 1-ое (младшее отдѣленіе), 3-ій годъ, 1-ая параллель (наиболѣе сильная); (2, 5, 1, 2) 2-ое (старшее) отдѣленіе, 5-й годъ, соединенныя двѣ параллели.

Урокъ въ классѣ (1, 3, 1), соответствующемъ VIII. (Въ лицѣ 2 ч., здѣсь 2^{1/2}). Число учениковъ 16. Возрастъ—9 лѣтъ.

Вычислить площадь круга, котораго окружность = 92^m,75.

Говорятъ и пишутъ

$$S = \text{Circ} \times \frac{r}{2}.$$

Вопросъ—почему? Ученикъ объясняетъ вполне отчетливо: кругъ можно разсматривать, какъ прав. многоугольникъ, имѣющій безчисленное множество сторонъ; съ увеличеніемъ числа сторонъ, периметръ обращается въ окружность, апогема въ радіусъ и отсюда формула. Какъ найти радіусъ? Надо длину окружности раздѣлить на π , получимъ діаметръ

$$d = 92,75 : 3,1416.$$

Дѣленіе объясняется на основаніи свойства частнаго (неизмѣняемость частнаго отъ умноженія дѣлимаго и дѣлителя на одно и то-же число).

$$\begin{array}{r|l} 927500 & 31416 \\ \hline & 29,52 \end{array}$$

Дѣленіе выполняютъ, записывая произведенія дѣлителя на единицы разрядовъ частнаго. Повѣрка посредствомъ 9. При этомъ разбирается вопросъ, какой остатокъ получается при дѣленіи числа на 9.

$$\frac{r}{2} = 29,52 : 4 = 7,38.$$

Спрашиваются признаки дѣлимости на 2, 5, 3, 6, и объясненъ признаковъ дѣлимости на 4. Дальше умножаютъ. Ученикъ считаетъ громко и скоро и пишетъ въ своей тетради, а учитель подъ его диктовку на доскѣ. Повѣрка умноженія посредствомъ 9. Получаютъ

$$S = 684^{\text{mq}},4950.$$

Сколько надо прибавить къ дроби, чтобы составилось $\frac{1}{2}$ кв. метра. Одинъ ученикъ далъ отвѣтъ, многіе не поняли, учитель объяснилъ. Сколько эта площадь составитъ аровъ? 6.

Площадь трапеціи. Разбиваютъ на треугольники и вычисляютъ площадь каждаго.

Спрашиваютъ, что такое объемъ. Объясняется, что такое кубъ, безъ помощи нагляднаго пособія, послѣ чего слѣдуетъ диктовка:

Le cube est un volume, limité par 6 carrés faces égales. Il en résulte, que toutes les arêtes sont égales.

Рисуется кубъ на доскѣ и дѣти срисовываютъ. Объясняется, что такое кубическая единица, что куб. метръ = 1000 куб. дециметровъ.

Урокъ въ классѣ (1, 4, 1) соответствующемъ VII. (Въ лицейѣ 2 ч., здѣсь 2 ч.).

Что такое stère? Les multiples du stère? Les sous-multiples? Le volume d'un tas de bois = la surface de la base \times par la hauteur.—La base est dans ce cas une surface.—*Calculez la valeur d'un tas de bois de $5\frac{m1}{4}$ de longueur, de $4\frac{m4}{7}$ de largeur et de $3\frac{m1}{5}$ de hauteur, si le décastère vaut 135 fr.*

Ученикъ пишетъ въ тетради и читаетъ:

Le tas de bois vaut autant de fois 135 fr., qu'il y a de décastères dans le tas de bois. Il faut donc trouver le volume. Пишуть на доскѣ

$$V = B \times h$$

$$B = 5\frac{m1}{4} \times 4\frac{m4}{7} \text{ (Sic).}$$

Какъ сдѣлать это умноженіе? Надо обратить въ неправильную дробь. Учитель пишетъ подѣ диктовку ученика

$$B = \frac{21}{4} \times \frac{32}{7} = \frac{3 \times 8}{1 \times 1} = 24.$$

Какъ умножить дробь на дробь? Говорятъ.

Сколько куб. метровъ можно положить на площадь? 24.

$$V = 24 \times 3\frac{1}{5} = \frac{24 \times 16}{5} = \frac{384^{st.}}{5} = \frac{768^{st.}}{10} = 76,8^{st.}$$

Какъ это сдѣлать?

Il faut convertir $3\frac{1}{5}$ en expression fractionnaire équivalente. Произведеніе 24×16 вычисляютъ устно, но не особенно бойко, съ наведеніемъ учителя. Какъ сдѣлать, чтобы знаменатель былъ десять?

Когда понадобилось написать дробь $\frac{768}{10}$ безъ знаменателя, то ученики ошибались.

$$76^{st.},8 = 7^{Dst.},68$$

$$135^{fr.} \times 7,68 = 1036^{fr.},80.$$

Поручается ученику громко вычислять, что онъ дѣлаетъ быстро. Повѣрка посредствомъ 9.

Упражненія съ дробями, записываемыя на доскѣ и въ тетрадяхъ:

$$1) 12 - 5\frac{3}{8} = 6\frac{5}{8}$$

Одинъ говоритъ, что надо обратить въ неправильную дробь. Вычисленіе дѣлаютъ такъ:

$$16 - 6 + \frac{5}{8}$$

$$2) 40 - 18\frac{2}{3} = 21\frac{1}{3}$$

Спрощенный отвѣчаетъ туго и затрудняется въ вычитаніи 19 изъ 40.

$$3) 50 - 24\frac{5}{9} = 25\frac{4}{9}$$

Отвѣчаетъ тотъ-же быстро.

$$4) 100 - 62 \frac{4}{5} = 37 \frac{1}{5}.$$

Затрудняется.

$$5) 500 - 247 \frac{1}{8} = 252 \frac{7}{8}$$

$$6) 15 - 8 \frac{3}{4} = 6 \frac{1}{4}$$

Затрудняется.

1) Что значить умножить на $\frac{7}{8}$? Значить взять $\frac{7}{8}$ части числа.

2) Умножьте 49 на $\frac{5}{7}$. Мальчикъ съ нѣкоторымъ трудомъ даетъ отвѣтъ, но правильно разсуждаетъ.

$$45 \times \frac{5}{7} = \frac{45}{7} \times 5 = \frac{225}{7} = 32 \frac{1}{7}$$

Что такое $\frac{225}{7}$? Это 7-я часть 225. Дѣлять такъ: 7 часть 22 есть 3, седьмая часть 15 есть 2.

$$3) \frac{4}{9} \times \frac{6}{7}.$$

Что значить $\frac{4}{9}$ умножить на $\frac{6}{7}$? Взять $\frac{6}{7}$ отъ $\frac{4}{9}$. Надо взять $\frac{1}{7}$, потомъ $\frac{6}{7}$. Какъ взять $\frac{1}{7}$ отъ $\frac{4}{9}$? Затрудняется.

$$\frac{4 \times 6}{9 \times 7} = \frac{8}{21}$$

Какъ получили произведение? Какое было множимое? $\frac{4}{9}$ больше, или меньше $\frac{6}{21}$? Меньше, потому что $\frac{8}{21}$ есть $\frac{6}{7}$ отъ $\frac{4}{9}$. Какъ убѣдиться, что $\frac{4}{9}$ больше $\frac{8}{21}$?

Надо привести къ общему наименьшему знаменателю. Къ общему знаменателю приводить такъ: берутъ кратныя 21-го и выбираютъ то, которое дѣлится на 9.

На сколько множимое больше произведения?

Дрѣленіе.

$$1) \frac{12}{15} : 3 = \frac{4}{15} = \frac{12}{45}$$

Можно: 1) раздѣлить числителя; 2) умножить знаменателя. Которая изъ дробей больше?

$$2) 7 : \frac{2}{3}.$$

Что это значить?

Найти число, $\frac{2}{3}$ котораго равно 7. Пишутъ

$$\frac{2}{3} \text{ du quotient} = 7$$

$$\frac{1}{3} \text{ du quotient} = \frac{7}{2}$$

$$\text{Le quotient} = \frac{7}{2} \times 3 = \frac{21}{2}$$

При этомъ случаѣ рядъ вопросовъ, относящихся до дѣленія цѣлыхъ чиселъ. Дѣти ошибаются, говорятъ, что частное отъ дѣленія 7 на 2 есть $\frac{2}{7}$.

Отсюда правило: *on reverse la fraction et on multiplie par là le nombre.*

Даются примѣры, въ которыхъ требуется дѣлить безъ объясненій.

Урокъ въ классѣ (1, 5, 1), соответствующемъ IV. (Въ лицей $\frac{1}{2}$ ч., здѣсь 2 ч.).
Число учениковъ—21. Возрастъ—11 лѣтъ.

Дѣтямъ извѣстна формула

$$S = C \times \frac{r}{2}.$$

Отсюда выводъ

$$S = \pi r^2$$

и примѣръ: вычислить въ литрахъ объемъ цилиндрическаго бассейна, радиусъ основанія котораго = $2\frac{3}{4}$, высота = $7\frac{1}{8}$. Предполагая воду, выразить вѣсъ этого объема въ килограммахъ.

Задача. Вычислить вѣсъ желѣзной призмы, основаніе которой правильный шестиугольникъ. Данные: плотность желѣза = $7\frac{3}{4}$; высота призмы = 7^m ; стороны основанія $C = \frac{1^m}{8}$; апогема = $\frac{43}{50}$ стороны.

Формулируютъ и затѣмъ пишутъ формулы:

$$P = V \times d$$

$$V = B \times h$$

$$B = p \times \frac{a}{2}$$

$$p = c \times b = \frac{3}{4}$$

$$a = \frac{1}{8} \times \frac{43}{50} = \frac{43}{400}$$

$$\frac{1}{2}a = \frac{43}{800}$$

$$B = \frac{3}{4} \times \frac{43}{800} = \frac{3 \times 43}{4 \times 800}$$

$$V = \frac{3 \times 43 \times 7}{4 \times 800}$$

$$P = \frac{31 \times 3 \times 43 \times 7}{4 \times 4 \times 800}$$

Произведеніе $31 \times 7 \times 3 = 651$ вычисляется устно, 651×43 письменно и быстро.

$$P = \frac{27993}{12800}$$

Дѣтей спрашиваютъ, въ чемъ выражень вѣсъ. Въ тоннахъ. Сколько это составитъ въ килограммахъ? Надо помножить на 1000. Умножаютъ и исключаютъ цѣлое число. Учитель пишетъ на доскѣ подѣ диктовку учениковъ. При дѣленіи пишутся только остатки.

Вычисленіе дѣлается быстро.

$$\begin{array}{r|l} 279.93000 & 12800 \\ \hline 239 & 2186 \\ 1113 & \\ \hline 890 & \\ 122 & \end{array}$$

Сколько надо воды, чтобы она вѣсила 2186 килограммовъ? 2186 литровъ = 21,86ш.

Урокъ въ классѣ (2, 1, 1), соответствующемъ V. (Въ лицѣхъ $1\frac{1}{2}$ ч., здѣсь $2\frac{1}{4}$ ч.). Число учениковъ—21. Возрастъ—12 л.

Что такое численное тождество? Равенство, для повѣрки котораго достаточно сдѣлать указаннныя вычисленія.

Примѣръ. $5^2 - 2 = 5 \times 2^2 - 1$.

Затѣмъ предлагается умножить $x + 3$ на $x - 3$. Объясняется, что надо $x + 3$ умножить на x и на -3 , но забываютъ сказать, что надо сложить произведенія. Формулируютъ изъ этого примѣра общее правило: произведеніе суммы двухъ чиселъ на ихъ разность = разности квадратовъ этихъ чиселъ.

Приложеніе къ численнымъ выкладкамъ:

$$63 \times 57 = 3591.$$

Еще примѣръ:

$$46 \times 34 = 1584.$$

Нѣкоторые могли прямо схватить это, другимъ понадобилось объяснить. Что такое уравненіе?

Примѣръ: $5x - 2 = 18$. — Устно, сразу. Рядъ вопросовъ, относящихся до опредѣленій: что значить рѣшить уравненіе, что называется корнемъ уравненія?

Какія преобразованія можно дѣлать съ обѣими частями уравненія?

I. Можно *прибавить* къ обѣимъ частямъ уравненія и *отнять* отъ обѣихъ частей поровну.

Отсюда *следствие*: можно переносить члены изъ одной части уравненія въ другую.

II. Можно умножать и дѣлить обѣ части уравненія на одно и то-же число.

Послѣ этого переходятъ къ разбору заданнаго урока.

Задача. Если изъ 147 fr. вычесть 19 разъ сумму, которую я имѣю, я получу тоже, какъ если я изъ 122 fr. вычту ту-же сумму 14 разъ. Опредѣлить сумму.

Ученикъ пишетъ это на доскѣ и потомъ читаетъ. Затѣмъ пишетъ на доскѣ: «Soit x la somme que je possède». Учитель замѣчаетъ, что надо иногда точнѣе обозначать единицу.

Что такое уравненіе задачи?

L'équation d'un problème est une traduction algébrique de l'énoncé du problème.

Затѣмъ пишутъ уравненіе:

$$147 - 19x = 122 - 14x$$

$$19x - 14x = 147 - 122.$$

Учитель говоритъ, что эти уравненія равносильны, и спрашиваетъ, что это значить? Уравненія, которыя имѣютъ одинъ корень. Учитель не настаиваетъ на этомъ опредѣленіи.

Ученикъ пишетъ:

$$5x = 25.$$

Раздѣлимъ обѣ части на 5:

$$x = \frac{25}{5}$$

$$x = 5.$$

Отвѣтъ задачи: La somme que je possède est 5 fr.

Чтобы повѣрить рѣшеніе задачи, *достаточно* повѣрить уравненіе. Дѣлается повѣрка.

Вызывается другой ученикъ.

Повторите, что такое уравненіе? Что такое равносильныя уравненія? Есть ли уравненія, которыя имѣютъ нѣсколько корней? Отвѣтъ. Да. Диктуется уравненіе

$$(x - 1)(x - 3) = 0$$

и спрашивается, какіе корни? Ученики отвѣчаютъ. Почему вы говорите, что 1 есть корень уравненія? Потому что, подставивъ 1 вмѣсто x въ уравненіе, получимъ тождество. Подставляютъ вмѣсто x единицу, пишутъ

$$(1 - 1)(1 - 3) = 0$$

и убѣждаются, что это справедливо.

2-я задача. Если мы къ 50 прибавимъ 17 разъ взятое искомое число, то получимъ то-же, какъ если отъ 295 отнимемъ одинъ лишній разъ то-же число.

Учитель объясняетъ, какъ сокращенно записать задачу на доскѣ $+ 50$
17 разъ число $- 1$ лишній разъ отъ 295.

Soit x le nombre cherché. L'équation du problème est

$$17x + 50 = 295 - 18x.$$

Рѣшается уравненіе и дѣлается повѣрка.

Ученикъ, рѣшающій у доски, затрудняется вычислить устно произведеніе 18×7 .

Ученики предупреждаются, что слѣдующій разъ будетъ задана письменная работа на составленіе уравненій, на алгебраическія вычисленія и извлеченіе корня.

Дается примѣръ:

$$5x - \frac{2x - 3}{4} + \frac{3 - 5x}{6}.$$

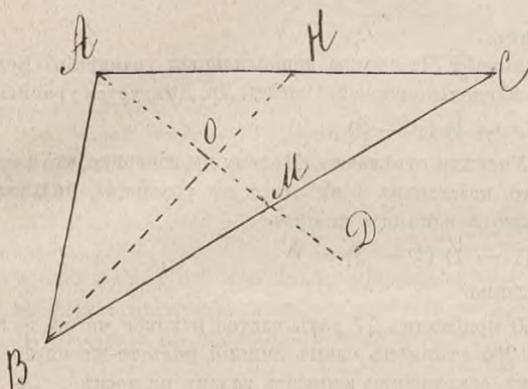
Общій наименьшій знаменатель = 12. Почему? Потому что это наименьшее кратное. Скажите правило приведенія дробей къ общему наименьшему знаменателю. Ученики плохо его формулируютъ, но учитель безъ труда добывается отчетливой формулировки.

Урокъ въ классѣ (2, 2, 1), соответствующемъ IV. (Въ лицѣѣ $1\frac{1}{2}$ ч., здѣсь 2 ч.). Въ первомъ полугодіи—алгебра, во второмъ—геометрія. Возрастъ — 13 л.

Отбираются заданныя работы, на что идетъ довольно много времени. Работа эта слѣдующая. *Теорема.* Если изъ середины одной изъ сторонъ Δ -ка проведемъ прямую, параллельную другой сторонѣ, то она раздѣлитъ третью сторону пополамъ. Вызывается ученикъ къ доскѣ. Какіе методы для доказательства равенства линий? Равенство треугольниковъ. Ученикъ отвѣчаетъ отчетливо и от-

личнымъ языкомъ, учитель заставляетъ другихъ учениковъ повторить доказательство. На какихъ теоремахъ основано доказательство этой теоремы? Перечисляются по порядку. Предлагается формулировать теорему обратную. Что такое обратная теорема? Какъ выражается теорема, обратная заданной? Затѣмъ идетъ доказательство обратной теоремы и крайне изящно формулируется.

Учитель читаетъ теорему: медианы треугольника пересѣкаются на $\frac{2}{3}$ расстоянія отъ вершины, объясняетъ смыслъ ея и затѣмъ диктуетъ.

$$\text{Нур. } \begin{cases} BM = MC \\ AN = NC \end{cases}$$

$$\text{Concl. } \begin{cases} AO = 2 OM \end{cases}$$

Откладываютъ $MD = MO$ и выясняется, что надо доказать равенство $OD = OA$.

Это задается къ слѣдующему разу.

Вызывается ученикъ, который показываетъ на чертежѣ, какіе углы называются внутренними накрестъ лежащими и т. д.

Доказывается ученикамъ равенство внутреннихъ накрестъ лежащихъ угловъ при параллельныхъ линіяхъ.

Учитель предлагаетъ перечислить всѣ теоремы, на которыхъ основано доказательство.

Другой изъ учениковъ доказываетъ обратную теорему.

Всѣ ли обратныя теоремы справедливы?

Урокъ этотъ представляетъ образецъ изящества.

Урокъ въ классѣ (2, 3, 1), соответствующемъ III. (Въ лицѣ 3 часа, здѣсь 2 ч.).

Что такое вписанный уголь? Что такое сегментъ? Какая мѣра вписаннаго угла? Спрашивается, какіе три случая разсматриваютъ въ теоремѣ объ измѣреніи вписаннаго угла. Весьма немногіе могутъ ихъ перечислить. Теорема доказывается для перваго случая, при чемъ припоминается доказательство теоремы о вѣншемъ углѣ треугольника. Предлагается дать другое доказательство теоремы, которое ученикъ съ нѣкоторой неувѣренностью доводитъ до конца. Тотъ-же ученикъ вполне хорошо разсматриваетъ второй случай. Третій случай только бѣгло припоминается и переходятъ къ разсмотрѣнію угла, образованнаго хордою и касательной. Какъ домашняя работа, ученикамъ предлагается доказать теорему: «если черезъ точку касанія двухъ окружностей провести сѣкущую и черезъ точки

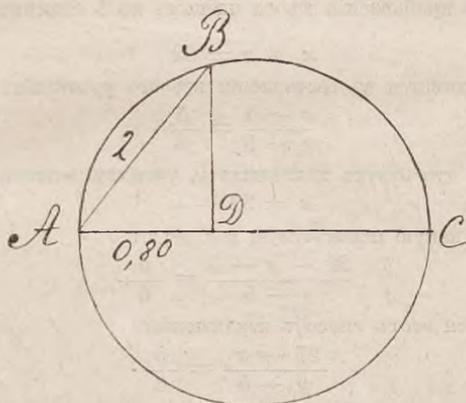
пересѣченія послѣдней съ каждой окружностью провести касательныя къ каждой окружности, то эти двѣ прямыя будутъ параллельны другъ другу».

Какъ подготовка для доказательства этой теоремы припоминаются условія параллельности прямыхъ. Какіе вы знаете методы доказательства параллельности? Ученики перечисляютъ: 1) доказать, что двѣ прямыя перпендикулярны къ третьей; 2) что внутренніе накрестъ лежащіе углы равны и проч.; 3) что двѣ прямыя параллельны третьей.

Замѣчается, что при доказательствѣ предложенной теоремы слѣдуетъ разоб- рать два случая касанія—внутренняго и внѣшняго. Послѣ этого переходятъ къ разбору третьяго случая вписанныхъ угловъ.

Урокъ въ классѣ (2, 4, 2), соответствующемъ II. (Въ лицей 1½ часа, здѣсь 2 час.). Возрастъ — 15 лѣтъ.

1) Даны хорда $AB = 2^m$ и проэція хорды на діаметръ $AD = 0,80^m$. Тре- буется вычислить діаметръ.

Ученики хотѣли вычислить BD , и только указанія учителя навели ихъ на надлежащій путь. Ученикъ писалъ, напримѣръ, такъ

$$4 : 0,80 = 400 \overline{) 80}$$

и вычеркнулъ нули только по указанію учителя.

2) Перемножить многочлены

$$\begin{aligned} 2x^3 - 3ax^2 - 5a^2x - 7a^3 \\ x^3 - 3ax^2 - 3a^2x - a^3. \end{aligned}$$

Это сдѣлано было правильно и быстро.

3) Рѣшить уравненіе

$$2x^2 - 7x + 3 = 0.$$

Ученикъ говоритъ:

«Je divise tout par 2».

Учитель спросилъ другую формулу и заставилъ другого ученика ее записать

Ученикъ, отвѣчавшій у доски, пользовался формулой

$$x = -\frac{p}{2} \pm \sqrt{\frac{p^2}{4} - q},$$

причемъ путалъ значеніе коэффициентовъ.

Послѣ рѣшенія учитель предложилъ приложить другую формулу.
Слѣдуетъ замѣтить, что это были задачи, заданныя на домъ.

$$4) \quad 4x - \frac{2}{3} + \frac{x}{3} = 5 - \frac{x}{4}.$$

Учитель больше говоритъ самъ, чѣмъ спрашиваетъ учениковъ.

$$48x - \frac{24}{3} + \frac{12x}{3} = 60 - \frac{12x}{4}$$

При полученіи этого послѣдняго результата ученикъ постоянно ошибается въ умноженіи.

$$48x - 8 + 4x = 60 - 3x$$

$$48x + 4x + 3x = 60 + 8$$

$$55x = 68$$

$$x = \frac{68}{55}$$

5) Найти дробь по условіямъ: 1) сумма ея членовъ равна 32; 2) дробь обращается въ $\frac{5}{6}$ по прибавленіи къ ея членамъ по 5 единицъ.

$$x + y = 32.$$

Ученикъ затрудняется въ составленіи втораго уравненія.

$$\frac{x - 5}{y - 5} = \frac{5}{6}.$$

Когда рѣшили, что будутъ исключать y , ученикъ пишетъ

$$x = 32 - y,$$

т.-е. не понимаетъ, какую неизвѣстную исключать.

$$\frac{32 - y - 5}{y - 5} = \frac{5}{6}.$$

Какъ называется этотъ способъ исключенія?

$$\frac{27 - y}{y - 5} = \frac{5}{6}.$$

Ученикъ пишетъ на доскѣ:

$$27$$

$$\times 6$$

$$\hline 162$$

$$162 - 6y = 5y - 25.$$

Ученикъ затрудняется въ умноженіи $y - 5$ на 5.

$$6y + 5y = 162 + 25.$$

$$11y = 187.$$

$$y = 17.$$

$$x + 17 = 32.$$

$$x = 32 - 17.$$

$$x = 15.$$

Ученикъ забылъ редакцію задачи и учитель повторилъ ее.

6) Рѣшить систему уравненій:

$$1) \quad 5x - 4y + 2z = 14.$$

$$3x - 2y = 5.$$

$$4y + 5z = 17.$$

Учитель спрашиваетъ общее правило, но не получаетъ отвѣта.

Онъ самъ предлагаетъ исключить y изъ (1) и (3) путемъ сложения.

$$5x + 7z = 31.$$

Умножаютъ (2) на 2 и вычитаютъ изъ (1)

$$-x + 2z = 4.$$

Переписываютъ оба уравненія

$$(4) \quad 5x + 7z = 31.$$

$$(5) \quad -x + 2z = 4.$$

Далѣе пишутъ

$$-5x + 10z = 20.$$

$$17z = 51,$$

$$z = \frac{51}{17}$$

Ученикъ пишетъ на доскѣ

$$51 \left| \begin{array}{r} 17 \\ 4 \end{array} \right.$$

и

$$z = 4,$$

т.-е. затрудняется въ дѣленіи 51 на 17.

Поправивъ ошибку, продолжаютъ

$$-x + 6 = 4, \quad x = \frac{4}{6}.$$

Учитель велитъ стереть съ доски этотъ вздоръ. Съ наведеніемъ ученикъ пишетъ

$$x = 6 - 4 = 2.$$

$$6 - 2y = 5$$

$$6 - 5 = 2y.$$

$$1 = 2y.$$

$$y = \frac{1}{2}.$$

Какъ повѣрить рѣшеніе?

Урокъ въ классѣ (2, 5, 1, 2), соответствующемъ I (реторики). (Въ лицейѣ 1½ ч., здѣсь 1 ч.). Возрастъ—16 л.

Что такое періодическая дробь? Ученики бормочутъ. Учитель объясняетъ.

$$\frac{7}{40} = \frac{7}{2^3 \times 5} = \frac{7 \times 5^2}{2^3 \times 5^3}$$

$$\frac{7}{11} = \text{одиннадцатой части 7-ми единицъ}$$

$$, \quad , \quad 70 \text{ десятыхъ}$$

$$, \quad , \quad 700 \text{ сотыхъ}$$

$$, \quad , \quad 7000 \text{ тысячныхъ}$$

$$\frac{7}{11} = 0,636363 \dots$$

$$\frac{25}{44} = 0,568181 \dots$$

Определение дробей чистыхъ и смѣшанныхъ. Определение fraction génératrice.

$$\frac{7}{11} = 0,6363 \dots = \frac{a}{b}$$

$$\frac{a \times 100}{a} \Big| \frac{b}{63}$$

$$a \times 100 - a = 63b$$

$$99a = 63b$$

$$\frac{a}{b} = \frac{63}{99}$$

Другое разсужденіе. Возьмемъ

$$f_1 = 0,63636363$$

$$100 f_1 = 63,636363$$

$$- f_1 = 0,636363$$

$$99f_1 = 63 - \frac{63}{100^1}$$

$$99f_n = 63 - \frac{63}{100^n}$$

$$99f_\infty = 63$$

$$99f = 63$$

$$f = \frac{63}{99};$$

f est la valeur limite de la fraction.

Замѣчаютъ, что

$$f = \frac{63}{99} = \frac{6300}{9900} = \frac{6363}{9999}$$

Возьмемъ смѣшанную періодическую дробь

$$f = 0,57842842 \dots$$

$$f_3 = 0,57842842842$$

$$100000 f_3 = 57842,842842$$

$$- 100 f_3 = 57,842852842$$

и т. д.

Выводится правило.

Затѣмъ выводятся обратныя теоремы.

Вызывается ученикъ, дѣлающій извлеченіе квадратнаго корня изъ числа 375826. Спрашивается признакъ, по которому можно узнать, не слаба-ли цифра корня, и наведеніемъ выводится. Послѣ этого идетъ объясненіе учителемъ теоріи извлеченія квадратнаго корня.

Урокъ въ классѣ философін. (Въ лицѣхъ по новой программѣ нѣтъ математики, здѣсь 6 часовъ и 3 часа conférence). Сверхъ того, на физику 4½ часа.

Время было передъ самыми экзаменами, шло повтореніе и ученики спрашивались по различнымъ частямъ курса.

- 1) Составить квадратное уравненіе по даннымъ корнямъ.
- 2) Площадь равносторонняго треугольника.

- 3) Приборъ Рамсдена.
 - 4) Общій наибольшій дѣлитель чиселъ 9225 и 3960.
 - 5) Теорія общаго наибольшаго дѣлителя двухъ чиселъ.
 - 6) Число разлагается только однимъ образомъ на простые множители.
 - 7) Отношеніе площадей подобныхъ Δ -ковъ.
 - 8) Отношеніе площадей подобныхъ многоугольниковъ.
 - 9) Распредѣленіе электричества на поверхности тѣлъ.
 - 10) Законы Куломба.
 - 11) Явленія электрическаго вліянія.
 - 12) Построеніе средней пропорціональной между двумя прямыми.
 - 13) Сократить дробь $\frac{645}{4035}$.
 - 15) Измѣненіе дроби отъ прибавленія къ числителю и знаменателю ея одного и того-же числа.
 - 16) Опредѣлить, принадлежитъ-ли данное число къ простымъ числамъ.
 - 17) Число 1747 простое, или составное?
- 2-й урокъ въ классѣ философіи.
- 1) Сѣченія призмы параллельными плоскостями равны.
 - 2) Наклонная призма равновелика прямой, имѣющей съ ней общее основаніе и одинаковую высоту.
 - 3) Противоположныя грани параллелепипеда равны между собою.
 - 4) Сѣченіе параллелепипеда плоскостью есть параллелограммъ.
 - 5) Діагонали параллелепипеда пересѣкаются въ одной точкѣ.
 - 6) Формула квадрата діагонали параллелепипеда.
 - 7) Прямая, перпендикулярная къ двумъ прямымъ на плоскости, перпендикулярна къ этой плоскости.
 - 8) Три параллельныя плоскости разсѣкаютъ двѣ прямыя на пропорціональныя части.

Послѣ этого преподаватель перешелъ къ изложенію опредѣленій и теоремъ, относящихся къ періодическимъ дробямъ, что составило заданіе къ слѣдующему разу. Затѣмъ опять вопросы.

- 9) Прямая на плоскости, перпендикулярная къ проеціи наклонной, перпендикулярна и къ самой наклонной.
- 10) О линейномъ углѣ двуграннаго угла.

В. Струве.

О грамматическомъ матеріалѣ въ русскихъ учебникахъ.

Справедливо замѣчаютъ, что въ послѣднія шесть-семь лѣтъ среди преподавателей русскаго языка, особенно въ Петербургѣ и Москвѣ, обнаружилось замѣтное стремленіе къ опредѣленію условій, отъ которыхъ зависитъ улучшеніе постановки преподаваемыхъ ими предметовъ. Фактическимъ выраженіемъ этого стремленія было изданіе нѣсколькихъ учебныхъ и методическихъ руководствъ, составленныхъ примѣнительно къ новымъ требованіямъ теоріи и практики этихъ предметовъ, а также появленіе нѣсколькихъ трактатовъ и замѣтокъ о болѣе правильномъ и цѣлесообразномъ ихъ преподаваніи. Сверхъ того, начиная съ 1886 года, въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній нѣкоторые изъ петербургскихъ преподавателей обсуждаютъ въ ежемѣсячныхъ собраніяхъ разные вопросы, касающіеся русскаго языка и словесности, какъ предметовъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Нельзя не привѣтствовать оживленія какъ самой литературы по указанному предмету, такъ равно и обмѣна мнѣній между преподавателями отечественнаго языка по вопросамъ ихъ педагогической практики,—нельзя не привѣтствовать и въ виду глубокаго учебно-воспитательнаго значенія этого предмета, и въ виду того, что подъемъ теоретическихъ интересовъ и умственной энергіи наблюдается въ нашей преподавательской средѣ, къ сожалѣнію, не часто. Дай Богъ, чтобы начавшееся оживленіе не имѣло случайнаго и, такъ сказать, мимолетнаго характера, но возрастало и усиливалось хотя до той поры, когда можно будетъ сказать съ увѣренностью, что оно принесло значительную пользу, завершившись выдающимися трудами въ области учебной литературы.

Въ ряду докладовъ, обсуждавшихся въ собраніяхъ петербургскихъ преподавателей, наиболѣе оживленные пренія вызвалъ рефератъ, составленный и прочитанный покойнымъ *В. Я. Стоюнинымъ*, подъ за-

главіемъ: «Грамматическій матеріалъ въ русскихъ учебникахъ». Такъ какъ по многимъ частностямъ этого реферата между преподавателями, принимавшими участіе въ его обсужденіи, не послѣдовало общаго соглашенія, то нѣкоторые члены, какъ замѣчено въ изданіи Педагогическаго музея «Труды собраній преподавателей языковъ русскаго и иностранныхъ», «высказали желаніе узнать мнѣніе и тѣхъ преподавателей, которые не могли принимать участія въ обсужденіи вопросовъ, затронутыхъ Стоюнинымъ, и которые, опираясь на свою опытность, могли-бы присоединить и свои мнѣнія для всесторонняго обсужденія грамматическихъ вопросовъ. Все собраніе сочувственно отнеслось къ этому желанію, признавъ полезнымъ для самаго дѣла обратиться къ преподавателямъ разныхъ вѣдомствъ, доставивъ имъ читанные въ засѣданіяхъ рефераты, разсужденія и обсуждаемые тезисы и программы, съ просьбою высказать свои мнѣнія по тому или другому вопросу съ надеждою, что общее усиліе дастъ хорошіе результаты».

Со времени этого приглашенія прошло уже почти пять лѣтъ. Но такъ какъ вопросы, обсуждавшіеся столичными преподавателями, до сихъ поръ сохраняютъ за собою интересъ новизны, то я и рѣшаюсь высказать по нимъ свои мнѣнія, напечатать ихъ въ журналѣ, получаемомъ въ значительномъ числѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

Не буду излагать содержанія упомянутаго реферата, такъ какъ многіе преподаватели, по всей вѣроятности, прочитали его. Что-же касается тѣхъ, которые еще не успѣли съ нимъ познакомиться, то они легко могутъ сдѣлать это при помощи указаннаго выше изданія. Перехожу прямо къ разбору общихъ положеній, выражающихъ сущность разсужденія покойнаго Стоюнина.

Прежде всего нельзя не согласиться съ мнѣніемъ покойнаго педагога, что для среднихъ учебныхъ заведеній необходимо выработать два курса русской грамматики: *элементарный и высшій*, ибо многое изъ того, что доступно для пониманія и развитія семнадцатилѣтняго юноши, должно оказаться выше познавательныхъ силъ двѣнадцатилѣтняго мальчика.

Слѣдующіе два тезиса Стоюнина, представляющіе разъясненіе перваго, не могутъ, на мой взглядъ, считаться правильными. Онъ утверждаетъ, что элементарный и научный курсы должны отличаться по цѣли, по выбору матеріала и по изложенію, что цѣль элементарной грамматики—научить правильно писать и освоить съ литературной рѣчью настолько, чтобы самому пользоваться ею, или, сливая обѣ цѣли, довести ученика до полной грамотности, чтобы свободно ею пользоваться.

При разсмотрѣннн этихъ тезисовъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе противоположеніе элементарному курсу научнаго. Оно даетъ поводъ думать, что первый изъ этихъ курсовъ можетъ заключать въ себѣ матеріалъ, не согласный съ научными грамматическими изысканіями. Это противопоставленіе на первый взглядъ можетъ казаться простою неточностью выраженія, но дальнѣйшіе тезисы показываютъ, что оно высказано вполне сознательно. Между тѣмъ, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ низшихъ и оканчивая высшими, грамматика отечественнаго языка составляетъ одинъ и тотъ-же предметъ, одну и ту-же науку. Стало быть, элементарный курсъ ея не долженъ заключать въ себѣ рѣшительно ничего такого, что не согласно съ положеніями и выводами научной грамматики. Иначе онъ не заслуживаетъ названія серьезнаго и необходимаго учебнаго предмета: стоитъ-ли въ самомъ дѣлѣ учить другихъ или учиться тому, что не имѣетъ признаковъ и свойствъ науки *)? Изъ сказаннаго слѣдуетъ также, что задача какъ элементарной, такъ и высшей грамматики непремѣнно должна быть одна и та-же. Ее, эту задачу, можно формулировать, какъ *изученіе, анализъ структуры языка, образовательными частями котораго служатъ членораздѣльные звуки, слова и предложенія*. Но при тождествѣ основнаго матеріала и цѣли изученія, элементарный и высшій курсы русской грамматики должны имѣть и значительное отличіе: во-первыхъ, по объему и, во-вторыхъ, по изложенію. Первый курсъ долженъ заключать въ себѣ главнѣйшія свѣдѣнія, относящіяся къ фонетикѣ, морфологіи и синтаксису роднаго языка, а второй—изложеніе тѣхъ-же свѣдѣній, но съ такими подробностями, при помощи которыхъ учащіеся могли бы сознательно относиться ко всему строю живой и литературной рѣчи, понимали-бы формы и причины измѣненія звуковъ, словъ и

*) При всемъ уваженіи къ почтенному автору предлагаемой статьи, мы все-таки не можемъ раздѣлять его взгляда на тезисы, поставленные покойнымъ В. Я. Стоюнинымъ, и полагаемъ заодно съ послѣднимъ, что элементарный курсъ роднаго языка, какъ и всякаго другаго учебнаго предмета, отличается отъ вышшаго научнаго, не только по объему и изложенію, но и по самой сущности: хотя элементарный курсъ, дѣйствительно, не долженъ заключать въ себѣ ничего такого, что несогласно съ положеніями и выводами научной грамматики, тѣмъ не менѣе элементарный курсъ рѣзко отличается отъ научнаго именно тѣмъ, что, заключая въ себѣ лишь простѣйшіе элементы науки, представляетъ изложеніе ихъ не въ строгой системѣ; высшій, научный, курсъ представляетъ изложеніе основнаго началъ данной науки, или, вѣрнѣе, даннаго учебнаго предмета въ строго систематическомъ изложеніи. Изученіе-же языка, какъ науки въ строгомъ смыслѣ слова, мыслимо только въ курсѣ высшихъ учебныхъ заведеній.

предложеній и были-бы въ состояніи объяснить, что въ грамматической области литературнаго языка составляетъ наслѣдіе прошлаго, что принадлежитъ настоящему, и каковы отличительныя особенности рѣчи людей образованныхъ и языка литературнаго. Ограничивая такими рамками высшій курсъ русской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній, мы тѣмъ самымъ отличаемъ его отъ курса университетскаго или академическаго, предметомъ котораго должно быть всестороннее изученіе языка, во-первыхъ, въ тѣхъ формахъ, какія имѣлъ онъ въ разные періоды своего историческаго существованія и въ разныхъ географическихъ условіяхъ (русская историческая грамматика), во-вторыхъ, въ томъ выраженіи, какое имѣетъ онъ въ современной литературѣ и въ рѣчи образованныхъ людей (грамматика современнаго литературнаго русскаго языка), и, наконецъ, въ тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыми, вслѣдствіе широкаго территориальнаго распространенія языка, характеризуются его говоры (русская діалектологія). Съ точки зрѣнія грамматики, какъ науки въ обширномъ смыслѣ этого слова, всѣ явленія языка имѣютъ равную цѣну; такъ, рѣчь простолюдина со всѣми ея несоотвѣтствіями языку образованныхъ людей и литературному ничуть не меньше его интересна и поучительна для филолога. Но указанное опредѣленіе грамматическаго матеріала непригодно для среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ ихъ воспитанники не располагаютъ ни силами, ни временемъ, чтобы изучать родной языкъ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Кромѣ того, въ интересахъ общаго образованія весьма важно и вполне достаточно сосредоточивать вниманіе учениковъ среднихъ заведеній на усвоеніи структуры языка *литературнаго*, какъ такой формы, которая является наиболѣе совершенною, и потому должна служить образцомъ для подражанія. Въ высшій курсъ грамматики для среднихъ заведеній должны входить нѣкоторыя подробности изъ грамматики исторической и діалектологіи, но лишь настолько это необходимо для объясненія формъ языка литературнаго.

О томъ, что элементарный курсъ грамматики долженъ отличаться отъ высшаго по изложенію, нѣтъ нужды распространяться: это понятно само собою.

Несмотря на существенныя отличія курсовъ грамматики, оба они, повторяемъ, должны быть *научными*, т.-е. совершенно согласными съ тѣми обобщеніями, какія добыты путемъ всесторонняго изученія языка, и потому указанный эпитетъ, относясь къ тому и другому курсу грамматики безъ различія, не можетъ быть характеристическимъ свойствомъ только одного изъ нихъ.

Учебная грамматическая литература растет у насъ съ удивительною быстротою. Но этотъ ростъ не приноситъ почти никакой пользы дѣлу изученія родного языка учениками низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ новыя руководства, число которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ, заключаютъ въ себѣ видоизмѣненное изложеніе предмета въ томъ-же порядкѣ и въ тѣхъ-же самыхъ формахъ, которыя унаслѣдованы отъ временъ давно минувшихъ. Указанный недостатокъ зависитъ преимущественно отъ того что, большинство составителей учебниковъ грамматики, во-1-хъ, недостаточно знакомо съ существующими капитальными трудами по изученію русскаго языка, каковы, наприм., грамматики Востокова и Буслаява, а также изслѣдованія акад. Грота, проф. Потемни и др. и, во-2-хъ, совсѣмъ не слѣдитъ за тѣми, вновь выходящими филологическими работами, содержащимъ которыхъ служатъ вопросы какъ общаго языкознанія, такъ въ частности и русской грамматики. Впрочемъ, почти всякій составитель новаго учебника обыкновенно заявляетъ въ предисловіи, что къ изданію своего труда онъ приступилъ, «пересмотрѣвъ всю учебную литературу по отечественному языку, а также важнѣйшія ученія разысканія въ области русскаго языка». Многими учителями подобныя заявленія принимаются на вѣру, какъ *verba magistri*. Но кто дѣйствительно штудируетъ «ученія разысканія», а, сверхъ того, читаетъ и вновь выходящіе учебники, на того заявленія въ родѣ вышеприведеннаго производятъ впечатлѣніе совершенно ложныхъ показаній. Научныя разысканія съ очевидною ясностью показываютъ, что многія учебно-грамматическія положенія и правила, считавшіяся и доселѣ считающіяся большинствомъ не подлежащими сомнѣнію и спору, въ дѣйствительности или совершенно невѣрны, или вовсе не относятся къ существу предмета. Вотъ почему, несмотря на изобиліе вновь появляющихся учебниковъ, еще очень много предстоитъ труда, чтобы очистить школьную грамматику отъ схоластическаго балласта, опредѣлить относительную важность грамматическихъ вопросовъ и изложить наиболѣе существенныя изъ нихъ въ такомъ видѣ, который удовлетворялъ-бы требованіямъ науки и дидактики и способствовалъ пониманію общихъ свойствъ, характеризующихъ цѣлыя группы формальныхъ явленій въ языкѣ. Правда, составителями лучшихъ учебныхъ руководствъ къ изученію русской грамматики положено было не мало труда, чтобы облегчить учащимся прохожденіе и усвоеніе грамматическаго матеріала. Но объясненіе и изложеніе послѣдняго такъ отстало отъ научныхъ изысканій, что между ними и названными учебниками образовалось очень далекое разстояніе. Вотъ почему

громадное большинство образованныхъ русскихъ людей на всю жизнь остаются съ тѣми ограниченными и неправильными свѣдѣніями по грамматикѣ родного языка, которыя даетъ имъ средняя школа. Лишь немногіе изъ этихъ людей, у которыхъ является возможность самостоятельно изучать теорію этого предмета, приобрѣтають въ ней болѣе научныя и точныя познанія, и только для такихъ людей становится понятною великая разница между школьною и научною грамматикой. Лицами, прошедшими среднюю школу, эта разница обыкновенно замѣчается въ то время, когда въ университетѣ имъ приходится слушать дѣйствительно научный курсъ грамматики. Когда, въ 1875 году, профессоръ *И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ* открылъ въ Казанскомъ университетѣ свои чтенія по сравнительному языкознанію и русской грамматикѣ, мы, бывшіе слушатели почтеннаго профессора, не могли не замѣтить въ скоромъ-же времени контраста, представляемаго съ одной стороны научною грамматикой, а съ другой—школьною. Оказалось, что обобщенія и правила, заученныя нами со словъ прежнихъ учителей, не имѣють подъ собою твердой почвы и не выдерживають самой снисходительной критики, при первыхъ обстоятельныхъ справкахъ съ фактами языка. Намъ стало ясно, что чѣмъ скорѣе мы забудемъ эти правила, тѣмъ лучше для дѣла. Мнѣ хорошо помнится, наприм., какихъ большихъ усилій стоило намъ отрѣшиться отъ закрѣпленнаго въ нашемъ сознаніи прежнею школою *смѣшенія звуковъ языка и буквъ алфавита* и понять разницу между строго фонетическимъ и общепринятымъ образованіемъ рѣчи. Тому, кто не былъ въ подобныхъ условіяхъ, нельзя и представить себѣ тѣхъ затрудненій, въ какія поставляется человѣческой умъ, вынуждаемый отрѣшиться отъ воспріятій, упрочившихся въ немъ весьма твердо, чтобы затѣмъ смотрѣть на вещи независимо отъ сложившихся на нихъ возрѣвій. Кромѣ того, въ подобныхъ случаяхъ приходится жалѣть о времени, потраченномъ непроизводительно на усвоеніе свѣдѣній, не имѣющихъ серьезнаго научнаго значенія.

И теперь условія изученія русской грамматики въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не измѣнились къ лучшему. До сихъ поръ даже лучшіе преподаватели этого предмета продолжаютъ твердо держаться отжившихъ традицій, до сихъ поръ задачею своего преподаванія считаютъ не ознакомленіе учащихся съ языковымъ строемъ, а лишь сообщеніе правилъ правописанія. Конечно, послѣднее непременно должно быть изучаемо въ школахъ, но признавать его главнѣйшею цѣлью грамматики и ея важнѣйшимъ предметомъ ошибочно и непослѣдовательно: какъ будто языкъ самъ по-себѣ и наблюденія

надъ его составомъ не заслуживаютъ того, чтобы въ нихъ полагать всю сущность грамматики. Если вы хотите преподавать другимъ грамматику русскаго языка, то, не впадая въ противорѣчiе съ поставленной себѣ цѣлью, должны говорить своимъ ученикамъ ни о чемъ другомъ, какъ только объ условiяхъ и формахъ его строения. Если-же все свое вниманiе вы будете сосредоточивать на одномъ правописанiи, или всѣ свои занятiя будете направлять къ изученiю его одного, какъ главнѣйшей цѣли, то, значить, вы преподаватель не русской грамматики, а только одной изъ прикладныхъ частей ея, называемой правописанiемъ. Какъ ни просты и общедоступны эти соображенiя, но нельзя не приводить ихъ, въ виду крайней путаницы понятiй, существующей насчетъ учебной русской грамматики.

Указавъ въ общихъ чертахъ содержанiе и характеръ низшаго и высшаго курса грамматики, перейдемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнiю тезисовъ реферата.

Въ элементарной грамматикѣ, по мнѣнiю Стоюнина, можно выдѣлить большую часть орфографическихъ правилъ и связать ихъ съ практическими упражненiями. Остальной материалъ долженъ быть изложенъ въ опредѣленной послѣдовательности, съ цѣлью ввести въ сознанiе ученика употребляемыя формы родного языка въ зависимости отъ вопросовъ, съ которыми развивается предложенiе.

Извѣстно, что русское правописанiе основывается преимущественно на морфологiи и этимологiи, и сознательное изученiе его возможно лишь въ связи съ этими частями грамматики. Поэтому составлять изъ орфографическихъ правилъ особый отдѣлъ и знакомить съ нимъ учащихся до прохожденiя этимологiи едва-ли цѣлесообразно и необходимо.

Изъ второй части приведеннаго мнѣнiя Стоюнина, которое онъ выразилъ довольно неопредѣленно, можно, однако, видѣть, что, по изученiи большей части орфографическихъ правилъ, онъ желалъ-бы знакомить учащихся съ главнѣйшими фактами синтаксиса, чтобы отсюда выходить къ изученiю этимологiи.

Не говоря уже о томъ, что между первымъ и вторымъ отдѣлами задуманной Стоюнинымъ грамматики, т.-е. между орфографiей и синтаксисомъ, нѣтъ внутренней связи, нельзя пройти молчанiемъ и того, что авторъ безъ нужды ставитъ синтаксисъ впереди этимологiи. У насъ давно утвердилось мнѣнiе, что преподаванiе элементарной грамматики лучше начинать не съ этимологiи, а съ синтаксиса, въ виду того, что предложенiе, главный предметъ его, будто представляетъ для ученика цѣльный конкретный фактъ, полный реального содержанiя и доступный непосредственному анализу и пониманiю. Но дѣло въ томъ,

что удобными для первоначальнаго синтактическаго разбора служить только предложенія, по своему составу вполне соотвѣтствующія логическимъ сужденіямъ: *блеснула молнія, ударилъ громъ, загорьлось зданіе*. Если-же указаннаго соотвѣтствія нѣтъ, то опредѣленіе составныхъ частей предложенія вызываетъ на практикѣ массу затрудненій: попробуйте, для примѣра, объяснить дѣтямъ безъ помощи этимологіи, что въ предложеніяхъ: *съ горя затянешь тѣсню, не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, по одежду встрѣчаютъ, а по уму провозжаютъ*—предметы, о которыхъ говорится, *не тѣсня, не завтрашній день, не одежда* и *умъ*, а неопредѣленные, подразумеваемые указатели, означенные словечками: *ты, вы, они*. Если съ логической точки зрѣнія всякое слово можетъ быть какъ подлежащимъ, такъ и сказуемымъ, то грамматическій разборъ предложеній, не стѣсняемый формами языка и далекій отъ основъ этимологіи, постоянно можетъ обращаться въ упражненіе по логикѣ, какъ почти всегда и бываетъ на дѣлѣ. Далѣе: если синтактическій разборъ предложенія вести только по началамъ логики, то между второстепенными членами предложенія не слѣдуетъ различать *опредѣлений, дополненій* и *обстоятельствъ*, потому что съ логической точки зрѣнія все это — лишь *опредѣленія*, ограничивающія въ сужденіи объемъ какого-либо главнаго понятія и входящія въ составъ его. Возьмемъ предложеніе: *способный и прилежный ученикъ отлично отвѣчалъ урокъ*. Здѣсь двѣ группы словъ; одна изъ нихъ соотвѣтствуетъ логическому подлежащему, въ которомъ общее понятіе *ученикъ* ограничивается опредѣленіями *прилежный* и *способный*; второй группѣ словъ соотвѣтствуетъ логическое сказуемое, въ которомъ общее понятіе *отвѣчалъ* ограничивается также опредѣленіями *отлично* и *урокъ*. Если-бы разборъ предложеній производился такимъ образомъ, то съ этимъ можно-бы еще помириться, хотя это—разборъ и не грамматическій. Но при изученіи синтаксиса у насъ допускается такое смѣшеніе категорій логики и грамматики, что рѣшительно невозможно опредѣлить, гдѣ оканчивается первая и начинается вторая. Итакъ, члены предложенія, какъ категоріи логическія, выражаемыя разными частями рѣчи, вовсе не такъ легко могутъ быть опредѣляемы дѣтьми безъ помощи этимологіи, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Кромѣ того, синтаксическія категоріи сами по себѣ представляютъ довольно сложныя абстракціи, для яснаго и точнаго пониманія которыхъ необходимо знакомство и съ составомъ сужденія, какъ логической категоріи, и съ формальною, вышшею структурою предложенія, какъ связи словъ, принявшихъ извѣстныя видоизмѣненія. Въ сравненіи съ этими абстракціями звуки, слоги, отдѣльныя слова и ихъ измѣненія должны пред-

ставлять, особенно для дѣтей, учебный матеріалъ, гораздо болѣе доступный и конкретный; только разъясните предварительно своимъ ученикамъ, что рѣчь состоитъ изъ словъ, а слова—изъ слоговъ и звуковъ. Наконецъ, при синтаксическомъ разборѣ, когда онъ ставится въ основу изученія языка, по необходимости оставляются безъ разсмотрѣнія *разные способы формальнаго сочетанія членовъ предложенія*, а въ этомъ вся суть грамматическаго изученія. Если-же это вѣрно, то слѣдуетъ считать ошибочною и исключительно логическую точку зрѣнія Стоюнина, съ которой онъ рекомендуетъ смотрѣть на синтаксическія категоріи,—слѣдуетъ сомнѣваться, что «научною основою при изученіи формъ предложенія и его частей должна быть логика». Не подлежитъ сомнѣнію, что упомянутыя категоріи по самой природѣ своей—логическаго свойства. Но изъ этого не слѣдуетъ, что онѣ не могутъ быть разсматриваемы лишь какъ разнообразныя языковыя формы известнаго значенія, не могутъ быть изучаемы независимо отъ ихъ общей логической роли. Если мнѣ нужно изучить типы простого предложенія въ русскомъ языкѣ, то я долженъ обратиться не къ логикѣ, а къ виѣшнимъ, формальнымъ признакамъ такихъ предложений,—долженъ опредѣлить строеніе каждаго отдѣльнаго типа и зависимость составныхъ частей его. Въ результатѣ такого изученія непременно должно быть заключеніе о крайнемъ разнообразіи языковыхъ средствъ для выраженія одной общей логической категоріи, а равно и о томъ, что грамматика и логика имѣютъ каждая свою особенную область, почему и могутъ быть изучаемы самостоятельно, безъ постоянныхъ экскурсій изъ одной въ другую.

На основаніи сказаннаго я не вижу необходимости преподавать синтаксисъ раньше этимологии и преподавать по категоріямъ и принципамъ логики. Вопреки мнѣнію покойнаго Стоюнина, я полагаю, что задачею современныхъ составителей грамматики должно быть не представленіе частей ея съ одного мѣста на другое, а болѣе правильное, научное и общедоступное объясненіе, освѣщеніе и изложеніе учебнаго матеріала, предлагавшагося прежде въ крайне плохой обработкѣ. При такихъ условіяхъ исключеніе изъ грамматики такихъ существенныхъ отдѣловъ ея, каковы *склоненіе* и *спряженіе*, не можетъ имѣть мѣста, какъ желалъ того Стоюнинъ, потому что названныя отдѣлы будутъ изложены тогда съ научной основательностью и полнотой, при которыхъ склоненія русскихъ именъ и спряженія глаголовъ предстанутъ предъ сознаніемъ ученика не въ видѣ крайне неопредѣленныхъ, общихъ и неточныхъ схемъ, а расклассифицированными по морфологическимъ признакамъ, изъ коихъ важнѣйшимъ является *удареніе*. Такого

изложенія системы русскихъ склоненій и спряженій въ настоящее время нѣтъ ни въ одномъ изъ общеупотребительныхъ учебниковъ.

Подведемъ теперь итоги всему сказанному.

1. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдуетъ проходить два курса русской грамматики: низшій и высшій.

2. Оба они должны быть одинаково научны и имѣть одну и ту-же цѣль, именно—анализъ составныхъ частей языка, каковыми являются членораздѣльные звуки, слова и предложенія.

3. При тождествѣ содержанія и цѣли, элементарный курсъ грамматики долженъ быть меньше высшаго по объему и проще по изложенію.

4. Орфографія, какъ прикладная часть грамматики, не заслуживаетъ предпочтительнаго изученія предъ другими, болѣе существенными отдѣлами этой науки.

5. Синтаксисъ для первоначальнаго изученія ни-чуть не легче этимологіи, даже труднѣе ея, и потому нѣтъ нужды ставить его въ основу теоретическаго ознакомленія учащихся съ языковымъ строемъ.

6. Суть грамматики заключается въ разсмотрѣніи и объясненіи формъ языка, служащихъ своеобразными выразителями общихъ логическихъ категорій и отношеній.

7. Задача составителя учебной грамматики заключается не въ механическомъ передвиженіи частей ея съ одного мѣста на другое, а въ новой обработкѣ матеріала.

Составить элементарный курсъ грамматики было-бы не трудно, если-бы составленъ былъ высшій курсъ ея. Къ сожалѣнію, такого курса пока нѣтъ. Значить, настойтъ нужда въ составленіи его. Дѣло это чрезвычайно трудное, и для надлежащаго выполненія его едва-ли хватитъ человѣческой жизни. Пока у насъ имѣются по разнымъ отдѣламъ грамматики лишь спеціальныя монографіи и замѣтки, а многіе вопросы еще не затронуты научнымъ анализомъ. Я довольно долго занимался изученіемъ грамматическихъ трудовъ, но для составленія высшаго курса грамматики мною не сдѣлано и третьей части необходимыхъ работъ. Тѣмъ не менѣе, планъ упомянутаго курса сформировался въ моемъ сознаніи, кажется, съ достаточной опредѣленностью, и въ слѣдующихъ статьяхъ я надѣюсь представить этотъ планъ на судъ своихъ товарищей, преподавателей русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ

А. Анастасіевъ.

(Продолженіе будетъ).

„Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ М. Ю. Лермонтова.

Критико-педагогическая замѣтка.

Въ настоящей критико-педагогической замѣткѣ мы не намѣрены поднимать какого-либо общаго вопроса о свойствахъ таланта или о значеніи литературной дѣятельности Лермонтова: только-что минувшій годъ—юбилейный для памяти великаго поэта—принесъ съ собою достаточное количество новыхъ статей и изслѣдованій, освѣтившихъ съ разныхъ сторонъ его талантъ и заслуги. Наша задача болѣе ограничена: мы коснемся здѣсь не таланта Лермонтова вообще, а лишь вопроса объ относительной важности и значеніи одного изъ его произведеній, съ точки зрѣнія учебно-воспитательной и художественной. Интересъ, который можетъ представить собою какое-либо произведение поэта для чисто научнаго изслѣдованія, съ точки зрѣнія исторіи литературы, не всегда совпадаетъ съ требованіями учебными и художественными. Для историческаго изслѣдованія, для выясненія особенностей таланта или біографіи поэта какое-нибудь слабое произведение можетъ имѣть большой интересъ. Совершенно иначе можетъ представиться этотъ вопросъ, если взглянуть на него съ точки зрѣнія воспитанія художественнаго вкуса и смысла. Исторія литературы, въ настоящемъ значеніи этого слова, не можетъ быть предметомъ изученія въ средней школѣ: недостатокъ учебныхъ часовъ, отсутствіе у учащихся фактическихъ знаній и даже знакомства съ произведеніями выдающихся авторовъ не позволяютъ педагогу пускаться въ какія-либо широкія обобщенія, касающіяся литературныхъ эпохъ. Главная задача изученія произведеній словесности въ средней школѣ сводится поневолѣ къ обстоятельному изученію *образцовъ*; а такъ какъ число образцовыхъ произведеній должно быть ограничено, то выборъ ихъ изъ всѣхъ произведеній автора представляетъ собою не мало важ-

ный вопросъ для школы. Избранное произведеніе должно быть дѣйствительно интереснымъ, выдающимся, типическимъ—или для характеристики таланта автора, или для ознакомленія съ эпохой, къ которой оно относится по своему содержанію, или, наконецъ, въ отношеніи художественномъ, со стороны своего общечеловѣческаго значенія; словомъ, выборъ образца для учащихся долженъ быть оправданъ его образцовыми въ какомъ-либо отношеніи свойствами въ виду того, что этотъ образецъ долженъ сдѣлаться предметомъ внимательнаго изученія въ классѣ и привести учащихся къ какимъ-либо опредѣленнымъ выводамъ. «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ» Лермонтова занимаетъ видное мѣсто во всѣхъ дѣйствующихъ программахъ русской словесности и считается однимъ изъ выдающихся его произведеній, на ряду съ «Героемъ нашего времени», «Мцыри» и другими стихотвореніями; и въ нашей учебной литературѣ за нею установилась слава столь-же удачнаго подражанія народнымъ пѣснямъ, сколько образцовой исторической поэмы, высоко стоящей въ художественномъ отношеніи. Такой взглядъ утвердился въ нашей учебной литературѣ подъ вліяніемъ того сочувствія, съ которымъ эта пѣсня была встрѣчена Бѣлинскимъ при самомъ ея появленіи на свѣтъ. Дѣйствительно, въ статьѣ, проникнутой обычнымъ горячимъ энтузіазмомъ, онъ увѣнчалъ эту пѣсню чуть-ли не вѣнкомъ художественнаго совершенства, какъ образцовую «историческую поэму». Но мы не должны забывать, что нашъ великій критикъ, при всей глубинѣ и чуткости своего критическаго таланта, былъ способенъ къ увлеченіямъ въ своихъ критическихъ отзывахъ, и въ особенности по отношенію къ такимъ молодымъ, начинавшимъ свое поприще писателямъ, въ произведеніяхъ которыхъ онъ замѣчалъ присутствіе несомнѣннаго таланта. Поэтому мы считаемъ не безынтереснымъ подвергнуть этотъ взглядъ нѣкоторой критической провѣркѣ и на ея основаніи рѣшить вопросъ, не представляется-ли эта пѣсня, наоборотъ, произведеніемъ относительно слабымъ именно въ художественномъ отношеніи, ничѣмъ особенно не выдающимся въ другихъ отношеніяхъ и совсѣмъ не характернымъ для истиннаго таланта Лермонтова? Съ этою цѣлью мы рассмотримъ «Пѣсню о купцѣ Калашниковѣ» прежде всего какъ подражаніе народнымъ пѣснямъ, затѣмъ—съ точки зрѣнія господствующихъ въ исторической наукѣ взглядовъ на эпоху опричины и, наконецъ, въ отношеніи художественномъ. Чтобы выяснить вопросъ, представляетъ-ли собою это произведеніе Лермонтова удачное подражаніе историческимъ пѣснямъ, въ смыслѣ поэтической переработки и воспроизведенія ихъ основныхъ мотивовъ и духа, обратимся къ тому матеріалу, который долженъ считаться

оригиналомъ для подражанія, т.-е. къ народнымъ историческимъ пѣснямъ. Мы будемъ пользоваться для сравненія сборникомъ народныхъ пѣсенъ Кирѣевского *). Самаго бѣглаго знакомства съ народными пѣснями о царѣ Иванѣ Васильевичѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что сущность этихъ пѣсенъ не можетъ заключаться ни въ объективно-художественномъ творествѣ, ни въ точномъ воспроизведеніи исторической дѣйствительности. Это и понятно. Народъ въ своемъ творествѣ, кромѣ шаткаго устнаго пересказа и преданія, не могъ пользоваться никакими болѣе точными историческими данными и источниками; критика событій и ихъ значенія была для него также совершенно недоступна вслѣдствіе темноты, невѣжества и отдаленности народной массы отъ исторической арены. Вотъ почему сущность историческихъ пѣсенъ состоитъ не столько въ воспроизведеніи историческихъ лицъ и событій, съ ихъ дѣйствительными чертами, сколько въ выраженіи народныхъ взглядовъ и понятій объ этихъ лицахъ и событіяхъ. Вслѣдствіе этого, мы приступаемъ къ чтенію народныхъ историческихъ пѣсенъ и къ оцѣнкѣ выраженнаго въ нихъ народнаго творчества съ самыми скромными и умѣренными требованіями. Между тѣмъ, не смотря на всевозможные анахронизмы и смѣшенія историческихъ лицъ, именъ и событій, которыми онѣ переполнены, оказывается, что личность Ивана Грознаго обрисовывается въ нихъ, въ художественномъ отношеніи, вполне опредѣленными живыми и яркими чертами. Съ одной стороны, Иванъ Грозный представляется въ нихъ человѣкомъ умнымъ и царемъ дальновиднымъ, проницательнымъ «прозрителемъ»; его генію приписываются всѣ военные успѣхи, побѣды и приобрѣтенія новыхъ областей; онъ — побѣдитель царствъ Казанскаго и Астраханскаго, онъ принимаетъ подъ свою руку Сибирское царство; отсюда источникъ его славы: онъ именуется въ пѣсняхъ «содержателемъ всей Руси, сберегателемъ Москвы». Съ другой стороны, онъ является въ пѣсняхъ жестокимъ, неумолимымъ мучителемъ, невоздержнымъ и вспыльчивымъ, съ очень нервнымъ характеромъ: то царемъ, проникнутымъ національнымъ чувствомъ, то оскорбляющимъ это чувство своею немилостью и необузданностью. Грозный царь является въ народныхъ пѣсняхъ и понятіяхъ столько-же виновникомъ «буйныхъ дѣлъ» и «нехорошаго времени» на Руси, сколько источни-

*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ этотъ сборникъ, позднѣйшаго происхожденія, болѣе богатый вариантами, вошли и тѣ три основныхъ мотива народнаго творчества объ эпохѣ Ивана Грознаго, которые находились и въ сборникѣ Кирши Данилова, изданномъ Калайдовичемъ въ 1818 году,—а именно: взятіе Казани, покореніе Сибири и покушеніе царя на сыноубійство.

комъ ея величія. Эта мысль прекрасно выражена, въ началѣ одной пѣсни о присоединеніи Сибири, въ слѣдующихъ словахъ:

«Какъ было при старомъ при царѣ, при Иванѣ Васильевичѣ,
 Было время нехорошее, время нездоровое,
 Только слышишь брани-драки, все то буйныя дѣла!
 Вотъ настало времячко счастливое:
 Ужъ и сталъ-то Грозный царь Россеюшку любить,
 Сталъ Россеюшку любить, чужи страны съ ней сводить».

(Сборн. пѣс. Кирѣевского, вып. 6, стр. 42).

Въ этихъ пѣсняхъ Иванъ IV вполне оправдываетъ названіе Грознаго: въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ жизни его отношеніе къ окружающимъ, его дѣятельность выражаются въ страшныхъ казняхъ для искорененія мнимой измѣны. Въ одной пѣснѣ царевичъ Иванъ въ слѣдующихъ словахъ напоминаетъ своему батюшкѣ о совершенной ими побѣдкѣ послѣ взятія одного города:

«Мы съ тобою, государь, да все ѣхали,
 Мы все ѣхали да все вѣшали»...

Въ другой пѣснѣ, при первомъ намекѣ царевича Ѳедора на то, что между боярами есть три измѣнника, царь говорить:

«Перваго боярина въ котлѣ велю сварить,
 Другого боярина велю на колѣ посадить,
 Третьяго боярина скоро велю сказнить».

Для исполненія своихъ страшныхъ рѣшеній, царь постоянно окруженъ толпою злыхъ, немилостивыхъ палачей—

«Воскликнуль-возгаркнуль Грозный Царь,
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
 Есть-ли у меня злые палачи,
 Злые палачи, немилостивые?»

Но иногда его распоряженія бываютъ такъ безчеловѣчны, что повергаютъ въ ужасъ даже его грозныхъ палачей. Такъ, однажды, на пиру, разсердившись на своего сына, Иванъ Грозный отдаетъ слѣдующій приказъ:

«Ой вы гой еси, палачи Московскіе,
 Вы сказните молодого царевича,
 Выньте изъ груди сердце съ печенью,
 Принесите мнѣ на показанье.
 Всѣ палачи приужахнулись»...

Въ одномъ вариантѣ царь допрашиваетъ своего боярина Никиту Романовича, прозивъ ему ногу своимъ жезломъ:

«А ткнетъ онъ Никиту въ праву ногу,
 Пришилъ его къ сырой земли,

А самъ онъ, царь, приговариваетъ:
 Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
 Въ котлѣ сварить, либо на коль посадить,
 На коль посадить, скоро велю сказнить.
 У меня кручина несносная,
 А у тебя, бояринъ, пиръ на веселѣ!»

При такихъ условіяхъ, среда, окружающая царя, т.-е. бояре, служилые люди и сами палачи, обрисовывается вѣчно трепещущей толпой, въ которой подавлено всякое проявленіе личности:

«Всѣ бояре испугалися,
 Малый прячется за стараго,
 Старый прячется за малаго».

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ царь требуетъ у нихъ отвѣта,

«Не знаютъ отвѣта дать,
 Большой за малаго хоронится,
 А малаго за большимъ давно не звать».

Но бываютъ случаи, когда царю приходится пожинать еще болѣе горькіе плоды своего деспотизма и чувствовать недостатокъ людей вокругъ себя. Таково горькое раскаяніе царя послѣ сыноубійства:

«Своего сына онъ хватается,
 Своего сына Дмитрія царевича,
 Прозвавъ дѣло, рвется и мечется
 И говоритъ таковы слова:
 Ой вы слуги мои вѣрные!
 Вы зачѣмъ меня не уняли,
 Вы зачѣмъ попустили на дѣло окаянное?
 Отвѣчаютъ ему слуги вѣрные:
 Ой ты, батюшко, Грозный царь,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
 Не посмѣли мы перечить тебѣ,
 Убоялись мы твоего гнѣва скорого».

Народъ не примиряется съ образомъ такого жестокаго царя: напротивъ того, онъ въ художественной формѣ противопоставляетъ этой темной сторонѣ его личности идеаль гуманнаго, милостиваго отношенія къ своимъ подданнымъ. Эта мысль выражается въ завѣщаніи умирающей царицы:

«Еще слушай, царь, ты послушайко,
 Что я тебѣ, царица, повею скажу.
 Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 До своихъ до князей, до думныхъ бояръ
 И до того ты до дядошки любимаго
 И до своего ты крестнаго батюшки

До того Богдана Сирскаго:
 И тутъ твоя дума крѣпкая.
 Еще слушай, царь, ты послушайко,
 Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 До своихъ солдатшекъ служащихъ:
 И тутъ твоя сила вѣрная.
 Еще слушай, царь, ты послушайко,
 И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 До всего народу православнаго».

Въ то время, какъ для характеристики свѣтлой стороны царствованія Ивана Грознаго въ народныхъ пѣсняхъ служить, главнымъ образомъ, сказаніе о взятіи Казани и покореніе Сибири, любимыми мотивами болѣе мрачнаго характера являются покушеніе царя на сыноубійство и женитьба на Марьѣ Темрюковнѣ, противъ которой напрасно его предостерегаетъ умирающая царица. Наилучшими въ художественномъ отношеніи, по силѣ выраженія и по развитію драматизма въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, должны быть признаны нѣсколько вариантовъ о покушеніи царя на сыноубійство. (Одинъ изъ такихъ вариантовъ помѣщенъ въ хрестоматіи Бунакова ч. 2, стр. 168, другой въ «Сборникѣ» Воскресенскаго, стр. 175). Наболѣе выразительными моментами въ этихъ пѣсняхъ по отношенію къ царю являются изображеніе его горя и отчаяніе послѣ мнимой казни сына и во время его мнимыхъ похоронъ и затѣмъ—неожиданный взрывъ его радости при видѣ спасеннаго царевича. Не приводя здѣсь этихъ стиховъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что въ изображеніи порывистыхъ движеній сердца и внезапныхъ переходовъ царя отъ одного чувства къ другому, отъ гнѣва, недовѣрія и горя къ радости и благодарности вполне, обрисовывается страстная натура челоуѣка-царя, хотя, быть можетъ, нѣсколько идеализированная народной фантазіей, но въ общемъ очерченная довольно близко къ его исторической характеристикѣ.

На ряду съ центральной личностью царя въ разбираемыхъ пѣсняхъ занимаютъ очень видное мѣсто еще два лица: царскій любимецъ Малюта Скуратовъ и бояринъ Никита Романовичъ. Въ лицѣ Малюты Скуратова съ поразительною ясностью запечатлѣлся въ народной фантазіи представитель тѣхъ злыхъ палачей - опричниковъ, которыми окружилъ себя царь. Это—низкій и дерзкій царскій угодникъ, для котораго нѣтъ ничего святаго и завѣтнаго въ жизни. Въ то время, какъ всѣ окружающіе царя бояре и слуги, по словамъ пѣсни, въ ужасѣ разбѣгаются изъ палаты, не рѣшаясь привести въ исполненіе царскаго приказа, даннаго подъ вліяніемъ вспышки гнѣва и

подозрительности, одинъ Малюта Скуратовъ выступаетъ впередъ и спокойно ведетъ царевича

«...за Москву рѣку,
 Къ тому-ли болоту стоячему,
 Къ той-ли лужѣ кровавой,
 Къ той-ли плахѣ поганой»,

о которой пѣсня народная говоритъ съ видимымъ омерзениемъ. Но Малюта уже казнилъ на своемъ вѣку много знатныхъ людей, ему захотѣлось испробовать и царской крови:

«Много казнилъ я князей-бояръ,
 Не казнилъ рода царскаго,
 Пойти сказнить молодаго царевича».

Народъ не щадитъ эпитетовъ для того, чтобы достойнымъ образомъ заклеить имя Малюты и упоминаетъ о немъ не иначе, какъ съ присоединениемъ какого-нибудь эпитета, въ родѣ: врагъ, воръ, злодѣй, собака, палачъ, Скурлюткинъ сынъ и т. п. Замѣчательно, что, по справедливой логикѣ народной пѣсни, потаканіе царскимъ слабостямъ, на счетъ которыхъ живутъ люди, подобные Малютѣ Скуратову, въ концѣ-концовъ падаетъ на ихъ-же голову.

Когда Грозный узнаетъ (въ концѣ пѣсни), кто его истинный слуга, онъ безъ сожалѣнія предаетъ казни своего бывшего любимца—еще черта, согласная съ исторіей.

Какъ-бы въ противовѣсъ этому нелюбимому лицу народной пѣсни, выведенъ идеальный типъ боярина Никиты Романовича, который служить истиннымъ интересамъ царскимъ и народнымъ даже наперекоръ царской волѣ. Рискавъ подпасть подъ опалу царя или погибнуть отъ его гнѣвной руки, онъ сильно возстаетъ противъ его безчеловѣчнаго распоряженія, скачетъ на конѣ, какой ему попался подъ руку, къ мѣсту казни, вырываетъ невинную жертву изъ рукъ Малюты и предается свѣтлой радости по случаю своей побѣды надъ зломъ и спасенія царевича. На вопросъ-же царя о наградѣ, которую онъ желалъ-бы получить за свою услугу, Никита Романовичъ отказывается отъ всѣхъ подарковъ, личныхъ выгодъ и милостей; онъ проситъ царя только объ одной милости: объ искорененіи источника зла въ лицѣ Малюты—

«Ой ты гей еси, государь, царь Иванъ Васильевичъ!
 Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
 Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
 Не хочу я твоей золотой казны,
 Дай ты только Малюту Скуратова,
 Поведи мнѣ его, сударь, казнить!».

По другому варианту Никита Романовичъ собственноручно убиваетъ Малюту во время приготовленія его къ казни царевича, и уже просить у царя иной милости, учрежденія въ его владѣніяхъ Микитиной вотчины, дающей ему возможность облегчать участь осужденныхъ преступниковъ.

Переходя къ пѣснѣ Лермонтова про купца Калашникова и останавливаясь въ ней прежде всего на личности Ивана Васильевича, мы находимъ ее въ высшей степени слабымъ отраженіемъ того образа, который созданъ народной поэзіей. Во всей фигурѣ Грознаго не достаетъ жизни, движенія, страсти, необузданныхъ порывовъ, словомъ, нѣтъ совсѣмъ того нервнаго, увлекающагося темперамента, который ясно обрисовывается въ историческихъ пѣсняхъ и находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ исторіи. Грозный Лермонтова, напротивъ того, спокоенъ, холоденъ, почти неподвиженъ. Въ первой части поэмы описывается, какъ царь сидитъ среди пира, улыбаясь и угощая своихъ гостей — тихо, скромно, сдержанно; но, при видѣ задумчиваго лица своего любимаго опричника, онъ хмуритъ брови и въ раздраженіи стучитъ палкою объ полъ, затѣмъ произноситъ слѣдующую холодную риторическую рѣчь:

«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
 Аль ты думу затаилъ нечестивую?
 Али слава нашей завидуешь?
 Али служба тебѣ честная прискучила?
*Когда восходитъ мѣсяць—звѣзды радуются,
 Что свѣтлый имъ гулять по поднебесью;
 А которая въ тучку прячется—
 Та стремглавъ на землю падаетъ.
 Неприлично-же тебѣ, Кирибѣевичъ,
 Царской радостью жушатся;
 А изъ роду ты въдѣ Скуратовыхъ,
 А семьею ты вскормленъ Малютинной!»*

За исключеніемъ первыхъ четырехъ строкъ, эта рѣчь производитъ неопредѣленное, вялое впечатлѣніе: непонятно, что собственно желаетъ ею высказать царь, — грозитъ-ли онъ Кирибѣевичу смертной казнью, желаетъ-ли онъ обратить только его вниманіе на неприличіе поведенія, или, наконецъ, желаетъ затронуть самолюбіе Кирибѣевича, напоминая ему, къ какой знаменитой семьѣ онъ принадлежитъ. Во всѣхъ этихъ словахъ нѣтъ связи, одна мысль ослабляетъ другую и мѣшаетъ ея развитію: послѣ намекъ на смертную казнь замѣчаніе о *неприличіи* поведенія слишкомъ мягко и незначительно. Поэтическое напоминаніе

о звѣздахъ какъ-то неумѣстно. Это не выраженіе гнѣва, а холодное разсужденіе, въ которомъ, едва-ли удачно, почему-то перепутываются падающія звѣзды съ тучами. Слѣдующій затѣмъ рядъ вопросовъ, съ которыми царь обращается къ Кирибѣевичу, имѣетъ своимъ назначеніемъ выразить его нѣжную заботливость о своемъ любимцѣ:

«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
 Не истерся-ли твой парчевой кафтанъ?
 Не измялась-ли шапка соболиная?
 Не казна-ли у тебя поистратилась?
 Иль зазубрилась сабля закаленная?
 Или конь захромалъ худо-кованый?
 Или съ ногъ тебя сбиль на кулачномъ бою,
 На Москвѣ-рѣкѣ сынъ купеческій?»

Но сообразно-ли съ характеромъ Ивана Грознаго выражать свою заботливость объ опричникѣ въ такой многословной, растянутой формѣ, соотвѣтствующей скорѣе какому-нибудь элегическому стихотворенію, нежели словамъ гнѣвнаго, нетерпѣливаго царя?

И дѣйствительно, вопросы эти, по своей формѣ, по тону и подробностямъ, представляютъ собою ничто иное, какъ лирическое стихотвореніе, обращенное къ *доброму молодцу-горемыкѣ*, а не рѣчь Ивана Грознаго къ опричнику; по отношенію къ послѣднему они неправдоподобны; могъ-ли царь подозрѣвать, чтобы у его любимаго опричника, человѣка богатаго, обезпеченнаго, источникомъ горя служилъ хромоногій конь или измятая шапка! Въ народныхъ пѣсняхъ рѣчи царя, при всей грубоватости и простотѣ, исполнены живого движенія, характеризующаго человѣка, который то «опалается» гнѣвомъ, то «рвется и мечется».

Узнавъ, наконецъ, отъ Кирибѣевича, что причина его грусти—любовь, царь предлагаетъ ему свое содѣйствіе и поощряетъ его къ сватовству въ слѣдующихъ скромныхъ выраженіяхъ:

«Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
 Не полюбишься—не прогнѣвайся».

Послѣ такихъ словъ со стороны Ивана Васильевича, какъ-бы указывающихъ на его уваженіе къ личности женщины и ея свободѣ, дальнѣйшая бесѣда царя съ Кирибѣевичемъ пріобрѣтаетъ нѣкоторый интересъ: становится любопытнымъ, какъ отнесется Иванъ Грозный къ любви своего опричника, когда узнаетъ, что любимая имъ женщина замужемъ. Но, къ сожалѣнію, на этомъ самомъ мѣстѣ, т.-е. послѣ признанія Кирибѣевича, разговоръ между ними прекращается, и дальнѣйшее отношеніе царя къ этому вопросу въ поэмѣ остается невыясненнымъ.

Но Грозный царь появляется еще разъ въ 3-й части поэмы, во время невинной потѣхи царской, кулачнаго боя въ праздничный день. И здѣсь его не покидаетъ спокойствіе и самообладаніе; даже въ тотъ моментъ, когда Калашниковъ убиваетъ у него на глазахъ его любимца, его лучшаго бойца, царь не обнаруживаетъ никакого движенія страсти; безъ всякаго гнѣва и нетерпѣнія, разсудительно, благоразумно допрашиваетъ онъ Калашникова:

«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти:
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца Кирябѣевича?»

И послѣ неожиданнаго отвѣта Калашникова, что онъ убилъ его вольной волею, но не желаетъ открывать причины своего поступка— въ царской рѣчи также не обнаруживается ни малѣйшаго признака гнѣва. Но за-то въ этой послѣдней рѣчи Грозный царь проявляетъ высокія качества человѣка и правителя: чувства гуманности и законности. Прежде всего царь искренно цѣнитъ въ отвѣтъ Калашникова его героическую правдивость, смѣлость, откровенность:

«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти».

Какъ-бы въ награду за эти нравственныя качества, царь беретъ на свой царскій счетъ обезпеченіе его жены и сиротъ,—обѣщаетъ, сверхъ того, послѣ его смерти, предоставить братьямъ его широкія торговыя льготы. Очевидно, что если Грозный царь все-таки обрекаетъ на казнь самого Калашникова, то лишь въ силу принципа законной кары за преступленіе,—въ данномъ случаѣ—за его дерзкое, самовольное убійство въ присутствіи царя. Правда, въ послѣднихъ словахъ царя, въ его ироніи, въ подробностяхъ, съ которыми онъ рисуетъ будущую обстановку казни, очень тонко проглядываетъ какъ-бы предвкушеніе того удовольствія, которое доставитъ царю самая казнь. Но этой чертѣ жестокости противорѣчитъ вся первая половина рѣчи, проникнутая человѣчной заботливостью, исполненная великихъ милостей царя по отношенію къ родственникамъ убійцы.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что самыя живыя и правдивыя черты, которыми обрисовывается личность Ивана Грознаго въ народныхъ пѣсняхъ, исчезаютъ въ псэмѣ Лермонтова и замѣняются чертами иного рода. Въмѣсто подвижнаго, жестокаго деспота, съ страстнымъ, увлекающимся характеромъ, здѣсь является блѣдный образъ справедливаго, гуманнаго блюстителя законности.

Еще рѣзче выражается контрастъ между народными пѣснями и разбираемой поэмой въ изображеніи опричника Кирибѣевича. Ненавистный народу образъ «врага»—Малюты Скуратова превращается въ пѣснѣ Лермонтова въ благороднаго, иѣжнаго, симпатичнаго юношу, страстнаго, влюбленнаго и страдающаго отъ своей несчастной любви. Это вполне нравственная личность. Онъ знаетъ, что Алена Дмитріевна «перевѣнчана по закону христіанскому», и это сознание поселяетъ тяжелую борьбу въ его сердцѣ; среди пира очи его устремлены въ землю, голова опущена на грудь: вся жизнь, всѣ ея радости и успѣхи не имѣютъ уже для него никакой привлекательности; онъ проситъ у царя позволенія удалиться отъ предмета своей страсти и сложить свою буйную голову гдѣ-нибудь вдали отъ Москвы, въ казацкомъ кругу, въ борьбѣ съ бусурманами. Такое впечатлѣніе долженъ производить Кирибѣевичъ своимъ душевнымъ признаніемъ въ первой части поэмы. Могъ-ли онъ оправдать на дѣлѣ такое впечатлѣніе, остается неизвѣстнымъ, такъ какъ въ дальнѣйшихъ частяхъ поэмы его душевное состояніе не изображается. Мы узнаемъ только, со словъ Алены Дмитріевны, что онъ преслѣдовалъ ее, при выходѣ отъ вечерни, своими поцѣлуями; но какъ слѣдуетъ связать это происшествіе съ прежними намѣреніями Кирибѣевича—мы не знаемъ, по недостатку данныхъ въ поэмѣ.

Изъ всѣхъ болѣе или менѣе идеальныхъ лицъ въ поэмѣ Лермонтова удамой купецъ Калашниковъ является самымъ идеальнымъ лицомъ, настоящимъ героемъ семейной чести и правды. Многія подробности и обстановка, которыми окружаетъ авторъ своего героя, какъ, напр., его благочестіе, поклонны, кулачный бой, дѣйствительно, заимствованы изъ древне-русскаго быта. Но, не смотря на все это, Калашниковъ не производитъ впечатлѣнія живого лица, чувствуется, что вся эта внѣшняя обстановка не соответствуетъ своему содержанію, той роли, которую онъ играетъ въ поэмѣ. Его героизмъ недостаточно мотивированъ, слишкомъ мало подготовленъ, и потому въ тотъ моментъ, когда онъ «боевыя рукавицы натягиваетъ», чтобы вступить въ смертельный кулачный бой, онъ скорѣе напоминаетъ собою современнаго дуэлиста, нежели стариннаго купца.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своего героизма Калашниковъ является непослѣдовательнымъ, неяснымъ. Воспользовавшись кулачнымъ боемъ, какъ маской, для удовлетворенія своей мстительности, онъ затѣмъ, безъ всякой нужды, снимаетъ съ себя эту маску, объявляя царю, что убилъ Кирибѣевича умышленно, но не желаетъ объяснять побужденій къ этому убійству. Но что-же, однако, мѣшаетъ ему объяснить смыслъ своего поступка? Почему онъ предпочитаетъ смерть бессмысленную,

безмолвную, не способную ни принести пользы окружающимъ, ни оправдать его самого въ глазахъ присутствующихъ? Что мѣшаетъ ему освѣтить вину Кирибѣевича? Опасенія ослабить Алену Дмитріевну? Но это ужъ, все равно, непоправимо: сосѣди видѣли, смѣялись, пальцемъ указывали. И тѣмъ не менѣе онъ рѣшается умереть безмолвно. Не такъ стоять за «правду-матушку» герои народныхъ пѣсенъ. Вотъ какъ отвѣчаетъ царю удалой молодецъ:

«Ты скажи, скажи, вдалый молодецъ,
Ты за что вбилъ моего подручника,
Молодого мово опричника?
— Я скажу тебѣ, православный царь,
Я за что убилъ зла Татарченка,
Молодого твою опричника?
Я убилъ его за дурны дѣла,
За худы слова.
Поносилъ онъ нашу святую Русь» и т. д.

Въ поэмѣ-же непонятно, что дорого въ жизни для Калашникова— семья или правда? Кажется, ни то, ни другое. Семьи своей онъ не жалѣетъ, такъ какъ оставляетъ ее безъ отца и мужа, т.-е. безъ естественнаго защитника ея чести, а правды никакой не говоритъ даже на порогѣ смерти. Вотъ почему весь героизмъ Калашникова производитъ впечатлѣніе чего-то сочиненнаго, натянутаго. Въ историческихъ пѣсняхъ кулачный бой связывается обыкновенно съ исторіей новой женитьбы царя. Царь, вопреки завѣщанію умершей царицы, выбираетъ себѣ невѣсту изъ иновѣрной земли и тѣмъ оскорбляетъ національное чувство своего народа. Новая царица приводитъ съ собою родственниковъ, братьевъ, нелюбимыхъ народомъ; и вотъ, для посрамленія этихъ иноземцевъ на кулачный бой являются борцы крестьянскаго происхожденія; дѣло оканчивается тѣмъ, что русскіе борцы, одолевъ противника, раздѣваютъ царицына родственника до нага и заставляютъ со стыдомъ удалиться съ поля битвы. Национальное чувство торжествуетъ, и самъ царь сочувствуетъ удачѣ русскихъ борцовъ.

Такимъ образомъ, общая мысль былины, выходя изъ границы узкихъ семейныхъ интересовъ, сводится къ вопросу національному. Если, на ряду съ этимъ, мы припомнимъ идеальную личность Никиты Романовича, съ его правдивымъ героизмомъ, влекущимъ его къ служенію истиннымъ интересамъ царя и народа, то увидимъ, что всѣ идеальныя лица поэмы Лермонтова, съ своими узкими, личными интересами, далеко уступаютъ, по широтѣ замысла, нѣкоторымъ типамъ въ народныхъ пѣсняхъ.

Чтобы довести сравненіе до конца, обратимся отъ обрисовки лицъ и характеровъ къ языку, слогу и общему тону разбираемой поэмы.

Несомненно, что поэма Лермонтова по общему, первоначальному впечатлѣнію, главнымъ образомъ, по своему пѣсенному складу и языку напоминаетъ народныя былины. Но она напоминаетъ ихъ только внѣшней формой, не воспроизводя ихъ содержанія и духа. Искусственное втискиваніе въ формы народной поэзіи иного содержанія и иного духа даетъ себя знать и въ составѣ языка, и въ оборотахъ рѣчи, и въ общемъ тонѣ изложенія. Пѣсня начинается приступомъ, который, при всѣхъ своихъ внѣшнихъ достоинствахъ, носитъ отпечатокъ рефлексіи, анализа, не свойственный народной поэзіи.

«Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслирный звонъ»,

говорится въ этомъ приступѣ. Но народъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, на какой ладъ сложена его пѣсня: онъ поетъ ее непосредственно, безотчетно. Притомъ, историческія пѣсни слагались подъ вліяніемъ живыхъ, современныхъ событій, онѣ складывались «по былинамъ сего времени», а не вели своего происхожденія отъ сѣдой старины. Поэтому, въ приведенныхъ нами строкахъ уже слышится не голосъ народнаго пѣвца, а какъ-бы предупрежденіе самого Лермонтова о томъ, *на какой ладъ* складывалась имъ эта пѣсня. Понятно, что и языкъ пѣсни не вездѣ выдержанъ. Такія формы и слова, какъ: смѣясь, улыбаясь, лишь, неприлично, — господство сравненій въ положительной формѣ и такіе обороты рѣчи, какъ «живымъ пламенемъ разливаются поцѣлуи», «на кровавую долину побоища», «заря разметала кудри золотистыя», «косы по плечамъ бѣгутъ, извиваются, съ грудью бѣлою цѣлуются», «на раскрытыхъ устахъ слово замерло», «разглашаютъ всюду вѣсть недобрую» и т. п. — всѣ такіе проблески чисто литературнаго языка и поэтическаго таланта самого автора не гармонируютъ съ общимъ складомъ пѣсни и съ тѣми лицами, которыя ихъ произносятъ. Такая смѣсь литературныхъ выраженій съ народными еще болѣе усиливаетъ искусственный характеръ поэмы.

Итакъ, если главная задача этого произведенія состоитъ въ подражаніи народнымъ пѣснямъ, то ее нельзя назвать удачно выполненной ни по содержанію, ни по формѣ, которыя, въ сущности, неотдѣлимы другъ отъ друга.

Пѣсню про купца Калашникова можно еще разсматривать совершенно независимо отъ произведеній народнаго творчества, какъ самостоятельную историческую повѣсть или поэму, хотя отличающуюся своеобразной формой, но имѣющую свое собственное содержаніе и свою задачу. Художественныя достоинства такой поэмы будутъ зависѣть отъ того, насколько типично, характерно и живо воспроизведены въ ней эпоха, ея нравы и люди. Чтобы оцѣнить съ этой точки зрѣнія

разбираемую поэму, необходимо припомнить нѣсколько общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ, характеризующихъ вторую половину царствованія Ивана Грознаго, къ которой относится эта поэма. Это была эпоха, когда болѣзненная подозрительность царя, жажда крови и ничѣмъ не мотивированное ожесточеніе его противъ своихъ подданныхъ дошла до крайнихъ предѣловъ своего развитія. Чтобы свободнѣе предаваться мучительствамъ и казнямъ, онъ создалъ опричнину. Этимъ учрежденіемъ Россія была раздѣлена на земщину и опричнину, изъ которыхъ первая имѣла значеніе опальной земли, постигнутой царскимъ гнѣвомъ и отданной во власть опричниковъ. Опричники давали царю особую присягу, которой обязывались не только доносить обо всемъ, что они услышатъ дурнаго о царѣ, но и не имѣть никакого дружескаго общенія, не ѣсть и не пить съ земскими людьми. Имъ даже вмѣнялось въ долгъ, по словамъ лѣтописцевъ, насиловать, предавать смерти земскихъ людей и грабить ихъ дома. Всякому доносу опричника на земскаго давали вѣру; чтобы угодить царю, опричники должны были отличатся свирѣпостью и безсердечіемъ къ земскимъ людямъ; за всякій признакъ состраданія къ ихъ судьбѣ опричникъ былъ въ опасности отъ царя потерять свое помѣстье, подвергнуться пожизненному заключенію, а иногда и смерти. Случалось, ѣдетъ опричникъ по Москвѣ и завернетъ въ лавку; тамъ боятся его, какъ чумы; онъ подброситъ что-нибудь, потомъ придетъ съ приставомъ и повергнетъ конечному разоренію купца.

Свирѣпья казни и мучительства возрастали съ введеніемъ опричнины чудовищнымъ образомъ. Такъ, напр., 25 іюля 1670 г. на Красной площади поставлено было 18 висѣлицъ и разложены разныя орудія казни: печи, сковороды, острые желѣзные когти («кошки»), клещи, иглы, веревки для перетиранія тѣла пополамъ, котлы съ кипящей водой и пр. Народъ, увидѣвши все эти приготовленія, пришелъ въ ужасъ и бросился въ безпамятствѣ бѣжать куда ни пошло. Купцы побросали въ отворенныхъ лавкахъ товары и деньги. Выѣхалъ царь съ опричниками, за ними вели 300 человекъ, осужденныхъ на казнь, въ ужасномъ видѣ отъ слѣдовъ пытки; они едва держались на ногахъ. Площадь была совершенно пуста, какъ будто все вымерло. Царю не понравилось это; царь разослалъ гонцовъ по всѣмъ улицамъ и велѣлъ кричать: «Идите безъ страха, никому ничего не будетъ; царь обѣщаетъ всѣмъ милость». Москвичи стали выползать, кто съ чердака, кто изъ погреба, и сходятся на площадь. Царь велѣлъ отобрать 180 человекъ и объявилъ, что даруетъ имъ жизнь по своей великой милости. Остальныхъ всѣхъ казнили мучительными

казнями. Изобрѣтательность царя была такъ велика, что почти каждому была особая казнь. Иванъ Грозный хотя и старался угодить Богу прилежнымъ исполненіемъ правилъ внѣшняго благочестія; но любилъ по временамъ и иного рода забавы. Узнаетъ, на примѣръ, царь, что у какого-нибудь знатнаго или незнатнаго человѣка есть красивая жена, прикажетъ своимъ опричникамъ силою похитить ее въ собственномъ домѣ и привезти къ нему. Поигравши нѣсколько времени съ своею жертвою, онъ отдавалъ ее на поруганіе опричникамъ и потомъ приказывалъ отвезти къ мужу. При такомъ состояніи дѣлъ на Руси чувство законности должно было исчезнуть. Исчезло уваженіе къ правдѣ и нравственности. Кто былъ умнѣ другихъ, тотъ долженъ былъ сдѣлаться образцомъ лживости: то была эпоха, когда умъ, закованный въ исключительныя рамки своекорыстныхъ побужденій, присущій всей современной жизненной средѣ, могъ проявить свою дѣятельность только въ искусствѣ, посредствомъ обмана, достигать личныхъ цѣлей.

Мы воспользовались этими извлеченіями изъ «Русской Исторіи» Костомарова для того, чтобы сдѣлать болѣе очевиднымъ, въ какомъ отношеніи къ даннымъ и выводамъ исторіи находятся, съ одной стороны, наши народныя историческія пѣсни, а съ другой—«Пѣсня про купца Калашникова». Послѣ сдѣланныхъ извлеченій ясно, на сколько умѣренны и, такъ сказать, деликатны тѣ, повидимому, грубые намеки на современные нравы, которые встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ; и наоборотъ, на сколько преувеличенно хороши и ложны нравы и характеры, представленные въ пѣснѣ про Калашникова. Если таковы данныя и выводы исторіи, то легко сдѣлать заключеніе о томъ, что представляетъ собою эта историческая поэма съ точки зрѣнія исторической правды. Понятно, что такого Ивана Грознаго, какой представленъ въ этой поэмѣ,—благодушнаго, спокойнаго, сдержаннаго и гуманнаго,—никогда не существовало, что настоящій Иванъ Васильевичъ не могъ произносить такихъ нѣжныхъ, кроткихъ рѣчей, какъ, на примѣръ: «Какъ полюбишься—правднуй свадебку, Не полюбишься—не прогнѣвайся».

Несомнѣнно также, что Иванъ Грозный не могъ имѣть въ числѣ своихъ любимыхъ опричниковъ такого нравственнаго человѣка, какъ Кирибѣевичъ, способнаго романтически влюбиться въ купчиху, изнывать по ней въ горькой тоскѣ и т. п. Очень понятно также, что дѣйствительный купецъ того времени долженъ былъ-бы горячо благодарить Бога, если-бы его женѣ удалось такъ легко отдѣлаться отъ притязаній царскаго опричника, какъ это случилось въ поэмѣ съ

Аленой Дмитріевной, а не обнаруживать такой тонкой, почти свѣтской, щепетильности, какую мы видимъ въ купцѣ Калашниковѣ: эпоха клещей и «кошекъ», конечно, мало способствовала развитію чувствительности и героизма въ купеческомъ сословіи... Однимъ словомъ, послѣ сдѣланнаго сопоставленія можно придти только къ одному неизбежному выводу, а именно, что «Пѣсня о Калашниковѣ», съ точки зрѣнія исторической, представляетъ собою совершенно ложную картину нравовъ и людей, дающую превратное понятіе объ исторической эпохѣ, къ которой она относится по своему содержанію.

Въ основаніи этой поэмы лежитъ антихудожественная мысль, составляющая, съ точки зрѣнія художественнаго творчества, главный источникъ ея слабости и недостатковъ,—мысль о подражаніи. Истиннохудожественное произведеніе должно быть оригинально. Такъ какъ главная цѣль автора состояла въ усвоеніи народной формы изложенія, то и результатъ получился односторонній: есть формы народныхъ стиховъ, есть ужасныя происшествія, а нѣтъ содержанія, нѣтъ истины, нѣтъ художественной правды.

Художественныя достоинства этой поэмы всѣ сводятся къ нѣкоторымъ частностямъ, а не къ общему: подражаніе языку народныхъ пѣсенъ во многихъ случаяхъ весьма удачно, и пѣсенный размѣръ выдержанъ въ совершенствѣ. Но все это—техника, а не самая поэзія, это лишь упражненіе талантливаго поэта, а не зрѣлое созданіе его генія. Здѣсь форма деспотически гнететъ и подавляетъ его талантъ, не позволяя ему развернуться на полномъ просторѣ. Поэтому всѣ описанія природы и обстановки имѣютъ шаблонный характеръ, напоминаютъ общія мѣста, вслѣдствіе чего мало говорятъ чувству и воображенію. Нѣтъ ни одного вполне яснаго и живаго лица, которому не вредила бы искусственность тона; есть обрывки начатыхъ характеровъ, но ни одного пѣльнаго. Бесѣда Грознаго съ Кирибѣвичемъ страдаетъ неестественностью тона и прерывается въ самый важный моментъ; душевное состояніе влюбленнаго Кирибѣвича остается безъ необходимаго развитія. Смертельная вражда къ нему главнаго лица — Калашникова — недостаточно подготовлена; его душевный міръ остается совершенно нераскрытымъ передъ читателемъ, и потому его личность не въ состояніи произвести трогательнаго, глубокаго впечатлѣнія даже своею гибелью; совершенное имъ убійство является актомъ личной мстительности, свойственной всякому дикарю въ моментъ защиты своего семейнаго гнѣзда, такъ какъ его смерть не связывается съ выраженіемъ какой-нибудь національной или общечеловѣческой идеи: онъ убиваетъ опричника не во имя какой-либо общей

идеи правды, а только, какъ оскорбленный мужъ, да ему, въ сущности, и не съ кѣмъ враждовать въ этой поэмѣ во имя нравственнаго идеала, такъ какъ самъ опричникъ изображается нравственнымъ, симпатичнымъ человѣкомъ, увлеченнымъ искреннею любовью,—источникомъ его несчастья; поэтому намеки Калашникова, сдѣланные Кирибѣвичу передъ вступленіемъ въ бой: «не разбойничалъ ночью темною, не тайлся свѣта бѣлаго» не находятъ себѣ достаточнаго оправданія въ поэмѣ; точно также ничѣмъ не мотивированы упреки и догадки, съ которыми Калашниковъ обращается къ своей женѣ: «ужъ гуляла ты, пировала ты, гой съ сынками все боярскими?» Милости и великодушіе царя по отношенію къ братьямъ Калашникова рѣшительно ничѣмъ не вызваны; неожиданные взрывы веселыхъ прибаутокъ, которыми прерывается теченіе поэмы, по замыслу совсѣмъ не веселой, только усиливаютъ собою дисгармонію общаго впечатлѣнія; наконецъ, самый образъ дѣйствій царя Ивана Васильевича не оправдываетъ даннаго ему и въ исторіи, и въ народной поэзіи, и въ самой поэмѣ прозвища Грознаго. Изъ всего этого ясно, что поэма въ своихъ существенныхъ чертахъ не удовлетворяетъ основнымъ требованіямъ всякаго художественнаго творчества: требованіямъ *полноты* и *ясности* въ обрисовкѣ лицъ и характеровъ, *типичности* и *естественности* въ изображеніи жизни.

Мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ:

1. Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ не представляетъ собою удачнаго подражанія народнымъ историческимъ пѣснямъ, такъ какъ очерченныя въ ней лица освѣщены не согласно съ народными взглядами.

2. Въ художественномъ отношеніи эта поэма уступаетъ нѣкоторымъ народнымъ пѣснямъ объ Иванѣ Васильевичѣ по яркости красокъ, драматизму положеній и широтѣ идеи.

3. Художественныя достоинства поэмы сводятся къ нѣкоторымъ частностямъ, пѣсенному размѣру и языку.

4. Съ точки зрѣнія исторической, поэма даетъ ложное понятіе о людяхъ и нравахъ эпохи, къ которой относится: она не типична.

5. Эта «Пѣсня», какъ слабое произведеніе, не должна входить въ число образцовыхъ произведеній Лермонтова, обязательно изучаемыхъ въ классѣ.

6. Для ознакомленія съ поэтическими народными взглядами на личность Ивана Грознаго и его царствованіе было-бы полезнѣе изучить нѣсколько историческихъ пѣсенъ объ этой эпохѣ.

В. Балталонъ.

Обзоръ методовъ и руководствъ по обученію кройкѣ и шитью.

Въ послѣднее время среди женщинъ, даже интеллигентныхъ, замѣтно большое стремленіе къ профессиональному образованію и, главнымъ образомъ, къ изученію кройки и шитья. Такое стремленіе явилось, вѣроятно, вслѣдствіе сознанія, что, кромѣ научнаго образованія, есть еще и другая область знаній,— правда, не такая высокая, но не менѣе необходимая. Общество также не замедлило подмѣтить этотъ пробѣлъ въ образованіи женщины, и вотъ стали открываться курсы кулинарнаго искусства, стали основываться профессиональнныя школы, число которыхъ все растетъ и растетъ. Среднія женскія учебныя заведенія начинаютъ, въ свою очередь, вводить преподаваніе кройки и шитья. Кромѣ того, почти каждый годъ книжный рынокъ пополняется учебниками, предлагающими различные способы кройки. Таковы книги: Глодзинскаго (5 р.), настольная книга для дамъ и дѣвицъ—Клемманъ (5 р.), Теодоръ (3 р.), Станевичъ (3 р.), Шишмаревой (2 р.), 20 уроковъ кройки Надеждиной (1 р.), Гиртцъ (1 р.) и многихъ другихъ. Къ числу подобныхъ-же руководствъ относится и вышедшая изъ печати въ маѣ 1891 года новая книга (3 р.), составленная г-жею Базаровой, которая, въ своемъ предисловіи къ ней, говоритъ, что, имѣя уже много лѣтъ мастерскую дамскихъ нарядовъ, она выработала путемъ, главнымъ образомъ, практики и съ помощью теоретическихъ свѣдѣній, приобрѣтенныхъ ею въ заграничныхъ спеціальныхъ заведеніяхъ,—*особую* систему кройки, посредствомъ которой оказывается возможнымъ безошибочно кроить всякаго рода дамскія и дѣтскія вещи.

Загляните въ любой изъ перечисленныхъ самоучителей, и вы увидите, что такое-же предисловіе находится въ каждомъ изъ нихъ. Г-жа же Станевичъ въ похвалахъ самой себѣ превзошла всѣхъ сочинительницъ руководствъ: она называетъ свой способъ *единственнымъ*, по которому можно шить безъ примѣрки. При такомъ обиліи руководствъ,

женщинѣ, желающей научиться кройкѣ, чрезвычайно трудно рѣшить, какое-же именно руководство избрать себѣ для самообученія, потому что каждая составительница увѣряетъ, что ея метода самая вѣрная, самая простая.

Опредѣлить путемъ совмѣстнаго обсужденія, какіе приемы кройки надо считать наилучшими и наипростѣйшими, взялось Общество поощренія женскаго ремесленнаго труда, для чего оно собиралось, въ концѣ 1890 и въ началѣ 1891 года, въ одномъ изъ залъ Солянаго Городка. Разбирались почти все наиболѣе извѣстные способы кройки, какъ-то: Глудзинскаго, Шишмаревой, Станевичъ, Надеждиной и Базаровой, книга которой въ то время еще печаталась. Г-жа Теодоръ, метода которой принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ, въ состязаніяхъ почему-то не участвовала. Послѣ каждого засѣданія газеты помѣщали отчеты, изъ которыхъ, съ одной стороны, видно, что составители ихъ имѣютъ очень смутное понятіе о кройкѣ и шитьѣ, а съ другой—что Общество поощренія женскаго ремесленнаго труда, поставившее себѣ цѣлью рѣшить, чиі приемы кройки наилучшіе, и въ случаѣ, если таковыхъ не окажется, выработать собственные, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ еще не пришло. Послѣднее и неудивительно, такъ какъ большинство портнихъ являлось на засѣданіе не для того, чтобы посредствомъ обмѣна мыслей опредѣлить, какими качествами должна обладать та метода, которая могла-бы быть признава лучшую, а для того, чтобы расхвалить самихъ себя и «раскритиковать» тѣхъ, кто этого не находитъ. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что среди присутствовавшихъ на засѣданіи находились и такія особы, которыя вполне безпристрастно разбирали системы своихъ соперницъ, но такихъ цѣнительницъ было не много: большая часть старалась въ самомъ яркомъ свѣтѣ выставить яко-бы хорошія стороны собственныхъ приемовъ черченія выкройки и, не зная, повидимому, даже сути остальныхъ методъ, охулить эти послѣднія только потому, что онѣ принадлежатъ другимъ. Благодаря такой пристрастной критикѣ, Обществу трудно было рѣшить, какіе приемы кройки наилучшіе, тѣмъ болѣе, что все *они имѣютъ большое сходство между собою*, а потому рѣшительно все равно, какую книгу ни избрать для изученія кройки; разница будетъ заключаться только въ изложеніи правилъ шитья, въ слогѣ и цѣнѣ.

Каждая составительница системы кройки стремится къ тому, чтобы для вычерчиванія выкройки снимать какъ можно меньше мѣрокъ съ той особы, на которую дѣлается лифъ. Г-жа Базарова употребляетъ

даже особенный шрифтъ, сообщая въ руководствѣ, что по ея способу вычерчиванія патрона снимается только 8 мѣрокъ, изъ которыхъ двѣ полагается на рукавъ. Такое малое количество мѣрокъ она объясняетъ тѣмъ, что многія части выкройки опредѣляются у нея при помощи *основнаго размѣра*, подъ именемъ котораго она разумѣетъ 4-ю часть мѣрки, снятой съ окружности груди и записанной цѣликомъ, а не въ половину, какъ прочія мѣрки ширины. Замѣчу кетати, что названія, даваемые въ руководствахъ мѣркамъ, въ большинствѣ случаевъ неправильны. Строго говоря, у человѣка нѣтъ даже окружности груди, а г-жа Базарова называетъ это измѣреніе еще неправильнѣе: круговымъ объемомъ груди. Опредѣляя части выкроекъ посредствомъ мѣрки окружности груди, Базарова въ свои пріемы кройки *новаго ничего не внесла*. Мнѣніе, будто-бы *размѣры частей корпуса находятся въ известномъ соотношеніи съ размѣромъ окружности груди*, уже давно держится среди портнихъ и проникло къ намъ изъ Германіи во все методы, подъ именемъ теоріи «пропорціональности». Но изобрѣтательницы методъ кройки, составляя ихъ по этой теоріи, называютъ обыкновенно свои системы «курсомъ парижской кройки», — вѣроятно, потому, что именемъ столицы Франціи скорѣе привлечешь покупателя, такъ какъ она издавна считается законодательницей женскихъ модъ, какъ Англія—мужскихъ.

Первымъ, положившимъ у насъ начало распространенію знаній по части кройки и шитья и введшимъ вышеупомянутой взглядъ на корпусъ человѣка, былъ г. Глодзинскій, который хотя и снимаетъ нѣсколько мѣрокъ, но для вычерчиванія патрона лифа употребляетъ только двѣ: высоту бочка и окружность груди. Последнюю мѣрку онъ беретъ за *основу* всего чертежа и, опираясь на то, что *чѣмъ больше у человека мѣрка окружности груди, тѣмъ больше и все друія измѣренія*, дѣлитъ ее на 48 равныхъ частей — мѣриковъ, — служащихъ для опредѣленія всѣхъ частей выкройки, кромѣ длины бочка. Но лифъ, скроенный по такимъ пріемамъ, рѣдко можетъ быть годенъ, потому что Глодзинскій, дѣлая выкройку, имѣетъ въ виду непремѣнно правильную фигуру, соразмѣрностью частей которой обладаютъ, однако, весьма немногіе изъ людей. Взглянувъ на человѣка съ анатомически-пластической точки зрѣнія, Глодзинскій забылъ, что женщины искажаютъ свой корпусъ ношеніемъ корсетовъ, благодаря которымъ часто имѣютъ, при довольно полномъ бюстѣ, тонкую талію. Кромѣ того, существуетъ множество женщинъ, обладающихъ, вопреки теоріи прямой пропорціональности, короткой таліей и низкими плечами, при большой окружности груди. Да и самъ г. Глодзинскій со-

знаетъ неосновательность названной теоріи, такъ какъ, начертивъ выкройку лифа, провѣряетъ ее остальными мѣрками, снятыми съ фигуры человѣка, послѣ чего уже и получается точный патронъ. Загляните въ его учебникъ, и вы замѣтите, что тамъ гораздо больше отведено мѣста объясненію, какъ передѣлать выкройку, а не тому, какъ ее сдѣлать.

Г-жи Шишмарева, Теодоръ, Надеждина, Базарова и Станевичъ хотя и берутъ за основу чертежа также окружность груди, но у нихъ входятъ въ чертежъ, а не провѣряютъ его, и другія мѣрки, какъ-то: ширина спинки, талии и длина спинки. Впрочемъ, г-жа Станевичъ мѣрки длины спинки не употребляетъ. Сильно увѣренная въ томъ, что окружность груди находится въ прямо пропорціональномъ отношеніи съ длиной спинки, она опредѣляетъ послѣднюю, раздѣливъ первую на 18 равныхъ частей. Вслѣдствіе этого въ лифѣ, скроенномъ на особу съ короткой таліей и полнымъ бюстомъ, получается длинная спинка, которую, вопреки предисловію, помѣщенному въ началѣ руководства, придется непременно передѣлать, чего не случилось бы, если-бъ при черченіи выкройки бралась мѣрка длины именно талии. Не доказываетъ-ли это, что уменьшеніе числа мѣрокъ (у г-жи Станевичъ ихъ только пять) для составленія выкройки есть слабая сторона методъ, а не достоинство ихъ, какъ полагали нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на засѣданіяхъ Общества поощренія женскаго ремесленнаго труда. Точно также ошибается и тотъ, кто помѣстилъ въ одной изъ газетъ отчетъ о дамскомъ соревнованіи по кройкѣ. Въ этой замѣткѣ, между прочимъ, сказано: «первое состязаніе привело къ заключенію, что для удовлетворительной кройки лифа *вполнѣ достаточно 3-хъ мѣрокъ*, составляющихъ основныя данныя патрона. Нѣкоторыя-же портнихи идутъ еще далѣе, увѣряя, что лифъ *можно сдѣлать*, не снимая мѣрки для спинки». Подтвержденіемъ того, что выкройку лифа *можно* вычертить, руководствуясь двумя измѣреніями, служить, какъ мы видѣли, система Глюдзинскаго, и она-же отрицаетъ правильность такого построенія, совѣтуя провѣрять сдѣланную выкройку остальными мѣрками, снятыми съ фигуры человѣка, и отводя большую часть объясненія передѣлкѣ вычерченнаго патрона. Изъ этого можно заключить, что трехъ измѣреній, а тѣмъ болѣе двухъ, вовсе недостаточно для удовлетворительной кройки, которая будетъ таковою лишь тогда, когда *наши портнихи откажутся отъ ложнаго взгляда на корпусъ женщины*, когда онѣ перестанутъ считать худое хорошимъ только потому, что оно пришло изъ-за границы, когда онѣ поймутъ, наконецъ, что точность выкройки достигается мѣрками,

прямо снятыми съ фигуры женщины, а не фокусными вычисленіями, производимыми надъ однимъ какимъ-нибудь измѣреніемъ, взятымъ за основу. Какъ примѣръ подобныхъ вычисленій, можно привести тотъ способъ, которымъ г-жа Базарова находитъ ширину сѣтки для рукава: количество сантиметровъ, показывающее величину всей окружности груди, умножается на 4 и отъ полученнаго произведенія отбрасывается справа стоящая пыфра; оставшееся слѣва число складывается почему-то съ 4-мя, что и даетъ то количество сантиметровъ, которое яко-бы должно составить ширину сѣтки для рукава. Это-ли не фокусъ? И не проще-ли снять прямо мѣрку съ ширины руки?.. Но надо замѣтить, что и г-жа Базарова, проводя теорію пропорціональности черезъ всю свою методу, сомнѣвается, впрочемъ, отчасти только, въ основательности ея. Такъ, въ одномъ мѣстѣ книги (стр. 2 и 3) она говоритъ: «удобства и простота, получаемыя отъ пропорціональнаго вычисленія размѣровъ частей, возможны вполнѣ только для дѣтскаго платья—до 12-ти-лѣтняго возраста—не далѣе. При исполненіи-же платьевъ для взрослыхъ ограничиваться одною мѣркою круговаго объема нельзя, и поэтому необходимо имѣть измѣренія и другихъ частей корпуса, хотя нѣкоторыя части по прежнему опредѣляются по основному размѣру, вслѣдствіе чего примѣненіе пропорціональности отчасти имѣетъ мѣсто и при исполненіи платья для взрослыхъ, что и выражается прежде всего въ сниманіи мѣрокъ въ весьма незначительномъ сравнительно количествѣ».

Измѣренія, которыя употребляетъ г-жа Базарова, таковы: длина спинки, ширина ея, круговые объемы (ея собственная терминологія): груди, таліи и бедеръ, длина бочка. Мѣрки длины передка и высоты плечъ она не снимаетъ, а опредѣляетъ ихъ пропорціональнымъ вычисленіемъ, забывая, что многія женщины, какъ мы уже замѣтили, имѣютъ, при большой окружности груди, низкія, а не высокія, какъ требуетъ того теорія пропорціональности, плечи и короткій передокъ. Замѣчено даже, что такъ называемыя полныя дамы всегда обладаютъ не длинной таліей, слѣдовательно, и короткимъ передкомъ, и часто болѣе короткимъ, нежели у женщинъ съ меньшей окружностью груди. Съ мнѣніемъ г-жи Базаровой, будто-бы теорія пропорціональности способствуетъ удобству и простотѣ вычерчиванія выкройки, согласиться нельзя, потому что при этомъ требуются различныя числовыя выкладки, а кто не знаетъ, что нѣкоторыя женщины, даже образованныя, стараются избѣгать всего, напоминающаго имъ, хотя-бы очень отдаленно, ариметическія вычисленія. Это, во-первыхъ; а во-вторыхъ, цѣль всѣхъ вычисленій при кройкѣ—полученіе

добавочныхъ мѣрокъ, служащихъ для опредѣленія тѣхъ частей корпуса, которыхъ почему-то избѣгаютъ измѣрять, между тѣмъ какъ подобныя измѣренія рѣшительно необходимы. Слѣдовательно, названная теорія нисколько не способствуетъ ни простотѣ черченія выкройки, ни уменьшенію числа мѣрокъ, такъ какъ, уменьшая количество послѣднихъ, она увеличиваетъ число добавочныхъ мѣрокъ, очень часто совѣмъ не соотвѣтствующихъ величинѣ той части лифа, для которой онѣ необходимы. Кромѣ того, всѣ эти добавочныя мѣрки, получающіяся отъ дѣленія окружности груди на нѣсколько, смотря по желанію портнихъ, равныхъ частей, именуемыхъ у г. Глодзинскаго мѣрниками, у г-жи Шишмаревой—масштабами, у г-жи Теодоръ большими и малыми мѣрками, у Надеждиной прибавочными, у Базаровой основными размѣрами,—влекутъ за собою такъ-называемыя «произвольныя точки», которыя выработаны будто-бы практикой, кстати сказать, у каждой портнихи по разному, и которыя должны быть приняты учащимися на вѣру, такъ какъ очевиднаго доказательства ихъ справедливости на чертежѣ не имѣется *). Произвольными точками избобилуютъ системы Глодзинскаго, Станевичъ и Базаровой, дающей для запоминанія въ одномъ только лифѣ болѣе 30-ти точекъ, да въ рукавѣ 15-ть. Если-бы Базарова къ своимъ 8-ми мѣркамъ прибавила еще мѣрки 4-е, то $\frac{5}{6}$ всего числа точекъ, требующихъ чисто механическаго зубренья, исчезло-бы. Такъ, у Шишмаревой, у Теодоръ, имѣющихъ большое число мѣрокъ, и у Надеждиной, руководство кройки которой, по своей дешевой цѣнѣ (1 руб.), можетъ быть поставлено на первое мѣсто, произвольныхъ точекъ меньше. Если въ этомъ отношеніи только что названные методы стоятъ выше остальныхъ, то почти нигдѣ вы не найдете такой подробной статьи о шитьѣ, какъ у Базаровой.

Что касается вычерчиванья баски, подъ именемъ которой разумѣется часть лифа, идущая книзу отъ талии, то по этому поводу на дамскихъ состязаніяхъ было много споровъ: одни изобрѣтательницы пріемовъ кройки находятъ, что удобнѣе чертить лифъ въ рамкѣ или сѣткѣ, причемъ линіи баски обязательно перекрепчиваются; другія же распредѣляютъ части выкройки на бумагѣ такъ, что боковыя линіи баски не пересѣкаютъ другъ друга. Легко видѣть, что первая, къ числу которыхъ принадлежатъ г-жи Базарова, Теодоръ и отчасти Шишмарева, не правы, такъ какъ при ихъ способѣ черченія баски приходится надставлять недостающіе клинья, что требуетъ

*) Отъ соединенія этихъ точекъ линіями получается контуръ выкройки лифа.

лишняго времени. Г-жа-же Станевичъ не находитъ даже и нужнымъ объяснять въ своемъ руководствѣ составленіе выкройки баски. Это упущеніе принадлежитъ къ числу недостатковъ ея самоучителя.

Относительно того, какъ сидятъ лифы, скроенные по перечисленнымъ приемамъ, то, если судить по результату, который имѣло дамское состязаніе, состоявшееся 21-го февраля 1891 года, ни одинъ изъ нихъ не былъ лишенъ погрѣшностей. Но присутствіе послѣднихъ не всегда есть ясное доказательство неудовлетворительности того или другого способа кройки, потому что и самая точная выкройка, сдѣланная по наилучшимъ приемамъ, оказывается на практикѣ непримѣнимой въ тѣхъ случаяхъ, когда не равно сметаны части ея и когда невѣрно снята мѣрка, что вполне возможно при волненіи, при спѣшкѣ. Одною изъ причинъ того, что сметанные на состязаніи лифы обладали недостатками, было, можетъ быть, неспокойное состояніе закройщицъ, изъ которыхъ каждая, конечно, хотѣла отличиться передъ другою, удивить быстротою выполненія патрона дамскаго лифа. Главная-же причина неудачи соревнованія заключается на этотъ разъ въ неудовлетворительности приемовъ черченія выкройки,—приемовъ, ложныхъ въ своей *основѣ*, и потому рѣдко примѣнимыхъ на практикѣ: особа, для которой дѣлался патронъ лифа, далеко не могла похвастать пропорціональностью фигуры, а выкройка вычерчивалась по теоріи пропорціональности, вслѣдствіе чего и получился плачевный результатъ. Большинство присутствовавшей публики не ожидало подобнаго исхода соревнованія, потому что участвовали въ немъ самыя извѣстныя составительницы методъ, прославившіяся на поприщѣ шитья, и вслухъ выражало свое недоумѣніе, видя, что лифъ такой извѣстной фирмы, какъ Глодзинскаго, и г-жи Станевичъ, получившей на выставкѣ женскаго ремесленнаго труда серебряную медаль за выставленные ею дамскіе наряды, оказались плохими. Между тѣмъ, удивляться нечему: ни одна портниха, какъ-бы знаменита она ни была, не сошьетъ платья, не примѣривъ его мало-мало разъ, а инья и три. Послѣ всевозможныхъ надрѣзываній, укальваній и получается тотъ идеальный лифъ, про который обыкновенно говорятъ: сидитъ, точно вылитый. Но, помимо выкройки, сдѣланной посредствомъ черченія, существуетъ еще другой способъ выполненія патрона дамскаго лифа: это—накальваніе (*moulage*), которое въ настоящее время въ большомъ употребленіи въ парижскихъ мастерскихъ и которое у насъ было показано на состязаніяхъ портнихъ въ Соляномъ Городкѣ княгиней Апакидзе, руководящею мастерскою Человѣколюбиваго общества, и В. В. Шишмаревой, имѣющей собственныя школы кройки и

шитья въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: берется кусокъ плотной бумажной матеріи (такъ дѣлала Шишмарева) или марли (по приемамъ Апакидзе) и съ помощью булавокъ накалывается на дамскій бюстъ, послѣ чего и получается патронъ лифа. Не трудно видѣть, что, съ одной стороны, накалываніе, какъ требующее мало времени, безусловно хорошо для мастерскихъ, имѣющихъ большое число заказчицъ, хотя и при немъ примѣрка нужна, даже не одна, потому что патронъ—слѣпокъ, снятый съ женщины, одѣтой въ платье, всегда будетъ немного широкъ; съ другой стороны, накалываніе неудобно для домашняго употребленія, такъ какъ сдѣлать выкройку для самой себя посредствомъ накалыванія положительно невозможно, особенно спинку и бочки; къ тому же накалываніе требуетъ большой опытности и большаго искусства, какими, напримѣръ, обладаетъ княгиня Апакидзе, въ 10 минутъ исполнившая посредствомъ накалыванія патронъ дамскаго лифа. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ врядъ-ли когда-нибудь этотъ способъ вытѣснить выкройку-чертежъ, которую такъ легко можетъ сдѣлать каждый самъ для себя. Положимъ, снять мѣрку съ самой себя также не совѣмъ-то удобно, но едва-ли кто будетъ утверждать, что этому труднѣе и долѣе научить посторонняго, чѣмъ скалыванію кусковъ матеріи: при послѣднемъ необходимъ навыкъ, и навыкъ громадный, въ видахъ приданія съ помощью только булавокъ красивой и правильной формы частямъ выкройки.

Что касается аппарата-«мѣрка», изобрѣтеннаго также для выполненія патрона лифа, то къ употребленію онъ пока негоденъ. Сдѣланный изъ резины и маленькихъ гвоздиковъ, аппаратъ этотъ, благодаря растяжимости первой, даетъ выкройку съ очень короткой таліей и неуклюжими бочками. Если-бы изобрѣтатель замѣнилъ резину какой-нибудь другой матеріей, то, можетъ быть, трудъ его оказался бы пригоднымъ въ мастерскихъ, потому что аппаратъ-«мѣрка», также какъ и накалываніе, неудобенъ для дома, гдѣ выкройка-чертежъ, пока, рѣшительно не замѣнимъ. Помѣщаемый въ руководствѣ вмѣстѣ съ текстомъ, излагающимъ и правила шитья, онъ даетъ возможность изучить кройку, хотя и по неудовлетворительнымъ приемамъ, тѣмъ лицамъ, которымъ почему-либо нельзя посѣщать мастерскія или школы. Очень жаль только, что большинство руководствъ многимъ недоступно по цѣнѣ, возрастающей, благодаря старанію изобрѣтательницъ методъ кройки наполнять свои книги трактатами о томъ, какъ шьются корсеты, ретонды и прочія вещи. Между тѣмъ масса женщинъ, желая ознакомиться только съ кройкой юбки и лифа

и обладая небольшими денежными средствами, предпочла-бы дешевое изданіе дорогому, если-бы оно съ доступною цѣною соединяло толковое изложеніе того, какъ сдѣлать точную выкройку лифа и какъ сшить отдѣльныя части его.

Будемъ-же ждать этого новаго изданія, новыхъ приемовъ черченія выкройки; можетъ быть, кто-нибудь откажется отъ рутиннаго взгляда на корпусъ человѣка и подарить насъ такимъ способомъ кройки, по которому въ дѣйствительности можно будетъ шить безъ передѣлокъ.

А. Квиткина.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Окончаніе).

На первыхъ-же порахъ дѣятельности земства самъ собою выдвинулся вопросъ о снабженіи школъ хорошими учителями. Уже въ 1866 году гласный Офросимовъ въ чрезвычайномъ губернскомъ земскомъ собраніи, указывая на необходимость поднять уровень образованія народа, говорилъ, что «сдѣлать это немедленно невозможно, ибо повсемѣстное устройство школъ оказывается бесполезнымъ по крайнему недостатку въ лицахъ, которыя могли-бы вести преподаваніе болѣе или менѣе правильнымъ образомъ. Единственно возможнымъ представляется учрежденіе учебнаго заведенія для приготовленія учителей для сельскихъ школъ».

Послѣ этого вопросъ о прочной постановкѣ обученія не прекращался до послѣдняго времени. Въ этомъ смыслѣ особенно важное значеніе имѣли доклады члена училищнаго совѣта Д. Д. Дашкова, внесенныя въ собраніе съ 1869 по 1875 годъ включительно. Основные взгляды этого выдающагося дѣятеля были въ общемъ таковы:

Починъ въ дѣлѣ открытія училищъ не можетъ идти отъ народа, а отъ образованныхъ классовъ и, между прочимъ, отъ земствъ.

Устьхъ школьнаго дѣла зависитъ не отъ количества школъ, а отъ качества ихъ.

Школа должна быть поставлена прочно и обезпечена отъ измѣненія взглядовъ самого собранія.

Надъ школами должно быть попечительство съ земскимъ характеромъ, а также вліяніе на нее сосѣдей-помѣщиковъ и дворянства.

Учитель долженъ быть поставленъ вне нужды—ему должно быть дано что-нибудь, на что онъ имѣлъ-бы юридическое право.

Необходимость для учителей библиотекъ и другихъ учреждений (напр., ссудныхъ кассъ).

Учительскіе съезды.

Повсемѣстное введеніе свѣтскихъ учителей.

Обученіе женщинъ, какъ будущиѣхъ воспитательницъ своихъ дѣтей.

Если мы скажемъ при этомъ, что многія изъ приведенныхъ положеній Д. Д. Дашкова примѣнены къ дѣлу народнаго образованія въ Рязанской губерніи, то одного этого достаточно, чтобы составить весьма выгодное мнѣніе о постановкѣ школьнаго вопроса въ рязанскомъ земствѣ, потому что положенія г. Дашкова въ основѣ своей чрезвычайно дѣльны и прогрессивны. Особенно важны взгляды Дашкова на инициативу въ дѣлѣ народнаго образованія. Дѣло въ томъ, что при крѣпостномъ состояніи, соединенномъ съ тяжелымъ экономическимъ положеніемъ, у народа ни подъ какимъ видомъ не могло сразу выработаться любви къ образованію или сознаніе значенія его.

Нужно-ли повторять послѣ этого о важности положенія г. Дашкова *)? Что касается другихъ положеній его, то они слишкомъ ясны, понятны, чтобы говорить о ихъ значеніи.

Въ виду солидныхъ затратъ, которыя необходимо было, по мнѣнію земства, употребить на приготовленіе хорошихъ учителей, эту послѣднюю обязанность взяло на себя губернское земство. Съ этою цѣлью было учреждено *Александровское училище*, въ которое принимались преимущественно крестьяне, потому что земство рассчитывало, что вышедшіе изъ народа учителя, близко зная его потребности, въ состояніи будутъ лучше удовлетворить имъ. Съ цѣлью удержанія учителей на своихъ мѣстахъ, была установлена обязанность службы для нихъ земству Рязанской губерніи. Въ 1878 году учебно-воспитательная часть въ училищѣ перешла въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просв.; но въ хозяйственномъ отношеніи земство завѣдуетъ имъ и

*) Вотъ, между прочимъ, знаменательныя слова этого благороднаго дѣятеля, сказанныя имъ въ 1872 году: «До тѣхъ поръ, пока крестьяне не будутъ сознавать пользу грамотности, они, конечно, неохотно будутъ открывать школы. Очевидно, что первая и главная задача—показать на нѣсколькихъ образцахъ пользу и значеніе грамоты и, такъ сказать, самымъ дѣломъ, а не словомъ пробудить стремленіе къ образованію. Отсюда вытекаетъ необходимость учредить нѣсколько школъ вполне обеспеченныхъ и равномерно распределенныхъ по уѣзду и на которыхъ-бы сосредоточивалось все вниманіе земскихъ людей. Это будетъ первый и самый трудный періодъ земской дѣятельности по народному образованію, періодъ земскаго почина... Призваніе земства въ этомъ дѣлѣ—не волочиться за обществами, а твердою поступью вести ихъ за собою по торной дорогѣ; его дѣло—сосредоточить свои небольшія средства на немногихъ училищахъ, поставить ихъ такъ, чтобы онѣ горѣли, какъ огни въ темномъ полѣ, маня усталаго путника и обѣщая ему пріютъ и покой, и хлѣбъ, и соль»...

теперь, приче́мъ, по новому уставу училища, за земствомъ осталось право закрыть училище, если-бы это вызывалось интересомъ дѣла. По 1889 годъ въ Александровской учительской семинаріи было выдано 254 свидѣтельства, и каждое лицо, получившее такое свидѣтельство, обошлось земству въ 1.565 руб.

По отчету директора Александровскаго училища, всѣхъ учениковъ къ началу 1889 года было 81. Курсъ его распредѣленъ по четыремъ классамъ такъ, что воспитанники имѣютъ возможность приготовиться къ своей специальной дѣятельности *). Практическія занятія, подготовляющія воспитанниковъ къ этой дѣятельности, состояли въ сообщеніи свѣдѣній изъ общей педагогики и дидактики, въ изученіи методики отдѣльных предметовъ и дежурствъ учениковъ по очереди въ начальномъ училищѣ. Такъ какъ весь ходъ практическихъ занятій воспитанниковъ тѣсно связанъ съ постановкою учебнаго дѣла въ начальномъ при семинаріи училищѣ, то и это послѣднее поставлено такъ, что служить образцомъ какъ по внѣшней обстановкѣ, такъ и по своей внутренней организаціи **). Желаніе имѣть учителей, могущихъ обучать учениковъ пѣнію, со стороны мѣстнаго населенія, училищныхъ совѣтовъ и учреждений, участвующихъ въ содержаніи школъ, обязывало обращать вниманіе на обученіе пѣнію въ семинаріи. Не мало содѣйствуетъ этому обученіе желающихъ играть на скрипкѣ настолько, насколько это нужно для развитія слуха и помощи при организаціи хора. Воспитанники также обучаются черченію, рисованію, гимнастикѣ; они работаютъ въ саду и огородѣ и учатся переплетному и столярному мастерствамъ.

Приготовленіе учителей для сельскихъ школъ путемъ образованія ихъ въ Александровскомъ училищѣ должно было занять много времени; кромѣ того, эти специально приготовленные учителя, по срав-

*) Въ отчетѣ директора, между прочимъ, сообщается слѣдующее: «сводя итоги о ходѣ и состояніи учебнаго дѣла, объ успѣхахъ и поведеніи учащихся, объ образѣ ихъ жизни, направленіи въ воспитаніи и характерѣ дѣятельности педагогическаго совѣта, слѣдуетъ заключить, что окончившіе курсъ воспитанники, по подготовкѣ, направленію, должны быть полезными кандидатами для замѣщенія учительскихъ мѣстъ въ своей губерніи. *Не прерывая сношеній съ окончившими курсъ учениками, интересуясь изъ благополучіемъ, прислушиваясь къ общественному мнѣнію*, принимая во вниманіе отзывы директора и инспекторовъ народныхъ училищъ и мнѣнія многихъ лицъ и учреждений, близко стоящихъ къ дѣлу народнаго образованія, выводъ о томъ, что семинарія оправдываетъ ожиданія и пользуется довѣріемъ населенія, подтверждается еще болѣе».

***) Считае́мъ не лишнимъ замѣтить, что Александровская семинарія находится въ самомъ городѣ Рязани.

нительной дороговизнѣ содержанія ихъ, не могли-бы вполнѣ удовлетворить требованіямъ начальной школы, обставленной скромными матеріальными средствами. Вотъ почему губернское земское собраніе, въ 1868 году, учредило *мѣтніе учительскіе курсы*. Съ этою цѣлью приглашался опытный педагогъ, въ распоряженіе котораго поступали особо набранные молодые люди изъ крестьянской среды, умѣющіе читать и писать, изъ молодыхъ сельскихъ учителей и причетниковъ. Затѣмъ набиралось извѣстное число дѣтей, грамотныхъ и неграмотныхъ. Занятія руководителя курсовъ состояли, во-первыхъ, въ томъ, что подъ его руководствомъ молодые люди обучали дѣтей, а во-вторыхъ, въ томъ, что они пополняли запасъ собственныхъ свѣдѣній. Опыты съ курсами были удачны и продолжались до 1875 года. За это время выдано было 417 свидѣтельствъ на право преподаванія въ сельскихъ школахъ; стоимость подготовки каждаго такого учителя обошлась земству отъ 27—53 руб.

Съ тою-же цѣлью приготовленія учителей, губернское земское собраніе въ 1878 году *учредило 12 стипендій въ женской учительской семинаріи* г-жи Чепелевской, въ Москвѣ. Оттуда выпущены были 21 учительница, причемъ каждая изъ нихъ обошлась земству въ 1.781 руб.

Земство, однако, не остановилось на одной дѣятельности губернскаго земства въ дѣлѣ подготовленія учителей—уѣздныя земства еще самостоятельно заботились о томъ-же. Такъ, касимовскій учил. совѣтъ, съ самаго момента принятія земствомъ народнаго образованія въ свое вѣдѣніе, *содержалъ стипендіатовъ* въ уѣздномъ училищѣ, а тогдашній *предсѣдатель касимовской управы открылъ для училища частный книжный складъ*.

Въ Спасскѣ, Касимовѣ, Пронскѣ, Сапожкѣ и Раненбургѣ были устроены *центральныя учительскія бібліотеки*.

Въ Спасскомъ, Рязанскомъ и Данковскомъ уѣздахъ выписывались для школъ *педагогическіе журналы*, а въ другихъ—необходимыя педагогическія руководства.

Въ Михайловскомъ, Зарайскомъ, Егорьевскомъ и Спасскомъ уѣздахъ было принято ежегодно, предъ началомъ ученія, *созывать сельскихъ учителей въ училищный совѣтъ* для полученія указаній по преподаванію, предстоящаго веденія школьнаго дѣла и другихъ распоряженій. Раненбургское земство въ 1881 году *устроило създъ учителей со всей губерніи*. Учителей съ кандидатами и помощниками явилось 52. Занятія продолжались съ 1-го по 11-е сентября и отличались необыкновенною дѣловитостью. Утреннія занятія происходили въ при-

ходскомъ училищѣ и состояли изъ образцовыхъ уроковъ г. Соколова и пробныхъ—учителей, каковыхъ дано было послѣдними 19; вечернія занятія состояли въ разборѣ утреннихъ уроковъ и въ разработкѣ вопросовъ, относящихся къ школоведенію.

Всего сказаннаго совершенно достаточно, чтобы вполне оцѣнить дѣятельность рязанскаго земства въ дѣлѣ подготовленія учителей для своихъ школъ. И эта дѣятельность увѣнчалась успѣхомъ, что можно видѣть изъ состава преподавателей и преподавательницъ къ концу двадцатипятилѣтней дѣятельности рязанскаго земства, т.-е. въ 1889 г.

Вотъ каковъ былъ этотъ составъ:

Общее число преподавателей:

	Законо- учителей,		Учителей,		Учитель- ницъ,		Всего.
		о/о		о/о		о/о	
Рязанскій	55	39,9	55	39,9	28	20,2	138
Сапожковскій	54	40,6	55	69,6	24	30,4	133
Зарайскій	21	38,2	20	36,4	14	25,4	55
Михайловскій	22	42,3	28	53,8	2	3,8	52
Егорьевскій	34	39,5	37	43	15	17,4	86
Касимовскій	47	46,1	42	41,2	13	12,7	102
Спасскій	60	40,8	72	48,9	15	10,2	147
Скопинскій	26	42,6	19	31,1	16	26,2	61
Рязскій	25	41,7	27	45	8	13,3	60
Пронскій	27	43,5	29	46,8	6	9,7	62
Данковскій	41	41,4	46	46,5	12	12,1	99
Раненбургскій	41	41	48	48	11	11	100
По губерніи	453	41,5	478	43,6	164	25,6	1.095

Изъ числа учителей и учительницъ, окончившихъ курсъ:

	Въ учитель- скихъ семина- ріяхъ, институтъ- тахъ и спецъ- альныхъ заве- деніяхъ.			Въ среднихъ учебныхъ заве- деніяхъ.			Неокончив- шихъ курсъ, но пмѣющихъ пра- во на препода- ваніе.			Неимѣющихъ права препода- ванія.		
	муж.	жен.	о/о	муж.	жен.	о/о	муж.	жен.	о/о	муж.	жен.	о/о
Рязанскій	36	4	48,2	7	19	31,3	12	4	19,3	—	1	1,2
Сапожковскій	16	—	20,2	9	9	22,8	24	14	48,1	6	1	8,9
Зарайскій	10	—	29,4	4	4	23,5	6	10	47,1	—	—	—
Михайловскій	17	—	56,7	4	1	16,7	7	1	26,6	—	—	—
Егорьевскій	13	—	25	13	9	42,3	11	6	32,7	—	—	—
Касимовскій	20	—	36,2	6	5	20	15	8	41,8	1	—	2
Спасскій	34	1	40,2	7	9	18,4	30	5	40,2	1	—	1,1
Скопинскій	8	—	22,8	5	5	28,6	6	11	48,6	—	—	—
Рязскій	14	—	40	4	7	31,4	8	1	25,7	1	—	2,9
Пронскій	11	—	31,4	5	4	25,7	13	2	42,9	—	—	—
Данковскій	6	—	10,3	3	2	8,6	27	9	62,1	10	1	18,9
Раненбургскій	27	—	45,7	5	7	20,4	16	4	33,9	—	—	—
По губерніи	212	5	33,8	72	81	23,8	175	75	38,9	19	3	3,5

Если мы сложимъ число лицъ со специальнымъ педагогическимъ образованіемъ и окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній,

получится всего 370 чел., или 57,6⁰/₀ всего числа учителей и учительницъ; на долю учителей и учительницъ болѣе низкой степени образованія остается, слѣдовательно, 42,4⁰/₀, но изъ нихъ 38,9⁰/₀—лица, имѣющія право на преподаваніе, а намъ уже извѣстно, какіе способы употребляла земство для поднятія уровня этой категоріи: курсы, съезды, пробныя уроки и т. д. и т. п. Все это говоритъ за то, что и 38,9⁰/₀ представляютъ изъ себя весьма надежный элементъ въ смыслѣ первоначальнаго обученія, такъ что лишь 3,5⁰/₀ являются сомнительнаго достоинства.

Хорошій составъ педагоговъ долженъ получать и соответствующее вознагражденіе, чтобы могъ всецѣло предаться своему дѣлу, не ища другихъ средствъ къ существованію, и съ этой стороны преподавательскій персоналъ обставленъ въ Рязанской губерніи довольно сносно, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ за 1889 годъ относительно учительскаго гонорара въ земскихъ школахъ Рязанской губ.

Количество учителей, получающихъ жалованья въ годъ:

Менѣе 50 руб.				Отъ 50 до 100 руб.				Отъ 100 до 150 руб.			
Законо- учителей.	Учителей.	Учитель- ницъ.	%	Законо- учителей.	Учителей.	Учитель- ницъ.	%	Законо- учителей.	Учителей.	Учитель- ницъ.	%
357	1	—	32,8	87	33	9	11,9	6	38	30	6,9
Отъ 150 до 200 руб.				Свыше 200 руб.				Средній размѣръ жалованья.			
— 94 53 13,5				— 311 70 34,9				36,9 231,9 219,1 148,7			

Отсюда видно, что наибольшій % учителей и учительницъ получаетъ свыше 200 руб., а среднее вознагражденіе ихъ превышаетъ 200 рублей.

Чѣмъ долѣе служитъ учитель, тѣмъ гонораръ его болѣе и болѣе увеличивается, потому что, по примѣру спасскаго земства, установившаго еще въ 1875 году къ основному жалованью прибавлять черезъ каждые 3 года въ размѣрѣ 100 руб., уѣздныя земства въ разные сроки увеличиваютъ размѣры вознагражденія: рязанское земство на 40 руб. черезъ три года, сапожковское — 30 руб. черезъ 5 лѣтъ, егорьевское—15⁰/₀ жалованья черезъ 3 года, касимовское—10⁰/₀, пронское—60 руб., зарайское—отъ 30 до 50 руб.; оба послѣднія земства—единовременно въ сроки, назначенные училищнымъ совѣтомъ и т. д.

Здѣсь, къ слову, скажемъ, что въ 1880 году, въ память незабвеннаго для народа дня 19-го февраля, въ г. Рязани, по иниціативѣ бывшаго директора училищъ Рязанской губерніи, а потомъ члена отъ земства губернскаго училищнаго совѣта, М. Н. Кормилицына, возникло «Общество для пособія учащимъ въ народныхъ училищахъ»

Рязанской губернии». Цѣль Общества—оказывать учащимъ помощь въ несчастныхъ случаяхъ, отъ которыхъ не можетъ обезпечить ихъ никакое жалованье, котораго во всякомъ случаѣ недостаточно, особенно для учителей семейныхъ, а они-то и являются самыми лучшими преподавателями.

Уставъ Общества даетъ уѣзднымъ отдѣленіямъ полную возможность тратить жертвуемая земствомъ деньги исключительно въ уѣздѣ, почему данковское земство тогда-же постановило: вносить въ мѣстный отдѣлъ ежегодно по 100 руб.

Наконецъ, въ 1873 году рязанское земство приняло предложенный бывшимъ гласнымъ Д. Д. Дашковымъ проектъ *пенсіонной кассы*, въ который входятъ и пенсіи учителей.

Всего, до сихъ поръ сказаннаго, полагаемъ, достаточно для уясненія качественной стороны въ дѣлѣ постановки земствомъ воспитанія въ своихъ школахъ.

Но земство все-же не удовольствовалось однѣми существующими школами. Оно ясно сознавало и сознаетъ, что этихъ школъ далеко недостаточно, и вмѣстѣ съ тѣмъ средства не дозволяютъ открыть ихъ въ такомъ количествѣ, чтобы могли учиться все дѣти школьнаго возраста *); помимо этого, земство видѣло насущную необходимость дать возможность получить хотя какое-нибудь образованіе взрослому населенію, а также—не только охранить окончившихъ школы отъ забвенія грамоты, но и поставить ихъ въ условія, которыя благоприятствовали-бы дальнѣйшему развитію, потому что земство никогда не думало ограничиваться *одною грамотностью*, а именно старалось *дать образованіе* народу, видя въ этомъ счастье народа и государства **).

*) Въ докладѣ за 1887 годъ по этому поводу говорится слѣдующее: «Школъ въ губерніи недостаточно—это уже въ сознаніи каждаго изъ насъ. Имѣть ихъ столько, сколько нужно, невозможно. Дѣтей школьнаго возраста въ губерніи 253.000; организуя школы на 60 учениковъ, школъ необходимо почти 4.217, или, иначе, ихъ нужно имѣть 8 разъ болѣе, чѣмъ имѣется нынѣ. Если даже допустить, что въ 499 школахъ могло-же учиться въ отчетномъ году 35.443, то для того, чтобы могло учиться 253.000, при такихъ-же условіяхъ размѣщенія учащихся, необходимо имѣть все-таки 3,500 школъ, т.-е. въ 7 разъ болѣе противъ числа школъ, нынѣ существующихъ. Не говоря о миллионныхъ затратахъ по строительству школъ, содержаніе ихъ должно было-бы стоить въ 7 или 8 разъ болѣе настоящаго, или, иначе, стоило-бы земству и населенію болѣе милліона, такъ какъ нынѣ однимъ земствомъ тратится 131.368 р. 67 к. и сельскимъ обществомъ 58.368 рублей».

**) «Передъ нами объединеніе народа,—говорится въ отчетѣ 1869 года,—намъ угрожаетъ страшная нищета, если мы не возьмемся горячо за его воспитаніе. Расходъ на школы—страховая премія, которую мы платимъ теперь, чтобы изба-

Въ видахъ названныхъ цѣлей, земствомъ въ разное время было сдѣлано много соотвѣтствующихъ постановленій, немедленно примѣнявшихся на практикѣ.

При многихъ уѣздныхъ земствахъ пооткрывались *книжные склады*, дающіе возможность дешеваго приобрѣтенія книги. Въ скопинскомъ земствѣ еще въ 1870 году былъ поднятъ вопросъ *объ обязательномъ обученіи народа*. Въ томъ-же году въ Данковскомъ уѣздѣ было принято за правило посылать *на лѣтніе курсы молодыхъ людей изъ небольшихъ поселковъ*, слишкомъ ничтожныхъ для устройства въ нихъ училища. Эти молодые люди, возвращаясь домой, *заводили училища на свои средства*, получая иногда небольшую помощь отъ общества и не поглощая такимъ образомъ земскихъ суммъ. *Обученіе дѣтей стало домашнимъ зимнимъ промысломъ этой молодежи, переходящей лѣтомъ къ сохѣ и косѣ*. Подобныя школы могутъ устраиваться только при существованіи другихъ, съ которыхъ онѣ брали-бы хорошій примѣръ, и только въ то время, когда грамотность становится насущной, или, точнѣе, сознаннымъ потребностью крестьянъ.

Нѣкоторыя земства, какъ зарайское, егорьевское, пронское, еще въ 1881 году стали отпускать особыя суммы *на приобрѣтеніе книгъ для раздачи учащимся по окончаніи ими курса*, а рязанское земство, назначивъ на каждую школу по 5 руб., сформировало къ тому времени 28 сельскихъ библіотекъ; егорьевское земство устраиваетъ по 3 такія библіотеки ежегодно, начиная съ 1869 года; спасское-же постановило въ 1881 году *устраивать библіотеки во всѣхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы книги въ каждахъ 4-хъ ближайшихъ школахъ были разными*. Это, понятно, дастъ возможность читающимъ ознакомиться съ бѣльшимъ количествомъ книгъ, что весьма полезно. То же земство и въ томъ-же году возбудило вопросъ *о необходимости устройства вечернихъ и воскресныхъ повторительныхъ уроковъ для окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ*.

Въ Данковскомъ уѣздѣ, въ 1880, 1881 и 1882 годахъ, при нѣкоторыхъ школахъ производился опытъ *лѣтнихъ школъ для дѣвочекъ*. Ученіе это происходило послѣ Святой, когда мальчики не учатся, до начала іюня или іюля и продолжалось съ конца августа или начала сентября, до открытія зимней школы. Удобство этихъ школъ состоитъ въ томъ, что дѣвочки большею частью не имѣютъ достаточно теплаго

вить дѣтей нашихъ отъ тѣхъ громадныхъ налоговъ въ пользу нищеты, достигшихъ, напр., въ Англіи, среднимъ числомъ, размѣра 20%, т.-е. $\frac{1}{5}$ чистаго дохода».

Въ отчетѣ за 1870 г. говорится: «безъ народнаго образованія для насъ, земскихъ дѣятелей, нѣтъ твердой почвы—все, построенное нами, стоитъ на пескѣ».

платья и обуви для посѣщенія зимней школы, а родители не считают нужнымъ снабжать ихъ этими предметами, какъ мальчиковъ; напротивъ, матери удерживаютъ дѣвочекъ дома или для рукодѣля, или для помощи въ хозяйствѣ и нянчанья ребятъ, необходимаго въ малолюдныхъ семействахъ. Въ 1880 году *состоялась лѣтомъ и школа мальчиковъ* отъ 6 до 8 лѣтъ, въ числѣ 40. Въ теченіе лѣта они учились читать и старшіе изъ нихъ поступили во второе отдѣленіе зимней школы, но далеко не всѣ, потому что большинство ихъ бѣгало учиться босикомъ изъ деревень за 2—3 версты, что, за недостаткомъ у многихъ обуви и одежды, зимою стало невозможно. Это неудобство устраняемо только отчасти устройствомъ *артельныхъ квартиръ для учениковъ и подводъ для ихъ провоза*. Первые встрѣчаются по разнымъ уѣздамъ очень рѣдко, а данковское земство съ *трудомъ могло устроить нѣсколько таковыхъ, «въмѣстѣ бѣдности крестьянъ, едва могущихъ прокормить дѣтей изъ общаго горшка»* *). Но въ мѣстностяхъ болѣе зажиточныхъ квартиры устраивать вполне удобно, особенно для мальчиковъ постарше, выучившихся грамотѣ дома въ деревнѣ и желающихъ приготовиться къ полученію свидѣтельствъ. Что касается подводъ, то таковыя содержались въ Данковскомъ уѣздѣ, въ числѣ 10-ти, на земскій счетъ (по 15—20 руб. въ мѣсяцъ); артельные-же бываютъ рѣдко, а то не постоянно, а въ случаѣ дурной погоды.

Помимо лѣтнихъ курсовъ для крестьянской молодежи, о которыхъ мы говорили, въ нѣкоторыхъ земствахъ вопросъ о *мелкихъ школахъ* былъ поставленъ иначе. Такъ, въ рязанскомъ земствѣ, по предложенію гласнаго Дворжака, *при земскихъ школахъ содержатся стипендіаты* изъ окончившихъ курсы этихъ-же школъ съ тѣмъ, чтобы они могли учить въ деревенскихъ училищахъ въ качествѣ помощниковъ сосѣднихъ учителей. Эта мѣра практикуется уже нѣсколько лѣтъ въ Данковскомъ у., гдѣ такіе стипендіаты учатъ деревенскихъ дѣтей, подготавливая желающихъ, подъ надзоромъ своихъ бывшихъ учителей,

*) Говоря о колебаніи числа школъ и учащихся, мы объясняли это, главнымъ образомъ, экономическимъ положеніемъ населенія, примѣромъ чему и могутъ служить приводимыя изъ отчетовъ данныя о неимѣннйи одежды у крестьянскихъ дѣтей обоого пола, объ отсутствіи обуви и даже о недостаткѣ пищи. Годы урожайные значительно прибавляютъ учащихся, а голодные, какъ нынѣшній, напротивъ, убавляютъ число ихъ. Имѣютъ значеніе и климатическія условія: въ холодную зиму меньше учениковъ, а въ теплую больше. Но и это, понятно, обусловливается чисто экономическими условіями, потому что, при состоятельности, въ теплой одеждѣ можно посѣщать школу въ какое угодно время. Борьба съ экономическими условіями была самая тяжелая для земствъ.

къ поступленію въ земскую школу для окончанія курса. Каждая такая школа обходится въ среднемъ, считая квартиру и отопленіе, въ 60 рублей.

Наконецъ, для поднятія значенія образованія въ глазахъ народа и для прилива учащихся, предсѣдатель касимовскаго училищнаго совѣта, А. П. Гильдебрандтъ, еще въ 1869 году выразилъ мысль, что «слѣдовало-бы войти съ ходатайствомъ предъ правительствомъ *объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія тѣхъ учениковъ сельскихъ школъ, которые окончатъ полный курсъ и получаютъ въ томъ свидѣтельство отъ училищнаго совѣта; мѣра эта сильнѣе всего повліяетъ на притокъ учениковъ и на допущеніе ихъ родителями къ полному окончанію ученія*».

Намъ остается теперь сказать еще о конечныхъ результатахъ существованія земской школы. Для этого мы ограничимся данными *повѣрочныхъ экзаменовъ окончившихъ курсъ сельскихъ училищъ*, произведенныхъ въ 1887 и 1888 гг., «*ради того, чтобы убѣдиться, какую пользу принесли земскія школы, познакомиться съ содѣланнымъ, съ недостатками того, что дается народу образованіемъ; съ тѣмъ, что читаетъ народъ и понимаетъ-ли онъ что-нибудь*», какъ опредѣляло спасское земство.

Вопросъ о *пользѣ школъ* возбудился сначала въ касимовскомъ, затѣмъ въ пронскомъ и спасскомъ земствахъ. Вслѣдствіе этого въ Пронскомъ уѣздѣ была назначена особая повѣрочная коммиссія, которая постановила, *путемъ личной бесѣды съ окончившими курсъ въ сельскихъ школахъ, опредѣлять ту степень познанія, какая удержалась у нихъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ по ихъ выходѣ изъ училища*. Эти бесѣды сначала были произведены въ 1887 году, для чего избраны были тѣ изъ окончившихъ курсъ, которые получили свидѣтельства періода времени съ 1875—1882 г. включительно. Результаты, полученные этимъ путемъ, сверхъ ожиданія самой коммиссіи, должны назваться, по ея выраженію, «высокими, такъ какъ общій средній баллъ познаній бывшихъ учениковъ всѣхъ четырехъ училищъ равнялся 4,06». Коммиссія сочла своимъ долгомъ засвидѣтельствовать предъ собраніемъ тотъ фактъ, что *школы даютъ окончившимъ въ нихъ курсъ знанія, которыя нельзя назвать плохими ни въ какомъ случаѣ*, если, конечно, не задаваться идеальными, не могущими осуществиться, при современныхъ условіяхъ, требованіями. Знанія эти не только не теряются, но всякій, просматривавшій журналъ засѣданія коммиссіи, легко усмотритъ, что самые старшіе изъ окончившихъ курсъ въ школахъ оказывали и наиболѣе высокіе успѣхи. «Фактъ, устанавливае-

мый комиссией, — продолжаетъ послѣдняя, — долженъ быть отнесенъ къ явленіямъ не безотраднымъ, принимая во вниманіе, что наши школы далеко не могутъ быть причислены къ счастливымъ». Произведеннымъ въ 1887 году опытомъ собраніе, однако, не удовлетворилось, такъ какъ опытъ касался только четырехъ школъ и тѣхъ учениковъ, которые окончили курсъ, а потому испытанія продолжались въ 1888 г., причемъ программа была расширена привлеченіемъ не однихъ только окончившихъ курсъ, но и вообще всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя посѣщали школу. И на этотъ разъ испытанія признаны были болѣе чѣмъ удовлетворительными даже по отношенію къ ученикамъ, не окончившимъ курса. *«Для комиссiи нѣтъ никакого сомнѣнія, — говорится въ докладѣ, — что время, проведенное дѣтьми крестьянъ въ школѣ, не пропадаетъ даромъ. Въ прошломъ году мы засвидѣтельствовали предъ собраніемъ удовлетворительность познаній учениковъ сельскихъ школъ, окончившихъ въ нихъ курсъ; въ нынѣшнемъ мы должны добавить еще, что грамотность приобрѣтаютъ въ школахъ не только тѣ, которые пробыли тамъ нѣсколько лѣтъ, но даже и учившіеся не болѣе одной зимы. Намъ самимъ казалось это прежде невозможнымъ, но тѣмъ не менѣе фактъ налицо» *)*.

Скажемъ въ концѣ-концовъ, что земская школа приобрѣла полное довѣріе и любовь со стороны народа, который теперь не отнесся-бы такъ индифферентно къ закрытію школы, какъ отнесся онъ, когда прекращали свое существованіе жалкія до-реформенныя училища. Видя такой переворотъ во взглядахъ населенія на школу, видя стремленіе его къ образованію, земство можетъ безошибочно заключить, что 25-ти-лѣтняя дѣятельность его не осталась безплодною. Дальше предстоитъ уже болѣе легкая работа по народному образованію, которое, если останется въ вѣдѣніи земства, черезъ другія 25 лѣтъ будетъ дано всему населенію: въ этомъ нельзя сомнѣваться, судя по дѣятельности земства за первую четверть вѣка.

И. П. Бѣлоконскій.

*) См. «Обозрѣніе двадцатипятилѣтней дѣятельности земства Рязанской губерніи», стр. 165. Рязань, 1890 г.

Школа и грамотность въ Иркутской губерніи.

(По даннымъ мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій *).

Иркутская губернія въ административномъ отношеніи раздѣляется на пять округовъ: Балаганскій, Нижнеудинскій, Иркутскій, Киренскій и Верхотенскій. Въ настоящее время въ печати имѣются статистическіе матеріалы только по тремъ первымъ округамъ; поэтому и рамки нашей работы о школахъ и грамотности въ Иркутской губерніи волей-неволей должны сѣзвиться до предѣловъ этихъ округовъ. Кромѣ того, по зависимости отъ тѣхъ-же матеріаловъ, въ настоящей работѣ мы будемъ говорить какъ о школахъ, такъ и о грамотности только *сельской*.

Ш к о л а .

I.

Территорія, занимаемая Балаганскимъ, Нижнеудинскимъ и Иркутскимъ округами, за исключеніемъ 71 кв. мили, находящейся подъ Байкаломъ (въ Иркутскомъ округѣ), составляетъ площадь въ 4.379 кв. миль. Свыше 200 тысячъ душъ обоого пола составляютъ здѣсь массу сельскаго населенія, распадающуюся въ этнографическомъ отношеніи на двѣ группы: русскихъ и бурятъ. Изъ нихъ наиболѣе многочисленную группу представляютъ русскіе. Неодинаковыя по своей численности, эти группы различествуютъ и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, экономическія, бытовыя, религіозныя и многія другія условія жизни для бурятъ сложились менѣе выгодно, чѣмъ для русскихъ, что, разумѣется, въ томъ-же направленіи отражается и на школьномъ дѣлѣ. На всемъ громадномъ пространствѣ, какое занимаютъ названные выше три округа Иркутской губерніи, — въ цѣляхъ распространенія среди сельскаго населенія грамотности, христіанскаго вѣроученія и нѣкоторыхъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, до сего времени открыто 68 школъ.

*) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Москва. 1890 г.

Чтобы яснѣе показать, въ какой мѣрѣ это число школъ выражаетъ объемъ оффиціальной помощи народу (школы эти учреждены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и Духовнымъ вѣдомствомъ), остановимся на сопоставленіи его: во-первыхъ, съ величиною территоріи, по которой разбросаны школы; во-вторыхъ, съ количествомъ населенія, и въ-третьихъ, съ числомъ лицъ школьнаго возраста. Въ результатѣ такого сопоставленія предъ нами развертывается слѣдующая картина. Въ предѣлахъ всѣхъ трехъ округовъ, на каждыя три тысячи кв. верстъ, съ болѣе чѣмъ трехтысячнымъ населеніемъ и съ 1.500 дѣтей школьнаго возраста приходится только одна школа, вслѣдствіе чего большинству дѣтей она остается недоступною. Вообще, въ названныхъ округахъ, при населеніи въ 200.000 душъ, счастливыцы, попавшіе въ школу, не составляютъ и трехъ тысячъ человѣкъ.

Въ теченіе десятилѣтія (съ 1860—1870 гг.) за счетъ казны открыто 14 школъ, въ слѣдующія затѣмъ 17 лѣтъ—56 школъ, тогда какъ въ періодъ тѣхъ-же 17 лѣтъ, напр., въ Нижегородской губерніи, по инициативѣ и на средства уѣздныхъ земствъ, учреждено 216 школъ; слѣдовательно, въ среднемъ, ежегодно открывалось по 12 школъ.

Таковы размѣры и степень роста той оффиціальной помощи, которую получило населеніе. Очевидно, что такое положеніе дѣлъ неминуемо должно было принудить народъ обратиться «къ своимъ средствамъ»,—къ самопомощи, вызвать на сцену непосредственно народную инициативу. Благодаря отсутствію долгое время регламентаціи, эта школа развивалась вполнѣ свободно и дала богатые результаты. Мы едва-ли ошибемся, утверждая, что тою грамотностью, которой въ настоящее время обладаетъ населеніе Иркутской губерніи, оно едва-ли не всего болѣе обязано именно собственной инициативѣ.

Непосредственно народная инициатива въ учебномъ дѣлѣ выразилась здѣсь въ учрежденіи частныхъ или домашнихъ школъ грамотности, называемыхъ также вольными деревенскими школами. Въ настоящее время въ предѣлахъ трехъ округовъ такихъ школъ насчитывается 107. «При этомъ надо имѣть въ виду,—говорится въ трудахъ изслѣдователей этихъ школъ,—что данное число составляютъ только тѣ частныя школы, на существованіе которыхъ сдѣланы были во время мѣстныхъ изслѣдованій прямыя указанія. Такимъ образомъ, сюда могли войти лишь школы, которыя существовали въ моментъ переписи, и не вошли тѣ, которыя хотя и были раньше, но во время переписи уже не функционировали, хотя и была вѣроятность, что онѣ возникнутъ вновь. Также сюда вошли только школы, считавшіяся мѣстнымъ населеніемъ за таковыя, и не внесены, наоборотъ, факты домашняго-же обученія при такихъ условіяхъ и размѣрахъ, когда са-

мый фактъ обученія не даетъ еще права заключать о существованіи *школы*». Отсюда ясно, что число зарегистрированныхъ домашнихъ школъ грамотности выражаетъ лишь минимальное ихъ количество, и потому лишь приблизительно опредѣляетъ размѣры народной самопомощи, которые въ дѣйствительности несравненно больше. Было-бы, однако, ошибочно полагать, будто домашнія школы возникли и распространились здѣсь, благодаря исключительно одному недостатку официальныхъ школъ. Недостатокъ официальныхъ школъ является главной, но не единственной причиной. На ряду съ нею, въ томъ-же направленіи дѣйствуютъ такіе факторы, какъ различіе религіозныхъ воззрѣній, въ силу чего возникли и возникаютъ спеціальныя школы старообрядцевъ, субботниковъ, магометанъ и т. п. Далѣе, въ пользу домашней школы склоняетъ населеніе и то, что официальная школа, по словамъ сибирскихъ статистиковъ, не вполне соответствуетъ условіямъ крестьянской жизни: ученье начинается съ 15 сентября и оканчивается 15 іюля, т.-е. захватываетъ часть самой горячей рабочей поры; поэтому дѣти всегда опаздываютъ въ школу на одинъ и даже на два мѣсяца и покидаютъ ее то-же за мѣсяць и за два до окончанія учебныхъ занятій. Затѣмъ, крестьянамъ кажется страннымъ, что нѣкоторые учителя или учительницы устраиваютъ во время перемѣнъ игры, или въ неурочное время предоставляютъ полную свободу ученикамъ: «въ учбу отдали, а не для баловства», замѣчаютъ по этому поводу крестьяне. «Но если-бы, — говорится дальше въ трудахъ статистиковъ, — официальные школы и вполне соответствовали взглядамъ крестьянъ, то и тогда, вслѣдствіе большихъ разстояній, многіе изъ нихъ отдавать туда своихъ дѣтей не могутъ: есть селенія, удаленныя отъ волостной школы на 20, 30, 40 и до 120 верстъ. Наконецъ, даже сравнительно близкія разстоянія могутъ служить помѣхой для посѣщенія школы зимою, такъ какъ далеко не у всякаго деревенскаго мальчика найдется необходимая теплая одежда». Этимъ мы закончимъ вопросъ о домашнихъ школахъ и перейдемъ къ обзору школьнаго дѣла въ названныхъ округахъ губернии.

II.

Размѣры количественнаго роста въ учебномъ дѣлѣ, какъ извѣстно, всего лучше опредѣляются по двумъ отношеніямъ: во-первыхъ, по отношенію числа учащихся къ числу дѣтей школьнаго возраста и, во-вторыхъ, по отношенію того-же числа учащихся къ числу всего населенія. Чѣмъ меньше каждый изъ знаменателей этихъ отношеній, тѣмъ больше будетъ успѣхъ въ количественномъ ростѣ. Первое отношеніе указываетъ на большую или меньшую достаточность въ шко-

лахъ; второе, указывая на силу, съ которой школа вливаетъ въ народную массу элементы грамотные и сравнительно культурные, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о размѣрахъ культурнаго значенія школы. За первымъ отношеніемъ высказанное нами значеніе мы признаемъ въ томъ предположеніи, что при нормальныхъ условіяхъ народной жизни всѣ дѣти школьнаго возраста неминуемо будутъ обучаться въ школѣ. Справедливость такого предположенія подтверждается мѣстными статистическими изслѣдованіями, какъ у насъ, въ Европейской Россіи, такъ и тамъ, въ Сибири. Эти изслѣдованія свидѣтельствуютъ, что существующія школы переполнены учащимися и что народъ на собственные средства и по своей инициативѣ создалъ и создаетъ громаднѣйшее число школъ. Слѣдовательно, народъ сознаетъ необходимость школьнаго образованія, и если дѣти его зачастую не посѣщаютъ школы, то единственно по причинѣ виѣшнихъ неблагопріятныхъ условій его жизни, особенно по недостатку школъ, или по невозможности пользоваться ими за ихъ отдаленностью. Вотъ почему мы и говоримъ, что отношеніе числа учащихся къ числу дѣтей учебнаго возраста свидѣтельствуетъ о количественномъ ростѣ школьнаго дѣла. Идеальнымъ въ этомъ смыслѣ будетъ тотъ моментъ, когда знаменатель этого отношенія будетъ равенъ единицѣ, ибо это будетъ тотъ моментъ, когда число учащихся сравняется съ числомъ долженствующихъ учиться. Въ виду всего этого представляется интересной слѣдующая таблица данныхъ о школьномъ дѣлѣ въ Иркутской губерніи:

Учащихся въ официальныхъ и частныхъ (домашнихъ) школахъ.			Дѣтей школьнаго возраста.			ВСЕГО НАСЕЛЕНІЯ.			Процентное отношеніе числа учащихся.	
Мальч.	Дѣвоч.	Всѣхъ.	Мальч.	Дѣвоч.	Всѣхъ.	Мужч.	Женщ.	Всѣхъ.	Къ числу дѣтей школьнаго возраста.	Къ общему числу населенія.
2.590	297	2.887	18.308	13.376	31.684	124.288	118.425	242.713	9,1	1,2

Изъ этой таблицы видно, что число учащихся относится къ числу дѣтей школьнаго возраста какъ 91 : 1.000 и къ числу всего населенія какъ 12 : 1.000. Отсюда слѣдуетъ, что изъ каждой тысячи дѣтей учебнаго возраста остается безъ школьнаго образованія 909 человекъ. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія высказанныхъ нами выше положеній, размѣры количественнаго роста школьнаго дѣла въ Иркутской губерніи оставляютъ желать еще очень и очень многого. Интересно также остановиться на вопросѣ, какъ размѣры школьнаго дѣла измѣняются здѣсь по народностямъ, округамъ и поламъ. Въ отвѣтъ на поставленный вопросъ, представляемъ слѣдующую таблицу:

Название народностей и округовъ.	Учащихся въ правительственныхъ и частныхъ школахъ.			Дѣтей школьнаго возраста.			ВСЕГО НАСЕЛЕНІЯ.		
	Мальч.	Дѣвоч.	Всѣхъ.	Мальч.	Дѣвоч.	Всѣхъ.	Мужч.	Женщ.	Всѣхъ.
<i>Русскіе.</i>									
Иркутскаго округа	811	112	923	4.230	3.114	7.344	28.992	27.792	56.784
Балаганскаго >	804	85	889	5.006	3.562	8.568	32.867	32.160	65.027
Нижнеудинск. >	465	72	537	3.017	2.219	5.236	20.238	19.787	40.025
Итого . .	2.080	269	2.349	12.253	8.895	21.148	82.097	79.739	161.836
<i>Буряты.</i>									
Иркутскаго округа	135	14	149	1.949	1.490	3.439	14.050	13.021	27.071
Балаганскаго >	368	14	382	4.013	2.925	6.938	27.556	25.129	52.685
Нижнеудинск. >	7	—	7	93	66	159	582	536	1.121
Итого . .	510	28	538	6.055	4.481	10.136	42.191	38.686	80.877
<i>Объ народности.</i>									
Иркутскаго округа	946	126	1.072	6.179	4.595	10.783	43.042	40.813	83.855
Балаганскаго >	1.172	99	1.271	9.019	6.487	15.506	70.723	57.289	117.712
Нижнеудинск. >	472	72	544	3.110	2.285	5.395	20.820	20.323	41.146

ПРОЦЕНТНОЕ ОТНОШЕНІЕ УЧАЩИХСЯ.

Название народностей и округовъ.	Мальчиковъ къ числу мальч. школьн. возр.	Дѣвочекъ къ числу дѣвочекъ школьн. возр.	Обоего пола къ общ. числу дѣтей шк. возр.	Мальчиковъ къ мужскому населенію.	Дѣвочекъ къ женскому населенію.	Обоего пола ко всему населенію.	Мальч.	Дѣвоч.	
							Ко всему населенію.		
<i>Русскіе.</i>									
Иркутскаго округа	19,2	3,6	12,5	2,8	0,40	1,6	1,42	0,20	
Балаганскаго >	16,1	2,3	10,3	2,4	0,26	1,4	1,23	0,13	
Нижнеудинскаго >	15,4	3,2	12,2	2,3	0,37	1,3	1,11	0,18	
Итого . .	17,0	3,0	11,1	2,5	0,33	1,4	1,27	0,10	
<i>Буряты.</i>									
Иркутскаго округа	6,9	0,9	4,3	0,9	0,10	0,6	0,49	0,05	
Балаганскаго >	9,1	0,5	5,5	1,3	0,03	0,7	0,69	0,03	
Нижнеудинскаго >	7,5	—	4,4	1,2	—	0,6	0,62	—	
Итого . .	8,4	0,6	5,3	1,2	0,07	0,67	0,63	0,003	
<i>Объ народности.</i>									
Иркутскаго округа	15,3	2,7	9,9	2,2	0,30	1,3	1,13	0,15	
Балаганскаго >	13,0	1,5	8,2	1,6	0,17	1,1	1,10	0,08	
Нижнеудинскаго >	15,0	3,1	10,1	2,3	0,35	1,3	1,12	0,17	

Представленная таблица даетъ намъ основаніе установить слѣдующія четыре положенія. Во-первыхъ, русскіе сравнительно съ бурятами достигли въ учебномъ дѣлѣ значительныхъ успѣховъ, особенно по отношенію къ образованію женщинъ. У нихъ изъ 1.000 душъ учебнаго возраста школьное образованіе получаютъ 111 человекъ, изъ коихъ 30 дѣвочекъ; у бурятъ-же на то-же число лицъ учебнаго возраста учащихся приходится 53 чел., въ числѣ которыхъ дѣвочекъ только 6. Затѣмъ, на 10.000 душъ взрослога населенія учащихся приходится: у русскихъ 140, у бурятъ 67 человекъ. Во-вторыхъ, по отдѣльнымъ округамъ успѣхи школьнаго дѣла, въ общемъ, болѣе или менѣе одинаковы. Такъ, изъ 1.000 душъ школьнаго возраста обучаются: въ Иркутскомъ округѣ—99, въ Балаганскомъ—82, въ Нижнеудинскомъ—101 человекъ. Далѣе, на 1.000 человекъ взрослога населенія учащихся приходится: въ Иркутскомъ и Нижнеудинскомъ по 13 человекъ, а въ Балаганскомъ—11 человекъ. Въ-третьихъ, дѣло обученія женщинъ крайне неустойчиво; на него оказываютъ сильное вліяніе такіе факторы, которые на обученіе мужчины остаются почти безъ вліянія. Такъ, напр., однѣ и тѣ-же особенности условій жизни бурятъ сравнительно съ условіями жизни русскихъ на обученіи дѣвочекъ отражаются несравненно сильнѣе, чѣмъ на обученіи мальчиковъ. Въ то время, какъ, въ зависимости отъ этихъ особенностей, число учащихся дѣвочекъ сократилось впятеро, число учащихся мальчиковъ уменьшилось едва вдвое. Равнымъ образомъ, въ зависимости отъ особенностей жизни въ томъ или другомъ округѣ, число учащихся мальчиковъ измѣняется значительно слабѣе, чѣмъ число учащихся дѣвочекъ, что невозможно отнести на счетъ однѣхъ этническихъ особенностей округовъ. Все это показываетъ, что идея обученія женщинъ слабо еще сознана народомъ, а потому и реализація ея легко поддается всякому, невыгодному для нея, вліянію. То-же самое вытекаетъ и изъ сравненія цифровыхъ данныхъ объ учащихся того и другаго пола. Сравненіе это показываетъ, что по процентному отношенію числа учащихся къ общему числу дѣтей школьнаго возраста соотвѣтствующаго пола—мальчики превосходятъ дѣвочекъ: въ Иркутскомъ округѣ въ 5,7 раза, въ Балаганскомъ—въ 9 разъ и въ Нижнеудинскомъ—въ 5 разъ.

III.

Мы разсмотрѣли школьное дѣло со стороны его размѣровъ или внѣшняго роста. Переходя теперь къ качественной сторонѣ дѣла,—къ вопросу о томъ, *каково* здѣсь школьное дѣло по его внутреннему

достоинству, намъ необходимо ознакомиться: во-первыхъ, съ типомъ школъ, ибо имъ опредѣляется программа и методъ преподаванія; во-вторыхъ, съ матеріальнымъ обезпеченіемъ школъ, чѣмъ въ значительной степени обусловливается внутреннее достоинство школы; въ-третьихъ, съ составомъ преподавательскаго персонала; въ-четвертыхъ, съ школьными помѣщеніями и учебными принадлежностями, и въ-пятыхъ, съ возрастнымъ составомъ учащихся, продолжительностью пребыванія ихъ въ школѣ и аккуратностью посѣщенія ея, а также съ количествомъ учащихся, приходящимся на одного преподавателя, ибо все это оказываетъ существенное вліяніе на успѣшность учительскаго труда. Въ указанной послѣдовательности мы и разсмотримъ все это.

Находящіяся въ предѣлахъ изслѣдованнаго района 175 школъ распадаются на три типа: а) народныя училища Министерства Народнаго Просвѣщенія, извѣстныя здѣсь подъ именемъ приходскихъ; б) школы Духовнаго вѣдомства: церковно-приходскія и миссіонерскія (различіе между тѣми и другими школами второго типа въ томъ, что первыя изъ нихъ учреждены для русскаго населенія, а вторыя—для инородческаго) и в) частныя или домашнія школы. Программы учебнаго курса въ школахъ первыхъ двухъ типовъ одинаковы. И тѣ, и другія школы, кромѣ обученія Закону Божію, чтенію, письму и счету, ставятъ себѣ задачей сообщить ученикамъ такія свѣдѣнія, благодаря которымъ у нихъ установилось-бы сознательное отношеніе къ окружающей природѣ и жизни. Къ сожалѣнію, кратковременность пребыванія дѣтей въ школѣ, сокращаемая, къ тому-же, массою манкировокъ, слишкомъ юный возрастъ учащихся—дѣлаютъ вторую половину этой задачи почти недостижимой для школы. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще то, что осуществленіе этой задачи возможно лишь при томъ условіи, если самъ учитель обладаетъ солиднымъ общимъ образованіемъ и развитіемъ. Дѣло въ томъ, что почти все свѣдѣнія, выносимыя ученикомъ изъ начальной школы, почерпаются имъ изъ чтенія подъ руководствомъ учителя спеціальныхъ статей, составляющихъ обыкновенно книгу для классаго чтенія. Руководить-же такимъ чтеніемъ могутъ только лица, спеціально къ тому приготовленныя. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, контингентъ преподавателей, особенно въ школахъ Духовнаго вѣдомства, по своей предварительной подготовкѣ, а также и по условіямъ для своего дальнѣйшаго образованія и развитія,—далеко не всегда оказывается способнымъ на такое дѣло. Частныя школы обучаютъ чтенію, письму, первоначальному счету и лишь иногда Закону Божію и церковно-славянскому языку. Образовательный уровень преподавателей этихъ школъ, ихъ методъ обуче-

нія (звуковой методъ у нихъ не употребляется, изученіе ариѳметики сводится, въ лучшемъ случаѣ, къ механическому выполнению 4-хъ дѣйствій, рѣшеніе задачъ игнорируется), отсутствіе какихъ-либо наглядныхъ пособій, необходимыхъ при элементарномъ обученіи,—все это воскрешаетъ въ нашей памяти образъ старинной, до-реформенной школы, съ ея необыкновенно быстрымъ чтеніемъ, но безъ всякой выразительности и пониманія, съ ея первыми двумя-тремя дѣйствіями надъ числами, выражающими величины, не встрѣчающіяся въ жизни, и неумѣнъ въ то-же время разобраться въ самой несложной задачѣ, на которую наталкиваетъ жизнь. Говорить о возможности для такой школы бороться съ суевѣріями и предрасудками, царящими въ народѣ, разумѣется нечего.

Годовое содержаніе школъ первыхъ двухъ типовъ (о содержаніи домашнихъ школъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній), по свѣдѣніямъ за 1887—1888 г., выразилось въ суммѣ 42.203 р. Изъ нихъ на школы Министерства Народнаго Просвѣщенія пошло 32.309 руб., на школы Духовнаго вѣдомства только 9.894 рубля. Отсюда: а) средняя стоимость годового содержанія школы равняется: въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — 807 руб., въ Духовномъ вѣдомствѣ — 353 рубля и б) средняя годовая стоимость обученія одного ученика въ первыхъ школахъ достигаетъ 15,85 рубля, во вторыхъ 13,47 рубля. Что касается расходовъ по обученію дѣтей домашнимъ способомъ, то изъ собранныхъ статистиками данныхъ о 53-хъ частныхъ школахъ видно, что ежемѣсячная средняя плата учителямъ за каждаго ученика равняется, безъ харчей, 1 руб. 10 коп. Съ харчами-же, по нашему разсчету, она возрастаетъ до 1 р. 35 коп. въ мѣсяцъ или (при учебномъ сезонѣ въ 6 мѣсяцевъ) 14 р. 10 коп. въ годъ. Главнѣйшей статьѣй расхода въ школахъ всѣхъ типовъ является вознагражденіе преподавателей. Въ приходскихъ училищахъ оно составляетъ 69,6% всѣхъ расходовъ, въ церковно-приходскихъ *) 57,5 и въ домашнихъ почти всѣ 100%, ибо расходъ на учебныя принадлежности въ такихъ школахъ обыкновенно бываетъ грошовый. Расходъ на сторожей и поддержаніе чистоты въ школахъ первыхъ двухъ типовъ составляетъ 10,5% общихъ расходовъ, а на учебныя пособія и бібліотеки — 7,3%.

Источники, изъ которыхъ черпаются матеріальныя средства на организованныя училища, а равно и величина этихъ средствъ, по свѣдѣніямъ за 1887—1888 годъ, представляются въ такомъ видѣ:

*) Какъ здѣсь, такъ и дальше мы не будемъ различать церковно-приходскихъ школъ отъ миссіонерскихъ.

П о с т у п л и л о :	Сумма въ рубляхъ.	%къ общему школь- ному бюджету.
Отъ крестьянскихъ и инородч. обществъ	2.9503	70,1
» фабрикъ и заводовъ	4.312	10,2
» духовнаго вѣдомства	3.598	8,5
» попечителей училищъ	2.215	5,2
» казны	914	2,1
Разныхъ поступлений	1.661	3,9
Итого	42.203	100

Что касается расходовъ по содержанию домашнихъ школъ, то всё они ложатся на однихъ крестьянъ и инородцевъ.

Такимъ образомъ, сельскому населенію пришлось не только принять на себя инициативу въ созданіи средствъ къ школьному образованію, но и нести почти исключительно на своихъ плечахъ расходы по школьному дѣлу.

Всѣ преподаватели официальныхъ школъ распределяются слѣдующимъ образомъ:

а) По образовательному цензу, получившихъ образованіе:		Окончив- шихъ курсъ.	Неоконч. курса.	Тѣхъ и дру- гихъ.	% ихъ въ общему числу препо- дающихъ.
Учителя.	Въ учительскихъ семинаріяхъ	29	2	31	52,5
	» духовныхъ семинаріяхъ	6	11	17	28,8
	» духовныхъ училищахъ	1	1	2	3,4
	» уѣздныхъ и городскихъ училищахъ	6	1	7	11,9
	» военныхъ гимназіяхъ	1	—	1	1,7
	» чертежной школѣ	1	—	1	1,7
Учительн.	Въ духовныхъ училищахъ	44	15	59	100
	» ж. гимназіяхъ и институт.	7	—	7	35
	» духовныхъ епарх. училищахъ	5	—	5	25
	Домашнее	1	—	1	5
		20	—	20	100

б) По продолжительности педагогической дѣятельности *):

Преподающіе.	Число преподающихъ, въ теченіе времени:					Средняя продолжительность педагогической дѣятельности.
	Менѣе 3 лѣтъ.	Отъ 3 до 6 лѣтъ.	Отъ 6 до 9 лѣтъ.	Отъ 9 до 12 лѣтъ.	12 и бо- льше лѣтъ.	
Учителя (33 челов.)	8	13	5	4	3	5,6 лѣтъ.
Учительницы (11 челов.)	4	4	3	—	—	4,5 „
Итого	12	17	8	4	3	3,4 лѣтъ.
Тоже въ %/о-хъ	27,3	38,6	18,1	9,1	6,9	— „

*) Свѣдѣніи подъ литерами b, c, d, f относятся къ преподавателямъ только министерскихъ училищъ.

е) По возрасту:

Преподающие.	Число преподающих, въ возрастѣ:					Средній возрастъ.
	До 20 лѣтъ.	Отъ 21 до 25 лѣтъ.	Отъ 26 до 30 лѣтъ.	Отъ 31 до 35 лѣтъ.	Отъ 36 до 40 лѣтъ.	
Учителя (33 челов.)	3	17	10	1	2	25,6
Учительницы (11 челов.)	3	6	1	1	—	22,8
Итого	6	23	11	2	2	24,7
Тоже въ ‰-хъ	13,6	52,2	25,0	4,6	4,6	—

д) По сословіямъ:

	Учителей.	Учительницы.	Тѣхъ и другихъ.
Изъ мѣщанъ	18,6	9	17,9
› дворянъ и чиновн.	11,8	45,5	14,4
› духовнаго званія	41,2	61,6	46,3
› крестьянъ	14	22,2	15,5
› инородцевъ	9,5	—	7,1

е) По мѣсту рожденія:

Мѣсто рожденія.	Въ ‰ къ общему числу преподающихъ:		
	Учителей.	Учительницы.	Тѣхъ и другихъ.
Иркутская губ.	63,6	55,6	61,9
Забайкальск. обл.	15,1	22,2	16,7
Якутская обл.	6,1	—	4,8
Енисейская губ.	—	11,1	2,4
Западная Сибирь	6,1	11,1	7,1
Европейск. Россія	9,1	—	7,1

ф) По семейному состоянію:

Изъ 33-хъ учителей, женатыхъ 16 человекъ, что составляетъ почти половину общаго числа ихъ (48,4‰). Изъ 11 учительницъ — замужнихъ 4, т. е. 36,4‰.

г) По вознагражденію:

Въ этомъ случаѣ наибольшую группу составляютъ учителя, получающіе жалованья 360 р. въ годъ. При этомъ годовое вознагражденіе учителей, ниспадая въ одномъ случаѣ до 240 рублей, въ двухъ случаяхъ достигаетъ 600 рублей. Вознагражденіе же труда учительницъ въ высшемъ своемъ предѣлѣ возрастаетъ только до 480 рублей (два случая), минимум же его падаетъ до 180 рублей (одинъ случай). Средній окладъ жалованья равняется: у учителей 414,44 рубля; у учительницъ — 329,2 руб.; у тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 375,35 р. Приведенныя данныя о вознагражденіи учительскаго труда относятся къ преподавательскому персоналу, служащему въ училищахъ Мин. Нар. Просв. Что же касается оцѣнки труда преподающихъ въ школахъ Духовнаго вѣдомства, то, въ общемъ, она крайне ничтожна. Изъ 28 школъ этого вѣдомства, въ 3-хъ учителя совсѣмъ не получаютъ жало-

ванья, въ нѣсколькихъ другихъ школахъ за годовой трудъ они получаютъ по 25 руб. и только въ одномъ случаѣ (въ заводской школѣ) учитель получаетъ 870, а учительница 570 рублей въ годъ. Въ среднемъ-же, годовой окладъ преподающаго едва достигаетъ 164 руб. Кромѣ жалованья, преподаватели по большей части пользуются готовой квартирой, въ случаѣ-же неимѣнія таковой получаютъ квартирные деньги. При этомъ квартиры учителей министерскихъ школъ чаще всего состоятъ изъ 2—3 комнатъ, не считая передней и кухни, но, какъ увидимъ ниже, помѣщенія эти отличаются крайнею неудобствительностью. Къ общимъ неудобствамъ большинства учительскихъ квартиръ необходимо еще отнести отсутствіе амбаровъ, кладовыхъ, погребовъ и другихъ службъ.

Въ завершеніе приведенныхъ нами данныхъ о преподавательскомъ персоналѣ, необходимо остановиться на такомъ существенно важномъ вопросѣ, какъ вопросъ о средствахъ къ удовлетворенію учителями и учительницами ихъ духовныхъ потребностей. Остановившаяся на этомъ вопросѣ, намъ приходится констатировать печальные факты дѣйствительности. Полное отсутствіе матеріала для чтенія въ одномъ случаѣ и недоброкачественность его въ другомъ, недостатокъ интеллигентнаго общества, приниженное и безправное положеніе учителя среди деревенской аристократіи, которая зачастую образуетъ тѣсно сплоченный кружокъ, и потому имѣетъ возможность устраивать систематическую и побѣдоносную травлю на учителей, разъ они не угождать ей,—все это губительно отражается на мысли и волѣ учителя, а потому, конечно, и на производительности его труда. Въ самомъ дѣлѣ, школьныя библіотеки, составленныя почти исключительно изъ дѣтскихъ изданій, не могутъ, конечно, давать матеріала для чтенія учителей; изъ періодическихъ-же изданій для школьныхъ библіотекъ выписываются только «Русскій Нач. Учитель» и педагогическое приложеніе къ дѣтскому журналу «Родникъ». Выписывать-же журналы и газеты на свои средства учителя, за ограниченностью получаемаго жалованья, могутъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Представляемъ относящіяся сюда не безъинтересныя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ количествѣ и что именно выписывается учителями министерскихъ школъ.

Изъ 44 учителей и учительницъ выписываютъ какія-либо періодическія изданія только 17, въ числѣ ихъ одна учительница. При этомъ :

По 1 изданію выписывали	9 учителей.
» 2 » »	3 »
» 3 » »	4 »
» 4 » »	2 »

Отсюда видно, что менѣе $\frac{1}{5}$ части всего числа учителей (18,1%) выписываютъ болѣе одного изданія. Выписываются слѣдующія изданія: «Восточное Обзорѣніе» 5 экз., «Нива» 4, «Русская Мысль» 3, «Сѣверный Вѣстникъ» 2, Прилож. къ журналу «Родникъ» 2. Затѣмъ, по одному экземпляру: «Сельскій Хозяинъ», «Гражданинъ», «Русское Богатство», «Сѣверъ», «Живописное Обзорѣніе», «Свѣтъ», «Иллюстрированный Міръ».

Всѣ эти свѣдѣнія, приведенныя нами для характеристики контингента преподавателей, представляютъ дѣло далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Правда, значительная часть преподавателей, судя по ихъ образовательному цензу, являются къ своему дѣлу довольно подготовленными. Свѣдѣнія о ихъ происхожденіи и мѣстѣ рожденія даютъ основаніе думать, что они близко знаютъ ту среду, гдѣ имъ приходится работать. Но дальнѣйшія условія ихъ жизни и дѣятельности складываются не въ пользу школы. Мы видѣли, что средняя продолжительность ихъ практической дѣятельности равняется 4,5 лѣтъ и что наибольшую группу ихъ составляютъ лица въ возрастѣ отъ 21 до 25 лѣтъ. Слѣдовательно, большая часть учителей едва успѣетъ приобрѣсти необходимые навыки въ дѣлѣ обученія, едва успѣетъ болѣе или менѣе близко ознакомиться съ условіями своей жизни и дѣятельности, какъ уже оставляетъ службу, передавая школу снова въ распоряженіе учителя-новичка. Впрочемъ, едва-ли выиграла-бы школа, если-бы продолжительность учительской службы была болѣе долговременна. Условія учительской жизни, начиная съ холодной и сырой квартиры и кончая беззаконнымъ и беззащитнымъ положеніемъ въ окружающемъ обществѣ, очень часто грубомъ, невѣжественномъ, не представляютъ собою гарантіи тому, чтобы учитель надолго могъ остаться на высотѣ своего призванія. Нужно быть страстно преданнымъ своему дѣлу, чтобы до конца своей жизни честно нести тяжелый крестъ учительскаго труда. Какъ трудно живется здѣсь иногда народнымъ учителямъ и учительницамъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ факты, нашедшіе себѣ мѣсто въ печати (См., напр., «Сиб. Газ.», 1884 г. № 7 и за 1886 г. № 4).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о законоучителяхъ и попечителяхъ училищъ. Во всѣхъ училищахъ, какъ министерскихъ, такъ и духовнаго вѣдомства, за весьма рѣдкими исключеніями, преподаваніе Закона Божія ведется священно и церковно-служителями. Въ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, — а въ школахъ Духовнаго вѣдомства и подавно, — продолжительность службы законоучителей значительно превосходитъ таковую учителей: въ среднемъ она равняется 7 годамъ и 2 мѣсяцамъ, достигая иногда 26 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе,

предоставленіе права преподавать Законъ Божій исключительно одному духовенству невыгодно отражается на успѣхахъ школы. Вслѣдствіе своихъ прямыхъ обязанностей по приходу и сопряженныхъ съ ними разъѣздовъ, законоучители волей-неволей принуждены часто опускать свои уроки въ школь, а потомъ наверстывать пропущенное, въ большинствѣ случаевъ, во вредъ дѣлу.

Что касается попечителей школь, то о нихъ въ нашемъ распоряженіи имѣются слѣдующія данныя. Избираются попечители обыкновенно обществами крестьянъ, которыя содержатъ школы, съ условіемъ, чтобы избранныя на эту должность лица дѣлали ежегодные взносы на нужды училища не менѣе 25 рублей. Изъ 38 училищъ, о которыхъ имѣются относящіяся сюда свѣдѣнія, 11 не имѣли попечителей; въ остальныхъ 27 училищахъ, попечители по сословіямъ дѣлились такъ: изъ крестьянъ 13, изъ купцовъ 7, изъ инородцевъ 4, изъ чиновниковъ 3. Большинство попечителей (25 человекъ) избраны обществами, остальные (2) служили по опредѣленію начальства. 23 попечителя имѣли жительство въ однихъ селеніяхъ съ опекаемыми ими школами, а 4— по близости. Средняя продолжительность службы попечителя равнялась 4 годамъ и 2 мѣсяцамъ. Отношеніе многихъ изъ попечителей къ ихъ училищамъ ограничивалось исключительно однимъ взносомъ условленныхъ денегъ: нѣкоторые изъ нихъ, за все время своего служенія, ни разу не посѣтили своихъ школь. Нѣкоторые-же попечители часто навѣщаютъ свои школы, производятъ на свои средства мелкія ремонтровки и покупаютъ кое-какія вещи для пополненія школьнаго инвентаря.

Остановимся теперь на вопросѣ о личномъ составѣ преподавателей въ частныхъ или домашнихъ школахъ. Относящіяся сюда данныя имѣются для 73 школь.

Прежде всего, отмѣтимъ тотъ фактъ, что женщины въ роли домашнихъ учителей являются въ очень рѣдкихъ случаяхъ: изъ 73 человекъ, занимавшихъ мѣста учителей домашнихъ школь, было только 3 женщины, что составляетъ 4,1⁰/₀.

Относительно образовательнаго ценза учителей этой категоріи мы должны сказать, что въ большинствѣ случаевъ онъ заключается единственно въ обладаніи грамотой. Въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются учителя, которые едва-едва разбираютъ печатное, но, съ другой стороны, встрѣчаются и такіе, которые вполне хорошо знаютъ свое дѣло и по подготовкѣ не уступятъ учителямъ официальныхъ школь, а иногда, пожалуй, и превзойдутъ ихъ.

По сословіямъ, мужской учительскій персоналъ распадается на слѣдующія группы:

Поселенцевъ	75,8%
Духовнаго званія	10%
Мѣщанъ	7,1%
Отставныхъ солдатъ	2,9%
Канцелярскихъ служителей	1,4%
Крестьянъ изъ казаковъ	1,4%
Сыновей чиновниковъ	1,4%

Что касается школьных помѣщений, то болѣе или менѣе подробныя и точныя свѣдѣнiя, относящiяся къ этому вопросу, какъ и вообще по школьному дѣлу, имѣются лишь о школахъ Мин. Нар. Просв. О помѣщенiяхъ школъ Духовнаго вѣдомства свѣдѣнiя имѣются чрезвычайно краткiя, мало характеризующiя сущность дѣла. Классной комнатою служить очередная изба; классная мебель — тѣ-же столы, что для стряпни и для ѣды. Изслѣдователямъ приходилось наблюдать, какъ на одномъ концѣ стола хозяйка стряпала, а на другомъ—учитель обучалъ 3—4 мальчиковъ. Наемныя помѣщенiя для частныхъ школъ встрѣчаются въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и опять-таки представляютъ обыкновенную избу, но не специальное для школы зданiе.

Изъ 37 училищъ Мин. Нар. Просв., 4 имѣютъ помѣщенiя наемныя, 1 принадлежитъ казнѣ, а относительно одного способъ приобрѣтенiя неизвѣстенъ. Изъ остальныхъ 31-го зданiя, 13 или 42% куплено, 11 или 35% построено и 7 или 23% пожертвовано. Принимая во вниманiе, что только $\frac{1}{3}$ часть школьныхъ помѣщений построена специально для школъ, можно смѣло сказать, что большинство школъ помѣщается въ зданiяхъ, не отвѣчающихъ своему назначенiю. Дѣйствительно, покупались зданiя безъ всякаго почти разбора, жертвовались-же обыкновенно жилые дома, для школъ совершенно неприиспособленные.

Чтобы оцѣнить школьныя зданiя съ точки зрѣнiя школьной гигиены, возьмемъ среднiя по относящимся сюда даннымъ обо всѣхъ школахъ и поставимъ ихъ въ параллель съ минимальными на этотъ счетъ требованiями.

	На одного учащагося	Приходится:	Должно приходиться:
а) кубическихъ аршинъ воздуха классныхъ комнатъ	8,9	8,9	11,8
б) квадратныхъ аршинъ пола	2,2	2,2	2,75

Процентное отношенiе свѣтовой поверхности къ площади пола вмѣсто 17, требуемыхъ нормой, выражается лишь 13,7. Недостатки освѣщенiя увеличиваются еще тѣмъ, что въ большинствѣ школъ окна расположены такъ, что не позволяютъ свѣту падать на ученика надлежащимъ образомъ, т.-е. съ лѣвой стороны. Что касается вентиляцiи,

которая могла-бы до нѣкоторой степени восполнить недостатокъ въ классномъ воздухѣ, то приходится отмѣтить тотъ странный фактъ, что она обыкновенно отсутствуетъ именно тамъ, гдѣ въ ней ощущается наибольшая необходимость. Именно, въ училищахъ, располагающихъ сравнительно тѣсными классными комнатами, какъ оказалось при изслѣдованіи, ни форточекъ, ни вентиляторовъ не было. Прибавьте къ сказанному, что школы зачастую страшно холодны и сыры, что классная мебель не отвѣчаетъ требованіямъ гигиены, и вы увидите, что до удовлетворенія хотя-бы самымъ скромнымъ требованіямъ школьной гигиены здѣсь еще очень далеко. Между тѣмъ, всѣ эти недостатки, помимо вреднаго вліянія на организмъ дѣтей, сокращаютъ успѣшность школьной дѣятельности: тѣснота и духота классныхъ помѣщеній вызываютъ вялость въ дѣйствіяхъ какъ учащихся, такъ и учащихся, а потому значительная часть учебнаго времени проходитъ непроизводительно.

Переходя за симъ къ обзорѣннѣ учебныхъ принадлежностей, приходится констатировать, что и здѣсь остается желать еще многого. Такъ, наприм., наглядныя пособія страдаютъ и однообразіемъ, и малочисленностью. Какъ на очень богатое, статистики указываютъ на Аларское инородческое училище, все богатство котораго однако исчерпывается, за исключеніемъ разныхъ картъ и глобуса, теллуриемъ, призмой, магнитомъ, термометромъ и волшебнымъ фонаремъ. Конечно, такое училище можно признать богатымъ, разъ на ряду съ нимъ имѣются училища, гдѣ всѣ наглядныя пособія состоятъ изъ однихъ картъ по священной исторіи. Только относительно ученическихъ библиотекъ приходится сказать, что въ этомъ отношеніи школы обставлены сравнительно достаточно. Изъ 24 такихъ библиотекъ, о которыхъ учителя доставили свѣдѣнія, въ среднемъ выводѣ на каждую библиотечку приходится книгъ 371 экземпляръ, при чемъ maximum ихъ возвышается до 1.032, а minimum падаетъ до 122 экземпляровъ.

IV.

Типы и матеріальная обеспеченность школъ, контингентъ преподавателей, школьныя помѣщенія и учебныя принадлежности, о чемъ мы говорили до сего времени,—все это познакомило насъ лишь съ одной стороной дѣла: съ *орудіями* производства школьной дѣятельности, т.-е. съ тѣми силами и средствами, которыми располагаетъ населеніе для своего образованія и просвѣщенія. Теперь намъ предстоитъ освѣтить другую сторону дѣла,—познакомиться съ самымъ *объектомъ* той

дѣятельности, которой посвящены тѣ средства и силы, которыя мы изучали выше. Такимъ объектомъ являются ученики школы. Къ нимъ мы и обратимся. По свѣдѣніямъ за 1887—1888 академической годъ, возрастъ учащихся въ официальныхъ школахъ, варьируя въ широкихъ предѣлахъ, отъ 7 до 17 и болѣе лѣтъ, въ среднемъ равняется 10 годамъ и 8 мѣсяцамъ. Наибольшую группу учащихся составляютъ дѣти 10-лѣтняго возраста. Число-же учащихся въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ составляетъ 83,8⁰/₁₀₀ всего числа.

Посѣщая школу въ крайне молодомъ возрастѣ, ученики къ тому же принуждены оставлять ее слишкомъ рано. Въ громаднѣйшемъ своемъ большинствѣ (³/₄) они посѣщаютъ школу 1 или 2 года. Средняя-же продолжительность пребыванія въ школѣ для мальчиковъ равняется 1 году 10 мѣс., для дѣвочекъ—1 году 8 мѣс. Это въ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Для школъ-же Духовнаго вѣдомства приведенныя данныя должны быть уменьшены на 1 мѣсяць. Въ силу-же того, что мальчики пропускаютъ, въ среднемъ, почти ¹/₆ учебного времени, а дѣвочки нѣсколько менѣе ¹/₆, приведенныя выше нормы продолжительности школьной жизни приходится понизить для мальчика до 1 г. 5¹/₂ мѣс., для дѣвочки—до 1 года 5 мѣс. Отсюда само собою вытекаетъ, что полное окончаніе учебного курса выпадаетъ на долю весьма немногихъ счастливцевъ. Дѣйствительно, число окончившихъ курсъ составляетъ: въ министерскихъ школахъ 6,6, а въ церковно-приходскихъ 11,6⁰/₁₀₀ всѣхъ учившихся. По выходѣ изъ школы, ученики чаще всего порываютъ всякую связь съ ней. Если-же она и поддерживается, то исключительно на почвѣ пользованія училищной библиотеккой. Значеніе такого факта, въ смыслѣ возможности дальнѣйшаго культурнаго вліянія школы, очевидно само собою. Укажемъ въ заключеніе, что, въ среднемъ, на одного преподавателя приходится: въ министерскихъ школахъ 49,8, а въ церковно-приходскихъ—26,8 учащихся.

Мы обозрѣли въ отдѣльности каждую изъ составныхъ частей школьнаго дѣла, указали по возможности на взаимодѣйствіе ихъ; соединить же все это въ одно цѣлое, чтобы такимъ образомъ получилась общая картина—предоставляемъ самому читателю. Думается, что картина эта не порадуетъ читателя, какъ не радуется она и насъ.

П. Шестаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ первый, А—Втас. Спб. 1891.

Наконецъ-то, слава Богу, появилось въ свѣтъ начало Словаря русскаго языка. Давно, давно-бы пора появиться и всему Словарю. Въ немъ давно уже ощущается такая крайняя, такая неотложная нужда. Уже есть у насъ своя довольно солидная наука, есть своя довольно обширная литература, и та, и другая на русскомъ языкѣ. А кодекса самаго-то этого языка у насъ и нѣтъ; самую-то форму, въ которой проявляется эта наука и литература, мы знаемъ только по наслышкѣ, по практической наметкѣ. Досадно бывало, совѣстно и завидно видѣть множество словарей англійскихъ или французскихъ во множествѣ изданій и въ разныхъ видахъ и форматахъ, отъ громадныхъ и пудовыхъ до портативныхъ и крошечныхъ, могущихъ умѣститься въ карманѣ. Захотите вы узнать значеніе и всѣ отгѣнки значенія какого-нибудь англійскаго или французскаго слова, берете одинъ какой-нибудь подробный словарь, или два, и вамъ все становится яснымъ, вы вполне овладѣваете словомъ, понимаете всѣ его отгѣнки, изъ множества оправдательныхъ примѣровъ видите, въ какихъ случаяхъ и въ какихъ сочетаніяхъ оно употребляется, словомъ, вамъ больше ничего не нужно, вы вполне удовлетворены. Но придетъ вамъ подобное желаніе относительно русскаго слова, захотите вы узнать самыя тонкіе отгѣнки его, и ваше желаніе такъ и останется благимъ пожеланіемъ. Въ старомъ академическомъ Словарѣ, переполненномъ мертвой славянщиной, вашего слова нѣтъ, у Даля есть, но объяснено оно неудовлетворительно, безъ показанія отгѣнковъ и употребленія. Вы такъ и остаетесь въ недоумѣніи относительно вашего слова. Понятно, до какой степени все это мѣшаетъ точности, отчетливости и выразительности нашей рѣчи. Нечего уже и говорить о тѣхъ несчастныхъ любознатель-

ныхъ читателей, которые совершенно безпомощны и становятся постоянно въ тупикъ при частой встрѣчѣ при чтеніи со словами, имѣющими не всеобщее, а ограниченное и частное употребленіе, такъ какъ имъ придано искусственное, условное значеніе, наконецъ, при встрѣчѣ съ научными терминами. Всѣ наши справочные словари нелѣпы и невѣжественны до безобразія и никакой толковой справки они дать не могутъ. Читатель вслѣдствіе этого страшно страдаетъ въ умственномъ отношеніи и его любознательность во многихъ случаяхъ не получаетъ должнаго удовлетворенія.

Поэтому всѣ, желающіе успѣха русскому просвѣщенію и быстрого развитія русскому слову, должны съ искреннею благодарностью и съ удовольствіемъ привѣтствовать начало новаго академическаго труда и порадоваться тому, что за это дѣло не схватился раньше какой-нибудь частный предприниматель, спекулянтъ, который-бы смотрѣлъ на него только какъ на средство для наживы. Трудъ, предпринятый академію, чистъ, его побужденія совершенно безкорыстны, его цѣли—общая польза и удовлетвореніе общей потребности. Принципы, положенные редакціей въ основу Словаря, вполне рациональны и цѣлесообразны. Въ прежнемъ академическомъ Словарѣ церковно-славянскимъ словамъ принадлежала почти половина, изъ новаго-же Словаря они исключены почти всѣ, и освободившееся такимъ образомъ мѣсто предоставлено живымъ современнымъ словамъ, научнымъ и техническимъ терминамъ, заимствованнымъ иностраннымъ словамъ и, наконецъ, нѣкоторымъ областнымъ словамъ. «Настоящее изданіе,—говорится въ предисловіи къ Словарю,—имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный и дѣловой языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова; изъ церковно-славянскаго-же и древне-русскаго сохраняетъ оно только слова, которыя употребляются въ современномъ литературномъ языкѣ... Изъ научныхъ и техническихъ терминовъ въ Словарь включены такія названія, которыя могутъ встрѣчаться какъ во вседневномъ быту, такъ въ неслишкомъ специальныхъ сочиненіяхъ, а также термины собственно русскаго происхожденія, хотя и мало извѣстные, но могущіе удачно замѣнять иностранные... Изъ полнаго русскаго Словаря нельзя исключать весьма многочисленнаго у насъ отдѣла заимствованныхъ иностранныхъ словъ. Въ западно-европейскихъ литературахъ, особенно въ нѣмецкой, имѣются для такихъ словъ особые словари; у насъ-же эта область лексикографіи еще слишкомъ бѣдна и неудовлетворительна» (VI). Вслѣдствіе такихъ принциповъ Словарь будетъ драгоценнымъ пособіемъ и полезнымъ учителемъ для очень еще многочисленнаго у насъ класса

любопытныхъ и любящихъ чтеніе читателей, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ и не получили систематическаго даже средняго образованія. Вообще редакція держалась правила: «лучше давать лишнее, нежели опускать то, объ излишествѣ чего могутъ быть разныя мѣнія». Это прекрасное правило для такого рода словарей; лишнее слово не увеличитъ его объема и цѣны, ничѣмъ никому не повредитъ, а кому-нибудь, можетъ быть, очень пригодится.

Слова объясняются въ Словарѣ обыкновенно толково и ясно, со всѣми указаніями, необходимыми въ подобныхъ словаряхъ, напримѣръ: родъ, склоненіе, видъ, спряженіе, множественное число и т. п. При весьма многихъ словахъ приведены такъ-называемые оправдательные примѣры, представляющіе въ большинствѣ случаевъ изреченія и цѣлыя фразы изъ разныхъ писателей, объясняющія значеніе и употребленіе словъ. Фразы заимствуются изъ всѣхъ нашихъ классиковъ и другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, въ томъ числѣ и изъ Салтыкова и Глѣба Успенскаго; мы не встрѣтили пока ни одного писателя позднѣе Успенскаго, какъ будто редакція считаетъ ихъ недостаточно авторитетными и компетентными. Относительно этимологическихъ толкованій словъ и исторіи ихъ происхожденія редакція говоритъ слѣдующее: «Вдаваться въ болѣе или менѣе сомнительныя обилжевія первообразныхъ русскихъ словъ съ словами другихъ арійскихъ языковъ, съ которыми они могутъ состоять въ родствѣ, не входило въ планъ настоящаго Словаря, равно какъ и приведеніе близкихъ къ нимъ по своему звуковому составу словъ другихъ славянскихъ нарѣчій». Ужъ что намъ гоняться за общими арійскими корнями,—это была-бы для насъ ужъ слишкомъ большая роскошь. Указаніе общеславянскихъ корней, конечно, было-бы недурно; но намъ пока можно обойтись и безъ этого. Намъ въ настоящую минуту нуженъ самый скромный словарь; а потомъ уже можно будетъ украшать и обогащать его. Академическій Словарь можетъ впоследствии послужить пособіемъ и остовомъ для другихъ словарей, за составленіе которыхъ могутъ взяться потомъ и частныя лица. Наконецъ, чтобы покончить съ похвалами Словарю, мы должны сказать, что внѣшность его безукоризненна: бумага великолѣпная, шрифты превосходные и очень разнообразныя и притомъ употребленіе каждаго шрифта на своемъ мѣстѣ выдержано съ педантическою точностью и—какая прелесть! какая рѣдкость!—въ немъ нѣтъ опечатокъ, почти всегда и неизбѣжно безобразящихъ русскія книги. Цѣна Словаря до крайности дешевая—85 коп. за 18 печатныхъ листовъ большаго формата и въ два столбца. Первоначально академія назначила, было, даже 60 коп.,

но потомъ прибавила 25 коп. въ пользу книгопродавцевъ, и по нашему мнѣнію сдѣлала это напрасно; не было никакого основанія интересъ всей публики приносить въ жертву интересамъ книгопродавцевъ. Подобныя книги не нуждаются въ содѣйствіи и поддержкѣ книгопродавцевъ, которые и безъ барыша поневолѣ продавали-бы Словарь.

Вполнѣ сочувствуя Словарю и искренно желая, чтобы онъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ и безукоризненъ, мы изучили первый выпускъ его самымъ тщательнымъ образомъ и имѣемъ въ виду подробно указать здѣсь все то, что намъ кажется въ немъ недостаточнымъ, неполнымъ, неудовлетворительнымъ и невѣрнымъ, вполнѣ сознавая, что за всѣ недостатки выпуска нельзя строго осуждать редакцію, которая дѣлала свое дѣло добросовѣстно и, какъ видно, употребляла всѣ усилія, чтобы сдѣлать его какъ можно лучше, при полномъ отсутствіи тѣхъ побужденій, которыя заставляютъ частныхъ предпринимателей какъ-нибудь, но только поскорѣе сваять книжку, пустить въ продажу и собирать денежки. При этомъ мы льстимъ себя надеждой, что, быть можетъ, второе отдѣленіе академіи обратитъ благосклонное вниманіе на наши замѣчанія и не сочтетъ ниже своего достоинства воспользоваться хоть нѣкоторыми изъ нихъ, такъ что, можетъ быть, нашъ трудъ не пропадетъ даромъ и мы будемъ имѣть право на пріятное сознаніе, что въ академическомъ Словарѣ есть и нашего меду хоть одна капелька.

Начнемъ съ примѣровъ, которые наглядно покажутъ намъ, что значитъ имѣть Словарь и что значитъ не имѣть его. На страницѣ 3 въ I выпускѣ Словаря напечатано. «Абдериты. *Пресловутые* своею глупостью жители города Абдеры»... Умѣстно-ли употреблено здѣсь слово *пресловутые*? При всемъ нашемъ признаніи авторитета редакціи, мы, однако, думаемъ, что оно здѣсь неумѣство. Въ старинномъ церковно-славянскомъ языкѣ это прилагательное дѣйствительно употреблялось съ творительнымъ падежомъ, какъ это и объяснено въ старомъ академическомъ Словарѣ. Въ современной-же устной и письменной рѣчи это прилагательное самостоятельное, вполнѣ опредѣленное, такъ сказать окончательное, не требующее послѣ себя опредѣленія или дополненія въ творительномъ падежѣ. Вотъ наши оправдательные примѣры. Пресловутый школьный учитель, которымъ хвастались прусаки, увѣряя, что при его помощи они побѣдили австрійцевъ. Пресловутые прускіе уланы во время франко-прусской войны. Пресловутый вольный казакъ Ашиновъ. Пресловутый кохинъ. Пресловутый тройственный

союзъ. Дѣло по продажѣ Миланомъ своихъ пресловутыхъ правъ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ прилагательное употребляется въ указанномъ нами смыслѣ. Но редакція можетъ спорить противъ нашего толкованія и стоять на своемъ. И чѣмъ-же можно рѣшить нашъ споръ? Но вотъ на 2-ой стран. при объясненіи слова *абажуръ* сказано, что оно происходитъ отъ франц. *abattre*—сбивать, *прекращать*. Здѣсь ужъ мы смѣло и не колеблясь утверждаемъ, что редакція ошибается въ переводѣ француз. слова, что оно никогда и нигдѣ не значитъ *прекращать*; оно имѣетъ множество значеній, напр., даже разрушать, убивать, а *прекращать*—никогда. И въ доказательство, мы прямо ссылаемся на словари Ланде, Бешереля и наконецъ Литтре,—спору нашему конецъ. Итакъ, мы знаемъ значеніе французскихъ словъ гораздо лучше, чѣмъ русскихъ. И все это зависитъ отъ отсутствія у насъ Словаря.

Прежде всего неприятно поражаетъ въ Словарѣ отсутствіе всякой системы и однообразія при объясненіи словъ, относящихся къ ботанической и зоологической номенклатурѣ. Иногда при объясненіи указывается *классъ* предмета, называемаго объясняемымъ словомъ, иногда же *отрядъ*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ *семейство*, а въ нѣкоторыхъ *родъ*. Напр. «безобразка—животное изъ *класса* инфузорій» (148); «виверра—млекопитающее животное изъ *отряда* хищныхъ» (44); «барсукъ—звѣрь изъ *семейства* медвѣжьихъ» (117); «бугай—болотная птица изъ *семьи* цапель» (280); «боярышникъ — кустарникъ изъ *семейства* яблоневыхъ... *рода* *Crataegus*» (254); «биляръ—растеніе *Тресасианна, видъ Psychotria*» (185). Все это хотя и очень пестро, но вполне научно и термины употребляются какъ слѣдуетъ. Но во многихъ другихъ случаяхъ вовсе нѣтъ никакой терминологіи, опредѣленія уже слишкомъ популярны и огульны. Напр.: «бичевникъ—растеніе», «бичевѣтъ—трава» (191); «башмачокъ — растеніе», «башмачки — растеніе» (127); «бедренець — трава», «беза — кустъ или деревцо», «бедрянка—дерево или плодъ *Cudonia*»... (130); «ароиды—ядовитыя растенія» (68); «бегемотъ—толстокожее или многокопытное животное» (129); «багрянка—раковина *одночерепная*» (93). Последнее слово ужъ совсѣмъ не годится; вмѣсто него слѣдовало сказать *одностворчатая*. Неизвѣстно, на какомъ основаніи оказано такое предпочтеніе первымъ растеніямъ и животнымъ и такое пренебреженіе къ послѣднимъ; у тѣхъ семейства и роды, а здѣсь просто: растеніе, трава, раковина, точно они совсѣмъ безродные и не принадлежатъ ни къ какому семейству. Наконецъ, во многихъ случаяхъ опредѣленія вовсе не имѣютъ научнаго характера и научные термины употребляются совсѣмъ въ вульгарномъ смыслѣ. Напр., «антилопа — животное изъ

породы млекопитающихъ, жующихъ жвачку, имѣющихъ пустые (*sic*) не спадающіе рога» (50); «бамбай—растение *Valeriana dubia* изъ *породы* мяуна» (107); «безхвостыя—*порода* земноводныхъ животныхъ» (167); «бобръ—млекопитающе животное изъ *породы* грызуновъ» (218). Вотъ въ какомъ широкомъ и неопредѣленномъ видѣ фигурируетъ *порода*. А вотъ она-же еще въ другомъ смыслѣ. «*Битюкъ*... эта *порода* развелась около Хрѣновскаго коннаго завода» (190); «борзой, ая—*порода* охотничьихъ собакъ» (243); «бульдогъ—*порода* собакъ довольно крупныхъ» (290). Можно-ли было въ первыхъ и въ послѣднихъ опредѣленіяхъ употреблять одно и то-же слово? Филологъ, можетъ быть, не найдетъ причины, почему-же-бы и нельзя; но натуралистъ, навѣрное, не согласится съ нимъ и не потерпитъ такого обезличиванія терминовъ. Все это ясно указываетъ на необходимость участія въ редакціи Словаря кого-нибудь изъ лицъ перваго отдѣленія Академіи. Такой редакторъ ни за что не допустилъ-бы указанной пестроты и ненаучности при опредѣленіяхъ зоологическихъ и ботаническихъ названій и доказалъ-бы филологамъ, что здѣсь необходимо держаться одной системы, установить правило и ужъ нигдѣ не отступать отъ него.

Далѣе мы укажемъ тѣ слова или объясненія словъ, которыхъ нѣтъ въ Словарѣ, но которыя, по нашему мнѣнію, должны были-бы быть въ немъ. Подобный упрекъ въ пропускахъ и неполнотѣ дѣлать весьма нетрудно; нѣтъ на свѣтѣ словаря, къ которому нельзя было-бы придаться и не найти пропусковъ; легко придумать десятки и даже сотни словъ либо малоупотребительныхъ, либо ужъ слишкомъ специальныхъ и поставить ихъ въ укоръ словарю. Но мы этого не сдѣлаемъ; мы укажемъ только такіе пропуски, которые должны быть сочтены пропусками съ точки зрѣнія самой редакціи Словаря, т.-е. такія слова или объясненія, которыя должны-бы были находиться въ немъ согласно ея-же собственному плану. Итакъ, вотъ что пропущено въ Словарѣ. *Ажитация* въ смыслѣ возбужденнаго состоянія, волненія, безпокойнаго нетерпѣнія и т. п. Скажутъ, что это слово рѣдко употребляется; но въ Словарѣ есть слова, которыя употребляются еще рѣже, напр., «вояжёръ, вояжёрка» (стр. 532). Всякій согласится, что послѣднія два слова употребляются въ рѣчи и печати несравненно рѣже, чѣмъ *ажитация*.—*Атомность* химическихъ элементовъ, которой соотвѣтствуютъ прилагательныя одноатомный, двуатомный и т. д. Въдѣ помѣщены-же такія слова, какъ ангидридъ (с. 75), алкали, алкалическій (с. 30) и, наконецъ, невообразимое множество разныхъ морскихъ словъ, въ родѣ бомъ-брамъ, бомъ-брамбрасъ (с. 242) и т. д., едва-ли умѣстныхъ въ общемъ словарѣ. При объясненіи

слова «алембикъ» сказано, что это приборъ для перегонки, употребляемый преимущественно на винокурняхъ, но почему-то не сказано, что по-русски онъ называется *кубомъ* (с. 29); между тѣмъ въ самомъ же Словарѣ при объясненіи слова «вино» (с. 422) сказано, что оно готовится посредствомъ броженія и «перегонки изъ кубовъ». Очевидно, что и по мнѣнію редакціи алембикъ=кубъ, о чемъ и слѣдовало-бы сказать при алембикѣ.—*Андалузитъ* и *арагонитъ*—минералы, которые имѣютъ право на мѣсто въ Словарѣ на томъ основаніи, что въ немъ дано мѣсто апатиту (55), аксиниту и др. *Астатическій*, ая магнитная стрѣлка; это слово должно быть въ Словарѣ, потому что въ немъ есть равноправное съ нимъ слово—*бифиларный* (с. 190). *Антаресъ*, *Арктуръ*, *Ахернаръ*, *Атаиръ*—звѣзды первой величины. Можно было-бы подумать, что редакціею рѣшено не помѣщать названій звѣздъ; однако-же ею помѣщены двѣ звѣзды первой величины, Альдебаранъ (с. 28) и Алкіона (с. 30). При объясненіи *альфы*, греческой буквы, не сказано, что такимъ именемъ называются многія звѣзды въ разныхъ созвѣздіяхъ, Альфа Центавра, Альфа Оріона и т. д. При объясненіи слова «безконечный» пропущены *безконечный ремень*, *безконечная веревка* (с. 143).—*Бензолъ*, важное въ современной техникѣ вещество, пропущенъ, тогда какъ амбре гордо красуется на своемъ мѣстѣ.—Пропущены *біотитъ* и *брошантитъ*—минералы. Вообще въ Словарѣ минералы очень обижены на счетъ растений. Растеній очень много, и притомъ одно и то-же растеніе помѣщено подъ разными русскими названіями, иногда въ трехъ или четырехъ мѣстахъ, тогда какъ минералы не являются и по одному разу. «Бобинка» (с. 217) объяснена такъ: «деревянный цилиндръ съ двумя кружками на концахъ, для наматыванія нитокъ или шелка», и больше ничего. Ну ужъ это просто грѣхъ не прибавить, что по-русски эта штука называется *капушкой* и на нее навиваются не только нитки и шелкъ, но и изолированная проволока, напр., въ румкорфовой спирали и т. д.—*Боотесъ*—созвѣздіе не имѣетъ самостоятельнаго мѣста; между тѣмъ подъ словомъ «волопасъ» сказано, что оно означаетъ «созвѣздіе Боотесъ». Такимъ образомъ, если не знающій человекъ, встрѣтивъ гдѣ-нибудь Боотесъ, обратится къ Словарю съ цѣлью просвѣтить себя на счетъ этого слова, то онъ не достигнетъ цѣли и останется недоволенъ Словаремъ. При объясненіи слова «брошенный» (с. 274) помѣщено и объяснено «брошенныя дѣти», но пропущено *брошенная денги*—выраженіе, очень часто употребляемое.—При словахъ «взвѣшенный» и «взвѣшивать» не объяснены выраженія *взвѣшенный въ жидкости или газъ*, находящійся въ *взвѣшенномъ состояніи*, соотвѣтственно иностран-

ному *суппендированный*.—Слово «взоръ» (с. 400) объяснено такъ: «пустякъ, нелѣпица, бессмыслица» и больше ничего; слѣдуютъ примѣры. Этого мало; слѣдовало еще прибавить: *неправда, вранье*. И вотъ доказательство. Пастухъ спросилъ Хавронью: идетъ слухъ, будто у богачей все бисеръ и жемчугъ? А она на это отвѣчаетъ: ну, право, порютъ вздоръ, какъ и приведено въ Словарѣ.—При словѣ «верховой» (с. 378) пропущены *верховое брожение* спиртовое и пивное и *верховья дрожжи*. Слово «вода» (с. 453) объяснено очень подробно и во многихъ значеніяхъ, но все-таки пропущено одно значеніе этого слова во множественномъ числѣ, *воды у роженицъ при родахъ*; напр., у нея *воды* уже *прошли*.—Прилагательное «возможный» (с. 481) объяснено такъ: «который можетъ сдѣлаться, случиться; статочный, быточный»... и больше ничего, дальше примѣры. Это объясненіе вѣрное, но далеко не полное; тутъ пропущенъ большой и опредѣленный отгѣнокъ значенія, какъ это видно изъ слѣдующаго. Что значитъ выраженіе: я сдѣлалъ съ своей стороны *все возможное*? Это значитъ все, что *было въ моихъ силахъ* или *отъ меня зависѣло*, все, что *можно было придумать* или *предпринять*, все, что *допускалось обстоятельствами*. Въ Словарѣ приведенъ слѣдующій примѣръ изъ Карамзина... «мудрость человѣческая сдѣлала все *возможное* для твердаго союза между государемъ и государствомъ». Примѣните къ этой фразѣ объясненія Словаря и увидите, что выйдетъ несообразность: мудрость человѣческая сдѣлала все *могшее случиться*, все *быточное*—*неловко*. Между тѣмъ наши объясненія вполне гармонируютъ съ мыслью автора и естественно ее развиваютъ: мудрость человѣческая сдѣлала все, что было въ ея силахъ, что она могла придумать и т. д.—«Воспоминаніе... Воспоминанія. Въ литературѣ: названіе извѣстнаго рода записокъ» (с. 523). Здѣсь не лишне было-бы прибавить, что эти воспоминанія и записки называются также *мемуарами*.—«Вскипать. Начинать кипѣть, переходить въ состояніе кипѣнія, которое въ сов. видѣ является уже оконченнымъ. Въ самоварѣ уже вода вскипѣла. Вскипѣть негодованіемъ» (556). Здѣсь также слѣдовало-бы прибавить и объяснить, что значитъ *вскипать съ кислотой*, какъ говорится о нѣкоторыхъ минералахъ и горныхъ породахъ.—«Водогнѣтъ. Гидравл. Водяной гнетъ, снарядъ для сгнетанія чего-либо давленіемъ накачиваемой воды» (с. 455). Ужъ это большое упущеніе не сказать, что этотъ снарядъ называется также *прессомъ*, такъ какъ это названіе вошло во всеобщее употребленіе (напр., *прессованное сѣно*), а *водогнѣтъ* совсѣмъ не употребителенъ.

Далѣе мы переходимъ къ тѣмъ сравнительно немногимъ случаямъ, въ которыхъ значеніе русскихъ словъ объяснено, по нашему мнѣнію,

невѣрно или неточно. «Балагурить. Шутить, дурачиться.— Оба (Селифанъ и Петрушка) пошли вмѣстѣ, балагурия дорогою совершенно о постороннемъ» (с. 100). Это не полное опредѣленіе; въ немъ пропущено значеніе *болтать*, соотвѣтствующее малороссійскому *балакать*. Оправдательный примѣръ ясно говоритъ о недостаточности опредѣленія. Поставимъ въ примѣръ вмѣсто объясняемаго слова его опредѣленія, даваемыя Словаремъ. Шутя дорогою совершенно о постороннемъ; дурачась дорогою о постороннемъ. Все это нескладно и несмысленно. А вставьте наше опредѣленіе—*болтая* дорогою о совершенно постороннемъ. Ничего не можетъ быть естественнѣе и яснѣе. «Безпардонный (отъ фр. pardon, прощеніе). Простон. Безпощадный, жестокой, необузданный, нахальный. Безпардонная голова, отчаянный человѣкъ» (с. 151). По нашему мнѣнію, значеніе этого слова слишкомъ усилено, такъ что понятія безпощадности и жестокости, кажется, не должны входить въ значеніе этого слова. Гораздо ближе были-бы къ его значенію *безпорядочный, безразсудный, безтолковый*. — «Безстрашіе. 1. Неустрасимость, безбоязненность. 2. Отсутствіе страха передъ закономъ» (162). Въ доказательство послѣдняго значенія приведены два примѣра Карамзина. Но въ этомъ значеніи его, вѣроятно, употреблялъ только одинъ Карамзинъ, а во всеобщемъ употребленіи, въ рѣчи и письмѣ, такого значенія нѣтъ, и вносить его въ Словарь не было основанія, или-же слѣдовало сказать, что это устарѣлое значеніе. У многихъ писателей иногда употребляются слова, которымъ писатель придаетъ свое собственное, крайне ограниченное и условное значеніе; но это значеніе не удерживается за словомъ и общее словоупотребленіе не даетъ ему такого значенія. Вносить подобныя слова въ Словарь значило-бы сдѣлать его безконечнымъ. А между тѣмъ редакция заимствовала вѣскольکو такихъ словъ у Каткова, который, подражая Герцену, любилъ щеголять бойкими, рѣзкими, неожиданными и новопридуманнми выраженіями, и дала имъ мѣсто въ Словарѣ иногда совсѣмъ некстати. Напр., «Верховой вѣтеръ, дующій съ верховья рѣки или съ верхнихъ слоевъ атмосферы... (напр.) якорь, который можетъ удерживать корабль среди верхового волненія. Катковъ» (с. 378). Что это за вѣтеръ изъ верхнихъ слоевъ атмосферы и какъ его узнать? И редакция едва-ли поняла правильно *верховой* у Каткова; гораздо вѣрнѣе, что подъ верховой онъ разумѣлъ *верхний, поверхностный*. Или еще: «Вещественный... 2. Относящійся къ ви́шнему, матеріальному быту. По возстановленіи въ Царствѣ Польскомъ вещественнаго порядка... Катк.» (с. 389). Что это такое за вещественный порядокъ? Вѣроятно, никто, кромѣ Каткова, не употреблялъ и не будетъ употреблять этого

слова. Такихъ словъ можно найти множество и у другихъ писателей, напр., у И. Аксакова и особенно у Салтыкова: благоглупость, злопыхательство, отсебятина и т. п. Но будемъ продолжать наши указанія на невѣрныя опредѣленія. «Безумный, 1. Лишенный ума, сумасшедшій. 2. Неразумный, безразсудный, нелѣпый» (165). Последнее опредѣленіе, по нашему мнѣнію, невѣрно; нелѣпое не есть безумное. вмѣсто нелѣпый слѣдовало-бы поставить какое-нибудь слово, выражающее тотъ оттѣнокъ значенія безумный, когда называютъ безумнымъ челоуѣка, подвергающаго себя какому-нибудь серьезному риску, идущаго на роковую опасность, которой онъ не сознаетъ или которую умаляетъ. Никто не станетъ спорить, что съ такимъ оттѣнкомъ значенія это слово употребляется на каждомъ шагу, и потому мы не считаемъ нужнымъ искать оправдательныхъ примѣровъ, въ родѣ, напримѣръ, *безумная храбрость*, *безумное предпріятіе* и т. под.—*Бечева*. Такъ пишетъ редакція то слово, которое всѣ пишутъ и произносятъ *бичева*, и въ подтвержденіе вѣрности своего писанія приводитъ нѣсколько не особенно убѣдительныхъ доказательствъ, и въ томъ числѣ то соображеніе, что было-бы невѣроятно предполагать, чтобы названіе веревки *бичевой* произошло отъ бича. Въ отвѣтъ на это мы приведемъ слѣдующее мѣсто изъ Св. Писанія: «и сотворивъ бичъ отъ вервій, вся изгна изъ церкви» (Іоан. II. 15). Вотъ видите, здѣсь *бичъ* и *вервие* стоятъ въ связи между собою, и весьма вѣроятно, что они ассоціировались и въ представленіяхъ русскаго народа, назвавшаго веревку бичевой и бичевой. Редакція могла-бы привести еще одно доказательство, сославшись на Сводъ Законовъ, гдѣ то-же принято написаніе бечевникъ, а не бичевникъ. Во всякомъ случаѣ общее употребленіе представляетъ собою болѣе сильное доказательство, передъ которымъ должны преклониться всякія другія доказательства. Общее употребленіе есть вещь, можетъ быть, и капризная относительно филологіи, но деспотическая и не стѣсняющаяся никакими филологическими законами. Редакторъ Словаря нѣкогда сильно стоялъ на томъ, что нужно писать *вядчина*, а не ветчина и имѣлъ на своей сторонѣ филологическія доказательства; однако, онъ теперь сдался передъ общимъ употребленіемъ и въ Словарѣ стоитъ простецкая *ветчина* (с. 386), а не ученая *вядчина*. Такъ-же слѣдовало-бы поступить и съ *бечевой*. «Бечевникъ. 1. То-же, что бечева (а такого слова въ Словарѣ нѣтъ). 2. Мѣсто для устройства пристаней, сплавки судовъ и отдохновенія промышленниковъ» (с. 181). Это опредѣленіе, заимствованное буквально изъ прежняго Словаря, совершенно невѣрно, да, къ счастью, впрочемъ, и совершенно непоятно. Что это значить

«мѣсто сплавки судовъ»? Вѣдь суда могутъ сплавляться по рѣкѣ или каналу,—вотъ это значитъ мѣсто для сплавки судовъ. Если-же академія разумѣла подъ мѣстами сплавки тѣ мѣста, гдѣ суда съ суши переходятъ на воду, то эти мѣста называются мѣстами *спуска*, а не *сплавки*. А наконецъ, что это такое мѣсто для отдохновенія промышленниковъ? Конечно, здѣсь разумѣются судовые промышленники. Но вѣдь эти, какъ и всякіе другіе промышленники, могутъ отдыхать гдѣ имъ угодно, гдѣ имъ заблагоразсудится,—въ харчевняхъ, въ рестораціяхъ, наконецъ, на самыхъ судахъ, въ каютѣ или на палубѣ, словомъ, вездѣ. И само собою понятно, что особыхъ мѣстъ, которыя были-бы предназначены для отдохновенія промышленниковъ-судоходовъ и которое-бы называлось *бечевникомъ*, не существовало и не можетъ существовать, и потому все объясненіе академіи основано на какомъ-нибудь недоразумѣніи. Проще и лучше всего было-бы, если-бы редакція взяла опредѣленіе бечевника изъ XII тома Свода Законовъ, гдѣ весьма точно описанъ «бечевникъ», какъ полоса земли по берегамъ сплавныхъ и судоходныхъ рѣкъ отъ урѣза воды до гребня берега и далѣе отъ гребня берега на 10 сажень въ ширину. Вотъ эта полоса изъята изъ частнаго владѣнія и предоставлена въ общее пользованіе для всѣхъ рѣшительно нуждъ и потребностей судоходства, а не только «для отдохновенія промышленниковъ». И мы увѣрены, что самъ г. Кони, сотрудничающій въ Словарѣ, согласится, что опредѣленіе бечевника въ Словарѣ болѣе игриво и буколично, чѣмъ вѣрно и юридически точно, и что онъ такого опредѣленія не утвердилъ-бы своею подписью. «Блинъ... обрядное печеніе... на масленицѣ, празднованіе которой, еще со временъ язычества, связано съ *помяновеніемъ* умершихъ родственниковъ» (с. 211). Съ правописаніемъ подчеркнутаго слова никакъ нельзя согласиться; и въ богослужебной терминологіи, и въ общемъ употребленіи на письмѣ, и въ рѣчи это слово пишется и произносится какъ *поминовеніе*, и всякіе этимологическіе аргументы безсильны передъ этой всеобщностью употребленія. Производить это слово отъ совершеннаго вида *помянуть* чѣтъ основанія и мы производимъ его отъ несовершеннаго *помянуть* и имѣемъ на нашей сторонѣ подавляющее большинство. —«Богоявленскій... 2. *Прозваніе* храма...» (с. 226). Это опредѣленіе слишкомъ вульгарно и непочтительно, и притомъ совѣмъ неупотребительно. Въ самомъ дѣлѣ, кто-же и когда-же могъ спрашивать: какъ прозывается вашъ храмъ? какъ вашъ храмъ по прозванію? «Болтаться... 3. *Вися*, дѣлать невольныя движенія...» (с. 236). Вольныя и невольныя движенія могутъ производить только одушевленные предметы, или, пра-

вильнѣ, животныя. Но животнымъ въ крайне рѣдкихъ и совершенно исключительныхъ случаяхъ приходится висѣть и при этомъ производить невольныя движенія, и къ такимъ случаямъ слово *болтаться* непримѣнимо. Примѣнять-же *невольный* къ движеніямъ неодушевленныхъ предметовъ—ни съ чѣмъ несообразно и не имѣетъ смысла. Возьмемъ примѣръ Словаря. «...Въ полицияломъ мундирѣ, на которомъ болтались три пуговицы», т.-е. пуговицы производили невольныя безсознательныя движенія?—«Бракъ... Гражданскій бракъ сожительство незаконное, не освященное вѣнчаніемъ въ церкви» (с. 257). Называть незаконное сожительство гражданскимъ бракомъ значитъ злоупотреблять словами. Гражданскій бракъ есть учрежденіе законное, существующее въ большинствѣ европейскихъ государствъ и имѣющее тамъ ббльшее юридическое значеніе и обязательность, чѣмъ церковный бракъ, такъ что полную законность сожительству сообщаетъ именно гражданскій бракъ, а не церковный. О чловѣкѣ, имѣющемъ при законной женѣ еще другую незаконную жену, никакъ нельзя сказать, что онъ сверхъ церковнаго брака состоитъ еще въ гражданскомъ бракѣ.—«Быкъ... Быки... Архит. Внѣшняя подставка для поддержанія сооружений...» (с. 305). Это и неясное, и неточное опредѣленіе слова. Во-первыхъ, трудно понять, какой собственно смыслъ заключается въ словѣ «внѣшняя», а во-вторыхъ, слово «подставка» и неупотребительно, и слишкомъ слабо, слишкомъ, если можно такъ выразиться, жидко для выраженія предмета столь солиднаго, какъ, напр., быкъ, держащій на себѣ мостъ; слова *опора*, *устой*, были-бы, можетъ быть, лучше, но и они неполнѣй точны.—«Взлелѣять. Воспитать, вскормить заботливо, съ нѣжною любовью, съ ласкою, выхолить... Издавна умыселъ ужасный взлелѣялъ тайно злой старикъ» (с. 403). Въ опредѣленіи употреблены слова только физическаго или матеріальнаго значенія съ выраженіемъ дѣйствія, то-же направленнаго на внѣшніе конкретные предметы — воспитать, вскормить ребенка, выхолить лошадь; между тѣмъ какъ опредѣляемое слово имѣетъ еще психологическое значеніе и выражаетъ дѣйствіе, направленное на умственные отвлеченные предметы, какъ это очевидно изъ самого-же оправдательнаго примѣра. Примѣръ громко и рѣзко кричитъ о своемъ несоотвѣтствіи и несогласіи съ даннымъ опредѣленіемъ, и слѣдуетъ только удивляться, какъ редакція не замѣтила этого бьющаго въ глаза и рѣзкаго несоотвѣтствія.

Наконецъ, переходимъ къ самой слабой сторонѣ Словаря. Кто-бы могъ подумать, кто-бы могъ ожидать, что этой самой слабой стороной будетъ, выражаясь снисходительно, крайне неудовлетворительное

опредѣленіе научныхъ названій и научныхъ терминовъ. Отъ кого-же, какъ не отъ академіи, въ средѣ которой собраны лучшія научныя силы Россіи, можно было ожидать безукоризненныхъ научныхъ опредѣленій, краткихъ, точныхъ и ясныхъ, такихъ опредѣленій, которыя служили-бы образцомъ и руководствомъ для послѣдующихъ составителей словарей и составили-бы собою лучшее украшеніе настоящаго академическаго Словаря. Такую надежду возбуждало и поддерживало и предисловіе къ Словарю, перечислявшее въ качествѣ лицъ, оказывавшихъ постоянное содѣйствіе редакціи и принимавшихъ участіе въ просмотрѣ и исправленіи Словаря, почтенныхъ академиковъ и постороннихъ ученыхъ, пользующихся вполне заслуженною извѣстностью и репутаціей ученой добросовѣстности и могшихъ легко дать образцовыя опредѣленія по предметамъ своихъ спеціальностей. И что-же оказывается? Словарь испещренъ научными опредѣленіями изъ рукъ вонъ плохими, а въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ просто никуда негодными. Приходится думать, что всѣ эти опредѣленія вовсе не проходили черезъ руки ученыхъ, перечисленныхъ въ предисловіи, и ужъ во всякомъ случаѣ составлены не ими, или-же, что редакція ошибалась въ своихъ обращеніяхъ къ ученымъ, обращалась, такъ сказать, не по адресу, напр., слова по богословію отдавала на просмотръ юристу или историку, а слова по исторіи—богослову, термины по химіи предлагала провѣрять юристу, а термины юридическіе—химику, и т. д. въ этомъ родѣ. Никакое другое объясненіе невозможно. Напечатанныя въ Словарѣ объясненія недостойны указанныхъ въ предисловіи ученыхъ, и мы никакъ не можемъ допустить, чтобы эти опредѣленія были составлены или просмотрѣны ими. На нихъ, вѣроятно, взведена напраслина. Все это даетъ намъ смѣлость предложить редакціи Словаря слѣдующую простую, но весьма цѣлесообразную мѣру: принять за правило, чтобы всякое научное опредѣленіе, составленное или одобренное какимъ-нибудь ученымъ, непременно было подписано этимъ ученымъ, и эта подпись должна печататься въ Словарѣ подъ опредѣленіемъ. Это нисколько не повліяетъ на объемъ Словаря; въ какой-нибудь сотнѣ опредѣленій прибавится по одному слову; а если, по счастью, опредѣленія будутъ оканчиваться на полстрокѣ, то въ томѣ не прибавится ни одной строчки. Между тѣмъ мѣра эта будетъ выгодна и для ученыхъ, и для редакціи, и для Словаря. Дано прекрасное опредѣленіе,—и всѣ знаютъ, кому принадлежитъ честь и слава его; дано опредѣленіе неудовлетворительное,—и всѣ знаютъ, на комъ лежитъ отвѣтственность, и не станутъ возлагать этой отвѣтственности на другихъ, неповинныхъ, какъ это мо-

жетъ дѣлаться теперь. Вотъ, напр., сотрудниками по минералогіи указаны двое: г. Бейльштейнъ и г. Карпинскій; кого изъ нихъ винить, если встрѣтится неудачное опредѣленіе по минералогіи? А можетъ быть, они и оба неповинны въ немъ. При предлагаемой мѣрѣ будетъ положенъ конецъ всѣмъ подобнымъ недоумѣніямъ. Наконецъ, каковъ-бы ни былъ ученый, онъ во всякомъ случаѣ будетъ относиться строже и требовательнѣе къ тому, что должно быть утверждено его подписью. Вотъ посмотримте, каковы научныя опредѣленія въ Словарѣ.

«Аберрація... 2. Астрон. Различіе между видимымъ и дѣйствительнымъ положеніемъ звѣзды, происходящее отъ времени, потребнаго на движеніе свѣта» (с. 3). Это опредѣленіе неполное какъ разъ на половину. Въ немъ показано только одно условіе аберраціи, а пропущено другое, столь-же существенное и важное. Аберрація происходитъ отъ соединеннаго дѣйствія двухъ причинъ: во-первыхъ, оттого, что свѣтъ звѣзды распространяется не мгновенно, а употребляетъ извѣстное время на прохожденіе по данному пространству, и это сказано въ опредѣленіи, и, во-вторыхъ, оттого, что наблюдатель, наблюдающій этотъ свѣтъ звѣзды, находится въ движеніи, т.-е. движется въ пространствѣ пунктъ, съ котораго онъ наблюдаетъ, т.-е. земля,— и это пропущено въ опредѣленіи. Одно время, употребляемое свѣтомъ на прохожденіе пространства, не произвело-бы аберраціи, будь даже скорость распространенія свѣта вдвое меньше, а слѣдовательно, это время вдвое долше, если-бы пунктъ наблюденія, т.-е. земля оставалась неподвижною въ одной точкѣ пространства. Какъ существенно при аберраціи движеніе, видно уже изъ того, что аберрація приводится, какъ одно изъ доказательствъ движенія земли по орбитѣ. Здѣсь мы должны оговориться разъ и на всѣ послѣдующіе разы. Мы позволяемъ себѣ пускаться въ разъясненія научныхъ опредѣленій не для академиковъ, которые лучше насъ знаютъ всякія опредѣленія, а для нашихъ читателей, чтобы доказать имъ, что мы являемся не голословными обвинителями Словаря и не дѣлаемъ придиорокъ къ мелочамъ. Въ данномъ случаѣ, напр., и не академикъ увидитъ и согласится, что пропущена цѣлая половина опредѣленія и что это далеко не мелочь. Кромѣ того, мы позволяемъ себѣ питать надежду, что наши замѣчанія на опредѣленія Словаря не останутся безъ пользы и для нѣкоторыхъ нашихъ читателей, которые, можетъ быть, найдутъ въ нихъ или что-нибудь новое, или по крайней мѣрѣ хоть что-нибудь такое, что уяснить ихъ понятія, или наведетъ ихъ на новыя точки зрѣнія.

«Абстракція. 1. Мысленное отвлеченіе свойства или признаковъ отъ

самаго предмета; обобщеніе понятія предмета» (с. 5). Слово «мысленный», пожалуй, лишнее, такъ какъ и безъ него никто-бы не подумалъ, что можно реально и матеріально оторвать какой-нибудь признакъ отъ предмета. Вторая половина опредѣленія *обобщеніе понятія предмета* рѣшительно ничего собою не выражаетъ. Есть понятія различныхъ степеней общности; можно составить понятіе о предметѣ известной степени общности, затѣмъ можно составить другое болѣе общее. Но одно и то-же общее понятіе сдѣлать болѣе общимъ, для такого фокуса нѣтъ чудодѣйственныхъ приемовъ въ логикѣ. Остающійся затѣмъ кусочекъ опредѣленія такъ-же никуда не годится; онъ и непонятъ, и неясенъ, и неопредѣлененъ. *Мысленное отвлеченіе свойства или признаковъ отъ самаго предмета*—зачѣмъ? почему? для чего? какимъ образомъ? Въ опредѣленіи Словаря нѣтъ и намека въ отвѣтъ на эти вопросы.

«Авантюринъ... 2. Мин. Горная порода, употребляемая на подѣлки...» (с. 6). Это опредѣленіе до того общее и, слѣдовательно, до того неопредѣленное, что трудно найти породу, которая не подошла-бы подъ него. Мраморъ, порфиръ, гранитъ, сланцы, лава, и т. д.,— все это породы, употребляемыя на подѣлки. Да, наконецъ, это еще вопросъ, будетъ-ли вполнѣ точно назвать авантюринъ *горной породой*.

«Акведуктъ (нѣм. и фр. отъ лат. aqua и ducere—вести). Водопроводъ.—Тумана въ золотой пыли, какъ будто плавали вдали и акведукты, и руины» (с. 22). Это опредѣленіе невѣрное, хотя и есть буквальный переводъ. Въ Петербургѣ есть водопроводъ, однако его никто не называлъ и не назоветъ акведуктомъ. Оправдательный примѣръ наглядно доказываетъ, что опредѣленіе невѣрно. Акведукты были видны вдали въ туманѣ, а петербургскіе водопроводы не видны; видна одна только водоподъемная башня, которая не есть водопроводъ. Далѣе, въ примѣрѣ акведукты стоятъ на ряду и виднѣются вмѣстѣ съ руинами. Значитъ, акведуктъ скорѣе сходенъ съ зданіями, чѣмъ съ подземнымъ водопроводомъ. И дѣйствительно, по принятому употребленію, акведуками называются надземныя сооруженія вродѣ мостовъ, по которымъ проводится вода. Въ Петербургѣ, напр., акведуктомъ можно назвать мостъ на Обводномъ каналѣ, по которому протекаетъ черезъ долину канала Лиговка. Подобнаго-же рода акведуктъ въ видѣ деревянныхъ длинныхъ корытъ есть въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Словомъ, по словоупотребленію, акведуктъ не есть водопроводъ вообще, а только водопроводъ известнаго опредѣленнаго вида. Даже по французски, по англійски и по нѣмецки *акведуктъ* имѣетъ ограниченное

спеціальное значеніе, болѣе тѣсное, чѣмъ conduite d'eau, или Conduit of water, water-works, Wasserleitung.

«Аммонитъ... Палеонт. 1. Ископаемая раковина, спирально-завитая въ одной плоскости и принадлежавшія головоногимъ моллюскамъ, совершенно высохшимъ» (с. 40). Что это за вздоръ такой совершенно высохшимъ? и что можетъ быть за смыслъ въ этихъ словахъ? Ужели-же въ какихъ-нибудь ископаемыхъ раковинахъ находятся моллюски, еще живыя, влажныя и не успѣвшія высохнуть? Остается предположить одно: ученый, давшій это опредѣленіе, вѣроятно, написалъ тутъ какія-нибудь слова со смысломъ, но написалъ неразборчиво; редакция прочла ихъ по своему и въ этомъ видѣ внесла въ общую рукопись, и они попали въ печать; корректура не попала ученому въ руки, и вотъ этотъ вздоръ остался безобразнымъ пятномъ въ Словарѣ.

«Архангелъ. Начальствующій надъ ангелами» (с. 71). Этимологиически это, конечно, вѣрно и есть буквальный переводъ слова. И такое опредѣленіе могъ дать филологъ-классикъ. Но это невѣрно по установившемуся и общепринятому значенію этого слова. И такого опредѣленія не могъ-бы пропустить богословъ. По ученію церкви, архангелы составляютъ одну изъ трехъ степеней третьяго ангельскаго чина. Ангелы составляютъ такую-же самостоятельную степень въ этомъ чинѣ, какъ и архангелы, и между ними не признается никакихъ отношеній начальственности и подчиненности. См., напр., хоть гимназическій учебникъ П. Смирнова «Изложеніе христіанской православной вѣры», стр. 34—5.

«Архимандритъ. Настоятель монастыря извѣстной степени» (с. 72). Это даже не совсѣмъ вѣрно этимологически; а по принятому значенію и совсѣмъ невѣрно. Есть, напр., архимандриты цензора, архимандриты—ректоры семинарій, архимандриты—инспектора духовныхъ академій. Ужели все это настоятели монастырей? Словомъ, архимандритъ есть не должность, а санъ.

«Аподиктический. Филос. Доказательный, убѣдительный, неоспоримый. Противоп. проблематическій. Аподиктическое сужденіе» (с. 56). Изъ трехъ опредѣленій вѣрно только одно «неоспоримый»; вмѣсто «доказательный и убѣдительный» слѣдовало сказать *неопровержимо доказанный, стоящій выше всякаго сомнѣнія*. Словомъ, терминъ аподиктический прилагается не къ аргументамъ, которые могутъ быть доказательными и убѣдительными, или бездоказательными и неубѣдительными, а къ самимъ тезисамъ послѣ того, какъ приведены всѣ аргументы въ ихъ пользу. Если эти аргументы сильны, доказательны и убѣдительны, тогда о тезисѣ и говорятъ, что онъ доказанъ не-

сомнѣнно, что онъ неоспоримъ, что онъ поставленъ выше всякаго сомнѣнія. Кроме того, въ опредѣленіи есть пропускъ. На стран. 77-й мы читаемъ: «Ассерторическое сужденіе (Кантъ), утверждающее что-либо какъ дѣйствительное или данное, *дѣйствительное* сужденіе въ отличіе отъ *необходимаго* (аподиктического) и возможнаго (проблематическаго)». Ну вотъ, видите, *аподиктический* значить еще *необходимый*. А почему-же этого не было сказано на стр. 56, при словѣ «аподиктический»?

«Ассоціація... 3. Псих. и Лог. Ассоціація идей, невольное возбужденіе одного представленія или одной мысли другими; сдѣленіе, сопряженіе (?) идей» (стр. 78). Это опредѣленіе опять-таки неполное на цѣлую половину. Прежде всего, слово возбужденіе не ясно, возбужденіе въ сознаніи, или въ воспоминаніи, или вообще какъ-нибудь опредѣленнѣе слѣдовало-бы сказать. И почему-же такое возбужденіе называется ассоціаціей? Одно представленіе возбуждается другимъ. Но какимъ другимъ? всякимъ? какимъ-бы то ни было? или-же какимъ-нибудь особеннымъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не всякимъ, а только такимъ, которое какимъ-бы то ни было образомъ *связано* съ нимъ, какова-бы ни была эта связь, существенная или самая случайная и мимолетная; поэтому-то возбужденіе и называется *ассоціаціей*. Значить, ассоціація есть возбужденіе одного представленія другимъ, *которое связано, ассоциировано съ нимъ въ нашемъ сознаніи*. А вотъ этого послѣдняго элемента и нѣтъ въ опредѣленіи Словаря.

«Батавскія слезки. Стекланные шарикъ съ вытянутымъ концомъ, получаемые изъ капель расплавленнаго стекла, падающихъ въ воду» (стр. 123). И что-же тутъ удивительнаго, замѣчательнаго, достойнаго вниманія или просто курьезнаго? Стекланные шарикъ съ концомъ, изъ стекла, падающаго въ воду; самая обыкновенная вещь. И за что-же они удостоились чести особаго названія и помѣщенія въ Словарѣ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, что въ опредѣленіи Словаря пропущена самая существенная черта, тотъ интересный признакъ, который приобрѣлъ батавскимъ слезкамъ всемірную извѣстность и постоянное мѣсто въ физикѣ. Слезки прославились не тѣмъ, что они шарикъ съ концомъ, и не тѣмъ, что они изъ расплавленнаго стекла, падающаго каплями въ воду, а единственно только тѣмъ, что если отъ кончика отломить хоть крошечный кусочекъ, то весь шарикъ мгновенно разлетается въ мелкіе дребезги. И это очень курьезно; а этого-то самаго главнаго и нѣтъ въ Словарѣ.

«Бегемотъ... 2. Одно изъ видовыхъ названій Сатаны» (стр. 129). Рѣшительно нѣтъ никакой возможности понять, какой смыслъ заклю-

чается въ этомъ опредѣленіи. Развѣ и относительно сатаны принята бинарная номенклатура, какъ относительно растений и животныхъ, развѣ и у сатаны есть родовое и видовое названіе? И притомъ опредѣленіе даетъ понять, что есть нѣсколько видовыхъ названій сатаны, что одно изъ нихъ бегемотъ. Гдѣ-же это сатана называется бегемотъ? Здѣсь былъ-бы крайне необходимъ оправдательный примѣръ и указаніе на другія видовыя названія.

«Безлепестковый - безлепестный. Не имѣющій лепестковъ. Безлепестковый *цвѣтъ*» (стр. 144). Это опредѣленіе вульгарное, а не научное. *Цвѣтъ* въ научной терминологіи означаетъ окраску, напримѣръ: красный цвѣтъ, голубой цвѣтъ, желтый цвѣтъ и т. д. Извѣстный-же органъ въ растеніяхъ, служащій для ихъ размноженія, есть *цвѣтокъ*, а не *цвѣтъ*, потому слѣдовало сказать не *безлепестковый цвѣтъ*, а *безлепестковый цвѣтокъ*. И мы смѣло апеллируемъ къ гг. Фаминцыну и Меліоранскому, сотрудникамъ Словаря, какъ значитъ въ предисловіи; пусть редакція спроситъ ихъ, правы-ли мы въ данномъ случаѣ, или нѣтъ?

«Батарея электрическая. Физ. Приборъ, состоящій изъ нѣсколькихъ Лейденскихъ банокъ или плоскихъ стеколъ, которыя, кромѣ краевъ, обложены на обѣихъ сторонахъ оловомъ, чтобы *произвести электрической токъ*» (стр. 124). Это опредѣленіе невѣрное. Ни Лейденская банка, ни батарея изъ нихъ не могутъ *произвести* электрическаго тока, не имѣютъ электровозбудительной силы. Ихъ нужно сначала зарядить, и тогда только они обнаруживаютъ электрическія явленія. Это все равно, что пушка или батарея изъ пушекъ, когда они не заряжены порохомъ или другимъ взрывчатымъ веществомъ. Пусть редакція обратится къ г. Гадолицу, своему сотруднику по физикѣ, и спроситъ его, правы-ли мы, или нѣтъ?

«Батометръ (отъ гр. *batos* глубина и *metron* мѣра). Приборъ для доставанія образчиковъ воды съ различныхъ глубинъ моря» (стр. 124). Это неправда, и опредѣленіе противорѣчитъ буквальному значенію слова. Батометръ буквально значитъ измѣритель глубины; и дѣйствительно, это есть приборъ для окольнаго посредственнаго измѣренія глубины, не прибѣгая къ непосредственному прямому измѣренію ея лотомъ. Приборъ-же для доставанія *воды* ничего не измѣряетъ и не можетъ измѣрять, и потому никакъ не можетъ назваться батометромъ. Мы увѣрены, что насъ въ этомъ пунктѣ поддержитъ самъ Ѳ. Ѳ. Веселаго, сотрудникъ Словаря по морскому дѣлу, какъ значитъ въ предисловіи.

«Богхедъ (англ. *boghead*). Названіе самаго высокаго сорта ка-

меннаго угля» (стр. 226). Это опредѣленіе не научное, а торговое или купеческое. Да и въ послѣднемъ отношеніи оно невѣрно. Для одного покупателя богхедъ дѣйствительно первый сортъ, а для другого онъ никуда не годится, и онъ его даромъ не возьметъ, такъ что для него онъ послѣдній сортъ, и онъ рѣшительно и смѣло забракуетъ опредѣленіе Словаря,

«Боръ... 3. Боръ. Хим. Простое тѣло (элементъ), входящее напр. въ составъ буръ. Алмазовидный боръ, кристаллическая разновидность бора, по твердости превосходящая его или не уступающая бору» (стр. 249). При всемъ нашемъ уваженіи къ почтенной академической редакціи Словаря и при всемъ нашемъ желаніи воздерживаться отъ всякихъ рѣзкостей, мы никакъ не можемъ удержаться, чтобы не назвать это опредѣленіе бессмысленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за нелѣпость? Кристаллическій боръ по твердости превосходить боръ и не уступаетъ бору. Да развѣ ужъ обыкновенный боръ такъ твердъ, и что-же тутъ удивительнаго, если кристаллическій боръ превосходить обыкновенный боръ? Для убѣжденія въ нелѣпости этого опредѣленія, пусть редакція Словаря предложитъ г. Бейльштейну заявить печатно, что это онъ далъ такое опредѣленіе. Мы увѣрены, что онъ съ неодобованіемъ отвергнетъ такое предложеніе, но мы позволяемъ себѣ утверждать, что г. Бейльштейнъ не только не давалъ этого опредѣленія, но даже не просматривалъ его и что это опредѣленіе составлено человѣкомъ, мало свѣдущимъ въ химіи.

«Бура. Ископаемое (?) Вогах, Tinsal. Соль особаго рода, *борнокислый натрій*» (стр. 293). По принятой терминологіи это невѣрно: можно сказать: хлористый *натрій*, сѣрнистый *натрій*; когда-же онъ бываетъ борнокислый или сѣрнокислый, тогда говорятъ не натрій, а *натръ*, подобно тому, какъ говорятъ хлористый *калій*, сѣрнистый *калій*, а потомъ хлорноватокислое *кали*, сѣрнокислое *кали*. По новѣйшей терминологіи это будетъ не такъ; но вѣдь Словарь держится прежней терминологіи, и потому ужъ нужно выдерживать ее, какъ она есть.

«Буреніе. Сверленіе буромъ для полученія образчиковъ *земли* съ различной *я* глубины» (стр. 194). Образчикъ *земли*—это неловко; здѣсь подъ *землей* должны разумѣться образчики почвы или горной породы. На различныхъ глубинахъ *я*; а здѣсь подъ *я* разумѣется какъ будто земной шаръ или наружная кора его, и было-бы лучше совсѣмъ выбросить *я*. Но буреніе служитъ не для одного только полученія образчиковъ, но и для другихъ цѣлей, какъ это сказано дальше въ самомъ-же Словарѣ. «Бурить; сверлить *землю* (опять эта неопредѣленная *земля*!) и камень буромъ. *Землю бурятъ* (эти два

слова лишнія) для добыванія соляныхъ разсоловъ и прѣсной воды, также для горныхъ развѣдокъ; а *камень* бурятъ для того, чтобы рвать его порохомъ» (стр. 294). И все-таки это еще не все; бурятъ, напр., еще для того, чтобы получать изъ буровыхъ скважинъ нефть; а рвутъ камень не только порохомъ, но и динамитомъ и другими взрывчатыми веществами. И здѣсь *земля* опять надѣлала путаницу. *Землю*, какъ видите, бурятъ для получения воды и разсоловъ, а *камень*, чтобы рвать его; какъ будто вода и рассолы бываютъ только въ *земль*, а въ камняхъ ихъ не бываетъ; и почему-же наконецъ *земля* противопоставляется *камнямъ*. На дѣлѣ-то бываютъ всякіе случаи: для получения воды, разсоловъ и нефти приходится вести буровую скважину и по мягкой землѣ или почвѣ, и по камнямъ, и по камнямъ даже больше и чаще, чѣмъ по землѣ.

«Бываніе... 2. Филос. Непрерывный рядъ измѣненій въ мірѣ» (с. 304). Вотъ сюрпризъ! Едва-ли кому-нибудь изъ русскихъ приходилось встрѣчать это необычайное слово, да еще въ значеніи непрерывныхъ измѣненій въ мірѣ. Пока редакція не приведетъ оправдательнаго примѣра, или не укажетъ русскаго философа, употреблявшаго это слово въ указанномъ смыслѣ, до тѣхъ поръ мы будемъ думать, что это слово и его значеніе есть плодъ фантазіи мало смыслащаго въ философскихъ терминахъ сотрудника, которому неосторожно довѣрилась редакція. А можетъ быть, этотъ сотрудникъ имѣлъ въ виду какое-нибудь нѣмецкое слово, да не сумѣлъ перевести его какъ слѣдуетъ и самъ выкроилъ *бываніе*; но въ такомъ случаѣ слѣдовало поставить въ скобкахъ нѣмецкое слово, какъ это сдѣлано при нововыкроенномъ и также непонятно объясненномъ *всеединство*, при которомъ стоитъ въ скобкахъ—нѣм. *Alleinheit*.

Бываніе, какъ философскій терминъ, есть въ Словарѣ, а при словѣ *бытіе*, соответствующемъ нѣмецкому *Das Sein*, не сказано, что оно есть философскій терминъ; а вѣдь бытіе очень часто употребляется въ философіи даже у насъ и во всякомъ случаѣ оно имѣетъ больше правъ на мѣсто въ Словарѣ, чѣмъ *бываніе*.

«Бытовой. Бытовая повѣсть,—драма, предметъ которой заимствованъ изъ дѣйствительной жизни» (с. 308). Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ не то; это опредѣленіе фальшивое, поддѣланное, невѣрное. Редакція, видимо, воображаетъ, что бытовой происходитъ отъ *быль*, такъ какъ послѣднимъ словомъ выражается то, что есть или было въ дѣйствительности, чему противопоставляется фантазія, небылица, хотя редакція говоритъ, что это слово происходитъ отъ *бытъ*. Если же оно происходитъ отъ *бытъ*, то причемъ-же тутъ сюжетъ, заим-

ствованный изъ дѣйствительной жизни. Предметъ драмы можетъ быть взятъ цѣликомъ изъ дѣйствительной жизни, однакоже никто не назоветъ эту драму бытовой. *Кориоланъ* и *Юлій Цезарь* Шекспира заимствованы по сюжету изъ дѣйствительной жизни и называются историческими трагедіями; однако, ихъ никто не назоветъ *бытовыми* трагедіями, и не назоветъ именно потому, что въ нихъ изображаются отдѣльныя личности и притомъ съ ихъ внутренней психологической стороны, т.-е. ихъ характеры, волновавшія ихъ мысли, чувства и страсти и опредѣлявшія собою ихъ дѣйствія; а не изображается какойнибудь *бытъ* въ томъ значеніи, которое мы придаемъ этому слову, когда говоримъ: быть сельскаго или городскаго духовенства, военный бытъ, купеческій бытъ и т. д., разумѣя при этомъ скорѣе виѣшнюю жизнь людей и виѣшнія людскія отношенія, чѣмъ ихъ внутреннюю жизнь, внутренней психической міръ ихъ идей, чувствъ и страстей. Названіе произведенія *бытовымъ* вовсе не зависитъ отъ того, заимствованъ-ли сюжетъ его изъ дѣйствительной жизни. Сюжетъ его можетъ быть сочиненъ, фабула придумана, а оно тѣмъ не менѣе можетъ быть *бытовымъ*. Трудно сказать, совершались-ли въ дѣйствительности походы Чичикова или пріѣздъ ревизора; но мы, даже и не задаваясь этимъ вопросомъ, прямо говоримъ, что *Мертвыя души* и *Ревизоръ* произведенія бытоваго, что Чичиковъ и Хлестаковъ не исключительные или главные герои и даже не преобладающіе и первенствующіе герои, а такія-же лица, какъ и всѣ остальные, и главный сюжетъ составляютъ не они, а кипиющая вокругъ нихъ жизнь, бытъ помѣщиковъ и провинціального чиновничества и бытъ купечества и крестьянъ по столько, по сколько онъ соприкасался съ бытомъ двухъ первыхъ сословій. При этомъ опять нельзя не вспомнить о массѣ среднеобразованныхъ, но любознательныхъ читателей, для которыхъ удовлетворительный Словарь былъ-бы драгоценнымъ пособіемъ и которые такъ много теряютъ, не имѣя его. Ну, какъ и гдѣ они узнаютъ, что такое *бытовой* — слово, попадающееся имъ столь часто.

«Вето (лат. veto запрещаю). Запрещеніе. Произнести, наложить свое вето» (с. 585). Конечно, буквально вето значитъ запрещеніе; но по принятому словоупотребленію оно вовсе не значитъ запрещеніе. Вето—терминъ не полицейскій и не уголовный; нельзя сказать: на маргаринъ наложено вето, на журналъ наложено вето, на имѣніе наложено вето, на театральныя представленія наложено вето въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдовало сказать: маргаринъ запрещенъ, журналъ запрещенъ, театральныя представленія запрещены, на имѣніе наложено запрещеніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вето было-бы совершенно неумѣстно

и оно никогда въ нихъ не употребляется. Вето есть терминъ государственнаго права и означаетъ право, принадлежащее или верховной власти, или высшему представителю исполнительной власти въ государствѣ не утверждать законовъ, принятыхъ законодательною властью, вслѣдствіе чего эти законы не получаютъ законной силы и не могутъ быть обнародованы и приведены въ дѣйствіе. Это вето бываетъ различно. Въ нѣкоторыхъ странахъ вето главы государства имѣетъ абсолютное значеніе, и законъ, получившій вето, считается не состоявшимся и отвергнутымъ; тогда какъ въ другихъ странахъ вето главы исполнительной власти только на время останавливаетъ дѣйствительность и обнародованіе закона, такъ что если послѣ этого вето законодательная власть во второй разъ вотируетъ тотъ же законъ, то онъ прямо получаетъ силу закона и для него уже не требуется утвержденіе его главою исполнительной власти. И вотъ такое-то вето Словарь представляетъ въ видѣ какого-то полицейскаго карательнаго или предупредительнаго запрещенія. Ужъ это слишкомъ превратное опредѣленіе. Можно, конечно, употреблять вето и въ другихъ случаяхъ, но только аналогичныхъ съ указанными, т.-е. когда дѣло идетъ объ утвержденіи, принятіи или непринятіи къмъ-нибудь имѣющимъ на то власть какого-нибудь рѣшенія или постановленія. Но въ полицейскомъ или уголовномъ языкѣ оно неумѣстно даже въ переносномъ смыслѣ.

«Вещность. Филос. Такъ въ нѣкоторыхъ философскихъ системахъ называется то, что останется, если отъ вещей отвлечь ихъ различія» (с. 389). Это крайне неопредѣленно. Въ какихъ это системахъ употребляется вещьность,—русскихъ, или иностранныхъ? Если въ русскихъ, то скажите, у кого именно и приведите оправдательные примѣры. Если-же въ иностранныхъ, то давайте намъ то слово, которое употребляли иностранные философы, а не вашъ переводъ этого слова. Можетъ быть, вы перевели его невѣрно и выкроили *вещность* по такому-же шаблону, какъ и *бываніе*. вмѣсто термина дается переводъ его, а мы имѣемъ основаніе, по многимъ мѣстамъ Словаря, не довѣрять компетентности сотрудника Словаря по части перевода философскихъ иностранныхъ терминовъ.

«Взятка... 2. Непозволительная плата или подарокъ за дѣла, производимыя по обязанности» (с. 412). Въ этомъ опредѣленіи взятка какъ будто нѣсколько прикрашена и представлена въ болѣе невинномъ видѣ. Въ этомъ видѣ она технически называется *благодарностью*. По нашему мнѣнію, взятка есть нѣчто худшее, плата за дѣла, производимыя по обязанности, но такія дѣла, которыя или противоза-

конны, или несогласны съ закономъ, или совершаются въ обходъ закона съ перетолкованіемъ или извращеніемъ его. Вотъ что значить отсутствіе словарей; даже такое исконно русское слово, какъ взятка, можетъ вызывать недоумѣнія и разногласія.

«Воздухообразный. То-же, что воздуховидный. Воздухообразная жидкость» (с. 475). Воздуховидный и воздухообразный — это дѣйствительно одно и то-же; но воздухообразныя жидкости—это *contradictio in adjecto*. Всѣ тѣла въ природѣ являются намъ въ трехъ состояніяхъ: твердомъ, жидкомъ и воздухообразномъ, и потому воздухообразныя жидкости—это несообразность и противорѣчіе.

«Воздухъ... 1. Газообразное вещество (состоящее главнѣйше изъ смѣси азота и кислорода), окружающее земной шаръ и служащее къ (sic) дыханію животныхъ» (с. 476). Во-первыхъ, не весь воздухъ служитъ къ дыханію животныхъ, а только одна часть его; а во-вторыхъ, воздухъ не есть самостоятельное вещество, а смѣсь двухъ веществъ, и притомъ механическая смѣсь, а такія смѣси не принято называть веществами.

«Водосодержащій камень. Мин. Всякій пустой шаровикъ (?), наполненный водою; также кристаллъ, содержащій во внутреннихъ (?) полостяхъ воду, напримѣръ, водосодержащій кварцъ, аметистъ, сафиръ и проч. *Enhydre*» (с. 462). Это ужасно темно и неудобовразумительно. Что это такое пустой шаровикъ? Что означаетъ этотъ терминъ? Непонятно. *Внутреннія полости кристалловъ* — это ужасно крупно и громоздко; а на дѣлѣ-то эти полости часто нельзя видѣть даже въ сильную лупу и приходится прибѣгать къ микроскопу. Ужъ что это за полости? А ужъ *Enhydre* рѣшительная загадка и іероглифъ, котораго никто не пойметъ безъ дальнѣйшихъ объясненій.

«Возстановлять... 3. Хим. Отнимать отъ кислороднаго соединенія весь кислородъ или часть его; присоединять къ веществу водородъ, дѣйствовать на вещество водородомъ или вообще тѣломъ, отнимающимъ кислородъ или *отрицательные элементы*» (с. 488). Здѣсь не лишне было-бы прибавить, что вмѣсто возстановлять иногда говорятъ и пишутъ *редуцировать*. Что это такое *отрицательные элементы*? Такихъ элементовъ нѣтъ и не было. А было вотъ что. Когда-то, еще при старикѣ Берцеліусѣ, когда мы были отъявленными врагами французовъ и сердечными друзьями нѣмцевъ, химическіе элементы то-же были раздѣлены на два враждебныхъ лагеря, электрически и химически полярно-противоположныхъ одинъ другому, и потому одни элементы назывались электроположительными, а другіе *электроотрицательными*, а не просто *отрицательными*. Но съ тѣхъ

поръ утекло много воды, и какъ мы примирились и подружились съ французами, такъ и элементы примирились между собою и оказалось, что между ними нѣтъ электрической и химической полярной противоположности, что одинъ и тотъ-же элементъ, напр., сѣра, въ одномъ случаѣ бываетъ электроотрицательна, а въ другомъ электроположительна, или, напр., хлоръ и водородъ: въ хлористоводородной кислотѣ они полярно противоположны другъ другу, за-то въ хлороуксусной кислотѣ хлоръ вполне замѣняетъ собою водородъ, можетъ стать на его мѣсто, играть его роль, исправлять всѣ его обязанности, какъ нѣчто родное, почти тождественное съ нимъ. Съ тѣхъ поръ дѣленіе элементовъ на электроположительные и электроотрицательные оставлено, и Словарь напрасно старается воскресить его.

«Волосность. Физ. Явленіе, вслѣдствіе котораго жидкость въ тонкихъ трубкахъ принимаетъ поверхность вогнутую или выпуклую. Капиллярность» (с. 496). Опять то-же, что при батавскихъ слѣзкахъ; взята подробность, а самое главное пропущено. Въ волосности вся суть состоитъ въ измѣненіи уровня жидкости въ волосныхъ трубкахъ, а потомъ уже идетъ форма поверхности жидкости. Если въ сосудъ, наполненный какою-нибудь жидкостью, погрузить открытую съ обоихъ концовъ волосную трубку, то уровень жидкости въ трубкѣ или поднимается выше, или опускается ниже общаго уровня ея въ сосудѣ, причемъ, какъ справедливо говоритъ опредѣленіе Словаря, поверхность принимаетъ вогнутую или выпуклую форму. Взгляните въ физикѣ на законъ волосности, и тамъ въ первую голову говорится, что величина измѣненія уровня зависитъ отъ діаметра трубокъ и т. д. Очевидно, что главное, первенствующее значеніе волосности—это измѣненіе высоты уровня, а не форма поверхности.

«Врухъ (гр. brouchos). Насѣкомое *Bruchus Larva Grylli migratorii*» (с. 547). Это опредѣленіе очень подозрительно, и въ немъ есть, вѣроятно, какая-нибудь крупная прорѣха. Три послѣднихъ латинскихъ слова возбуждаютъ сильное подозрѣніе. Во-1-хъ, зоологическія названія состоятъ почти всегда изъ двухъ словъ, одно для обозначенія рода, а другое—вида; три-же слова встрѣчаются какъ рѣдкія исключенія. Во-2-хъ, два послѣднія слова стоятъ въ родительномъ падежѣ, что показываетъ, что они связаны между собою и составляютъ одно цѣлое; но зачѣмъ они стоятъ въ родительномъ падежѣ и почему первое слово обособлено отъ нихъ и стоитъ въ именительномъ падежѣ? Значитъ названіемъ насѣкомаго могутъ быть только два послѣднія слова и означаютъ какой-нибудь видъ сверчковъ, тогда какъ *bruchus* принадлежитъ къ жукамъ, а первое слово не относится къ названію, а

должно обозначать что-нибудь другое и, по всей вѣроятности, оно есть существительное нарицательное и напрасно его прописали по латыни, такъ какъ ему слѣдовало-бы быть по русски. Трудно догадаться, какъ примирить и согласить между собою эти несообразности. Намъ пришла въ голову одна догадка; но мы не рѣшаемся высказывать ее, не будучи вполне увѣрены въ ней.

Вотъ и всѣ недостатки, которые были замѣчены нами при самомъ внимательномъ и тщательномъ изученіи Словаря. Мы надѣемся, что въ слѣдующемъ выпускѣ такихъ недостатковъ не будетъ, такъ какъ они легко устранимы при помощи двухъ указанныхъ мѣръ, т.-е. приглашеніемъ въ составъ редакціи естественника и подписываніемъ учеными специалистами тѣхъ опредѣленій научныхъ названій и терминовъ, которые даны или провѣрены ими. Можно рекомендовать еще третью мѣру, состоящую въ томъ, чтобы каждое слово, стоящее въ опредѣленіи, редакция испытывала пробую его на оправдательныхъ примѣрахъ, вставляя въ нихъ вмѣсто опредѣляемаго слова данныя редакціей его опредѣленія, какъ это мы дѣлали выше при словахъ *балагурить*, *болтаться* и *возможный*. Отъ души желаемъ, чтобы послѣдующіе выпуски были вполне безукоризненны и быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Ужъ такъ настоятельна нужда и необходимость въ толковомъ русскомъ словарѣ!

М. А.

Dr. Friedrich Scholz. Die Charakterfehler des Kindes. Die Erziehungslehre für Haus und Schule. Leipzig. 1892 *).

Не прошло еще двухъ лѣтъ, какъ появилось въ печати капитальное сочиненіе о порокахъ дѣтей проф. Штрюмпеля,—сочиненіе, устанавливающее новую, оригинальную классификацію этихъ пороковъ, и вотъ мы снова встрѣчаемъ не менѣе капитальное сочиненіе на ту-же тему доктора Шольца (директора дома умалишенныхъ въ Бременѣ).

*) Въ своемъ настоящемъ рефератѣ о сочиненіи д-ра Шольца авторъ, между прочимъ, говоритъ, что «разработка вопроса о порокахъ дѣтей должна быть собственно отнесена къ отдѣлу по преимуществу физиологовъ и врачей, знакомыхъ съ психологіей», и затѣмъ, въ заключеніи, высказываетъ, что д-ру Шольцу, «какъ психофизиологу, подобало-бы въ своемъ трактатѣ придать физиологіи ббльшее значеніе и ббльшую силу, чѣмъ психологіи, если не построитъ все зданіе порочности дѣтей предпочтительно на анатомо-физиологическомъ фундаментѣ». Такого взгляда почтеннаго автора по отношенію ко всемъ, безъ исключенія, порокамъ дѣтей мы не раздѣляемъ. *Ред.*

Д-ръ Шольцъ извѣстенъ уже, даже въ русской литературѣ, сочиненіемъ своимъ «Діэтетика духа», вполне заслуженно обратившимъ на себя вниманіе публики и занявшимъ почетное мѣсто въ ряду монографій, касающихся душевной гигиены. Разсматриваемое нами теперь сочиненіе его о порокахъ дѣтей представляетъ собственно дополненіе къ «Діэтетикѣ духа», такъ какъ главы 11-я и 12-я этой послѣдней лишь вкратцѣ трактуютъ о предметѣ, нынѣ подробно излагаемомъ въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали.

Дѣло идетъ о нормальномъ, нравственно неуравновѣшенномъ, больномъ ребенкѣ. Область эта весьма велика, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма недостаточно еще разработана и освѣщена, а потому понятно, что принесеніе въ нее даже и небольшой группы новыхъ данныхъ слѣдуетъ признать болѣе или менѣе цѣннымъ вкладомъ.

Разработка вопроса о порокахъ дѣтей должна быть собственно отнесена къ вѣдѣнію, по преимуществу, физиологовъ и врачей, знакомыхъ съ психологіей. Для педагога многое въ немъ оказывается просто недоступнымъ. Сочиненія по описываемой области будутъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе въ основу ихъ положено анатомо-физиологическихъ данныхъ, чѣмъ болѣе авторами обращается вниманія на тѣлесный складъ ребенка и на связь этого тѣлеснаго склада съ душевными проявленіями. Сочиненіе Шольца, по нашему мнѣнію, потому именно и отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ, что авторъ никогда не упускаетъ изъ виду тѣла ребенка, хотя онъ и приурочиваетъ всѣ уклоненія въ характерѣ дѣтей къ психологической основѣ.

Авторъ начинаетъ сочиненіе бесѣдой объ унаслѣдованномъ и приобрѣтѣнномъ характерѣ. Этотъ послѣдній авторъ называетъ и приспособительнымъ, такъ какъ такой характеръ образуется подъ вліяніемъ внѣшней среды или, что то-же, подъ вліяніемъ приспособленія къ ней. Онъ признаетъ возможность передачи этого характера по наслѣдству, т.-е. допускаетъ, слѣдя Дарвину и Герберту Спенсеру, принципъ унаслѣдованія чертъ приобрѣтенныхъ, столь пошатнувшійся, впрочемъ, за послѣдніе годы, благодаря изысканіямъ такихъ ученыхъ, какъ Ланкестеръ, Вейсманъ и др.

Задача воспитанія, по мнѣнію автора, тройкая: 1) развитіе здоровыя унаслѣдованныя черты характера; 2) препятствовать развитію чертъ порочныхъ и болѣзненныхъ, и 3) способствовать образованію приобрѣтеннаго характера доставленіемъ подходящихъ представленій. Для воспитанія требуется отчетливое ознакомленіе съ природою ребенка вообще и съ природою воспитуемаго ребенка въ особенности. Важно распознать унаслѣдованныя черты, но еще важнѣе причины

имѣющихся пороковъ. Представляетъ-ли собою порокъ дѣло природы, или онъ есть искусственный продуктъ; сталь-ли уже онъ второй натурой, или-же есть явленіе лишь случайное—все это вопросы перво-степенной важности.

Весьма большое значеніе имѣетъ, равнымъ образомъ, рѣшеніе вопроса: не лежитъ-ли порокъ въ условіяхъ болѣзненности тѣла? Такъ, отсутствіе вниманія у ребенка нерѣдко зависитъ отъ расстройства органа слуха, лѣность — отъ утомленія мозга вслѣдствіе длительныхъ лихорадочныхъ болѣзней; пасмурное настроеніе, пугливость и т. п. являются иногда признакомъ мозговыхъ заболѣваній.

Наконецъ, при воспитаніи необходимо, чтобы родители слѣдили сами за собою, въ виду возможности передачи ребенку свойственныхъ имъ тѣхъ или другихъ нежелательныхъ чертъ. Родителю надо помнить слова: «познай самого себя»!

Въ педагогическомъ отношеніи ребенка можно считать душевно здоровымъ тогда, когда онъ способенъ отвѣчать цѣлямъ воспитанія характера и ума.

Душевное здоровье ребенка выражается, во-первыхъ, въ томъ, какъ складываются въ умѣ его представленія. Онъ долженъ обладать способностью воспринимать ихъ и связывать съ наличными своими представленіями; долженъ обладать силою усвоенія. При этомъ необходимо, чтобы ребенокъ обладалъ способностью сосредоточенія вниманія и способностью памятованія, а равно и наклонностью къ обогащенію свѣдѣніями, въ особенности самостоятельному, и наклонностью къ серьезнымъ занятіямъ.

Во-вторыхъ, душевное здоровье узнается по тому, какъ превращаются у ребенка представленія въ дѣйствія, въ поступки, и насколько дѣйствія отвѣчаютъ требованіямъ возраста. Въ игрѣ яснѣе всего обнаруживаются представленія ребенка, и тѣмъ болѣе, чѣмъ непринужденнѣе можетъ развернуться его фантазія. Особенно свойственно это дѣтямъ 3—7 лѣтъ, далѣе—игра уже оказывается болѣе или менѣе мотивированною.

Представленіе приобрѣтаетъ образъ и жизнь, благодаря языку. Умъ обогащается или, по крайней мѣрѣ, дѣлается болѣе ловкимъ и учащается быстрѣе эксплуатировать свои сокровища. Вотъ почему воспитатель долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ребенокъ ясно и внятно выражалъ то, что именно онъ хочетъ выразить, такъ какъ этимъ путемъ онъ наилучше упражняется въ правильномъ мышленіи.

Въ-третьихъ, душевное здоровье ребенка проявляется тѣмъ, какъ онъ отвѣчаетъ на раздраженія внутренней и внѣшней среды, и тѣмъ,

какъ раздраженія эти дѣйствуютъ на настроеніе, представленіе и движеніе. Настроеніе должно быть равномѣрно радостное, грустное-же указываетъ на болѣзненное состояніе. Равнымъ образомъ, нежелательна и противоположная крайность: чрезмѣрная живость и необузданность. Нормальный ребенокъ умѣетъ себя сдерживать и относиться ко всему спокойно.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, душевно здоровымъ будетъ тотъ ребенокъ, который выказываетъ наклонность къ распознаванію этическихъ и эстетическихъ понятій и стремленіе къ благу, истинному и прекрасному.

Какого слѣдуетъ держаться дѣленія относительно пороковъ?

Практиковалось дѣленіе по причинамъ; принимаемо было дѣленіе по унаслѣдованію и приобрѣтенію пороковъ, по острой и хронической формѣ ихъ проявленія и теченія, по тѣлесной или душевной ихъ природѣ и, наконецъ, соотвѣтственно такъ-называемымъ душевнымъ способностямъ, — ума, чувства и воли. Последнему дѣленію слѣдуетъ, по мнѣнію автора, отдать рѣшительное предпочтеніе. Оно удобно для ориентированія и наиболѣе предотвращаетъ повторенія.

При описаніи пороковъ авторъ не упускаетъ изъ виду случая касаться подобающимъ образомъ того, наслѣдственны-ли они или приобрѣтены, связаны-ли они съ тѣломъ или душою, устранимы-ли они или нѣтъ, происходятъ-ли отъ какого-либо дефекта, или состоятъ въ эксцессѣ, и т. д.

Всѣ уклоненія отъ нормы въ характерѣ дѣтей авторъ дѣлитъ, какъ уже сказано, на три отдѣла. Типовъ уклоненій оказывается порядочное количество, подводятся-же они къ основнымъ типамъ, число которыхъ не превышаетъ 34-хъ.

Къ *первому* отдѣлу относятся уклоненія въ области ощущенія и чувствованія. Типы слѣдующіе: 1) *Печальный ребенокъ*. 2) *Чувствительный ребенокъ*. Смотря по тому, относится-ли чувствительность къ собственному я, или-же къ другимъ лицамъ и предметамъ, различаются два типа этого ребенка: слишкомъ обидчивый ребенокъ и сентиментальный; обидчивый имѣетъ разновидности: недоброжелательный, завистливый, ревнивый. 3) *Капризный* (являющій чрезмѣрную восприимчивость и чувствительность). Сюда относится и типъ досадливаго (угрюмаго) ребенка. 4) *Пулливый, боязливый*. 5) *Застѣнчивый*. 6) *Черезъ мѣру приткій* (вѣчно-смѣющійся). Типъ этотъ особенно выразителенъ въ такъ-называемые годы шалостей (Flegeljahre—12—16 лѣтъ), когда въ организмѣ обнаруживается непривычная энергія, въ характерѣ самоувѣренность, предприимчивость, стремленіе къ разнымъ

предосудительнымъ поступкамъ и дѣйствіямъ. 7) *Надменный* (гордый не только самимъ собою, но и родителями своими, ихъ положеніемъ, богатствомъ). 8) *Своенравный*. 9) *Пустой, занятый собою ребенокъ*. 10) *Нахальный, выскочка*, то, что французы называютъ *enfant terrible*. Одинъ суетъ носъ вездѣ, другой умничаетъ, третій болтаетъ за всѣхъ, четвертый все выкладываетъ наружу, что знаетъ, пятый мудренъ не по лѣтамъ. 11) *Вялый*. Онъ тупъ къ впечатлѣніямъ, часто лѣнивъ; онъ ничему и никому не сочувствуетъ. Если къ этимъ недостаткамъ присоединяются еще какія-либо извращенныя стремленія, то вотъ и готовъ порочный ребенокъ. 12) *Крайне неустойчивый въ настроеніи ребенокъ* (*gührselig*). Такой типъ чаще встрѣчается въ годы начинающагося полового развитія. 13) *Злостный, злорадостный ребенокъ*. Это противоположность вялому типу. Вялый ничего не чувствуетъ или, по крайней мѣрѣ, притупленъ къ ощущеніямъ, тогда какъ злостный испытываетъ радость, и нерѣдко очень живую, въ неподходящихъ къ тому случаяхъ.

Ко второму отдѣлу относятся *уклоненія въ области представленія*. Типы этого отдѣла суть: 14) *глупый ребенокъ*. Причины и виды глупости различны. Случается весьма часто, что образованіе представленій идетъ правильно, скоро и легко, пока они вращаются въ области наглядности, но за-то, когда дѣло касается представленій высшаго порядка, то наступаетъ полное безсиліе. Затѣмъ бываетъ, что представленія не задерживаются, способность воспріятія оказывается слишкомъ слабою. Приходится приниматься нѣсколько разъ, чтобъ достигнуть цѣли. Случается и такъ, что представленіе удерживается, но на короткое время. Второй видъ глупости тотъ, когда ребенокъ съ горечью чувствуетъ малую свою цѣну; онъ робокъ и неувѣренъ. Его называютъ забитымъ. Глупыя дѣти вообще слабоумны, хотя и не въ настоящемъ медицинскомъ смыслѣ этого слова. Глупость бываетъ и отъ природы, однако родители отнюдь не должны отчаиваться въ воспитаніи одержимаго ею ребенка: способности А. Гумбольдта въ дѣтствѣ были крайне ограничены. 15) *Разсѣянный ребенокъ*. Степени разсѣянности разнообразны, начиная съ простаго невниманія отъ отвлеченія мыслей и кончая странностями въ поступкахъ и дѣйствіяхъ. 16) *Взтранный* отличается отъ разсѣяннаго не тѣмъ, что совершенно сбивается съ пути, но тѣмъ, что мысли его летучи, непостоянны и пониманіе извращенно. 17) *Лѣнивый*. Причины лѣности многочисленны, какъ-то: отсутствіе интереса; придаваніе наибольшаго интереса однимъ предметамъ или дѣйствіямъ передъ другими, напримѣръ, игръ; трудность думать и скорая утомляемость отъ мышленія. Лѣность бываетъ то

прирождена, то приобрѣтена; наконецъ, она можетъ зависѣть отъ недостаточности упражненія и отъ отвыканія мыслить, дѣйствовать. Въ этомъ гораздо больше виноваты родители, нежели школа: ребенку не даютъ самостоятельно работать, постоянно предлагая ему помощь (репетиторство) и тѣмъ систематически приучаютъ его къ лѣни. 18) *Преждевременно развитый ребенокъ* (умный не по лѣтамъ)—оказывается такимъ иногда съ самаго рожденія, чаще-же становится въ силу вѣшнихъ влiяній: отъ образа жизни, воспитанія, долговременнаго болѣзненія. Прирожденная преждевременная зрѣлость составляетъ всегда весьма серьезный порокъ, такъ какъ граничитъ съ душевнымъ разстройствомъ, если не переходитъ въ него мало-по-малу; приобрѣтенная-же обыкновенно не опасна и поддается мѣрамъ воспитательнымъ. 19) *Ребенокъ съ живымъ воображенiемъ, или лишенный этой способности.* Ребенокъ похожъ на поэта, и особенно драматическаго. У него всѣ игры драматичны; въ каждой «случается» кое-что. Самая страсть къ разрушенію иногда есть ничто иное, какъ фантастическая радость въ созиданіи. Встрѣчаются дѣти съ чрезмѣрною фантазiею—экзальтированные, изрѣдка съ повышеннымъ самочувствiемъ, когда фантазія принимаетъ необычайный, иногда возвышенный и экстагическій, характеръ. Особенность представляетъ такъ-называемый мечтательный ребенокъ: или углубляющійся въ себя и недвижный, или, наоборотъ, своею живостью подходящій къ экзальтированному. 20) *Любопытный и скрытный ребенокъ.* 21) *Безпорядочный, нечистоплотный ребенокъ.* Эстетическое чувство у такого ребенка большею частью развито весьма мало; безпорядокъ нѣкоторымъ образомъ какъ-бы сроденъ ему. Противъ всего этого можно, однакожъ, бороться весьма успѣшно.

Къ *третьему* отдѣлу относятся *уклоненія въ области хотѣнія и дѣйствiя.* Типы тутъ слѣдующіе: 22) *Безпокойный ребенокъ.* Разновидностями этого типа оказываются: чрезъ мѣру подвижный ребенокъ, по нѣкоторымъ-ли областямъ тѣла или по всѣмъ мышцамъ; гримасникъ и говорунъ. 23) *Неповоротливый, неуклюжій.* 24) *Безтолковый (пустой, вздорный) ребенокъ.* 25) *Алчный.* 26) *Копитель,* особенность его—скупость. 27) *Склонный къ обману и вороватый.* Причины воровства могутъ быть случайны, и тогда онѣ не имѣютъ особеннаго значенія; если-же склонность къ воровству заключается въ извращенной природѣ ребенка, то въ такомъ случаѣ необходимо специальное воспитаніе: непрерывный надзоръ, постоянныя занятія, приученіе къ другимъ увлекательнымъ вещамъ, въ цѣляхъ направить мысль и дѣйствiя ребенка въ другую, непривычную сторону. 28) *Неуслужливый ребенокъ.* Если онъ таковъ отъ болѣзни, то это порокъ излечимый:

случается, что виною тутъ только воспитаніе. 29) *Завистливый ребенокъ*. 30) *Злой ребенокъ*. Подъ злостью разумѣется тутъ душевное настроеніе, основанное на недостаточномъ развитіи или совершенномъ отсутствіи симпатическихъ чертъ, въ особенности поскольку выражается это въ дѣйствіяхъ и поступкахъ ребенка. Такія дѣти часто съ раннихъ лѣтъ страдаютъ различными нервными припадками, а впоследствии сильною раздражительностью, эгоистическими проявленіями и припадками бѣшенства, достигающими иногда жестокой степени. 31) *Жестокій, жестокосердый ребенокъ*. Это подвидъ злаго. Чаще всего жестокость обнаруживается въ страсти мучить звѣрей. «Я увѣренъ,—говоритъ Шольцъ,—что люди, находящіе удовлетвореніе въ оскорбленіи и преслѣдованіи своихъ ближнихъ, суть именно тѣ, которые въ дѣтствѣ были мучителями животныхъ». 32) *Нецѣломудренный ребенокъ* встрѣчается часто. Наиболѣе обычной причиной является преждевременное половое созрѣваніе; другая причина лежитъ въ мѣстныхъ тѣлесныхъ раздраженіяхъ; наконецъ, чаще всего виною нецѣломудренности оказываются соблазнъ и подражаніе. Этотъ порокъ трудно устраняется посредствомъ моральныхъ мѣръ, тутъ надежнѣе средства діатетическія—укрѣпленіе нервной системы, тѣлесныя упражненія до утомленія и т. п. 33) *Разрушитель*. Разрушаетъ или намѣренно, чтобъ досадить, или инстинктивно, въ слѣпой ярости. 34) *Лживый ребенокъ*. Часто ребенокъ говоритъ неправду, увлекаемый фантазіею: ему самому это нравится, да и другимъ онъ думаетъ этимъ понравиться. Бываетъ ложь изъ страха наказанія, или изъ желанія избѣгнуть неприятнаго; бываетъ она и изъ разчета. Такая ложь болѣе или менѣе терпима; иное дѣло, когда ребенокъ лжетъ изъ любви ко лжи, безъ видимой пользы, ради самой лжи, чтобы радоваться успѣху своего лганья. При воспитаніи такого ребенка надо быть наиболѣе строгимъ къ самимъ себѣ; нѣтъ сомнѣнія, что первый толчокъ ко лжи всегда исходитъ отъ лицъ взрослыхъ. Слишкомъ большая строгость ни подъ какимъ видомъ недопустима; ребенку не слѣдуетъ давать повода лгать изъ страха наказанія; словомъ, нужны мягкость, осторожность въ обращеніи съ нимъ, отсутствіе всякаго трагизма, наивозможное спокойствіе.

Разобравъ главныя уклоненія въ характерѣ дѣтей и посвятивъ этому вопросу цѣлыхъ восемь главъ, или болѣе половины сочиненія, авторъ переходитъ затѣмъ къ вопросамъ, состоящимъ въ самой тѣсной связи съ означенными уклоненіями. Такъ, онъ касается вопроса о самоубійствѣ дѣтей и о взаимодѣйствіи между тѣломъ и духомъ. Для лицъ, мало-мальски знакомыхъ съ дѣломъ, эти главы не представляютъ

особеннаго интереса своими подробностями, тѣмъ не менѣе и онѣ содержать существенныя данныя для развитія темы сочиненія.

Глава о воспитаніи духовномъ при посредствѣ воспитанія тѣлеснаго разработана обстоятельнѣе и серьезнѣе и даетъ не мало весьма цѣнныхъ и практическихъ указаній къ воспитанію органовъ внѣшнихъ чувствъ, системы произвольныхъ мышцъ и системы сосудодвигательной.

Очень хорошо проводится авторомъ идея о тѣсной связи между тѣлесной и душевной близорукостью и дальнорукостью, между слухомъ и вниманіемъ, между осязаніемъ, обоняніемъ и вкусомъ и душевнымъ настроеніемъ, между тѣлесной вообще чувствительностью и чувствительностью нравственной и пр. Кстати замѣтимъ, что авторъ тутъ-же весьма недурно сопоставляетъ термины тѣлеснаго свойства съ тѣми нравственными и умственными чертами, которыя они характеризуютъ. Правда, воспитанія при этомъ авторъ касается менѣе всего, однако, принимая въ соображеніе отчетливость изложенія касательно упомянутой взаимной связи между отправленіями органовъ внѣшнихъ чувствъ и духовными проявленіями, читателю ясно, сами собою представляются и мѣры къ культурѣ этихъ чувствъ.

Мастерски описываетъ авторъ значеніе мышечной системы въ дѣлѣ человѣческой культуры: въ дѣлѣ нападенія и защиты, въ дѣлѣ изобрѣтенія огня и всякихъ орудій для нуждъ домашняго и общественнаго быта. Говоря о воспитаніи мышцъ помощью гимнастики и разныхъ манипуляцій, помощью упражненія голосовыхъ органовъ, авторъ не забываетъ указать и на значеніе этого воспитанія по отношенію къ внѣшности человѣка и къ его манерѣ обращенія. Цѣннѣе-же всего оказывается одно подходящее сюда мѣсто на 125 стр. сочиненія, которое, въ виду его важности, мы позволяемъ себѣ привести цѣлкомъ. Слова автора таковы: «Сознательное дѣйствіе, т. е. сознательная мышечная дѣятельность, безспорно, находится въ зависимости отъ воли, такъ точно какъ и наоборотъ—можно утверждать, что мышечная система, въ свою очередь, дѣйствуетъ на волю. Умѣнье владѣть мышцами составляетъ долю самообладанія. Кто управляетъ членами и мимикой, тотъ съумѣетъ справиться и со своими чувствами и страстями».

Труднѣе было автору выяснить отношеніе къ воспитанію сосудодвигательной или симпатической нервной системы, однако и въ этомъ случаѣ должно отдать ему справедливость: онъ съумѣлъ въ краткомъ, но понятномъ очеркѣ нарисовать картину дѣятельности тѣхъ органовъ, которые участвуютъ въ растительной жизни, а кстати и въ животной жизни человѣческаго организма, и которые работаютъ подъ вліяніемъ именно этой системы. Какъ кровообращеніе, такъ и питаніе каждаго

органа, а въ томъ числѣ и мозга, зависятъ непосредственно отъ работы сосудодвигательныхъ мышцъ; равнымъ образомъ, и психическая дѣятельность мозга находится въ самой тѣсной отъ нея зависимости. Владѣть собою значитъ управлять сосудодвигательной системой. Воспитаніе, пріучающее подавлять рефлексы, дѣйствуетъ умѣряющимъ и парализующимъ образомъ и на душевныя волненія и страсти.

Въ главѣ о средствахъ къ воспитанію мы не находимъ ничего особенно новаго. Къ этимъ средствамъ причисляются: примѣръ, пріученіе, поученіе и увѣщаніе, запрещеніе, награды и наказанія. Все это, впрочемъ, излагается достаточно обстоятельно и интересно.

Послѣдняя (17-я) глава трактуетъ о качествахъ, которыми долженъ обладать воспитатель. Любовь, терпѣніе, послѣдовательность, справедливость, благоразуміе—всѣ эти качества отъ воспитателя требуются, наравнѣ со всѣми педагогами, и нашимъ авторомъ.

Книгу свою д-ръ Шольцъ остроумно заканчиваетъ такими словами къ читателю: «самое лучшее было-бы то, если-бы, взявши книгу эту лѣтъ черезъ двадцать пять, ты сказалъ: читать-то я ее читалъ, да, слава Богу, не имѣлъ нужды многимъ изъ нея пользоваться!»

Не смотря на богатство содержанія книги, д-ръ Шольцъ видимо обратилъ главное вниманіе въ ней на самые пороки дѣтей и на ихъ классификацію. Классификація эта недурна и, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ предпочтенія передъ классификаціей проф. Штрюмпеля, какъ по своей простотѣ, такъ и практичности, тѣмъ не менѣе надо прибавить, что она не свободна отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Во-первыхъ, взявъ въ основаніе исключительно психологію, авторъ тѣмъ самымъ долженъ былъ впасть въ нѣкоторыя затрудненія при группировкѣ типовъ уклоненій. Такъ, напр., типъ «безпорядочный, педантъ» попалъ въ группу уклоненій въ области представленія; типъ «алчный» попалъ въ группу области хотѣнія и дѣйствія; «своенравный», «упрямый»—въ группу области чувствованія... Всѣ эти, взятые въ примѣръ, типы или совсѣмъ не подходятъ къ группамъ, гдѣ оказались, или относятся одинаково къ двумъ, если не къ тремъ группамъ. Во-вторыхъ, руководствуясь одной психологіей, авторъ совершенно упустилъ изъ виду, что нѣкоторыя уклоненія въ характерѣ рѣшительно не подходятъ ни къ одной изъ его группъ, такъ какъ основу имѣютъ предпочтительно, если не исключительно, анатомио-физиологическую. Въ этомъ отношеніи проф. Штрюмпель поступилъ болѣе основательно, устанавливая особую группу пороковъ, происходящихъ отъ преобладанія тѣлесныхъ вліяній надъ психическими процессами. Въ-третьихъ, хотя автору надо поставить въ заслугу то, что въ своей книгѣ онъ удѣлилъ не мало мѣста

разъясняющимъ дѣло подробностямъ чисто фیزیологическаго свойства, однако, нельзя не сознаться и въ томъ, что ему, какъ психофизиологу, подобало-бы въ своемъ трактатѣ придать фیزیологіи бѣльшее значеніе и бѣльшую силу, чѣмъ психологіи, если не построить все зданіе прочности дѣтей предпочтительно на анатомо-фیزیологическомъ фундаментѣ. Вообще, сочиненіе Шольца представляетъ какъ-бы переходную ступень въ дѣлѣ разработки и научнаго установленія вопроса объ уклоненіяхъ отъ нормы въ характерѣ дѣтей и служить какъ-бы предвѣстіемъ появленія теоріи и классификаціи этихъ уклоненій на основаніяхъ чисто-фیزیологическихъ. Все это, однако, не исключаетъ возможности и даже необходимости воздать должное почтенному труду автора, вносящему столь много свѣта въ темную область изслѣдованія нравственной жизни подростовающаго поколѣнія.

А. Виреніусъ.

. Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію. Часть третья. 1881—1891 гг., изд. 1892 г. Составилъ генераль-лейтенантъ Лалаевъ (164 стран. въ $\frac{1}{8}$, цѣна 1 р., магазинъ Фену).

Первыя двѣ части этого «очерка», изданныя въ 1880 г., излагаютъ исторію развитія нашихъ военно-учебныхъ заведеній отъ основанія Петромъ Великимъ первыхъ военныхъ школъ до исхода царствованія Императора Александра II, т.-е. обнимаютъ сто-восьмидесятилѣтній періодъ существованія этихъ заведеній (1700—1880 г.). Третья часть, вышедшая въ настоящемъ году, разсматриваетъ развитіе и ходъ преобразованій тѣхъ-же заведеній въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, т.-е. съ 1881 г. по 1891 г., такъ что весь этотъ трудъ представляетъ исторію разсадниковъ нашихъ офицеровъ почти за двухвѣковую періодъ.

Въ послѣдней части указано сперва общее число и состояніе нашихъ военно-учебныхъ заведеній въ началѣ разсматриваемаго періода (1881 г.), просуществовавшихъ передъ тѣмъ въ теченіе почти 20-ти лѣтъ безъ всякихъ измѣненій (военныя и юнкерскія училища, военныя гимназіи и прогимназіи). Затѣмъ подробно и всесторонне выясненъ ходъ послѣднихъ преобразованій, вызванныхъ, съ одной стороны, опытомъ двадцатилѣтней жизни заведеній, а съ другой—измѣнившимися условіями службы офицеровъ въ настоящее время, когда, при краткомъ срокѣ (3 года) службы солдата, офицеръ долженъ быть не только строевой начальникъ, но и хорошо подготовленный учитель, способный вести строевое образованіе солдатъ. Для болѣе успѣшнаго

достиженія этой цѣли признали полезнымъ увеличить время строевой подготовки молодыхъ людей и, въ общемъ числѣ ежегодно выпускаемыхъ изъ нихъ въ офицеры, уменьшить процентъ не проходившихъ военно-училищнаго курса. Въ этихъ видахъ, военныя гимназіи преобразовались въ кадетскіе корпуса, военныя прогимназіи—упразднены, а военныя училища расширены на счетъ юнкерскихъ.

Попутно съ выясненіемъ хода этихъ общихъ преобразованій, въ той-же части «очерка» разсмотрѣны преобразованія, касающіяся отдѣльныхъ сторонъ быта нашихъ военно-учебныхъ заведеній, и результаты каждаго преобразования иллюстрированы документальными цифрами, которыя даютъ рельефную оцѣнку тому, что есть, сравнительно съ тѣмъ, что было.

Такъ, въ *санитарномъ* отношеніи, внутренній бытъ заведеній на столько улучшенъ, что ежегодная заболѣваемость учениковъ за послѣдніе годы понизилась почти на 6%, а съ нею уменьшился и процентъ смертности, составляющій менѣе половины процента смертности населенія Россіи въ возрастѣ отъ 10 до 20 лѣтъ. По нѣкоторымъ изъ отдѣльныхъ группъ болѣзней, процентъ заболѣваемости еще значительно понизился, какъ, напр., по группѣ инфекціонныхъ болѣзней (тифъ, дифтеритъ, скарлатина, оспа, корь и др.) этотъ процентъ уменьшился въ 1½ раза; по группѣ болѣзней крови (малокровіе, золотуха, цынга и др.) этотъ процентъ уменьшился въ 3½ раза. По другимъ группамъ болѣзней (простудныя, пищеварительныхъ и мочеполовыхъ органовъ, нервныя) процентъ заболѣваній повысился, что объясняется, главнымъ образомъ, не вполне благоприятными условіями современной общественной жизни въ большихъ городахъ, въ которыхъ преимущественно расположены военно-учебныя заведенія.

Въ *благотворительномъ* отношеніи, т.-е. въ отношеніи призрѣнія сиротъ и дѣтей офицеровъ, убитыхъ на войнѣ или раненыхъ, военно-учебныя заведенія, особенно кадетскіе корпуса, сдѣлали значительный шагъ: число казеннокопитныхъ интерновъ въ общемъ составѣ всѣхъ заведеній возрасло на 4%, а въ кадетскихъ корпусахъ—на 34% (см. стран. 47). Крімъ того, сумма въ размѣрѣ 60 тысячъ рублей, выдававшаяся ежегодно, въ видѣ пособій, на домашнее воспитаніе круглыхъ офицерскихъ сиротъ въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ, увеличена съ 1883 г. до 80 тысячъ рублей.

Въ *учебно-педагогическомъ* отношеніи пришлось, на основаніи опыта, переработать учебные планы и программы съ тѣмъ, чтобы вообще уравнивать курсы учебныхъ предметовъ, ввести въ корпусахъ преподаваніе новаго предмета—«основы законовѣдѣнія», увеличить время

на обученіе гимнастикѣ, ввести ручной трудъ и т. п. Всѣ эти измѣненія и вновь введенныя правила преподаванія и воспитанія кадетъ подробно изложены въ особой инструкціи. Измѣненіе учебныхъ плановъ военныхъ училищъ выразилось, главнымъ образомъ, въ томъ, что изъ нихъ была исключена и отнесена въ курсъ корпусовъ политическая исторія новѣйшихъ временъ, а взамѣнъ ея введенъ курсъ военной исторіи. По другимъ предметамъ сдѣлапы измѣненія въ программахъ и въ распредѣленіи матеріала по классамъ.

Результаты всѣхъ этихъ преобразованій и измѣненій лучше всего усматриваются изъ таблицъ, приведенныхъ въ «очеркѣ» на страницахъ 73, 74, 95, 96 и 103. Таблицы эти документальными цифрами говорятъ, что процентъ учениковъ, оканчивающихъ полный курсъ какъ кадетскихъ корпусовъ, такъ и военныхъ училищъ (производительная убыль) повысился: для первыхъ на 10⁰%, а для вторыхъ— на 20⁰%; процентъ-же учениковъ, выбывающихъ изъ заведеній ранѣе окончанія курса (непроизводительная убыль), понизился: для первыхъ заведеній почти на 30⁰%, а для вторыхъ на 70⁰%. Этотъ вдвое большій успѣхъ производительности военныхъ училищъ, сравнительно съ корпусами, объясняется тѣмъ, что, кромѣ улучшеній внутренняго строя училищъ, онѣ комплектуются теперь почти исключительно кадетами, и, слѣд., повышеніе производительности корпусовъ уже само собою должно было повысить производительность училищъ. Число офицеровъ, выпущенныхъ изъ военно-учебныхъ заведеній и поступившихъ въ военныя академіи, увеличилось, за послѣднее десятилѣтіе, болѣе чѣмъ на 60⁰%, сравнительно съ десятилѣтіемъ предшествующимъ, а между тѣмъ общее число учениковъ въ корпусахъ и военныхъ училищахъ возрасло всего на 14⁰%.

Въ заключеніи «очерка» отмѣчена *экономическая* сторона преобразованій. Ежегодный расходъ казны на военно-учебныя заведенія увеличился почти на 300 тысячъ руб., а средняя стоимость подготовки каждаго офицера уменьшилась почти на 1.300 руб. (вмѣсто 7.325—6.060 руб.). При этомъ, общее число и штаты заведеній увеличены, тогда какъ ежегодный расходъ казны на содержаніе Главнаго Управленія этихъ заведеній уменьшенъ почти на 80 тысячъ рублей, такъ что изъ каждой тысячи рублей всего расхода по военно-учебному вѣдому расходуются нынѣ только 15 руб. на центральное управленіе, вмѣсто 20 р., расходовавшихся въ 1880 г., и 40 р.—въ 1854 г.

Къ сожалѣнію, этотъ краткій обзоръ третьей части «Историческаго очерка военно-учебныхъ заведеній» не можетъ выразить всѣхъ достоинствъ этой книги, составляющей капитальный вкладъ въ нашу

историческую литературу и представляющей большой интерес для всѣхъ, кто слѣдитъ за успѣхомъ нашихъ учебныхъ заведеній вообще и военныхъ въ особенности.

С. Будаевскій.

Эдмондъ-де-Амичисъ. Дневникъ школьника. Редакція перевода и предисловіе В. Крестовскаго (псевдонимъ). Ц. 2 р. Стр. 411.

«Дневникъ школьника»—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя заставляютъ дрожать лучшія струны сердца, высоко приподнимаютъ духъ и освѣщаютъ многое на жизненномъ пути. Ни завлекательной фавулы, ни какой-либо внѣшней занимательности эта книга не представляетъ; весь ея интересъ, всѣ ея неоцѣненные достоинства заключаются въ ея духѣ, въ ея возвышенномъ характерѣ.

Передъ читателемъ проходитъ рядъ сценъ изъ школьной, семейной и общественной жизни Италіи, рядъ благородныхъ характеровъ; онъ знакомится съ рядомъ умныхъ, честныхъ, возвышенныхъ мыслей. И все это согрѣто высоко-христіанскою любовью къ человѣку и челоувѣчеству, дышетъ благородствомъ и освѣщено тонкимъ, глубокимъ умомъ. И какіе прекрасные типы школьниковъ проходятъ передъ читателемъ! Вотъ мужественный, честный Гарроне, всегда готовый на защиту и помощь слабому, всегда смѣло стоящій за правду; вотъ сильный волею Старди, который съ громаднымъ трудомъ побѣждаетъ свою умственную вялость и совершенно уходитъ въ ученье, отказываясь отъ участія въ играхъ и шалостяхъ товарищей; или милый, любящій Коррети, сынъ дровяника, успѣвающій готовить уроки среди сутолоки лавки, гдѣ онъ торгуетъ за приказчика; или высоко-благородный Прекосси—сынъ пьяницы-каменьщика, отъ всѣхъ скрывающій порокъ отца и побои, которые достаются ему, когда отецъ напьется. И какъ трогательна сцена, въ которой отецъ узнаетъ, что его сынъ награжденъ медалью, что въ школѣ всѣ любятъ и цѣнятъ его! Какіе прекрасные примѣры благородства и стойкости, сколько благодарныхъ въ воспитательномъ отношеніи темъ могутъ дать эти страницы для бесѣды съ дѣтьми...

Въ такой-же степени превосходный матеріалъ для воспитательныхъ цѣлей даютъ и отдѣльные рассказы, помѣщенные въ «Дневникѣ»—ежедневныя школьныя работы. Рассказы эти представляютъ примѣры беззавѣтнаго мужества, горячей любви къ родинѣ и высокаго благородства. Одинъ изъ лучшихъ—«Флорентійскій писарь». Сынъ бѣднаго писца, видя, какъ отцу трудно зарабатывать хлѣбъ

для семьи, начинаетъ писать за отца по ночамъ, тайкомъ отъ всѣхъ. Отецъ ничего не замѣчаетъ и только радуется, что ему удастся зарабатывать больше обыкновеннаго. Это поддерживаетъ въ мальчикѣ рѣшимость не оставлять ночной работы, но, вслѣдствіе бессонницы, онъ уже не можетъ хорошо учиться. Учитель жалуется на мальчика; отецъ негодуетъ, упрекаетъ сына въ лѣности, въ неумѣннѣ цѣнить жертвы, которыя приноситъ семья, доставляя ему возможность учиться. Мальчику больно, тяжело, но онъ не хочетъ открыться отцу, который, не зная о ночныхъ занятіяхъ сына, приписываетъ успѣхъ работы себѣ и радуется, что силы его не слабѣютъ и что работа удастся ему. Сынъ мужественно продолжаетъ свое дѣло, пока отецъ случайно не застаётъ его за работой. Это—трогательный рассказъ, написанный прекрасно. Да и всѣ остальные рассказы очень хороши, какъ по содержанию, такъ и по изложенію. А какъ хороши еще многія и многія страницы «Дневника»! Какъ прекрасно, напр., это письмо отца къ сыну по случаю національнаго праздника: «Въ дни народнаго торжества и ты, школьникъ, посылай свой привѣтъ отечеству. Великая мать, я еще не вполне знаю тебя, но я люблю тебя и горжусь, что я сынъ твой... Клянусь, что буду гражданиномъ дѣятельнымъ и честнымъ; буду совершенствоваться самъ, чтобъ быть тебя достойнымъ, и, сколько станетъ моихъ бѣдныхъ силъ, стараться прогнать отъ лица твоего мракъ нищеты, невѣжества и преступленія!» (стр. 374).

Такимъ-же благороднымъ патріотизмомъ дышетъ и описаніе похоронъ Виктора-Эммануила (112 стр.), и рассказъ о смерти Кавура (стр. 236), и воспоминаніе о Гарибальди (стр. 369). Но не только чувствомъ патріотизма вызываются такія прекрасныя страницы,—нѣтъ, всѣ хорошія, возвышенныя чувства и идеи находятъ въ книгѣ достойное себѣ выраженіе. Какъ хороши, напр., отрывокъ изъ письма Маццини о значеніи скорби (стр. 280)! Какое вѣрное пониманіе общественныхъ отношеній выражается въ письмѣ на стр. 275, какою любовью и трогательнымъ вниманіемъ къ ближнему полно письмо о поведеніи на улицѣ (193 стр.)! Нѣтъ сколько-нибудь существенной стороны жизненныхъ отношеній, которая-бы не затрагивалась въ «Дневникѣ школьника»: и отношеніе къ школѣ, и къ товарищамъ, и къ семьѣ, и долгъ передъ родной и челоуѣчествомъ, и мелочи будничной жизни—все даетъ поводъ автору сказать свое умное, задушевное слово. Эта задушевность, эта глубокая убѣжденность во всемъ, что высказывается, придають особую силу этой прекрасной книгѣ. Она не только заставляетъ задуматься надъ жизнью,—она даетъ вѣру во все доброе и возвышенное. Вотъ поэтому-то отъ всей души нужно желать, чтобы эта умная, честная

книга сдѣлалась такою-же настольною книгой для русскаго юношества, какою она стала, съ самаго появленія своего, для юной Италіи.

Дѣти крестоносцы. Историческая повѣсть для юношества Евгенія Гаршина. Изданіе Девріена. Петербургъ. 1891 г. 88 стр. Цѣна 85 к.

Черезъ Савойю проходили дѣти-крестоносцы. Услышавъ о ихъ приближеніи, четырнадцати-лѣтній пастухъ Францискъ, единственная опора бабушки и маленькой сестры, уходитъ изъ дому и присоединяется къ ихъ шествію. Ему представляется поразительное зрѣлище: впереди идетъ духовная процессія и дѣти съ крестами и хоругвями, предводитель Стефанъ ѣдетъ въ колесницѣ; множество монаховъ и пилигримовъ; громадныя толпы дѣтей, увлеченныхъ общимъ движеніемъ, и за ними взрослые — отцы и матери несчастныхъ, и разныя подозрительныя личности. Потокъ дѣтей, все увеличиваясь, доходитъ до Марсели и останавливается на берегу моря, ожидая отъ Стефана давно обѣщаннаго чуда; но море не разступается передъ юнымъ Моисеемъ; дѣти, покинутыя взрослыми, стоятъ въ недоумѣніи. Въ это время являются констабли города Марсели и предлагаютъ Стефану свои корабли. Стефанъ принимаетъ жертву; отдается приказъ немедленно приступить къ перевозкѣ крестоносцевъ. На пути одинъ изъ кораблей былъ разбитъ бурей, многіе утонули, но Францискъ и Стефанъ уцѣлѣли и были взяты на другой корабль; Францискъ спрашиваетъ матроса о Святой землѣ, но тотъ грубо отвѣчаетъ, что ихъ везутъ въ Александрію на рынокъ. Въ отчаяніи, мальчикъ намѣревается броситься въ море, но его удерживаютъ; Стефана и всѣхъ его спутниковъ заковываютъ въ цѣпи. Францискъ умираетъ на кораблѣ, Стефана привозятъ въ Александрію и продаютъ въ рабство.

Между тѣмъ Николета, сестра Франциска, по смерти бабушки уходитъ въ монастырь С. Берварда, но, узнавъ о движеніи черезъ Альпы германскихъ дѣтей-крестоносцевъ, пристаётъ къ нимъ, въ надеждѣ отыскать брата. Въ одномъ полузамерзшемъ мальчикѣ она узнаетъ Генриха, сына графа Савойскаго, и своими попеченіями спасаетъ его отъ смерти. Нѣмецкія дѣти избѣгли окончательной гибели: встрѣченныя въ Италіи крайне негостепріимно, измученныя, обезсиленныя въ пути, они отправляютъ депутацію къ папѣ и, получивъ разрѣшеніе отъ клятвы, возвращаются домой. Генрихъ, послѣ извѣстія о смерти родителей, остается въ Генуѣ. Николета тамъ-же при монастырѣ служитъ больнымъ. Только черезъ 13 лѣтъ, при воз-

вращеніи уцѣлѣвшихъ въ неволѣ крестоносцевъ, она узнаетъ о гибели брата и окончательно вступаетъ въ монастырь.

Тяжелое впечатлѣніе производитъ этотъ рассказъ. Маленькіе крестоносцы представляются какимъ-то стадомъ бессмысленныхъ овецъ, гонимыхъ на закланіе; они не могутъ остановиться, не могутъ вернуться назадъ, не зная дороги; многіе и не слышали о предыдущихъ крестовыхъ походахъ, не имѣютъ понятія о Святой землѣ, идутъ впередъ безсознательно, какъ во снѣ. Предводитель Стефанъ одинъ знаетъ, что дѣлаетъ: онъ вѣритъ въ свое призваніе, вѣритъ въ предстоящія чудеса и приходитъ въ себя только среди моря, на предательскомъ кораблѣ, отвозящемъ его въ неволю. «Отъ меня отступился Богъ», — говоритъ онъ Франциску.

Все это правда, все такъ и было, вѣроятно. Но все-таки нельзя не пожалѣть того ребенка-читателя, который впервые узнаетъ о крестовыхъ походахъ изъ этого рассказа.

Въ исторіи человѣчества есть много ненужныхъ жертвъ, передъ которыми мы благоговѣемъ однако. Эти невинные младенцы, эти пастухи, идущіе безъ оружія, съ однимъ знаменіемъ креста завоевать Святую землю, принадлежатъ къ числу подобныхъ жертвъ. Если-бы въ началѣ книги данъ былъ историческій очеркъ крестовыхъ походовъ, указано было на состояніе общества, вызвавшее подобное явленіе; если-бы переданы были нѣкоторые дѣйствительные подвиги рыцарей въ Палестинѣ — тогда и эта правдивая, заимствованная изъ лѣтописей, исторія, если-бы притомъ она была также удовлетворительна въ беллетристическомъ отношеніи, т.-е. если-бы авторъ ея обладалъ нѣкоторымъ художественнымъ талантомъ, получила-бы иную окраску: она могла-бы шевельнуть лучшія чувства, высшіе порывы въ душѣ юнаго читателя. Въ настоящемъ-же видѣ этотъ рассказъ возбуждаетъ только негодованіе на предателей и горькую бесплодную жалость, — жалость, а не симпатію къ невиннымъ мученикамъ. Въ нашей современной жизни такъ мало одушевленія, такъ мало силы и вѣры въ высшую правду... Имѣемъ-ли мы право развѣнчивать идеальные порывы прошлаго?

Къ вопросу о единообразіи въ орфографіи по поводу академическаго руководства. Русское правописаніе. В. Шереметевскаго. Москва. 1891 г. 91 стр. Цѣна 65 к.

Какъ извѣстно, у насъ уже не разъ дѣлались попытки къ упрощенію русскаго правописанія, столь необходимому вообще, а для

школы—въ особенности. Наконецъ, въ 1885 г. появилось извѣстное академическое руководство Грота, получившее нѣкоторымъ образомъ академическую санкцію. Однообразія въ правописаніи, однако, не явилось. Какъ оказалось на практикѣ, книга Грота вызвала новые вопросы, недоумѣнія, разнописанія. Книга г. Шереметевскаго представляетъ собою еще новую попытку въ рѣшеніи вопроса объ упрощеніи правописанія въ нашей школѣ. Книга эта интересна не только по своему специальному содержанию, по отношенію къ орфографіи только или грамматикѣ, но имѣетъ и общепедагогическій интересъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій отдѣла преподавателей по русскому языку въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній трудъ г. Шереметевскаго послужилъ предметомъ доклада, сдѣланнаго г. Цвѣтковскимъ. Къ сожалѣнію, собраніе было малочисленное, да и самый докладъ, по недостатку системы, не достигалъ своей цѣли. Но, не смотря на эти неблагоприятныя условія, книга г. Шереметевскаго все-таки возбудила живой интересъ; она вызвала серьезныя замѣчанія присутствовавшихъ въ засѣданіи педагоговъ. Въ настоящей замѣткѣ, послѣ краткаго изложенія специально предлагаемыхъ г. Шереметевскимъ случаевъ упрощенія правописанія для школы, мы нѣсколько подробнѣе остановимся на тѣхъ общихъ его положеніяхъ, которыхъ только отчасти касался докладчикъ.

Въ предисловіи г. Шереметевскій говоритъ, что эту дѣю его является, съ одной стороны, критической оцѣнкой руководства Грота, главнымъ образомъ оцѣнкой той основы, которой держится авторъ руководства и которую г. Шереметевскій называетъ *традиціонной* (Предисловіе III стр.); съ другой стороны, эту дѣю представляетъ собою проектъ измѣненій, касающихся на первыхъ порахъ, въ видѣ опыта, лишь нѣсколькихъ частныхъ случаевъ упрощенія правописанія (*ibid.* IV стр.). «Если позволить намъ зрѣніе,—говоритъ далѣе нашъ маститый педагогъ,—мы намѣрены въ особомъ выпускѣ, посвященномъ вопросу о наглядномъ способѣ элементарнаго обученія правописанію, представить: 1) критическій обзоръ имѣющихся въ русской учебной литературѣ руководствъ и пособій съ этимъ направленіемъ, 2) краткое методическое изложеніе того нагляднаго способа, который мы считаемъ наиболѣе удобнымъ» (V стр.). Но, главнымъ образомъ, г. Шереметевскій имѣетъ въ виду *малыхъ силъ*, по евангельскому выраженію, т.-е. учениковъ нашихъ школъ. «Напомнимъ о томъ,—говоритъ онъ,—что такъ часто забывается: напомнимъ о томъ, что *орфографія существуетъ для малыхъ силъ, а не малыя сіи для орфографіи* и что если это положеніе справедливо, то рано или поздно, такъ или иначе, орфографія будетъ упрощена въ

интересахъ школы, а слѣдовательно и цивилизаціи» (VI стр.). Всѣ эти мысли, такъ прямо и ясно выраженные г. Шереметевскимъ какъ въ этой, такъ и въ другихъ его работахъ, заслуживаютъ вниманія и интересны не только для учителей русскаго языка, но и для всѣхъ образованныхъ людей. Въ виду цѣлей, имъ намѣченныхъ, онъ пока предлагаетъ въ слѣдующихъ случаяхъ допустить упрощеніе русскаго правописанія въ нашей школѣ, преимущественно средней: 1) во всѣхъ случаяхъ ввести огульное письмо о ударяемаго послѣ шипящихъ и свистящаго *и* во всѣхъ составныхъ частяхъ слова безъ различія—въ корняхъ, суффиксахъ и окончаніяхъ, напр.: *прошолъ, прочолъ, прожогъ, ещо*. По замѣчанію автора, здѣсь головы школьниковъ освобождаются отъ 8 мелкихъ правилъ (28—29 стр.); 2) также ввести огульное письмо всѣхъ предлоговъ - приставокъ по ихъ этимологическому составу, а слѣдовательно, писать: *возкресенье, превосходительство*; 3) въ обоихъ случаяхъ писать *миръ—и*: мирская сходка, сотвореніе мира; 4) принять одно огульное окончаніе для всѣхъ прилагательныхъ мужскаго, женскаго и средняго рода въ именительномъ падежѣ множественнаго числа: *ья*—добрыя мальчики, глупыя теляти (40 стр.); 5) писать въ предложн. пад. *тъ* наравнѣ съ существительными, имѣющими въ именительномъ единственнаго мягкое: *й*,—напр., пишутъ: о Димитріи, можно писать: о Димитріѣ; 6) существительныя собственныя, оканчивающіяся на *ѣй*,—напр., Алексѣй, Сергѣй, писать чрезъ *е*: Алексей, Сергей; 7) относительно сложнаго и раздѣльнаго написанія словъ, напр., *во-сво-яси, тотъ-же, та-же, то-же*; можно писать: *восво-яси, тотже, таже, тоже* (81 стр.). Этими 7-ю случаями собственно и исчерпывается пока проектъ измѣненій въ правописаніи, предлагаемыхъ г. Шереметевскимъ. По численію, произведенному имъ на основаніи разбора и справокъ въ нашихъ грамматикахъ, принятіемъ этихъ упрощеній выбрасывается 71 правило. «Если только въ 7 случаяхъ,—говоритъ авторъ,—насчитывается 71 правило, то какова-же должна быть общая сумма всѣхъ правилъ въ академическомъ руководствѣ?» (стр. 71). Все это такъ, но не легко также сразу ввести тѣ правила и положенія, которыя вдѣсь предлагаются, что справедливо было и указано въ засѣданіи. Хотя г. Шереметевскій постоянно и сильно возстаетъ противъ обычая и давности, на которой нерѣдко обосновываютъ многое въ правописаніи, но все это измѣнить оказывается на дѣлѣ не такъ легко. Едва-ли скоро можно, напр., перемѣнить написаніе словъ по предлагаемой орѳографіи: *возкресенье, о Василѣ, умныя мальчики* и др.? Въ своей книгѣ авторъ держится проектируемаго имъ правописанія; для взростаго, и даже привыкшаго, такая перемѣна не особенно легка; что-же

сказать о дѣтяхъ и ученикахъ, для которыхъ онъ собственно и хлопочетъ? Нужно видѣть то смущеніе и растерянность дѣтей, когда они встрѣчаются съ двойкимъ написаніемъ; какъ они недоумѣваютъ, когда встрѣчаютъ въ своихъ книгахъ другое написание словъ, чѣмъ въ классѣ, — такихъ случаевъ масса.

Оставляя въ сторонѣ частные случаи, составляющіе особый, спеціальный, предметъ филологическихъ изслѣдованій и тонкостей, укажемъ на тѣ общія положенія, которыя имѣетъ въ виду авторъ и которыя были обойдены докладчикомъ. Для выясненія принциповъ автора, нужно еще отмѣтить то немаловажное обстоятельство, что г. Шереметевскій въ своемъ проектѣ измѣненій, вооружаясь противъ обычая и давности въ правописаніи, кромѣ фонетическаго, главнымъ основаніемъ для русской орфографіи, — признаетъ начало этимологическое. Но, къ сожалѣнію, авторъ нигдѣ не выяснилъ точно и опредѣленно, съ научной стороны, какъ нужно понимать этотъ принципъ «этимологическій»; оказывается, что пониманіе его, среди даже спеціалистовъ, далеко неодинаковое, что тоже указали докладчику оппоненты. Если не ошибаемся, г. Мандельштамъ совершенно основательно доказывалъ, что невозможно, или трудно вводить отдѣльно частныя перемѣны въ правописаніи, или вообще едва-ли возможно достигнуть какихъ-либо результатовъ въ этомъ отношеніи, если не будетъ сначала выработана для школы научная сторона предмета; нужно выработать опредѣленную, научную систему грамматики, тогда возможны и частныя измѣненія, вытекающія изъ научныхъ положеній и принциповъ. Теперь позволимъ себѣ выписать общіе выводы, формулированные г. Шереметевскимъ: 1) «Какъ ни крѣпка орфографическая давность, т.-е. личная привычка стараго поколѣнія, для котораго лучшее новое будетъ хуже привычнаго стараго, упрощенія въ орфографіи и необходимы, и возможны прежде всего въ интересахъ школы. 2) Эти упрощенія ради школы возможны лишь при условіи, если начало имъ будетъ положено въ школѣ-же, когда еще нѣтъ никакихъ окончательно сложившихся привычекъ. Неудачи всѣхъ прежнихъ попытокъ упрощенія объясняются тѣмъ, что начинали съ конца, а не съ начала, т.-е. школы. Опытъ недавняго введенія единообразія, въ силу циркулярнаго предписанія держаться неуклонно академическаго руководства, вѣдь тоже сдѣланъ въ школѣ. 3) Стремленіе къ единообразію, обязательность котораго для школы, въ виду необходимости упрощеній въ самой орфографіи, пока еще преждевременна, не исключаетъ возможности двоеобразія ради именно упрощеній, ведущихъ въ концѣ концовъ къ истинному единообразію; ибо что просто,

то и прочно, то и однообразно; разнообразіе-же происходитъ отъ шаткости основаній, между которыми самымъ легкимъ оказывается безсрочная давность» (85 стр.).

Что касается этихъ положеній, высказанныхъ г. Шереметевскимъ, то нужно замѣтить только то, что едва-ли что можно здѣсь возразить. Дѣйствительно, упрощенія для школы желательны, необходимы и возможны, хотя и не такъ все это сбудется скоро, какъ кажется. Конечно, легче и прочнѣе чрезъ школу вводить все новое, живое, главное, *опредѣленно выработанное*, слѣдовательно, и доступное для учениковъ. Но школу нельзя оторвать отъ жизни. Здѣсь необходимы еще другіе факторы, безъ содѣйствія которыхъ оказывается школа безсильной: въ установкѣ правилъ научнаго правописанія нужно содѣйствіе членовъ академіи наукъ, какъ высшей ученой инстанціи и высшаго авторитета, содѣйствіе печати, содѣйствіе всего образованнаго общества при обученіи дѣтей и др. Въ концѣ своей книги г. Шереметевскій еще высказываетъ такое положеніе практическаго характера. «Если теоретическая разработка вопроса о главномъ устоѣ орфографической системы должна быть дѣломъ высшей ученой инстанціи, то оцѣнка съ практической стороны какъ крупныхъ правилъ, такъ и массы мелочей, содержащихся въ академическомъ руководствѣ, должна быть дѣломъ, и притомъ коллективнымъ, цѣлой комиссіи изъ преподавателей русскаго языка. Если члены этой комиссіи, говоритъ авторъ проекта, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, проникнутся твердымъ и искреннимъ желаніемъ *sine ira et studio* заняться рѣшеніемъ своей задачи, то въ концѣ концовъ трудъ ихъ долженъ увѣичаться успѣхомъ» (91 стр.). Къ сожалѣнію, у насъ существуетъ только одна такая комиссія въ Петербургѣ, или отдѣлъ русскаго языка и словесности, при Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, гдѣ собираются учителя по этому предмету для живаго и взаимнаго обмѣна своихъ мыслей и наблюденій. Провинціальнымъ преподавателямъ остается довольствоваться книгой и печатными отчетами, что не одно и то-же для общаго дѣла упрощенія и единообразія въ орфографіи. Во всякомъ случаѣ, мысль эта заслуживаетъ серьезнаго вниманія и возможнаго осуществленія на дѣлѣ.

Кромѣ общихъ положеній и принциповъ, высказанныхъ г. Шереметевскимъ по данному вопросу, въ разсматриваемомъ трудѣ его находимъ еще нѣсколько интересныхъ практическихъ замѣчаній, которыя мы и позволимъ себѣ еще отмѣтить. Такъ, здѣсь читатель найдеть обстоятельный разборъ тѣхъ положеній и правилъ, которыя рекомендуются академическимъ руководствомъ. Разборъ этотъ касается

не только частныхъ случаевъ, которые имѣеть въ виду г. Шереметевскій, но и главныхъ устоевъ правописанія: давности, обычая и др., чего держится академикъ Гротъ. Но еще больше тонкости, доходящей до юмора, обнаруживается въ авторѣ, когда онъ характеризуетъ наши учебники по грамматикѣ, разныя пособія и руководства для диктовокъ, которыхъ теперь появилось многое множество (44—45 стр.). Дѣйствительно, разобраться преподавателю въ массѣ правилъ и исключеній, встрѣчающихся даже въ лучшихъ и одобренныхъ учебникахъ, стоитъ не малаго труда. Не мало нужно положить преподавателю труда на то, чтобы мальчикъ II-го, напр., или III-го класса, привыкъ толково обращаться съ учебникомъ, могъ его понимать, и т. п. Если въ этой орфографической казуистикѣ, до которой дошли у насъ услужливые составители учебниковъ, такъ трудно разобраться, то не ясно-ли дѣло, что все это требуетъ упрощенія, словомъ, осмысленной и толковой переработки? Вотъ что еще далѣе, по этому поводу, говоритъ г. Шереметевскій: «Въ настоящее время много говорятъ и пишутъ о переутомленіи учащихся, но, предлагая для устраненія этого печальнаго явленія такія мѣры, какъ сокращеніе числа учебныхъ часовъ и продолженіе лѣтней вакаціи, забываютъ о болѣе существенномъ, объ освобожденіи школьной жизни отъ излишняго для большинства головъ балласта, который при строгомъ и безпристрастномъ пересмотрѣ найдется въ любомъ изъ учебныхъ предметовъ; сокращеніе-же учебнаго матеріала само приведетъ и къ сокращенію учебнаго времени» (69 стр.). Хотя здѣсь говорится не объ одномъ только предметѣ, преподаваемомъ въ школѣ, но все-таки замѣчаніе это также заслуживаетъ серьезнаго вниманія для школы вообще.

Затѣмъ, относительно двоякаго написанія словъ, допускаемаго г. Шереметевскимъ, нужно также сказать, что замѣчанія его имѣютъ за собою нѣкоторое практическое основаніе. Примѣры этой попытки автора къ упрощенію орфографіи мы уже приводили выше, при указаніи случаевъ упрощенія. Въ печати часто встрѣчаемъ двоякое написаніе словъ, напр., то отдѣльное написаніе нарѣчій съ предлогами, то слитное и т. п. Между тѣмъ подобныя мелочи въ школѣ не такъ маловажны. Конечно, здѣсь опять все дѣло зависитъ отъ умѣлости и такта учителя. Если, напр., преподаватель путемъ толковаго обученія дѣтей приучитъ ихъ къ различенію грубыхъ ошибокъ отъ мелкихъ, то это значительно облегчитъ и учениковъ, и веденіе дѣла. Въ этомъ смыслѣ попытка г. Шереметевского даетъ возможность придти къ тому, чтобы осмысленнѣе относиться къ такимъ явленіямъ. При всемъ этомъ, авторъ свои дѣльныя замѣчанія въ пользу живого дѣла и слова со-

проводяет интересными примѣрами изъ своей долговременной практики, какъ преподавателя русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ и учреждений. Приемъ этотъ говоритъ самъ за себя. Но при всѣхъ достоинствахъ и несомнѣнномъ значеніи какъ этого, такъ и другихъ трудовъ г. Шереметевскаго по данному вопросу, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя вызываютъ замѣчанія. Такъ, напр., вооружаясь противъ академическаго руководства, внесшаго неурядицу и путаницу въ правописаніе, вооружаясь также противъ давности, авторъ едва-ли справедливо полагаетъ, что его орфографію принять легко, хотя она и касается только 7 частныхъ случаевъ? Почему его попытки къ упрощенію будутъ непремѣнно прочны? (44—76 стр.). Можно признать далеко неполнымъ все то, что онъ говоритъ о привычкѣ глаза (72—73 стр.). То-же самое можно сказать и о взглядахъ г. Шереметевскаго на диктовку. Такъ, между прочимъ, онъ говоритъ, что «существованіе въ элементарныхъ учебникахъ еще отрицательныхъ, такъ сказать, сверхштатныхъ правилъ, прямо объясняется несостоятельностью метода, то же только благодаря своей давности до сихъ поръ пользующагося уваженіемъ, по крайней мѣрѣ, въ средней школѣ, метода, по которому главнымъ, а часто и исключительнымъ упражненіемъ, ведущимъ прямо къ безошибочному письму, является упражненіе въ дѣланіи ошибокъ, т.-е. письма подъ диктовку» (72—73 стр.). Едва-ли можно согласиться съ тѣмъ, что ошибки въ диктовкахъ вызвали массу, излишекъ правилъ и исключеній. Скорѣе нужно полагать, что развивающаяся и быстро растущая потребность въ грамотности и образованіи вообще порождаетъ массу учебниковъ: гдѣ спросъ, тамъ и предложеніе. Что-же касается поспѣшности въ составленіи учебниковъ и другихъ ихъ недостатковъ, то это другое дѣло. Затѣмъ, нельзя отрицать то педагогическое, основанное на психологическихъ данныхъ, положеніе, что чѣмъ больше органовъ участвуетъ въ воспріятіи извѣстнаго представленія или знанія, тѣмъ оно бываетъ полнѣе, всестороннѣе и прочнѣе. Мы здѣсь напоминаемъ о взаимномъ участіи органовъ чувствъ. Въ процессѣ диктовокъ, какъ извѣстно, принимаютъ участіе не только виѣшніе органы: слухъ, зрѣніе, руки, но и психическія силы: память, вниманіе и соображеніе. Конечно, въ рукахъ неумѣлаго учителя, повторяемъ опять, можетъ быть испорчено всякое разумное дѣло и искаженъ всякій учебный приемъ. Въ виду этого, нельзя отрицать диктовокъ, какъ извѣстнаго дидактическаго приема въ обученіи правописанію, особенно въ младшихъ классахъ. Что въ нашихъ школахъ существуетъ односторонній и узкій взглядъ

на диктовки, что отъ этого происходятъ разныя, подчасъ тяжелыя недоразумѣнія,—это тоже вѣрно.

Однимъ изъ оппонентовъ въ вышеупомянутомъ засѣданіи было еще указано, что г. Шереметевскій въ своихъ попыткахъ къ упрощенію орфографіи для школъ слишкомъ преувеличиваетъ безграмотность учениковъ вообще. Грамотность въ нашихъ школахъ, справедливо говорили оппоненты, все-таки, сравнительно съ прошлымъ, поднялась. Дѣйствительно, теперь отъ учениковъ и требуютъ гораздо больше, и пишутъ они гораздо лучше. Конечно, этотъ относительный прогрессъ еще не говоритъ о томъ, что безцѣльно возбуждать вопросъ о лучшей постановкѣ и устойчивости правописанія въ школахъ. Наоборотъ, возрастающая потребность въ грамотности, какъ уже отчасти нами сказано выше, еще болѣе побуждаетъ къ усиленной дружной работѣ педагоговъ въ дѣлѣ облегченія учениковъ, въ цѣляхъ достиженія грамотнаго и толковаго письма.

Въ томъ-же засѣданіи докладчикъ говорилъ еще о необходимости упрощенія грамоты вообще для народа. Это справедливо. Но тутъ предполагаются измѣненія, упрощенія и т. п. въ самомъ обученіи начальной грамотѣ, а также и самой грамоты, о чемъ тоже говорятъ и пишутъ. Какъ извѣстно, ученики нашихъ среднихъ школъ на приемныхъ экзаменахъ уже обнаруживаютъ знакомство съ тѣми тонкостями грамматическихъ правилъ, о которыхъ говоритъ г. Шереметевскій. Благодаря сильной конкуренціи, а отсюда—болѣе усиленнымъ требованіямъ при поступленіи, особенно на казенныя вакансіи, теперь расплодился контингентъ дешевыхъ приготовителей къ экзаменамъ, которые не только заставляютъ выучивать мальчика то, что полагается знать для поступленія въ извѣстный классъ, но обыкновенно готовятъ цѣлымъ курсомъ выше. Поступаетъ, положимъ, мальчикъ во II классъ, но его готовятъ по программѣ III-го класса; это дѣлаютъ для того, чтобы больше зналъ, смѣлѣе былъ на экзаменѣ и пр. Кромѣ общаго вреда, здѣсь въ отношеніи грамотности происходитъ та аномалія, что недурно писавшій на приемномъ экзаменѣ мальчикъ, пишетъ потомъ хуже. Ему внушали, что нужно только поступить въ заведеніе, а потомъ уже не наше дѣло. Въ заведеніи опять принимаются мѣры къ поднятію упавшей было грамотности мальчика, у котораго всѣ силы уже понадорваны еще во время приготовленія. Съ такими фактами то-же приходится считаться, и даже нерѣдко.

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ, мы позволимъ себѣ еще разъ сказать, что по интересному и живому предмету, по остроумному изложенію, тонкому анализу и оригинальному изложенію, книга г. Ше-

реметевского будетъ съ пользою прочитана всякимъ образованнымъ человекомъ, кому дороги интересы школы. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми мыслями автора, но съ принципиальной точки зрѣнія попытки его—къ упрощенію орфографіи въ нашей школѣ—заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Нужно надѣяться, что какъ педагоги, такъ и наше общество отнесутся съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ къ живымъ и дѣльнымъ мыслямъ опытнаго педагога и дружно примутся за ту работу, за которую такъ ратуетъ г. Шереметевскій въ интересахъ *малыхъ сихъ*.

М. Прокопьевъ.

А. Матвѣева. 1) Русская грамматика въ диктовкахъ. Курсъ приготовительный. Изданіе третье, исправленное. Спб. 1891 г. Ц. 25 к.

2) Задачникъ для занятій русскимъ правописаніемъ въ школѣ и дома. Спб. 1891 г. Ц. 15 к.

3) Сборникъ матеріаловъ для занятій. Книжка для преподавателей. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

4) Русская грамматика въ диктовкахъ. Годъ второй. Спб. 1891 г. Ц. 55 к.

Между русскими и западно-европейскими педагогами имѣются даже рѣшительные противники такъ-называемой диктовки. «Диктовка,—говоритъ г. Соломоновскій,—требуетъ отъ дѣтей того, что превышаетъ силы человека. Требовать примѣненія правилъ орфографіи отъ дѣтей, неумѣющихъ письменно излагать своихъ мыслей, — то-же самое, что требовать знанія грамматики отъ неумѣющихъ говорить». По мнѣнію г. Шереметевского, «орфографія есть искусство графическое, зрительное, а потому письмо со слуха, подъ диктовку, средство вообще не цѣлесообразное». Однако и не отрекаясь вовсе отъ диктовки, столь привившейся въ школьномъ быту и столь удобной во многихъ отношеніяхъ, можно думать, что развивающее значеніе диктовки, даже и наилучшимъ образомъ поставленной, достаточно скромно, ибо вліяніе ея на образованіе навыка къ правильному письму большею частію оказывается непродолжительнымъ. Приготовительный курсъ «Русской Грамматики» г-жи Матвѣевой обращаетъ на себя вниманіе именно отношеніемъ автора къ диктовкамъ, ибо самый приемъ обученія элементарной грамматикѣ путемъ письменныхъ упражненій—теперь уже далеко не новъ. Въ предисловіи сказано, что на учителя русскаго языка въ младшихъ классахъ «падаетъ далеко не легкая задача самому собирать или составлять тѣ диктовки и упражненія, которыя могли-бы служить для методическаго закрѣпленія въ памяти учени-

ковъ первоначальныхъ правилъ правописанія. Во всѣхъ существующихъ у насъ систематическихъ диктантахъ или вовсе нѣтъ подобныхъ упражненій, или-же имъ отведено такое ничтожное мѣсто, которое вовсе не соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному значенію».

Г-жа Матвѣева, видимо, усердно потрудила, собирая подходящій матеріалъ для диктовокъ, и нашла спрость своей работѣ, такъ какъ составленный ею приготовительный курсъ вышелъ уже 3-мъ изд. Отдѣлъ собственно правилъ почти ничѣмъ не отличается отъ подобнаго-же рода отдѣловъ въ другихъ руководствахъ; только «недѣля первая» у г-жи М. представляетъ собою нѣкоторую особенность. Тутъ объясняется, что такое «даръ слова», что называется «словомъ», и, наконецъ, дѣлается такой выводъ: «собраніе всѣхъ словъ, которыя какой-нибудь народъ употребляетъ, и то, какъ онъ ихъ соединяетъ и измѣняетъ для выраженія своихъ *знаній*, мыслей и чувствъ, называется языкомъ этого народа». Умѣстно-ли подымать такіе вопросы въ первую-же недѣлю, и не слишкомъ-ли своеобразно это выдѣленіе «знаній»? Напримѣръ, — сказано у г-жи Матвѣевой — «(я знаю) папа придетъ въ 5 ч., а теперь скоро 5, (я думаю) значитъ, онъ придетъ скоро». «Параллельно приготовительному курсу» составила г-жа Матвѣева и «Задачникъ для занятій русскимъ правописаніемъ въ школахъ и дома». Въ отдѣльной «Книжкѣ для преподавателей» заявлено самимъ авторомъ, что «у насъ стали постепенно являться различные задачки и книжки для упражненій. Въ настоящее время ихъ даже довольно много и они несомнѣнно приносятъ не мало обличенія для учащихся и пользы для учащихся». Г-жа Матвѣева находитъ далѣе, что «въ виду того, что для обѣихъ сторонъ удобнѣе и полезнѣе, чтобы послѣдовательность задачъ и ихъ содержаніе строго подчинялись послѣдовательности проходимаго въ классѣ курса, и оказалось необходимымъ, такъ сказать, дополнить курсъ «Русской грамматики въ диктовкахъ» соотвѣтствующимъ пособіемъ для самостоятельныхъ занятій дѣтей». По нашему мнѣнію, учителя могутъ справиться съ «послѣдовательностью» своихъ занятій и безъ помощи г-жи Матвѣевой, тѣмъ болѣе, что задачникъ ея ни мало не выдается среди другихъ подобныхъ сборниковъ ни новизнами своими, ни особливою содержательностью или педагогическою пригодностью.

Въ «матеріалахъ» г-жи Матвѣевой преобладаетъ все тотъ-же «Л. Толстой», какъ будто-бы только онъ одинъ во всей русской литературѣ въ состояніи дать цѣлесообразный матеріалъ для занятій съ дѣтьми.

Вторая часть грамматики г-жи Матвѣевой начинается необычно пространнымъ предисловіемъ, гдѣ авторъ высокимъ, но, мѣстами, не

лишенномъ шероховатостей слогомъ, высказываетъ не мало симпатичныхъ, хотя и не оригинальныхъ взглядовъ о необходимости и возможности оживленія грамматическихъ занятій. Но благія намѣренія автора не всегда подкрѣплены основательностью сужденій. Г-жа Матвѣева хочетъ «заставить дѣтей, такъ сказать, присутствовать и даже какъ-бы участвовать въ нарожденіи и развитіи языка, причеиъ какой-нибудь предлогъ или сразу разъясняющая смыслъ неяснаго предложенія запятая можетъ сыграть роль такого-же пріятнаго и полезнаго открытія, какъ робинзоновскій зонтикъ» и т. д. Освѣжать при всякомъ удобномъ случаѣ грамматическія объясненія нѣкоторыми данными изъ области исторіи языка—и можно, и должно, но все-таки знакомство съ настоящей исторіей языка—исторіей словъ-понятій—недоступно незрѣлымъ школьникамъ и можетъ только спутать ихъ. На второмъ-же урокъ «третьей недѣли» своей грамматики г-жа Матвѣева, толкуя о подлежащемъ, сказуемомъ и словахъ объяснительныхъ и сочиняя діалогъ между первобытными людьми (діалогъ—прямо комическаго характера), приходитъ къ выводу: «Люди стали скоро сознавать, какъ многое въ ихъ жизни зависитъ отъ ясности, точности и быстроты ихъ рѣчи и уже, не дожидаясь вопросовъ (у г-жи Матвѣевой одинъ изъ собесѣдниковъ спѣшитъ на помощь къ отцу только по полученіи *ответа*, какая именно лошадь «*совсѣмъ разбила*» родителя!), стали добавлять, *пояснять* свои первоначальныя краткія предложенія словами, которыя отвѣчаютъ на различные вопросы». И такъ, ученикъ долженъ отсюда сдѣлать выводъ, будто понятія и соотвѣтственныя обозначенія ихъ рѣчью развивались у людей чисто сознательнымъ путемъ подбора сначала главныхъ, а потомъ второстепенныхъ частей предложенія?.. На стр. 50-й читаемъ: «Говоря о предметѣ (,) человекъ замѣтилъ, что недостаточно еще назвать его и выразить его признаки и дѣйствія, а часто необходимо указать и то положеніе, которое онъ занимаетъ относительно другихъ предметовъ, безъ чего вся рѣчь оставалась-бы непонятною...» Въ концѣ-концовъ, и тутъ выходитъ какъ-то такъ, что будто первобытный человекъ собиралъ цѣлыя грамматическіе конгрессы для установленія служебныхъ частей рѣчи...

Всѣ подобныя промахи составляютъ наиболѣе слабую сторону «второго года» «Русской грамматики въ диктовкахъ» г-жи Матвѣевой. Но и вообще вторая часть грамматики автора, въ данной обработкѣ, не представляетъ особливо благодарнаго матеріала для учителя. А. Н.

1.001 задача для умственного счета. Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Составилъ С. Рачинскій. Москва. 1892. Цѣна 30 к.

Прежде чѣмъ познакомить читателей «Русской Школы» съ названнымъ сборникомъ задачъ для *умственного счета*, считаемъ не-безполезнымъ привести нѣсколько выдержекъ изъ предисловія къ книгѣ, въ которомъ выяснены причины, цѣль появленія ея, отчасти даже характеръ ея.

«Сборникъ задачъ, предлагаемый мною товарищамъ по учительству, составилъ самъ собою», говоритъ составитель, извѣстный почтенный дѣятель по народному образованію, авторъ статей, изданныхъ г. Горбовымъ подъ заглавіемъ: «Сельская школа». «Въ теченіи пятнадцати зимъ я каждый вечеръ *) упражнялъ учениковъ двухъ старшихъ группъ моей школы (въ ней ихъ четыре) въ умственномъ счетѣ. При этомъ я почти не пользовался печатными задачками, но постоянно *импровизировалъ* задачи возрастающей сложности, сообразныя съ силами учениковъ и съ характеромъ тѣхъ задачъ, которыя утромъ рѣшались письменно, или которыя предстояло рѣшать на доскахъ въ слѣдующіе дни». Эта импровизація, по словамъ автора, вѣроятно, и была причиною того оживленія на урокахъ, которое поражало всѣхъ посѣтителей его школы. Когда г. Рачинскій сталъ замѣчать, что сосѣдніе учителя «съ жадностью» записываютъ придуманныя имъ задачи, то ему пришло на мысль записать эти задачи въ болѣе значительномъ количествѣ, тѣмъ болѣе, что, вслѣдствіе пошатнувагося здоровья, постоянная импровизація задачъ для двухъ группъ заразъ становилась ему въ послѣднее время непосильною и приходилось запасаться къ урокамъ умственного счета напередъ придуманными и записанными задачами. Вотъ тѣ причины, которыя побудили г. Рачинскаго издать сборникъ задачъ, хотя онъ все-же продолжаетъ думать, что записанныя задачи не могутъ замѣнить *постоянной импровизаціи* ихъ учителемъ, и что изданный имъ сборникъ можетъ пригодиться учителю лишь въ дни утомленія и нездоровья. Чтобы не возвращаться къ мнѣнію составителя о необходимости и пользѣ *импровизаціи* задачъ, скажемъ здѣсь-же, что съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Мы ду-

*) «Во всѣхъ нашихъ школахъ,—говоритъ г. Горбовъ (Сельск. шк. 2-е изд. стр. VII),—ученики проводятъ съ нами цѣлый день вплоть до вечерней молитвы, которая такимъ образомъ дѣлается общеою». «Уроки кончаются въ 4 часа дня; затѣмъ настаетъ длинный вечеръ. Надо наполнить его чѣмъ-нибудь. Надо, слѣдовательно, устроить какія-нибудь занятія, болѣе правильныя. Мы выбираемъ умственный счетъ, грамматичный разборъ и т. д.». Объ этихъ-то вечернихъ занятіяхъ и говоритъ г. Рачинскій въ своемъ предисловіи.

маемъ, что учитель долженъ, *идя на урокъ*, еще до занятій съ дѣтьми, выбрать изъ готовыхъ задачниковъ или, если нужно, составить самъ задачи, имѣя напередъ въ виду определенную цѣль; въ противномъ случаѣ учитель рискуетъ задавать упражненія безъ всякой системы,—чрезвычайно однообразныя,—могутъ быть опущены чрезвычайно полезныя и даже необходимыя упражненія. Даже самъ авторъ, *написавшій* свой задачникъ *посль 15-тилтней практики*, какъ будетъ указано нами далѣе, не избѣгъ указанныхъ недостатковъ.—Къ сказанному выше авторъ самъ, несмотря на требованіе импровизаціи, прибавляетъ, что огромное большинство учителей затрудняется изобрѣтеніемъ сколько-нибудь сложныхъ ариометическихъ задачъ, что происходитъ преимущественно отъ недостаточнаго *знакомства съ числами*» (курсивъ автора). «Что касается собственно изобрѣтенія задачъ, то для него даетъ неисчерпаемый матеріалъ уже одно знакомство съ числами первой тысячи. Само собою разумѣется, что знакомство это должно быть *твердое и полное*, въ особенности относительно знаменательныхъ чиселъ нашихъ системъ мѣръ и вѣсовъ. Для учителя, напр., безразлично, что число 40 не только $= 2^3 \cdot 5$, но также $= 3^0 + 3^1 + 3^2 + 3^3$, что 365 не только $= 5 \cdot 73$, т.-е. $= 5 \cdot (8^0 + 8^1 + 8^2)$, но также $= 10^2 + 11^2 + 12^2 = 13^2 + 14^2 = \frac{17^2 + 13^2}{2}$ и т. д.»

Къ этому, весьма существенному положенію, вернемся далѣе; точно также намъ еще придется касаться и другихъ положеній, высказываемыхъ г. Рачинскимъ въ предисловіи къ своему задачнику.

Переходимъ теперь къ самому задачнику, который мы разсмотримъ съ *тремя* точекъ зрѣнія: 1) со стороны системы сборника, 2) со стороны выбора самихъ задачъ, и 3) на сколько онъ можетъ содѣйствовать развитію въ ученикахъ умѣнья производить «*умственные*» вычисленія.

1) Что касается *системы* расположенія задачъ, то самъ авторъ не даетъ никакого ключа къ уразумѣнію ея: нѣтъ никакого раздѣленія на отдѣлы, всѣ 1.001 задача помѣщены одна за другой безъ всякихъ рубрикъ; только задачи на измѣреніе «прямоугольныхъ» поверхностей и объемовъ отнесены составителемъ къ концу книги. Въ предисловіи авторъ, правда, говоритъ: «Относительно расположенія задачъ я долго колебался—и наконецъ рѣшился держаться въ общихъ чертахъ того порядка, въ коемъ онѣ задавались истекшею зимою. Порядокъ этотъ въ значительной мѣрѣ обусловливался свойствомъ письменныхъ задачъ, рѣшенныхъ утромъ того дня, въ который задавались задачи умственные—письменные-же задачи отчасти почерпа-

лись изъ разныхъ печатныхъ задачникѣвъ, отчасти придумывались учителемъ. Потому порядокъ этотъ, конечно, не во всякой школѣ окажется пригоднымъ и можетъ имѣть только значеніе примѣра». Очевидно, и эти слова автора нисколько не могутъ уяснить системы сборника. Читатель-же, при всемъ тщательномъ и внимательномъ просмотрѣ задачника, не откроетъ въ немъ никакой системы: задачи не расположены ни по роду задачъ, ни по дѣйствіямъ, ни по степени трудности умственныхъ вычисленій; нельзя уловить и той системы письменныхъ задачъ, которая, по словамъ составителя, приводила его къ задаванію тѣхъ или другихъ умственныхъ задачъ.

Поэтому врядъ-ли такой совершенно случайный порядокъ, или даже, мѣстами, совершенный беспорядокъ, какой мы находимъ въ разбираемой книгѣ, можетъ «имѣть значеніе примѣра». Указываемая нами безсистемность въ расположеніи задачъ непременно затруднитъ пользование сборникомъ: учителю весьма не легко будетъ отыскать соответственныя задачи при прохожденіи того или другого отдѣла ариметики. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго. Сборникъ начинается съ задачи на *умноженіе*. Зад. 1) Я выкуриваю въ день 36 папиросъ; сколько выкурю я ихъ въ теченіи февраля? Рѣш. 36×28 . Затѣмъ слѣдуютъ задачи (№ 2—7) также на *умноженіе* въ связи съ сложеніемъ, всѣ совершенно одинаково формулированныя, напр. Зад. 4) Я купилъ 13 дес. земли по 39 руб. и 17 дес. по 29 руб. Сколько я заплатилъ? Рѣш. $39 \times 13 + 29 \times 17$. Сюда-же относятся зад. 8, 9, отчасти и 10-я. Затѣмъ дословно такія-же задачи встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ книги, напр. зад. 727. Я купилъ 43 дес. лѣса по 93 руб. и 23 дес. по 87 руб. Сколько я заплатилъ? Зад. 815. Тоже 19 дес. лѣса по 126 руб. и 37 дес. по 23 руб.

Задачъ въ родѣ № 19-й: «Я на 20 руб. купилъ 32 арш. плиса по 48 коп. и 16 арш. ситца; что стоитъ арш. ситцу?» мы насчитали въ *разныхъ мѣстахъ* сборника около 30, почти дословно повторенныхъ, напр. №№ 46, 47, 114, 133, 149, 186—8, 224, 728, 801 и т. п. Замѣтимъ, что нельзя думать, что эти 30 задачъ расположены по степени трудности умственныхъ вычисленій; такъ для зад. 19-й приходится $(2000 - 47 \times 32) : 16$; для зад. 46 $(1000 - 31 \times 16) : 7$; для зад. 187-й $(400 - 13 \times 16) : 4$, для зад. 224-й $(500 - 47 \times 7) : 9$; для зад. 801— $(3000 - 71 \times 31) : 15$. По поводу этихъ двухъ группъ задачъ можно сказать, что едва-ли онѣ подтверждаютъ слова автора, сказанныя въ предисловіи: «множество задачъ, однородныхъ съ приведенными, разумѣется, выкинуты»; неужели еще мало около 30-ти совершенно одинаковыхъ задачъ?

Задачи на дѣленіе составныхъ именованныхъ чиселъ также разбросаны по всей книгѣ; такъ напр. №№ 39, 307, 321... 548... 688, 762 и т. д. Задачъ на простѣйшія дроби вообще немного и въ разныхъ мѣстахъ. Задачъ, въ которыхъ дается понятіе о простыхъ процентахъ въ видѣ вопроса: сколько барыша на 1 руб. мы насчитали *всего* 4, да и тѣ разбросаны, а именно: №№ 268, 284, 287 и 431. Немного задачъ на сложное тройное правило и тоже въ разныхъ мѣстахъ, №№ 282, 283, 359, 608 и еще 4—5.

2) Обращаясь къ самимъ задачамъ, мы должны сказать, что *выборъ* ихъ нельзя назвать разнообразнымъ, несмотря на довольно значительное число; такъ, мы уже видѣли одну группу очень нехитрыхъ въ сущности задачъ, имѣющую около 30 представителей; много задачъ на простое умноженіе; черезчуръ много разбросано по всей книгѣ задачъ на пропорціональное дѣленіе, въ сущности представляющихъ только нѣсколько различающихся между собою; много задачъ на составныя именованныя числа—также мало разнообразныхъ.

Нѣкоторые-же отдѣлы задачъ имѣютъ весьма мало представителей; такъ, мы нашли всего *два* задачи на пробы (№№ 902, 903); очевидно, что на этихъ двухъ задачахъ нельзя научить вычислять пробы, да, пожалуй, лучше-бы вовсе и не затрогивать этого понятія о *пробахъ*. Станнымъ кажется намъ, что авторъ счелъ нужнымъ затронуть вопросъ о *пробѣ*, имѣющей такъ мало примѣненія въ быту учениковъ сельской школы, и ничего не говорить о *процентахъ*, хотя и приводить, какъ мы видѣли выше, 4 замаскированныхъ задачи; приводить еще авторъ 7 задачъ на *сложные проценты*; не приведя этого термина; очевидно, эти задачи совершенно излишнія.

Непонятно также, почему автору полюбились задачи въ родѣ № 91: «Я встрѣтилъ нѣсколько нищихъ и хотѣлъ дать имъ по 3 коп. Но у меня на это не хватило 2 коп. Если-бы я каждому далъ по 2 коп., то у меня осталось-бы 7 коп. Сколько было нищихъ, и сколько со мною было денегъ?» Сейчасъ-же вслѣдъ за этой задачей составитель даетъ еще 3 такихъ-же (92, 93, 94); затѣмъ снова возвращается къ нимъ въ №№ 97, 98, 115, 289 и т. п., всего въ разныхъ мѣстахъ около 25 задачъ. Задачи эти арифметически рѣшаются путемъ совершенно искусственнымъ; но разъ учитель далъ арифметическій способъ рѣшенія подобныхъ задачъ, онъ уже никакого образовательнаго значенія не имѣютъ. Правда, подобныя задачи можно найти и въ другихъ задачникахъ, напр., въ сборникѣ Евтушевскаго, но, во-1-хъ, выборъ ихъ ставился, и совершенно справедливо, въ вину Евтушев-

скому; во-2-хъ, ихъ тамъ весьма немного и притомъ преимущественно во 2-й части, предназначенной для среднихъ учебныхъ заведеній.

Еще менѣе понятна необходимость и польза для сельскихъ училищъ задачъ на *уравненія*, разбросанныхъ по всей книгѣ въ немаломъ количествѣ. Приведемъ 2—3 такихъ задачи: № 141 (одна изъ первыхъ задачъ этой группы). У разносчика спросили, сколько у него яблокъ? Онъ отвѣчалъ: если къ моимъ яблокамъ прибавить половину ихъ числа, да еще 10, будетъ 100. Сколько у него яблокъ? № 809: Старшій братъ сказалъ младшему: дай мнѣ 8 орѣховъ, тогда у меня будетъ орѣховъ вдвое больше, чѣмъ у тебя. А младшій сказалъ старшему: ты дай мнѣ 8 орѣховъ, тогда у насъ будетъ по ровну. Сколько орѣховъ у каждаго?—Къ этой-же категоріи могутъ быть отнесены задачи 872, 873 и 874, требующія для своего рѣшенія знаніе алгебраической формулы: $(x + a)(x - a) = x^2 - a^2$. Такъ, напр., № 874: Я купилъ имѣніе и платилъ за каждую десятину столько рублей, сколько въ немъ десятинъ. Братъ мой купилъ *двумя* десятинами больше, но платилъ за десятину 2 руб. меньше. Кто заплатилъ больше?—Естественно спросить, зачѣмъ могли понадобиться автору подобныя задачи въ сельской школѣ.

Есть задачи на *арифметическія прогрессіи* (болѣе 10-ти), напр., 509, 721, 895 (Лѣтомъ у меня цѣлыя сутки было открыто окно. Въ 1-й часъ влетѣлъ 1 комаръ, во 2-й—2, въ 6-й—3 и т. д. Сколько комаровъ влетѣло въ сутки). Неправда-ли, удивительный расчетъ у комаровъ?

Не думаемъ также, чтобы былъ удаченъ выборъ задачи 900: Поползли другъ другу на встрѣчу *изъ школы червякъ*, а изъ церкви *жукъ*. Пока червякъ проползетъ дюймъ, жукъ проползетъ вершокъ. Въ какомъ разстояніи отъ школы они встрѣтятся, если отъ школы до церкви 33 саж.—Въ зад. 328 тоже червякъ ползаетъ отъ школы до церкви, или зад. 34, 633: Нѣкто въ будній день *пропиваетъ* по 16 коп., а въ каждое *воскресенье* столько, сколько во всѣ будніе дни недѣли. Сколько въ годъ? или зад. 364: Два брата-близнеца дожили до 72 лѣтъ; одинъ всегда (!) спалъ по 8 часовъ въ сутки, другой по 6. Сколько лѣтъ проспалъ каждый? Хотя для рѣшенія этой задачи можно воспользоваться очень удобнымъ приемомъ: «одинъ проспалъ $\frac{1}{2}$ всей жизни, а другой $\frac{1}{4}$ »; но сама задача странная, очевидно, невозможная въ дѣйствительности.

Укажемъ еще на большое количество задачъ на отысканіе барыша и убытковъ, на обмѣнъ товаровъ, на повтореніе одиѣхъ и тѣхъ-же задачъ, напр. 271 и 512, 293 и 595, 660 и 731, причемъ вторыя задачи, пожалуй, легче первыхъ.

Что касается *редакции* задачъ, то онѣ почти всегда формулированы ясно, опредѣленно, и не допускаютъ сомнѣнія въ пониманіи ихъ. Укажемъ только на нѣкоторыя, правда, очень рѣдкія уклоненія: такъ, напр., составитель всегда считаетъ въ году 52 воскресенья (напр., въ приведенной выше зад. 638), а вѣдь можетъ быть и 53; встрѣчаются иногда лишнія данныя, напр., въ зад. 85-й нѣтъ надобности знать цѣну четверти пшеницы; въ зад. 703 напрасно упомянуто о Касьянѣ, такъ какъ вовсе не нужно знать, сколько было високосныхъ годовъ; въ зад. 734—лишне 4 стоп. бумагъ.

3) Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію того, на сколько разсматриваемый сборникъ удовлетворяетъ своему *главному* назначенію, т.-е. на сколько онъ въ состояніи содѣйствовать развитію въ учащихся умѣнья производить *умственные* вычисленія. Въ этомъ отношеніи книга г. Рачинскаго можетъ превосходно выполнить свою задачу, если только учителя сами будутъ ею пользоваться какъ слѣдуетъ, т.-е. если они будутъ показывать на тѣ возможные упрощенія въ вычисленіяхъ, которыя составитель, очевидно, имѣлъ въ виду. Нельзя не выразить сожалѣнія, что авторъ не указалъ хотя-бы на нѣсколькихъ примѣрахъ, какіе приемы болѣе удобны; можно было-бы сгруппировать эти приемы въ нѣкоторые отдѣльные типы; приведенное-же авторомъ въ предисловіи указаніе—о разложеніи чиселъ на множители—при всей важности его, одно недостаточно. Отсутствія подобныхъ указаній тѣмъ болѣе жаль, что самъ авторъ очень хорошо знаетъ о недостаточномъ знакомствѣ учителей съ умственнымъ счетомъ: «Къ сожалѣнію, знакомство съ этими приемами (умственного счета), этотъ навыкъ у нашихъ учителей встрѣчается рѣдко. Особенно слабы въ этомъ отношеніи тѣ, которые прошли черезъ учительскія семинаріи. Практическое знакомство съ цифрами (числами?) необходимо учителю для того, чтобы придать нѣкоторое оживленіе въкласснымъ (скорѣе: класснымъ) работамъ» (Сельск. пик. стр. 66). Только одинъ разъ встрѣчаемъ у г. Рачинскаго въ книгѣ «Сельская школа» приемъ рѣшенія одной умственной задачи, который и приводимъ буквально: «Вчера одинъ мальчуганъ на вопросъ, сколько 84×84 , отвѣтилъ *мгновенно* (курсивъ автора) 7056. Какъ ты считалъ? спросилъ я его. «Да это кв. сажень (т.-е. число въ ней квадратныхъ дюймовъ); я взялъ 50×144 и выкинулъ 144. Проще произвести это множеніе, чѣмъ превративши 84^2 въ $7^2 \times 12^2$ —невозможно». Этотъ примѣръ показываетъ на одинъ изъ весьма часто примѣнимыхъ въ задачникѣ. И здѣсь, въ подтвержденіе сказаннаго, приведемъ хоть нѣсколько изъ прекрасно подобранныхъ задачъ, удобныхъ для при-

ученія къ пріемамъ умственнаго вычисленія съ указаніемъ и самихъ пріемовъ.

Зад. 37. Изъ 3-хъ стопъ сдѣлано 36 равныхъ книгъ. Сколько листовъ въ каждой?

Рѣш. Всего листовъ $24.20.3 = 36.40$. Отв. 40.

Зад. 468. Я купилъ 17 арш. ситца по 15 коп. и 7 платковъ по 35 коп.; а сестра купила 7 арш. ситца по 15 коп. и 17 платк. по 35 коп. Кто заплатилъ больше и на сколько?

Рѣш. Сестра должна заплатить менѣе на 15.10 и болѣе на 35.10, всего болѣе на 20.10 коп., т.-е. на 2 руб.

Зад. 472. Для рѣшенія задачи нужно вычислить $(8.98 + 4.104) : 12$.

Рѣш. $4.196 + 4.104 = 8.300 = 12.100$. Отв. 100.

Зад. 503. Приходится вычислить число саж. $= 35 + 25.31 = = 7^2 . 25 + 31.25 = 80.25$ саж. $= 4$ верст.

Зад. 762. На лошадей у меня вышло 5 четв. 3 м. 1 г. овса; на каждую 1 мѣра 7 г. Сколько лошадей?

Рѣш. На каждую лошадь 15 г.; всего овса 345 г. $= 5.69 = 15.23$. Отв. 23.

Зад. 760. Нужно вычислить вѣсъ $32.32 + 26.16$ золотник.

Рѣш. $32.32 + 32.23 = 32.45 = 96.15$ зол. $= 15$ фунг.

Зад. 847. Заводчикъ продалъ 23 лош. по 87 руб. и 43 лош. по 93 руб. На вырученныя деньги купилъ 125 дес. земли. Почемъ десятина?

Рѣш. Всего. выручено $(23 + 43) . 90 + 3 . (43 - 23) = 20.66 + 3.20 = = 30 . (198 + 2) = 30.200$. Кажд. десят. 48 руб.

Зад. 742. $16^2 + 8 \times 18 + 16 \times 13 + 28.14 = 8(32 + 18 + 26 + 49) = = 8.125 = 10$ руб.

Ограничиваясь приведеніемъ только этихъ весьма немногихъ примѣровъ, еще разъ напомнимъ, что подобныхъ задачъ весьма много; думаемъ, что *ученики, успѣвшіе рѣшить хоть половину импюшихся въ сборникъ задачъ, приобретутъ достаточно навыка въ умственномъ счетѣ.*

Не можемъ, однако, не указать на нѣкоторыя излишества: такъ, сомнительно, чтобы могло представить какую-нибудь пользу и интересъ запоминаніе результатовъ, необходимыхъ для *умственнаго рѣшенія нѣкоторыхъ задачъ.* Для рѣшенія задачи 583 нужно 10001 раздѣлить на 73; можетъ-ли это быть удобно для умственныхъ вычисленій, или нужно знать, что $10001 = 73.137$? Требовать *знанія чисель* 1001, 703, 529, т.-е. $10001 = 13.77$, $703 = 19.37$, $523 = 23^2$, какъ это предполагаетъ авторъ неоднократно, это значить—требо-

вать еще большаго *изученія чиселъ*, чѣмъ это дѣлаютъ послѣдователи Грубе, Евтушевскій и другіе, на которыхъ авторъ въ своей книгѣ «Сельская школа» самъ нападаетъ: тѣ требуютъ только знанія первой сотни. Даже для учителя, по нашему мнѣнію, нѣтъ надобности въ «твердомъ и полномъ знакомствѣ съ числами первой тысячи», въ особенности такія, какихъ, какъ мы видѣли выше, требуетъ авторъ. Во-1-хъ, *полное* знакомство съ числами первой тысячи невозможно, во-2-хъ, какую пользу можетъ принести *знаніе*, что $365 = 5.73 = 5(8^0 + 8^1 + 8^2) = 10^2 + 11^2 + 12^2 = \frac{13^2 + 14^2}{2} = \frac{17^2 + 21^2}{2}$ и т. д.; нужно только обладаніе приемами устнаго вычисленія; при этомъ условіи зад. 701, требующая вычисленія $17^2 + 21^2$, рѣшится учениками безъ затрудненія, даже *знаніе* результата $365 = 5.73$ не имѣетъ большаго значенія: при необходимости дѣлится 365 на 5 или на 73, ученикъ будетъ поступать по обыкновенному приему *устнаго* дѣленія, не прибѣгая къ запоминанію наизусть.

На основаніи всего сказаннаго, нельзя не придти къ выводу, что, несмотря на нѣкоторые значительные недостатки, сборникъ задачъ всѣми глубоко уважаемаго дѣятеля по народному образованію г. Рачинскаго можетъ служить весьма цѣннымъ и полезнымъ пособіемъ при преподаваніи ариѳметики не только въ сельскихъ школахъ, но и въ приготовительныхъ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинаріяхъ. Весьма желательно было-бы, чтобы этотъ задачникъ получилъ большое распространеніе, чѣмъ несомнѣнно послужитъ къ развитію навыковъ въ умственномъ счетѣ.

3. Вулихъ.

Линбергъ. Стѣнная карта полушарій. Москва, книжный магазинъ Дейбнера. 1892.

Вопросъ о стѣнныхъ картахъ принадлежитъ къ числу многихъ вопросовъ методики школьной географіи, которые совсѣмъ не были затронуты въ русской педагогической литературѣ. По поводу появленія въ свѣтъ карты нашего извѣстнаго педагога-картографа мы рѣшаемся сдѣлать по этому вопросу нѣсколько замѣчаній и представить соображенія, касающіяся желательныхъ особенностей стѣнныхъ школьныхъ картъ. Что карта представляетъ выдающееся по своему значенію пособіе при преподаваніи географіи; мало того, что работа надъ ней должна составлять центръ тяжести обученія географіи въ школѣ, — все это, мы полагаемъ, не можетъ возбуждать сомнѣнія въ средѣ

педагоговъ-практиковъ. Всякая общеобразовательная школа должна имѣть наборъ хорошихъ стѣнныхъ картъ и заботиться о подновленіи ихъ. Эти карты должны отвѣчать только потребностямъ школы и всякія спеціальныя карты, какъ-то: конторскія, желѣзнодорожныя и другія для школы не годятся, такъ какъ заключаютъ спеціальныя свѣдѣнія, почти всегда затемняющія то, что нужно видѣть ученикамъ.

На различныхъ ступеняхъ обученія отношеніе учениковъ къ картѣ не можетъ быть одинаково. Различіе это опредѣляется: 1) содержаниемъ и задачею самаго курса и 2) степенью развитія навыка въ наблюденіи и чтеніи карты. Ученики, начавшіе учиться географіи, должны быть постепенно вводимы въ пониманіе карты, которая для нихъ представляетъ нѣчто новое. Каждый штрихъ, каждый знакъ на такой картѣ долженъ оставлять у ученика ясное впечатлѣніе, и вотъ почему карты, предназначенныя для такъ-называемой низшей ступени географическаго обученія, должны отличаться необыкновенною ясностью и въ то-же время содержать всѣ картографическіе элементы, съ которыми придется имѣть дѣло ученику въ теченіе курса.

Идея о школьныхъ картографическихъ ступеняхъ давно уже получила право гражданства въ Германіи и намъ приходилось обсуждать ее въ примѣненіи къ составу атласа *). Эта идея вполне и рѣшительно примѣняется и къ стѣннымъ картамъ. Начинающіе изучаютъ положеніе и контуръ странъ, главные моменты орографическихъ и гидрографическихъ отношеній; далѣе, уже на второмъ планѣ стоятъ свѣдѣнія этнографическія, политическія и положеніе самыхъ важныхъ городовъ. Всѣ эти требованія и должны обусловливать содержаніе картъ, предназначенныхъ для начинающихъ обучаться географіи, или низшей ступени курса. По мѣрѣ увеличенія навыка въ чтеніи картъ и подробностей курса, ученики должны пріучаться къ разбору болѣе подробныхъ картъ, какъ стѣнныхъ, такъ и въ атласѣ. Наиболѣе трудностей представляетъ какъ изображеніе, такъ и изученіе орографіи. Можно сказать, что обученіе подробностей орографическихъ данныхъ по картѣ заканчивается только въ концѣ курса, но, тѣмъ не менѣе, уже на первой ступени обученія географіи ученики должны получить представленіе о распредѣленіи изменностей и высотъ на сушѣ, а также о главныхъ неровностяхъ ея поверхности, выражающихся понятіями о горѣ, горной цѣпи и плоскогоріи. Чтобы достигнуть всего этого, на стѣнной картѣ, даже предназначенной для низшей ступени, нужно изобразить: 1) ступени высотъ и 2) обозначить главнѣйшія

*) О составѣ учебнаго атласа. «Жур. Минист. Нар. Просв.», 1889. Октябрь.

цѣпи горъ съ ихъ склонами. Соединеніе двухъ способовъ обезпеченія рельефа: гипсометрическаго съ обыкновеннымъ штриховымъ или тѣневымъ, хотя и представляетъ нѣкоторыя техническія затрудненія, но, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ заграничныя изданія, удовлетворяющія этимъ требованіямъ. Сюда относится карта земли Дебеса въ меркаторской проэкции *). Единственное неудобство этой карты представляетъ проэкция, такъ какъ параллельность меридіановъ находится въ явномъ противорѣчьи съ тѣмъ, что замѣчается на глобусѣ. Поэтому, для низшей ступени географическаго курса мы считаемъ болѣе удобнымъ карту полушарій. До послѣдняго времени въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ были распространены почти исключительно полушарія Сидова и Ильина. Обѣ карты весьма доступны по цѣнѣ, чѣмъ, главнымъ образомъ, и объясняется ихъ распространеніе, не смотря на явные недостатки, изъ которыхъ наиболѣе выдающійся—малая ихъ величина и недостаточность изображенія рельефа суши.

Карта полушарій Линберга, вышедшая въ свѣтъ въ концѣ прошлаго года, почти совершенно возмѣщаетъ эти недостатки. Она должна быть отнесена не только къ большимъ, но даже громаднымъ по величинѣ картамъ. Каждое полушаріе имѣетъ 112 сантиметровъ въ діаметрѣ. Кромѣ двухъ главныхъ, большихъ полушарій: восточнаго и западнаго, внизу карты находятся сѣверное и южное, а между ними небольшая меркаторская карта съ обозначеніемъ морскихъ теченій. По величинѣ полушарія Линберга уступаютъ только картѣ Фогеля и Делича, имѣющей въ діаметрѣ 153 сант., и превосходятъ недавно вышедшія въ свѣтъ полушарія Сидовъ-Габенихта **). Подобно стѣнной картѣ Европейской Россіи Линберга, вышедшей въ 1889 году, карта полушарій можетъ быть названа школьной, гипсометрической картой. Рельефъ суши представленъ на ней слоями высотъ, раздѣляющихся на нѣсколько ступеней: 1) ниже уровня моря; 2) отъ 0—200 метровъ; 3) отъ 200—500 м.; 4) отъ 500—1.000 м.; 5) отъ 1.000—2.000 м.; 6) отъ 2.000—4.000 м.; 7) отъ 4.000—6.000 м.; 8) отъ 6.000—8.000 м., и 9) выше 8.000 м. Первыя двѣ ступени обозначены двумя оттѣнками сѣро-зеленаго цвѣта, третья свѣтло-песочнаго и четвертая—темно-песочнаго цвѣта, 5—8 ступени окрашены темно-коричневымъ цвѣтомъ различныхъ оттѣнковъ и, наконецъ, 9-я ступень представляетъ бѣлое поле. Сочетаніе этихъ цвѣтовъ производитъ очень пріятное спокойное впечатлѣніе и весьма наглядно от-

*) Debes, Physikalische Schulwandkarte der Erde in Mercator's Projection.

**) Sydow-Habenicht, Erdkarte.

дѣляетъ низкія мѣста отъ средне-высотныхъ и высочайшихъ. Однако, при употребленіи карты въ классѣ оказывается, что слои высотъ, соотвѣтствующіе 6-й и 7-й ступени, трудно различимы съ нѣкотораго разстоянія и не могутъ производить совершенно отдѣльнаго, яснаго впечатлѣнія на дѣтей. Намъ кажется также излишнею ступень высоты отъ 1.000—2.000 метровъ, такъ какъ она вводитъ слишкомъ большую подробность въ изученіе рельефа суши съ дѣтьми младшаго возраста. Девятая ступень является на картѣ въ видѣ маленькихъ бѣлыхъ пятенъ среди самыхъ высокихъ мѣстностей. Такое изображеніе высшей ступени поднятія всегда принимается дѣтьми за обозначеніе снѣговой области, и намъ кажется, что, во избѣжаніе образованія неправильныхъ представленій о распространеніи послѣдней, слѣдуетъ исключить и эту ступень. Такимъ образомъ, мы-бы предполагали оставить слѣдующія ступени высотъ на картѣ полушарій, предназначенныхъ для начального курса географіи: 1) ниже уровня моря; 2) 0—200 метр.; 3) 200—500 м.; 4) 500—2.000 м.; 5) 2.000—6.000 м.; 6) выше 6.000 метровъ, т.-е. всего шесть гипсометрическихъ слоевъ, вмѣсто девяти, находящихся на разбираемой картѣ. Затѣмъ намъ казалось-бы цѣлесообразнымъ на картѣ, предназначенной для русскихъ дѣтей, обозначать русскія мѣры, какъ то сдѣлалъ г. Тилло на своей гипсометрической картѣ Евр. Россіи. Вѣдь, пока въ Россіи не будетъ официально предписано употреблять метръ вмѣсто аршина и фута, до тѣхъ поръ метрическая система не войдетъ въ практическое употребленіе и не сдѣлается наглядною и для взрослыхъ, а не только для дѣтей. Употребляя вмѣсто 200 метровъ — 100 сажень мы гораздо нагляднѣе выражаемъ длину для русскаго ученика. Чтобы покончить съ гипсометрической стороною карты, слѣдуетъ упомянуть объ изображеніи на картахъ глубинъ океана. Полушарія Линберга не представляютъ этихъ глубинъ: вся поверхность, занятая океаномъ, окрашена однообразнымъ, свѣтло-голубымъ цвѣтомъ. Конечно, глубины океана въ элементарномъ курсѣ географіи имѣютъ весьма мало значенія сравнительно съ орографіей суши, но тѣмъ не менѣе нанесеніе ихъ на картѣ можетъ дать самое наглядное понятіе о различіи береговыхъ морей отъ средиземныхъ и открытаго океана. Малая глубина этихъ морей тотчасъ бросается въ глаза и навсегда запечатлѣвается въ памяти дѣтей. Послѣднихъ также интересуется распредѣленіе наибольшей глубины и ея предѣлы. На упомянутыхъ выше новыхъ нѣмецкихъ картахъ Дебеса и Габенихта мы видимъ изображеніе изобатическихъ линій. Послѣдній, обозначивъ пять различныхъ ступеней глубины, вошелъ въ подробности,

излишнія для дѣтей. Лучше всего послѣдовать примѣру Дебеса и отдѣлать неглубокія или береговыя моря (Flachsee) отъ глубокаго океана (Tiefsee). Сверхъ того, слѣдовало-бы намѣтить двѣ наибольшія глубины: Курильскую и глубину Дѣвы около м. Ангильскихъ острововъ.

На картѣ Линберга совершенно не обозначены горныя цѣпи штрихами или тушовкой. Выдѣляются только тѣ горныя цѣпи, которыя лежатъ среди низменностей и имѣютъ почти одинаковую высоту по всей длинѣ. Совершенно неясно положеніе горныхъ цѣпей въ области кордильеровъ Сѣв. Америки, Атласа, Гиммалаевъ и др. Очеркъ береговъ и рѣки начерчены на картѣ Линберга превосходно. Не представляя ничего грубаго, и то, и другое рѣзко выдѣляется и легко можетъ быть рассмотрѣно даже съ разстоянія трехъ и болѣе сажень. Изъ городовъ не русскихъ обозначены только столичныя, а на территоріи Россіи находятся: Петербургъ, Москва, Гельсингфорсъ, Кіевъ, Одесса, Тифлисъ, Томскъ, Иркутскъ, Владивостокъ и Ташкентъ.

Мы замѣтили на разбираемой картѣ одну, вѣроятно, случайную ошибку, которая, сказать правду, не бросается въ глаза, но тѣмъ не менѣе должна быть указана. Она состоитъ въ томъ, что Азорскіе острова помѣщены на 10° сѣвернѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Не смотря на всѣ замѣчанія, сдѣланныя нами относительно разбираемой карты, мы можемъ привѣтствовать ее, какъ отрадное явленіе въ школьной картографіи и пожелать ей широкаго распространенія въ русской школѣ. Къ сожалѣнію, этому можетъ воспрепятствовать высокая цѣна, назначенная издателемъ за карту.

А. Соколовъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ бюджета прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ на 1892 — 1893 учебный годъ.

А. Личный составъ министерства: 1) министр—36.000 марокъ *) и квартира, 2) помощникъ его (Unterstaatssekretär) 15.000 марокъ, 3) три директора министерства—каждому по 15.000, 4) 28 докладчиковъ—дѣлопроизводителей (Vortragende Rätbe)—7.500—9.900 м. *В. Провинціальныя училищныя коллегии:* Берлинскому вице-президенту 7.500—9.900 м., провинціальнымъ училищнымъ совѣтникамъ отъ 5.400—6.000 **); дѣлопроизводителямъ — 4.200—6.000 м. *С. вспомошествованіе университетамъ:* Кенигсбергскому 804.803 м., Берлинскому 2.101.000 м., Грейфсвальдскому 288.354 м., Бреславльскому 911.350 м., Галльскому 675.108 м., Кильскому 570.387 мар., Геттингенскому 391.872 мар., Марбургскому 595.632 м., Боннскому 887.327 м., Мюнстерскому 161.941 м., Браунсбергскому 18.978 м. *Д. На подготовку преподавателей.* Рѣшено открыть двѣ новыхъ учительскихъ семинаріи (въ Пренслоуѣ и Нотгеймѣ) и параллельный курсъ въ одной семинаріи (въ Дроссенѣ); 115 директорамъ учительскихъ семинарій пользуются содержаніемъ въ размѣръ отъ 4.000 до 5.400 м.; 4 первые берлинскіе учителя семинарій отъ 3.600 до 4.800 м.; 119 первыхъ учителей семинарій провинціальныхъ—отъ 3.000 до 4.000 марокъ; 11 берлинскихъ учителей семинарій отъ 2.400 до 3.600 м., 476 провинціальныхъ учителей семинарій отъ 1.800—3.200 м.; 1 помощникъ учителя семинаріи въ Берлинѣ 1.800 м.; 122 провинціальныхъ учительскихъ помощника отъ 1.200—1.800 мар., 6 учительницъ семинарій въ Берлинѣ отъ 1.500—2.100 м., 39 провинціальныхъ учительницъ семинарій отъ 1.000 до 2.000 м. Всего 2.543.610 (болѣе предыдущаго года на 285.325 м.); квартирныхъ денегъ 132.864 м. (болѣе на 4.272 м.); на помощниковъ по вольному найму 106.833 м. (болѣе на 7.960 м.), на хозяйственные расходы, лекарства и вспомошествованія воспитанникамъ интернамъ 1.647.305 м., на медицинскую помощь и вспомошествованія приходящимъ воспитанникамъ учительскихъ семинарій 561.067 м. (болѣе

*) Марку можно считать равною 40 коп.

**) Прежде минимумъ ихъ содержанія былъ 5.100,—увеличено на 400 марокъ.

на 33.900 м.); на содержаніе садовъ и зданій 244.125 м. (+1.250 м.), на учебныя пособия 106.685 м. (+1.750 м.). На всякіе другіе расходы, включая сюда вспомошествованіе въ 6.000 м. еврейской учительской семинаріи въ Мюнстерскомъ округѣ, 491.321 м. (+8.416 м.). *Всего на содержаніе учительскихъ семинарій правительствомъ ассигновано 5.841.823 м. (+340.803 м.).* *Е.* Тридцати пяти завѣдующимъ приготовительными къ учительскимъ семинаріямъ заведеніями (Präparandenanstaltvorsteher) отъ 1.800—3.200 м.; 37-ми вторымъ учителямъ 1.400—2.000 м., а всего 150.400 м. (+13.900 м.), на все остальные расходы по учебному персоналу 379.640 м. (+8.634 м.); на вспомошествованія учащимся 226.561 м. (менѣе на 12.034 м.). Всего на подготовительныя къ учительскимъ семинаріямъ заведенія 756.601 м. (+10.500 м.). На вспомошествованія учителямъ учительскихъ семинарій и подготовительныхъ къ нимъ заведеній, учителямъ гимнастической учительской семинаріи и учителямъ заведеній для слѣпыхъ въ Берлинѣ и Штеглитцѣ 35.000 м. *Е.* На гимнастическую учительскую семинарію (Turnlehrerbildungsanstalt) въ Берлинѣ: тремъ учителямъ 9.600 м. на наемъ учитель гимнастики для гимнастическихъ курсовъ, которые имѣютъ быть открыты въ Кенигсбергѣ, Боннѣ, Бреславлѣ и Галле 10.000 м., на расходы по помѣщенію 22.745 м., на вспомошествованіе учащимся 76.400 м., а всего на расходы по подготовкѣ учителей гимнастики 115.145 м. *Г.* *На инспекцію школъ:* 70 правительственнымъ и училищнымъ совѣтникамъ (директорамъ училищъ) отъ 4.200 до 6.000 м. каждому, а всего 360.985 м. (+20.400 м.), имъ-же квартирныхъ денегъ 42.480 м. (+2.340 м.), на канцелярскіе расходы 30.000 м. (менѣе на 10.000 м.); 228 окружнымъ инспекторамъ (инспекторамъ народныхъ училищъ) отъ 2.700 до 5.400 м., а всего 923.400 м. (+68.400 м.), на развѣды и др. расходы по службѣ 228.000 м., квартирные деньги 110.466 м.; мѣстнымъ инспекторамъ народныхъ училищъ 720.000 м., на усиленіе надзора въ провинціяхъ съ польскимъ населеніемъ 200.000 м., на пособия 6.000 м., а всего на инспекцію 2.621.331 м. (+81.140 м.). На инспекцію по женскимъ учебнымъ заведеніямъ 170.000 м. *Н.* *По начальному обученію.* На воспособленіе по содержанію народныхъ школъ въ бѣдныхъ сельскихъ общинахъ 26.826.361 м. (+803.958 м.): на вспомошествованіе бѣднымъ общинамъ по содержанію учителей 7.065.633 м. (+79.028); на расходы по добавочному содержанію народнымъ учителямъ (за выслугу лѣтъ, по пятилѣтіямъ) 8.303.300 м.; на личныя вспомошествованія учителямъ и учительницамъ начальныхъ школъ 620.000 м.; на открытіе новыхъ учительскихъ мѣстъ 173.360 м. (менѣе на 32.052 м.); на воспособленіе народноучебному дѣлу въ мѣстностяхъ съ польскимъ населеніемъ 600.000 м. (+20.000 мар.); на ремонтъ зданій народныхъ школъ 1.000.000 мар. (+200.000); на пенсіи народнымъ учителямъ 3.700.000 м., на единовременныя вспомошествованія оставившимъ службу народнымъ учителямъ 808.000 м., на вспомошествованіе вдовымъ кассамъ народныхъ учителей 1.280.000 мар., на вспомошествованіе сиротамъ народныхъ учителей 300.000 м.; на единовременныя вспомошествованія вдовамъ и сиротамъ народныхъ учителей 200.000 м.; вообще на воспособленія дѣлу народнаго образованія 214.000 м. и сверхъ того для мѣстностей съ польскимъ на-

селеніемъ 50.000 м. *Всего на начальное народное образованіе* (т.-е. на сельскія и городскія училища) 51.377.906 м. (+1.070.929 м.). На воспособленіе по обученію слѣпыхъ и глухонѣмыхъ 300.000 м. На народное учебное дѣло вообще (включая сюда содержаніе учительскихъ семинарій, приготовительныхъ къ нимъ заведеній и инспекцію) 61.140.022 м. (+1.701.817 м.). Изъ расходовъ по духовному вѣдомству, въ бюджетъ включены: на расходы по устройству и содержанію церквей, домовъ пасторовъ и псаломщиковъ 1.841.000, на постройку новой церкви въ Берлинѣ 300.000 м., въ Виттенбергѣ 95.000 м. — Весь бюджетъ по министерству народнаго просвѣщенія, духовному и медицинскому вѣдомству простирается до суммы въ 104.838.116 марокъ (болѣе предыдущаго года на 2.000.000). (Volkschulfreund. 1892 г. № 6). К. М.

Хроника народнаго образованія.

Настоящую хронику мы начнемъ приведеніемъ извлеченій изъ отчета за прошлый 1891 годъ одного изъ симпатичнѣйшихъ создатей частной инициативы въ Россіи—«Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ»,

«Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ, открытое 26 июля 1882 года, вступило въ десятый годъ своего существованія. Представитель Общества—Совѣтъ его—имѣетъ полное право сказать, что народное образованіе въ городѣ многимъ обязано этому Обществу. Имъ открыты школы на окраинахъ города: Мухиномъ бугрѣ, въ Слободкѣ, на Верхней Елани и Заистскомъ; имъ учреждена народная бесплатная, для всѣхъ доступная, бібліотека, число читателей которой почти постоянно держится на цифрѣ 800 человекъ; на его средства все время устраивались народныя воскресныя чтенія; имъ открыты женскіе повторительные классы и женскіе рисовальные классы; благодаря ему, возникли музыкальные классы при нашемъ уѣздномъ училищѣ. Оказываемая имъ каждую зиму учащейся бѣднотѣ помощь теплою одеждою сохранила здоровье не одной сотнѣ дѣтей и дала имъ возможность получить хотя начальное образованіе. Устраивая публичныя лекціи, литературныя и музыкальныя вечера, выставки, оно несомнѣнно будило мысль и интеллигентной части населенія. Наше школьное Общество отозвалось и на ремесленное профессиональное образованіе,—въ открытой имъ въ 1886 г. женской руководѣльной школѣ постоянно обучается до 120 дѣвочекъ, въ минувшемъ году имъ устроена женская кулинарная школа. Въ настоящее время Совѣтъ Общества занятъ мыслью о распространеніи ручнаго труда не только въ Томскѣ, но и за предѣлами его, и мечтаетъ увѣнчать начинанія Общества устройствомъ музея прикладныхъ знаній. Этотъ музей, помимо того громаднаго значенія, какое имѣетъ онъ для общаго образованія, долженъ сослужить для людей, занимающихся хозяйствомъ, обработкой матеріаловъ и сырыхъ продуктовъ, ремеслами и промыслами, ту-же службу, какъ народная бібліотека для людей грамотныхъ».

Такова общая характеристика дѣятельности томскаго Общества, слѣ-

ланная въ послѣднемъ его отчетѣ. Познакомимся теперь съ нѣкоторыми подробностями.

Въ 1892 г. Общество имѣло 13 членовъ-ревнителей, 112 почетныхъ членовъ, 2 пожизненныхъ и 659 дѣйствительныхъ. Послѣдніе вносятъ по 1 р. въ годъ. Дѣлали пожертвованія въ пользу Общества: на теплую одежду учащимся въ томскихъ начальныхъ школахъ—461 человѣкъ, на народную бібліотеку — 94, взаимныя визитовъ на Рождество и Пасху — 258, на содержаніе кулинарной школы—34 и т. д. Кроме того, цѣлый рядъ лицъ оказывалъ содѣйствіе Обществу иного рода; такъ, 57 лицъ держали въ своихъ квартирахъ кружки и копилки, въ которыя опускаются случайныя пожертвованія гостей этихъ лицъ. Въ общемъ, въ пользу Общества жертвуютъ деньгами, вещами и трудомъ значительно болѣе 1.000 человѣкъ, что для такого небольшого города, какъ Томскъ (менѣе 40.000), надо признать явленіемъ чрезвычайно отраднымъ.

Общая сумма доходовъ Общества въ 1891 г. достигла 8.465 р. деньгами и на 197 р. пожертвованными вещами. Расходъ за этотъ годъ составилъ 10.557 рублей. Всего за 9 лѣтъ своего существованія Общество израсходовало на нужды народнаго образованія въ Томскѣ болѣе 82 тыс. рублей. Изъ статей прихода за 1891 годъ первое мѣсто занимаютъ всякаго рода пожертвованія, достигшія 3.285 р. Именно, на теплое платье учащимся было пожертвовано 643 р., взаимныя визитовъ—447, на бібліотеку—309 р., въ кружки, выставленныя въ разныхъ мѣстахъ по городу, и въ копилки частныхъ лицъ—479 рублей, на постройку музея—401 р., на кулинарную школу—359 р., на повторительные женскіе классы—75 р. и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ сборъ отъ маскарадовъ, концертовъ, вечеровъ и гуляній, составившій 1.795 р.; въ теченіе года было устроено 4 концерта, маскарадъ, костюмированный балъ, спектакль, представленіе въ циркѣ, парходное гулянье, литературный вечеръ — всего 10 предпріятій. Членскіе взносы дали 747 р., пособіе отъ томскаго мѣщанскаго общества—300 рублей, отъ правленія южно-алтайскаго золотопромышленнаго дѣла—200 р., % съ капиталовъ Общества—446 р., за отдачу зала при бібліотекѣ—142 р., карточного сбора отъ общественнаго собранія—159 р., отъ лотереи въ пользу руководѣльной школы — 983 р. Затѣмъ слѣдуютъ мелкіе доходы отъ полученія долговъ по пожертвованнымъ Обществу векселямъ, отъ продажи пожертвованныхъ Обществу книгъ и другихъ вещей, отъ катка, отъ самовѣса и т. д. Этотъ перечень источниковъ доходовъ Общества даетъ наглядное понятіе о разносторонней дѣятельности лицъ, стоящихъ во главѣ Общества, по присканію такихъ источниковъ: какъ видимъ, лица эти не пренебрегаютъ рѣшительно ничѣмъ, что можетъ дать Обществу хотя-бы нѣкоторый доходъ, и обнаруживаютъ при этомъ необычайную изобрѣтательность и разносторонность, очевидно, совсѣмъ не жалѣя для благого дѣла своего труда.

Такое-же впечатлѣніе производитъ и знакомство съ дѣятельностью Общества на пользу народнаго образованія. И здѣсь поражаетъ чрезвычайное разнообразіе этой дѣятельности. Очевидно, руководители томскаго Общества стремятся къ тому, чтобы рѣшительно ни одна сторона народно-образовательнаго дѣла не оставалась внѣ вѣдѣнія и попеченія Общества. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ перечень учрежденій Общества: 1) начальные школы;

2) повторительные женские классы; 3) женские воскресные рисовальные классы; 4) женская рукодельная школа; 5) женская кулинарная школа; 6) курсы ручного труда; 7) народная бесплатная библиотека; 8) библиотека научных сочинений; 9) музей прикладных знаний, и 10) воскресные народные чтения. Сверх содержания всех этих учреждений, Общество заботится еще о снабжении одеждою и учебными пособиями бедных учащихся в городских школах Томска.

Начальных школ, содержимых Обществом, две: мужская и женская. Учащихся в обеих было 116; расход на содержание школ—1.719 р.

Женские повторительные классы открыты только 30 сент. 1891 года. Задача их—полнить образование, даваемое начальной школою. Учащихся было 31. За три месяца занятий в течение 1891 года учащиеся, кроме повторения пройденного ранее курса начальной школы, читали произведения лучших русских писателей, перелагали письменно прочитанное и излагали самостоятельно личные впечатления, ознакомились с простыми дробями, прошли по «Истории России в разсказах» Острогорского историческия события русской земли до Иоанна Грозного и ознакомились по «Элементарной географии» Пуцыковича с основными данными из физической географии и отечествоведения. Это единственное в своем роде учебное заведение совершенно новаго типа, созданнаго томским Обществом, заслуживает общаго вниманія, такъ какъ оно удовлетворяетъ назрѣвшей потребности — дать возможность окончившимъ курсъ въ начальной школѣ расширить свое образование. Повторительные классы томскаго Общества помѣщаются въ одной изъ городскихъ школъ, почему занятія ведутся послѣ обѣда — отъ 2 до 5 часовъ. Содержание классовъ за три мѣсяца обошлось Обществу въ 100 р.

Женские воскресные рисовальные классы привлекли в началѣ года 22 ученицы, число которыхъ затѣмъ упало до 5 и только съ сентября поднялось до 10. Повидимому, неуспѣхъ классовъ объясняется просто непрактичностью программы занятій. Въ самомъ дѣлѣ, первую половину года ученицы занимались копированіемъ орнаментовъ разныхъ стилей, составленіемъ бордюровъ, звѣздъ и т. п.; такъ какъ отъ такихъ занятій ученицы разбѣжались, то пришлось перейти къ болѣе занимательному—рисованію съ натуры стульевъ, чернильницъ, пялецъ, портмоне и т. п. Спрашивается, неужели ради этой чепухи нужно заводить особые классы? Къ счастью, эти рисовальные классы стоили Обществу всего 33 р., благодаря тому, что учительница руководитъ классами даромъ.

Женская рукодельная школа имѣла 120 человѣкъ учащихся. Расходъ на школу изъ кассы Общества составилъ 925 р.

Женская кулинарная школа дѣйствовала съ іюня по декабрь. Ученицъ перебывало 22 и кроме того обучались кулинарному дѣлу 5 интеллигентныхъ особъ. Ученицы изучили приготовленіе 71 блюда. Расходъ на школу составилъ 159 р.

Народная бесплатная библиотека является главнымъ учрежденіемъ Общества. Содержание ея въ 1891 г. обошлось въ 1.054 р., да, кроме того, содержание дома библиотеки составило 382 р. Этотъ значительный расходъ съ лихвою окупается пользою, приносимою даннымъ учрежденіемъ. Къ концу 1891 г. число лицъ, бравшихъ книги изъ библиотеки, достигло

812. Кроме того, посещало читальный залъ при библиотекѣ ежедневно отъ 10 до 25 чел. Бесплатные абонаты библиотекы распредѣлялись по образованію слѣдующимъ образомъ: получившихъ высшее образованіе было 4, среднее—85, низшее—611 и домашнее—112. По занятіямъ абонаты дѣлились на 118 служащихъ, 55 торгующихъ, 78 ремесленниковъ, 123 занимающихся домашнимъ хозяйствомъ, 15 чернорабочихъ, 89 не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій и 334 учащихся въ низшихъ училищахъ. По словіямъ: 573 мѣщанъ, 84 крестьянъ, 10 солдатъ, 13 купцовъ, 8 духовныхъ и 124 чиновниковъ и ихъ дѣтей. Мужчинъ было 573, женщинъ—239; въ возрастѣ отъ 12 до 21 года 501 и старше 21 года 311. Изъ этихъ данныхъ ясно, что библиотекы вполне по праву носить названіе *народной*. Книгъ абонатами было взято 20.403; среднимъ числомъ въ день требовалось по 60 книгъ. Преобладала, конечно, беллетристика: 15.719 взятыхъ книгъ. Порядочное количество было взято книгъ историческаго содержанія (1.472), географическаго (1.018), духовно - нравственнаго (645), хозяйственнаго (588) и естественно-научнаго (468). Въ 1891 г. библиотекы пополнились книгами на сумму 352 р. (по номинальной стоимости книгъ на 670 р.). Библиотекы получили 10 періодическихъ изданій.

Народныя чтенія устраивались въ залѣ бесплатной библиотекы и въ одномъ изъ начальныхъ училищъ. Всего было 33 чтенія. Посѣтителей было на всѣхъ чтеніяхъ 3.035.

Библиотекы научныхъ сочиненій только что учреждаются. Разрѣшеніе на открытіе ея послѣдовало всего 22 сентября 1891 года.

Матеріалы для музея прикладныхъ знаній собираются уже нѣсколько лѣтъ; въ настоящее время ихъ собрано настолько, что явилась надобность въ особомъ домѣ для музея. Въ 1891 г. окончена большая часть работъ по постройкѣ этого дома, на который израсходовано около 6.000 р. и еще предстоитъ расхода на 2 т. р. Это весьма внушительное зданіе въ 27½ арш. длины въ одной половинѣ глаголя, въ видѣ котораго оно выстроено, и въ 22 арш. въ другой. Значеніе музея опредѣляется въ отчетѣ Общества слѣдующими выразительными строками: «Для умственнаго глаза, могущаго смотрѣть на нѣсколько десятковъ лѣтъ впередъ, постройкою музея будетъ положено начало учрежденію многопольному, заслуживающему полнаго вниманія людей мыслящихъ. Настанетъ время, въ немъ будутъ искать и находить рѣшеніе многихъ вопросовъ матери и отцы, озабоченные умственнымъ и физическимъ развитіемъ своихъ дѣтей; сюда придутъ и архитекторы, и фабриканты, и ремесленники, — и столяръ, ищущій рисунка для своего заказа, и архитекторъ, собирающійся воздвигнуть многоэтажное зданіе; здѣсь будетъ и ученикъ реальной школы, исполняющій свой урокъ, и профессоръ университета, изучающій рисунки новѣйшихъ механизмовъ, и т. д., и т. д. Тысячи, десятки тысячъ человѣкъ перебиваютъ въ нашемъ музеѣ и найдутъ тѣ или другія полезныя для жизни знанія».

Курсы ручного труда имѣютъ быть впервые устроены лѣтомъ настоящаго года. Устраиваются они на специальное пожертвованіе разныхъ лицъ въ 400 рублей. Кроме того, три лица изъявили желаніе вносить ежегодно на тотъ-же предметъ по 100 р. каждое. Это начинаніе Общества встрѣчено сочувственно попечителемъ Западно-сибирскаго учебнаго округа, который предписалъ директорамъ народныхъ училищъ Томской и Тобольской

губерній и Акмолинской и Семипалатинской областей оказать всякое содѣйствіе учителямъ начальныхъ школъ, которые пожелали-бы ознакомиться съ преподаваніемъ ручного труда на курсахъ Общества.

Пособіе одеждою оказано Обществомъ 226 ученикамъ городскихъ школъ. Выдано 190 паръ обуви и 110 теплыхъ пальто.

Благодаря поддержкѣ Общества (189 р.), при мѣстномъ уѣздномъ училищѣ открылись музыкальные классы.

Наконецъ, сдѣлаемъ еще одно извлеченіе изъ отчета относительно правданія годовщины основанія Общества (26-го іюля): «У часовни иконы Иверской Божіей Матери, при громадномъ стеченіи народа и въ присутствіи учениковъ всѣхъ начальныхъ школъ, ректоромъ духовной семинаріи, архимандритомъ Никаноромъ, въ сослуженіи съ нѣкоторыми изъ законоучителей городскихъ школъ, совершено было молебствіе о здравіи Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и всего Августѣйшаго Дома, а также о здравіи всѣхъ сочувствующихъ и содѣйствующихъ члѣнамъ Общества. Слово, сказанное по сему поводу архимандритомъ Никаноромъ, заранее отпечатанное въ числѣ 1.000 экземпляровъ, быстро было разобрано собравшимся народомъ. По окончаніи молебствія, учащіеся мальчики и дѣвочки по училищамъ, по два человѣка въ рядъ, предшествуемые двумя хорами музыки, отправились на гулянье въ рошчу В. В. Михайлова. Процессія въ 1.500 человѣкъ дѣтей съ музыкой и бѣлымъ знаменемъ съ надписью: «*Ни одного неграмотнаго*», прослѣдовавшая черезъ Обрубъ, Болото, Кирпичи и Новую деревню, привлекла вниманіе вѣсколькихъ тысячъ жителей города. Милый объектъ попеченій и заботъ Общества былъ виденъ всякому. Въ рошчѣ, надъ входомъ въ которую красовалась убранныя зеленью и флагами надпись: «добро пожаловать, дорогія дѣти!», для всѣхъ учащихся былъ приготовленъ чай. Постъ чая начались беззаботно-веселыя дѣтскія игры: хороводы, бѣганье въ запуски, лазанье на шесть, стрѣльба въ цѣль (болѣе ловкіе получали призы). Оживленіе дѣтей много усиливалось присутствіемъ на гуляньи бывшаго въ то время въ городѣ цирка съ акробатами и дрессированнымъ медвѣдемъ. Веселье закончилось въ 6 часовъ вечера выдачею каждому изъ дѣтей бумажнаго конверта со сладостями и какой-либо вещицы, книжки или картинки по билету, вынутаго каждымъ изъ нихъ. Праздникъ былъ устроенъ на средства нѣкоторыхъ изъ членовъ Совѣта, почетныхъ блюстителей городскихъ школъ и городского головы». Едва-ли мы ошибемся, сказавъ, что подобные праздники въ одномъ Томскѣ только и устраиваются.

Такова разносторонняя дѣятельность томскаго Общества попеченія о начальномъ образованіи. Понятное дѣло, что такая девятилѣтняя дѣятельность, помимо непосредственной пользы для г. Томска, не могла не отразиться и на другихъ городахъ Сибири, вызывая и въ нихъ существованіе Обществъ, преслѣдующихъ тѣ-же цѣли, что и томское. И дѣйствительно, такія Общества имѣются теперь во всѣхъ важнѣйшихъ сибирскихъ городахъ. Изъ нихъ мы приведемъ здѣсь данныя относительно «Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнауль». Какъ видно изъ отчета этого Общества за 1891 г., доходы Общества составляли 2.470 р., а расходъ—1.920 р. По смѣтѣ на 1892 г. назначено 2.495 р. расходовать и предвидится такая-же цифра доходовъ. Доходы 1891 года составились слѣ-

дующимъ образомъ: членскіе взносы—851 р., спектакли, маскарадъ, музыкальные вечера, гулянье и «фонографическій сеансъ» дали — 707 р., катокъ и карусели—330 р., взаимнѣ визитовъ—69 р., кружечнаго сбора и пожертвованій—256 р., % съ капиталовъ—274 р. и за «пользованіе декорациями Общества»—30 р. Какъ видимъ, и дѣятели барнаульскаго Общества обнаруживаютъ чрезвычайную энергію въ изысканіи источниковъ доходовъ и кладутъ на этотъ предметъ много труда. Общество состояло въ отчетномъ году изъ 38 членовъ-ревизителей, 16 почетныхъ членовъ и 420 дѣятельныхъ. Дѣятельность Общества если и уступаетъ дѣятельности томскаго Общества, тѣмъ не менѣ весьма разностороння и обширна. Всего болѣе тратитъ Общество на содержаніе такъ называемой Нагорной школы (1.561 р.). Школа эта устроена Обществомъ въ первый-же годъ своего существованія. Въ отчетномъ году Общество открыло параллельное младшее отдѣленіе своей школы, помѣщающееся совершенно отдѣльно и довольно далеко отъ послѣдней. Въ этомъ отдѣленіи учился уже 51 учащійся, а въ Нагорной школѣ число учащихся доходитъ до 150. Изъ открытаго параллельнаго отдѣленія имѣется съ виду создать самостоятельную школу, присоединяя къ ней постепенно среднее и затѣмъ старшее отдѣленія. Въ отчетномъ году установлена еще новая форма помощи бѣднѣйшимъ учащимся. Было замѣчено, что среди учащихся есть такіе бѣдняки, которые, раньше чѣмъ идти въ классы, вынуждены прибѣгать къ нищенству, чтобы собрать куски хлѣба для дневнаго пропитанія. Въ виду этого Общество выдаетъ учащимся во время большой перемѣны чай и завтракъ. Другое созданіе Общества—«народно-школьная библіотека», выписывающая 5 журналовъ и имѣющая довольно значительный книжный запасъ. Библіотекою этою пользовались преимущественно дѣти, главнымъ образомъ—учащіеся въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но также и взрослые представители низшаго класса городского населенія. Наконецъ, Обществомъ создана также общественная библіотека, имѣющая теперь свой независимый бюджетъ. Эта библіотека имѣетъ 3.940 томовъ книгъ и получала въ 1891 г. 29 періодическихъ изданій. Подписчиковъ къ 1-му января 1892 г. было 111; въ 1891 г., подписчики являлись за книгами 7.656 разъ. Кромѣ того, кабинетъ для чтенія былъ посѣщенъ 2.262 раза.

Надо замѣтить, что въ сибирскихъ городахъ городскихъ библиотекъ вообще и въ частности народныхъ библиотекъ сравнительно значительно больше, нежели въ остальной Россіи. Такъ, народные библиотеки имѣются въ Томскѣ, Енисейскѣ, Красноярскѣ, Омскѣ, Ачинскѣ и Тобольскѣ. Кромѣ того, городскія или «общественныя» библиотеки въ Сибири гораздо доступнѣе, нежели въ Европейской Россіи, почему и контингентъ лицъ, пользующихся этими библиотеками, значительно обширнѣе. Библиотеки въ Сибири пользуются значительнымъ сочувствіемъ общества, что выражается въ постоянныхъ пожертвованіяхъ на библиотеки. Достаточно указать два-три факта этого рода. Въ Томскѣ народная библіотека обладаетъ зданіемъ, стоящимъ 15.000 руб. и выстроеннымъ специально для нея купцомъ Валгусовымъ, который сдѣлалъ это пожертвованіе, высоко цѣня образованіе, хотя самъ былъ безграмотенъ. Для той же библиотеки И. М. Сибиряковъ пожертвовалъ 4.000 р. Онъ-же для Ачинской народно-общественной библиотеки пожертвовалъ 1.000 р. Въ Тобольскѣ народная биб-

библиотека основана, благодаря А. С. Суханову, содержанию единственной в Тобольскѣ публичной библиотеки. Онъ обратился въ прошломъ 1891 году въ тобольскую городскую думу съ предложеніемъ слѣдующаго рода: г. Сухановъ даетъ на основаніе народной библиотеки 511 экземпляровъ книгъ, помѣщеніе и свой трудъ въ качествѣ библиотекаря, а городъ долженъ выдавать по 100 р. ежегодной субсидіи. Дума приняла это предложеніе, и такимъ образомъ въ Тобольскѣ возникла народная библиотека, взимающая за чтеніе по 5 к. въ мѣсяцъ или по 50 к. въ годъ. Недавно г. Сухановъ представилъ думѣ отчетъ за первый годъ существованія библиотеки. Изъ отчета видно, что въ настоящее время библиотека имѣетъ уже до 900 названій книгъ, болѣе чѣмъ въ 1.300 переплетахъ. Приходъ библиотеки состоялъ изъ абонементной платы (117 р. 15 к.), пожертвованій (239 р. 50 к.), дохода отъ спектаклей (118 р. 23 к.), субсидіи отъ городской думы (100 р.) и случайнаго дохода (1 р. 36 к.); всего доходовъ было 576 р. 24 к. Большая часть этихъ средствъ израсходована на покупку книгъ и журналовъ.

Въ Европейской Россіи подобныя учрежденія возникаютъ много ту же. Однако, и здѣсь уже кое-гдѣ имѣются подобныя учрежденія. Свѣдѣнія объ одномъ изъ такихъ учрежденій, возникшихъ въ самое послѣднее время, мы и приведемъ здѣсь. Дѣло идетъ объ одесской городской народной читальнѣ, которая открыта 19-го февраля 1891 г. и которая, слѣдовательно, существуетъ всего одинъ годъ. Читальня эта открыта по инициативѣ одесскаго городского головы, который построилъ специально для нея особое зданіе на собственные средства. Содержитъ читальню одесское городское управленіе, израсходовавшее на этотъ предметъ одновременно 1.800 р. (1.000 р. книги, 300 р. переплетъ, 500 мебели и вообще обстановка) и на содержаніе читальни въ теченіе 1891 года 2.650 р. Библиотека читальни въ день открытія состояла изъ 503 названій въ 759 томахъ; въ теченіе года поступило 208 названій въ 338 т. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1891 г. читальня располагала 711 названіями въ 1.097 томахъ, на сумму 1.384 р. Занималось въ читальнѣ 7.895 человекъ (22% женщинъ), посѣтившихъ читальню 59.440 разъ (посѣщенія женщинъ составляютъ всего 16,8% общаго числа посѣщеній). Ежедневно бывало отъ 40 до 417 посѣтителей, въ среднемъ 203 въ день. Такъ какъ читальня располагаетъ всего 82 мѣстами, то нерѣдко зала переполнялась и у входной двери скоплялось довольно много неудовлетворенныхъ, ожидавшихъ цѣлыми часами возможности войти въ читальню. По словесіямъ, наибольшій контингентъ давали мѣщане, по возрастамъ—дѣти отъ 7 до 14 лѣтъ, по національностямъ—евреи, давшіе 80% всѣхъ посѣтителей; послѣднее, помимо всего прочаго, объясняется тѣмъ, что читальня помѣщается въ кварталѣ съ преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ. Наибольшее число посѣтителей составили учащіеся (56%), главнымъ образомъ, ученики начальныхъ и вообще низшихъ училищъ. Отчетъ констатируетъ фактъ серьезнаго отношенія къ чтенію со стороны всѣхъ группъ читателей и обнаруженія ими чрезвычайнаго интереса къ книгамъ. Это доказывается множественностью фактовъ, изъ которыхъ достаточно указать на то, что многіе посѣтители являлись въ читальню изъ отдаленнѣйшихъ предмѣстевъ, иногда вереть за 6, а также на то, что въ читальнѣ всегда царятъ самыя образ-

цовые порядокъ и тишина, не смотря на скопленіе въ ней представителей самой сѣрой публики. Ко всему этому нужно добавить, что одесское городское управленіе рѣшило строить нынѣшнимъ лѣтомъ зданіе для второй народной читальни.

Для сравненія съ приведенными данными относительно одесской читальни приведемъ здѣсь свѣдѣнія за 1891 годъ, касающіяся двухъ петербургскихъ читаленъ, существующихъ, какъ извѣстно, уже нѣсколько лѣтъ. Въ этихъ читальняхъ къ 1-му января 1892 года было 11.825 томовъ, распредѣлявшихся почти поровну между обѣими читальнями. Посѣщеній, однако, было въ теченіе 1891 года всего 32.000 въ обѣихъ читальняхъ, т.-е. значительно меньше, нежели въ одной одесской, не смотря на то, что петербургскія читальни существуютъ уже нѣсколько лѣтъ и, слѣдовательно, уже приобрѣли извѣстность среди населенія. За-то среди посѣтителей петербургскихъ читаленъ всего 32% приходится на долю учащихся, 31% на долю фабричныхъ рабочихъ и остальное количество посѣщеній приходится на разныя другія группы, т.-е., иначе говоря, петербургскія читальни завоевали уже себѣ право гражданства среди взрослого рабочаго населенія, что еще предстоитъ сдѣлать одесской читальнѣ. Одна изъ петербургскихъ читаленъ въ настоящее время выдаетъ также книги для чтенія на дому. Въ 1891 году книги выдавались 442 лицамъ, т.-е. вдвое менѣе, нежели выдаетъ даже томская читальня, хотя въ Томскѣ въ 25 разъ менѣе населенія, нежели въ Петербургѣ. Расходъ на петербургскія читальни достигъ громадной цифры въ 5.996 руб. Каждое посѣщеніе читателей стоило, такимъ образомъ, 19 к., тогда какъ въ одесской читальнѣ всего 4½ к., или въ 4 раза менѣе.

Есть люди, которые относятся весьма скептически къ учрежденіямъ, подобнымъ народнымъ библиотекамъ и читальнямъ, народнымъ чтеніямъ и т. д. Что могутъ такія учрежденія дать народу, особенно при томъ ограниченномъ выборѣ книжнаго матеріала, который обязательенъ для подобныхъ учреждений? Можетъ-ли книжка, взятая изъ библиотеки или прослушанная, оказать какое-либо вліяніе на народную жизнь при тѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, которыми обставлена эта жизнь? Такіе вопросы ставятъ скептики съ самымъ побѣдоноснымъ видомъ, полагая, что на эти вопросы не можетъ быть дано удовлетворительнаго отвѣта. Однако, жизнь даетъ этимъ скептикамъ самый недвуслысленный отвѣтъ; жаль только, что къ голосу жизни у насъ не любятъ прислушиваться. Приведимъ здѣсь свѣдѣнія объ одномъ жизненномъ фактѣ, наглядно свидѣтельствующемъ о томъ огромномъ значеніи, какое можетъ имѣть книга въ народной жизни. Свѣдѣнія эти мы заимствуемъ изъ «Смоленскаго Вѣстника» (№ 34), гдѣ они сообщаются г. Ровинскимъ, лицомъ, по своему положенію близко стоящимъ къ народной жизни и въ частности къ народному образованію.

Въ Сычевскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, въ Баскаковской волости, есть деревня Тюлено. Какъ свидѣтельствуетъ г. Ровинскій, жители этой деревни (125 душъ мужскаго пола) еще недавно были крайне бѣдны. Грамотныхъ между ними было всего нѣсколько человѣкъ. Пьянство царило въ деревнѣ, и помимо частныхъ попойекъ устраивались грандіозныя мірскія попойки. Безобразнѣйшія сцены были обычнымъ явленіемъ улицъ

ной жизни, драки—неизбѣжнымъ атрибутомъ праздничнаго времяпрепровожденія, и вообще грубость тюленскихъ крестьянъ вошла въ поговорку мѣстнаго населенія. Теперь-же деревня Тюлено представляетъ совершенно противоположную картину—и это радикальное измѣненіе фізіономіи картины произошло, благодаря именно вліянію книги.

Лѣтъ шесть тому назадъ, въ Тюлено вернулся крестьянинъ Иванъ Филатовъ, работавшій много лѣтъ на фабрикѣ Альберта Гюбнера, въ Москвѣ. Онъ оказался большимъ любителемъ чтенія и привезъ съ собою запасъ книгъ. Филатовъ учился въ школѣ, устроенной на фабрикѣ Гюбнера, откуда и вынесъ любовь къ чтенію. Онъ сталъ приглашать по праздникамъ односельцевъ, вмѣсто посѣщенія кабака, собираться къ нему для слушанія чтенія. Вокругъ Филатова образовалась небольшая аудиторія, а когда онъ вернулся на фабрику Гюбнера, его замѣнилъ крестьянинъ деревни Тюлено, Яковъ Романовъ, также жившій на той-же фабрикѣ и учившійся въ той-же фабричной школѣ. Романовъ устроилъ школу грамотности, беря съ ученика 2 рубля въ годъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ собирать взрослыхъ для слушанія чтенія. Чтенія эти имѣли такой успѣхъ, что скоро тюленевцы постановили мірской преговоръ, возобновляемый ими ежегодно, которымъ они опредѣлили деньги, выручаемыя отъ сдачи мірскихъ оброчныхъ статей, употреблять на выписку улучшенныхъ сѣмянъ озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ, кормовыхъ травъ и масличныхъ растений, а также «на выписку полезныхъ книгъ для чтенія въ деревенской читальной избѣ. Воскресные и праздничные дни собираться въ общественную избу и проводить время въ слушаніи чтенія священнаго писанія и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, а также бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ, для чего озаботиться пріобрѣтеніемъ для чтенія газеты «Сельскій Вѣстникъ» и книжекъ для народнаго чтенія. Въ зимніе вечера собираться на посѣдки и проводить время въ разговорахъ или чтеніи и обсуждать вопросы объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства и пользованіи общественной землей».

Такимъ образомъ возникла въ деревнѣ Тюленѣ, по инициативѣ самихъ крестьянъ, народная читальня. Чтеніемъ руководить вышеупомянутый крестьянинъ Романовъ и двое другихъ. Чтенія происходятъ въ зимнее время каждый вечеръ, а въ лѣтнее—по праздникамъ. Зимой для слушанія книгъ собираются въ нанятой для этой цѣли міромъ избѣ, а лѣтомъ подъ открытымъ небомъ—на лугу. Зимой собирается на чтенія человекъкъ сорокъ (больше не вмѣщается изба), и исключительно мужчины; лѣтомъ чтеніе слушаетъ вся деревня, не исключая и женщинъ. Чтець читаетъ и объясняетъ непонятныя мѣста, пополняя читаемое свѣдѣніями, извлеченными изъ другихъ, прочитанныхъ имъ, книгъ. Книги читаются религіозныя и свѣтскія, а также газеты. Книги берутся изъ церковной бібліотеки и изъ бібліотеки сосѣдняго земскаго училища, газеты—изъ волостнаго правленія. Кромѣ того, у каждаго есть свои книги, покупаемыя въ Москвѣ или у книгоношъ. Недавній пожаръ, сгубившій 12 дворовъ, уничтожилъ также не мало книгъ; у одного домохозяина сгорѣло книгъ на 200 руб. По совѣту г. Ровинскаго, тюленевцы обратились съ заказомъ за книгами въ складъ А. М. Калмыковой. Кромѣ того, г. Ровинскій посовѣтовалъ имъ устроить общественную бібліотеку, и тюле-

левцы приняли этотъ совѣтъ съ благодарностью и въ непродолжительномъ времени будетъ составленъ соответствующій общественный приговоръ.

Прошло всего 6 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ книга проникла въ деревню Тюлено, а вотъ въ какихъ чертахъ рисуетъ г. Ровинскій вліяніе ея на жизнь тюленцевъ. Благосостояніе тюленскихъ крестьянъ сильно поднялось; поля прекрасно удобряются и обрабатываются плугами; у многихъ крестьянъ завелась садики. Отъ прежняго пьянства нѣтъ и слѣда. Поносекъ—какъ не бывало. Праздники проводятся совершенно чинно. Даже масляница справляется безъ водки и посвящается, главнымъ образомъ, опять-таки чтенію. Старики, привыкшіе къ пьянству, и тѣ перестали пить и охотно посѣщаютъ чтенія. О прежнихъ дракахъ и безобразіяхъ нѣтъ и помину. Въ обхожденіи между собою и съ посторонними тюленцы теперь являются образцомъ вѣжливости. Въ настоящее время почти всѣ тюленскіе крестьяне грамотны; неграмотны только старики и три женщины.

Таково вліяніе книги на деревню. Прибавлять что-либо къ столь много говорящему факту было бы излишне *). Я. Абрамовъ.

Учительскій персоналъ земскихъ школъ Тверской губерніи.

Въ послѣднемъ сборникѣ докладовъ и протоколовъ тверскаго губернскаго земства, въ приложеніи къ докладу управы о народномъ образованіи (ст. Ф. Ольденбурга), заключаются не лишеныя интереса свѣдѣнія о личномъ составѣ учителей и учительницъ въ земскихъ школахъ Тверской губ. въ 1889—1890 г.

По свѣдѣніямъ губернской управы, всѣхъ земскихъ школъ въ губерніи въ отчетномъ году считалось 448, съ 396-ю законоучителями и 635-ю учителями. Послѣдняя цифра указываетъ на существованіе значительнаго числа школъ, въ которыхъ имѣется по два преподавателя. Вторые преподаватели въ школахъ особенное распространеніе получили въ послѣдніе годы: нѣсколько лѣтъ назадъ, напр., въ 1880 г. они составляли только 5% общаго числа учащихся въ земскихъ школахъ. Теперь-же школъ съ двумя учителями насчитывается 180 (изъ нихъ 7 имѣютъ по 3 преподавателя), или $\frac{2}{5}$ всего числа. Это явленіе тѣмъ отраднѣе, что школы съ двумя преподавателями, все болѣе и болѣе завоевывающія симпатіи мѣстныхъ земскихъ дѣятелей, въ настоящее время представляютъ наиболѣе желательный типъ народной школы.

Курсъ ученія въ правильно поставленной школѣ съ двумя преподавателями, при раздѣленіи учениковъ на 4 группы, продолжается четыре года, при чемъ учителя ведутъ преподаваніе отдѣльно и самостоятельно,

*) Г. Ровинскій обращается къ нашей интеллигенціи съ просьбой поддержать тюленскую читальню и дать основаніе для предполагаемой общественной бібліотеки пожертвованіемъ книгъ, которыя могутъ быть высылаемы или по адресу: ст. Сергіе-Ивановская, Московско-Брестской ж. д., баскаковскому волостному старшинѣ для передачи крестьянину д. Тюлено, Якову Романову, или въ г. Сычевку, Смоленской губ., К. Ровинскому.

доводя каждый свои два отдѣленія до окончанія курса. Такой порядокъ занятій, позволяющій учителямъ дѣлить свое время только между двумя отдѣленіями (группами) вмѣсто трехъ, какъ бываетъ въ школь съ однимъ учителемъ, гдѣ ученики дѣляя $\frac{2}{3}$ учебнаго времени должны заниматься самостоятельно,—даетъ, какъ показываетъ школьная практика, прекрасные результаты.

Изъ 635 учащихся въ земскихъ школахъ губерніи около $\frac{3}{5}$ (60%)—учительницы, процентъ которыхъ по отдѣльнымъ уѣздамъ колеблется между 41—47% (Новоторжск. и Осташковск.) и 85—87% (Зубовск. и Тверск.). Учителя преобладаютъ въ одномъ только Новоторжскомъ у. (59%); въ трехъ другихъ они составляютъ половину, въ шести — не больше 43%, а двухъ послѣднихъ—менѣе $\frac{1}{5}$ всего состава. Въ отдѣльно-же взятой группѣ вторыхъ преподавателей учительницъ насчитывается вчетверо больше, чѣмъ учителей. Низкій процентъ учителей среди вторыхъ учащихся объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что «въ нѣкоторыхъ уѣздахъ жалованье вторыхъ преподавателей слишкомъ незначительно, чтобы удовлетворить тотъ контингентъ, изъ котораго вербуются учителя Тверской губ.»; во-вторыхъ, тѣмъ, что открытіе школь съ двумя преподавателями совпало съ особенно сильнымъ наплывомъ сельскихъ учительницъ за послѣдніе годы.

По образованію своему учителя и учительницы представляютъ большое разнообразіе. Около трети преподавателей получили спеціальное педагогическое образованіе (въ большинствѣ случаевъ—курсъ учительскихъ семинарій), четверть — законченное среднее, а остальные, составляющіе около 43% общаго числа учащихся (13% — учителя и 30% — учительницы), или получили одно низшее, или незаконченное среднее образованіе. Учителя первыхъ двухъ группъ, получившіе достаточную подготовку, составляютъ въ среднемъ по губерніи 57% общаго числа учащихся, по отдѣльнымъ уѣздамъ распространены довольно неравномерно: меньше всего ихъ въ уѣздахъ Осташковскомъ, Ржевскомъ и Калязинскомъ, гдѣ они составляютъ немного болѣе трети всѣхъ преподавателей (35%); наибольшій-же процентъ достаточно подготовленныхъ учителей замѣчается въ Тверскомъ (82%), Новоторжскомъ (73%) и Весьегонскомъ (72%) уѣздахъ, отличающихся вообще лучшею, сравнительно, постановкою школьнаго дѣла. Значительный процентъ учителей съ низшимъ образованіемъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство ихъ было принято на службу въ прежнее время, когда предъявляемая къ учителямъ требованія были гораздо ниже теперешнихъ. Въ настоящее-же время всѣ уѣздныя земства озабочены улучшеніемъ личнаго состава учителей, о чемъ можно судить по недавнимъ назначеніямъ. Оказывается, что за послѣдніе два года по семи уѣздамъ не поступило ни одного учащаго съ низшимъ образованіемъ; а вообще по губерніи замѣчается, что въ учителя сельскихъ школь теперь поступаютъ почти исключительно лица или со среднимъ образованіемъ (54%), или со спеціальнымъ (39%). То-же нужно сказать и относительно учительницъ, поступившихъ на мѣста въ эти два года: половина ихъ получила спеціальное образованіе и только $\frac{1}{4}$ —низшее.

Словесный составъ учащихся такъ-же, какъ и полученное ими образованіе, представляетъ большое разнообразіе. Добрую половину учителей

и учительницъ даютъ лица духовнаго званія (53⁰/₀); большую часть второй половины среди учителей составляютъ крестьяне (33⁰/₀), среди учительницъ — дочери чиновниковъ (14⁰/₀) и мѣщанъ (11⁰/₀). Учителя изъ духовныхъ получили образованіе главнымъ образомъ въ духовной семинаріи, а учащіе изъ крестьянъ, какъ учителя, такъ и учительницы, выходятъ почти исключительно изъ учительскихъ семинарій: новоторжской мужской и тверской женской. Не лишне отмѣтить, что почти всѣ учащіе принадлежатъ къ уроженцамъ Тверской губ., причеиъ $\frac{2}{3}$ учительницъ и $\frac{5}{8}$ учителей преподають въ школахъ своего уѣзда.

Средняя продолжительность службы учителей по губерніи равняется 7,7 г., учительницъ — 7,2 г. Изъ учителей наибольшей средней продолжительностью (14 л.) отличаются учителя съ низшимъ образованіемъ. Причина такой устойчивости учителей этой группы опять та, что почти всѣ эти учителя поступили на службу въ прежнее время, при болѣе льготныхъ условіяхъ, и теперь уже твердо держатся на своихъ мѣстахъ. Измѣненія въ личномъ составѣ преподавателей за послѣдніе годы даютъ одно опредѣленное указаніе на наименьшую устойчивость учителей изъ духовныхъ семинарій и учительницъ изъ воспитанницъ гимназій.

Размѣръ вознагражденія учащихся въ уѣздахъ устанавливается различно: въ однихъ уѣздахъ всѣ учителя, за малыми исключеніями, получаютъ одинаковый окладъ, въ другихъ размѣръ жалованья измѣняется сообразно съ продолжительностью службы или уровнемъ образованія. Окладъ жалованья въ уѣздахъ первой категоріи очень близко подходитъ къ среднему по губерніи — 213 р.; въ уѣздахъ же второй группы онъ начинается съ 140 и доходитъ до 300 р., приближаясь, въ среднемъ, къ обще-губернской нормѣ. Самый низкій средній окладъ жалованья получаютъ учителя Зубовскаго (185 р.) и Корчевскаго (198 р.), высшій — Вышневолоцкаго (240 р.) и Тверскаго (238 р.) уѣздовъ. Вторые учащіе въ большинствѣ уѣздовъ получаютъ жалованье значительно ниже первыхъ, такъ что средній ихъ окладъ по губерніи равняется только 135 р. Такимъ образомъ, вознагражденіе учителей въ Тверской губ. оставляетъ желать еще очень многого. Впрочемъ, къ преимуществамъ тверскихъ учителей относится право на эмеритуру. Пенсіи выдаются трехъ родовъ: за 15 лѣтъ службы — въ половинномъ размѣрѣ (100 р.), за 20 лѣтъ — въ размѣрѣ 80⁰/₀ оклада и за 25-лѣтнюю службу — полная пенсія, въ размѣрѣ 200 руб.

Не смотря на такое сравнительно мало обезпеченное положеніе, въ средѣ учителей Тверской губ. насчитывается не мало семейныхъ: женатые учителя составляютъ третью часть общаго числа ихъ. К. В.—въ.

Въ Московскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданія 28-го апрѣля и 5-го мая 1892 года.

По открытіи перваго изъ названныхъ засѣданій, присутствующимъ было доложено о кончинѣ протоіерея В. П. Рождественскаго, состоявшаго членомъ Коми-

тета съ конца шестидесятыхъ годовъ. Охарактеризовавъ покойнаго, какъ неустаннаго дѣятеля, принимавшаго живѣйшее участіе въ занятіяхъ Комитета грамотности, особенно въ первое время по его возникновеніи, когда только еще нарождалась новая народная школа, предсѣдатель пригласилъ собраніе почтить память усопшаго вставаніемъ. Затѣмъ приступлено было къ избранію новаго товарища предсѣдателя на мѣсто выбывшаго архимандрита Никифора. Большинствомъ 33-хъ голосовъ противъ 17-ти, товарищемъ предсѣдателя былъ избранъ протоіерей Г. П. Смирновъ-Платоновъ.

Послѣ этого дѣйствительнымъ членомъ Комитета И. И. Петрункевичемъ былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности комиссіи по продовольствію учениковъ сельскихъ школъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Отчетъ обнимаетъ собою періодъ дѣятельности комиссіи съ 4-го декабря 1891 года по 25-е апрѣля 1892 года. За это время комиссіей открыто 53 столовыхъ въ 22-хъ уѣздахъ одиннадцати различныхъ губерній; число продовольствуемыхъ учениковъ въ этихъ столовыхъ достигаетъ 2.147 человекъ; кромѣ этого, комиссія оказываетъ пособіе 4-мъ столовымъ, открытымъ другими лицами. Пожертвованій за все это время въ комиссію поступило 10.814 руб. 50 коп.; изъ нихъ израсходовано на продовольствіе 9.183 р. 14 коп.; подлежить выдачѣ 1.683 руб. 36 коп. Недостигающую сумму предполагается покрыть изъ пожертвованій, которыя продолжаютъ поступать въ комиссію. Сумма предполагаемыхъ поступленій, по мнѣнію комиссіи, вполне гарантируетъ содержаніе открытыхъ столовыхъ до новаго урожая *). Каждый день въ комиссію поступаютъ все новыя и новыя просьбы о пособіи; просьбы эти начинаютъ поступать даже изъ мѣстностей, официально не признанныхъ пострадавшими, какъ, напримѣръ, изъ Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи. Но расширить кругъ своей дѣятельности комиссія можетъ только въ томъ случаѣ, если будутъ поступать новыя пожертвованія, сверхъ предполагаемыхъ; пока-же дѣятельность ея направлена къ поддержанію уже открытыхъ столовыхъ. По выслушаніи отчета собраніе постановило благодарить жертвователей.

Послѣ этого В. Е. Ермиловымъ былъ прочитанъ рефератъ: «Идеи Амоса Коменскаго о народной школѣ и народномъ образованіи». Отмѣтивъ въ началѣ реферата тѣ торжественныя празднества и восторженныя рѣчи, которыя были посвящены въ послѣднее время памяти этого величайшаго педагога на Западѣ и у насъ, референтъ останавливается на той мысли, что значеніе заслугъ Коменскаго является наиболѣе знаменательнымъ и въ высшей степени поучительнымъ именно для насъ, русскихъ. Нашу народную школу, созданную земствомъ, не разъ упрекали въ недостаточной самостоятельности, въ отсутствіи національныхъ началъ, въ крайней подражательности западному образцу. И это дѣйствительно такъ, если принять во вниманіе, что принципъ, положенный въ основу ея, впервые былъ провозглашенъ именно на Западѣ. Принципъ этотъ—развитіе духовныхъ силъ учащагося, тогда какъ школа прежняго времени на первое мѣсто ставила задачи болѣе утилитарнаго характера, какъ, напримѣръ, умѣнье читать, писать и считать. Сторонники этой, такъ сказать, практической школы выставляли своимъ девизомъ механическую грамотность, считая принципъ развитія ду-

*) Поступленія эти слѣдующія: 1) часть суммы, вырученной отъ изданія «Книги о книгахъ»; 2) суммы, посланныя изъ Англій, но еще не полученныя комиссіей, и 3) отъ розданныхъ разнымъ лицамъ купонныхъ книжекъ для сбора пожертвованій.

ховныхъ способностей учащихся несомнѣстимымъ съ духомъ славянскаго генія и называя его изобрѣтеніемъ нѣмецкаго философствующаго ума. Между тѣмъ, означенный принципъ гораздо ранѣ великихъ германскихъ педагоговъ былъ указанъ впервые и получилъ свое обоснованіе въ «Великой Дидактикѣ», «Мірѣ въ картинахъ» и прочихъ произведеніяхъ славянскаго педагога. Усвоивъ драгоценныя идеи Коменскаго черезъ посредство нѣмецкихъ мыслителей и не вѣдая, въ простотѣ душевной, истиннаго источника, откуда эти идеи были почерпнуты, мы, русскіе, съ несправедливою въ данномъ случаѣ скромностью, назвали себя послѣдователями нѣмецкой педагогики. Пора, наконецъ, намъ признать, что наша народная школа, построенная на началахъ, провозглашенныхъ въ «Великой Дидактикѣ» Коменскаго, есть *наша, родная намъ школа*, созданная въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ славянскаго генія, съ духовною потребностью русскаго народа. Только этимъ соотвѣтствіемъ, конечно, и можно объяснить себѣ, почему народъ нашъ такъ охотно посылаетъ въ школу своихъ дѣтей и почему эти дѣти такъ любятъ нашу школу и съ такою радостью не только ходятъ въ нее учиться, но зачастую непрерывно и днюють, и ночуютъ въ ней. Здѣсь необходимо отмѣтить то обстоятельство, что хотя принципы современной педагогики мы заимствовали при посредствѣ нѣмецкихъ педагоговъ, тѣмъ не менѣе наша школа отнеслась къ нимъ въ значительной мѣрѣ самостоятельно. Нѣмецкіе педагоги довели основную идею А. Коменскаго до крайности; увлекаясь принципомъ наглядности, который такъ краснорѣчиво и такъ убѣдительно защищалъ Коменскій, они слишкомъ злоупотребляли, такъ называемымъ, методомъ вопросовъ, ведя съ дѣтьми бесѣды о такихъ вещахъ, которыя были вовсе неинтересны для ребенка. Они находились въ полной увѣренности, что развиваютъ ребенка, предлагая ему такіе, напримѣръ, вопросы: «гдѣ потолокъ? гдѣ полъ? сколько ногъ у человѣка? есть-ли ноги у мухи?» и т. п. Нерѣдко авторы и нашихъ методическихъ руководствъ для народныхъ училищъ, подражая германскимъ образцамъ, вносили въ свои уроки почти цѣлкомъ утробки нѣмецкихъ образцовъ. Но такой порядокъ вещей тогда-же началъ находить себѣ упорное сопротивленіе со стороны многихъ педагоговъ, и особенно со стороны нашего великаго писателя Л. Н. Толстого, который такъ горячо и такъ рѣзко нападалъ на нихъ въ одномъ изъ засѣданій Комитета грамотности, около 20-ти лѣтъ назадъ. Къ счастью, опасенія, что мы не выберемся изъ этихъ подражаній на вольную дорогу самостоятельнаго воспитанія дѣтей, оказались напрасными. Относясь критически ко всѣмъ крайностямъ нагляднаго обученія и якобы развивающимъ бесѣдамъ, наши народные учителя заимствовали изъ нѣмецкой педагогики только основные ея принципы. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право сказать, что идеи славянскаго педагога Коменскаго оказались гораздо болѣе близкими, родными и пригодными для русской школы, нежели для школы нѣмецкой. Было-бы, однако, слишкомъ несправедливо признавать Коменскаго педагогомъ, имѣющимъ значеніе только по отношенію къ славянской школѣ. Многія идеи, которыя онъ проповѣдывалъ, имѣютъ такой широкій захватъ, что пройдетъ еще много и много вѣковъ, а онѣ все еще не будутъ осуществлены вполне. Такова, прежде всего, его идея о *всеобщности образованія*: «Ни одно село, ни одно мѣстечко, ни одна деревня,—говоритъ онъ,—не должны обходиться безъ школы, какъ заведенія для общаго образованія». И далѣе: «Познаніе добродѣтели и религіи не дается человѣку непосредственно отъ природы. Оно пріобрѣтается при содѣйствіи двухъ посредниковъ: школы и церкви. Потому недурно нѣкто опредѣлилъ человѣка, сказавъ, что онъ есть животное,

предназначенное для ученія, т.-е., что онъ не можетъ стать истиннымъ человѣкомъ иначе, какъ только получивъ образованіе». Указавъ затѣмъ на объемъ и характеръ тѣхъ свѣдѣній, которыя должна была, по мнѣнію Коменскаго, сообщать школа народу, референтъ остановился на девизѣ великаго педагога: во всемъ слѣдовать природѣ и только въ ней одной черпать уроки для установленія правильныхъ и прочныхъ основъ педагогическихъ.

Для того, чтобы школьное дѣло не впадало въ рутину, Коменскій считаетъ необходимымъ, чтобы между всѣми друзьями школы, наставниками и воспитателями дѣтей народа, царилъ братское согласіе, чтобы между ними какъ можно чаще и какъ можно искреннѣе происходилъ живой обмѣнъ мыслей; онъ горячо ратовалъ за существованіе того, что у насъ теперь называютъ педагогическими институтами, учительскими съѣздами и т. п. Напомнивъ о тѣхъ горячихъ мольбахъ, съ которыми обращался Коменскій ко всѣмъ современнымъ правителямъ народовъ, прося ихъ о содѣйствіи народному образованію, г. Ермиловъ такъ закончилъ свой рефератъ: «Если мы должны признать себя многимъ и многимъ обязанными славному основателю современной педагогій, великому другу дѣтей и народа, то лучшимъ памятникомъ, который мы можемъ ему воздвигнуть, должно служить съ нашей стороны беззаветное и честное стремленіе поднять степень культурности народа неугасимымъ свѣтомъ знанія и науки, освѣтить его умственные очи живымъ источникомъ доброй правды, утолить его духовную жажду и приобщить его къ числу просвѣщеннѣйшихъ и избраннѣйшихъ народовъ міра. И будемъ всѣмъ сердцемъ и всѣми помыслами нашими направлять всю свою дѣятельность къ тому, чтобы свѣтъ этотъ неугасимо сіялъ повсюду, гдѣ только есть живая человѣческая душа, способная къ развитію и совершенствованію; пусть грамотность въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова распространяется по всѣмъ селамъ и деревнямъ, угламъ и закоулкамъ нашей обширной родины. Московскій Комитетъ грамотности вотъ уже нѣсколько лѣтъ ведетъ эту добровольно взятую имъ на себя священную и великую миссію. Да будутъ-же усердные труды его увѣнчаны достойнымъ ихъ успѣхомъ!»

Въ засѣданіи 5-го мая былъ выслушанъ рефератъ г. Шестакова: «Тридцатилѣтняя народно-педагогическая дѣятельность Х. Д. Алчевской». Плодотворная дѣятельность г-жи Алчевской по харьковской воскресной школѣ началась съ 60-хъ годовъ. Предметомъ своей педагогической дѣятельности Х. Д. Алчевская избрала интересы «толпы», народной массы. Излюбленнымъ средствомъ для распространенія въ народѣ просвѣщенія въ то время были воскресныя школы, которыя, однако, вскорѣ должны были закрыться и только въ одномъ Харьковѣ дѣло воскресной школы не замерло, благодаря именно тому, что во главѣ ея стояла Х. Д. Алчевская. Чтобы спасти школу, она дѣлаетъ ее домашнею и подъ такимъ видомъ сохраняетъ ее до 1870 года, когда снова получаетъ официальное разрѣшеніе на открытіе воскресной школы. Интересную картинку этой борьбы за существованіе школы даетъ намъ дневникъ Х. Д. «Помню я живо,—говорится въ этомъ дневникѣ,—то горе, то смущеніе, съ какимъ мы принуждены были объявить дѣтямъ о закрытіи школы; помню отчаяніе и плачъ дѣтей. Въ ту минуту, казалось, я готова была отдать полжизни своей за жизнь школы, но дѣлать было нечего... Вдругъ счастливая мысль пришла мнѣ въ голову—пригласить къ себѣ дѣвочекъ учиться на домъ. Я привела ее въ исполненіе,—за мной пошло 50 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ,—говорится далѣе,—обученіе дѣтей сдѣлалось любимымъ моимъ занятіемъ. По условіямъ помѣщенія и средствъ, собиралось по 10—20 душъ, и я учила ихъ

одинок, крадучись. Меня пугали штрафами, пугали, что закроют магазинъ, который въ то время составлялъ единственный источникъ для добыванія намъ куска хлѣба. Напуганная, я время отъ времени прекращала свои занятія, но потомъ опять съ увлеченіемъ отдавалась имъ. Въ сущности ничего запретнаго въ моихъ занятіяхъ не было; я задавалась самою узкою цѣлью—обученію грамотѣ бѣдныхъ дѣтей—и только; но немнѣе диплома давало право каждому страдать меня, заставлять страдать и мучиться». Вскорѣ, однако, обстоятельство измѣнилось: въ Харьковѣ открылось Общество грамотности, Х. Д. вступила въ него членомъ и возбудила въ немъ вопросъ объ открытіи воскресной школы. Школа была открыта, и въ нее перешли всѣ ученицы Х. Д., сама-же она сдѣлалась учительницей въ этой школѣ. Впослѣдствіи, благодаря громадной массѣ затраченныхъ силъ со стороны Х. Д., ей удалось, наконецъ, получить официальное разрѣшеніе на открытіе своей воскресной школы; и изъ этой-то школы развилось потомъ то народно-образовательное учрежденіе, которое подъ именемъ харьковской частной женской воскресной школы извѣстно теперь всѣмъ образованнымъ людямъ не только у насъ въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Далѣе референтъ остановился на описаніи самой школы. Шесть высокихъ, свѣтлыхъ и помѣстительныхъ комнатъ, въ зданіи уѣзднаго и приходскаго училищъ, каждое воскресенье наполняются шумною, полною жизни и движенія толпою ученицъ и учительницъ. Вездѣ чистота, опрятность и въ то-же время шумная, кипучая жизнь; серьезно-добродушныя лица учительницъ, веселыя лица ученицъ производятъ на посѣтителя самое выгодное впечатлѣніе. При училищѣ имѣются двѣ бібліотеки и педагогическій музей. Библіотека для учащихся состоитъ изъ книгъ для общаго и педагогическаго самообразованія. Ученическая бібліотека, по богатству матеріала для народнаго и дѣтскаго чтенія, едва-ли имѣетъ себѣ равную во всей Россіи. Педагогическій музей заключаетъ въ себѣ богатѣйшій подборъ естественно-историческихъ коллекцій и моделей различныхъ животныхъ, землѣдѣльческихъ орудій и другихъ пособій при объяснительномъ чтеніи. Все это составляетъ собственность школы и пріобрѣтено на средства педагогическаго состава, причемъ особенно много сдѣлано въ этомъ отношеніи Х. Д. Въ настоящее время школа имѣетъ капиталъ, процентами съ котораго покрываются всѣ расходы (300—400 руб. въ годъ). Число учащихся въ школѣ достигаетъ 400; преобладающій возрастъ 10—15 лѣтъ, встрѣчаются, однако, и 50-лѣтнія ученицы. По словесіямъ—учащіяся почти всѣ крестьянки и мѣщанки; по роду занятій—большинство модистки и швеи, кромѣ того, много вышивальщицъ, чулочницъ, кружевницъ, домашней прислуги и т. п. Такимъ образомъ, школа вноситъ свой свѣтъ и нравственное вліяніе туда, куда проникнуть ему особенно трудно и гдѣ нужда въ немъ особенно настоятельна. Чтобы судить, насколько блестящі результаты, которыхъ достигаетъ школа въ дѣлѣ воспитанія и обученія, референтъ приводитъ мнѣніе барона Корфа, производившаго тамъ испытаніе ученицъ. «Скажемъ искренно,—говоритъ онъ,—что крѣпко билось у насъ сердце во время испытанія ученицъ, и что мы живо сожалѣли о томъ, что не вся Россія присутствовала при этомъ испытаніи. Тогда,—говоритъ онъ далѣе,—всѣ присутствующіе вмѣстѣ съ нами убѣдились-бы, что испытанныя ученицы весьма плавно и чрезвычайно сознательно читаютъ и толково излагаютъ свою мысль на бумагѣ; что эти ученицы настолько развиты, что могутъ понимать популярно написанныя, но не дѣтскія книги, требующія лишь незначительной образовательной подготовки; что эти ученицы весьма осмысленно относятся къ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики; что онѣ, наконецъ, изъ чтенія и

уроковъ вынесли здравыя понятія о многихъ явленіяхъ природы и окружающей ихъ обстановки. Еще болѣе драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ показалось-бы всѣмъ присутствующимъ, что харьковская воскресная школа сумѣла возбудить любознательность въ своихъ питомцахъ, о чемъ свидѣлствуетъ то, что онѣ охотно и постоянно берутъ книги изъ школьной бібліотеки для чтенія дома». Нельзя также обойти молчаніемъ и того, что было нѣсколько случаевъ, когда ученицы выдерживали экзаменъ на званіе народной учительницы.

Конечно, приведенные факты сами по себѣ не могутъ представлять чего-либо выдающагося; но не надо забывать—гдѣ, въ какой средѣ школа производитъ съ человѣкомъ такія метаморфозы! Всѣмъ извѣстно, какими интересами живутъ наши модистки, швеи, прачки, домашняя прислуга и т. п., какая нравственная атмосфера окружаетъ ихъ; извѣстно также и социальное-экономическое положеніе этого люда. И если здѣсь школа развиваетъ въ человѣкѣ разумную и нравственную личность, то можно судить, какъ велико должно быть ея культурное вліяніе! Далѣе референтъ приводитъ мнѣніе другого нашего педагога, С. И. Миропольскаго. «Будь эта школа,—говоритъ онъ про харьковскую воскресную школу,—за границей—въ Парижѣ, въ Берлинѣ, гдѣ-нибудь въ Швейцаріи, она навѣрно служила-бы предметомъ тщательнаго изученія, составляла-бы предметъ симпатій, заботъ цѣлаго общества; педагоги ѣздили-бы нарочно познакомиться съ нею и поучиться, какъ вести трудное дѣло начального образованія въ воскресной школѣ на разумно-педагогическихъ началахъ». Въ настоящее время школа Алчевской и у насъ, въ Россіи, извѣстна не только педагогамъ, но и вообще образованнымъ людямъ, она и у насъ теперь и предметъ изученія, и предметъ гордости. И все это есть дѣло рукъ Х. Д., сумѣвшей вокругъ живого дѣла организовать кружокъ живыхъ людей, образовать изъ нихъ одну мощную культурную силу и направить ее къ одной общей цѣли.

Остановившись затѣмъ на одномъ, въ высшей степени симпатичномъ, явленіи въ жизни харьковской школы, именно на школьныхъ праздникахъ, референтъ переходитъ къ заслугамъ Х. Д., связаннымъ съ появленіемъ на свѣтъ книги: «Что читать народу?» Книга эта, названная Г. И. Успенскимъ манной небесной, дала пищу для ума интеллигенціи и вызвала ее на работу. Народъ снова приковывается къ себѣ вниманіе и общества, и литературы: *народное* образованіе, *народныя* бібліотеки, *народныя* книги—являются предметомъ всеобщаго вниманія. Глубочная литература, эта единственная до 80-хъ годовъ пища для народнаго ума, становится предметомъ научнаго изслѣдованія. Указавъ далѣе на то участіе, которое принимаетъ Х. Д. въ дѣлѣ открытія и веденія вновь возникающихъ въ настоящее время воскресныхъ школъ, г. Шестаковъ закончилъ свое сообщеніе пожеланіемъ, чтобы частная инициатива въ области народнаго просвѣщенія, высокая плодотворность которой такъ ярко выразилась въ дѣятельности славной ея представительницы, Х. Д. Алчевской, не вызывала-бы человѣка на необходимость расходовать силы на борьбу съ условіями, не вытекающими изъ ея сущности, не являлась-бы дѣломъ, посильнымъ только для такой исключительной личности, какъ Х. Д. Алчевская, но не превышала-бы силъ и средняго человѣка. Осуществленіе этого пожеланія послужитъ лучшей наградой этой поборницѣ частной инициативы въ ея 30-лѣтней неустанной дѣятельности.

По выслушаніи сообщенія г. Шестакова, собраніе, въ виду исполнившагося 13-го мая 1892 г. 30-лѣтія педагогической дѣятельности Х. Д. Алчевской, *единогласно* избрало ее почетнымъ членомъ Московскаго Комитета грамотности.

Остальная часть засѣданія была посвящена обсужденію прихода-расходной смѣты Комитета на 1892 годъ. Смѣта расходовъ утверждена, сообразно ожидаемымъ поступленіямъ, въ количествѣ 1.630 рублей, причемъ на бесплатную рассылку книгъ назначено изъ этой суммы 730 руб. и на спеціальныя нужды коммиссіи по воскреснымъ школамъ 250 руб.

Н. Т.—въ.

Въ Петербургскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 14-го апрѣля 1892 г.

Годовое собраніе Комитета было исключительно посвящено текущимъ дѣламъ, главнымъ образомъ—чтенію отчетовъ Совѣта о дѣятельности Комитета за истекшій 1891 г. и ревизіонной коммиссіи и выбору всего состава Совѣта, полномочія котораго, по уставу, истекаютъ ко времени этого собранія.

Въ виду образованія, въ послѣднее время, среди членовъ Комитета нѣсколькихъ партій, возникшихъ не столько на почвѣ принципиальныхъ разногласій во взглядахъ на дѣятельность Общества, сколько въ силу чисто личныхъ пререканій, собраніе на этотъ разъ привлекло необычайно многочисленное число членовъ. Въ баллотировкѣ Совѣта участвовало 128 человекъ. Отчетъ Совѣта обнимаетъ всю дѣятельность Комитета и его коммиссій. Послѣ напечатанія отчета мы дадимъ въ одной изъ будущихъ нашихъ хроникъ нѣкоторыя болѣе интересныя данныя изъ него, пока же ограничиваемся выдержками изъ отчета по бесплатному снабженію книгами бѣднѣйшихъ школъ, библіотекъ и т. п. учреждений. Какъ извѣстно, Петербургскій Комитетъ грамотности въ этомъ отношеніи является почти единственнымъ частнымъ учрежденіемъ въ Россіи. Кромѣ него, намъ извѣстно только два такихъ Общества: Московскій Комитетъ грамотности и «Общество распространенія полезныхъ книгъ». Дѣятельность этихъ послѣднихъ двухъ учреждений далеко, однако, не успѣла достигъ такихъ размѣровъ, какихъ достигъ Петербургскій Комитетъ грамотности, разославшій въ 1891 г. 50.045 экземпляровъ книгъ, картинъ и нотъ въ 344 различныхъ учрежденія, преимущественно школы разныхъ вѣдомствъ, а именно: министерскія 47 (главнымъ образомъ, въ неземскихъ губерніяхъ Европейской Россіи и всей Сибири), земскія 84, церковно-приходскія 103, школы грамотности 43 и т. д. Кромѣ того, были снабжены книгами 16 народныхъ библіотекъ, нѣсколько аудиторій народныхъ чтеній, переселенцы въ Тюмени. Нашли въ просьбѣ были такъ великъ въ отчетномъ году, что 87 просьбъ, поступившихъ въ теченіе декабря мѣсяца, не были и разсмотрѣны; очередь ихъ исполненія наступила только уже въ 1892 году. Годовой бюджетъ на это дѣло, къ сожалѣнію, очень не великъ, составляя всего 5.000—6.000 руб. *), изъ которыхъ 1.800 руб. поступило книгами въ видѣ пожертвованій отъ авторовъ и издателей. Въ числѣ разосланныхъ книгъ главное мѣсто занимаютъ книги беллетристическаго содержанія,

*) Считаая номинальную стоимость разосланнаго.

составляя болѣе 37% всего числа. Затѣмъ, въ нисходящемъ порядкѣ, слѣдуютъ учебныя книги (около 30%), научнаго и прикладнаго характера (около 16%), историческія (9,20%) и т. д. Разосланныя книги распределяются между 44 различными губерніями и областями и 22 городами. Были посылки книгъ и въ такія отдаленныя мѣста, какъ Тобольская губернія, Якутская область или островъ Сахалинъ. На нашъ взглядъ, эта часть дѣятельности Комитета является наиболее симпатичной и заслуживаетъ, по своей полезности, самаго широкаго развитія.

Отчетъ Совѣта послужилъ предлогомъ для цѣлаго ряда нападокъ на дѣятельность Совѣта, не смотря на то, что факты, сообщаемые имъ, являются далеко не новостію для всѣхъ членовъ Комитета, которые считают нужнымъ посѣщать общія собранія. Годовой отчетъ является только сводомъ въ одно цѣлое всего, что сообщалось собранію по частямъ въ теченіе отчетнаго года. Но тогда не было партій, и съ точки зрѣнія гг. Фальборка, Воленса, Глаголева, Чернолузскаго и Бурлея все обстояло благополучно, но теперь, когда исправлять погрѣшности уже поздно, является, очевидно, на сцену иная точка зрѣнія, съ которой дѣятельность Совѣта заслуживала, по мнѣнію этихъ лицъ, полнаго неодобренія. Недовольство оппозиціонеровъ касалось, кромѣ двухъ дѣйствительно имѣющихъ значеніе вопросовъ, такихъ мелочей и придирокъ личнаго характера, что не заслуживаетъ, строго говоря, никакого вниманія. Зачѣмъ, говоритъ г. Воленсъ, деньги, лежащія на текущемъ счету казначея, положены имъ въ учетный банкъ, а не въ другой; почему, ставить въ упрекъ Совѣту г. Фальборкъ, существуетъ такой параграфъ устава, который не даетъ возможности члену Комитета, живущему въ Чухломѣ, внести въ собраніе свое заявленіе безъ подписи еще двухъ членовъ, которыхъ нѣтъ въ Чухломѣ, а есть въ Петербургѣ? Куда дѣвалась записка покойнаго Юрьева объ организациі народныхъ театровъ *)? Недоволенъ г. Фальборкъ и тѣмъ, что отчетъ Совѣта составленъ по одной формѣ съ отчетомъ за 1891 г. Г. Фальборку понадобился даже для чего-то списокъ тѣхъ магазиновъ, въ которыхъ приобрѣтаются Комитетомъ книги, и отсутствіе этого списка въ отчетѣ было поставлено въ вину Совѣта... Словомъ, нагромождены были цѣлыя вороха всякихъ мелочей, въ большинствѣ случаевъ, не имѣющихъ или никакого значенія, или не относящихся совершенно къ дѣятельности работавшаго въ 1891 г. Совѣта. Сквозь все это просвѣчивало прежде всего намѣреніе «насолить» во что-бы то ни стало всякими правдами и неправдами, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Былъ, однако, выдвинутъ г. Фальборкомъ вопросъ, имѣющій значеніе, и даже не одинъ, а цѣлыхъ два. Г. Фальборкъ нашелъ, что Комитетъ, въ лицѣ Совѣта, отклоняется отъ тѣхъ основныхъ принциповъ своей дѣятельности, которые были положены его основателями. Такое отклоненіе онъ увидѣлъ, между прочимъ, въ томъ обстоятельстве, что Комитетъ въ прошломъ отчетномъ году снабдилъ книгами 66 церковно-приходскихъ школъ, а въ этомъ году снабжаетъ уже 103 такихъ школы, тогда какъ земскихъ всего 84. На основаніи этого г. Фальборкъ нашелъ возможнымъ обвинять Совѣтъ въ предпочтеніи, отдаваемомъ имъ церковно-приходской школѣ передъ земской. Въ отвѣтъ

*) Поданная имъ, если не ошибаемся, еще въ 70-хъ годахъ.

г. Фальборку, возражали гг. Девель, Бернштамъ и друг. и выяснили, что въ превышеніи числа церковно-приходскихъ школъ надъ земскими нельзя видѣть предпочтенія, отдаваемого будто-бы первымъ передъ вторыми, такъ какъ удовлетворены были *всѣ* поступившія просьбы, и никто не виноватъ въ томъ, что земскихъ школъ, обращающихся въ Комитетъ за книгами, нашлось только 84, тогда какъ церковно-приходскихъ 103. Г. Девель выяснилъ, кромѣ того, что въ число 103 церковно-приходскихъ школъ попало не мало и школъ грамотности, которыя теперь трудно иной разъ отличить отъ церковно-приходскихъ; отказывать-же церковно-приходскимъ школамъ г. Девель, какъ членъ Совѣта, завѣдующій разсылкой книгъ, не находилъ возможнымъ, какъ потому, что цѣль Комитета—распространить возможно большее число лучшихъ по содержанію книгъ, достигается независимо отъ того, кто будетъ въ этомъ случаѣ посредникомъ между Комитетомъ и населеніемъ, такъ и потому, добавимъ мы теперь, что, посылая книги только въ земскія школы, пришлось-бы исключить изъ района дѣятельности Комитета всю неземскую Россію, что, конечно, совершенно нежелательно, ибо въ такихъ мѣстностяхъ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сказывается нужда въ книгахъ. Второй упрекъ поставленъ былъ г. Фальборкомъ дѣятельности «издательской комиссіи Комитета», которая успѣла въ теченіе отчетнаго года выпустить всего четыре названія, въ 40.000 экземплярахъ. Какъ примѣръ того, что возможно сдѣлать въ этой области, г. Фальборкомъ поставлена была дѣятельность Одесскаго славянскаго Общества, которое успѣло выпустить, по словамъ г. Фальборка, въ теченіе года 25 названій *). Но и это возраженіе потеряло свое значеніе при выясненіи предсѣдательницей «издательской комиссіи», А. М. Калмыковой, тѣхъ причинъ, при наличности которыхъ нельзя было и ожидать особенно широкой дѣятельности. Издательство Комитета стоитъ, конечно, въ зависимости отъ размѣровъ издательскаго фонда Комитета, который былъ весь въ оборотѣ по изданію. А. М. Калмыкова указала на то обстоятельство, что 25 названій книгъ Одесскаго Общества, если даже эта цифра и вѣрна дѣйствительности, не могутъ быть поставлены въ упрекъ издательству Комитета, такъ какъ надо имѣть при этомъ въ виду ту программу изданій, которой рѣшила держаться комиссія. Комитетъ, по ея мнѣнію, слѣдуя всегдашнимъ своимъ традиціямъ, и въ издательской дѣятельности долженъ выступать по возможности новаторомъ, указывая частной инициативѣ тѣ пробѣлы народной литературы, которые слѣдуетъ пополнить въ данную минуту. Такимъ крупнымъ недостаткомъ современной народной литературы является почти совершенное отсутствіе въ ней книгъ научнаго и прикладнаго характера. Издаваніе книгъ по отдѣлу беллетристики, съ этой точки зрѣнія, имѣетъ за собою гораздо менѣе основаній, такъ какъ на издательство такихъ книгъ Комитетъ потратилъ уже достаточно средствъ и достигъ тѣхъ цѣлей, какія ставилъ себѣ. Путь къ издаванію такихъ книгъ проложенъ: вслѣдъ за Комитетомъ выступилъ цѣлый рядъ издательскихъ фирмъ, выпускающихъ въ свѣтъ не мало произведеній лучшихъ русскихъ

*) По справкамъ, которыя намъ удалось собрать, Одесское славянское Общество выпустило за все время своего издательства 8—10 названій, изъ коихъ нѣкоторыя въ объемѣ нѣсколькихъ страничекъ, какъ, напримѣръ, житія святыхъ.

писателей. Острая нужда прошла—и Комитету нѣтъ необходимости лопаться въ открытую дверь, тогда какъ рядомъ съ этимъ ощущается вопиющая нужда въ другаго характера книгахъ. Но одно дѣло сознать недостатки и видѣть пробѣлы, и другое дѣло имѣть возможность пополнить ихъ. Не говоря уже о томъ, что такое серьезное дѣло требовало всесторонняго изученія его, знакомства съ иностранной народной литературой этого характера, комиссія приходится бороться съ такими условіями, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ которыми врядъ-ли упреки въ медленности веденія дѣла будутъ основательными. Достаточно указать хотя-бы на непреодолимую почти трудность подыскать болѣе или менѣе талантливыхъ авторовъ, чтобы имѣть нравственное право снять съ себя подобный упрекъ, возводимый на комиссію, очевидно, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ издательскимъ дѣломъ. Такова, по словамъ А. М. Калмыковой, намѣченная программа дѣятельности по изданію книгъ, которую и предполагается по возможности осуществить. Собраніе Комитета громаднымъ большинствомъ присутствующихъ согласилось съ А. М. Калмыковой, выразивъ свое одобреніе единодушными и громкими рукоплесканіями. Я. Г. Гуревичъ, въ горячей рѣчи въ защиту дѣятельности Совѣта, протестовалъ противъ мелочности и придирчивости, безъ достаточныхъ основаній, возраженій оппозиціонеровъ, находя, что общій тонъ ихъ и содержаніе говорятъ за то, что недовольными руководить не столько польза дѣла, сколько личныя пререканія, мало интересныя для присутствующихъ. Вслѣдъ затѣмъ отчетъ Совѣта, правильность денежной части котораго подтверждена была отчетомъ ревизіонной комиссіи, былъ утвержденъ собраніемъ. Ревизіонная комиссія, впрочемъ, на этотъ разъ вышла изъ предѣловъ своихъ полномочій и, по просьбѣ самаго Совѣта, подвергла ревизіи не только денежную отчетность Совѣта, но и дѣятельность его по разсылкѣ книгъ, а также и бібліотеку Комитета.

Наступила очередь выборовъ должностныхъ лицъ, но проф. Н. И. Карѣевъ, попросивъ слова, заявилъ, что онъ считаетъ нужнымъ сообщить собранію о полученіи имъ *) открытаго анонимаго письма слѣдующаго содержанія **): 14 апрѣля имѣетъ быть общее собраніе Комитета, на которомъ будутъ происходить выборы всего состава Совѣта. «Независимые» члены Комитета грамотности рѣшили выбирать въ предсѣдатели Н. Н. Н. И. Карѣевъ, въ виду «медвѣжьей услуги», оказываемой «независимыми» въ выборѣ средствъ анонимными авторами письма своему кандидату, не нашелъ возможнымъ назвать его имя и предложилъ собранію высказать порицаніе такому способу агитаціи. Большинство собранія вопіиѣ, конечно, согласилось съ Н. И. Карѣевымъ.

Затѣмъ было приступлено къ выбору должностныхъ лицъ, въ результатѣ котораго огромнымъ большинствомъ голосовъ выбранными оказались: въ предсѣдатели Я. Т. Михайловскій, его товарищами: К. К. Пистолькорсъ и В. Г. Котельниковъ и секретарями: А. М. Калмыкова, Б. Э. Кетрицъ, В. В. Девель и Н. А. Рубакинъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ вновь избраннаго Н. А. Рубакина, Совѣтъ остался въ своемъ

*) Какъ потомъ оказалось, и многими другими членами.

**) Передаемъ только содержаніе, не ругаясь за точность выраженій.

прежнемъ составѣ. Кандидатомъ въ председатели со стороны оппозиціи былъ избираемъ Н. А. Варгунинъ, получившій 31 избирательный голосъ и имя котораго, какъ потомъ оказалось, фигурировало въ письмахъ къ Н. И. Кирѣеву и другимъ.

Въ заключеніе собраніе, выслушавъ докладъ «коммиссіи по присужденію золотой медали въ память А. С. Воронова», остановившей свой выборъ на трудѣ извѣстнаго педагога и писателя П. Θ. Каптерева «Дидактическіе очерки», единодушно согласилось съ мнѣніемъ коммиссіи о награжденіи медалью этого выдающагося труда *). В. Д.

Пожертвованія служащихъ С.-Петербургскаго учебнаго округа на пособія учащимъ и учащимся въ народныхъ школахъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ.

Относительно дальнѣйшей помощи школамъ въ № 4 Циркуляра по С.-Петербургскому учебному округу приводятся слѣдующія свѣдѣнія.

Благодаря особымъ жертвованіямъ, поступившимъ въ теченіи марта, оказалось возможнымъ осуществить предположенія, высказанныя въ предшествовавшемъ отчетѣ: выслать въ Шадринскій, Челябинскій и Николаевскій уѣзды суммы на содержаніе столовыхъ въ апрѣлѣ и маѣ и прибавить къ нимъ по 50 р. для празднованія дней Св. Пасхи. Упомянутыя жертвованія поступили: отъ комитета по устройству публичныхъ лекцій профессоровъ университета, чрезъ проф. И. Я. Фойницкаго, 1.000 р.; отъ проф. И. И. Воргмана сбора съ прочитанной имъ лекціи въ количествѣ 158 р. 50 к. и отъ почетнаго попечителя С.-Петербургскаго Учительскаго института г. Кекина 50 р. Всего поступило жертвованій въ мартѣ мѣсяцѣ 3.135 р.; а выслано 4.000 р.

Не смотря, однако, на постоянно увеличивавшіяся высылки пособій, нужда населенія возрастаетъ еще въ большемъ размѣрѣ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Самарской губерніи, положеніе учащихся въ іюнѣ и іюлѣ будетъ крайне тяжелымъ. Если нѣкоторыя дѣти отправятся на заработки, то необходимо снабдить ихъ продовольствіемъ по крайней мѣрѣ на одинъ мѣсяць. Затѣмъ уменьшеніе крестьянскихъ поѣздовъ и количества скота значительно сокращаетъ надежды мальчиковъ на заработки. Наконецъ, общество Краснаго Креста выдало деньги на содержаніе столовыхъ только до 1-го іюня. Все это вызываетъ необходимость поддержать столовыя С.-Петербургскаго учебнаго округа до 1-го августа, хотя, быть можетъ, и въ меньшемъ размѣрѣ, въ виду нѣкотораго ослабленія жертвованій. Съ другой стороны, къ сожалѣнію, поздно получены извѣстія о крайней нуждѣ учащихся въ школахъ особенно Пинежскаго уѣзда Архангельской губерніи. Благодаря досточтимому отцу Іоанну Сергіеву, ученики Сурскаго и Юрьольскаго училищъ содержатся на счетъ пожертвованныхъ имъ 263 р.; на Карпогорское училище пожертвовано 57 пудовъ ячменя отъ неизвѣстнаго, проживающаго въ Шенкурскомъ уѣздѣ; Веркольское

*) Докладъ коммиссіи напечатанъ въ апрѣльскомъ номерѣ «Русской Школы».

училище получало помощь отъ Веркольскаго монастыря. Сверхъ того, изъ сбора учителей начальныхъ училищъ Архангельской губерніи выдано пинежскому училищу 20 р., Шардонежскому 50 р. и Сулецкому 25 р. Пожертвованія поступили: отъ училищъ города Архангельска, — городского 16 р., Соломбальскаго приходскаго 18 р. 70 к. и трехъ приходскихъ 8 р. 84 к.; затѣмъ отъ Холмогорскаго приходскаго 13 р., отъ Сумскаго 3 р. 83 к. и отъ Шенкурскихъ приходскаго и сельскихъ 34 р. 89 к.; наконецъ, отъ директора и инспектора народныхъ училищъ 14 р. По сообщенію директора, нуждаются въ пособіи еще 15 учениковъ въ училищахъ Труфаногорскомъ, Вонгскомъ и Пирижмскомъ Пинежскаго уѣзда и въ Красноборскомъ Мезенскаго уѣзда. Въ виду этого, а также по невозможности ожидать значительныхъ мѣстныхъ пожертвованій, сдѣлано распоряженіе о высылкѣ директору училищъ Архангельской губерніи 200 рублей. Къ сожалѣнію, нѣкоторые ученики пинежскихъ школъ еще въ началѣ осени ушли вмѣстѣ съ родителями за подаяніемъ въ Шенкурскій уѣздъ. Десять изъ нихъ уже возвратились въ Шардонежское училище.

Изъ хлѣбородныхъ губерній, достигнутыхъ неурожаемъ лишь въ нынѣшнемъ году, наибольшее число столовыхъ было въ Самарской. Въ Николаевскомъ уѣздѣ открыта 22-го февраля двѣнадцатая столовая, въ селѣ Николаевкѣ, на 72 учащихся. Всего въ теченіе марта въ столовыхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа при школахъ Николаевскаго уѣзда получали пищу 610 дѣтей. Инспекторъ А. В. Беневоленскій по прежнему заботливо и съ любовью относился къ столовымъ; благодаря его порядительности, содержаніе каждаго учащагося обходилось менѣе одного рубля въ мѣсяцъ; съ нимъ вмѣстѣ добрымъ трудомъ потрудились законоучители и всѣ учащіе въ школахъ. На празднованіе дня Св. Пасхи употреблено въ 12-ти столовыхъ 121 р. 50 к.

Въ Новоузенскомъ уѣздѣ существовали на средства С.-Петербургскаго округа три столовыя на 119 учащихся; съ 1-го марта открыта четвертая столовая, въ с. Генеральскомъ, на 50 учащихся. Въ Бузулукскомъ уѣздѣ въ столовыхъ при четырехъ сельскихъ училищахъ получили пищу 198 дѣтей.

Такимъ образомъ, въ трехъ уѣздахъ Самарской губерніи число учащихся, получившихъ пищу въ столовыхъ С.-Петербургскаго округа, было 977. На содержаніе столовыхъ высылалось по 1.000 р. въ мѣсяцъ, и эту сумму желательно сохранить, по крайней мѣрѣ, приблизительно до новаго урожая. Директоръ народныхъ училищъ М. Н. Грифцовъ находилъ необходимымъ продолжить существованіе столовыхъ, не смотря на прекращеніе школьныхъ занятій, такъ какъ нужда въ пропитаніи остается по прежнему.

Нельзя не отмѣтить, что въ Самарской губерніи какъ директоръ, такъ и инспектора принимали непосредственное участіе въ устройствѣ столовыхъ и что послышавшіяся имъ деньги всецѣло обращались на прокормленіе учениковъ; учителя и учительницы отказывались отъ пособія изъ суммъ, жертвуемыхъ служащими въ С.-Петербургскомъ округѣ.

Въ Симбирской губерніи, куда послано было одновременно 100 р., эта сумма распределена была директоромъ народныхъ училищъ слѣдующимъ образомъ: 10 р. переданы въ епархіальный училищный совѣтъ, 15 р. отправлены на пропитаніе учениковъ Теплостанскаго училища въ

Курмышскомъ уѣздѣ; остальная сумма распредѣлена между семью учителями сельскихъ школъ Алатырскаго уѣзда.

Отъ директора училищъ Казанской губерніи никакихъ свѣдѣній о столовыхъ въ теченіе истекшаго мѣсяца не получено. Поэтому надо полагать, что на высланные ему 400 р. содержится по прежнему одна столовая на 160 мальчиковъ.

Директоръ училищъ Пермской губерніи распредѣлилъ высланные ему на февраль и мартъ 700 р. такимъ образомъ: 447 р. выдано 13-ти учителямъ Шадринскаго уѣзда, затѣмъ 150 р. обращено на продовольствіе учащихся и учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамотности и 100 р. на продовольствіе учащихся въ земскихъ школахъ уѣзда. Изъ телеграммы инспектора народныхъ училищъ г. Павлова видно, что въ столовыхъ С.-Петербургскаго округа въ Шадринскомъ уѣздѣ получаютъ пищу 255 учащихся. Сверхъ того, въ 16-ти церковно-приходскихъ училищахъ и въ 12-ти школахъ грамотности получали приварокъ до 250 учащихся (хлѣбъ, по 10-ти пудовъ на каждое училище, выслано мѣстнымъ отдѣленіемъ епархіальнаго училищнаго совѣта). Если присоединить къ этому числу 65 дѣвочекъ и мальчиковъ въ двухъ школахъ Камышловскаго уѣзда, то окажется, что въ Пермской губерніи продовольствуется на счетъ служащихъ С.-Петербургскаго округа 330 учащихся, а съ получающими только приварокъ 580. Прокормленіе каждого учащагося обходится по 5 к. въ день.

Изъ Челябинскаго уѣзда Оренбургской губерніи новыхъ свѣдѣній не получено. Но число продовольствуемыхъ дѣтей (270) не могло уменьшиться, такъ какъ на мартъ мѣсяцъ было выслано 350 р. Изъ печатнаго отчета Оренбургскаго комитета видно, что на присылаемыя отъ С.-Петербургскаго округа суммы устроены столовыя также при нѣсколькихъ церковно-приходскихъ училищахъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что въ мартѣ мѣсяцѣ въ столовыхъ С.-Петербургскаго округа продовольствовалось 1.740 учащихся, кромѣ учениковъ церковно-приходскихъ школъ. Сверхъ того, выдано свыше 500 р. въ пособіе тридцати учителямъ. Въ теченіе мѣсяца выслано 4.000 р., а всего съ ноября мѣсяца прошлаго года 12.065 р. Общая сумма пожертвованій до 1-го апрѣля простиралась до 14.160 р.

Независимо отъ этой послѣдней суммы, содержательницей частной женской гимназіи въ С.-Петербургѣ Э. П. Шаффе, за время съ 12-го декабря 1891 по 20 марта 1892 года, собрано 1.079 р. 25 к. Изъ этихъ денегъ выслано на прокормленіе дѣтей и на пособіе нуждающимся 1.070 р. Болѣе половины всей суммы, именно 550 р., отправлено О. С. Воробьевой на столовую въ деревнѣ Востряково, Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда; 200 р. на столовую въ Челябинскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи; 100 р. г. Березовскому въ Ардатовскій уѣздъ, Симбирской губерніи; 100 р. земскому начальнику 3-го участка Васильсурскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, П. Демидову, и 120 р. въ ту же губернію и уѣздъ О. В. Фалькъ. Кромѣ того, г-жою Шаффе выслано было два тюка платя и обуви для нуждающихся.

Къ 1-му марта оставалось	2.959 р. 05 к.
Поступило	3.135 » 15 »
Всего, съ вышеозначеннымъ остаткомъ, къ 1-му апрѣля.	6.094 » 20 »

О Т П Р А В Л Е Н О :

Марта 5-го директору нар. училищъ Самарской губ. для школь дирекціи	400 р. — к.
Марта 10-го директору нар. училищъ Казанской губ. для школь дирекціи	400 » — »
» » туда же	250 » — »
» » директору нар. училищъ Пермской губ. для школь дирекціи	850 » — »
» » инспектору нар. училищъ Челябинскаго у., Оренбургской губ.	850 » — »
» » инспектору нар. училищъ Николаевскаго у., Самарской губ.	1.250 » — »
<hr/>	
Итого	4.000 р. 57 к.
Еъ 1-му апрѣля 1892 года въ наличности	2.093 р. 20 к.

Всего поступило пожертвованій:

До 1-го января	6.329 р. 84 к.
Въ январѣ	3.121 » 38 »
» февралѣ	1.572 » 74 »
» мартѣ	3.135 » 15 »
<hr/>	
	14.159 р. 11 к.

О Т П Р А В Л Е Н О :

Въ ноябрѣ	752 р. 64 к.
» декабрѣ	1.054 » 49 »
» январѣ	5.257 » 78 »
» февралѣ	1.000 » — »
» мартѣ	4.000 » — »
<hr/>	
	12.065 р. 48 к.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

На годъ съ дост. и перес. 9 р., безъ доставки 8 р., за границу 10 р. Отдѣльная книга 1 р. Разерочка по соглашенію.

С.-Петербургъ, Памтелеймоновская, 27.

Въ вышедшихъ книгахъ, между прочимъ, помѣщено: «Дѣтство Темы» (Изъ семейной хроники, гл. I—XII). *Н. Г. Гарина*; «Ученое горе», разсказъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка*; «Безшабашный» (изъ современныхъ нравовъ, гл. I—VIII). *Скромнаго писателя*; «Задача», разсказъ. *И. Н. Потапенко*; «Бѣлый старичекъ», разсказъ. *Н. Н. Златоаратскаго*; «Правила Самарскаго земства». *Г. И. Успенскаго*; «Источники историческихъ перемѣнъ». *Н. И. Карлева*; «Обезпеченіе народнаго продовольствія». *В. Г. Ярошкаго*; «Попытки обоснованія народничества». *В. В. «Психология тщеславія»*. *В. В. Лесевича*; «Литература 1891 года». *А. А. Слышова*; «Трудовое начало въ вопросахъ образованія и просвѣщенія». *Е. М. Гаршина*; «Полиморфизмъ». *П. И. Отошкаго*; «Профилактика душевныхъ болѣзней». *П. Бергера* (пер. съ нѣм.); Романы и повѣсти *А. Додэ*, *П. Бурже*, *Р. Кипллингъ*, *Гумфри Вордъ*; Постоянные отчеты—«Новыя книги», «Хроника заграничной жизни» *В. Т.*; «Хроника внутренней жизни». *С. К.*; «Смѣсь» (научныя новости).
1—2

ARGUS DE LA PRESSE

FONDÉ EN 1879.

Pour être sûr de ne pas laisser échapper un journal qui l'aurait nommé, il était abonné à l'Argus de la Presse, «qui lit, découpe et traduit tous les journaux du monde, et en fournit les extraits sur n'importe quel sujet».

Hector Malot (*ZYTE*, p. 70 et 323).

L'Argus de la Presse fournit aux artistes, littérateurs, savants, hommes politiques, tout ce qui paraît sur leur compte dans les journaux et revues du monde entier.

L'Argus de la Presse est le collaborateur indiqué de tous ceux qui préparent un ouvrage, étudient une question, s'occupent de statistique, etc, etc.

S'adresser aux bureaux de l'Argus 155, rue Montmartre, Paris.—Téléphone.

L'Argus lit 5.000 journaux par jour.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ М. Стасюлевича, Риккера, Суворина, Фену и др

Изданія д-ра ВИРЕНІУСА:

Школьные столы и скамьи. 60 коп.

Рациональный способъ письма. 30 коп.

Гигіена учителя. 40 коп.

Заразныя болѣзни въ уч. заведеніяхъ. 2 изд. 1 руб. 25 коп.

Переутомленіе учащихся. 50 коп.

Аффекты. Проф. Ланге. Съ нѣмецкаго. 60 коп.

Складъ у автора: Екатерингофскій просп., у Харламова моста, № 27—119, кв. 2.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Н. П. КАРВАСНИКОВА

(С.-Петербург., Литейный, 46; Москва, Моховая, д. Кохъ; Варшава, Нов. Свѣтъ 67)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ III-й ВЫПУСКЪ

СПРАВОЧНОЙ КНИГИ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ:

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ

НА 1892—1893 УЧ. Г.,

В. А. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

Ц. 50 коп. (съ пересылк. 61 коп., марками).

Содержаніе III-го выпуска: I. Церковный календарь. II. Статистика народнаго образованія въ Россіи. III. Официальный отдѣлъ: Личный составъ М—ва Нар. Пр.—Управленіе церковно-приходск. шк.—Правила о шк. грамоты.—О правахъ учителей русско-гуземныхъ училищъ.—Объ отбываніи учительской повинности воспитанниками учительскихъ семинарій.—Объ установленіи числа преподавателей въ начальныхъ училищахъ.—Объ установленіи обязательнаго ценза для духовныхъ лицъ магометанск. исповѣданія.—Правила производства испытаній въ знаніи русскаго языка лицамъ магометанск. исповѣданія.—О подчиненіи вѣдомству М—ва Нар. Пр. всѣхъ лютеранскихъ церковныхъ школъ—въ округахъ Московск. и С.-Петербургской еванг.-лютеранской консисторіи.—Правила для устройства народныхъ чтеній.—Книги, одобренныя для чтенія въ публичныхъ народныхъ аудиторіяхъ.—О выпискѣ книгъ, изданныхъ училищн. совѣтомъ при Св. Синодѣ.—Объ устраненіи частой перемѣны учебниковъ.—О бесплатныхъ народныхъ читальняхъ.—Объ избраніи попечителей и попечительницъ начальныхъ у—щъ.—Книги, одобренныя Уч. Комитетомъ М—ва Нар. Пр. (8 марта 1891 по февр. 1892 г.).—Программы учительск. институтовъ;—двухклассн. уч—щъ.—Списокъ учительск. институт. и семинарій.—Спеціальныя учебныя завед. различныхъ вѣдомствъ, профессиональныя шк. и ремесленныя училища, —и др. IV. Библиографическій отд. Книги дѣтскія, педагогическія и справочныя, вышедшія въ 1891 г.—Педагогич. и дѣтскіе журналы.—Педагогическія статьи, помѣщенныя а) въ педагогическихъ, б) — духовныхъ и в) — общихъ журналахъ 1891 г.— V. Педагогическій отд.: «Великая Дидактика», Я. А. Коменскаго (изложеніе).— Учебно-воспитательныя завед. для слѣпыхъ, Ѳ. Карякина.—Школьная гигиена и дѣтскія болѣзни.—О «Родительскомъ кружкѣ», въ Спб. и др.

Тамъ-же: «Пед. Календ.» на 1890—91 г. Ц. 20 к. (съ пересылк. 32 к. (марками).—«Пед. Календ.» на 1891—92 г. Ц. 50 к. (съ пересылк. 61 к.).

Всѣ три выпуска—Ц. 1 р., съ пересылк. 1 р. 20 к. Выпуски II и III—ц. 90 к., съ пересылк. 1 р. 10 к.

К. Д. КРАЕВИЧЕМЪ:

Учебникъ Физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ политажами въ текстѣ и налитографированными таблицами. 11-ое изд., исправленное и обработанное. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Основанія Физики. Курсъ женскихъ учебныхъ заведеній, съ политажами въ текстѣ. 9-е изд. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Физика ежедневныхъ явленій. Учебное руководство для городскихъ и двукласныхъ училищъ. Изд. 2-е. Съ политажами. Ц. 70 к., съ пер. 90 к.

Начала Космографіи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ политажами и налитографир. таблицей. 3-е изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Собраніе алгебраическихъ задачъ. 4-е изданіе, содержащее болѣе 4000 задачъ. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Теоретическое изслѣдованіе упругости паровъ въ насыщенномъ состояніи. 1891. Цѣна 80 коп.

8—3

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ“

издаемаго Историческимъ Обществомъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ подъ редакціей Н. И. Карѣва.

Цѣна 2 р. (Складъ при типографіи М. М. Стасюлевича, Петербургъ, Вас. Островъ, 5 линія, д. 28).

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Н. И. Каревъ. «Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи». — *Н. Н. Дебольскій.* «Древне-русскія междукняжескія отношенія по договорамъ». — *А. П. Сапожниковъ.* «Изъ швейцарской юбилейной литературы 1891 г.». — *С. В. Лурье.* «Секта ессеевъ». — *М. М. Ковалскій.* «Учредительное собраніе и борьба венеціанскаго правительства съ его политическими принципами». — *И. М. Гревсъ* и *П. Д. Погодинъ.* «Очерки современного историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа». — *А. С. Вязитинъ.* «Личность и значенія Григорія VII въ исторической литературѣ». — *С. Л. Пташкинъ.* «Новѣйшія польскія сочиненія по польской исторіи конца XVIII вѣка». — Историческая хроника. — Некрологъ. — Новыя книги, доставленныя въ бібліотеку Историческаго Общества. — Письмо Н. А. Рубакина въ редакцію. — Отъ редактора. — Протоколы Историческаго Общества. — Второй дополнительный списокъ членовъ Историческаго Общества.

Имѣются въ продажѣ первые три тома «Историческаго Обзорія».

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

А. М. КАЛМЫКОВОЙ.

Литейный пр., № 60.

Складъ беретъ на себя исполненіе заказовъ на всякія книги и журналы, учебники для всѣхъ учебныхъ заведеній, спеціально на книги для народнаго чтенія, для народныхъ школъ и библиотекъ, высылку волшебныхъ фонарей, картинъ къ нимъ и вообще различныхъ учебныхъ пособій и принадлежностей.

Складъ беретъ на себя: 1) составленіе ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, школьныхъ и народныхъ библиотекъ на различныя суммы, начиная съ 5 рублей; 2) выборъ книгъ и картинъ для чтенія съ волшебнымъ фонаремъ; 3) выборъ книгъ и картинъ для наградъ и для раздачи на школьныхъ праздникахъ; 4) подборъ лучшихъ и наиболѣе дешевыхъ книгъ для продажи крестьянамъ изъ складовъ, устраиваемыхъ земствами и частными лицами.

Въ складѣ имѣется большой запасъ картинъ для волшебнаго фонаря (декалькомани), географическо-этнографическаго содержанія (болѣе ста сюжетовъ). Цѣна полосы 10 к. То-же на стеклѣ 50 к. Заграничныя стѣнные таблицы по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію. Цѣна отъ 10 к. до 1 р. 50 к. за таблицу.

Складомъ рекомендуются:

I. Картины по исторіи.

а) Большая коллекція изъ 45 листовъ (изд. Брауна и Шнейдера въ Мюнхенѣ). Цѣна 4 р. 50 к. Ассирія 1 л., Египетъ 3 л., Персія 1 л., Греція 7 л., Македонія 1 л., Римъ 8 л., Семь чудесъ свѣта 2 л. Содержать:

Сцены изъ домашняго быта, военнаго и религіознаго: До-историческое время. Постройка пирамидъ. Охота персидскихъ царей. Дельфійскій оракулъ. Олимпійскія игры. Греческій театр. Македонская фаланга. Морскія сраженія. Осада города. Тарпейская скала. Переходъ Ганнибала черезъ Альпы. Триумфъ римскаго полководца. Вой въ римскихъ циркахъ. Вандалы въ Римѣ и др.

Группы и фигуры изъ исторіи всѣхъ вѣковъ: Египтяне, Евреи, Персы, Греки, Римляне, Германцы, Франки, короли, папы, епископы, рыцари, монахи, бюргеры, крестьяне, венеціанскій дождь и др.

Малая коллекція изъ главныхъ картинъ того-же изданія 16 листовъ. Цѣна 1 р. 60 к.

б) Двѣнадцать художественныхъ хромофотографированныхъ картинъ изъ Исторіи культуры Лемана. Размѣръ $20 \times 14\frac{1}{2}$ в. Ц. картины 1 р. 60 к.

1. Жилище и хозяйство древняго германца. 2. Рыцарскій замокъ 13-го вѣка. 3. Пѣвецъ въ залѣ рыцарскаго замка. 4. Турниръ. 5. Судилище временъ Карла Великаго. 6. Осада города. 7. Площадь средневѣковаго города. 8. Сцена изъ домашней жизни бюргера 16-го вѣка. 9. Рабочій день въ монастырѣ 10-го вѣка. 10. Вербовка крестьянъ ландскнехтами. 11. Лагерная жизнь въ тридцатилѣтнюю войну. 12. Сцена изъ придворной жизни 18-го вѣка.

II. Картины по географіи и этнографіи.

а) Картина для объясненія главныхъ формъ суши и воды. Изд. Гирта. Размѣръ 26×20 в. Ц. 3 р. Объяснительный текстъ къ картѣ 35 к.

б) Тоже, изд. Шрейбера. Размѣръ 26×20 в. Ц. 2 р. 50 к.

в) Коллекція изъ 14-ти хромофотографированныхъ картинъ. Изд. Шрейбера. Ц. 2 р. 10 к.

1. Формы суши и воды. 2. Жизнь и природа въ горахъ. 3. Жаркая пустыня. 4. Тропическій лѣсъ. 5. Альпійскій ледникъ. 6. Шафгаузенскій водопадъ. 7. Жизнь на днѣ моря. 8. Типы племенъ. 9. Лапландцы. 10. Становище Сѣверо-Американскихъ Индѣйцевъ. 11. Переселенцы въ Америкѣ. 12 и 13. Благоустройство большого города. 14. Почта и желѣзная дорога. Картины могутъ быть приобрѣтены и въ отдѣльности, при требованіи не менѣе десяти экземпляровъ одной и той же картины.

г) Этнографическія художественныя хромофотографированныя картины Лейтемана. Размѣръ $20 \times 14\frac{1}{2}$ в. Ц. 1 р. 50 к. за карт.

Типы человѣческихъ расъ. (Головы въ естественную вышину). Этнографическія группы въ обстановкѣ домашняго быта. 1. Эскимосы. 2. Индѣйцы. 3. Индусы. 4. Китайцы. 5. Австралійцы.

III. Картины по естествознанію.

а) Хромофотографированныя картины по зоологіи Лейтемана. Коллекція изъ 41 стѣн. таблицы. Размѣръ $20 \times 14\frac{1}{2}$ в. Ц. картины 1 р. 30 к.

1. Шимпанзе. 2. Вампиръ. 3. Ежъ и кротъ. 4. Куница и выдра. 5. Бурый медвѣдь. 6. Бѣлый медвѣдь. 7. Волкъ. 8. Лисица. 9. Левъ и львица. 10. Тигръ. 11. Кэнгуру. 12. Вобрь. 13. Дромадеръ. 14. Сѣверный олень. 15. Буйволъ. 16. Слонь. 17. Жирафъ. 18. Тюлень. 19. Китъ. 20. Орелъ. 21. Кондоръ. 22. Иволга и ткачъ. 23. Глухарь. 24. Страусъ. 25. Цапля. 26. Пеликанъ. 27. Черепаха. 28. Крокодилъ. 29. Удавъ и гремучая змѣя. 30. Сомъ и лосось. 31. Осетръ и окунь. 32. Акула. 33. Жуки. 34. Пчела. 35. Шелкопрядъ. 36. Скорпионъ и тарангуль. 37. Крабы и раки. 38. Пиявка и глисты. 39. Каракатица и устрицы. 40. Кораллы. 41. Муха, саранча и др.

Каждая изъ этихъ картинъ можетъ быть приобрѣтена и отдѣльно.

б) Раскрашенныя картины по зоологіи, изд. Шрейбера. Коллекція изъ 20 картинъ. Цѣна 2 р.

1. Левъ. 2. Тигръ. 3. Волкъ. 4. Медвѣдь. 5. Слонь. 6. Носорогъ. 7. Жирафъ. 8. Верблюды. 9. Осель. 10. Муравьеѣдъ. 11. Бѣлка. 12. Моржъ. 13. Страусъ. 14. Сова. 15. Ласточки. 16. Птичьи гнѣзда. 17. Лягушка. 18. Крокодилъ. 19. Вабочки. 20. Низшія животныя. По желанію, коллекція можетъ быть дополнена слѣдующими картинами: 21. Лошадь. 22. Корова. 23. Козы. 24. Овцы. 25. Свиньи. 26. Ежъ. 27. Мыши. 28. Зайцы. 29. Аисты. 30. Голуби. 31. Собака. 32. Кошки. 33. Домашнія птицы.

в) Коллекція по минералогіи изъ 8 таблицъ, изд. Шрейбера. Ц. 1 р. 20 к.

Золото. Серебро. Желѣзо. Мѣдь. Каменный уголь. Мраморъ. Гранитъ и пр.

г) Культурныя растенія. Размѣръ $20 \times 14\frac{1}{2}$ в. Цѣна картины 1 р. 50 к.

Плантаціи: 1) Чай. 2) Кофе. 3) Табаку. 4) Хлопка. 5) Сборъ какао и 6) Сборъ каучука и перца.

д) Коллекція лѣсныхъ и плодовыхъ деревьевъ. Изд. Герольда въ Вѣнѣ. Цѣна каждаго выпуска изъ пяти таблицъ 3 рубля.

Выпускъ 1-й. Оливковое дерево. Букъ. Пирамидальный тополь. Сосна. Дубъ.

Выпускъ 2-й. Липа. Грушевое дерево. Каштанъ. Акація.

Большое изображеніе дерева и отдѣльно: цвѣтъ, плодъ, листъ, сердцевина и пр.

IV. Таблицы по технологіи.

Изд. Вансмута. Размѣръ 20×12 в. Цѣна картины 1 р.

1 и 2. Обработка льна. 3. Доменная печь. 4. Обработка желѣза. 5 и 6. Локомотивъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 г.

НА ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И :

	На годъ.	По полугодіямъ.			По четвертямъ года.		
		Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ конторѣ журнала.	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Съ доставкой въ Сиб.	12 > 50	6 > 50	6 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > 50
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи.	13 > 50	7 > 50	7 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > 50
За границей.	15 > 50	8 > 50	8 > 50	4 > 50	4 > 50	4 > 50	4 > 50

Вмѣсто разсрочки годовой цѣны на журналъ, подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года принимается безъ повышенія годовой цѣны подписки.

П О Д П И С К А П Р И Н И М А Е Т С Я :

Въ С.-Петербургѣ: Въ Главной Конторѣ журнала Троицкая ул., д. № 9. Въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, и въ книжн. маг. Н. П. Карбасникова.

Въ теченіе 1892 г. въ «Съв. Вѣстн.» помѣщены, между прочимъ, слѣдующія вещи: К. С. Баранцевича «ПЕТЕРБУРГСКИЙ СЛУЧАЙ», повѣсть; П. Д. Боборыкина «ТРУПЪ», разсказъ; В. И. Немировичъ-Данченко «СЕВИЛЬЯ», міражи, впечатлѣнія, легенды; Д. Н. Мамина-Сибиряка «ЗОЛОТО», романъ; Ольги Шапиръ «ЗАКОННЫЯ ЖЕНЫ», очеркъ; А. П. Чехова «ЖЕНА», повѣсть; Маріи Башкирцевой «ДНЕВНИКЪ». Стихотворенія: А. Жемчужникова, Н. Минскаго, Д. Михаловскаго, Влад. Соловьева и другихъ. Статьи: л. Весина «НЕУРОЖАИ ВЪ РОССИИ И ИХЪ ГЛАВНЫЯ ПРИЧИНЫ»; проф. Ф. Леонтовича «ГОЛОДОВКИ ВЪ РОССИИ ДО КОНЦА ПРОШЛАГО ВѢКА»; проф. И Луцицкаго «ПОПЫТКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ ВЪ ЛИФЛЯНДИИ»; проф. С. Муромцева «ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ»; проф. Алексѣя Веселовскаго «ПАКАНУНЪ НОВАГО СТОЛѢТІЯ»; проф. П. Виноградова «ВЛІЯНІЕ РЪКЪ НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЦИВИЛИЗАЦІИ»; проф. А. Скворцова «СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ИНСТИТУТЫ»; проф. И. Янжула «ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЕНРИ ДЖОРДЖА КЪ ПАЦЪ ЛЬВУ ХПІ»; М. Манасеиной «ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ УСТАЛОСТИ»; В. Стасова «ДВАДЦАТИЛѢТІЕ ПЕРЕДВИЖНИКОВЪ» и др.; «ОБОЗРѢНІЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСТВЪ И БЪЛОКОНСКАГО ЕЖЕМЯСЯЧНАГО ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ» Макъ-Гаханъ; «ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА» Робертъ де Серизи; «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ» проф. А. Трачевскаго и «ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ» А. Вольнскаго.

Во второмъ полугодіи будутъ помѣщены слѣдующія произведенія: А. Лугового «ГРАНИ ЖИЗНИ», романъ въ 5 частяхъ; М. Н. Альбова «СОРОКОВОЙ БѢСЪ», разсказъ; П. Д. Боборыкина «ПЕРЕДЪ ЧѢМЪ-ТО», изъ дневника современнаго челоѣка; Я. П. Полонскаго «МЕЧТАТЕЛЬ», разсказъ въ стихахъ; А. Эртеля: «АФОНЯ-НИЩИЙ», разсказъ; А. К. Шеллера: «ОБИДА», романъ; Леффлеръ герц. ди Кайяелло «ВОСПОМИНАНІЯ О СОВМѢСТНОЙ ЖИЗНИ СЪ СОФІЕЙ КОВАЛЕВСКОЙ» (переводъ со шведскаго, съ рукописи) и друг. Статьи: проф. Максима Ковалевскаго «КАВАЛЕРЫ И КРУГЛОГоловыЕ»; проф. К. Тимирязева «БОРЬБА РАСТЕНІЙ СЪ ЗАСУХОЮ»; А. Пругавина «ЧТО РАЗНОСЯТЪ ОФЕНИ И КНИГОНОШИ ВЪ СВОИХЪ КОРОБАХЪ»; А. Кони «О БУРѢ ШЕКСПИРА»; Н. Минскаго «ГЕНРИХЪ ИБСЕНЪ И ЕГО ДРАМЫ»; А. Вольнскаго «НѢСКОЛЬКО РУССКИХЪ СОЧИНЕНІЙ ПО ФИЛОСОФІИ (Соч. Лопатина, Козлова, Лесевича, В. Соловьева и Страхова)»; Статьи проф. Стороженно, проф. Тарханова, В. Спасовича и ин. др.

Издательница Л. Я. Гуревичъ.

Редакторъ М. Н. Альбовъ.

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ

изданія Я. Г. ГУРЕВИЧА:

- 1) **Исторія Греціи и Рима.** (Курсъ систематическій). Изданіе 5-е. Цѣна 1 р.
- 2) **Обзоръ главныхъ явленій средней исторіи по вѣкамъ.** Цѣна 60 к.
- 3) **Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи.** Т. I, изданіе 3-е. Цѣна 2 р. 50 к.
- 4) То-же. Т. II, изданіе 2-е. Цѣна 2 р.
- 5) **Историческая хрестоматія по русской исторіи,** составленная Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Т. I, изданіе 3-е. Цѣна 1 р. 75 к. Т. II, изд. 3-е. Цѣна 2 р. 25 коп.
- 6) **Историческая хрестоматія по русской исторіи** (Время Петра Великаго), составленная Я. Г. Гуревичемъ. Т. 3-й, изданіе 1-е. Цѣна 2 р. 25 к.
- 7) **Сравнительно конспективныя таблицы по новой и новѣйшей исторіи.** Цѣна 80 к.
- 8) **Происхожденіе войны за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи.** Сочиненіе Я. Г. Гуревича. Цѣна 1 р.
- 9) **Значеніе царствованія Людовика XIV и его личности.** Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 20-го сентября 1885 г. приватъ-доцентомъ Я. Г. Гуревичемъ. Цѣна 20 к.
- 10) **Общій очеркъ исторіи Европы Эдуарда Фримана.** Переводъ съ 5-го англійскаго изданія подъ редакціею Я. Г. Гуревича. Цѣна 1 руб.

Складъ всѣхъ означенныхъ изданій находится **исключительно** въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (С.-Петербургъ, Литейный просп., д. № 48). При покупкѣ всѣхъ изданій на сумму 150 р. уступка 30%, при покупкѣ 10 экз. 25%.

собіе для учителей сельскихъ школъ. Составилъ С. Рачинскій. Москва. 1892. Цѣна 30 коп. **З. Б. Вулиха**; 9) Линбергъ. Стѣнная карта полушарій. Москва, книжный магазинъ Дейбнера. 1892. **А. Ф. Соколова**

249—310

18. **Педагогическая хроника**: 1) Изъ бюджета прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, духовныхъ и медицинскіихъ дѣлъ на 1892—1893 учебный годъ. **К. М.**; 2) Хроника народнаго образованія. **Я. В. Абрамова**; 3) Учительскій персоналъ земскихъ школъ Тверской губерніи. **К. В.—ва**; 4) Въ Московскомъ Комитетѣ грамотности. Засѣданіе 28-го апрѣля и 5-го мая 1892 г. **Н. Т.—ва**; 5) Въ Петербургскомъ Комитетѣ грамотности. Засѣданіе 14-го апрѣля 1892 г. **В. Д.**; 6) Пожертвованія служащихъ С.-Петербургскаго учебнаго округа на пособія учащимъ и учащимся въ народныхъ школахъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ

311—337

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

а) Для подписчиковъ:

1) Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность предъ подписчиками за своевременную доставку лишь въ томъ случаѣ, если подписка адресована непосредственно на ея имя. Всякая корреспонденція можетъ быть адресована такъ: Въ Редакцію «Русской Школы», С.-Петербургъ (адресъ почтамту извѣстенъ).

2) При сообщеніи адреса, куда слѣдуетъ высылать журналъ, должны быть четко обозначены: имя, отчество и фамилія, а также точный адресъ подписчика, т.-е. должны быть обозначены губернія, уѣздъ и ближайшее почтовое учрежденіе, въ которомъ допущена выдача журналовъ.

3) Жалобы на неполученіе какого-либо нумера журнала слѣдуетъ высылать не позже, чѣмъ черезъ мѣсяць по выходѣ въ свѣтъ неполученнаго нумера; кромѣ того, жалоба должна быть удостовѣрена мѣстною почтовою конторой. При неисполненіи этихъ двухъ условій претензія подписчика, по почтовымъ правиламъ, не можетъ быть удовлетворена.

4) Въ случаѣ перемѣны адреса въ заявленіи объ этомъ долженъ быть сообщенъ также и прежній адресъ подписчика; кромѣ того, при заявленіи должно быть приложено 50 коп. почтовыми марками.

5) Гг. сельскимъ учителямъ и учительницамъ, а также учителямъ городскихъ начальныхъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступки и, кромѣ того, допускается разсрочка платежа: три рубля должны быть внесены при подпискѣ, а остальные три рубля высланы не позже 1-го іюня; въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ приостановлена.

б) Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на таковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки на самой рукописи, подъ заглавіемъ оной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана за тою подписью, которую авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати, о чемъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи, подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя только за счетъ автора, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною бандеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства; свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ черезъ мѣсяць, и не позже, чѣмъ черезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.

Продолжается подписка на 1892 годъ
на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Я. Г. ГУРЕВИЧА.

Въ текущемъ 1892 году журналъ „Русская Школа“ продолжаетъ издаваться по той-же программѣ и при томъ-же составѣ сотрудниковъ, что и въ истекшемъ 1891 году. Журналъ выходитъ **ЕЖЕМѢСЯЧНО** книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**ШЕСТЬ** рублей въ годъ; съ доставкою **ШЕСТЬ** рублей пятьдесятъ коп.; для иногородныхъ съ пересылкою **СЕМЬ** рублей; съ пересылкою за границу **ДЕВЯТЬ** рублей.

Въ «Русской Школѣ» принимаютъ участіе слѣд. лица: Я. В. Абрамовъ, И. Ѳ. Анненскій, М. А. Антоновичъ, В. Л. Бернштаммъ, Н. И. Билибинъ, С. А. Бобровскій, С. К. Буличъ, И. П. Бѣлоконскій, проф. Д. Ѳ. Бѣляевъ, проф. Н. И. Быстровъ, проф. Н. П. Вагнеръ, проф. В. Г. Васильевскій. П. И. Вейнбергъ, Н. Х. Вессель, Е. Н. Водовозова, В. А. Воскресенскій, З. Б. Вулихъ, Е. М. Гаршинъ, В. П. Геннингъ, М. Ю. Гольдштейнъ, В. В. Гориневскій, Н. Г. Дебольскій, В. В. Девель, М. И. Демковъ, П. В. Засодимскій, К. А. Ивановъ, проф. Д. Н. Кайгородовъ, А. М. Калмыкова, П. Ѳ. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Я. И. Ковальскій, проф. Ю. А. Кулаковскій, проф. Н. Н. Ланге, проф. П. Ф. Лесгафтъ, І. Э. Мандельштаммъ, П. Г. Мижуевъ, К. Н. Модзалевскій, проф. В. И. Модестовъ, П. О. Морозовъ, В. А. Мякотинъ, Л. Е. Оболенскій, проф. Н. А. Осокинъ, А. Н. Острогорскій, В. П. Острогорскій, О. Х. Павловичъ, І. И. Паульсонъ, М. Л. Песковскій, Н. И. Позняковъ, Д. Д. Семеновъ, В. Д. Сиповскій, К. И. Сентъ-Иллеръ, А. Ѳ. Соколовъ, В. И. Срезневскій, А. Н. Страннолюбскій, проф. А. С. Трачевскій, А. М. Тютрюмовъ, К. Ю. Цируль, Вл. А. Шидловскій, проф. В. А. Шидловскій, С. И. Шохоръ-Троцкій, проф. Эрисманъ и нѣкоторые другіе.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, «Новаго Времени», а также и въ книжномъ складѣ Калмыковой.

Подписка на 1890 г., за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ, преобразована.

За 1891 годъ имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.